

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

II

2024

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 2 / 2024

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2

*Свидетельство о
регистрации*

Эл № ФС77-59844
от 17 ноября 2014

ISSN

2542-212X

Периодичность

4 раза в год

Учредитель/Издатель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Кабардино-Балкарский государ-
ственный университет
им. Х.М. Бербекова»

E-mail редакции

caucasology.kbsu@gmail.com

URL-адрес издания

[http://www.kbsu.ru/nauchnye-
izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/](http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/)

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, советник директора, руководитель научной части Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афаковна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллари Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, advisor to the director, head of the scientific part, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Grozny, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор
Абазов Алексей Хасанович
доктор исторических наук

Заместитель главного редактора
Кажаров Артур Гусманович
доктор исторических наук

Ответственный секретарь, редактор текстов на английском языке
Ашхотова Алина Пшимурзовна

Редакционная коллегия:

Аккиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук;
Албогачиева Макка Султан-Гиреевна – доктор исторических наук;
Аликаев Рашид Султанович – доктор филологических наук, профессор;
Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор;
Баразбиев Муслим Исмаилович – кандидат исторических наук;
Бауаев Казим Каллетович – доктор филологических наук, доцент;
Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, профессор;
Берберов Бурхан Абуюсуфович – доктор филологических наук;
Бижева Зара Хаджимуратовна – доктор филологических наук, профессор;
Бижоев Борис Чамалович – доктор филологических наук;
Бозиева Наима Борисовна – кандидат филологических наук;
Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, доцент;
Борова Асият Руслановна – доктор филологических наук;
Бухуров Мухамед Фуадович – кандидат филологических наук;
Геграев Хаким Камильевич – кандидат исторических наук;
Гутов Адам Мухамедович – доктор филологических наук, профессор;
Дзамихов Касболат Фицевич – доктор исторических наук, профессор;
Канукова Залина Владимировна – доктор исторических наук, профессор;
Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук;
Кудаева Зинаида Жантемировна – доктор филологических наук, доцент;
Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор;
Кучукова Зухра Ахметовна – доктор филологических наук, профессор;
Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук;
Лобанов Владимир Борисович – кандидат исторических наук;
Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор;
Муратова Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор;
Нальчикова Елена Аниуаровна – кандидат исторических наук, доцент;
Прасолов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент;
Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич – доктор исторических наук, профессор;
Сокаева Диана Вайнерова – доктор филологических наук;
Тамазов Муслим Султанович – кандидат исторических наук;
Текуева Мадина Анатольевна – доктор исторических наук, доцент;
Тимижев Хамиша Тарканович – доктор филологических наук, профессор;
Тумов Аскер Асланбекович – кандидат исторических наук;
Узденова Фатима Таулановна – доктор филологических наук;
Улаков Махти Зейтунович – доктор филологических наук, профессор;
Хавжокова Людмила Борисовна – кандидат филологических наук;
Хараева Лариса Ханбиевна – доктор филологических наук, профессор.

Editor-in-Chief

Abazov Alexey Khasanovich

doctor of science (history)

Deputy Editor-in-Chief

Kazharov Artur Gusmanovich

doctor of science (history), associate professor

Executive Secretary, English text editor

Ashkhotova Alina Pshimurzovna

Editorial board:

Akkieva Svetlana Ismailovna – doctor of science (history);
Albogachieva Makka Sultan-Gireevna – doctor of science (history);
Alikaev Rashid Sultanovich – doctor of science (philology), professor;
Astvatsaturova Maya Artashesovna – doctor of science (political science), professor;
Barazbiev Muslim Ismailovich – candidate of sciences (history);
Bauaev Kazim Kalletovich – doctor of science (philology), associate professor;
Bashieva Svetlana Konakbievna – doctor of science (philology), professor;
Berberov Burkhan Abuyusufovich – doctor of science (philology);
Bizheva Zara Khadzhimuratovna – doctor of science (philology), professor;
Bizhoev Boris Chamalovich – doctor of science (philology);
Bozieva Naima Borisovna – candidate of sciences (philology);
Borov Aslan Khazhismelovich – candidate of sciences (history), associate professor;
Borova Asiyat Ruslanovna – doctor of science (philology);
Bukhurov Muhamed Fuadovich – candidate of sciences (philology);
Gegraev Hakim Kamilevich – candidate of sciences (history);
Gutov Adam Mukhamedovich – doctor of science (philology), professor;
Dzamikhov Kasbolat Fitzevich – doctor of science (history), professor;
Kanukova Zalina Vladimirovna – doctor of science (history), professor;
Ketenchiev Mussa Bakhautdinovich – doctor of science (philology);
Kudaeva Zinaida Zhantemirovna – doctor of science (philology), associate professor;
Kuzminov Petr Abramovich – doctor of science (history), professor;
Kuchukova Zukhra Akhmetovna – doctor of science (philology), professor;
Kushkhabiev Anzor Viktorovich – doctor of science (history);
Lobanov Vladimir Borisovich – candidate of sciences (history);
Mamsirov Khamitbi Borisovich – doctor of science (history), professor;
Muratova Elena Georgievna – doctor of science (history), professor;
Nalchikova Elena Aniuarovna – candidate of sciences (history), associate professor;
Prasolov Dmitry Nikolaevich – candidate of sciences (history), associate professor;
Sabanchiev Haji-Murat Alekseevich – doctor of science (history), professor;
Sokaeva Diana Vainerova – doctor of science (philology);
Tamazov Muslim Sultanovich – candidate of sciences (history);
Tekueva Madina Anatolyevna – doctor of science (history), associate professor;
Timizhev Khamisha Tarkanovich – doctor of science (philology), professor;
Tumov Asker Aslanbekovich – candidate of sciences (history);
Uzdenova Fatima Taulanovna – doctor of science (philology);
Ulakov Makhti Zeitunovich – doctor of science (philology), professor;
Khavzhokova Lyudmila Borisovna – candidate of sciences (philology);
Kharaeva Larisa Khanbievna – doctor of science (philology), professor.

СОДЕРЖАНИЕ***ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ*****Археология и древняя история****Гучапшева Л.Х.**

Этноархеологическое изучение памятников эпохи бронзы
Центрального Предкавказья (на примере Камлюкского кургана) **16-47**

Средневековая и новая история**Иванов Г.Д.**

К вопросу о деятельности экзекуторов в составе
Кабардинского временного суда в 1822–1858 годах **48-62**

Новейшая история**Яхутль Ю.А.**

От имперского к советскому школьному образованию:
проблемы становления трудовой школы на Кубани в 1920 году **63-83**

Диривянкина М.С.

Эволюция репрессивной политики большевиков в 1920–1924 гг.
на примере Кубано–Черноморской области **84-100**

Бабич И.Л.

«Народная партия горцев Кавказа»:
идеология, деятельность и кризисы **101-127**

Боров А.Х.

Демография и развитие: исторический опыт и актуальные проблемы
Кабардино-Балкарской Республики **128-160**

Сефербеков Р.И., Магомедов Ю.А., Сефербеков М.Р.

Дагестан в составе России: основные этапы и опыт политической,
экономической и культурной интеграции **161-176**

Этнология, антропология и этнография**Байчекуева А.Ж.**

К вопросу об исполнении долговых обязательств
в системе регулирования общественных отношений у балкарцев
в последней трети XIX – начале XX века **177-187**

Историография, источниковедение, методы исторического исследования**Яковлев В.В.**

Свидетельства Джона Белла

о князе Александре Бековиче-Черкасском и его походе в Хиву

188-201**Кушхабиев А.В.**

Правила переселения народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в Османскую империю в российских документах

2-й половины XIX века

202-221**Кузьминов П.А., Тлостанов Э.З.**

Дореволюционные историографические источники

об административно-правовой политике России на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.

222-247**Лобанов В.Б.**

Терек и Дагестан на рубеже 1917-1918 гг. в описании

генерала А.И. Деникина

248-256**Мирзоев З.Т.**

Планово-учетная деятельность и периодическая отчетность прокуратуры Кабардино-Балкарской автономной области в 1925–1926 гг.:

особенности и перспективы источниковедческого анализа

257-268**Кулиш Н.Ю.**

Черкешенки и советская власть: о ходе «раскрепощения горянки» на страницах журнала «Труженица Северного Кавказа» (1925-1927 гг.)

269-282**Тетуев А.И.**

Повседневная жизнь населения Кабардино-Балкарии

в годы Великой Отечественной войны: историография, источники

283-313**ФИЛОЛОГИЯ****Литература народов Российской Федерации
(литература народов Северного Кавказа)****Бауаев К.К.**

Национальная специфика и классовое искусство:

от многообразия к унитаризму

314-324**Узденова Ф.Т.**

Особенности мемуарной прозы А. Урусовой (на примере книги

«Ёмюр танышланы сагъыныу» («Воспоминания о современниках»))

325-337

Хьэвжокъуэ Л.Б.

Къэщэж Иннэ лъэпкъ гупсысэкIэ псыхьа и усыгъэм урысейпсо
щэнхабзэм щиубыд увыпIэр
(УсакIуэр кызыралхурэ илъэс 80 щрикъум ирихьэлIэу)

338-355

Фольклористика**Борокова Л.А.**

Из истории сбора, публикации и осмысления
абазинской сказочной прозы

356-369

Халипаева И.А., Берберов Б.А., Гутов А.М.

«Книга отца нашего Коркута» в детской литературе

370-379

**Языки народов Российской Федерации
(языки народов Северного Кавказа)****Ахматова М.А., Улаков М.З., Хуболов С.М.**

Устаревшая лексика в карачаево-балкарском нартском эпосе

380-394

Кабардокова Л.М.

Лексико-семантическое поле слова *дуния* 'мир, вселенная'
в карачаево-балкарском языке

395-408

Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К., Мизиев А.М.

Полиаспектный анализ зоолексемы бёрю 'волк'
в карачаево-балкарском языке

409-423

Кремшокалова М.Ч., Урусов Р.Х.

Процессуальный код культуры
в кабардинских пословицах и поговорках

424-433

Мусаева Р.А.

Ономастическое пространство произведений Расула Гамзатова

434-445

Теркулов В.И.

Базовые понятия лингвоэтнологического подхода
к идентификации личности

446-455

Хуранова Л.А.

Языковые особенности молодежных субкультур
(на примере субкультуры эмо)

456-467

**Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика**

Бозиев А.Т., Кенетова Р.Б., Хашхожева З.Т.

О некоторых фонетических особенностях спонтанной речи
(на материале английского и кабардино-черкесского языков)

468-479

Даниева А.С., Багировов Х.З.

Искусствоведческий дискурс в языковом пространстве:
когнитивные структуры сознания А.Ш. Пашаева

480-491

Дзасежева Л.Х.

Метафорический потенциал лексем «нэ» и «eyes»
в кабардино-черкесском и английском языках

492-505

Карданов М.Л., Хараева Л.Х.

Акустический мутагенез в современном кабардинском языке

506-515

Наши авторы

516-520

CONTENTS

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY

Archaeology and ancient history

Guchapsheva L.Kh.

Ethnoarcheological study of bronze age monuments
of the Central Ciscaucasus (based on the example of the Kamluk burgal) **16-47**

Medieval and modern history

Ivanov G.D.

On the issue of the activities of the executors as part
of Kabardian provisional court in 1822-1858 **48-62**

Contemporary history

Yakhutl Y.A.

From imperial to soviet school education:
problems of the formation of a labor school in the Kuban in 1920 **63-83**

Dirivyankina M.S.

The evolution of repressive policies of the Bolsheviks in 1920–1924
on the example of Kuban-Black Sea region **84-100**

Babich I.L.

The "people's party of the Mountaineers of the Caucasus":
ideology, activities and crises **101-127**

Borov A.Kh.

Demography and development: historical experience and current problems
of the Kabardino-Balkarian Republic **128-160**

Seferbekov R.I., Magomedov Yu.A., Seferbekov M.R.

Dagestan as part of Russia: the main stages and experience of political,
economic and cultural integration **161-176**

Ethnology, anthropology and ethnography

Baichekueva A.Zh.

On the issue of debt fulfillment in the system of regulation
of public relations among the Balkars
in the last third of the XIX – early XX century **177-187**

Historiography, source studies, methods of historical research**Yakovlev V.V.**

John Bell's accounts on prince Alexander Bekovich-Cherkassky
and his campaign to Khiva

188-201**Kushkhabiev A.V.**

Rules for emigration of peoples of the Northwestern and Central Caucasus
to the Ottoman Empire in the Russian documents
of the 2nd half of the 19th century

202-221**Kuzminov P.A., Tlostanov E.Z.**

Prerevolutionary historiographical sources of administrative
and legal integration of the North Caucasus to Russia
in the second half of the XIX – early XX centuries

222-247**Lobanov V.B.**

Terek and Dagestan at the turn of 1917-1918. in the description
of general A.I. Denikin

248-256**Mirzoev Z.T.**

Planning and accounting activities and periodic reporting
of the prosecutor's office of the Kabardino-Balkarian autonomous region
in 1925-1926: features and prospects of source analysis

257-268**Kulish N.Yu.**

Circassian women and the soviet power: on the course of “mountain
women’s liberation” on the pages of the magazine «Truzhenitsa
Severnogo Kavkaza» (1925-1927)

269-282**Tetuev A.I.**

Daily life of the population of Kabardino-Balkaria during
the Great Patriotic war: historiography, sources

283-313**PHILOLOGY**

**Literature of the peoples of the Russian Federation
(literature of the peoples of the North Caucasus)**

Bauaev K.K.

National specificity and Class Art: from Diversity to Unitarianism

314-324**Uzdenova F.T.**

Features of A. Urusova's memoir prose (based on the example
of the book “Memories of contemporaries”)

325-337

Khavzhokova L.B.

Poetic ethnocode of Inna Kashezheva in the All-Russian cultural space
(To the 80th anniversary of the birth of the poetess)

338-355

Folklore studies**Borokova L.A.**

From the history of collection, publication, comprehension
of abaza fairy-tale prose

356-369

Khalipaeva I.A., Berberov B.A., Gutov A.M.

«The Book of our Father Korkut» in children's Literature

370-379

**Languages of the peoples of the Russian Federation
(languages of the peoples of the North Caucasus)**

Akhmatova M.A., Ulakov M.Z., Khubolov S.M.

Outdated vocabulary in the karachay-balkarian nart epic

380-394

Kabardokova L.M.

The lexical and semantic field of the word *duniya* 'world, universe'
in the karachay-balkar language

395-408

Ketenchiev M.B., Appoev A.K., Miziev A.M.

Multidimensional analysis of the zoolexeme *börü* 'wolf'
in the karachay-balkar language

409-423

Kremshokalova M.Ch., Urusov R.Kh.

The procedural code of culture in kabardian proverbs and sayings

424-433

Musayeva R.A.

Onomastic space of Rasul Gamzatov's works

434-445

Terkulov V.I.

Basic concepts of the linguoethnological approach
to personal identification

446-455

Khuranova L.A.

Language features of domestic youth sub-cultures
(based on the example of emo subculture)

456-467

Theoretical, applied and comparative linguistics**Boziev A.T., Kenetova R.B., Khashozheva Z.T.**

On some phonetic features of spontaneous speech
(based on the English and Kabardian-Circassian languages)

468-479

Danieva A.S., Bagirokov H.Z.

Art criticism discourse in the linguistic space:
cognitive structures of consciousness by A.S. Pashaev

480-491

Dzasezheva L.Kh.

The metaphorical potential of the lexemes "ne" and "eyes"
in the Kabardino-Circassian and English languages

492-505

Kardanov M.L., Kharaeva L.Kh.

Acoustic mutagenesis in the modern Kabardian language

506-515

Our authors

516-520

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Археология и древняя история**

Научная статья

УДК 39(393.1)+94(470.64)

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-16-47

EDN: AAAJJU

**ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ
ЭПОХИ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ
(НА ПРИМЕРЕ КАМЛЮКСКОГО КУРГАНА)****Лина Хизировна Гучапшева**Кабардино-Балкарский научный центр РАН, Нальчик, Россия, mamhego-va.lina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6279-4746>

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы этногенетической интерпретации археологических культур и хронологического определения погребальных комплексов на примере Камлюкского кургана. В качестве источника привлечены материалы, хранящиеся в научном архиве Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Представлен небольшой историографический обзор по истории изучения и открытия археологических памятников на территории Кабардино-Балкарии. В исследовании применены методы этнологического и археологического изучения, и используется понятие «этноархеология». Выделяются типологические особенности захоронений, сопоставляются и анализируются схожие и отличительные признаки, дается этнографическое описание погребального обряда. Рассматривается вопрос соотношения понятий «археологическая культура» и «этнос». Проблема этнической принадлежности строителей погребальных комплексов рассматривается в тесной связи с древними археологическими культурами эпохи бронзы (майкопская и северокавказская) и этническими общностями, которые издревле проживали на данной территории. Акцентируется внимание на необходимости дополнительных исследований с учетом междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: этногенетическое исследование; Камлюкский курган; Северокавказская культура; Майкопская культура; погребальный обряд; этноархеология; хронология; эпоха бронзы, этнографическое описание, этнология.

Для цитирования: Гучапшева Л.Х. Этноархеологическое изучение памятников эпохи бронзы Центрального Предкавказья (на примере Камлюкского кургана) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 16-47. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-16-47. EDN: AAAJJU.

© Гучапшева Л.Х., 2024

Original article

**ETHNOARCHEOLOGICAL STUDY OF BRONZE AGE MONUMENTS
OF THE CENTRAL CIS-CAUCASUS
(BASED ON THE EXAMPLE OF THE KAMLUK BURGAL)**

Lina Kh. Guchapsheva

Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Nalchik, Russia, mamhegova.lina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6279-4746>

Abstract. The article discusses the problems of ethnogenetic interpretation of archaeological cultures and the chronological determination of burial complexes using the example of the Kamlyuk mound. The source used is materials stored in the scientific archive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. A short historiographical review of the history of the study and discovery of archaeological monuments on the territory of Kabardino-Balkaria is presented. The study applies methods of ethnographic and archaeological study, and uses the concept of “ethnoarchaeology”. Typological features of burials are highlighted, similar and distinctive features are compared and analyzed, and an ethnographic description of the funeral rite is given. The question of the relationship between the concepts of “archaeological culture” and “ethnicity” is considered. The ethnicity of burial complex builders is discussed in relation to ancient Bronze Age archaeological cultures (Maikop and North Caucasus) and the ethnic communities that have lived in this territory since antiquity. Attention is focused on the need for additional research, considering an interdisciplinary approach.

Keywords: ethnogenetic research; Kamlyuk mound; North Caucasian culture; Maykop culture; funeral rite; ethnoarchaeology; chronology; Bronze Age, ethnographic description, ethnology.

For citation: Guchapsheva L.Kh. Ethnoarcheological study of bronze age monuments of the Central Ciscaucasus (based on the example of the Kamlyuk mound). In: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 16-47. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-16-47. EDN: AAAJUU.

© Guchapsheva L.Kh., 2024

Введение

После распада Советского союза в национальных республиках был запущен процесс самоопределения, усилился интерес к этнической истории, происхождению и развитию самобытной культуры. В период политической нестабильности, глубокого идеологического кризиса, мировой глобализации и унификации культур исследование проблемы этногенеза рассматривалось научными кругами как необходимое условие для сохранения культуры и этнической идентичности малочисленных этносов. В постсоветском научном пространстве появились публикации по этногенезу народов Северного Кавказа: осетин [Гутнов 1991: 229-237; Гутнов 2011; Догузов 1992: 12-26; Ковалевская 2005]; адыго-абхазов [Бетров 1990; Бетров 1991; Бетров 1998; Цвинария 1990; Ловпаче 1997]; балкаро-карачаевцев [Калоев 1994; Мизиев 1991], нахско-дагестанских народов [Федоров 1996; Марковин 1991; Алиев 2011] и др.

Данные работы основывались на историко-этнографических, археологических, лингвистических и фольклорных данных. Результаты научных изысканий привели к появлению множества различных гипотез и суждений, однако вопрос все же остался открытым, поскольку процесс изучения этногенеза и этнической истории народов сопряжен со многими трудностями (ограниченность или скудность письменных источников, недостаточная разработанность общетеоретических проблем, отсутствие единой методологии) и т.д. В данных условиях исследователям приходится каждый раз обращаться к той информации, кото-

рую нам предоставляют, в первую очередь, археология и этнология, поскольку они дают возможность проникнуть в ранние этапы этнической истории.

В данном контексте важным источником для изучения древней истории и решения широкого круга исследовательских проблем выступает археологический памятник. «Нередко это практически единственный источник для подобных реконструкций, особенно при отсутствии или скудности письменных источников» [Дворников 2011: 62].

Под термином «археологические источники», по утвердившемуся мнению, следует понимать остатки материальной культуры, выявленные в ходе археологических работ. В это определение можно включить и результаты их изучения, которые представляют собой данные стратиграфии, чертежей, иллюстраций, документов. Согласно И.Г. Маркову, «диапазон вещественных объектов исследования, попадающих под определение «археологический источник», достаточно широк. Он включает, как единичные предметы и объекты, например орудия труда, украшения, наскальную живопись, так и целые археологические комплексы-курганы, древние поселения, могильники и городища» [Марков 2018: 32].

Как важная и неотъемлемая часть культурного наследия, такие комплексные сооружения очень часто оказываются в поле зрения этнологической науки. Многие регионы России богаты уникальными историческими памятниками, в их числе и Северный Кавказ [Юринов 2020: 181-182].

Эта территория, где происходили важные культурно-исторические процессы, которые оказали влияние на особенности хозяйственной деятельности, сформировали антропологический и культурно-генетический код народов, населяющих данную местность. Сложные пути эволюции этносов в результате миграций и этнокультурных взаимодействий отразились и на лингвистическом разнообразии региона.

Накопленные десятилетиями археологические материалы свидетельствуют о том, что Северный Кавказ был одним из древнейших металлургических центров в мире, наряду с Передней Азией (Междуречье р. Тигр и р. Евфрат) и Древней Анатолией (территория современной Турции).

Большое количество памятников эпохи бронзы найдены по всей территории региона на протяжении достаточно длительного периода изучения, начиная с конца XIX в. до наших дней. Останавливаться и анализировать эти результаты мы не будем, поскольку в научной литературе они давно известны и основательно разработаны. В контексте нашего исследования большой интерес представляют такие археологические памятники, как разновременные погребения, встречающиеся в отдельном погребальном комплексе – кургане.

Цель данной статьи – проанализировать погребальный комплекс Камлюкского кургана, сравнить советскую и современную методики определения хронологических рамок археологических культур и установить отличия, обозначить изменения, верифицировать культурную принадлежность погребений Камлюкского кургана.

Задачи исследования: выявить типологические особенности погребений; определить хронологические рамки погребальных комплексов Камлюкского

кургана с учетом новых подходов и исследований; провести этнологическое исследование и выявить особенности погребальной обрядности; изучить и определить подходы при обосновании этнической составляющей археологических культур.

Камлюкский курган исследуется как отдельный пример или образец определенного комплекса археологических памятников, выявленных на обширной территории Центрального Предкавказья и относящихся к конкретной археологической культуре. Вопрос рассматривается с точки зрения того, что археологический памятник является наследием устоявшейся археологической традиции, а этнос рассматривается с позиции вероятностного совпадения или отождествления с определенной археологической культурой. Аналогичные, схожие с Камлюкскими погребениями памятники (с каменными ящиками) были исследованы на территории Центрального Предкавказья и Пятигорья еще в советское время: погребения близ с. Верхний Акбаш, курган у аула Хатажукинский, курган № 8 у ст. Келермесской, курган у ст. Петропавловской, курган № 1 у сел. Старый Урух и пр. [Чеченов 1965: 302].

По словам И.М. Чеченова, «эволюция погребального обряда в зависимости от стратиграфического уровня могил, а также наличие в кургане одновременно каменной обкладки с опорой и кромлеха, относят Камлюкский курган к числу весьма интересных по конструкции погребальных памятников, заслуживающих тщательного исследования» [Чеченов 1965: 302].

Актуальность выбранной темы объясняется тем, что в настоящее время назрела необходимость в пересмотре и дополнении некоторых аспектов, ранее исследованных памятников. Можно выделить несколько причин, объясняющих значимость проведения данного исследования.

1. На современном этапе развития науки в вопросе определения хронологических рамок археологических культур произошли существенные изменения. В связи с появлением новых методов исследования (радиоуглеродный, радиоуглеродный) ранее признанные и доминировавшие в советской и отечественной историографии суждения подвергаются корректировке.

2. Этнографическое описание, анализ погребальной обрядности Камлюкского кургана не входили в круг интересов отечественных ученых, ранее обращавшихся к их изучению, проводилось лишь археологическое исследование.

3. В этнологической и археологической науке остро стоит проблема определения этнической принадлежности как «носителей» археологических культур, так и «строителей» археологических памятников. Ведутся дискуссии о правомочности использования такой аналогии как «археологическая культура – этнос».

Камлюкский курган был обнаружен в полуразрушенном состоянии, и по некоторым погребениям имеющаяся информация недостаточно полная, но это не должно снижать исследовательский интерес, археологическую значимость объекта и степень доверия к нему как к источнику. В этом вопросе мы солидарны с отечественным археологом В.А. Алекшиным, который утверждает: «Нельзя игнорировать разрушенные и разграбленные захоронения, а также

могильники, раскопанные много лет назад. Все эти материалы необходимо тщательно проанализировать, чтобы извлечь из них тот объем информации, который в них еще сохранился» [Алексин 1981: 8].

Данное утверждение и обозначенные выше положения обуславливают актуальность и новизну данной статьи.

Объектом изучения является Камлюкский курган эпохи средней бронзы Центрального Предкавказья.

Предметом исследования являются погребальные сооружения, остатки захоронений, вещественные артефакты и погребальная обрядность.

Обозначенные нами проблемы находятся на стыке двух наук: археологии и этнологии, отсюда закономерно вытекает использование нами термина «этноархеология».

Данный термин появился в науке во второй половине XX в. и получил свое развитие в результате интеграции археологических и этнологических исследований. Это в свою очередь привело к возможности решения большого круга проблем по истории культуры и общества с использованием археологического и этнологического подходов. С конца 1970-х гг. происходило наращивание теоретических и историографических исследований в области объединения археологических и этнографических знаний (работы С.А. Арутюнова, В.В. Боброва, В.Б. Богомолова, И.Г. Глушакова, А.В. Головнева, А.В. Жука, Л.С. Клейна, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова, А.М. Хазанова и др.). Группы исследователей – этноархеологов сложились в Москве, Омске, Кемерове, Сургуте, Ижевске, Томске и некоторых других городах России [Томилов 2001: 23]. Также следует отметить IX Международный научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований», который проходил с 20 по 23 сентября 2001 г. в Нальчике под председательством Н.А. Томилова – академика, профессора, член-корр. РАН. По результатам семинара вышел сборник научных трудов «Интеграция археологических и этнографических исследований», Нальчик – Омск, 2001.

Методы исследования. Использование этно-археологической методики вместе с другими методами исследований является перспективной для анализа и интерпретации памятников бронзового века Кабардино-Балкарии. В данной статье используется *метод археолого-этнографического моделирования*. Суть данного метода заключается в проведении исследования путем использования археолого-этнографического сопоставления, а также этнографического осмысления археологических остатков и ситуаций, анализа и синтеза функциональных связей для воссоздания и реконструкции археологического бытия.

Этнографические свидетельства позволяют вложить в погребальный обряд реальное историческое значение, реконструировать прошлое, используя мировоззренческие и этнопсихологические особенности мышления древнего общества.

По словам известного археолога Л.С. Клейна: «Чтобы реконструировать прошлое, восстановить исторический процесс, каждая из источниковедческих наук нуждается в других. И этнология, и археология поставляют свои выводы истории, социологии, культурной антропологии и для понимания своих

материалов постоянно обращаются к этим синтезирующим наукам, заимствуя, таким образом, информацию, поставленную теми, другими источниковедческими науками и переработанную синтезом. В этом нуждаются обе науки – и археология, и этнография» [Клейн 1998: 97-105].

Изучение археологических культур, в большинстве случаев, ведется на основе анализа погребального обряда и рассматривается в двух аспектах: знаково-символическом и структурно-аналитическом. Погребальный объект, по сути, является овеществленным итогом самого действия – погребальной церемонии. В рамках лишь одной археологии невозможно восстановить этот процесс, который предполагает наличие культовой обрядности. В такой ситуации на помощь приходит этнология. После проведения тщательного исследования и сопоставления данных археологии и этнографии, выясняются многие неизвестные стороны и причинно-следственные связи изучаемых процессов [Дворников 2011: 63].

Археологическое исследование типологии и стратиграфии погребений, с одной стороны, и этнографическое изучение обрядов захоронения, с другой, позволяют решить проблемы установления хронологических рамок, реконструкции мировоззренческих и религиозных представлений, определения преемственности археологических культур и проясняют некоторые стороны ранней этнической истории.

Изучение погребальной обрядности дает значимую информацию не только в идеологическом разрезе, но и ведаёт о социальных, половозрастных, этнических и, возможно, даже экономических различиях древнего населения. И соответственно, является незаменимым источником для многих областей науки: истории, археологии, антропологии, палеогеографии, этнографии и т.д.

Примечателен тот факт, что в научном архиве Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН накоплен богатый археологический материал различных погребальных комплексов эпохи бронзы, который необходимо проанализировать с точки зрения новых подходов, выделения этнографических особенностей обрядовой и ритуальной деятельности.

По структуре статью можно разделить на две части: археологическую и этнографическую.

Но прежде, чем приступить к детальному исследованию Камлюкского кургана проведем небольшой экскурс в историю изучения археологических памятников Кабардино-Балкарии, чтобы имелось представление о том, в каких условиях и на каком этапе изучения древностей были открыты те или иные памятники, имеющие научно-исследовательскую значимость, в том числе и Камлюкский курган. Ознакомимся с основными трудами по археологии Кабардино-Балкарии, ставшими настольной книгой для многих поколений, интересующихся археологией и древней историей региона. Эти работы учтены в нашей статье, поскольку содержат ряд важных публикаций, непосредственно относящихся к теме исследования статьи.

В послевоенные годы становление местной археологической науки было связано с именами А.А. Миллера, М.И. Ермоленко, А.А. Иессена, А.П.

Круглова, Е.Ю. Кричевского, Б.Е. Дегена-Ковалевского, Е.И. Крупнова, П.Г. Акритаса и Г.И. Ионе [Фоменко 2016: 135]. Повышение общественного интереса к древностям, совместная работа московских и местных специалистов, увеличение финансирования археологических экспедиций способствовали достижению значительных результатов в области реконструкции древнейшей истории народов Кабардино-Балкарии [Кузьминов, Мамхегова 2018: 58].

Совершенствуется методика полевых исследований (новая землеройная техника, аэрофотосъемка), остро встают проблемы применения естественно-научных методов в археологии и этнологии, возрастает интерес к теории и истории самой науки. Пристальное внимание стали уделять вопросам этногенеза и этнической истории, что отразилось на необходимости продолжения дальнейших археологических раскопок, систематизации имеющихся данных и создания обобщающих трудов по древнейшей истории народов СССР [Волков 1980: 11].

С этой целью, в ряде регионов страны, в том числе Кабардино-Балкарской АССР, начались полномасштабные археологические и этнографические исследования. В.А. Фоменко обращает внимание на то, что «археологические работы велись разведочного характера для создания древней и средневековой региональной истории, что нашло отражение в обобщающих публикациях» [Фоменко 2016: 136].

Благодаря упорному труду и высокой квалификации специалистов, изучающих древнюю историю края, научная литература пополнилась замечательными работами. Так в 1969 г. в результате тщательного сбора и проработки почти всех имеющихся публикаций и сведений о древностях республики археологом, научным сотрудником Кабардино-Балкарского НИИ И.М. Чеченовым была опубликована книга «Древности Кабардино-Балкарии», не теряющая своей актуальности и сейчас. Последующие годы тоже были ознаменованы появлением обобщающих трудов. В 1984 г. под редакцией В.И. Марковина вышел труд «Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг.», где была дана подробная характеристика, систематизация и анализ археологического материала эпохи бронзы, полученного при раскопках могильников в районах новостроек КБАССР.

С рубежа 50-60-х гг. XX в. в Кабардино-Балкарии прослеживается «эпоха экспедиций».

В 1963 г. Кабардино-Балкарским научно-исследовательским институтом под руководством начальника археологической экспедиции Г.И. Ионе были проведены раскопки в Зольском и Терском районах. В экспедиции также приняли участие И.М. Чеченов (начальник Пархеологического отряда), А.М. Руднев (фотограф) и М.А. Вершков (шофер). Подробное описание результатов исследования содержится в отчетах, хранящихся в Научном архиве ИГИ КБНЦ РАН: Г.И. Ионе «Отчет о полевых работах археологической экспедиции в 1963 году» [НА ИГИ КБНЦ РАН 26]; И.М. Чеченов «Отчет о работе II отряда археологической экспедиции КБНИИ за 1963 г.» [НА ИГИ КБНЦ РАН 51]. При подготовке данной статьи были использованы материалы из этих источников. Некоторые результаты исследований по данной теме были опубликованы И.М.

Чеченовым в книге «Древности Кабардино-Балкарии» [Чеченов 1969: 23], в качестве материала к археологической карте республики, и в статье «Новый памятник северокавказской культуры» [Чеченов 1965: 297-306]. В первой работе автор дает краткое описание Камлюкского кургана с иллюстрациями, обозначает его принадлежность к той или иной эпохе или культуре, выделяет хронологические рамки, во второй делает более подробную характеристику раскопанных погребений, анализирует найденные артефакты и выделяет типологические особенности захоронений.

Погребальные комплексы Камлюкских курганов не отличаются обилием вещественных артефактов. Однако особенности погребального сооружения и обряда, а также найденные керамические и металлические изделия свидетельствуют о том, что данный памятник является одним из наиболее убедительных примеров существования на Центральном Предкавказье, и в частности на территории Кабардино-Балкарии, выделенного В.И. Марковиным локального варианта северокавказской культуры, который получил название Центральный. Данный вариант был определен из общих признаков, которые прослеживались в керамике, типах каменных топориков и погребальных сооружений [Марковин 1960: 125]. Северокавказская археологическая традиция прослеживается в погребениях № 1 и № 3. По всем признакам их можно отнести к кабардино-пятигорской группе памятников Центрального (локального) варианта северокавказской культуры [Марковин 1960: 125-126].

Захоронения № 4 и № 5 занимают промежуточное или переходное положение, поскольку в погребальном обряде прослеживаются признаки как ранней, так и средней бронзы, а погребение № 6 относится к майкопской археологической культуре.

Археологическая культура – этнос.

Проблема соотношения и интерпретации

При определении этнических истоков исследователи древней истории обращаются к термину «археологическая культура». Существует множество ее трактовок, но доминирующим в науке является формулировка: «Совокупность материальных памятников, которые относятся к одной территории и эпохе и имеют общие черты» [Каменецкий 1970: 20-21]. Принадлежит она известному российскому археологу Игорю Сергеевичу Каменецкому.

Идея выделения археологической культуры и отождествления ее с конкретными этносами восходит к работам британского археолога, историка Гордона Чайлда [Childe 1956: 154]. Данная концепция стала достаточно популярной в советской научной среде и была взята на вооружение многими исследователями в качестве теоретической основы. В частности, этим подходом руководствовался советский исследователь А.П. Смирнов, который предложил научному сообществу свою интерпретацию. Термин «археологическая культура, согласно утверждению автора, должна применяться по отношению к памятникам одного времени, располагаться на строго очерченной территории, отличаться своеобразными чертами материальной культуры и должна отражать реалии этноса и языковые границы» [Смирнов 1964: 3-5].

Данную научную традицию разделяют не все исследователи. На сегодняшний день все популярней становится точка зрения на археологическую культуру, как на аналитическую категорию (не как материальное выражение социальных групп и народов), функция которого заключается в описании близких между собой групп памятников [Крадин 2009: 10]. По утверждению А.Х. Борова: «...археологическая культура в строгом смысле является формальным, классификационным понятием, нельзя говорить о ее совпадении с социальной общностью. Правомерно рассматривать археологическую культуру как научную конструкцию, соотносимую с социальной общностью. Социальные общности в археологии обычно отождествляются с этносом, но есть ещё и этно-социальный организм, и социальный организм, и группы, принадлежащие к одному хозяйственно-культурному типу. Таким образом, всегда существует хотя бы несколько потенциальных возможностей интерпретации конкретной археологической культуры. Общий вывод из этих положений заключается в том, что этноязыковая атрибуция археологических культур должна осуществляться с большой осторожностью» [Боров 2023: 18-19]. Эта позиция достаточно убедительная и заслуживает особого внимания, но вместе с тем, стоит признать, что применительно к древнейшей истории, где приходится обращаться к огромному периоду прошлого и обширным территориям, мы просто не располагаем иными способами выделения, помимо организации археологических материалов в определенную систему – археологических культур. Это пока единственный способ реконструкции этнической истории дописьменной древности в археологии.

Вопрос определения этнической составляющей Камлюкских погребений, как и целого ряда аналогичных комплексов, достаточно сложен, проследить за единством погребального обряда, который в большей степени носит религиозный характер, конкретный этнос – задача не из простых. Типология и статистика, используемые в археологии, дают только внешнюю оценку некоторых культурных элементов и не раскрывают их внутренний смысл. Но это не означает, что работа в этом направлении не должна вестись.

Взяв на вооружение существующие определения, и руководствуясь имеющимися данными, которые были проанализированы в последующих частях статьи, погребения Камлюкского кургана можно отнести к двум археологическим культурам: майкопской и северокавказской. Они последовательно сменялись в ходе исторического процесса и имели генетические связи между собой. Об этом свидетельствуют как сам погребальный обряд, установленные хронологические рамки, так и характеристика положений костных останков. Закономерности размещения тела в могиле, придание ему определенной «канонической» позы служит, по наблюдениям некоторых исследователей, культурно-диагностирующим признаком и не вызывает сомнений [Зайцева, Ражев 2007: 84].

В отечественной археологии памятники майкопской культуры рассматриваются как основа древностей средней бронзы. Вопрос о генетической преемственности двух археологических традиций затрагивался многими исследователями (В.И. Марковин, А.А. Формозов, Р.Ж. Бетров, Р.М. Мунчаев, И.М. Чеченов и др.).

В контексте взаимосвязи вышеназванных культур с абхазо-адыгским этносом проблему рассматривали А.А. Иессен, Е.И. Крупнов, Г.А. Меликишвили, В.И. Марковин, З.В. Анчабадзе, Р.Ж. Бетров, Н.Г. Ловпаче, А.А. Максидов, Б.Х. Бгажноков и др.

Используя достижения археологической и этнологической науки, им удалось доказательно показать, что культура абхазо-адыгов имеет достаточно глубокие корни и сопоставима с древними археологическими культурами региона, которые находились в тесной взаимосвязи со многими территориями (Передняя Азия, Ирак, Сирия), которые выходили далеко за пределы Кавказа.

Данный вопрос обстоятельно рассматривался в исследованиях Р.Ж. Бетрова. Отличительной особенностью его работ является использование междисциплинарного подхода, анализ и комплексное использование данных смежных наук: антропологии, археологии, истории, этнологии, лингвистики и исторического фольклора. Результаты научных изысканий Р.Ж. Бетрова отражены в ряде монографий и научных статей. Среди них следует отметить фундаментальные монографии «Происхождение и этнокультурные связи адыгов» [Бетров 1991] и «Адыги: возникновение и развитие этноса» [Бетров 1998]. В этих работах автор выдвинул много новых и обоснованных положений. Особое внимание было уделено проблеме этнического развития адыгов в Центральном Предкавказье. По утверждению Р.Ж. Бетрова, определенная часть древнейших адыгов располагалась в центральных районах Северного Кавказа уже с III тыс. до н.э., а Западный Кавказ являлся периферийной областью хатто-абхазо-адыгского единства, родство между которыми, являлось не итогом миграций, а следствием территориальной и этногенетической близости [Бетров 1998: 3-5]. По вопросам генезиса и этнической принадлежности майкопской культуры автор отвергает миграционную версию и отстаивает ее местное происхождение. Вместе с тем, он отмечает и влияние переднеазиатских цивилизаций в эволюции данной археологической традиции [Бетров 1998: 4-5].

С точки зрения переднеазиатских и анатолийских связей данный вопрос рассматривался также известным исследователем в области генеалогии и геральдики Северного Кавказа А.А. Максидовым. В работе «Адыги и народы Причерноморья» рассматриваются этногенетические и культурные связи адыгов с народами Причерноморья и Анатолии. В данном исследовании автор использует генеалогический подход в изучении истории взаимоотношении народов, адыго-анатолийское взаимодействие рассматривается с периода хаттского времени, упоминаются известные в науке сведения о хаттско-кавказских связях. А.А. Максидов обращает внимание, на их этническую и региональную взаимосвязь и утверждает, что Хаттусас и район современного Майкопа в течение III тыс. до н.э. являлись наиболее важными центрами древней абхазо-адыгской общности [Максидов 2003: 4].

Новейшие данные о происхождении, хронологии и расселении носителей майкопской культуры приведены в статье Б.Х. Бгажнокова «Майкопская культура и проблемы древнейшей истории адыгов» [Бгажноков 2011: 5-13]. Он дает общую характеристику майкопской культуры, отмечает современную хронологическую позицию, которая охватывает IV–III тыс. до н.э., и опираясь на совре-

менные исследования отечественных археологов аргументирует версию о существовании домайкопской или предмайкопской эпохи развития местных племен. На основании результатов археологических раскопок автор включает в сферу влияния майкопской культуры степные районы к северу от Кавказа: Приазовье, Нижнее Поднепровье, Приманычье. Таким образом, он значительно расширяет ареал распространения данной культуры и поддерживает концепцию существования «степного майкопа», где отмечаются «обратные» степные влияния на майкопскую культуру. Не обходит стороной Б.Х. Бгажноков и проблему возникновения и распространения майкопской культуры. Совершенно очевидной и бесспорной, с точки зрения автора, является хронологическая связь находок майкопской культуры с аналогичными находками в Северной Месопотамии, Сирии, Восточной Турции и Ирака. Массовый характер распространения и распределения майкопской культуры в ареале Северного Кавказа, по утверждению автора, несет в себе определенную этногенетическую информацию, которая, прежде всего, связана с абхазо-адыгскими племенами [Бгажноков 2011: 5-11].

Более сдержанная позиция по вопросу этногенетической взаимосвязи «майкопцев» с хатто-абхазо-адыгским этническим массивом наблюдается у С.Н. Кореневского, который несколько критически оценивает возможность «безусловного» определения этнической принадлежности носителей майкопской культуры. Однако, в сравнении с другими версиями об индоевропейском, семитском или же тюркском происхождении данной культуры, все же адыго-абхазо-хаттскую линию признает менее уязвимой, с научной точки зрения, и считает, что эта концепция содержит в себе больше исторической правды [Кореневский 2004: 97].

Этнографические параллели и результаты археологических исследований, по утверждению исследователя из Адыгеи Н.Г. Ловпаче, свидетельствует о преемственной связи «майкопцев» с абхазо-адыгами. Автор также обращает внимание на поразительное сходство циновок, как элемента похоронного обряда, выявленных в курганных захоронениях, с произведениями древнейших промыслов черкесов – плетеными циновками из болотной травы. Близ г. Тимашевска в майкопских курганах были обнаружены циновки («пIуаблэ»), которые лежали под покойниками. Их форма, геометрический орнамент, техника плетения аналогичны современным изделиям адыгских мастеров [Ловпаче 2019: 82].

Таким образом, доказательная база, представленная исследователями, вполне очевидно раскрывает важные вопросы взаимосвязи и взаимодействия майкопской культуры с протоабхазо-адыгскими племенами и подтверждает их этногенетическую близость. Рассматривать культуры эпохи ранней и средней бронзы Центрального Предкавказья и Северо-Западного Кавказа в отрыве от объективных исторических реалий и этнических общностей, которые веками проживали на исследуемых территориях (абхазо-адыгов) невозможно. Ареал расселения абхазо-адыгов практически полностью совпадает с географией раскопок майкопской и северокавказской археологических культур, из чего и вытекает их соотнесение. Концентрация выявленных памятников свидетельствует о том, что носители майкопской, а позднее и северокавказской культуры занимали следующие области: Прикубанье, Кабардино-Пятигорье, бассейны Кубани и ее притоки, а также Баксана, Чегема и других рек [Боров 2023: 21].

Что касается отличий в погребальном обряде, они скорее связаны с ментальными и мировоззренческими изменениями, нежели с появлением представителей других этносов. Смена археологических культур необязательно означает появление одних народов и исчезновение других. Глубокие трансформационные перемены, происходящие в результате сложных, культурно-исторических процессов, могут отражаться в изменении, как погребальной обрядности, так и вещественных артефактов в результате прогресса производительных сил межэтнического и межкультурного взаимодействия с сохранением своего этнического ядра.

По утверждению А.Х. Борова, «...не подвергается сомнению автохтонность этнических общностей (этносов), частью которых являются кабардинцы, их глубокая укорененность в регионе Центрального и Северо-Западного Кавказа. В научной литературе ни по одному из периодов древней истории Северного Кавказа и ни по одной из культурно-исторических общностей бронзового и раннего железного века не исключается присутствие кавказских предков адыгов и не утверждается их пришлый характер» [Боров 2023: 55].

Вопрос больше заключается в том, какими путями можно проследить эту связь, реконструировать прошлое, от которого, помимо вещественных, фрагментарных источников, ничего не осталось. Разработка проблемы активно ведется, у отечественных археологов и этнологов накоплен большой теоретический и практический опыт исследований, однако проблема привязки конкретного этноса к археологическим культурам на сегодняшний день не решена и является предметом научных споров. Ситуация осложняется ограниченностью имеющихся материалов, противоречивостью интерпретаций, недостаточностью методологических приемов. Ни археология, ни этнология не выработали конкретных инструментов, строго определяющих этнические показатели, которые легли бы в основу этногенетической реконструкции. Требуются дальнейшие исследования с привлечением новых методов и подходов. Важно также участие полевых этнографов и антропологов в археологических раскопках, что не особо практикуется у нас в стране. В результате, при описании вскрытых погребений дается неполная или же недостоверная информация. В проводимых археологических и этнологических исследованиях необходимо активнее привлекать результаты нового направления в молекулярной биологии – ДНК генеалогии, поскольку методы этой науки позволяют говорить о датах происхождения человека как вида и миграциях (переселении) предков человека.

Типология погребений

Камлюкский курган был обнаружен во дворе колхозника Х. Пшибиева и находился в полуразрушенном состоянии, так как велись работы по увеличению площади приусадебного участка, насыпь была до основания снесена и выровнена по всему двору.

Под насыпью Камлюкского кургана было обнаружено 6 погребений, одно погребение грунтовое, остальные пять находились в каменных ящиках прямоугольной формы. Один каменный ящик был «исследован» сельчанами до приезда археологического отряда, поэтому его описание было составлено по незна-

чительным остаткам. Одно впускное погребение располагалось на высоте 0,5 м. от уровня насыпи, датировать его так и не удалось, так как остались только фрагменты костей и отсутствовали другие материалы, но можно предположить, что он появился позже остальных, поскольку впускные погребения характерны для более поздних культур.

*Рисунок 1. Каменные ящики Камлюкского кургана
[НА ИГИ КБНЦ РАН 26: 7]*

Каменный ящик 1. Находился в юго-восточном секторе кургана, был сооружен из цельных плит и имел размеры: длина 223 см, ширина 88 см, высота 60 см. В погребении лежал скелет, предположительно женщины, ориентированный головой на север, на спине, в вытянутом положении. Сведения о расположении рук оказались противоречивыми: вытянутые – по утверждению одних, и расположенные у паха – по сведениям других. В ящике были обнаружены кости овцы (ребра и позвонки). На дне ящика была зафиксирована редкая постилка из углей. В погребении были обнаружены 11 «листовидных подвесок» и глиняный сосуд, который имел шаровидное тулово и относительно небольшой диаметр дна. Горло довольно широкое, умеренной высоты, венчик отогнут едва заметно, почти прямой. Цвет поверхности сосуда бурый, местами темный, по излому – цвет серый. Глина неочищенная, с большой примесью толченого известняка и песка. Плечики сосуда были украшены геометрическим орнаментом, представляющим равносоставленные треугольники, обращенные углами вниз. Вдоль боковых сторон треугольников были нанесены эллипсоидные в плане насечки – вдавлины, остальная часть сосуда выполнена веревочным штампом [НА ИГИ КБНЦ РАН 51: 3-4].

Каменный ящик 2. Был разрушен до основания и разобран весь инвентарь, поэтому получить какие-то точные сведения не удалось.

Каменный ящик 3. Был расположен в северо-западном секторе кургана. Ящик обложен кусками плит и булыжником и завален сверху камнями, стены состояли из четырех цельных плит и имели размеры: длина – 210 см, ширина – 108 см, высота – 60 см. Внутри лежал скелет мужчины, на спине, головой на восток. Руки были вытянуты по бокам. Костей левой ноги не оказалось. Все

остальные кости имели достаточно хорошую сохранность. Около головы погребенного с правой стороны лежал глиняный сосуд, обращенный дном к черепу, а с левой – каменный топорик. Сосуд имел шаровидное тулово, относительно малый диаметр дна при довольно большом диаметре и высоте горла. Венчик умеренно отогнут. Выпуклость плечиков ярко выражена. К горловине была прикреплена одна плоская ручка. Лепка ручная из глины хорошего качества, с небольшой примесью песка [НА ИГИ КБНЦ РАН 26: 7].

По наблюдениям И.М. Чеченова, несмотря на едва уловимые диспропорции по форме, сосуд с его тонкими, равными стенками и строгими очертаниями является замечательным образцом ручной лепки и напоминает средневековые кувшинчики, как бы являясь их далекими прототипами [Чеченов 1965: 299-300].

Обнаруженный топор был изготовлен из серого серпентинита (змеевика) с желтыми, белыми и черными вкраплениями, поверхность была отполирована до зеркального блеска [НА ИГИ КБНЦ РАН 26: 7].

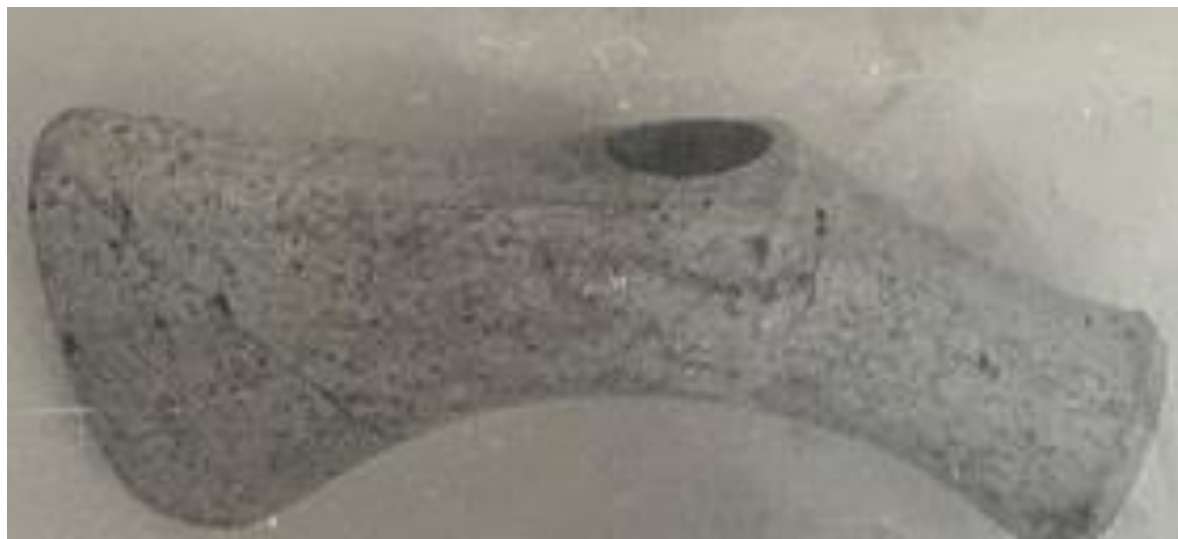

Рисунок 2. Каменный топор кабардино-пятигорского типа
[НА ИГИ КБНЦ РАН 26: 9]

Данный топор известен в археологии под названием «топорик кабардино-пятигорского типа», подобные топоры имели достаточно широкое распространение на территории Центрального Предкавказья. Говоря о данной находке, И.М. Чеченов отмечает, что «точность сверления и строгая симметричность форм, делает топорик великолепным образцом техники обработки камня и предшественником некоторых образцов знаменитых кобанских топоров» [Чеченов 1965: 299].

Каменный ящик 4. Обнаружен в северо-западном секторе. Размеры ящика: длина – 207 см, ширина – 77 см, высота – 60 см; был сооружен из четырех цельных известняковых плит и обложен со всех сторон булыжником. В четвертом погребении находились остатки мужского скелета, очень плохой сохранности, располагался на правом боку в слабо скорченном положении, головой на север и северо-восток, руки были слегка согнуты в локтях. Из инвентаря найде-

на только зернотерка, которая располагалась у затылка погребенного [НА ИГИ КБНЦ РАН 51: 10].

Каменный ящик 5. Обнаружен рядом с каменным ящиком № 4, был покрыт шестью плитами в два слоя. Размеры ящика следующие: длина – 120 см, ширина – 106 см, высота – 70 см. В данном погребении лежал скелет, предположительно молодой женщины, в сильно скорченном положении, на правом боку, голова была ориентирована на юго-запад. Рядом с погребенной была обнаружена каменная зернотерка [НА ИГИ КБНЦ РАН 51: 11].

Погребение 6 – грунтовое, находилось ниже основания насыпи кургана. Скелет оказался очень плохой сохранности, лежал на правом боку головой на северо-восток, в сильно скорченном положении. Он был сильно посыпан охрой. В погребении инвентаря не оказалось [НА ИГИ КБНЦ РАН 51: 12].

Хронология погребальных комплексов

В археологии применяются две системы датировки: относительная и абсолютная. Относительная хронология для определения порядка событий и явлений использует различные способы исследования: стратиграфию (изучение культурных слоев), сравнение (керамика, оружие, украшения и пр.), анализ и фиксирование трупоположения (вытянутое, скорченное) и т.д.

Абсолютная хронология основывается на точных числовых значениях: годы, месяцы, дни. Она позволяет установить конкретные даты событий, используя радиоуглеродный анализ – этот метод основан на измерении концентрации радиоактивного изотопа углерода – ^{14}C в исследуемом образце. Говоря о временных рамках погребальных комплексов Камлюкского кургана, мы полагаем, что привлечение новейших исследований, основанных на радиокарбонных (радиоуглеродных) данных позволит получить дополнительную информацию для уточнения и внесения поправок в имеющиеся научные разработки.

Чтобы прояснить ситуацию с хронологическим определением исследуемого объекта, сначала проанализируем советскую историографическую традицию, затем перейдем к новым подходам (исследованиям) и обозначим наше видение проблемы.

При установлении временных рамок археологических культур и памятников, в том числе и Камлюкского кургана, советские исследователи пользовались методами относительной датировки. Хронологическая реконструкция осуществлялась путем сопоставления вещественных артефактов, выделения и сравнения типологических особенностей погребальных сооружений и классификации костных останков, исходя из их ориентировки и расположения в захоронениях. Исследователи сошлись во мнении, что выявленные погребальные комплексы, за исключением одного грунтового (майкопская культура), являются наследием северокавказской археологической традиции, разногласия касались внутренней периодизации, одни относили к началу, другие – к середине, а третьи – к концу средней бронзы.

Здесь следует отметить, что общность археологических памятников среднего бронзового века, которая занимала обширную часть Северного Кавказа, исследователи обозначают, как северокавказскую. По определению хронологи-

ческих рамок существования этой культуры в науке бытуют различные суждения. Традиционной и устоявшейся в науке считалась датировка, предложенная археологом В.И. Марковиным (2300/2100-1400/1200 гг. до н.э.) с трехэтапной внутренней периодизацией [Марковин 1994: 283]. В рамках этой периодизации и рассматривались погребальные комплексы Камлюкских курганов. На сегодняшний день данное определение хронологических границ северокавказской археологической культуры претерпело существенные изменения, о чем мы будем говорить далее, после рассмотрения предположений и выводов, которые были сделаны советскими исследователями.

Хронологические рамки захоронения в *каменном ящике № 1* были установлены по обнаруженному сосуду из керамики и металлическим подвескам. По мнению археолога-кавказоведа Е.И. Крупнова, подобные подвески и сосуды относятся к середине II тыс. до н.э., периоду бытования на Северном Кавказе северокавказской археологической культуры [Крупнов 1957: 156-157]. Данное определение поддержал В.И. Марковин, который отмечал, что «богатый орнамент из оттисков шнура в комбинациях со спиралькой и вдавлениями треугольного штампа появляется в период расцвета северокавказской культуры и относится к середине II тыс. до н.э. (1700-1500 гг. до н.э.)» [Марковин 1960: 88].

Археолог И.М. Чеченов датировал его третьим этапом (1500-1000 гг. до н.э.) северокавказской культуры, приняв во внимание, что артефакт имеет сходство с обнаруженными в курганах близ селения Верхний Акбаш, керамическими изделиями (форма, цвет черепка, малый диаметр дна, высокая шейка и т.д.) [НА ИГИ КБНЦ РАН 51: 8-9].

Что касается металлических подвесок, исследователь Б.Е. Деген-Ковалевский находит их многочисленные аналогии в виде выпуклого овального листика с петелькой в разных районах Кабардино-Балкарии (с. Кызбурун III, с. Светловодское, район Дома Советов) и определяет время их бытования II тысячелетием до н.э. без выделения отдельных этапов северокавказской культуры [Деген-Ковалевский 1941: 260-262].

Каменный ящик № 2 оказался полностью разрушенным, инвентаря не оказалось, датировать не удалось.

В *каменном ящике № 3* основанием для выделения хронологических рамок явился каменный топорик «кабардино-пятигорского типа». По утверждению В.И. Марковина, такие топоры относятся к середине II тыс. до н.э. и за пределами Северного Кавказа встречаются крайне редко, что свидетельствует о его местном происхождении. Основные находки топориков охватывают территории Кабардино-Балкарии и Пятигорья, поэтому их в науке называют «кабардино-пятигорскими» [Марковин 1960: 100].

Однако новейшие исследования говорят о том, что ареал распространения этих топориков выходило за рамки Северного Кавказа.

Сходный топор находили в Подонье из погребения 6 кургана 5 в могильнике Западный (Ростов-на-Дону) маньчской катакомбной культуры [Братченко 1976: 98].

Отдельные собрания каменных топоров с территории Южного Зауралья также подтверждают факт их распространения за пределами Центрального

Предкавказья. В фондах Челябинского областного краеведческого музея «Ар-каим» хранятся 7 топориков кабардино-пятигорского типа. Эти находки были обнаружены на многослойных археологических памятниках Челябинской и Оренбургской областей: укрепленные поселения Аландское, Журумбай, Куйсак, могильник Калмыцкая Молельня и поселение Каменная Речка I [Молчанов, Валиахметов, Букачева [и др.] 2024: 264].

По результатам археологических раскопок, установлено, что находки топоров кабардино-пятигорского типа на Южном Урале локализуются в той местности, где располагались носители культуры Синташта.

Исследователи полагают, что данные топоры появились здесь в результате технологического заимствования синташтинскими металлургами Южного Урала навыков металлопроизводства у населения Северного Кавказа, что говорит о существовавших устойчивых связях между регионами в то время.

На страницах журнала «Поволжская археология» об этом пишут Н.Б. Виноградов и Р.К. Хайратдинов: «Появление каменных топоров кабардино-пятигорского типа не имеет местных корней и является полностью заимствованием из района Северного Кавказа» [Виноградов, Хайратдинов 2018: 100].

Вопрос о прародине артефактов не вызывает сомнений, однако дискуссионным является определение времени их появления на территории Южного Зауралья.

Д.В. Нелин, проанализировав типологию каменных топоров, определил их культурно-хронологическую позицию. Появление у населения Южного Урала северокавказских форм каменных топоров он относит к переходному периоду от средней бронзы к позднему бронзовому веку [Нелин 1996: 92], а находку из Юргамышского района датирует XVII-XVI вв. до н.э. [Нелин, Шилов 2004: 282-283].

Казахстанский археолог И.А. Кукушкин в статье «Культурно-исторические истоки и наследие синташтинской культуры» указывает время ее появления концом III тыс. до н.э. [Кукушкин 2018: 73].

Иного мнения исследователь А.В. Епимахов. Используя радиоуглеродные данные, он утверждает, что бронзовый век Южного Урала охватывает период с III по I тыс. до н.э., а синташтинскую культуру относит к 2030-1740 гг. до н.э. следовательно, и бытование топоров кабардино-пятигорского типа можно отнести к выделенным временным отрезкам [Епимахов 2010: 7,16].

Как видим, среди научных кругов нет единого мнения о том, когда возникла синташтинская культура на Южном Урале, следовательно, вопрос о времени появления топоров кабардино-пятигорского типа в данном регионе, который напрямую связывают с обозначенной культурой, остается предметом для дискуссий.

Сам факт установления функционирования каменных топоров указанного типа на Южном Урале и многообразие мнений о времени их существования, говорит о том, что хронологический диапазон бытования этого вида артефактов достаточно широкий. Данное положение также может свидетельствовать о более раннем времени их возникновения и использования, на территории Северного Кавказа учитывая и тот факт, что эпоха бронзы Южного Урала имеет более поздние хронологические рамки.

С.Н. Корневский, по результатам исследования 44 погребальных комплексов, пришел к выводу о том, что топоры кабардино-пятигорского типа были распространены в период со второй половины III по вторую половину II тыс. до н.э. [Корневский 1993: 85].

Большая работа по классификации и определению хронологии каменных топоров средней бронзы была проделана А.А. Клещенко, специалистом по эпохе ранней и средней бронзы Кавказа. Согласно его заключению, данные топоры являются феноменом конца IV-III тыс. до н.э. К данному выводу он пришел в результате тщательного и всестороннего анализа научной литературы и архивных материалов о 255-ти орудиях, выявленных на территории Центрального Предкавказья с привлечением метода радиоуглеродного датирования [Клещенко 2018a: 165, 176-187].

Таким образом, в результате проведенного анализа обнаруженных артефактов и с учетом особенностей погребального обряда каменные ящики № 1 и 3 следует отнести к началу или первой половине III тыс. до н.э.

Каменные ящики № 4 и 5 были определены Г.И. Ионе как одновременные и хронологически близкие к погребениям 1 и 3 и отнесены к началу II тыс. до н.э. Основанием для этого заключения, как указал исследователь, является однотипность погребальных сооружений их одинаковое устройство, а также нахождение под одной курганной насыпью [НА ИГИ КБНЦ РАН 26: 10].

Такая же позиция у И.М. Чеченова. По его заключению, погребения 4 и 5 являются случаем парного захоронения, а различную ориентировку погребений объясняет половым различием. Несмотря на отсутствие четкого, «датирующего» инвентаря, автор также утверждает, что каменные ящики № 4 и 5 относятся к началу II тыс. до н.э. В доказательство своих выводов он приводит скорченное положение костяка каменного ящика № 5, опущенные к тазу руки погребенных и стратиграфическое расположение [Чеченов 1965: 302].

На наш взгляд, эти утверждения нуждаются в доработке, поскольку слабо скорченное положение скелета считается характеристикой более древних захоронений. В погребальных комплексах эпохи средней бронзы, в основной массе, встречаются вытянутые на спине костяки.

Погребальный обряд каменных ящиков № 4, 5, как нам видится, значительно отличается от того, что мы проанализировали в 1-м и 3-м погребениях. Захоронения на правом боку с ориентировкой головы на юго-запад превалирует на территории Предкавказья еще с эпохи ранней бронзы. На это обращает внимание А.А. Клещенко [Клещенко 2018b: 33-36] в своем исследовании. Смеем предположить, что данные погребения по времени охватывают переходный период, т.е. конец IV – начало III тыс. до н.э. поскольку в погребальном обряде прослеживаются, как черты ранней бронзы, так и средней.

Погребение № 6 на основании аналогии со скорченными погребениями Нальчикского могильника (№1, 8, 20) также окрашенными охрой, было датировано концом III тыс. до н.э. Исследователи относят это захоронение к майкопской археологической культуре [НА ИГИ КБНЦ РАН 26: 11].

Выводы археологов по последнему погребению достаточно убедительны. В доработке нуждается лишь определение хронологических границ. По новей-

шим данным радиоуглеродных исследований, временем исчезновения в предгорной и степной зоне майкопских памятников, считается конец IV – начало III тыс. до н.э. [Кореневский 2004: 64-70], поэтому датировка данного погребения должна быть изменена в соответствии с этим.

Таким образом, хронологический диапазон основной массы (за исключением одного грунтового захоронения) погребальных комплексов Камлюкского кургана может охватывать период с конца IV тыс. до н.э. до второй четверти III тыс. до н.э.

К такому заключению приходим исходя из проведенного исследования и опираясь на выводы А.А. Клещенко, что «...ранний этап существования северокавказской археологической культуры приходится на конец IV–начало III тыс. до н.э. Во второй четверти III тыс. до н.э. северокавказская традиция распространяется по всему Центральному Предкавказью. На данном этапе основными особенностями северокавказской культуры являются: вытянутое положение костяков с ориентировкой преимущественно на восток и северо-восток, а также инвентарный набор, состоящий из металлических орудий» [Клещенко 2011], что мы и наблюдаем при анализе погребальных комплексов Камлюкского кургана.

Погребальный обряд: этнографическая ретроспектива

Погребальный обряд является совокупностью реальных и символических действий, в основе которого лежит религиозно-идеологическая составляющая. Процесс реализации погребального обряда древних обществ отражен, в первую очередь, в материальных результатах или, иными словами, следах каких-либо действий (сжигание, порядок закапывания и пр.) и вещах (погребальная конструкция, инвентарь) и т.д. [Семенова 2007: 121].

В отечественной археологии и этнологии погребальный обряд является важнейшей характеристикой изучаемых культур, а конструктивные особенности погребальных сооружений легли в основу наименования культурных общностей: ямная, катакомбная, срубная и т.д.

По В.А. Алекшину, погребальный обряд включает в себя набор традиций и материальных элементов: погребальное сооружение, позы умершего, набор инвентаря. Эти компоненты, согласно автору, характеризуют погребальный обряд любой археологической культуры [Алекшин 1981: 3-9].

Обычай погребения в древних обществах преследовало две цели: реальную и иллюзорную. Первая цель заключалась в захоронении умершего, а также в избавлении общества от него посредством исполнения определенных обрядовых действий. Вторая цель предполагала осуществление достойного перехода души умершего в «другой» мир, посредством совершения религиозных предписаний, которые диктовались космогоническими представлениями о мире и загробной жизни [Савченко 1999: 147].

Погребальный памятник, по сути, является многоплановым источником для этнографических реконструкций. В данном контексте погребальные комплексы Камлюкского кургана представляют исследовательский интерес и содержат значимую информацию.

Погребальные сооружения. Погребальные комплексы Камлюкского кургана, за исключением одного грунтового захоронения, представляли собой каменные ящики, образующие замкнутое пространство прямоугольной формы, сложенные из известняковых плит. Подобные конструкции были распространены в эпоху бронзы на территории Предкавказья, Причерноморья и в Крыму [Ольховский 1991: 152]. Наиболее древние традиции захоронения в каменных ящиках встречаются на Северо-Западном Кавказе и в районе Новороссийска с эпохи ранней бронзы [Мунчаев 1975: 269-270].

Возведение прямоугольного жилища с выкладками из каменных плит и распространение каменных ящиков было связано с исчезновением круглоплановых жилищ и появлением новой архитектурной традиции в конце эпохи ранней бронзы. Строительство погребальных камер по примеру реально существовавших жилищ говорит о специфической стороне идеологических воззрений – их представлении о «загробном мире». Сооружение из каменных плит, скорее всего, символизировало новое пространство – дом, в котором должны были присутствовать атрибуты живого человека [Атаев, Ахундов 2021: 123].

Исследователь Л.М. Ильясов отмечает, что «в древности могилы очень часто повторяли земные дома и даже строительный материал для земных и вечных жилищ использовался один и тот же, в зависимости от его доступности» [Ильясов 2009: 28]. По мнению М.Г. Гаджиева, связь жилой архитектуры и погребальных сооружений является «одним из показателей корректирующей роли идеологических представлений, через посредство которых реальные культурно-исторические явления находят отражение в погребальном ритуале» [Гаджиев 1986: 27].

Интересную, можно даже сказать, не совсем традиционную мысль, связанную с каменными ящиками, высказал историк И.Л. Кызласов. Данный вид погребального сооружения рассматривается автором, как видоизмененная форма захоронений в естественном каменном окружении – в расщелинах скал, пещерах и горных нишах, «...очевидно, гору, вобравшую умершего в свое нутро, первоначально символизировало погребальное сооружение из камня», – утверждает автор [Кызласов 1999: 173].

Таким образом, несмотря на скудность материала, свидетельствующего о характере поселений и жилищ строителей каменных ящиков Камлюкского кургана, форма и особенности погребальных сооружений говорят о том, что население той эпохи обладало высокой техникой жилищного строительства.

Обнаружение внутри ящиков различных погребальных предметов, таких как украшения, сосуды, орудия труда и оружие указывает на сложность и значимость погребальных обрядов для этого общества. Артефакты, найденные в погребениях, имеют как практическую значимость, так и религиозный смысл. С этнографической точки зрения их следует рассматривать, как поминальные остатки. Процесс погребения в древних, традиционных обществах носит сакральный и мистический характер. Переход из «бытия в небытие» являлось значимым событием, которое сопровождалось обязательно представлениями и действиями иррационального характера. Рассуждая на эту тему, И.С. Каменецкий утверждает, что «...в силу иррациональности представлений, лежащих в основе погребаль-

ных ритуалов, восстановить смысл тех или иных действий при утере традиционного объяснения практически невозможно, поскольку сами действия, словесные и вещественные тексты многозначны» [Каменецкий 1999: 139].

Инвентарь. Инвентарный набор древних захоронений может включать в себя разнообразные предметы. Количество и качество инвентаря зависит от социального статуса погребенного.

В результате раскопок в основном обнаруживаются керамические сосуды различных форм и функций, каменные орудия труда, украшения из различных видов металла, а также останки животных и людей. Несмотря на встречающееся количественное и качественное разнообразие, можно говорить о том, что в древнем обществе, существовал общепринятый набор вещей.

По словам В.С. Ольховского, «...состав традиционного набора определялся религиозно-мифологической концепцией состояния и деятельности человека после смерти, представлениями о путях и способах перемещения в мир иной» [Ольховский 1991: 176].

Инвентарь Камлюкского кургана состоял из керамических сосудов с отогнутым венчиком с вдавленными черточками и линейным веревочным штампом, металлический комплекс был представлен в основном украшениями – листовидными подвесками из так называемой «серой бронзы». В ходе раскопок были выявлены и изделия, выполненные из каменных пород: топорик и зернотерка.

Каменные зернотерки очень часто встречаются в погребениях северокавказской культуры Центрального Предкавказья и, свидетельствует о том, что население занималось земледельческим хозяйством и культивировало различные виды злаков.

По поводу применения и функционирования каменных топоров кабардино-пятигорского типа на сегодняшний день ведутся дискуссии. Исследователь С.Н. Кореневский утверждает, что «каменные топоры использовались исключительно как оружие и встречались только в захоронениях мужчин» [Кореневский 2019: 95]. Областью распространения каменных топоров кабардино-пятигорского типа, согласно автору, является предгорная зона Предкавказья. Бытование данного вида топоров он связывает с племенами северокавказской культуры с вытянутым обрядом захоронения, которые использовали данное оружие для подчеркивания воинского статуса своих соплеменников [Кореневский 2019: 90-98].

Противоположную позицию занимает археолог Н.Б. Виноградов, считающий, что топоры кабардино-пятигорского типа не имеют отношения к военной сфере. Эту мысль он формулирует следующим образом: «Топоры кабардино-пятигорского типа могут быть интерпретированы скорее как материализованные следы устойчивой и обыденной социально-культовой практики, связанной с металлопроизводством, нежели, как предметы вооружения или маркеры воинского статуса» [Виноградов 2018: 280].

Каменный топор, обнаруженный в погребении Камлюкского кургана, выполнял, как нам представляется, культовую, ритуальную функцию, поскольку широкая лопасть лезвия и грибообразный обух не очень были удобны для использования в других целях. Это утверждение применимо конкретно в данном случае.

По результатам многолетних раскопок и исследований археологами были выявлены топоры кабардино-пятигорского типа с различными особенностями: гладкие топоры со слабым изгибом корпуса, без пояска на втулке и выступа на обухе; с лопастным клином, продольным валиком на спинке клина, выступом на диске обуха; с изогнутым коленчатым профилем, расширенным в лопасть клином, пояском на втулке и с выступом-шляпкой на обухе и т.д. [Кореневский 2019: 91-92].

Подобное разнообразие, как мы полагаем, может свидетельствовать о многофункциональности данных топоров и использовании их, как в ритуальных целях, так и в практической деятельности.

Почти во всех погребениях встречается разбитая керамика, в основном это сосуды. Данный вид артефактов позволяет раскрыть информацию о верованиях, обычаях и социокультурных аспектах древнего общества и отражает уровень технологического навыка. В статье «Использование фрагментов керамики в культах и ритуалах» российского исследователя Ю.Б. Серикова анализируются различные аспекты использования керамики. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что «обломки керамических сосудов по форме, толщине и прочности представляли собой идеальные заготовки для изготовления разнообразных изделий, которые использовались в разных областях, как хозяйственной, так и культовой практики древнего человека» [Сериков 2008: 11].

На осколках сосудов, обнаруженных в каменных ящиках Камлюкского кургана, прослеживается геометрическая орнаментация, что возможно является символом сакрального характера. Керамические горшочки использовались, скорее всего, в качестве погребальных подношений и ритуальных предметов в процессе захоронения умершего, об этом можно судить по количеству и частоте обнаружения керамического инвентаря в древних погребениях различных эпох. Использование фрагментов битой керамической посуды, как мы полагаем, символизирует обретение человеком нового статуса и знаменует начало следующего этапа жизни.

В первом и последнем погребальных комплексах прослеживается ритуал использования огня, который был связан с представлениями древних племен о его магической, очистительной силе. Функция очистительной силы огня приписывалась охре. Огонь и его символы (уголь, охра) могли быть связаны с почитанием Солнца и наличием культа плодородия у раннеземледельческих племен Северного Кавказа эпохи ранней и средней бронзы [Атаев, Ахундов 2021:122]. Наделение огня очистительными свойствами, как и традицию кремации, исследователи относят к универсальным, сугубо человеческим практикам, которые распространены по всему миру вне зависимости от территориальных границ и этнических особенностей [Добровольская 2005: 8].

Обычай посыпки покойников природным красителем – охрой в курганных захоронениях Северо-Западного Кавказа и Предкавказья встречается очень часто, и относится к раннему этапу бронзового века, и является отличительным признаком при характеристике майкопской археологической культуры.

Трупоположение. Археологи выделяют два способа обращения с телом умершего: «трупосожжение» и «трупоположение». В научной литературе еще нет четкого объяснения разнообразия видов трупоположения и ответа на вопрос, почему они со временем меняются. Обычно приводят два аргумента: изменение погребального обряда или же вытеснение одного населения другим.

С позиции этнографии обряд ингумации имеет сакральный смысл, опирающийся на космологические представления древнего человека. Используя археолого-этнографическое моделирование на основе универсального пространственно-временного кода (правое-левое, верх-низ, небо-земля, юг-север, солнце-луна, день-ночь), семантика которого опирается на космологию, можно определить ускользающие детали погребального обряда [Иванов, Топоров 1965: 64].

В четырех каменных ящиках Камлюкского кургана костяки лежали головой на восток и северо-восток. При общем доминировании восточного сектора в одном погребении выявилось юго-западное направление. Такая ориентация совпадает с направлением движения Солнца. Древнее общество, будучи в полной зависимости от стихий, искало возможности гармоничного сосуществования с окружающим миром, что выражалось в обожествлении и поклонении силам природы, в том числе Солнцу. Как отмечает исследователь древней символики М.Г. Куек, «во многих традициях Солнце, почитавшееся как Владыка дня, олицетворяло божественное всевидящее око» [Куек 2016: 158]. Таким образом, древнее население, оставившее Камлюкский курган, определяло стороны горизонта, по движению Солнца, беря за основу точку восхода. Небольшие отклонения от традиционной ориентации могли быть связаны с сезонными изменениями точки восхода Солнца или закрытостью горизонта [Быков, Тишкин 2006: 115].

В исследованных погребальных комплексах мы обнаруживаем два вида поз умерших: скорченные на боку и вытянутые на спине.

По утверждению Ю.А. Шилова, вытянутое положение символизирует «воскрешение» или «возрождение» [Шилов 1995: 55]. С этой позицией не согласен В.И. Марковин, считающий, что данные понятия имеют разные смысловые оттенки, и правильное было бы говорить о перевоплощении, когда душа умершего переходит в другое живое тело [Марковин 1995]. Также высказывалась идея сна академиком Б.А. Рыбаковым. Реконструируя древний обряд погребения, он пришел к выводу, что захоронение покойника в его естественном, распрямленном виде означало, что умерший должен проснуться в том облики, в котором он «уснул» [Рыбаков 1981: 271].

Скорченное положение многие исследователи интерпретируют, как «утробное», имея в виду, что человека готовили к перерождению, к новой жизни, а Шилов полагает, что оно олицетворяет «коленипреклонность» перед высшими силами [Шилов 1995: 57].

Рассмотренные традиции погребального обряда свидетельствуют о том, что древнее население Центрального Предкавказья при совершении процесса ингумации следовало представлениям о загробной жизни, вкладывая в ритуальные действия глубокий символический и религиозный смысл. Становится понятно, что на всем протяжении совершения сакрального обряда пространство вокруг человека моделировалось его телом и теми предметами, которые его сопровождали для перехода в другое «измерение» и обретения «новой жизни».

Заключение

Таким образом, анализ погребальных сооружений, вещественных артефактов, обряда ингумации, а также результаты этнографического изучения и реконструкции ритуальных действий говорят о принадлежности Камлюкского кургана к двум археологическим культурам: майкопской и северокавказской. Говоря о хронологических рамках майкопской культуры ранней бронзы, следует брать за основу начало IV тыс. до н.э., а для северокавказской археологической культуры эпохи средней бронзы период с конца IV – нач. III тыс. до н.э. Датировка, установленная советскими исследователями (майкопская культура III тыс. до н.э., северокавказская культура II тыс. до н.э.), утратила свое практическое значение и представляет на сегодняшний день лишь историографический интерес.

Разнообразие черт погребального обряда свидетельствует о сложной системе представлений древнего общества, которая была основана на механизме действия архетипов. Универсальным элементом можно назвать отношение к погребальному обряду, как одному из важнейших ритуалов, символизирующего смерть человека и его возрождение к новой жизни.

Археологический памятник, археологический артефакт, погребальный обряд и ритуальные действия, его сопровождающие, являются продуктом духовной и практической деятельности человека, следовательно, аналитический материал, которым мы располагаем при исследовании древней истории, имеет свое конкретное происхождение и относится к тем или иным культурно-историческим общностям – этносам. Факт взаимосвязи и взаимодействия носителей древних археологических культур Кавказа бронзового века с древними протоабхазо-адыгскими племенами, подтверждаются данными археологических, этнологических и современных генетических исследований. Сложность заключается в том, что нет конкретных этнических определителей, которые можно безоговорочно распространять на археологические материалы. Археология не дает нам никаких представлений о народе, только об оставшейся материальной культуре. Этнология в этом вопросе пытается, используя теоретические и практические методы, раскрыть некоторые аспекты вопроса, но проблема далека от разрешения.

В таких условиях использование достижений и подходов различных областей наук в археологических и этнологических исследованиях является необходимостью. Несмотря на то, что в отечественной науке предпочтение отдается «классическим» методам исследования, нужно искать и привлекать возможности других направлений. Рассматривать проблему этногенеза необходимо комплексно с позиции междисциплинарного подхода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Childe 1956 – *Childe G. Piecing Together the Past. (The Interpretation of Archaeological Data).* – London: Routledge and Kegan Paul, 1956. – 186 p. (на англ. яз.).

Алекшин 1981 – *Алекшин В. А.* Погребальный обряд как археологический памятник // КСИА. – Москва: Наука, 1981. – № 167. – С. 3–9.

Алиев 2011 – *Алиев К.М.* Проблема происхождения кумыков // Бюллетень Кумыкского научно-культурного общества. – Махачкала: 2011. – № 1 – С. 4–18.

Атаев, Ахундов 2021 – *Атаев Г.Д., Ахундов Т.И.* Погребальный обряд, как источник изучения идеологических представлений Дагестана, эпохи средней бронзы // История, археология и этнография Кавказа. – 2021. – № 1. – С. 115-162.

Бгажноков 2011 – *Бгажноков Б.Х.* Майкопская культура и проблемы древнейшей истории адыгов // Известия КБНЦ РАН. – 2011. – № 4. – С. 5-15.

Бетров 1990 – *Бетров Р.Ж.* Адыги: Истоки этноса. – Нальчик: «Эльбрус», 1990. – 133 с.

Бетров 1991 – *Бетров Р.Ж.* Происхождение и этнокультурные связи адыгов. – Нальчик: «Нарт», 1991. – 168 с.

Бетров 1998 – *Бетров Р.Ж.* Адыги: возникновение и развитие этноса. – Нальчик: «Эльбрус», 1998. – 279 с.

Боров 2023 – *Боров А.Х.* Этногенез и регионогенез в становлении исторической Кабардино-Балкарии // Электронный журнал "Кавказология". – 2023. – № 3. – С. 14-75.

Братченко 1976 – *Братченко С.Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – Киев: Наумкова думка, 1976. – 252 с.

Виноградов 2018 – *Виноградов Н.Б.* Символы топора в социально-культовой практике у населения позднего бронзового века // Statum plus. – 2018. – № 2. – С. 273-285.

Виноградов, Хайратдинов 2018 – *Виноградов Н.Б., Хайратдинов Р.К.* Новые данные о культовой практике населения Южного Зауралья позднего бронзового века // Поволжская археология. – 2018. – С. 91-105.

Волков 1980 – *Волков В.В.* Институт археологии АН СССР в 50-70 годах // КСИА. – 1980. – Вып. 163. – С. 11-18.

Гаджиев 1986 – *Гаджиев М.Г.* Погребальные обряды раннеземледельческих племен Дагестана // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. – Махачкала, 1986. – 153 с.

Гутнов 1991 – *Гутнов Ф.К.* К этногенезу алан // Дарьял. – 1991. – № 4. – С. 229-237.

Гутнов 2011 – *Гутнов Ф.К.* Аланы: научно-популярные очерки истории. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. – 198 с.

Дворников 2011 – *Дворников Э.П.* Погребальный обряд археологических культур: о некоторых методических вопросах междисциплинарного подхода // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2. – С. 62-65.

Деген 1941 – *Деген Б.Е.* Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // Материалы и исследования по археологии СССР. – Москва-Ленинград, 1941. – № 3. – 324 с.

Догуз 1992 – *Догуз К.Г.* К вопросу о расселении алан на Кавказе в раннем средневековье // Проблемы этнографии осетин. – Вып. 2. – Владикавказ, 1992. – С. 12-26.

Иванов, Топоров 1965 – *Иванов В.В., Топоров В.Н.* – Славянские языковые моделирующие семиотические системы. – Москва: Наука, 1965. – 246 с.

Ильясов 2009 – *Ильясов Л.М.* Культура чеченского народа. – Москва: ЮНЕСКО и Благотворительный фонд имени Зии Бажаева, 2009. – 264 с.

Калоев 1994 – *Калоев Б.А.* Аланский субстрат в этногенезе балкарцев и карачаевцев по данным этнографии // От скифов – до осетин. Вып. 1: По материалам I Международной конференции «Осетиноведение: история и современность», 1994. – С. 83-97.

Каменецкий 1970 – *Каменецкий И.С.* Археологическая культура – ее определение и интерпретация // Советская археология. – 1970. – № 2. – С. 18-36.

Клейн 1998 – *Клейн Л.С.* Археология и этнография: проблема сопоставления // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы международного семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. – Омск-Санкт-Петербург, 1998. – Ч. 1. – С. 97-120.

Клещенко 2011 – *Клещенко А.А.* Северокавказская культура Закубанья: автореф. дисс... канд. ист. наук. – Москва: 2011. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека диссертаций – disserCat сайт. URL: <https://www.dissercat.com/content/severokavkazskaya-kultura-zakubanya> (дата обращения 15.04. 2024).

Клещенко 2018a – *Клещенко А.А.* Каменные втульчатые топоры эпохи средней бронзы Предкавказья: классификация и хронология // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века / Институт археологии Российской академии наук Ответственный редактор к.и.н. М.В. Андреева. – Москва: Институт археологии Российской академии наук, 2018. – С. 154-252.

Клещенко 2018b – *Клещенко А.А.* Некоторые локальные особенности погребальной обрядности эпохи ранней бронзы Предкавказья // Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы. Тезисы докладов круглого стола. – Москва: ИА РАН, 2018. – 92 с.

Ковалевская 2005 – *Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. – 398 с.

Кореневский 1993 – *Кореневский С.Н.* Погребения с каменными топорами эпохи средней бронзы в Центральном Предкавказье // Социальная дифференциация общества / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. – Москва: Наука, 1993. – С. 78–92.

Кореневский 2004 – *Кореневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. – Москва: Наука, 2004. – 246 с.

Кореневский 2019 – *Кореневский С. Н.* Наследие символики погребений с топорами эпохи IV тыс. до н.э. и ее варианты в комплексах Центрального Кавказа в "постмайкопский" период III тыс. до н.э. // Археологические памятники Оренбуржья – Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2019. – С. 81-102.

Крадин 2009 – *Крадин Н.Н.* Археологические культуры и этнические общности // Теория и практика археологических исследований. – 2009. – № 5. – С. 9-19.

Крупнов 1957 – *Крупнов Е.И.* Древняя культура и история Кабарды. – Москва: Издательство АН СССР, 1957. – 176 с.

Кук 2016 – *Кук М. Г.* Семантика солярных символов в художественном металле адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2016. – № 1(172). – С. 157-162.

Кузьминов, Мамхегова 2018 – *Кузьминов П.А., Мамхегова Л.Х.* Роль Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института в разработке проблем этногенеза адыгов в 40-е – 60-е годы XX века // Научная мысль Кавказа. – 2018. – № 3. – С. 56-60.

Кукушкин 2018 – *Кукушкин И.А.* Культурно-исторические истоки и наследие Синташтинской культуры // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии: сб. науч. тр. к 80-летию Геннадия Борисовича Здановича / отв. ред. Д.Г. Зданович. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, – 2018. – С. 62-77.

Кызласов 1999 – *Кызласов И.Л.* Скальные захоронения — особая категория погребальных памятников // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений: Сб. статей. – Москва: Восточная литература, 1999. – С. 169-200.

Ловпаче 1997 – *Ловпаче Н.Г.* Этническая история Западной Черкесии [с 6 тысячелетия до н. э. по XIX в.]. – Майкоп: Адыг. гос. ун-т, 1997. – 168 с.

Ловпаче 2019 – *Ловпаче Н.Г.* Майкопская культура и адыги // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева, 2019. – № 19 (43). – С. 75-83.

Максидов 2003 – *Максидов А.А.* Адыги и народы Причерноморья. – Нальчик: «Эльбрус», 2003. – 117 с.

Марков 2018 – *Марков И.Г.* Археологические источники в этнографических исследованиях Е.А. Крейновича // Первые краеведческие чтения: материалы научной конференции, посвященной памяти известного ученого-историка, архивиста, доктора исторических наук А.И. Костанова, Южно-Сахалинск, 07–08 декабря 2017 года / Министерство культуры и архивного дела Сахалинской области; ГБУК "Сахалинский областной краеведческий музей". – Южно-Сахалинск: Государственное бюджетное учреждение культуры "Сахалинский областной краеведческий музей", 2018. – С. 32-38.

- Марковин 1960 – *Марковин В.И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. (II тыс. до н. э.) – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 151 с.
- Марковин 1991 – *Марковин В.И.* Об археологическом аспекте в изучении этногенеза вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов. – 1991. – С. 8-9.
- Марковин 1995 – *Марковин В.И.* Заметки об изучении духовно-культовой стороны погребальных древностей [1995] [Электронный ресурс] // Активный туризм на Юге России: сайт. URL: http://budetinteresno.info/kraeved/pogreb_markovin.htm (дата обращения 28.04.2024).
- Мизиев 1991 – *Мизиев И.М.* Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая, XIII-XVIII вв.: Важнейшие этногенет. аспекты: В помощь учителям-историкам, краоведам, студентам и учащейся молодежи / М-во нар. образования КБССР. – Нальчик: Нарт, 1991. – 190 с.
- Молчанов, Валиахметов, Букачева [и др.] 2024 – *Молчанов И. В., Валиахметов И.А., Букачева А.О.* [и др.] Каменные топоры эпохи бронзы из фондов музея-заповедника «Аркам» // Археология Евразийских степей. – 2024. – № 1. – С. 264-284.
- Мунчаев 1975 – *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. – Москва: Наука, 1975. – 416 с.
- НА ИГИ КБНЦ РАН 26 – Научный архив ИГИ КБНЦ РАН. / Г.И. Ионе. «Отчет о полевых работах археологической экспедиции в 1963 году». – Ф. 21. – Оп. 1. – Д. 26.
- НА ИГИ КБНЦ РАН 51 – Научный архив ИГИ КБНЦ РАН. / И.М. Чеченов «Отчет о работе II отряда археологической экспедиции КБНИИ за 1963 г.». – Ф. 21. – Оп. 1. – Д. 51.
- Нелин 1996 – *Нелин Д.В.* Материалы к юго-западным связям Южного Зауралья в эпоху бронзы // Историко-археологические изыскания / Отв. ред. С.Г. Басин. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1996. – С. 86–92.
- Нелин, Шилов 2004 – *Нелин Д.В., Шилов С.Н.* Каменный полированный топор с территории Южного Зауралья // Уфимский археологический вестник. – Вып. 5. – 2004. – С. 282-283.
- Ольховский 1991 – *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). – Москва: Наука, 1991. – 256 с.
- Рыбаков 1981 – *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. – Москва: Наука, 1981. – 607 с.
- Савченко 1999 – *Савченко Е.И.* Погребальный обряд Мощевой Балки (Северный Кавказ) // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений: Сб. статей. – Москва: Восточная литература, 1999. – С. 147-169.
- Семенова 2007 – *Семенова В.И.* Археолого-этнографическое моделирование погребального обряда в структурно-семиотическом контексте // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2007. – № 7. – С. 120-130.
- Сериков 2008 – *Сериков Ю.Б.* Использование фрагментов керамики в культах и ритуалах // Народы и религии Евразии. – 2008. – № 2. – С. 11-30.
- Смирнов 1964 – *Смирнов А.П.* К вопросу об археологической культуре // Советская археология. – 1964. – № 4. – С. 3-10.
- Федоров 1996 – *Федоров Г.С.* История происхождения кумыков. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1996. – 176 с.
- Фоменко 2016 – *Фоменко В.А.* К истории археологического изучения территории Кабардино-Балкарской республики (сектор археологии КБИГИ) // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 10-4. – С. 135-141.
- Цвинария 1990 – *Цвинария И.И.* Взаимоотношения культур энеолита и ранней бронзы Западного Кавказа. – Сухуми: Алашара, 1990. – 33 с.
- Чеченов 1965 – *Чеченов И.М.* Новый памятник северокавказской культуры // Ученые записки. – Т. 23. Юбилейное издание, 1965. – С. 297-306.
- Чеченов 1969 – *Чеченов И.М.* Древности Кабардино-Балкарии: (Материалы к археол. карте) / Под ред. канд. ист. наук В.А. Кузнецова; Кабард.-Балкар. науч.-исслед. ин-т при Совете Министров КБА ССР. – Нальчик: «Эльбрус», 1969. – 152 с.
- Шилов 1995 – *Шилов Ю.А.* Прародина ариев: история, обряды и мифы – Киев: СИНТО, 1995. – 739 с.

Юринов 2020 – Юринов Б.Н. Этнографическое изучение объектов историко-культурного наследия на примере памятников археологии Кабардино-Балкарской Республики // Russian Colonial Studies. – 2020. – Т. 5, № 1. – С. 181-205.

REFERENCES

- CHILDE G. *Piecing Together the Past*. – London: Routledge and Kegan Pau, 1956. – 186 p.
- ALEKSHIN V.A. *Pogrebal'ny'j obryad kak arxeologicheskij pamyatnik* [Funeral rite as an archaeological monument]. In: KSIA. – Moskva: Nauka, 1981. – № 167. – P. 3–9. (In Russ.).
- ALIEV K.M. *Problema proisxozhdeniya kumy'kov* [The problem of the origin of Kumyks]. In: Byulleten' Kumy'skogo nauchno-kul'turnogo obshhestva. – Maxachkala, 2011. – № 1 – P. 4–18. (In Russ.).
- ATAEV G.D, Axundov T.I. *Pogrebal'ny'j obryad, kak istochnik izucheniya ideologicheskix predstavlenij Dagestana, e'poxi srednej bronzy'* [The funeral rite as a source for studying the ideological representations of Dagestan, the Middle Bronze Age]. In: Istoriya, arxeologiya i e'tnografiya Kavkaza. – 2021. – № 1. – P. 115–162. (In Russ.).
- BGAZHNOKOV B.X. *Majkopskaya kul'tura i problemy' drevnejshej istorii ady'gov* [Mai-kop culture and problems of the ancient history of the Circassians]. In: Izvestiya KBNC RAN. – 2011. – № 4. – P. 5–15. (In Russ.).
- BETROZOV R.Zh. *Ady'gi: Istoki e'tnosa* [Adygi: The Origins of the ethnos.]. – Nal'chik: «E'l'brus», 1990. – 133 p. (In Russ.).
- BETROZOV R.Zh. *Proiskhozhdenie i etnokulturnye svyazi ady'gov* [Origin and ethnocultural connections of the Circassians]. – Nalchik: «NarT», 1991. – 168 p. (In Russ.).
- BETROZOV R.Zh. *Ady'gi: vozniknovenie i razvitie e'tnosa* [Adygi: the emergence and development of an ethnic group]. – Nal'chik: «E'l'brus», 1998. – 279 p. (In Russ.).
- BOROV A.X. *E'tnogenez i regionogenez v stanovlenii istoricheskoy Kabardino-Balkarii* [Ethnogenesis and regionogenesis in the formation of historical Kabardino-Balkaria]. In: E'lektronny'j zhurnal "Kavkazologiya". – 2023. – № 3. – P. 14–75. (In Russ.).
- BRATCHENKO S.N. *Nizhnee Podon'e v e'poxu srednej bronzy'* [Nizhniye Podonye in the Middle Bronze Age.]. – Kiev: Naumkova dumka, 1976 – 252 p. (In Russ.).
- VINOGRADOV N.B. *Simvoly' topora v social'no-kul'tovoj praktike u naseleniya pozdnego bronzovogo veka* [Symbols of the axe in social and cult practice among the population of the late Bronze Age]. In: Statum plus. – 2018. – № 2. – P. 273–285. (In Russ.).
- VINOGRADOV N.B., XAJRYATDINOV R.K. *Novy'e dannye o kul'tovoj praktike nasele-niya Yuzhnogo Zaural'ya pozdnego bronzovogo veka* [New data on the cult practice of the popula-tion of the Southern Trans-Urals of the Late Bronze Age]. IN: Povolzhskaya arxeologiya. – 2018. – P. 91–105. (In Russ.).
- VOLKOV V.V. *Institut arxeologii AN SSSR v 50-70 godax* [Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences in 50-70 years]. IN: KSIA. – 1980. – Vy'p. 163. – P. 11–18. (In Russ.).
- GADZHIEV M.G. *Pogrebal'ny'e obryady' rannezemledel'cheskix plemen Dagestana* [Rites and cults of the ancient and medieval population of Dagestan]. In: Obryady' i kul'ty' drevnego i srednevekovogo naseleniya Dagestana. – Maxachkala, 1986. – 153 p. (In Russ.).
- GUTNOV F.K. *K e'tnogenezu alan* [Towards ethnogenesis alan]. In: Dar'yal. – 1991. – № 4. – P. 229–237. (In Russ.).
- GUTNOV F.K. *Alany': nauchno-populyarny'e ocherki istorii.* [Alans: popular science essays on history]. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2011. – 198 p. (In Russ.).
- DVORNIKOV E.P. *Pogrebal'ny'j obryad arxeologicheskix kul'tur: o nekotory'x metodicheskix voprosax mezhdisciplinarnogo podxoda* [The funeral rite of archaeological cultures: on some methodological issues of an interdisciplinary approach]. In: Istoricheskie, filosofskie, poli-ticheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy' teorii i praktiki. – 2011. – № 2. – P. 62–65. (In Russ.).

DEGEN B.E. *Kurgany` v Kabardinskom parke g.Nal`chika* [Mounds in the Kabardian Park of Nalchik]. In: *Materialy` i issledovaniya po arxeologii SSSR*. – Moskva–Leningrad, 1941. – № 3. – 324 p. (In Russ.).

DOGUZOV K.G. *K voprosu o rasselenii alan na Kavkaze v rannem srednevekov`e* [On the question of the settlement of the Alans in the Caucasus in the early Middle Ages]. In: *Problemy` e`tnografii osetin*. – Vy`p. 2. – Vladikavkaz, 1992. – P. 12-26. (In Russ.).

IVANOV V.V. TOPOROV V.N. *Slavyanskije yazy`kovy`e modeliruyushhie semioticheskie sistemy* [Slavic language modeling semiotic systems]. – Moskva: Nauka, 1965. – 246 p. (In Russ.).

IL`YASOV L.M. *Kul`tura chechenskogo narod* [Culture of the Chechen people]. – Moskva: YuNESKO i Blagotvoritel`ny`j fond imeni Zii Bazhaeva, 2009. – 264 p. (In Russ.).

KALOEV B.A. *Alanskij substrat v e`tnogeneze balkarcev i karachajcev po danny`m e`tnografii* [The Alan substrate in the ethnogenesis of the Balkars and Karachays according to ethnography]. In: *Ot skifov – do osetin. Vy`p.1: Po materialam I Mezhdunarodnoj konferencii "Osetinovedenie: istoriya i sovremennost`"*. – 1994. – P. 83-97. (In Russ.).

KAMENECZKIJ I.S. *Arxeologicheskaya kul`tura – ee opredelenie i interpretaciya* [Archaeological culture – its definition and interpretation]. In: *Sovetskaya arxeologiya*. – 1970. – № 2. – P. 18-36. (In Russ.).

KLEJN L.S. *Arxeologiya i e`tnografiya: problema sopostavleniya* [Archaeology and ethnography: the problem of comparison]. In: *Integraciya arxeologicheskix i e`tnograficheskix issledovanij. Materialy` mezhdunarodnogo seminara, posvyashhyonnogo 155-letiyu so dnya rozhdeniya D.N. Anuchina*. – Omsk-Sankt-Peterburg. – 1998. – Ch. 1. – S. 97-120. (In Russ.).

KLESHHENKO A.A. *Severokavkazskaya kul`tura Zakuban`ya*: [The North Caucasian culture of Zakuban] avtoref. diss... kand. ist. nauk. – Moskva: 2011. [E`lektronny`j resurs]. In: *E`lektronnaya biblioteka dissertacij – disserCat sajt*. URL: <https://www.dissercat.com/content/severokavkazskaya-kultura-zakubanya> (data obrashheniya 15.04. 2024). (In Russ.).

KLESHHENKO A.A. *Kamenny`e vtul`chaty`e topory` e`poxi srednej bronzy` Predkavkaz`ya: klassifikaciya i xronologiya* [Stone hollow axes of the Middle Bronze Age of the Caucasus: classification and chronology]. In: *Arxeologicheskie pamyatniki i mezhkul`turny`e fenomeny` e`neolita i bronzovogo veka / Institut arxeologii Rossijskoj akademii nauk Otvetstvenny`j redaktor k.i.n. M.V. Andreeva*. – Moskva: Institut arxeologii Rossijskoj akademii nauk, 2018. – P. 154-252. (In Russ.).

KLESHHENKO A.A. *Nekotory`e lokal`ny`e osobennosti pogrebal`noj obryadnosti e`poxi rannej bronzy` Predkavkaz`ya* [Some local features of the funeral rites of the Early Bronze Age of the Pre-Caucasus]. In: *Svyazi i vzaimootnosheniya kul`tur bronzovogo veka Cirkumpontijskogo regiona: novy`e danny`e i materialy`*. Tezisy` dokladov kruglogo stola. – Moskva: IA RAN, 2018. – 92 p. (In Russ.).

KOVALEVSKAYA V.B. *Kavkaz – skify`, sarmaty`, alany` I ty`s. do n.e`. – I ty`s. n.e`*. [Scythians, Sarmatians, Alans I thousand BC – I thousand AD]. – Pushhino: ONTI PNCz RAN, 2005. – 398 p. (In Russ.).

KORENEVSKIY S.N. *Pogrebeniya s kamenny`mi toporami e`poxi srednej bronzy` v Central`nom Predkavkaz`e* [Burials with stone axes of the Middle Bronze Age in the Central Caucasus]. In: *Social`naya differenciaciya obshhestva / Otv. red. G.E. Afanas`ev*. – Moskva: Nauka, 1993. – P. 78–92. (In Russ.).

KORENEVSKIY S.N. *Drevnejshie zemledel`cy i skotovody` Predkavkaz`ya* [The most ancient farmers and cattle breeders of the Pre-Caucasus]. – Moskva: Nauka, 2004. – 246 p. (In Russ.).

KORENEVSKIY S. N. *Nasledie simvoliki pogrebenij s toporami e`poxi IV ty`s. do n.e`. i ee varianty` v kompleksax Central`nogo Kavkaza v "postmajkopskij" period III ty`s. do n.e`* [The legacy of the symbolism of burials with axes of the IV millennium BC and its variants in the complexes of the Central Caucasus in the "post-Maikop" period of the III millennium BC]. In: *Arxeologicheskie pamyatniki Orenburzh`ya – Orenburg: Orenburgskij gosudarstvenny`j pedagogicheskij universitet*, 2019. – P. 81-102. (In Russ.).

KRADIN N.N. *Arxeologicheskie kul'tury i e'tnicheskie obshhnosti* [Archaeological cultures and ethnic communities]. In: *Teoriya i praktika arxeologicheskix issledovanij*. – 2009. – № 5. – P. 9-19. (In Russ.).

KRUPNOV E.I. *Drevnyaya kul'tura i istoriya Kabardy*. [Ancient culture and history of Kabarda]. – Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1957. – 176 p. (In Russ.).

KUEK M. G. *Semantika solyarny'x simvolov v xudozhestvennom metalle ady'gov* [Semantics of solar symbols in the artistic metal of the Adygs]. In: *Vestnik Ady'gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. – 2016. – № 1(172). – P. 157-162. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A, MAMXEGOVA L.X. *Rol' Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta v razrabotke problem e'tnogeneza ady'gov v 40-e-60e gody' XX veka*. [The role of the Kabardino-Balkarian Research Institute in the development of problems of ethno-genesis of the Adygs in the 40s-60s of the XX century]. In: *Nauchnaya my'sl' Kavkaza*. – 2018. – № 3. – P. 56-60. (In Russ.).

KUKUSHKIN I.A. *Kul'turno-istoricheskie istoki i nasledie Sintashtinskoj kul'tury* [Cultural and historical origins and heritage of the Sintashta culture]. In: *Stepnaya Evraziya v e'poxu bronzy: kul'tury, idei, texnologii: sb. nauch. tr. k 80-letiyu Gennadiya Borisovicha Zdanovicha / otv. red. D. G. Zdanovich*. — Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. gos. un-ta, 2018. – P. 62-77. (In Russ.).

KY'ZLASOV I.L. *Skal'ny'e zaxoroneniya — osobaya kategoriya pogrebal'ny'x pamyatnikov* [Funeral rite. Reconstruction and interpretation of ancient ideological ideas]. In: *Pogrebal'ny'j obryad. Rekonstrukciya i interpretaciya drevnix ideologicheskix predstavlenij: Sb. statej*. – Moskva: Vostochnaya literatura, 1999. – P. 169-200. (In Russ.).

LOVPACHE N.G. *E'tnicheskaya istoriya Zapadnoj Cherkessii [s 6 ty'syacheletiya do n. e'. po XIX v.]* [The ethnic history of Western Circassia from the 6th millennium BC to the XIX century]. – Majkop : Ady'g. gos. un-t, 1997. – 168 p. (In Russ.).

LOVPACHE N. G. *Majkopskaya kul'tura i ady'gi* [Maikop culture and the Adygs]. In: *Vestnik nauki Ady'gejskogo respublikanskogo instituta gumanitarny'x issledovanij imeni T.M. Kerasheva*. – 2019. – № 19(43). – P. 75-83. (In Russ.).

MAKSIDOV A.A. *Ady'gi i narody' Prichernomor'ya* [Adygs and the peoples of the Black Sea region]. – Nal'chik: «E'l'brus», 2003. – 117 p. (In Russ.).

MARKOV I.G. *Arxeologicheskie istochniki v e'tnograficheskix issledovaniyax E.A. Krejnovicha* [Archaeological sources in ethnographic studies of E.A. Kreinovich]. In: *Pervy'e kraevedcheskie chteniya: materialy' nauchnoj konferencii, posvyashhennoj pamyati izvestnogo uchenogo-istorika, arxivista, doktora istoricheskix nauk A.I. Kostanova, Yuzhno-Saxalinsk, 07–08 dekabrya 2017 goda / Ministerstvo kul'tury i arxivnogo dela Saxalinskoj oblasti; GBUK "Saxalinskij oblastnoj kraevedcheskij muzej"*. – Yuzhno-Saxalinsk: Gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie kul'tury "Saxalinskij oblastnoj kraevedcheskij muzej", 2018. – P. 32-38. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Kul'tura plemen Severnogo Kavkaza v e'poxu bronzy. (II ty's. do n. e.)* [The Culture of the tribes of the North Caucasus in the Bronze Age. (II thousand BC)]. – Moskva: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1960. – 151 p. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Ob arxeologicheskom aspekte v izuchenii e'tnogeneza vajnaxov* [On the archaeological aspect in the study of the ethnogenesis of the Vainakhs]. In: *Problemy' proisxozhdeniya naxskix narodov*. – 1991. – P. 8-9. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Zametki ob izuchenii duxovno-kul'tovoj storony' pogrebal'ny'x drevnostej* [Notes on the study of the spiritual and cult side of funerary antiquities] [1995] [E'lektronny'j resurs]. In: *Aktivny'j turizm na Yuge Rossii: sajt*. URL: http://budetinteresno.info/kraeved/pogreb_markovin.htm (data obrashheniya 28.04.2024). (In Russ.).

MIZIEV I.M. *Ocherki istorii i kul'tury' Balkarii i Karachaya, XIII-XVIII vv.: Vazhnejšie e'tnogenet. aspekty'* [Essays on the history and culture of Balkaria and Karachay, XIII-XVIII centuries]: V pomoshh' uchitelyam-istorikam, kraevedam, studentam i uchashhejsya molodezhi / M-vo nar. obrazovaniya KBSSR. – Nal'chik: Nart, 1991. – 190 p. (In Russ.).

MOLCHANOV I.V., VALIAXMETOV I.A., BUKACHEVA A.O. *Kamenny`e topory` e`poxi bronzy` iz fondov muzeya-zapovednika «Arkaim»* [Stone axes of the Bronze Age from the funds of the Arkaim Museum-Reserve]. In: *Arxeologiya Evrazijskix stepej*. – 2024. – № 1. – P. 264-284. (In Russ.).

MUNCHAEV R.M. *Kavkaz na zare bronzovogo veka*. [The Caucasus at the dawn of the Bronze Age]. – Moskva: Nauka, 1975. – 416 p. (In Russ.).

Nauchny`j arxiv IGI KBNCz RAN [Scientific Archive of IGI KBNTS RAS] / G.I. Ione. *Otchet o polevy`x rabotax arxeologicheskoy e`kspedicii v 1963 godu*. F. 21. Op. 1. D. 26. (In Russ.).

Nauchny`j arxiv IGI KBNCz RAN [Scientific Archive of IGI KBNTS RAS] / I.M. Chechenov «*Otchet o rabote II otryada arxeologicheskoy e`kspedicii KBNII za 1963 g.*» F.21. Op. 1. D. 51. (In Russ.).

NELIN D.V. *Materialy` k yugo-zapadny`m svyazyam Yuzhnogo Zaural`ya v e`poxu bronzy`* [Materials to the South-western connections of the Southern Trans-Urals in the Bronze Age]. In: *Istoriko-arxeologicheskie izy`skaniya / Otv. red. S.G. Basin*. – Samara: Izd-vo SamGPU, 1996. – P. 86–92. (In Russ.).

NELIN D.V., SHILOV S.N. *Kamenny`j polirovanny`j topor s territorii Yuzhnogo Zaural`ya* [A stone polished axe from the territory of the Southern Trans-Urals]. In: *Ufimskij arxeologicheskij vestnik*. – Vy`p. 5. – 2004. – P. 282-283. (In Russ.).

OL`XOVSKIY V.S. *Pogrebal`no-pominal`naya obryadnost` naseleniya stepnoj Skifii (VII–III vv. do n.e`.)*. [Funeral and memorial rites of the population of steppe Scythia (VII–III centuries BC)]. – Moskva: Nauka, 1991. – 256 p. (In Russ.).

RY`BAKOV B.A. *Yazy`chestvo drevnix slavyan*. [Paganism of the ancient Slavs]. – Moskva: Nauka, 1981. – 607 p. (In Russ.).

SAVCHENKO E.I. *Pogrebal`ny`j obryad Moshhevoj Balki (Severny`j Kavkaz)* [The funeral rite of the Moshevaya Beam (North Caucasus)]. In: *Pogrebal`ny`j obryad. Rekonstrukciya i interpretaciya drevnix ideologicheskix predstavlenij: Sb. statej*. – Moskva: Vostochnaya literatura, 1999. – P. 147-169. (In Russ.).

SEMEENOVA V.I. *Arxeologo-e`tnograficheskoe modelirovanie pogrebal`nogo obryada v strukturno-semioticheskom kontekste* [Archaeological and ethnographic modeling of the funeral rite in a structural and semiotic context]. In: *Vestnik arxeologii, antropologii i e`tnografii*. – 2007. – № 7. – P. 120-130. (In Russ.).

SERIKOV Yu.B. *Ispol`zovanie fragmentov keramiki v kul`tax i ritualax* [The use of ceramic fragments in cults and rituals]. In: *Narody` i religii Evrazii*. – 2008. – № 2. – P. 11-30.

SMIRNOV A.P. *K voprosu ob arxeologicheskoy kul`ture* [On the question of archaeological culture]. In: *Sovetskaya arxeologiya*. – 1964. – № 4. – P. 3-10. (In Russ.).

FEDOROV G.S. *Istoriya proisxozhdeniya kumy`kov* [The history of the origin of Kumyks]. – Maxachkala: Dagestanskoe knizhnoe izd-vo, 1996. – 176 p. (In Russ.).

FOMENKO V.A. *K istorii arxeologicheskogo izucheniya territorii Kabardino-Balkarskoj respubliki (sektor arxeologii KBIGI)* [On the history of archaeological study of the territory of the Kabardino-Balkarian Republic (KBIGI archeology sector)]. In: *Sovremenny`e tendencii razvitiya nauki i texnologij*. – 2016. – № 10-4. – P. 135-141. (In Russ.).

CZVINARIYA I.I. *Vzaimootnosheniya kul`tur e`neolita i rannej bronzy` Zapadnogo Kavkaza* [The relationship between the cultures of the Eneolithic and Early Bronze of the Western Caucasus]. – Suxumi: Alashara, 1990. – 33 p. (In Russ.).

CHECHENOV I.M. *Novy`j pamyatnik severokavkazskoj kul`tury`* [A new monument of North Caucasian culture]. In: *Ucheny`e zapiski*. T. 23. Yubilejnoe izdanie, 1965. – P. 297-306. (In Russ.).

CHECHENOV I.M. *Drevnosti Kabardino-Balkarii*: [Antiquities of Kabardino-Balkaria] (Materialy` k arxeol. karte) / Pod red. kand. ist. nauk V.A. Kuznecova; Kabard.-Balkar. nauch.-issled. in-t pri Sovete Ministrov KBA SSR. – Na`chik: «E`l`brus», 1969. – 152 p. (In Russ.).

SHILOV Yu.A. *Prarodina ariev: istoriya, obryady` i mify`* [The ancestral home of the Aryans: history, rituals and myths]. – Kiev: SINTO, 1995. – 739 p. (In Russ.).

YURINOV B.N. *E`tnograficheskoe izuchenie ob`ektov istoriko-kul`turnogo naslediya na primere pamyatnikov arxeologii Kabardino-Balkarskoj Respubliki* [The ancestral home of the Aryans: history, rituals and myths]. IN: Russian Colonial Studies. – 2020. – Т. 5, № 1. – Р. 181-205. (In Russ.).

Информация об авторе

Л.Х. Гучапшева – аспирант.

Information about the author

L.Kh. Guchapsheva – a graduate student.

Статья поступила в редакцию 23.05.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 23.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Научная статья

УДК 93/94(470.64)

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-48-62

EDN: APBOTW

**К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКЗЕКУТОРОВ В СОСТАВЕ
КАБАРДИНСКОГО ВРЕМЕННОГО СУДА В 1822–1858 ГОДАХ**

Георгий Дмитриевич Иванов

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, george.ivanov.1998@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0423-2444>

Аннотация. Статья посвящена особенностям деятельности экзекуторов в составе Кабардинского временного суда, действовавшего с 1822 по 1858 год. По этому вопросу изучены рапорты, предписания, сообщения, журнальные постановления временного суда, резолюции и надписи вышестоящего начальства и т.п. Рассмотрены условия введения должности экзекуторов. Характеризуется штат экзекуторского корпуса. В рамках данного вопроса уделяется внимание: 1) стандартам для соискателей данной должности; 2) процедуре подбора кадров на должность экзекутора; 3) персоналу, обеспечивающему деятельность экзекуторов. Рассмотрены порядок службы и работы экзекуторов. Характеризуются как иерархические, так неиерархические связи экзекуторов с другими учреждениями и должностными лицами. Были даны предположения по территориальной организации экзекуторов. Рассмотрен основной функционал экзекуторов, выполняемый ими в рамках исполнения решений, исходящих от Кабардинского временного суда и начальника Центра Кавказской линии. Акцентируется внимание на издержках при выполнении экзекуторами своих обязанностей. Сделан вывод о том, что линейное начальство играло основную роль в организации деятельности экзекуторов.

Ключевые слова: экзекуторы, судебные решения, начальник Центра Кавказской линии, Кабардинский временный суд, судебно-исполнительная деятельность

Для цитирования: Иванов Г.Д. К вопросу о деятельности экзекуторов в составе Кабардинского временного суда в 1822–1858 годах // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 48-62. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-48-62. EDN: APBOTW.

© Иванов Г.Д., 2024

Original article

**ON THE ISSUE OF THE ACTIVITIES OF THE EXECUTORS AS PART
OF KABARDIAN PROVISIONAL COURT IN 1822-1858**

Georgy D. Ivanov

Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, george.ivanov.1998@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0423-2444>

Abstract. The essay investigates the specifics of the executioners' responsibilities in the Kabardian Provisional Court, which operated from 1822 until 1858. This topic has been investigated through reports, orders, communications, journal judgments of the temporary court, resolutions and inscriptions of higher authorities, and so on. The requirements for establishing the post of executor have been explored. The staff of the execution corps is described. Within the framework of this issue, attention is paid to: 1) standards for applicants for this position; 2) the procedure for selecting personnel for the position of executor; 3) personnel who ensure the activities of executors. The sequence of service and the executors' efforts are regarded. Executors' communications with other institutions and authorities are classified into hierarchical and non-hierarchical categories. Certain assumptions were made concerning the executioners' geographical structure. The primary job of the executors is regarded, as it pertains to the implementation of rulings issued by the Kabardian Provisional Court and the head of the Caucasian Line Center. The executor's attention is focused on the expenses of performing this feature. It is found that the line officials had a significant role in coordinating the executioners' activity.

Key words: executors, court decisions, head of the Center of the Caucasian line, Kabardian Provisional Court, judicial and executive activities

For citation: Ivanov G.D. On the issue of the activities of the executors as part of Kabardian provisional court in 1822-1858. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 48-62. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-48-62. EDN: APBOTW.

© Ivanov G.D., 2024

Введение

Учреждение Кабардинского временного суда (далее. – КВС) в 1822 г. стало одним из важных этапов интеграции народов Центрального Кавказа в правовое пространство Российской империи. Суд представлял собой учреждение нового типа на территории региона. Дальнейшая модернизация деятельности этого органа правосудия привела в том числе и к преобразованиям в судебной исполнительской деятельности, часть которой осуществляли специальные исполнители судебных решений – экзекутора. Исследование истории их деятельности дает возможность углубить представления о системе исполнения наказаний за преступления в 1822–1858 гг. Изучение источниковой базы проблемы дает возможность узнать не только особенности организации деятельности экзекуторов по исполнению судебных решений, но и формы их взаимодействия с вышестоящими органами и иными субъектами исполнения наказания в рассматриваемый период.

Некоторые аспекты поставленной проблемы частично затрагивались в работах Н.Ф. Грабовского [Грабовский 1870], В.М. Букаловой [Букалова 1949], Г.А. Кокиева [Кокиев 2005], А.В. Казакова [Казаков 2006], А.Х. Абазова [Абазов 2007а; Абазов 2007б; Абазов 2017; Абазов 2023] и др. Кроме того, основные направления деятельности судебной-административных учреждений на Центральном Кавказе рассматривались в трудах Т.Х. Кумыкова [Кумыков 1963], Ж.А. Калмыкова [Калмыков 2007], З.М. Блиевой [Блиева 1992], Х.М. Думанова [Думанов 1990; Думанов, Крымшохалова (Думанова) 2009], Е.И. Кобахидзе [Кобахидзе 2008], Г.Н. Малаховой [Малахова 2001], А.Н. Кубатко [Кубатко 2003] и др. В работах этих авторов рассмотрены вопросы административно-территориальных и управленческих преобразований на Северном Кавказе, осу-

ществляемых российской администрацией в дореволюционный период, начиная со второй половины XVIII в. Были изучены административные и судебные учреждения, учрежденные российской администрацией, в том числе и КВС.

Вместе с тем до настоящего времени сохранилась богатая источниковая база, позволяющая подробно исследовать основные направления деятельности экзекуторов в сфере исполнения наказаний за преступления в 20–50-е гг. XIX в. Некоторые материалы, относящиеся к деятельности экзекуторов, были введены в научный оборот в опубликованных сборниках документов под редакцией В.К. Гарданова [Материалы по обычному праву... 1956] и Е.О. Крикуновой [Документы по истории... 1959], а также сборнике архивных документов «Из истории Кабардинского временного суда 1822-1858 гг.» [Из истории... 2008]. Большое количество материалов было извлечено нами из фондов Управления Центрального Государственного архива Архивной службы КБР (далее – УЦГА АС КБР). В ходе исследования были изучены рапорты, предписания, сообщения, журнальные постановления КВС, резолюции и надписи вышестоящего начальства на входящие документы и надписи самих экзекуторов на получаемую корреспонденцию, уведомления, прошения от представителей местного населения о разбирательствах споров и конфликтов, докладные записки, приказы. Проанализированные документы можно разделить по видовой принадлежности на следующие группы: 1) делопроизводственные документы, адресованные экзекутору вышестоящими учреждениями; 2) делопроизводственные документы, исходящие от экзекуторов в рамках их компетенции; 3) делопроизводственные документы, в которых прямо и косвенно указывается на деятельность экзекуторов. Их анализ позволяет рассмотреть особенности кадровой ротации, порядок их службы, штатный состав экзекуторского корпуса, территориальную организацию их деятельности, их функции и некоторые издержки при выполнении возложенных на них обязанностей.

Основная часть

Должность экзекутора была введена предписанием главнокомандующего Отдельным кавказским корпусом генерала от инфантерии А.П. Ермолова КВС № 49 от 31 марта 1824 г. [АКАК 1875: 473-474]. Данный документ был подготовлен, с одной стороны, с целью принятия мер по борьбе с недобросовестной работой членов суда, а с другой стороны, с целью оптимизировать их деятельность и предоставить им возможность совмещать работу в суде с ведением домашнего хозяйства. Должность экзекуторов также была введена для облегчения работы суда в целях ускорения судопроизводства, а именно исполнения решений за пределами суда [АКАК 1875: 473-474]. Можно предположить, что появление данного предписания было реакцией на невыполнение членами суда их обязанностей.

Штат экзекуторского корпуса. В том же предписании А.П. Ермолов задал стандарт для соискателей должности экзекуторов: назначались два человека от представителей знатных кабардинских фамилий. Анализ архивных документов показывает, что в течение всего периода деятельности суда требования к ним сохранялись. В должности экзекутора на протяжении всего периода функцио-

нирования КВС работали представители местного населения, а именно, привилегированных сословий кабардинского общества: князья и первостепенные уорки, состоявшие на службе в российской армии в офицерских званиях. Первыми экзекуторами были назначены Джамбулат Кучуков и князь Беслан Хамурзин. За свою работу они получали жалованье в размере 250 руб. в год [АКАК 1875: 473-474].

Подбор кадров на должность экзекутора, в том числе порядок назначения и отстранения от должности, был регламентирован актами линейного начальства. Непосредственно экзекуторов на должность назначал начальник Центра Кавказской линии (далее – начальник Центра). Решение оформлялось его предписанием в адрес КВС, которое вступало в силу после утверждения Командующим войсками на Кавказской Линии и Черномории (далее – Командующий войсками). Например, в предписании начальника Центра генерал-лейтенанта Грамотина КВС № 1943 от 13 ноября 1852 г. об утверждении нового состава суда и его председателя говорилось о том, что в должности экзекутора в Атажукиной и Мисостовой фамилии вместо подпоручика Куденетова, избранного членом суда, был утвержден Кайсын Анзоров [Из истории... 2008: 152]. Об утверждении Анзорова, а также штабс-ротмистра Дударова, начальник Центра входил с представлением к Командующему войсками [Из истории... 2008: 152].

Вступление в должность экзекутора проходило после принятия соискателем должности присяги. Сведения о таких присягах сохранились в источниках. Например, предписание начальника Центра генерал-майора Грамотина КВС № 306 от 28 февраля 1853 г. содержит сведения о приведении к присяге штабс-ротмистра князя Адильгирея (или Адиль-Герия) Иналова [Из истории... 2008: 155-156]. В предписании также содержалась форма присяжного листа [Из истории... 2008: 155-156]. В работе А.В. Казакова дается биография Адиль-Герия Иналова [Казаков 2006: 128]. Это тот же человек, что упоминается в предписании. Согласно А.В. Казакову, Иналов занимал должность экзекутора КВС и в 1857 г. [Казаков 2006: 128].

Ротация кадров могла происходить в связи с увольнением экзекуторов по уважительным причинам. Например, в рапорте КВС исправляющему должность (далее – и.д.) начальника Центра № 732 от 8 декабря 1847 г. содержались сведения о причинах увольнения экзекутора князя Казиева по личным обстоятельствам (гибель брата) [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 7-8]. В документе также содержалась краткая характеристика кандидата в экзекуторы князя Кайтуко Хамурзина [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 7-8]. Согласно предписания и.д. начальника Центра КВС № 2666 от 13 декабря 1847 г. на данный рапорт, бывший экзекутор передавал новому для продолжения работы все предписания начальника Центра и суда [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 7].

На основании анализа приказа по Кабардинскому Округу № 9 от 19 июля 1858 г. видно, что экзекутор штабс-ротмистр князь Иналова и поручик Казиев были отстранены от должности за неисполнение ими своих служебных обязанностей [Из истории... 2008: 200-201]. Документ был подписан помощником начальника Кабардинского округа [Из истории... 2008: 200-201]. На момент

данного предписания административно-судебная система Кабарды находилась в переходном периоде. На основании Высочайше утвержденного положения «Об управлении Кавказской армией» от 1 апреля 1858 г. КВС должен был быть упразднен и вместо него был создан Кабардинский окружной суд [Абазов 2017: 223]. Это было также подтверждено предписанием начальника Кабардинского округа КВС № 835 от 19 июня 1858 г. о переименовании КВС в Кабардинский окружной суд [Из истории... 2008: 199-200]. Можно утверждать, что за отстранение экзекуторов от должности отвечал представитель высшей военной власти в регионе, в подведомственности которого находился временный суд, – как начальник Центра, так и в дальнейшем начальник Кабардинского округа.

Деятельность экзекуторов обеспечивали его помощник, писарь (письмоводитель) и переводчик. В статье А.Х. Абазова, посвященной некоторым аспектам деятельности экзекуторов, приводятся сведения о штате корпуса экзекуторов на 1851 г. [Абазов 2007а: 73]. Согласно его данным, в то время экзекуторами были князья штабс-ротмистр Адиль-Гирей Иналов и поручик Бек-Мурза Казиев, их помощниками – корнет Барок Конов и прапорщик Исмаил Анзоров, письмоводителями – штабс-ротмистр Заурбек Дударов и капитан Кайсын Анзоров [Абазов 2007а: 73]. Сообщение начальника Центра генерал-майора Грамотина КВС № 1144 от 21 июля 1853 г. показывает, что в распоряжении экзекуторов также находились милиционеры [Из истории... 2008: 164-165]. Согласно документу, начальник Центра разрешал потребовать по два милиционера от экзекуторов, которые состояли бы в распоряжении председателя суда для различных поручений [Из истории... 2008: 164-165].

В источниках сохраняются сведения и о взаимодействии экзекуторов с казачьими военными формированиями для осуществления деятельности по исполнению решений КВС. Однако вопрос о подведомственности казаков экзекуторам требует дополнительного исследования. В том же предписании генерала А.П. Ермолова № 49 от 31 марта 1824 г., помимо экзекуторов, также говорилось и о казаках, что они «отвечали за посылки и призыв к суду» [АКАК 1875: 473-474]. Г.А. Кокиев также указывает на это обстоятельство, отмечая, что при экзекуторах был специальный отряд казаков [Кокиев 2005: 605]. Другим упоминанием связи казаков с экзекуторами является предписание начальника Центра в КВС № 1606 от 23 сентября 1846 г. Экзекутору прапорщику князю Касаеву должен был отправиться с командой казаков и кабардинцев в аулы с целью задержания преступников К. и С. [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 4-5].

Таким образом, введение штата корпуса экзекуторов было частью преобразований российской администрации по адаптации местного населения к новым стандартам в части судебно-исполнительного производства.

Порядок службы и работы экзекуторов. Помимо кадровых перестановок начальник Центра устанавливал порядок службы и работы, предусматриваемый для экзекутора и его персонала. Сведения об этом содержатся в документах и.д. начальника Центра полковника князя Эристова. В предписании КВС № 1665 от 12 октября 1848 г. [Из истории... 2008: 92] устанавливалось, что если суд собирался для решения дел, то экзекутора должны были находиться в крепости Нальчик, в случае роспуска (отпуска) суда – поочередно один из экзекуторов

или их помощников присутствовал в Нальчике. Согласно представлению КВС № 1915 от 9 ноября 1848 г. [Из истории... 2008: 95], когда суд в сборе, экзекуторы и их помощники находились в Нальчике поочередно каждую неделю, а именно: неделю экзекуторы находились в Нальчике при суде, а их предписания выполняли помощники, а на следующей неделе наоборот – помощники при суде, а экзекуторы выполняли предписание.

Коммуникация экзекуторов с другими учреждениями и должностными лицами. В пределах своей компетенции экзекуторы взаимодействовали с различными учреждениями и должностными лицами. Их коммуникацию условно можно разделить на две категории: 1) коммуникация в рамках иерархии; 2) коммуникация вне иерархии. В первом случае речь идет о подчинении экзекуторов вышестоящим органам, у которых они находились в подчинении, а именно начальнику Центра и КВС. Основными документами, которые данные субъекты издавали в отношении экзекуторов, были предписания [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 3-об.; УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 32-32 об.; УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 2-2 об.]. Иногда на входящих документах начальник Центра делал надписи, которые становились обязательными для исполнения суду и экзекуторам. Отчитывался же экзекутор о своей деятельности посредством рапортов и надписей на предписаниях [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 17; УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 4-4 об; Материалы по обычному праву... 1956: 241]. Во втором случае речь идет о межведомственном взаимодействии с субъектами, с которыми экзекутор не состоял в иерархическом подчинении. Примером такого взаимодействия является коммуникация с приставами некоторых проживавших на Центральном Кавказе народов (карачаевцев и абазин (до 1840 г.), малокабардицев (с 1830 по 1858 гг.), балкарцев (с 1846 по 1858 гг.), дигорцев и т.п.). А.Х. Абазов установил, что деятельность пристава балкарского народа сопровождалась блоком документов с учреждениями и должностными лицами, с которыми пристав не состоял в отношениях иерархической соподчиненности, в число которых и входил экзекутор [Абазов 2023: 287]. Анализ предписания старшего экзекутора Большой Кабарды пристава балкарского народа Хоруеву о возвращении кабардинского «холопа», нашедшего приют в Балкарии от 26 сентября 1849 г. [Документы по истории... 1959: 25] и предписания экзекутора Большой Кабарды пристава балкарского народа Исаакову о понуждении чегемских крестьян удовлетворить претензии узденя Куденетова за землю от 29 мая 1851 г. [Документы по истории... 1959: 38] говорит о том, что они взаимодействовали в пределах своей компетенции по вопросам исполнения наказаний в отношении балкарского населения региона.

Территориальная организация деятельности экзекуторов. Приведенные аспекты взаимодействия экзекутора и приставов говорят о том, что экзекутор действовал на определенной подведомственной ему территории, не затрагивая территориальную юрисдикцию пристава. Говоря о территориальной организации экзекуторов, стоит вернуться к предписанию начальника Центра № 1943 от 13 ноября 1852 г. Тогда Кайсын Анзоров и штабс-ротмистр Дударов были назначены экзекуторами в Атажукиной и Мисостовой фамилиях. Журнальные

постановления КВС № 38 от 22 октября 1849 г. и от 8 декабря 1849 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 8-11; Материалы по обычному праву... 1956: 321-323] дают информацию, что первое постановление передается в «эксекUTORство», а второе эксекUTORу Атажукиной фамилии. А.В. Казаков восстановил биографию Исмаила Анзорова, помощника эксекUTора Кайтукиной и Бекмурзиной фамилии [Казаков 2006: 38-39]. В связи с этим можно предположить по территориальной организации эксекUTоров следующее: 1) на территории двух фамилий действовал один эксекUTORский корпус, и тогда схема расположения эксекUTоров соответствовала расположению родовых судов и расправ, действовавших на территории Кабарды с 1793 по 1807 гг.; 2) каждая княжеская фамилия Большой Кабарды делегировала в суд эксекUTора.

Функции. Главной задачей эксекUTоров на подведомственной им территории было исполнение решений административно-судебного характера, исходящих от КВС и начальника Центра. Анализ делопроизводственной документации, связанной с эксекUTорами, раскрывает их большой функционал при исполнении данных решений. Главным актором, влияющим на данный функционал, на наш взгляд, являлся начальник Центра.

Одной из основных функций эксекUTоров было проведение процедуры барантования, а также взыскание штрафов в денежной и натуральной формах на основе приговоров КВС.

Под влиянием политики царской администрации институт барантования кабардинцев подвергся трансформации в конце XVIII – начале XIX в. Если изначально барантование было неотъемлемым правом правящей верхушки, то к началу XIX в. данное право было ограничено. Согласно А.Х. Абазову начало трансформации данного института можно отнести к моменту учреждения духовных судов «мехкеме» в Кабарде в 1807 г., и выражалось оно в ограничении княжеских прав на барантование. Автор доказывает это, приводя положения «Народного условия, сделанного 10 июля 1807 года после прекращения в Кабарде заразы, в отмену прежних обычаев», где ограничивалось самовластие князей в части наложения штрафа. Также приводятся замечания генерала Эммануэля по запрету князей на право грабить чужое имущество в 1822 г. В 40-х гг. XIX в. самовольное барантование запрещалось имперскими властями и приравнивалось к незаконному захвату чужого имущества [Абазов 2007б: 150-151]. В связи с этим, порядок барантования скота подвергся регламентации со стороны российского начальства.

Порядок барантования скота устанавливался предписанием начальника Центра генерал-майора князя В.С. Голицына КВС № 1031 от 25 мая 1844 г. [Из истории... 2008: 51-52]. Так как князь или уздень не могли барантовать самопроизвольно, они были обязаны просить суд разрешения начальника Центра, по которому барантовку утверждали и давали соответствующее предписание эксекUTORу. ЭксекUTOR отправлялся с переводчиком без просителя в аул, подлежащий барантованию, и объявлял его жителям предписание, отправлялся в стадо и выделял оттуда лучший скот с последующим вручением просителю. В случае конфликтов со стороны жителей аула эксекUTOR не прибегал к насилию, а рапортовал начальнику Центра, после чего ослушники несли ответственность по

российским законам и постановлениям. Баранта в этом случае взималась в двойном размере: одна часть отходила просителю, вторая часть, взятая за неисполнение распоряжения властей, продавалась на аукционе, и вырученные деньги поступали в Кабардинскую общественную сумму. КВС также не мог приступить к барантовке без разрешения начальника Центра. В случае если начальник Центра считал необходимым провести барантовку кого-либо, в том числе князей и узденей, то экзекутору вручалось предписание. Экзекутор с переводчиком объявлял предписание обществу и повторял все вышеописанное и забарантованное отправлял в Нальчик. Баранта поступала по назначению начальника Центра в инженерство или продавалась с аукциона [Из истории... 2008: 51-52]. Данное предписание показывает, что после перехода контроля над процессом барантования в руки российского начальства, именно экзекутор, исполняя данную функцию, являлся его представителем.

Еще раз отметим, что взимание штрафов осуществлялось экзекуторами в натуральной и денежной формах. В случае отсутствия денег у ответчика экзекутор обращал взыскание на имущество ответчика эквивалентное сумме штрафа, каковым обычно являлся скот. Так, предположительно в 1848 г. экзекутор взыскал с кабардинца М-ва одного быка вместо 11 руб. 48 коп. серебром. В связи с этим суд просил начальника Центра приказать, кому следует удержать данную сумму в пользу следователя Ф-ва из жалования экзекутора, у которого оставался бык [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 10].

При отобрании штрафов и взысканий мог применяться принцип круговой поруки, т.е. в случае невозможности обнаружить непосредственного виновника, взыскивалось либо с жителей, либо с владельца аула, где произошло преступление. Экзекутору поручику князю Иналову было предписано взыскать 15 рублей с виновных в грабеже трех крестьян из села Воронцовки. Предположительными виновными оказались кабардинцы аула Куденетова. Экзекутору не удалось найти непосредственных виновников, поэтому взыскание осуществить не удалось. В связи с этим, начальник Центра предписал экзекутору взыскать 15 рублей серебром с аула для удовлетворения крестьян и еще взыскать штраф 15 рублей серебром за грабеж и буйство с непосредственных виновников. Если их не обнаружат, то деньги и штраф взыскивались с владельца аула [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 1-2]. Это говорит о том, что экзекутор не мог применять принцип круговой поруки по своему усмотрению. Для этого нужно было предписание начальника Центра или решение КВС.

Экзекутор мог участвовать в процессе распределения штрафов, что видно на следующем примере. Экзекутор собрал быков с кабардинцев Бекмурзиной и Кайтукиной фамилии за неявку некоторых кабардинцев к Каменному мосту на Малку. По этому случаю суд отправлял и.д. начальника Центра рапорт с ожиданием распоряжения по распределению штрафа [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 2. Т. 4. Л. 389]. По предписанию и.д. начальника Центра штраф разделялся на три части и раздавался председателю суда, членам суда, и в инженерство [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 2. Т. 4. Л. 386-386 об.]. По предписанию суда экзекутор должен был разделить штраф, а также взять из этого

штрафа трех быков на удовлетворение унтер-офицера Алексеева [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 2. Т. 4. Л. 388].

Согласно представлению начальника Кабардинского округа полковника князя В.В. Орбелиани КВС № 577 от 30 апреля 1858 г., у экзекуторов имелась шнуровая книга для записи прихода и расхода штрафных денег. Экзекуторам не могли делать расходы из штрафных денег. В расходной статье они отмечали: 1) время представления собранного Начальнику округа с обозначением даты и номера рапорта, при котором предоставлены штрафные вещи; 2) в какую цену было взыскание и с кого именно. Сумма проставлялась в последней приходной графе, чтобы можно было видеть общую сумму взысканий в течение каждого года [Из истории... 2008: 197].

Экзекуторы осуществляли функции по проведению следственной работы на досудебной стадии решения споров и конфликтов. Среди следственных действий, проводимых экзекуторами, можно выделить: 1) поиск подозреваемых [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 3-3 об.]; 2) опрос и снятие показаний [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 17]; 3) проведение дознания [Материалы по обычному праву... 1956: 241].

Отдельно следует упомянуть о следственных действиях в отношении абреков и их имущества. Основным здесь являлось проведение описи имущества сбежавших кабардинцев. Согласно докладной записке представительницы привилегированной кабардинской фамилии Ш. начальнику Центра № 5712 от 3 ноября 1846 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 121-121 об.], после побега ее сына в Чечню по приказанию начальника Центра поручик князь Иналов описал все ее имение. Рогатый скот в размере 5 штук и одной лошади увезли в Нальчик, 200 баранов также были отражены в описи. В надписи КВС № 49 за январь 1847 г. отмечено, что 200 штук овец, увезенных у просительницы, было доставлено в Нальчик и продано с аукциона [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 122-122 об.]. Экзекутор Бекмурза Касаев в рапорте и.д. начальника Центра полковнику Хлюпину от 18 июля 1846 г. [Материалы по обычному праву... 1956: 198] заявлял, что в ауле бежавшего узденя Магомета Куденетова вместе с депутатом поручиком Тахтамышевым и переводчиком Николаевым экзекутор опросил жителей под присягой об имуществе, холопах и землях узденя. На основе показаний была составлена опись. По предписанию секретарю КВС от начальника Центра № 387 от 28 марта 1848 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 28] секретарь вместе с экзекутором должны были описать, оценить и положить запрещение на имущество убитых абреков. Таким образом, экзекуторы проводили обеспечительные меры против указанных правонарушителей, что является начальной стадией в наказании абреков. После описи их имущество отправлялось в Нальчик и там продавалось.

В экзекуторский функционал входило выполнение действий силового характера в виде осуществления повальных обысков [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 36] и проведения арестов.

В функции экзекуторов также входило препровождение и представление различных лиц, прикосновенных к разбирательствам в суде. Примером здесь является рапорт старшего экзекутора Большой Кабарды штабс-капитана Абисалова

КВС № 33 от 5 ноября 1849 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 4-4 об.], где экзекутор представил узденя А. для разбирательства с холопом Н. за освобождение его семейства на волю отцом с выкупом в 4400 рублей серебром.

Административной функцией экзекуторов являлась выдача жителям Кабарды билетов на выезд за пределы Линии. Некоторые сведения об особенностях выполнения данной функции нам дают документы начальника Центра генерал-майора Грамотина за 1852-1853 гг. Выдача билетов сопровождалась описанием примет увольняемых и получением для суда полной информации о характере поездки и данных о местожительстве увольняемых. В случае вывоза скота при уезжающих должна быть опись [Из истории... 2008: 154]. Выборные старшины каждого аула были обязаны сообщать экзекуторам или приставам о наличии посторонних в их аулах без билетов [Из истории... 2008: 157-158]. В случае сомнения в честности кабардинцев экзекуторы не выдавали билеты без поручительства владельцев аулов и старшин [Из истории... 2008: 158-159]. Данная функция была отобрана у экзекуторов в 1853 году в пользу управления Центра. Причина объясняется в сообщении и.о. начальника Центра полковника Преображенского № 1171 от 24 июля 1853 г. [Из истории... 2008: 165]. Большая часть увольнительных билетов была выдана не экзекуторами, а их писарями. В том же году начальник Центра генерал-майор Грамотин своим предписанием КВС № 1924 от 5 декабря [Из истории... 2008: 167] запретил экзекуторам выдавать билеты. В соответствии с резолюцией и.о. начальника Большой Кабарды № 86 от 31 января 1858 г. [Из истории... 2008: 185] писари экзекуторов осуществляли данную функцию в самом крайнем случае. На основании этого можно утверждать, что формально экзекуторы были лишены данной функции, за редким исключением, еще за 5 лет до упразднения КВС.

В качестве еще одной функции экзекутора можно выделить объявление жителям Кабарды предписаний начальника Центра. Наличие данной функции доказывает рапорт экзекутора Большой Кабарды капитана Абисалова в КВС № 299 от 4 сентября 1850 г. [Из истории... 2008: 126] о том, чтобы жители в ночное время не находились в лесах и других скрытных местах. Начальник Центра давал предписание суду, которое нужно объявить по всем аулам. Суд выбирал для этой роли экзекутора, который уже в последующем рапортовал о выполнении данного объявления.

Издержки деятельности экзекуторов. Анализ архивных документов позволяет выявить и некоторые издержки в деятельности экзекуторов.

В предписании и.д. начальника Центра КВС № 1148 от 17 ноября 1842 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 2. Т. 4. Л. 403-403 об.]. КВС было приказано объявить прапорщику князю Хамурзину о том, что, собирая штрафы быками, ему не следовало вместо этого брать шашку, которую нужно было вернуть хозяину.

В.М. Букалова подчеркивает, что часто экзекуторы использовали барантовку в личных целях [Букалова 1949: 49-50]. На их незаконное обогащение также указывает и А.Х. Абазов [Абазов 2007а: 75]. Подтверждением данных утверждений может послужить прошение узденя К-ва начальнику Центра от 6 июня 1848 года [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 148. Л. 1-1 об.]. Экзеку-

тор князь Иналов необоснованно взыскал пару быков и четыре лошади с К-ва по причине «грубых слов», якобы произнесенных им в адрес экзекутора. При этом К-в перечисляет свидетелей, готовых под присягой подтвердить, что он ничего грубого в адрес экзекутора не говорил, в связи с чем, просит вернуть ему изъятую собственность.

Были также примеры и умышленного неисполнения экзекуторами требований начальства, а также пособничества преступникам. Предписание начальника Центра в КВС № 1606 от 23 сентября 1846 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 4-5] дает информацию о неисполнении экзекутором князем Касаевым предписаний начальства по кабардинцам К-тову, Ш-ву, С-ву К-кову. Экзекутор должен был с командой казаков и кабардинцев отправиться в аулы, доставить К-това и С-ва в Нальчик. Экзекутор этого не исполнил, а также имел тайный контакт с С-вым в его ауле, хотя экзекутор должен был его задержать. Также он не провел арест К-кова, хотя приказ об этом он получил два месяца назад. Тем самым он дал возможность виновным скрыться и бежать. В результате начальник Центра предписал другому экзекутору корнету князю Иналову отправиться в аулы данных лиц и арестовать их, их имущество, а также перевезти их семьи в Нальчик [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 4-5].

Сведения еще об одном подобном случае представлены в уже упоминаемом нами приказе по Кабардинскому Округу № 9 от 19 июля 1858 г. об отстранении экзекутора штабс-ротмистра князя Иналова и поручика Казиева. За экзекуторами числились следующие провинности: 1) с 19 июня оба посетили помощника начальника Кабардинского округа только один раз; 2) князь Иналов, якобы по болезни, не исполнил поручение по аресту князей Наурузовых или их баранщиков; 3) князь Казиев не исполнил предписания по аресту князя Хамурзина, более того, он содействовал ему в укрывательстве от преследования милиционеров, посланных для его ареста. По этим причинам оба экзекутора были устранены от своих должностей с прекращением жалования. Их обязанности стали исполнять их помощники – корнет Седаков и прапорщик Хаудов [Из истории... 2008: 200-201]. Оба помощника уже 7 августа того же года в соответствии с приказом начальника Кабардинского Округа полковника, князя В.В. Орбелиани № 1083 [Из истории... 2008: 203-205] были зачислены в милицию, находящуюся в распоряжении Начальника округа. Это было связано с введением нового штатного расписания управления округом и утверждением Кабардинского окружного народного суда в 1858 г.

Работа экзекуторов при КВС была завершена в 1858 г.

Заключение

Таким образом, должность экзекуторов была утверждена в 1824 г. в качестве меры для оптимизации судопроизводства КВС и выполняла свои задачи вплоть до его ликвидации в 1858 г. На должность привлекались приведенные к присяге российские офицеры, которые также были представителями привилегированных сословий кабардинского общества.

Начальник Центра играл главную роль в организации деятельности экзекуторов, что выражалось: 1) в назначении их на должность, проведении кадровых

перестановок, в том числе и отстранения; 2) во влиянии на функционал экзекуторов; 3) в утверждении порядка службы и работы экзекуторского корпуса. Данный корпус был нужен для облегчения работы экзекутора и имел следующий штат: помощника, писаря, переводчика, а также милицию.

В деятельности экзекутора также имелись элементы коммуникации с другими учреждениями и должностными лицами, которые делятся на две категории. К первой категории относятся коммуникации по иерархии, выражающиеся в подчинении экзекуторов вышестоящим органам (начальник Центра и КВС). Ко второй категории относятся неиерархические связи, выражавшиеся во взаимодействии с субъектами, с которыми экзекутор не состоял в иерархическом подчинении. Именно такого рода взаимодействием являлась коммуникация экзекутора с приставами. Они взаимодействовали в пределах своей компетенции по вопросам исполнения наказаний в отношении народов региона. Экзекутор действовал на определенной подведомственной ему территории, не затрагивая территориальную юрисдикцию пристава.

Источники позволяют охарактеризовать территориальную организацию деятельности экзекуторов следующим образом: 1) на территории двух фамилий действовал один экзекуторский корпус, и тогда схема расположения экзекуторов соответствовала расположению родовых судов и расправ; 2) каждая княжеская фамилия Большой Кабарды делегировала в суд экзекутора.

Основная задача экзекуторов заключалась в исполнении решений суда и начальника Центра. Выполнение данной задачи давало экзекутором большой функционал. Наиболее часто экзекуторы выполняли следующие функции: 1) барантование, штрафование, взыскание; 2) проведения следственной работы, в том числе и выполнение мер обеспечительного характера по отношению к абрекам; 3) проведение ареста; 4) проведение повального обыска; 5) препровождение и представлении различных лиц в суд; 6) выдача билетов; 7) объявление по Кабарде предписаний начальника Центра.

Архивные документы показали, что данный функционал экзекутора выполняли с издержками, сопровождающимися случаями некомпетентности экзекуторов, необоснованного взыскания, а также неисполнения приказов начальства и пособничества правонарушителям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2007а – Абазов А.Х. Некоторые аспекты деятельности экзекуторов в судебной системе Кабарды первой половины XIX в. // История науки и техники. – 2007. – № 8. – С. 72-76.

Абазов 2007б – Абазов А.Х. Трансформация института барантования кабардинцев в дореформенный период // Исторический вестник. V выпуск. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.; Эль-Фа, 2007. – С.148-159.

Абазов 2017 – Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа в политико-правовом пространстве Российской империи: судебные преобразования конца XVIII – нач. XX в.: Дисс. ... док. ист. наук. – Нальчик, 2017. – 505 с.

Абазов 2023 – Абазов А.Х. Документальное обеспечение деятельности приставского управления балкарского народа в 1846-1858 годах // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 282-292.

АКАК 1875 – *Акты Кавказской Археографической комиссии. Т. VI. Часть II* – Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1875. – 950 с.

Блиева 1992 – *Блиева З.М.* Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. – Владикавказ: СОГУ, 1992. – 108 с.

Букалова 1949 – *Букалова В.М.* Кабардинский временный суд (1822–1858) // Архив ИГИ КБНЦ РАН. – Ф. 1. – Оп. 5. – Ед. Хр. 57.

Грабовский 1870 – *Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1870. – Вып. IV – С. 1-78.

Документы по истории... 1959 – *Документы по истории Балкарии (40–90 гг. XIX в.)* / Сост. Е.О. Крикунова. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. – 262 с.

Думанов 1990 – *Думанов Х.М.* Социальная структура и обычное право кабардинцев в нормах адата (первая половина XIX в.). – Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1990. – 263 с.

Думанов, Крымшохалова (Думанова) 2009 – *Думанов Х.М., Крымшохалова (Думанова) Ф.Х.* Вхождение Кабарды в правовое пространство Российского государства в конце XVIII – первой четверти XIX веков // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 3. – С. 25–29.

Из истории... 2008 – *Из истории Кабардинского временного суда 1822-1858 гг.* – Пятигорск, РИА-КМВ, 2008. – 225 с.

Казаков 2006 – *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.; Эль-Фа, 2006. – 405 с.

Калмыков 2007 – *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX в.). – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.; Эль-Фа, 2007. – 232 с.

Кобахидзе 2008 – *Кобахидзе Е.И.* Из истории становления судебно-административной системы на Центральном Кавказе в дореформенный период // Российское общество: историческая память и социальные реалии. Материалы межрегиональной научно-практической конференции: XIV Адлерские чтения. – Адлер: Традиция, 2008. – С. 124-126.

Кокиев 2005 – *Кокиев Г.А.* Кабардинский временный суд // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов. Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетова. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.; Эль-Фа, 2005. – С. 602-608.

Кубатко 2003 – *Кубатко А.Н.* История становления российской судебной системы на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX в.). – Пятигорск: изд-во «Технологический университет», 2003. – 197 с.

Кумыков 1963 – *Кумыков Т.Х.* Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (конец XVIII – XIX вв.) // Учебные записки КБНИИ. – Вып. XIX. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1963. – С. 90-101.

Малахова 2001 – *Малахова Г.Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. – Ростов н/Д: Изд. СКАГС, 2001. – 392 с.

Материалы по обычному праву... 1956 – *Материалы по обычному праву кабардинцев (первая половина XIX в.)* / Сост. Б.А. Гарданов – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. – 427 с.

УЦГА АС КБР. Ф. И-23. – *Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-23 «Кабардинский временный суд».*

REFERENCES

ABAZOV A.KH. *Nekotorye aspekty deyatel'nosti ekzekutorov v sudebnoi sisteme Kabardy pervoi poloviny XIX v.* [Some aspects of the activities of executors in the judicial system of Kabarda in the first half of the XIX century]. In: *Istoriya nauki i tekhniki*. – 2007. – № 8. – P. 72-76. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Transformatsiya instituta barantovaniya kabardintsev v doreformennyi period* [The transformation of the Kabardian Barant institution in the pre-Reform period]. In: *Istoricheskii vestnik*. – V vypusk. – Nal'chik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.; El'-Fa, 2007. – P. 148-159. (In Russ).

ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v politiko-pravovom prostranstve Rossiiskoi imperii: sudebnye preobrazovaniya kontsa XVIII – nach. XX v.* [The Peoples of the Central Caucasus in the Political and Legal Space of the Russian Empire: judicial Transformations of the late XVIII – early XX century. XX century]: Diss. ... dok. ist. nauk. – Nal'chik, 2017. – 505 p. (In Russ).

ABAZOV A.KH. *Dokumental'noe obespechenie deyatelnosti pristavskogo upravleniya balkarskogo naroda v 1846-1858 godakh* [Documenting the activities of the bailiff's office of the Balkar people in 1846-1858]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2023. – № 3. – P. 282 – 292. (In Russ).

Akty Kavkazskoi Arkheograficheskoi komissii. T. VI. Chast' II [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. VI. Part II]. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1875. – 950 p. (In Russ).

BLIEVA Z.M. *Sistema upravleniya na Severnom Kavkaze v kontse XVIII – pervoi treti XIX v.* [The management system in the North Caucasus at the end of the XVIII – first third of the XIX century]. – Vladikavkaz: SOGU, 1992. – 108 p. (In Russ).

BUKALOVA V.M. *Kabardinskii vremennyi sud (1822–1858)* [Kabardian Provisional Court (1822-1858)]. In: *Arkhiv IGI KBNTs RAN*. – F. 1. – Op. 5. – Ed. Khr. 57. (In Russ).

GRABOVSKII N.F. *Ocherk suda i ugovolnykh prestuplenii v Kabardinskom okruge* [An outline of the court and criminal offenses in the Kabardian district]. In: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh*. – Tiflis, 1870. – Vyp. IV. – P. 1-78. (In Russ).

Dokumenty po istorii Balkarii (40–90 gg. XIX v.) [Documents on the history of Balkaria (40-90 years of the XIX century)] / Sost. E.O. Krikunova. – Nal'chik: Kab.-Balk. kn. izd-vo, 1959. – 262 p. (In Russ).

DUMANOV KH.M. *Sotsial'naya struktura i obychnoe pravo kabardintsev v normakh adata (pervaya polovina XIX v.)* [The social structure and customary law of Kabardians in the norms of the Adat (the first half of the XIX century)]. – Nal'chik: Izd-vo «El'brus», 1990. – 263 p. (In Russ).

DUMANOV KH.M., KRYMSHOKALOVA (DUMANOVA) F.KH. *Vkhozhdenie Kabardy v pravovoe prostranstvo Rossiiskogo gosudarstva v kontse XVIII – pervoi chetverti XIX vekov* [Kabarda's entry into the legal space of the Russian state at the end of the XVIII – first quarter of the XIX centuries]. In: *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik*. – 2009. – № 3. – P. 25–29. (In Russ).

Iz istorii Kabardinskogo vremennogo suda 1822-1858 gg. [From the history of the Kabardian Provisional Court of 1822-1858]. – Pyatigorsk: RIA-KMV, 2008. – 225 p. (In Russ).

KAZAKOV A.V. *Adygi (cherkesy) na rossiiskoi voennoi sluzhbe. Voevody i ofitsery. Seredina XVI – nachalo XX v.* [Adygs (Circassians) in the Russian military service. Commanders and officers. The middle of the XVI – the beginning of the XX century]. – Nal'chik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.; El'-Fa, 2006. – 405 p. (In Russ).

KALMYKOV ZH.A. *Integratsiya Kabardy i Balkarii v obshcherossiiskuyu sistemu upravleniya (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.)* [Integration of Kabarda and Balkaria into the all-Russian management system (the second half of the XVIII - the beginning of the XX century)] – Nal'chik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.; El'-Fa, 2007. – 232 p. (In Russ).

KOBAKHIDZE E.I. *Iz istorii stanovleniya sudebno-administrativnoi sistemy na Tsentral'nom Kavkaze v doreformennyi period* [From the history of the formation of the judicial and administrative system in the Central Caucasus in the pre-reform period]. In: *Rossiiskoe obshchestvo: istoricheskaya pamyat' i sotsial'nye realii. Materialy mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii: XIV Adlerskie chteniya*. – Adler: Traditsiya, 2008 – P. 124-126. (In Russ).

KOKIEV G.A. *Kabardinskii vremennyi sud* [Kabardian Provisional Court]. In: *Istoriya Kabardino-Balkarii v trudakh G.A. Kokieva. Sbornik statei i dokumentov. Vyyavlenie, arkheografiya, sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya G.Kh. Mambetova*. – Nal'chik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.; El'-Fa, 2005. – P. 602-608. (In Russ).

KUBATKO A.N. *Istoriya stanovleniya rossiiskoi sudebnoi sistemy na Severnom Kavkaze (konets XVIII – nachalo XX v.)* [The history of the formation of the Russian judicial system in the North Caucasus (late XVIII – early XX century)]. – Pyatigorsk: izd-vo «Tekhnologicheskii universitet», 2003. – 197 p. (In Russ).

KUMYKOV T.KH. *Iz istorii sudebnykh uchrezhdenii v Kabardino-Balkarii (konets XVIII – XIX vv.)* [From the history of judicial institutions in Kabardino-Balkaria (late XVIII – XIX centuries)]. In: *Uchebnye zapiski KBNII. – Vyp. XIX. – Nal'chik: Kab.-Balk. kn. izd-vo, 1963. – P. 90-101.* (In Russ).

MALAKHOVA G.N. *Stanovlenie i razvitie rossiiskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v kontse XVIII – XIX vv.* [The formation and development of Russian public administration in the North Caucasus at the end of the XVIII – XIX centuries]. – Rostov n/D Izd. SKAGS, 2001. – 392 p. (In Russ).

Materialy po obychnomu pravu kabardintsev (pervaya polovina XIX v.) [Materials on Kabardian customary law (the first half of the 19th century)] / Sost. B.A. Gardanov. – Nal'chik: Kabardinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1956. – 427 p. (In Russ).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. F. I-23 «Kabardinskii vremennyi sud». (In Russ).

Информация об авторе

Г.Д. Иванов – аспирант Научно-образовательного центра.

Information about the author

G.D. Ivanov – a postgraduate student at the Scientific and Educational Center.

Статья поступила в редакцию 11.04.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 11.04.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Научная статья

УДК 94(470.620)''1920/...''

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-63-83

EDN: CIRRSB

**ОТ ИМПЕРСКОГО К СОВЕТСКОМУ
ШКОЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ
ТРУДОВОЙ ШКОЛЫ НА КУБАНИ В 1920 ГОДУ**

Юрий Асланбиевич Яхутль

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
a075ca@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

Аннотация. Культурный рост советского многонационального народа стал результатом целенаправленной работы РКП(б) – ВКП(б) по ликвидации неграмотности населения и организации всеобщего образования детей школьного возраста. Политика большевиков в 1920-х гг. обеспечила советским гражданам доступ к бесплатному образованию и право национальным меньшинствам обучаться на родном языке. Страна сталкивалась с внутренними и внешними вызовами, которые требовали отвлечения серьёзных государственных ресурсов, но сфера образования оставалась приоритетной для коммунистической партии и обеспечивалась государственной поддержкой. Осмысление советского опыта организации школьного образования в условиях экономического кризиса начала 1920-х гг. и социалистической модернизации 1930-х гг. остаётся актуальной темой на примере не всегда удачных результатов реформ в образовании в постсоветский период. Концепция социальной справедливости, которая была в основе советской школы, позволила стать отечественной науке ведущей в мире. Школьное образование в СССР сложилось на основе традиционной российской образовательной концепции и тех новаций, которые были реализованы большевиками в 1920–1930-е гг. При этом, следует отметить, что организация и функционирование советской школы преследовала явно выраженные идеологические цели.

Ключевые слова: Кубань, единая трудовая школа, учитель, учащиеся, реформа образования.

Для цитирования: Яхутль Ю.А. От имперского к советскому школьному образованию: проблемы становления трудовой школы на Кубани в 1920 году // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 63-83. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-63-83. EDN: CIRRSB.

© Яхутль Ю.А., 2024

Original article

**FROM IMPERIAL TO SOVIET SCHOOL EDUCATION:
PROBLEMS OF THE FORMATION
OF A LABOR SCHOOL IN THE KUBAN IN 1920**

Yuri A. Yakhutl

Kuban State University, Krasnodar, Russia, a075ca@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

Abstract. The cultural growth of the Soviet multinational people resulted from the purposeful work of the RCP(b) – VKP(b) to eliminate the illiteracy of the population and organize universal education for school-age children. The policy of the Bolsheviks in the 1920s provided Soviet citizens with access to free education and the right of national minorities to study in their native language. The country faced internal and external challenges that required the diversion of serious state resources, but the field of education remained a priority for the Communist Party and was provided with state support. Understanding the Soviet experience of organizing school education in the conditions of the economic crisis of the early 1920s and the socialist modernization of the 1930s remains an urgent topic on the example of the not always successful results of educational reforms in the post-Soviet period. The concept of social justice, which was at the heart of the Soviet school, allowed Russian science to become the leading one in the world. USSR formed school education based on the traditional Russian educational concept and those innovations that were implemented by the Bolsheviks in the 1920 s and 1930 s. At the same time, it should be noted that the organization and functioning of the Soviet school pursued clearly expressed ideological goals.

Keywords: Kuban, unified labor school, teacher, students, education reform.

For citation: Yakhutl Y.A. From imperial to soviet school education: problems of the formation of a labor school in the Kuban in 1920. In: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 63-83. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-63-83. EDN: CIRRSB.

© Yakhutl Y.A., 2024

Введение

В каждой стране мира функционирует собственная исторически сложившаяся образовательная система. В России тоже накоплен исторический опыт успешного развития образовательной сферы. Были успехи в имперский период истории страны, но следует отметить советскую эпоху, которая отличается наивысшими достижениями в образовании, науке и культуре. С 1918 г. начинается школьная реформа Советской власти, и на протяжении 1920-х гг. она продолжается в соответствии с поставленными задачами. Новая концепция развития СССР в конце 1920-х гг. и «Великий перелом» положили конец реформаторству в сфере образования, открыв новую страницу в истории страны и образовании. Идеологизированность образования в РСФСР – СССР, основа которой была заложена ещё в 1920-е гг., не может служить основанием для отрицания достижений образовательной и воспитательной концепции советской школы. Опыт и достижения советских времён могут быть использованы в современной России, поскольку через три десятилетия после распада СССР снова появились предпосылки для превращения неграмотности взрослых в социально значимую проблему. Согласно оценкам экспертов Международной Хельсинкской группы, в России на начало 2000-х гг. было около 2 млн детей школьного возраста, не посещающих школы [Глущенко 2015: 254], при том, что образование, наука и культура населения являются важнейшей частью внутренней политики государства.

Обращаясь к истории России начала XX в. мы отмечаем появление большого количества политических партий, которые отличались по своим целям и идеологическим принципам, но их объединяла одна тема – ликвидация неграмотности и доступное образование. События октября 1917 г., когда власть в результате революции перешла к большевикам, стали отправной точкой для решения вопросов всеобщего образования и формирования советской (светской)

образовательной среды. Политика ликвидации неграмотности среди населения и создание советской школы преследовала цель с одной стороны, формирование полноценной грамотной личности, активно участвующего в общественно-политических событиях страны, а с другой – подготовку квалифицированных кадров социалистической экономики. РКП(б) предстояло преодолеть кризис неграмотности взрослого населения и детей школьного возраста, особенно в сельской местности.

На первом этапе кампании усилия большевиков были направлены не только на обучение, но и политическое образование населения. Большевики обоснованно ставили задачу распространения своей идеологии как приоритетной, способной сформировать социальную базу советской власти. Следовательно, кампания борьбы с неграмотностью сочеталась с политическим просвещением населения. Это отмечали большевики в официальных документах, когда политико-просветительские учреждения стали активными участниками борьбы за ликвидацию неграмотности. Таким образом, ликвидация неграмотности – это не только возможность получить изначальную степень грамотности, но и решать широкий круг культурных и политических задач. Этому были подчинены первые декреты советской власти: 26 октября 1917 г. – «Об образовании народного комиссариата по просвещению и назначении народным комиссаром А.В. Луначарского» и 9 ноября – «Об учреждении государственной комиссии по просвещению» [Народное образование... 1974: 7, 9], в результате чего Государственной комиссии перешли функции дореволюционного Министерства народного просвещения. Декретом СНК РСФСР от 26 июня 1918 г. «Об организации дела народного образования в Российской республике» [Декрет... 1942а: 621–625] были учреждены отделы народного образования, в ведении которых были дошкольное, школьное и внешкольное обучение. Первичным звеном, формирующейся советской образовательной структуры стали сельские отделы народного образования на уровне поселений, основной задачей которых была поддержка и развитие школьного образования, и ликвидация неграмотности на уровне деревни, станицы.

Советская образовательная система с момента её функционирования постоянно реформировалась как организационно, так и содержательно, отвечая запросам социалистического строительства – в этом было её преимущество и одновременно недостаток. Эта трансформация нашла своё отражение в историографии темы. В советской историографии основы изучения народного просвещения и ликвидации неграмотности были заложены ещё В.И. Лениным [Ленин 1977а: 116–117; Ленин 1977b: 155–175]. Большевики рассматривали борьбу с неграмотностью как неотъемлемое условие строительства социализма, а в более поздний период – как часть культурной революции. Публикации исследователей советского периода освещали проблемы школьного образования с точки зрения партийного руководства. При однопартийной системе данный подход был оправдан, так как не было иной альтернативы. Школа была не только образовательным, но и идеологическим инструментом, поэтому политика большевиков в этом вопросе была вполне логичной и отвечала интересам страны. Историографию проблемы ликвидации неграмотности взрослого населения и ор-

ганизации школьного образования в РСФСР – СССР в 1920–1930-х гг. условно можно разделить на три этапа. Хронологические рамки этапов исследования данной темы обусловлены политическими событиями в стране. Первый этап, 1920-е – середина 1930-х гг., представлен трудами, воспоминаниями государственных деятелей и непосредственных участников кампании по ликвидации неграмотности. Их объединяет единый подход в оценке государственной политики в области образования [Крупская 1924; Крупская 1960; Эпштейн 1926; Вейкшан 1928; Луначарский 1927; Луначарский 1958; Пинкевич 1927; Авербах 1929; Белькович 1938; Бройдо 1929; Веселов 1932]. С середины 1930-х г. до 1980-х г. можно рассматривать как второй этап историографии данной проблемы. Он отмечен вовлечением широкого круга архивных материалов в научный оборот, а также изучением проблемы ликвидации неграмотности в контексте культурного строительства в СССР [Куманев 1967; Куманев 1973; Кольцов 1960]. В 1948 г. вышел обобщающий труд по истории советской школьной системы «Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет» [Константинов, Медынский 1948]. Эта работа сформулировала основные оценки школьной политики 1918–1920-х гг. Во второй половине 1980-х гг. публикуются работы, посвящённые начальному этапу формирования советской школы в 1920–1930-х гг., в которых изучается опыт трудовой школы, партийного руководства, проблемы внедрения новых образовательных программ, оценка роли учителей по патриотическому воспитанию школьников и др. Исследователи обозначили ряд дискуссионных вопросов, но в целом, положительно оценивали результаты деятельности советской школы в предвоенные годы [Веселов 1987; Клицаков 1988; Монозон 1987; Очерки истории... 1986; Плясовских 1987; Худоминский 1986]. В постсоветской историографии советского школьного образования произошли значительные изменения в первую очередь, это попытка отойти от беспроblemного освещения темы и активное использования концепции модернизации образования. Исследователи изучают историю школьного образования СССР исходя из роли реформ и их влияния на модернизационные процессы в обществе. По мнению Э.Д. Днепров, реформы решали две группы задач: политические, социально-экономические, а также образовательные и педагогические [Днепров 1994; Днепров 1998]. Исследователи обращают внимание, что реформы в советском образовании часто сменялись контрреформами [Вяземский, Стрелова 1999]. Но это не наносило урон образовательной среде, а выступало своеобразным стабилизирующим фактом в ходе неравномерного развития процесса модернизации России [Алмаев 2020]. Они решали вопросы защиты национальной педагогической системы, сохранения культурной преемственности [Богуславский 2014; Богуславский 2016]. В целом, анализируя причины неудач реформ в образовании, исследователи акцентируют внимание на декларативном характере, отсутствии достаточного финансирования, а также поспешности их проведения. Постсоветский период характеризуется не только ослаблением идеологической зависимости исследователей, но возможностью включить в научный оборот новые архивные материалы и ростом количества исследований по данной теме [Земляная, Павлычева 2011; Белова 2015; Ходырев 2013; Иванова 2013; Рожков 2013]. Часть исследователей продолжают изучать

историю школьного образования в рамках традиционной проблематики, но появилось и новое направление – исследования истории советского детства. Оно основано на новых видах источников, в том числе личного происхождения. Данная тема стала активно изучаться с конца 1990-х – начала 2000-х гг. [Астафьев, Годовова 2022]

Цель – изучить особенности формирования единой трудовой школы и ликвидации неграмотности взрослого населения в начале 1920-х гг. на примере Кубани.

Из истории школьного образования российской империи начала XX столетия

Школьное образование в Европе прошло сложный, но содержательный исторический путь, в ходе которой сформировалась континентальная образовательная среда со своими традициями и научными направлениями. Составной частью этого процесса была и российская система образования. Однако неравномерность социально-экономического и политического развития европейских государств оказало существенное влияние на содержание и процесс формирования национальных школ. Первыми ввели обязательное обучение Австрия (1774 г.), Франция (1848 г., 1850 г.) и Англия (1886 г.). Наибольших успехов в развитии школьного и профессионального образования добилась Германия. По количеству грамотных к концу XIX в. она была одной из первых стран Европы: в 1884 г. неграмотных 1,27 %, в 1885 г. – 1,21 %, в 1890 г. – 0,51 %, в 1894 г. – 0,24 % [Соловьев 1930: 28]. Такие результаты были достигнуты за счёт администрирования школьного образования.

В начале XX в. большинство населения России не умело читать и писать. Итоги первой переписи населения, прошедшая в 1897 г., свидетельствовали о том, что 39 % взрослого населения империи были неграмотными. Перед правительством России стояли задачи по обеспечению устойчивого развития экономики и подготовки квалифицированных кадров, следовательно, необходимо было повышать образовательный уровень населения, развивать высшее образование и вести подготовку специалистов для промышленности. Первые инициативы в Российской империи по всеобщему обучению появились при Александре II. Однако, введение обязательного обучения возможно было только обеспечив её общедоступность для всего населения страны. Такими возможностями Российская империя не обладала. Лишь 3 мая 1908 г. приняли закон о всеобщем обучении, но в полном объёме он так и не был утверждён Государственной Думой. В 1909–1913 гг. предпринимались усилия по развитию образования, но отсутствие достоверных данных не позволяют объективно оценить их результаты. По мнению советских исследователей, при росте затрат Российской империи на просвещение в сумме 46 млн р. в 1907 г. и 137 млн р. в 1913 г., расходы в расчёте на одного человека составляли лишь 80 коп. в год [Дейнеко 1957: 40]. Школьная сеть планировалась так, чтобы радиус обслуживания учащихся не превышал трёх километров. Каждый учитель должен был обслуживать не более 50 школьников [Чугунов 1960: 13].

На фоне революционных событий 1905–1907 гг. передовая интеллигенция, признавая наличие значительной социальной дифференциации в обществе, предлагала внести изменения в организацию школьного образования на принципах бесплатности и доступности [Чарнолуцкий 1909: 77, 79]. Особо подчёркивалась необходимость исключения религиозных уроков из курса общественной школы, признавая это личным делом каждого гражданина [Чарнолуцкий 1909: 65]. К началу Первой мировой войны по сравнению с концом XIX в. уровень грамотности повысился до 27 % [Сычева, Сысолятина 2021: 84]. Однако в ходе Первой мировой и Гражданской войны положение дел с общим уровнем образования и грамотности населения в стране опять стало ухудшаться [Глущенко 2015: 249]. Перед началом Первой мировой войны в России проживало до 182 млн чел. – это одно из первых мест в мире по населению. Однако Россия уступала ведущим мировым державам по основным показателям развития образования. Отличительной чертой российского образования была её сословность и многотипность. Школьные переписи в России были проведены 20 марта 1880 г., 1 января 1894 г. и 18 января 1911 г. Их итоги свидетельствовали о заметном отставании империи от европейских стран по количеству школ на душу населения. По данным 1911 г. в России на 1 000 жителей приходилось 39 учеников, в то время как в Германии – 157, Франции – 152, Великобритании – 147 учеников. Кроме того, Россия по расходам на народное образование из расчёта на одного жителя превосходила только Испанию [Павлова 2017: 115]. Россия начала XX в. значительно отставала от США, как одного из передовых государств в реализации концепции всеобщего образования населения. В США учащиеся составляли 19,4 % населения – в России только 3,85 %. Из 22 государств Европы Россия занимала последнее место по количеству учеников на 100 жителей [Чеховъ 1912: 142].

Существовало и другое мнение относительно перспектив развития народного образования в России. Некоторые исследователи считали, что Октябрьская революция 1917 г. помешала успешному развитию образования [Чугунов 1960: 14]. Однако эти утверждения не соответствуют статистическим данным, которые использовали не только советские, но и дореволюционные исследователи [Пыхалов 2011: 196]. К началу Первой мировой войны на территории России работали 101 917 начальных и 1 654 неполных средних школ, 1 953 средних школ с общим число учащихся 7 896 249 чел. Число учащихся в начальных школах России за период с 1911 г. по 1913 г. выросло на 606 010 чел. [Константинов, Медынский 1948: 6]. В 1914/15 учебном году число детей, обучавшихся в начальных школах, составляло 51 % по отношению ко всему детскому населению 8–11 летнего возраста. К 1916 г. в Российской империи было около 140 тыс. школ разных типов [Сапрыкин 2009: 57]. Но в большинстве национальных окраин Российской империи народы не имели национальной школы и были лишены доступа к образованию.

Школьная система была построена на принципах сословности. Каждое сословие имело свои специальные школы. Крестьяне и рабочие, как правило, получали образование в школах с 3–4 годичным курсом обучения, в двухклассных начальных школах или высших начальных училищах. Для привилегиро-

ванных сословий были открыты гимназии, реальные и коммерческие училища. Система образования делилась на 2 части: первая, система элементарного образования и вторая, система среднего и высшего образования.

Отмечая наличие нерешённых вопросов и низкий образовательный уровень населения империи, дореволюционная школа обладала рядом достижений и преимуществ по сравнению с единой трудовой школой 1920-х гг., а именно, установленные точные сроки начала и конца учебного года и его деление на четверти, классно-урочная система и предметное построение учебных программ, а также установленные критерии оценки знаний.

Единая трудовая школа

– монополия государства в народном образовании

В начале 1920-х гг. советскому государству в сфере образования предстояло решить комплекс безотлагательных задач. Наряду с ликвидацией неграмотности взрослого населения Советская власть приступила к перестройке народного образования. Первые декреты большевиков провозгласили новые принципы и методы учебно-воспитательной деятельности и сформировали единую систему школьного обучения, стараясь использовать передовые для того времени идеи русских и зарубежных педагогов. Законодательная деятельность РКП(б) и СНК РСФСР на начальном этапе реформ, основанная на мобилизационных принципах, преследовала цель ликвидацию неграмотности взрослого населения и полный охват детей школьным образованием. Следует учитывать, что организация системы образования и просвещения взрослых в России на государственном уровне предпринималась впервые с одновременной разработкой её теоретических и методических основ. Кроме того, шли острые дискуссии по вопросам учебно-воспитательной, методической работы и статуса национальных школ в общегосударственной системе образования. Советская власть формировала единую трудовую школу на основе новых идеологических и организационно-правовых принципов.

Специфика кампании по борьбе с неграмотностью в начале 1920-х гг. состоит не только в её масштабах и темпах, но и в том, насколько она культурно, идеологически и психологически была связана с общим характером и направленностью перемен, происходивших в обществе [Глуценко 2015: 254]. Знаковым решением советского правительства стало отделение школы от церкви на основании Постановления Народного Комиссариата Просвещения от 15 декабря 1917 г. Постановлением Совнаркома от 21 января 1918 г. преподавание религиозных вероучений в государственных и общественных, а также частных учебных заведениях и исполнение религиозных обрядов в школах было запрещено. 30 сентября 1918 г. ВЦИК утвердил «Положение об единой трудовой школе РСФСР». Это решение привело к полному разрыву с предыдущей традицией образования. Положение» подробно и детально описывало организационные, содержательные и идеологические аспекты единой трудовой школы. Эти решения определили на долгие годы политику советской власти в отношении школьного образования. Главным достижением на данном этапе, при отсут-

ствии государственных ресурсов, стало провозглашение бесплатности и всеобщности обучения.

После восстановления советской власти на территории Кубани весной 1920 г. областной Ревком приступил к реализации планов единой трудовой школы. 23 марта 1920 г. В. Черный возглавил отдел народного образования Кубанского исполнительного комитета. Постановление о назначении подписал Председатель временного Кубанского Исполнительного Комитета А. Лиманский [ГАКК. Ф. Р–365. Оп. 1. Д. 6. Л. 1, 3, 4]. Штат отделов народного образования Кубанского края и Черноморской губернии утвердили в количестве 6 чел. [ГАКК. Ф. Р–365. Оп. 1. Д. 9. Л. 21] Областной отдел образования осуществлял руководство школьными и дошкольными учреждениями, местными органами образования, исполнял декреты и приказы НКП РСФСР. В его ведении находились школы I и II ступени, интернаты, опытно-показательные школы, детские колонии, детские площадки, школы-коммуны и подростковые клубы. Коллегия отдела рассматривала вопросы планирования, отчёты отдела и его подразделений и формировала общую политику в сфере народного образования Кубани. Внешкольное дело включало организацию работы изб-читален, библиотек, школ для взрослых, народных домов, клубов для взрослых и подростков, народных университетов, пунктов ликвидации неграмотности, детских домов, а также охрану детства. Штат местных отделов образования состоял из заведующего отдела, инспектора, заведующего политпросветом и ликвидатора неграмотности. Отдельно утвердили штат районных инспекторов: в Краснодарском, Славянском, Кавказском, Майкопском отделах по 6 чел., а в Новороссийском и Ейском отделе по 5 чел. В октябре 1922 г. руководителем областного отдела образования назначили М.А. Алексинского [ГАКК. Ф. Р–365. Оп. 1. Д. 73. Л. 11, 47]. Окончательно структура областного отдела народного образования сформировалась в апреле 1922 г., когда создали юридический отдел [ГАКК. Ф. Р–365. Оп. 1. Д. 111. Л. 10].

2 апреля 1920 г. школьный подотдел Кубанского областного отдела народного образования издал приказ № 7, который положил начало региональной реформы образования. В приказе было отмечено, что школьное образование формируется на основе принципов трудовой и интернациональной школы. Отказались от итоговых экзаменов, выдачи аттестатов и свидетельств об окончании курсов обучения. Взамен выдавали справки об окончании курсов. Школьное образование стало бесплатным. После того как содержание приказа стало известно большей части населения области оно вызывало возмущение и отрицание принципов единой трудовой школы.

Кубано-Черноморский областной отдел образования на основании декрета СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 2 февраля 1918 г. [Декрет... 1942b: 286–287] принял 21 мая 1920 г. решение, в соответствии с которым было запрещено преподавать религиозные учения, а учителей предметников уволить [ГАКК. Ф. Р–102. Оп. 1. Д. 14. Л. 7]. Школы получили распоряжение изъять учебники и литературу религиозного содержания, а также картины и портреты, не отвечавшие идеологии советской школы. Строго предписывали передать церкви специальную литературу или архивировать их,

но не уничтожать [ГАКК. Ф. Р–108. Оп. 1. Д. 2. Л. 14]. Вместо старых символов империи в классах появились тексты интернационала и Конституции РСФСР. Государственная комиссия по просвещению ещё в феврале 1918 г. отмечала, что, предоставляя каждому гражданину полную свободу в выборе вероисповедания, государство оставляет за собой право запретить преподавание религиозных вероучений во всех государственных, общественных и частных учебных заведениях, находящихся в ведении НКП РСФСР [ГАКК. Ф. Р–365. Оп. 1. Д. 195. Л. 11].

Изменения в управлении общеобразовательными учреждениями с восстановлением Советской власти в регионе происходили на фоне ухудшения деятельности общеобразовательных школ. В чрезвычайных условиях противостояния с бело-зелёными формированиями школьные здания продолжали использоваться для размещения частей РККА и хранения собранного продовольствия в период продразвёрстки.

Одним из главных направлений деятельности областного отдела образования стало проведение широкой агитационно-пропагандистской работы среди учителей, а именно, организацию мероприятий по ознакомлению с основами советской единой трудовой школы. Этот вопрос активно обсуждали в Екатеринодаре с 28 апреля по 5 мая на I съезде заведующих отдельскими отделами народного образования. Продолжение обсуждения темы единой трудовой школы состоялось 17–19 июня на втором совещании заведующих отделами народного образования [ГАКК. Ф. Р–365. Оп. 1. Д. 198. Л. 16]. Первый съезд работников просвещения Екатеринодарского отдела состоялся 14–19 июля 1920 г., на котором рассматривали переход к единой трудовой школе и план мероприятий к новому учебному году. Летом 1920 г. областной отдел народного образования работал по двум основным приоритетным вопросам: первое, разъяснить содержание школьной реформы и второе, поиск материальных ресурсов для возобновления учебных занятий. Надежда была только на собственные возможности и дополнительную мобилизация средств населения, сельских обществ и профессиональных союзов.

По решению областного отдела образования, к преподаванию в школах I ступени допустили специалистов, окончивших учительские семинарии, двухгодичные или одногодичные педагогические курсы, а также средние учебные заведения и выдержавшие экзамен на звание народного учителя. Могли преподавать школьные работники, не имеющие специальной подготовки, но с общим педагогическим стажем не менее 7 лет. Такая кадровая политика была вызвана острым дефицитом специалистов в сфере образования. Специальным распоряжением областного отдела образования от 4 августа 1920 г. назначили перевыборы в школах I и II ступени. К ним допустили только тех учителей, которые обратились с заявлением в конкурсную комиссию и получили положительные характеристики. Школьных работников, не подавших заявления в комиссию, освобождали от занимаемых должностей. Учителя кубанских станиц находились в тяжёлом положении. Высокие цены на продукты питания и отсутствие заработной платы в течение 2–3 месяцев ставили их на грань выживания. В некоторых населённых пунктах области булка хлеба стоила 400 р., кувшин моло-

ка 100 р. и т.д. Ответственные работники народного образования Кубано-Черноморской области оценивали ситуацию как критическую: «Общий крик учителей – дайте нам хлеба или пустите из школы..., мы уйдём в степь батраками, там нас хоть накормят» [ГАКК. Ф. Р–365. Оп. 1. Д. 205. Л. 103 об.]. Кроме того, школьные работники не получали мануфактуры, обуви, а приобретать их на свои средства они не имели возможности.

Учебные занятия проходили лишь 50 % учебных дней. Занятия в школах отменяли из-за отсутствия дров, нехватки одежды, обуви у учащихся, учебной литературы и канцелярских принадлежностей. Так, руководство школьного образования Баталпашинского отдела в своих сообщениях отмечало негативное влияние бело-зелёных отрядов и, что «сельское население требует немедленно перевоспитания». Но даже в таких условиях, когда шли боевые действия, 15 июля 1920 г. организовали первую конференцию руководителей станичных отделов образования. Участники конференции вынуждены были признать, что большая часть школ не готова начать учебные занятия и необходимо провести регистрацию учителей, назначить перевыборы школьных работников и решить хозяйственные вопросы. К середине сентября 1920 г. отдел образования организовал работу 149 школ I ступени (6 не работали) и 21 школы II ступени (3 не работали), в которых обучалось 8 128 чел. [ГАКК. Ф. Р–365. Оп. 1. Д. 205. Л. 5, 97 об.]

Чтобы обеспечить работу образовательных учреждений необходимо было привлечь значительное число школьных работников, имевших опыт работы и педагогическую подготовку. Кроме того, учителя должны были быть лояльными по отношению к советской власти и придерживаться в своей работе идеологических установок РКП(б). Областной отдел народного образования принимает решение об организации курсов переподготовки для преподавателей общеобразовательных школ с учётом новых требований, изложенных в положении о единой трудовой школе. Создали комиссию по разработке новых школьных программ. Одновременно решали хозяйственные вопросы: обеспечивали школы топливом и проводили текущий ремонт школьных зданий. Но даже испытываемая организационно-правовые и хозяйственные трудности, областному Ревкому вместе с отделом образования удалось организовать первые учительские курсы, на которых изучали основы трудовой школы, Конституцию РСФСР, содержание внешней политики правительства, а также расширяли знания по методике преподавания. Только за летний период 1920 г. для работников школы I ступени организовали курсы в г. Екатеринодаре, Майкопе, Анапе, Ейске и ст-це Баталпашинской. Создали 15 специальных комиссий для подготовки новых учебных планов. Приказом областного отдела образования в школах учредили педагогические советы, в состав которых вошли родители учеников и представители местного населения. Но главным было то, что в школах вводили принципы трудового воспитания и самообслуживания. Школы получали трудовой инвентарь, выделяли земельные участки – трудовое воспитание учащихся в советской школе приобретало конкретные очертания. При том, что областное руководство признавало: «У нас почти нет школьных работников, психологически воспринявших идею трудовой Советской школы, у нас нет знающих, знакомых

с методом работы в трудовой школе, с её требованиями и программой. Перед нами стоит огромная стена косности и непонимания наших задач значительной части омещавившегося, лишённого пролетарского чутья населения, наши школы не оборудованы, тесны, количество их чрезвычайно мало» [ГАКК. Ф. Р–365. Оп. 1. Д. 200. Л. 16 об.].

В сложных условиях роста противостояния большевиков и местного населения Кубано-Черноморской области летом – осенью 1920 г. удалось провести первичный медицинский осмотр учащихся школ и организовать снабжение учащихся одеждой и обувью. В первой половине 1920 г. предпринимаются попытки создать школы-коммуны и школы-колонии, но они не увенчались успехом.

Весной 1920 г. на территории Кубано-Черноморской области по данным отдела народного образования было 1 564 школы, но сведения о количестве учащихся отсутствовали. Основные усилия Кубано-Черноморского ревкома были направлены на возрождение школьного образования в станицах и сёлах области. Работа осложнялась тем, что уже с лета 1920 на Кубани активизировались бело-зелёные отряды. Политические сводки партийных и советских структур свидетельствовали о критической ситуации на местах: «бандиты» захватывали исполкомы, расстреливали советских работников и членов партии большевиков. «Приходится снова и снова налаживать разрушенное, посылать новых людей и т. д.» [ГАКК. Ф. Р–102. Оп. 1. Д. 119. Л. 20]. Но даже в условиях политического кризиса работа по организации школьного образования не прерывалась [ГАКК. Ф. Р–102. Оп. 1. Д. 14. Л. 1]. 7 августа 1920 г. в Кавказском отделе открылся первый съезд по народному образованию, в котором приняли участие до 150 чел. Но дискуссия шла не по вопросам формирования новой советской школьной системы, а по тем проблемам, которые были актуальными для сельских жителей, а именно, продовольственный вопрос, замена денежных знаков и др. Как отмечали инспектора областного отдела народного образования, которые активно посещали такие съезды, на них обсуждали в основном экономические проблемы текущего момента. В Кавказском отделе в 238 школах училось 24 947 учеников. При проверке выяснилось, что до 50 % учащихся не посещают школы. Большое количество пропусков учебных занятий было связано с состоянием здоровья детей. Выборочная проверка по 10 школам показала, что ученики часто болеют тифом, малярией, чесоткой, оспой, корью, дифтерией, скарлатиной и др. Учебные занятия также прекращали в связи с реквизицией школьных зданий (31,2 %), из-за отсутствия топлива (37 %) и военных действий (30 %). Аналогичная ситуация сложилась в Сочинском округе, где ревком 19 мая 1920 г. утвердил отдел народного образования во главе с Самохваловой [ГАКК. Ф. Р–365. Оп. 1. Д. 195. Л. 11]. Весной 1920 г. в Новороссийском округе работали 106 школ, в которых обучали не более 500 чел. Отдел образования признавал, что не имеет точной информации о количестве учащихся в школах округа. С июля 1920 г. образовательные учреждения округа разделили на школы I и II ступени. Так, в Новороссийском округе открыли 67 школ I ступени и 14 школ II ступени, в том числе в г. Новороссийске 24 школы I ступени и 10 – II ступени. Провели регистрацию учителей, которые на новых условиях приступили к исполнению своих обязанностей. Однако не все учителя прошли кон-

курс, школы по-прежнему испытывали дефицит в педагогических кадрах. В школах I ступени не хватало 57 учителей, а в школах II ступени – 29. Областной продовольственный комитет, учитывая сложную ситуацию с продовольственным, выделял школам округа продукты питания (яиц – 6 000 шт., макарон – 100 пуд, сахара – 46 пуд.) и одежду (ткани – 7567 аршин, детской обуви – 567 пар). Внешкольная работа не проводилась из-за отсутствия средств и кадров, в том числе ликвидация неграмотности взрослого населения. В округе с учётом городского населения было выявлено 2 760 неграмотных граждан, при том, что не один из них не посещал пункты ликвидации неграмотности. Только в 21 школе для взрослых обучали 530 чел. [ГАКК. Ф. Р–365. Оп. 1. Д. 211. Л. 21, 21 об., 38]

Темрюкский отдел народного образования организовали в апреле 1920 г. при непосредственном участии политотдела 9-й Армии. В декабре того же года окончательно сформировали штат и структуру отдела. К началу реформ в Темрюкском отделе были учтены: реальное училище, женская гимназия, мужское высшее начальное училище, женское высшее начальное училище, 2-х классное мужское профессиональное отделение им. Гоголя, 2-х классное женское профессиональное отделение, ремесленное мужское училище и частное подготовительное училище (собственник Макарова), а также несколько одно классных училищ. Точные сведения о количестве учеников и учителей отсутствовали. И только в сентябре, к началу учебного года, удалось провести реорганизацию образовательных учреждений, разделив школы на I (12) и II (4) ступени, в которых приступили к обучению 3 000 учащихся. Частное подготовительное училище закрыли [ГАКК. Ф. Р–365. Оп. 1. Д. 236. Л. 40]. Для содержания станичных школ отдела в ноябре создали «Комитеты взаимодействия», но их возможности были ограничены. Например, попытки организовать работу «Комитета» в г. Темрюке оказались безуспешными. В городе вынуждены были закрыть все учебные заведения из-за отсутствия продовольствия. К началу 1921 г. в Темрюкском отделе работали 67 школ I ступени (в 63 школах занятия вели на русском языке, в 2 – на украинском языке, в 2 – на греческом языке, в 1 – на немецком языке) и 9 школ II ступени. В школах II ступени занятия проводили только на русском языке. Общее количество учащихся в школах I и II ступени составляло (начало 1921 г.) 6 479 чел.: в I – 5 846 учеников, во II – 633 ученика. В учебном процессе было задействовано 308 учителей. Однако, за первые шесть месяцев 1921 г. было проведено лишь 93 учебных дней из-за отсутствия топлива в зимний период и низкой посещаемости учеников, которые в большинстве представляли беднейшую часть сельского населения.

Очередной этап формирования единой трудовой школы начался решением о переводе школьных учреждений на финансирование из местного бюджета, что привело к кризису реформы образования.

Большевики старались демонстрировать преимущества советской власти, но встречали молчаливое сопротивление сельского населения. Школы не работали, преподаватели не знали, как реализовать принципы единой трудовой школы. Делегаты Кубано-Черноморского областного съезда отдельных подотделов народного образования, который проходил 24 июня 1921 г., призна-

вали, что учителя повсеместно голодают, теряют сознание на уроках и т.д. Руководители местных органов образования в выступлениях предлагали приравнять учителей к рабочим и соответственно организовать их продовольственное обеспечение [ГАКК. Ф. Р–108. Оп. 1. Д. 17. Л. 102, 106]. Местные ревкомы требовали от сельских обществ не только представить кандидатуру учителя школы, но и обеспечить его продуктами питания. Реализовать эти предложения было сложно в условиях военно-политического противостояния на Кубани и Черноморье. К тому же, в регионе не было достаточного количества продовольствия, сказались последствия Первой мировой и Гражданской войны.

Региональная и местные органы власти не могли оказать необходимую материальную помощь образовательным учреждениям, поэтому часть ответственности за их содержание легла на сельские общества. Но, несомненно, главная проблема была в кадрах, которые не отвечали требованиям единой трудовой школы. По мнению областной партийной организации, классовый и сословный состав преподавателей оказывал неблагоприятное влияние на содержание учебного процесса. Необходимо было организовать обучение на педагогических курсах по новой программе, а также определиться с руководящим составом местных отделов образования. На каждого руководителя отдела образования была составлена характеристика. Из 16 руководителей отделов народного образования требованиям соответствовали только двое. Все они были назначены в период с апреля по май 1920 г. и не обладали должным опытом работы, и только один из них, профессор Подтягин, заведующий отделом Майкопского района имел специальное образование [ГАКК. Ф. Р–102. Оп. 1. Д. 119. Л. 25, 28].

Кубано-Черноморская область отличалась многонациональным составом населения, поэтому организация обучения в национальных школах была одной из приоритетных задач. По состоянию на начало 1921 г. в области проживали около 150 тыс. армян, 80 тыс. греков, 2 тыс. поляков и 27 тыс. немцев, латышей и эстонцев. На балансе областного отдела народного образования находилось 120 украинских классов, 70 горских (черкесских), эстонских, польских, 35 немецких, 25 армянских и 20 греческих [ГАКК. Ф. Р–365. Оп. 1. Д. 198. Л. 8]. Количество национальных школ в каждом населённом пункте было пропорционально количеству жителей той или иной национальности. Областной отдел народного образования для решения кадрового вопроса в национальных школах организовал специальные курсы. В дополнение к принятому решению, 21 февраля 1921 г. Областной комитет по проведению всеобщей повинности при Кубчерисполкоме издал приказ № 253 о возвращении преподавателей национальных школ на свои рабочие места [ГАКК. Ф. Р–108. Оп. 1. Д. 22. Л. 10]. Все национальности области получили право открыть школы и организовать обучение на родном языке при условии комплектования классов в количестве 25 учеников. Для координации их деятельности в структуре областного отдела народного образования учредили подотдел просвещения для национальных меньшинств. Однако, ни все национальные школы получали государственную поддержку. Ещё в имперский период в Кубанском крае было запрещено обучение на родном языке, поэтому национальные школы содержались за счёт благотворительных взносов. Только после Октябрьской революции национальные

школы получили государственное финансирование. Но основное внимание уделили развитию школ на украинском языке, их материальной поддержке, обеспечению литературой и педагогическими кадрами. Вот что писал в своём отчёте заведующий горской инспекцией С.Х. Сиюхов, который посетил 10 аулов: «Острая нужда во всём. Во многих школах нет парт, досок, пособий, учебников. Учителя русского языка в большинстве гонимые голодом из города в село, за небольшим исключением, горской школы не знают, делом не интересуются, хандрят и бесплодно мечтают о молочных реках и кисельных берегах...» [ГАКК. Ф. Р–365. Оп. 1. Д. 235. Л. 121 а].

Формирование основ советской школы в Кубано-Черноморской области начинается в 1920/21 учебном году в сложных условиях переходного периода от Гражданской войны к мирной жизни. За период с апреля по декабрь 1920 г. удалось ликвидировать разную ведомственность общеобразовательных учебных заведений, организовать совместное обучение девочек и мальчиков и создать централизованное руководство областной школьной системой. Этим процессом руководила местная областная партийная организация большевиков, поэтому образовательная сфера постепенно переходила под контроль партийно-советских органов.

Выводы

По признанию руководства областной партийной организации, отсутствие подготовленных кадров было одной из главных причин, препятствовавших советскому строительству, следовательно, и решению вопроса школьного образования. Ликвидация неграмотности и организация школьного образования была сферой ответственности местных советских органов, поэтому кадровый вопрос для них оставался актуальным весь период 1920-х гг.

После установления советской власти в регионе были приняты меры для улучшения материальной базы школьного образования, открыты ликпункты и школы малограмотности. Эти учреждения обеспечили планами, инструкциями, а также специалистами, для которых организовали курсы повышения квалификации. Организационно-правовое сопровождение реформы образования в начале 1920-х гг. обеспечивали партийные и советские органы.

Вместе с тем, за 1920/21 учебный год не произошло существенных изменений в структуре школьного образования области. Статистические отчёты свидетельствовали о неустойчивости процесса формирования единой трудовой школы. Местные структуры образования находились на стадии формирования и не обладали достаточными средствами и подготовленными кадрами.

На территории области функционировали примерно 900 школ – эти данные были озвучены на I съезде Советов солдатских, рабочих, крестьянских и казачьих депутатов в январе 1921 г., но установить полный контроль за их учебным процессом не удалось. Первоочередной задачей была ликвидация неграмотности среди взрослого населения Кубани и Черноморья, которая составляла примерно 60 %, поэтому все усилия направили на организацию учёта данной категории населения [ГАКК. Ф. Р–102. Оп. 1. Д. 152. Л. 28, 112, 112 об.]. Призывы и планы ликвидировать неграмотность в области к 1922 г. были не-

осуществимы. Этот лозунг не противоречил общей идее политики военного коммунизма, в основе которой была мобилизационная концепция, позволявшая достичь поставленных целей. В данном случае руководство области переоценило свои возможности. Военно-коммунистических методов было недостаточно для решения проблемы образования детей школьного возраста и ликвидации неграмотности взрослого населения.

Лето 1920 г. было отмечено началом острого военно-политического противостояния большевиков с сельским населением Кубани, что оказало существенное влияние на процесс формирования структуры региональной единой трудовой школы. Вместе с тем, областной организации большевиков удалось выявить наиболее важные аспекты предстоящих преобразований, учесть особенности кадрового состава учителей кубанской школы, сформировать органы управления народного образования и определить содержание учебно-воспитательной и методической работы. Особенностью этого этапа трансформации школьного образования было несоответствие между заявленными обещаниями государства и реальными возможностями. Переход образовательных учреждений на финансирование из местного бюджета с сентября 1921 г. оказал не только негативное влияние на школьную реформу, преодолеть который удалось в 1923 г., но стал своеобразным рубежом первого этапа становления единой трудовой школы на Кубани.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Авербах 1929 – *Авербах Л.Л.* На путях культурной революции. – М.: Московский рабочий, 1929. – 200 с.

Алмаев 2020 – *Алмаев Р.З.* Советское школьное образование в историографических дискуссиях постсоветского периода // Преподаватель XX век. – 2020. – № 2. – С 279–287. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskoe-shkolnoe-obrazovanie-v-istoriograficheskikh-diskussiyah-postsovetskogo-perioda> (дата обращения: 27.04.2024).

Астафьев, Годовова 2022 – *Астафьев Д.А., Годовова Е.В.* Историография истории школьной повседневности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2022. – Т. 28. – № 1. – С. 8–23. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriografiya-istorii-sovetskoy-shkolnoy-povsednevnosti> (дата обращения: 27.04.2024).

Белова 2015 – *Белова М.Г.* Повседневная жизнь учителей / отв. ред. М.Ю. Мартынова. – М.: ИЭА РАН, 2015. – 228 с.

Белькович 1938 – *Белькович Н.* Социально-культурное строительство в СССР. – М.: Крестьянская газета, 1938. – 32 с.

Богуславский 2014 – *Богуславский М.В.* Методологические подходы к анализу процесса социокультурной модернизации российского образования // Осовские педагогические чтения «Образование в современном мире: новое время — новые решения». – 2014. – № 1. – С. 18–28.

Богуславский 2016 – *Богуславский М.В.* Концептуальные основы консервативно-традиционной стратегии развития российского образования // Гуманитарные науки и образование. – 2016. – № 1 (25). – С. 17–21.

Бройдо 1929 – *Бройдо Г.И.* В атаку против неграмотности и бескультурия. (Саратовский опыт). – М.; Центр. совет о-ва «Долой неграмотность»; Л.: Госуд. изд-во, 1929. – 112 с.

Вейкшан 1928 – *Вейкшан В.А.* Советская производственно-трудовая школа. – М.: Работник просвещения, 1928. – Т. 1. – 169 с.

Веселов 1932 – *Веселов М.О.* 15 лет борьбы за поголовную грамотность в Московской области. – М.: Тип. Госиздата, 1932. – 31 с.

- Веселов 1987 – *Веселов Д.Р.* Великий Октябрь и становление народного образования. – М.: Знание, 1987. – 62 с.
- Вяземский, Стрелова 1999 – *Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю.* Как сегодня преподавать историю в школе. Пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1999. – 97 с.
- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
- Глущенко 2015 – *Глущенко И.В.* Советский просветительский проект // Вопросы образования. – 2015. – № 3. – С. 246–282.
- Дейнеко 1957 – *Дейнеко М.М.* 40 лет народного образования в СССР. – М.: Учебно-методическое издательство, 1957. – 276 с.
- Декрет... 1942a – *Декрет Совета Народных Комиссаров.* Об организации дела народного образования в Российской Республике (Положение) // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. — М.: Б. и., 1942. — 1483 с.
- Декрет... 1942b – *Декрет СНК РСФСР* «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 23 января (5 февраля) 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. — М.: Б. и., 1942. — 1483 с.
- Днепров 1994 – *Днепров Э.Д.* Четвертая школьная реформа в России. – М.: Интерпракс, 1994. – 241 с.
- Днепров 1998 – *Днепров Э.Д.* Современная школьная реформа в России. – М.: Наука, 1998. – 463 с.
- Земляная, Павлычева 2011 – *Земляная Т.Б., Павлычева О.Н.* Правовое регулирование образовательной деятельности в 60–70-е гг. XX века // Журнал научно-педагогической информации. – 2011. – № 11. – С. 71–88.
- Иванова 2013 – *Иванова Г.М.* Социальные аспекты развития советской системы образования в 1950–1960-е гг. // Вестник славянских культур. – 2013. – № 3 (29). – С. 25–31. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-aspekty-razvitiya-sovetskoy-sistemy-obrazovaniyav-1950-1960-gg> (дата обращения: 27.04.2024).
- Клицаков 1988 – *Клицаков И.А.* Общественно – политическая деятельность советского учительства (1917–1937 гг.) // Советская педагогика. – 1988. – № 9. – С. 91–96.
- Кольцов 1960 – *Кольцов А.В.* Культурное строительство в РСФСР в годы первой пятилетки (1928–1932). – М.; Л.: Изд-во АН СССР. Ленингр. отделение, 1960. – 208 с.
- Константинов, Медынский 1948 – *Константинов Н.А., Медынский Е.Н.* Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. – М.: Министерство просвещения РСФСР, 1948. – 472 с.
- Крупская 1924 – *Крупская Н.К.* Ликвидация неграмотности в деревне // Коммунистическое просвещение. – 1924. – № 3/4. – С. 125–135.
- Крупская 1960 – *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения: в 10 т. – М.: Издательство Академии педагогических наук, 1960. – Т. 9: Ликвидация неграмотности и малограмотности. – 839 с.
- Куманев 1967 – *Куманев В.А.* Социализм и всенародная грамотность: ликвидация массовой неграмотности в СССР. – М.: Наука, 1967. – 328 с.
- Куманев 1973 – *Куманев В.А.* Революция и просвещение масс. – М.: Наука, 1973. – 334 с.
- Ленин 1977a – *Ленин В.И.* Проект программы. Пункт программы в области народного просвещения // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – М.: Политиздат, 1977. – Т. 38. – 579 с.
- Ленин 1977b – *Ленин В.И.* Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – М.: Политиздат, 1977. – Т. 44. – 725 с.
- Луначарский 1927 – *Луначарский А.В.* Десять лет культурного строительства в стране рабочих и крестьян. Доклад на Второй сессии ЦИК Союза ССР 4-го созыва в Ленинграде 16 октября 1927 года. – М.: Госиздат, 1927. – 136 с.

- Луначарский 1958 – *Луначарский А.В.* О народном образовании: статьи и речи за период 1917–1929 годов. – М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1958. – 559 с.
- Монозон 1987 – *Монозон Э.И.* Становление и развитие советской педагогики, 1917–1987: книга для учителя. – М.: Просвещение, 1987. – 220 с.
- Народное образование... 1974 – *Народное образование в СССР*. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. / состав. А.А. Абакумов, Н.П. Кузин и др. – М.: Педагогика, 1974. – 560 с.
- Очерки истории... 1986 – *Очерки истории педагогической науки в СССР (1917–1980)* / под ред. Н.П. Кузина, М.Н. Колмаковой. – М.: Педагогика, 1986. – 284 с.
- Павлова 2017 – *Павлова А.Н.* Материалы школьной переписи 1911 года как источник для изучения состояния образования нерусских народов восточной части России в начале XX века // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 2. – С 115–120. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/materialy-shkolnoy-perepisi-1911-goda-kak-istochnik-dlya-izucheniya-sostoyaniya-obrazovaniya-nerusskih-narodov-vostochnoy-chasti-rossii> (дата обращения: 27.04.2024).
- Пинкевич 1927 – *Пинкевич А.П.* Советская педагогика за десять лет (1917–1927). – М.: Работник просвещения, 1927. – 146 с.
- Плясовских 1987 – *Плясовских В.С.* Политика КПСС в области народного образования: Опыт разработки и реализации. – М.: Мысль, 1987. – 454 с.
- Пыхалов 2011 – *Пыхалов И.В.* Образование в Российской империи: факты и мифы // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2011. – № 2. – С. 196–200.
- Рожков 2013 – *Рожков А.Ю.* История советского детства // Вестник Пермского университета. Серия История. – 2013. – № 2 (22). – С. 126–138. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-sovetstkgogo-detstva> (дата обращения: 27.04.2024).
- Сапрыкин 2009 – *Сапрыкин Д.Л.* Образовательный потенциал Российской Империи. – М.: ИИЕТ РАН, 2009. – 176 с.
- Соловьев 1930 – *Соловьев И.М.* Всеобщее обязательное обучение за границей. – М.: Работник просвещения, 1930. – 96 с.
- Сычева, Сысолятина 2021 – *Сычева Н.В., Сысолятина А.А.* Правовое обеспечение первых шагов советской власти в ликвидации безграмотности // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2021. – № 1(49). – С. 83–88. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-obespechenie-pervyh-shagov-sovetskoj-vlasti-v-likvidatsii-bezgramotnosti> (дата обращения: 27.04.2024).
- Ходырев 2013 – *Ходырев А.М.* Исторические аспекты отечественного образования в провинции // Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах / под науч. ред. Т.С. Злотниковой, Т.И. Ерохиной, Н.Н. Летиной, М.В. Новикова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013. – 292 с.
- Худоминский 1986 – *Худоминский П.В.* Развитие системы повышения квалификации педагогических кадров советской общеобразовательной школы (1917–1981 гг.). – М.: Педагогика, 1986. – 182 с.
- Чарнолуцкий 1909 – *Чарнолуцкий В.* Основные вопросы организации школы въ Россіи. – С-Петербургъ: Знание, 1909. – 131 с.
- Чеховъ 1912 – *Чеховъ Н.В.* Народное образование въ России с 60-хъ годовъ XIX века. – М.: «Польза» В. Антик и К°, 1912. – 224 с.
- Чугунов 1960 – *Чугунов Т.К.* Народное образование в Советском Союзе и России. – Мюнхен: Центральное объединение политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ). – 36 с.
- Эпштейн 1926 – *Эпштейн М.С.* Итоги I Всероссийского съезда ОДН. – М.: Долой неграмотность, 1926. – 13 с.

REFERENCES

ALMAEV R.Z. *Sovetskoe shkol'noe obrazovanie v istoriograficheskikh diskussiyakh postsovetskogo perioda* [Soviet school education in the historiographical discussions of the post-Soviet

period]. IN: *Prepodavatel' XX vek.* – 2020. – № 2. – P. 279–287. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskoe-shkolnoe-obrazovanie-v-istoriograficheskikh-diskussiyah-postsovetskogo-perioda> (date of access: 27.04.2024). (In Russ.).

ASTAF'EV D.A., GODOVOVA E.V. *Istoriografiya istorii shkol'noi povsednevnosti* [History of the history of school everyday life]. IN: *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya.* – 2022. – Vol. 28. – № 1. – P. 8–23. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriografiya-istorii-sovetskoy-shkolnoy-povsednevnosti> (date of access: 27.04.2024). (In Russ.).

AVERBAKH L.L. *Na putyakh kul'turnoi revolyutsii* [On the path of the Cultural Revolution]. – Moscow: Moskovskii rabochii, 1929. – 200 p. (In Russ.).

BEL'KOVICH N. *Sotsial'no-kul'turnoe stroitel'stvo v SSSR* [Socio-cultural construction in the USSR]. – Moscow: Krest'yanskaya gazeta, 1938. – 32 p. (In Russ.).

BELOVA M.G. *Povsednevnyaya zhizn' uchitelei* [The daily life of teachers] / Edited by M.Yu. Martynova. – Moscow: IEA RAN, 2015. – 228 p. (In Russ.).

BOGUSLAVSKII M.V. *Kontseptual'nye osnovy konservativno-traditsionnoi strategii razvitiya rossiiskogo obrazovaniya* [The conceptual foundations of the conservative and traditional strategy for the development of Russian education]. IN: *Gumanitarnye nauki i obrazovanie.* – 2016. – № 1 (25). – P. 17–21. (In Russ.).

BOGUSLAVSKII M.V. *Metodologicheskie podkhody k analizu protsessov sotsiokul'turnoi modernizatsii rossiiskogo obrazovaniya* [Methodological approaches to the analysis of the process of socio-cultural modernization of Russian education]. IN: *Osovskie pedagogicheskie chteniya «Obrazovanie v sovremennom mire: novoe vremya — novye resheniya».* – 2014. – № 1. – P. 18–28. (In Russ.).

BROIDO G.I. *V ataku protiv negramotnosti i beskul'tur'ya. (Saratovskii opyt)* [In an attack against illiteracy and lack of culture. (Saratov experience)]. – Moscow; Tsentr. sovet o-va «Doloi negramotnost'»; Leningrad: Gosud. izd-vo, 1929. – 112 p. (In Russ.).

CHARNOLUSKII V. *Osnovnye voprosy organizatsii shkoly v" Rossii* [The main issues of the organization of the school in Russia.]. – St. Petersburg: Znanie, 1909. – 131 p. (In Russ.).

CHEKHOV" N.V. *Narodnoe obrazovanie v" Rossii s 60-kh" godov" XIX veka* [Public education in Russia since the 60s of the XIX century]. – Moscow: «Pol'za» V. Antik i K°, 1912. – 224 p. (In Russ.).

CHUGUNOV T.K. *Narodnoe obrazovanie v Sovetskom Soyuze i Rossii* [Public education in the Soviet Union and Russia]. – Myunkhen: Tsentral'noe ob"edinenie politicheskikh emigrantov iz SSSR (TsOPE). – 36 p. (In Russ.).

DEINEKO M.M. *40 let narodnogo obrazovaniya v SSSR* [40 years of public education in the USSR]. – Moscow: Uchebno-metodicheskoe izdatel'stvo, 1957. – 276 p. (In Russ.).

Dekret SNK RSFSR «Ob otdelenii tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot tserkvi» 23 yanvarya (5 fevralya) 1918 g. [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR "On the separation of Church from state and school from church" on January 23 (February 5) 1918]. IN: *Sobranie zakonov i rasporyazhenii rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva za 1917–1918 gg.* [Collection of legalizations and orders of the workers' and Peasants' government for 1917–1918] / Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. — Moscow: B. i., 1942. — 1483 p. (In Russ.).

Dekret Soveta Narodnykh Komissarov. Ob organizatsii dela narodnogo obrazovaniya v Rossiiskoi Respublike (Polozhenie) [Decree of the Council of People's Commissars. On the organization of public education in the Russian Republic (Regulations)]. IN: *Sobranie zakonov i rasporyazhenii rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva za 1917–1918 gg.* [Collection of legalizations and orders of the workers' and Peasants' government for 1917–1918] / Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. — Moscow: B. i., 1942. — 1483 p. (In Russ.).

DNEPROV E.D. *Chetvertaya shkol'naya reforma v Rossii* [The fourth school reform in Russia]. – Moscow: Interpraks, 1994. – 241 p. (In Russ.).

DNEPROV E.D. *Sovremennaya shkol'naya reforma v Rossii* [Modern school reform in Russia]. – Moscow: Nauka, 1998. – 463 p. (In Russ.).

EPSHTEIN M.S. *Itogi I Vserossiiskogo s"ezda ODN* [The results of the I All-Russian Congress of ODN]. – Moscow: Doloï negramotnost', 1926. – 13 p. (In Russ.).

GLUSHCHENKO I.V. *Sovetskii prosvetitel'skii proekt* [Soviet educational project]. IN: *Vo-prosy obrazovaniya*. – 2015. – № 3. – P. 246–282. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [State Archive of the Krasnodar Territory]. (In Russ.).

IVANOVA G.M. *Sotsial'nye aspekty razvitiya sovetskoi sistemy obrazovaniya v 1950–1960-e gg.* [Social aspects of the development of the Soviet education system in the 1950s and 1960s.]. IN: *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. – 2013. – № 3 (29). – P. 25–31. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-aspekty-razvitiya-sovetskoy-sistemy-obrazovaniyav-1950-1960-gg> (date of access: 27.04.2024). (In Russ.).

KHODYREV A.M. *Istoricheskie aspekty otechestvennogo obrazovaniya v provintsii* [Historical aspects of domestic education in the province]. IN: *Model' kul'tury russkoi provintsii v autentichnom, istoriko-tipologicheskom i globalizatsionnom diskursakh* / Edited by T.S. Zlotnikovoi, T.I. Erokhinoi, N.N. Letinoi, M.V. Novikova. – Yaroslavl: Izd-vo YaGPU, 2013. – 292 p. (In Russ.).

KHUDOMINSKII P.V. *Razvitie sistemy povysheniya kvalifikatsii pedagogicheskikh kadrov sovetskoi obshcheobrazovatel'noi shkoly (1917–1981 gg.)* [Development of the system of advanced training of teaching staff of the Soviet secondary school (1917-1981)]. – Moscow: Pedagogika, 1986. – 182 p. (In Russ.).

KLITSAKOV I.A. *Obshchestvenno – politicheskaya deyatel'nost' sovetskogo uchitel'stva (1917–1937 gg.)* [Socio – political activity of the Soviet teaching staff (1917-1937)]. IN: *Sovetskaya pedagogika*. – 1988. – № 9. – P. 91–96. (In Russ.).

KOL'TSOV A.V. *Kul'turnoe stroitel'stvo v RSFSR v gody pervoi pyatiletki (1928–1932)* [Cultural construction in the RSFSR during the First Five-Year Plan (1928-1932)]. – Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR. Leningr. otделение, 1960. – 208 p. (In Russ.).

KONSTANTINOV N.A., MEDYNSKII E.N. *Ocherki po istorii sovetskoi shkoly RSFSR za 30 let* [Essays on the history of the Soviet school of the RSFSR for 30 years]. – Moscow: Ministerstvo prosveshchenie RSFSR, 1948. – 472 p. (In Russ.).

KRUPSKAYA N.K. *Likvidatsiya negramotnosti v derevne* [Elimination of illiteracy in the village]. IN: *Kommunisticheskoe prosveshchenie*. – 1924. – № 3/4. – P. 125–135. (In Russ.).

KRUPSKAYA N.K. *Pedagogicheskie sochineniya: v 10 t.* [Pedagogical essays: in 10 vol.]. – Moscow: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk, 1960. – Vol. 9: *Likvidatsiya negramotnosti i malogramotnosti*. – 839 p. (In Russ.).

KUMANEV V.A. *Revolutsiya i prosveshchenie mass* [Revolution and enlightenment of the masses]. – Moscow: Nauka, 1973. – 334 p. (In Russ.).

KUMANEV V.A. *Sotsializm i vsenarodnaya gramotnost': likvidatsiya massovoi negramotnosti v SSSR* [Socialism and national literacy: the elimination of mass illiteracy in the USSR]. – Moscow: Nauka, 1967. – 328 p. (In Russ.).

LENIN V.I. *Novaya ekonomicheskaya politika i zadachi politprosvetov. Doklad na II Vserossiiskom s"ezde politprosvetov* [The new economic policy and the tasks of political circles. Report at the II All-Russian Congress of Political enlightenment]. IN: *Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings]. – Moscow: Politizdat, 1977. – Vol. 44. – 725 p. (In Russ.).

LENIN V.I. *Proekt programmy. Punkt programmy v oblasti narodnogo prosveshcheniya* [The draft program. The point of the program in the field of public education]. IN: *Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings]. – Moscow: Politizdat, 1977. – Vol. 38. – 579 p. (In Russ.).

LUNACHARSKII A.V. *Desyat' let kul'turnogo stroitel'stva v strane rabochikh i krest'yan. Doklad na Vtoroi sessii TsIK Soyuza SSR 4-go sozyva v Leningrade 16 oktyabrya 1927 goda* [Ten years of cultural construction in the country of workers and peasants. Report at the Second Session of the Central Executive Committee of the USSR of the 4th convocation in Leningrad on October 16, 1927]. – Moscow: Gosizdat, 1927. – 136 p. (In Russ.).

LUNACHARSKII A.V. *O narodnom obrazovanii: stat'i i rechi za period 1917–1929 godov* [On public education: articles and speeches for the period 1917–1929]. – Moscow: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1958. – 559 p. (In Russ.).

MONOSZON E.I. *Stanovlenie i razvitie sovetskoi pedagogiki, 1917–1987: kniga dlya uchiteleya* [The formation and development of Soviet pedagogy, 1917–1987: a book for teachers]. – Moscow: Prosveshchenie, 1987. – 220 p. (In Russ.).

Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola. Sbornik dokumentov. 1917–1973 gg. [Public education in the USSR. Secondary school. Collection of documents. 1917–1973] / Edited by A.A. Abakumov, N.P. Kuzin i dr. – Moscow: Pedagogika, 1974. – 560 p. (In Russ.).

Ocherki istorii pedagogicheskoi nauki v SSSR (1917–1980) [Essays on the history of pedagogical science in the USSR (1917–1980)] / Edited by N. P. Kuzina, M. N. Kolmakovoi. – Moscow: Pedagogika, 1986. – 284 p. (In Russ.).

PAVLOVA A.N. *Materialy shkol'noi perepisi 1911 goda kak istochnik dlya izucheniya sostoyaniya obrazovaniya nerusskikh narodov vostochnoi chasti Rossii v nachale XX veka* [Materials of the school census of 1911 as a source for studying the state of education of non-Russian peoples of the eastern part of Russia at the beginning of the XX century]. IN: *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. – 2017. – № 2. – P. 115–120. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/materialy-shkolnoy-perepisi-1911-goda-kak-istochnik-dlya-izucheniya-sostoyaniya-obrazovaniya-nerusskikh-narodov-vostochnoy-chasti-rossii> (date of access: 27.04.2024). (In Russ.).

PINKEVICH A.P. *Sovetskaya pedagogika za desyat' let (1917–1927)* [Soviet pedagogy in ten years (1917–1927)]. – Moscow: Rabotnik prosveshcheniya, 1927. – 146 p. (In Russ.).

PLYASOVSKIY V.S. *Politika KPSS v oblasti narodnogo obrazovaniya: Opyt razrabotki i realizatsii* [The CPSU policy in the field of public education: Experience in the development and implementation]. – Moscow: Mysl', 1987. – 454 p. (In Russ.).

PYKHALOV I.V. *Obrazovanie v Rossiiskoi imperii: fakty i mify* [Education in the Russian Empire: facts and Myths]. IN: *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. – 2011. – № 2. – P. 196–200. (In Russ.).

ROZHKOV A.YU. *Istoriya sovetskogo detstva* [The history of Soviet childhood]. IN: *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya*. – 2013. – № 2 (22). – P. 126–138. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-sovetstskogo-detstva> (date of access: 27.04.2024). (In Russ.).

SAPRYKIN D.L. *Obrazovatel'nyi potentsial Rossiiskoi Imperii* [The educational potential of the Russian Empire]. – Moscow: IIET RAN, 2009. – 176 p. (In Russ.).

SOLOV'EV I.M. *Vseobshchee obyazatel'noe obuchenie za granitse* [Universal compulsory education abroad]. – Moscow: Rabotnik prosveshcheniya, 1930. – 96 p. (In Russ.).

SYCHEVA N.V., SYSOLYATINA A.A. *Pravovoe obespechenie pervykh shagov sovetskoi vlasti v likvidatsii bezgramotnosti* [Legal support for the first steps of the Soviet government in the elimination of illiteracy]. IN: *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. – 2021. – № 1 (49). – P. 83–88. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-obespechenie-pervyh-shagov-sovetskoy-vlasti-v-likvidatsii-bezgramotnosti> (date of access: 27.04.2024). (In Russ.).

VEIKSHAN V.A. *Sovetskaya proizvodstvenno-trudovaya shkola* [The Soviet industrial and Labor School]. – Moscow: Rabotnik prosveshcheniya, 1928. – Vol. 1. – 169 p. (In Russ.).

VESELOV D.R. *Velikii Oktyabr' i stanovlenie narodnogo obrazovaniya* [Great October and the formation of public education]. – Moscow: Znanie, 1987. – 62 p. (In Russ.).

VESELOV M.O. *15 let bor'by za pogolovnyuyu gramotnost' v Moskovskoi oblasti* [15 years of struggle for universal literacy in the Moscow region]. – Moscow: Tip. Gosizdata, 1932. – 31 p. (In Russ.).

VYAZEMSKII E.E., STRELOVA O.YU. *Kak segodnya prepodavat' istoriyu v shkole. Posobie dlya uchitelei* [How to teach history at school today. A manual for teachers]. – Moscow: Prosveshchenie, 1999. – 97 p. (In Russ.).

ZEMLYANAYA T.B., PAVLYCHEVA O.N. *Pravovoe regulirovanie obrazovatel'noi deyatel'nosti v 60–70-e gg. XX veka* [Legal regulation of educational activities in the 60-70s of the XX century]. IN: Zhurnal nauchno-pedagogicheskoi informatsii. – 2011. – № 11. – P. 71–88. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю.А. Яхутль – профессор кафедры, доктор исторических наук, доцент.

Information about the author

Y.A. Yakhutl – Professor of the Department, doctor of historical sciences, associate professor.

Статья поступила в редакцию 02.05.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 02.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Научная статья
УДК 94 (470.62)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-84-100
EDN: CSXDSE

ЭВОЛЮЦИЯ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ В 1920–1924 гг. НА ПРИМЕРЕ КУБАНО–ЧЕРНОМОРСКОЙ ОБЛАСТИ

Мария Сергеевна Диривянкина

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
dirivyankina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3014-8199>

Аннотация. Смена власти в октябре 1917 г. в России привела к росту противостояния в обществе, выразившимся как в открытом военном столкновении – Гражданской войне, так и в росте политического радикализма. Любая власть в отношении своих оппонентов – в данном случае контрреволюционеров, заговорщиков, мятежников – оставляет за собой право применять легальное насилие, что отражает одну из основных функций государства. Проблема красного террора, как и белого, в свою очередь находится на стыке понятий закона и беззакония, поскольку они осуществлялись государством в виде самосудов и расправ, под которые попадали, в том числе и невинные граждане. Обеспечением легализации правовой политики большевиков стал V Всероссийский съезд Советов. Установленный в октябре 1917 г. властный режим перешел в статус легитимного, а сформированные государственные органы получили право на законных основаниях реализовывать все доступные для государства функции, в том числе получили в свое распоряжение монопольное право на насилие. Наиболее ярко проблемы переходного периода от военного коммунизма к нэпу, сопровождавшиеся внеправовыми методами, проявились на казачьем юге Советской России, который отличался сословным, национальным составом и особыми условиями землепользования.

Ключевые слова: красный террор, большевики, внеправовые методы, военный коммунизм, нэп, Кубань, Черноморье.

Для цитирования: Диривянкина М.С. Эволюция репрессивной политики большевиков в 1920–1924 гг. на примере Кубано–Черноморской области // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 84-100. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-84-100. EDN: CSXDSE.

© Диривянкина М.С., 2024

Original article

THE EVOLUTION OF REPRESSIVE POLICY OF THE BOLSHEVIKS IN 1920–1924 ON THE EXAMPLE OF KUBAN-BLACK SEA REGION

Maria S. Dirivyankina

Kuban State University, Krasnodar, Russia, dirivyankina@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3014-8199>

Abstract. The change of power in October 1917 in Russia led to an increase in confrontation in society, expressed both in an open military conflict - the Civil War, and in the growth of political radicalism. Any government in relation to its opponents - in this case, counter-revolutionaries, conspirators, rebels - reserves the right to use legal violence, which reflects one of the main functions of the state. The problem of red terror, like white terror, in turn, is at the intersection of the concepts of law and lawlessness, since they were carried out by the state in the form of lynchings and reprisals, which included innocent citizens. The V All-Russian Congress of Soviets ensured the legalization of the legal policy of the Bolsheviks. The regime of power established in October 1917 passed into the status of legitimate, and the formed state bodies received the right to legally implement all functions available to the state, including receiving a monopoly on violence. The problems of the transition period from war communism to NEP, accompanied by extra-legal methods, manifested themselves most clearly in the Cossack south of Soviet Russia, which differed in class, national composition and special land use conditions.

Keywords: red terror, Bolsheviks, illegal methods, war communism, NEP, Kuban, Black Sea region.

For citation: Dirivyankina M.S. The evolution of repressive policies of the Bolsheviks in 1920–1924 on the example of Kuban-Black Sea region. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 84-100. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-84-100. EDN: CSXDSE.

© Dirivyankina M. S., 2024

Введение

V Всероссийский съезд Советов (4–10 июля 1918, Москва) от имени народа санкционировал формирование советской политической системы, единой государственно-правовой идеологии и борьбы с оппозицией, что нашло отражение в Конституции РСФСР 1918 г. [Гатауллин, Зайнутдинов 2018: 12–13].

Одним из проявлений борьбы с оппозицией стало осуществление красного террора. К определению понятия «красного террора» исследовали подходят неоднозначно, подразумевая под ним как казни участников антисоветских заговоров и мятежей, расстрелы крестьян при подавлении восстаний, заложников и военнопленных, так и пострадавших в политическом и экономическом плане противников большевиков. Кроме физически уничтоженных жертвами красного террора считались арестованные, принужденные к трудработам, лишённые продпайка, а также потерпевшие от «всякого рода оскорблений», притеснений и попраания неприкосновенности личности [Жиромская 2004: 240–242]. По нашему мнению, подавление восстаний не относится к террору, поскольку связано в большей степени с реализацией репрессивной политики государства по отношению к своим противникам.

Цель статьи – изучить эволюцию репрессивной политики большевиков в условиях перехода от Гражданской войны к мирному восстановлению экономики на территории Кубано-Черноморской области.

Хронологические рамки определяются периодом 1920–1924 гг., нижняя граница которого связана с повторным установлением на территории Кубано-Черноморья Советской власти и, соответственно, началом реализации политики военного коммунизма, в рамках которой осуществлялся красный террор. Выбор верхней границы обусловлен изменением внутривнутриполитического курса РКП(б) – началом реализации политики «лицом к деревне», для которой характерен от-

каз от применения явно выраженных репрессивных мер. Однако, для достижения поставленной цели необходимо рассмотреть эволюцию репрессивной политики большевиков в общероссийском масштабе. В этой связи нами были выделены два основных этапа: 1917–1920 гг. – Гражданская война в России и непосредственная реализация красного террора, де-юре продолжавшегося с 5 сентября по 6 ноября 1918 г. – для которого свойственно применение мер и методов насильственного характера в соответствии с политикой военного коммунизма; 1921–1924 гг. – переходный этап от военного коммунизма к нэпу, для которого характерно сохранение элементов и методов внеправового воздействия, что отражало репрессивную политику государства.

При написании статьи были использованы системный подход, сравнительно-исторический метод и диахронный сравнительный анализ.

Современная отечественная историография вопроса реализации красного террора и репрессивных мер государства по отношению к своим противникам в указанный период представлена работами А.Л. Литвина [Литвин 2004], И.С. Ратьковского [Ратьковский 2006], Л.А. Боевой [Боева 2009], О.Б. Мозохина [Мозохин 2018] и др. Дискуссионность темы обусловлена нечеткостью границ красного террора, расхождениями в подсчетах количества и определением степени вины пострадавших, а также обоснованием законности применявшихся методов. На региональном уровне вопросами применения репрессивных мер в рамках перехода от военного коммунизма к нэпу занимались А.В. Баранов [Баранов 2005], В.В. Касьянов, Ю.А. Яхутль [Яхутль, Касьянов 2020; Яхутль 2023], А.А. Черкасов [Черкасов 2004]. Обращение к современной историографии вопроса обусловлено ее деидеологизированностью и объективностью.

Красный террор в 1917–1920 гг.

Вопрос легитимации насилия еще в дооктябрьский период поднимался лидером большевиков В.И. Лениным в работе «Государство и революция», в которой развивались идеи о свободе и демократии для большинства вкупе с лишением прав угнетателей [Ленин 1969а: 89]. На данном этапе Ленин не видел необходимости в создании специальных репрессивных органов, поскольку считал, что народ может самостоятельно расправиться с бывшими эксплуататорами. Соппротивление бывших привилегированных слоев общества виделось незначительным и краткосрочным, что не отрицало в свою очередь идею о применении насилия по отношению к политическим противникам, вплоть до смертной казни. Сама законность в государстве диктатуры пролетариата рассматривалась Лениным с точки зрения не ограниченной никакими законами и правилами, базирующейся на насилии власти [Ленин 1981: 383].

На начальном этапе существования Советской власти даже в условиях вспыхивавших антибольшевистских выступлений к заговорщикам применялись достаточно мягкие меры. Среди основных видов наказаний выступали такие, как конфискация, лишение продовольственных карточек, насильственное выселение, публикация списков врагов народа, общественное порицание и т. д. К концу 1917 г. произошла переоценка взглядов относительно слабости сопро-

тивления новой власти, что сочеталось с обострением внутривластной ситуации в связи с разрастанием преступного элемента [Ратьковский 2006: 7–13].

Насилие над контрреволюционерами в лице бывших чиновников, полицейских, буржуазии, дворянства, офицерами стихийно началось сразу после утверждения власти большевиков, продолжая набирать обороты с образованием Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) в декабре 1917 г. Таким образом, в первую очередь необходимо было перенести практику народного террора на специально созданный властный орган. Расстрелы офицеров в Севастополе и на Балтике, а также расправы с юнкерами начались еще в конце 1917 г. Эти акции получили логическое продолжение в ликвидации явившихся для регистрации бывших офицеров в Москве [Симбирцев 2008: 16–17, 25]. Указанные факты свидетельствуют о том, что постановление «О красном терроре» способствовало расширению репрессивных действий ВЧК, но не стало их отправной точкой.

В связи с наступлением германских войск Совет народных комиссаров (СНК) принял декрет «Социалистическое отечество в опасности!» от 21 февраля 1918 г., согласно которому официально вводился расстрел для сопротивляющихся мобилизации, а также «неприятельских агентов, спекулянтов, громил, хулиганов, контрреволюционных агитаторов и германских шпионов» [Декреты... 1957: 490–491]. Данное постановление значительно расширяло полномочия ВЧК и других следственных комиссий. В.И. Ленин, в ответ на критику в адрес принятого декрета, отвечал: «Законы в переходное время имеют временное значение. И если закон препятствует революции, он отменяется или исправляется» [Ленин 1969b: 504]. Таким образом, фактически провозглашалось первенство революционного права над юридическими нормами, что находило свое отражение и в дальнейшем в отношении призывов не сдерживать народные массы в желании отомстить контрреволюционерам, тем самым поощряя практику самосудов и расправ в обход законов.

Помимо ВЧК с января 1918 г. создавали революционные трибуналы. В декрете СНК «О революционных трибуналах» от 4 мая 1918 г. указывалось, что в отличие от народных судов, трибуналы выступали в качестве органов расправы, где вопрос обвинения решался в пользу революционной целесообразности [Собрание узаконений... 1942: 494–495]. Рубежным в усилении репрессивности трибуналов стал июнь 1918 г., когда, согласно постановлению Народного комиссариата юстиции (НКЮ) РСФСР от 3 июня 1918 г., революционные трибуналы признавались не связанными никакими ограничениями в борьбе с контрреволюцией. Приговоры выносились трибуналом, основываясь на руководстве исключительно «интересами пролетарской революции», являлись окончательными и обжалованию не подлежали, одновременно они наделялись правом применения высшей меры наказания – расстрела [Материалы... 1918: 7].

Отправной точкой в развертывании массового красного террора принято считать постановление «О красном терроре» СНК от 5 сентября 1918 г., в соответствии с которым провозглашалась необходимость борьбы с классовыми врагами Советского государства путем заключения их в концентрационные лагеря, а также применения высшей меры наказания в виде расстрела в отношении

всех причастных к белогвардейцам, заговорам и мятежам. Данное постановление закрепило центральной властью законность тех карательных мер, которые применялись ранее, и передало их в руки чекистов. ВЧК стал главным органом большевиков в реализации политики красного террора. Террористическая деятельность трактовалась как необходимая мера для обеспечения тыла [Собрание узаконений ... 1942: 883].

Согласно сведениям ВЧК, за 1918 г. высшая мера наказания была применена в отношении 6 300 чел.; в 1919 г. – 2 134 чел.; в 1921 г. – 9 701 чел., в 1922 г. – 1 964 чел. За 1920 г. статические данные не указаны [Мозохин 2018: 43]. Неполнота данных не позволяет в полной мере оценить масштабы реализованного террора, поскольку она не учитывала количество расстрелянных во время подавления восстаний, а также в ней не обозначались критерии, по которым можно было бы судить о количестве приговоров, действительно приведенных в исполнение. Необходимо также учитывать имевшие место злоупотребления отдельных чекистов, применявших расстрел по отношению к тем лицам, чья вина не была доказана или выходила за пределы существовавшего законодательства [Соколов 2019: 214–215].

Усиление репрессий со стороны трибуналов обуславливалось резким ростом антисоветских выступлений, в основном крестьянских. Продовольственная диктатура в форме продразверстки и методы ее реализации вынуждали крестьянство вставать на путь вооруженной борьбы с властью. Первые крестьянские восстания начались в июле 1918 г. в Тамбовской, Воронежской, Тульской, Нижегородской и других губерниях. Ответной мерой властей стало ужесточение репрессивных мер и создание ревтрибуналов. Крестьянство, согласно таблице подсудности НКЮ 1919 г., обвинялось в саботаже – активном противодействии властям или призывах к этому путем неисполнения декретов и иных постановлений. Закрепление за саботажем первого места обусловлено тем, что именно неподчинение распоряжениям государственных органов было наиболее распространенной формой проявления крестьянского протеста [Никулин 2020: 198–199]. Наибольшего масштаба красный террор приобрел в традиционно крестьянских губерниях – Тамбовской и Пензенской. В Тамбовской губернии против крестьян использовали денежные поборы, наказания плетьюми и прямой военный нажим [Ратьковский 2006: 188–189]. Применение высшей меры наказания по отношению к крестьянству коснулось в разной степени большинства губерний России.

Стоит отметить, что реализация любого террора не предполагает возможность проведения амнистии, в связи с чем де-юре завершение красного террора стоит отнести к 6 ноября 1918 г., когда было издано постановление VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов об амнистии. Согласно нему, поскольку рабоче-крестьянская власть «упрочнена и закреплена», необходимо реализовать меры по амнистии заложников и задержанных, пересмотреть списки осужденных, которые не представляют опасности для государства. Проведение амнистии вместе с тем не отменяло продолжение борьбы с контрреволюцией в тылу и на фронте [Декреты... 1964: 529–530]. Таким образом, складывалась двойственная ситуация, при которой, с одной стороны, государство настаивало

на смягчении насильственных методов воздействия, с другой – декларировало их сохранение.

Для ликвидации крупных антибольшевистских выступлений использовались части Красной Армии, внутренние войска (ВОХР), части особого назначения (ЧОН) и продовольственные отряды. Внутренние войска были созданы постановлением Совета рабоче-крестьянской обороны 28 мая 1919 г., общая их численность устанавливалась в количестве 120 тыс. чел. Продотряды и продармии действовали в сельских районах страны. Их численность варьировалась от 23 тыс. чел. в октябре 1918 г. до 62 тыс. чел. к декабрю 1920 г. [Литвин 2004: 68].

В 1919 г. на основе предложения ЦК РКП(б) от 17 февраля ВЦИК принял постановление «О Всероссийской чрезвычайной комиссии». В нем говорилось о передаче права вынесения судебных приговоров в революционные трибуналы, которые должны были пройти реорганизацию. Ревтрибуналы могли осуществлять ревизию следственных действий ЧК и проверку законности произведенных арестов. За ЧК сохранилось право внесудебной расправы при наличии вооруженных контрреволюционных и бандитских выступлений прежде всего в местностях, объявленных на военном положении, и только за преступления, указанные в постановлении о введении военного положения [Сборник... 1993: 56].

Особого внимания требует реализация политических практик рассказывания. Оргбюро ЦК РКП(б) под руководством Я.М. Свердлова 24 января 1919 г. направило циркулярное письмо партийным организациям Дона и Приуралья, в котором было обозначено: проведение массового террора против богатых казаков, а также всех казаков вообще, принимавших прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью; полное разоружение, расстреливая каждого, у которого будет обнаружено оружие после срока сдачи; вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка и т.д. [Известия... 1989: 177–178]. Реввоенсовет фронта 7 февраля издал инструкцию, согласно которой надлежало расстреливать тех казаков, которые занимали различные служебные должности и посты, офицеров, служивших в армии Краснова, и также всех богатых. Руководитель Донского бюро РКП(б) С. Сырцов направил во все ревкомы области распоряжение, по которому предписывалось арестовывать всех видных представителей данной станицы или хутора, пользующихся авторитетом, хотя и не связанных с контрреволюционной деятельностью, и взять в заложники; при обнаружении оружия после даты объявления сдачи расстреливать не только владельца, но и несколько заложников. Составить по станицам списки всех сбежавших казаков и без всякого исключения арестовывать и направлять в районные трибуналы, где должна быть применена высшая мера наказания [Трут 2017: 668–669].

Следует отметить, что в указанных документах акцент делается на классовую борьбу в отношении казачества, то есть проведение красного террора по отношению к таким же бывшим эксплуататорам в лице зажиточного казачества, как и кулачеству среди крестьян, бывших землевладельцев, буржуазии и т.д. Аналогичные меры предписывалось применять и на территории Кубано-Черноморской области. За пределы края предлагалось выселять зажиточную часть казачества, которые были «безнадежны в смысле исправления»

[ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 100 об.]. Но при этом массового уничтожения казачества на протяжении всего периода 1920-х гг. не происходило, что подтверждается статистическими данными на уровне сельских советов 1926 г. и Всесоюзной переписи 1930 г. Таким образом, имеет место корреляция между понятиями «исторического процесса расказачивания» и «политической практики расказачивания», где под последним понимается применение конкретных антиказачьих мер, проводимых с пореформенного периода царской России и реализуемых в рассматриваемый нами период как Советской властью, так и ее противниками [Скорик 2019: 102, 109].

Повторно установив Советскую власть в Кубано-Черноморской области, советские и партийные органы приступили к воплощению апробированных ранее на территории Советской России методов политики военного коммунизма. На I Кубано-Черноморской областной конференции РКП(б), проходившей 31 октября – 1 ноября 1920 г., было отмечено, что регион стоит рассматривать исключительно как экономическую базу и в связи с чем на выполнение экономических заданий стоит сосредоточить все силы [ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 22]. Важнейшей точкой сопротивления казачье-крестьянского населения, проводимой большевиками политики, стал продовольственный вопрос, в воплощении которого нашли отражение внеправовые и насильственные меры со стороны РКП(б). На той же конференции обозначались основные методы по принудительному сбору продовольственной разверстки: блокады станиц, остановка мельниц, сессии трибуналов, которые должны были гласно судить «виновных», а также «расстреливать тех, кто не хочет выполнять разверстку» [ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 139].

Действия местных органов власти провоцировали усиление конфликта между властью и обществом, способствуя разрастанию повстанческого движения. По отношению к повстанцам применялись следующие внеправовые меры воздействия: членов их семей ставили на особый учет, из их числа брали в заложники, имущество конфисковывали, а в случае убийства красноармейцев, служащих местных или партийных структур, расстреливали за каждого определенное количество заложников. Взятие в заложники рассматривалось как мера превентивной борьбы с контрреволюционными элементами. Это должно было способствовать предупреждению новых восстаний и использоваться как средство психологического воздействия. Если устанавливали факт «контрреволюционности всей станицы, то ее в исключительных случаях надлежало сжечь» [ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 100 об.]. Практика применения института заложничества сложилась в 1918 г., о чем свидетельствовали многочисленные упоминания в советской прессе о взятии заложников и отдельные случаи их расстрелов на Урале и в Поволжье [Ратьковский 2006: 137]. В области оно было регламентировано постановлением Кубано-Черноморского ревкома от 3 сентября 1920 г. за подписью Председателя ревкома Я. Полуяна. Была утверждена Инструкция, согласно которой предлагалось немедленно произвести аресты среди отдельных категорий населения. В частности, подлежали аресту все взрослые мужчины, родственники которых ушли во время Гражданской войны «...и добровольно не вернулись, ушедших ранее к белым, бело-зеленым, скры-

вающихся от мобилизации» [ГАКК. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 65. Л. 3]. Утверждалась также коллективная ответственность за утаивание информации о дислокации бело-зеленых отрядов в виде расстрела всего взрослого населения населенного пункта, за содействие грозил расстрел [ЦДНИКК. Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 80. Л. 5, 6]. Но 24 декабря 1920 г. ВЧК запретила всем губЧК применять высшую меру наказания без санкции ВЧК, за исключением приговоров по делам об открытых вооруженных выступлениях. Основанием для такого решения было постановление ВЦИК и СНК в январе 1920 г. [Собрание узаконений... 1943: 22] Было рекомендовано отменить ее также в отношении всех политических преступлений за исключением террористических актов и открытых восстаний, в области уголовных преступлений – к бандитам и шпионам [Ленин и ВЧК... 1973: 424].

Репрессивная политика большевиков в отношении сельского населения в период Гражданской войны прошла свою апробацию на подконтрольных территориях. В период восстановления Советской власти на Кубани и Черноморье большевики в ходе реализации продовольственной и земельной политики столкнулись с сопротивлением сельского населения, что усугубило противостояние власти и общества и способствовало осуществлению дальнейшего «нажима» на население путем реализации методов и средств политики военного коммунизма.

Эволюция региональной политики большевиков в Кубано-Черноморской области (1921–1924 гг.)

Приказы и рекомендации ВЧК не смогли остановить расстрелы. Наряду с расстрелами действовал институт заложничества. Казачье-крестьянское население области оказывало сопротивление большевистской политике в форме вооруженных выступлений и политических акций, что вело к усилению репрессий со стороны Советской власти. Например, предложили объявить заложниками 10 тыс. кубанских казаков, находившихся в лагерях. Кроме того, на территории области только за первые два осенних месяца 1921 г. было расстреляно 372 чел. Больше всего пострадали жители станицы Динской, где расстреляли 102 чел. Приговоры приводились в исполнение по решениям чрезвычайных «троек» [Яхутль, Касьянов 2020: 435].

Общее количество жертв заложничества, применявшегося в регионе в 1920–1922 гг., составило по приблизительным оценкам от одной до несколько тысяч человек [Черкасов 2004: 85]. Значительная часть заложников содержалась в концлагерях, большинство из которых были созданы на территориях, охваченных повстанческим движением. Только в Тамбовской губернии такие лагеря были в Борисоглебске, Козлове, Кирсанове, Моршанске, Сампуре, Тамбове и др., в них находилось около 15 тысяч человек [Боева 2009: 73–74]. Аналогичный лагерь действовал на территории Кубано-Черноморской области в г. Краснодаре. На основании приказа Облвоенсовещания от 16 сентября 1921 г. надлежало арестовать и под усиленным конвоем препроводить в г. Краснодар в концентрационный лагерь всех мужчин от 18 до 50 лет из семей не вернувшихся повстанцев, а их имущество взять на учет [ГАКК. Ф. Р-101. Оп. 2. Д. 3. Л. 1–18].

Большевики стали отказываться от взятия в заложники мирных жителей только в конце 1922 г., когда РККА подавила сопротивление основных отрядов бело-зеленого движения. Однако несмотря на то, что система заложничества была отменена, ее элементы существовали весь период 1920-х гг.

Вместе с завершением активной фазы Гражданской войны и объявлением новой экономической политики отказ от насильственных методов не произошел. На протяжении переходного периода, от явно выраженных военно-коммунистических методов хозяйствования к новой экономической политике в 1921–1924 гг., сохранялись репрессивные, внеправовые методы воздействия со стороны органов власти. Движение по инерции в сторону военно-коммунистических методов пронизывало всю систему государственного управления, используя в том числе специально созданные органы для ликвидации или насильственного принуждения противников режима, о чем писал в марте 1922 г. В.И. Ленин Л.Б. Каменеву, отмечая ошибочность мнения о прекращении террора после перехода к нэпу [Ленин 1970: 428].

Для Кубано-Черноморской области изменение внутривластного курса и де-юре переход к нэпу также не привели к отказу от использования насильственных мер в ходе сбора продовольствия и репрессий по отношению к неплательщикам. Согласно приказу № 2 Армавирского отдельного продовольственного комитета от 13 мая 1921 г. предписывалось в отношении граждан, уклоняющихся от сдачи хлеба, применять самые решительные меры, включая такие, как конфискацию всего имущества, аресты и отправку в Армчека для последующего направления на принудительные работы на Донбасс [ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 72. Л. 170]. Некоторые граждане отправлялись в лагерь принудительных работ, находившийся в г. Новороссийске. Так, согласно выписке из доклада Новороссийского Окружного исполкома о положении и работе в Новороссийском округе значилось, что к 1 ноября 1921 г. в лагере находилось 329 заключенных, которых отправляли на различные работы [ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 187. Л. 333].

Местные органы власти, реализуя принцип «революционной целесообразности», зачастую злоупотребляли своими полномочиями, проводя аресты и обыски среди гражданского населения. Даже потребовалось выпустить соответствующий приказ № 153 по войскам IX – Кубанской армии от 27 января 1921 г., который категорически запрещал производить «их самочинно», а по отношению «к виновным» предписывал привлечение к суду Ревтрибунала [ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 409. Л. 47].

Постепенная перестройка государства в соответствии с задачами нэпа в области продовольственной и земельной политики вела к сокращению применения карательных мер. Население изначально недоверчиво относилось к новой экономической политике, но устав от вооруженной борьбы, стремилось к мирной жизни. Политика целенаправленного масштабного террора с завершением Гражданской войны прекращалась, а дальнейшие меры, в том числе внеправового принуждения, стоит рассматривать в рамках реализации репрессивной политики государства.

В Советской России на данном этапе развития не сложилась правовая традиция, поэтому большевики руководствовались по большей части «революционной законностью». Например, первый Уголовный кодекс, принятый третьей сессией ВЦИК IX созыва 26 мая 1922 г., имел выраженный классовый характер. По отношению к участникам контрреволюционных выступлений он предусматривал применение высшей меры наказания в виде расстрела и конфискацию всего имущества. Также он предполагал передачу права назначения наказаний в руки судебных органов [Уголовный кодекс... 1927]. В октябре 1922 г. ситуация кардинальным образом изменилась, когда ВЦИК предоставил Главному политическому управлению (ГПУ) право «внесудебной расправы вплоть до расстрела в отношении лиц, взятых с поличным на месте преступления при бандитских налетах и вооруженных ограблениях» [Собрание узаконений... 1950: 1444], таким образом приравняв ВЧК и ГПУ.

Встречались случаи, когда представители ГПУ вынуждены были сдерживать внеправовую деятельность местных продовольственных органов. Подобный случай произошел в 1922 г. в Славянском отделе Кубано-Черноморской области, когда продорганы применяли незаконные меры воздействия на налогоплательщиков: ставили к стенке граждан независимо от возраста и пола, наводили пулеметы с угрозой расстрела, если не выдадут подписки, что в течение 24 часов доставят полностью налог и предоставят налоговую квитанцию как доказательство. Кроме того, проводилась стрельба из винтовок и револьверов над головами, избиения прикладами, что было зафиксировано актами и протоколами Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) в присутствии представителя ГПУ. Указанный эпизод особенно показателен с учетом приведенных объяснений данных действий: продорганы получали сверх положенного премию за каждые «выкаченные» 1000 пуд. в виде 10 пуд. [ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 167. Л. 286].

В Армавирском отделе дела неплательщиков передавали народным судам, которые выносили приговор общим списком, а не индивидуально. Это приводило в свою очередь к тому, что выносимые приговоры, по мнению РКИ, не производили должного давления и население перестало бояться суда. По итогам продналоговой компании 1922 г. в Кубано-Черноморской области было осуждено из 398 060 тыс. плательщиков (хозяйств) народным судом – 4 727 чел., Ревтрибуналом – 118 чел., арестовано в административном порядке – 2 356 чел. и наложена пеня на 3 067 чел. Помимо указанных мер продолжали применять: запрет на выезд из станиц, помол зерна на мельницах, выдачу удостоверений личности на право жительства и каких-либо справок, на обмен, торговлю, записи гражданского состояния [ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 167. Л. 285 об., 286 об.].

Реформирование системы налогообложения в 1922–1923 гг. с одной стороны, способствовало унификации налогов на продукты сельского хозяйства, с другой стороны, неизбежно порождало новый виток противоречий между властью и обществом. Казачье-крестьянское население Кубано-Черноморской области готово было сотрудничать с государством и поставлять сельскохозяйственную продукцию, но методы ее сбора продолжали вызывать недовольства.

Например, несмотря на унификацию системы налогообложения, Кубано-Черноморские продовольственные органы вводили местные налоги и сборы [ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 457. Л. 3, 12]. В отчетах о ходе работы по проведению продналоговой кампании в 1923–1924 гг. по-прежнему отмечалась необходимость принятия «энергичных мер нажима на налогоплательщиков» [ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 399. Л. 59 об.].

Анализ судебных решений свидетельствует о том, что Советская власть не отказывалась от классовых принципов. Обычно по решению суда у хлебобобов, не выполнивших налоговые обязательства, могли конфисковать имущество, в том числе живой и мертвый инвентарь, который продавался с торгов. Разницу, между необходимой суммы уплата налога и вырученной от продажи имущества, возвращали хлебобобу. Отмечалось также обращать должное внимание на учет жалоб при сборе сельскохозяйственного налога. Судебными органами зачастую игнорировались бедственные обстоятельства налогоплательщиков, что вело к усилению недовольства местными властями. В отношении пострадавших надлежало принять меры по возвращению инвентаря и выдаче банковских ссуд. Сельскохозяйственное положение области рассматривалось в общегосударственном масштабе не только в экономическом ключе, но и политическом [ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 399. Л. 134, 134 об.].

Неуплата сельскохозяйственного налога могла привести к тюремному заключению сроком до 1 года. Так, в 1924 г. Армавирская комиссия по разгрузке домов заключения отмечала, что среди общего количества заключенных, за продналог осуждено 45 чел., а за растрату продовольствия и фуража – 216 чел. В основном среди заключенных были представители казачье-крестьянского населения. Были установлены факты, когда суды выносили заочные решения без присутствия налогоплательщика. Несправедливо осужденные подавали жалобы и прошения о досрочном освобождении в связи с объективными обстоятельствами (упадок сельского хозяйства, стихийные бедствия) [ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 480. Л. 44, 44 об., 45, 143, 143 об., 147 об.]. Некоторые при аресте обращались в комиссии по снижению налогов, ссылаясь на аналогичные трудности, но получали ответ: «гражданин злостно уклонялся от уплаты ЕСХ-налога и Нарсудом был осужден как злостный неплательщик, жалобу оставить без последствий» [ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 454. Л. 58, 61].

В условиях нового назревавшего кризиса в 1924 г. состоялся пересмотр внутривластного курса по отношению к сельскому населению. Впервые тезис о «повороте лицом к деревне» прозвучал на страницах газеты «Правда» от 30 июня 1924 г. в статье Г.Е. Зиновьева, который призывал «помочь крестьянству не словом, а делом», оказывая повсеместную помощь в семенном, агрономическом, мелиоративном, кредитном вопросах [Зиновьев 1925: 31–35]. Свое воплощение провозглашенный курс нашел в решениях пленума ЦК РКП(б) 25–27 октября 1924 г. Ориентация на союз с сельским населением была утверждена на Пленуме на основании предложений комиссии по работе в деревне, организованной в сентябре 1924 г. во главе с В.М. Молотовым. Поворотным решением в данном вопросе было осуждение административного произвола в деревне [Яхутль 2023: 90–91]. Таким образом, органы власти на государственном

уровне признали ошибочность и чрезмерность карательных мер, проводимых по отношению к крестьянству.

Повсеместная перестройка внутривластного курса в пользу поиска компромисса и ослабление репрессивной политики вели к отказу населения от участия в сопротивлении. Зимой 1921–1922 гг. численность повстанцев на Кубани и Черноморье сократилась с 5 до 3 тыс. [ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 32. Л. 456]. К началу 1923 г. на учет ОГПУ в русских областях Юга состояли только 12 отрядов в 33 штыка и 249 сабель [Баранов 2005: 126].

Период 1921–1924 гг. в Кубано-Черноморской области характеризовался острым внутривластным противостоянием с сельским населением, как в форме открытого повстанческого движения, так и скрытого – отказом выполнять директивные распоряжения Советской власти. Методы воздействия на хлеборобов, вне зависимости от причин, до 1923 г. отличались усилением репрессивных мер. Организационно-правовая перестройка в соответствии с новой экономической политикой местных партийных и советских органов заняла около года, но для получения результатов внедрения новых методов управления потребовалось еще два года. Под силовым воздействием РККА повстанческое движение завершилось в 1923 г., в связи с чем наличие военно-коммунистических методов в политике большевиков по отношению к сельскому населению было логичным, но дальнейшее их применение свидетельствовало о продолжавшемся конфликте между властью и сельским обществом в скрытой форме. Это потребовало изменений во внутренней политике, что произошло с провозглашением нового курса «лицом к деревне».

Заключение

Таким образом, на протяжении 1917–1924 гг. практика применения репрессивных мер в Советской России прошла несколько этапов своего становления. Беря свое начало в 1917 г., после захвата власти большевиками она реализовалась во много за счет революционно настроенных масс, но недооценка Советской властью масштабов контрреволюционного сопротивления способствовала пересмотру политики большевиков относительно вопроса о создании специального репрессивного органа по борьбе с оппозицией – ВЧК. Пик красного террора пришелся на 1918 г., что было связано с принятием одноименного постановления, существенно расширявшим применение внеправовых методов по отношению к противникам власти, самым многочисленным из которых было крестьянство. Завершение Гражданской войны в европейской части России в 1920 г. привело к отказу от политики красного террора, однако система репрессивных органов власти ВЧК–ГПУ–НКВД, сформированная в предшествующий период, будет действовать и в дальнейшем. Внеправовые методы воздействия продолжали осуществляться, однако их применение было существенно ограничено по сравнению с предыдущими годами. Так Президиум ЦИК СССР в каждом отдельном случае санкционировал вынесение внесудебного приговора [Глуценко, Жаркой 2007: 17–18].

После повторного установления Советской власти весной 1920 г. в Кубано-Черноморской области начали активно внедрять военно-коммунистические

практики, что привело к росту противостояния власти и сельского населения. В ходе реализации продовольственной политики большевики столкнулись с открытым протестом – бело-зеленым движением. Но подавляющая часть сельского населения области находилась под воздействием советских органов власти, которые активно использовали апробированные, внеправовые методы воздействия. На Кубани и Черноморье в период 1920–1924 гг. использовали военнo-коммунистические методы принуждения: конфискацию, аресты, постановку на учет, взятие заложников, заключение в концентрационные и принудительные работы, выселение за пределы области, а также расстрелы. При этом, как свидетельствуют приведенные нами данные, в отношении казачьего населения области действовали меры «политической практики расказачивания», характерные и для других казачьих регионов России. В рамках данных практик красный террор осуществлялся по отношению к наиболее влиятельным и зажиточным представителям казачьего населения, что соответствовало представлениям властей о борьбе с классовыми врагами в лице как зажиточного крестьянства, буржуазии, бывших помещиков, так и казачества в том числе.

Окончание Гражданской войны в европейской части России и рост противостояния населения, проводимой политике военного коммунизма, способствовали изменению политического курса РКП(б) и практики ее реализации. Однако переход к нэпу не подразумевал отказа от применения привычных насильственных методов по отношению к сельскому населению страны. Сохранялось движение в сторону репрессивных методов, которые наиболее ярко проявлялись в ходе осуществления сбора продовольствия. Следование принципам «революционной целесообразности», военный нажим и нередкие случаи откровенных злоупотреблений властью местных советских, партийных и продовольственных органов вынуждали казачье-крестьянское население Кубано-Черноморской области вступать в ряды повстанцев, активно действовавших в области до конца 1922 г. Постепенное изменение продовольственной и земельной политики привело к существенному сокращению очагов сопротивления, что вело в свою очередь к отказу от использования внеправовых мер и достижению временного компромисса между обществом и властью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов 2005 – *Баранов А.В.* Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920–1924 гг.) // Альманах «Белая гвардия». – М.: Посев, 2005. – № 8. – С. 119–129.

Боева 2009 – *Боева Л.А.* «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2009. – 208 с.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Гатауллин, Зайнутдинов 2018 – *Гатауллин А.Г., Зайнутдинов Д.Р.* Конституция РСФСР 1918 года как правовая основа в военное время // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 9 (94). – С. 11–18.

Глущенко, Жаркой 2007 – *Глущенко П. П., Жаркой М. Э.* Карательная политика советского государства в период подавления политического бандитизма начала 1920-х гг.: система, содержание, тактика // Общество и право. – 2007. – № 4 (18). – С. 11–18.

Декреты... 1957 – *Декреты Советской власти*. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории акад. наук СССР. – М.: Политиздат, 1957. – Т. I. – 640 с.

Декреты... 1964 – *Декреты Советской власти*. 11 июля – 9 ноября 1918 г. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории акад. наук СССР. – М.: Политиздат, 1964. – Т. III. – 676 с.

Жиромская 2004 – *Жиромская В.Б.* Проблема красного и белого террора в 1917–1920 годов в отечественной историографии // Труды института российской истории РАН. – 2004. – №4. – С. 240–265.

Зиновьев 1925 – *Зиновьев Г.Е.* Лицом к деревне!: статьи и речи: сборник. – Л., М.: Госиздат, 1925. – 139 с.

Известия... 1989 – *Известия ЦК КПСС*. – 1989. – № 6 (293). – С. 177–178.

Ленин 1969b – *Ленин В.И.* Доклад Совета Народных комиссаров 5 июля // Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 36. – 772 с.

Ленин 1969a – *Ленин В.И.* Государство и революция // Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 33. – 433 с.

Ленин 1970 – *Ленин В.И.* Письмо Л.Б. Каменеву // Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1970. – Т. 44. – 748 с.

Ленин 1981 – *Ленин В.И.* К истории вопроса о диктатуре // Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – Т. 41. – 696 с.

Ленин и ВЧК... 1973 – *В.И. Ленин и ВЧК*. Сборник документов (1917–1922 гг.) – М., Политиздат, 1973. – 679 с.

Литвин 2004 – *Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. – М.: Эксмо, 2004. – 448 с.

Материалы... 1918 – *Материалы Народного комиссариата юстиции*. – М.: Издание Народного Комиссариата юстиции, 1918–1922. – Вып. 2. – 1918. – 104 с.

Мозохин 2018 – *Мозохин О.Б.* Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ (1918–1953 гг.). – М.: Вече, 2018. – 479 с.

Никулин 2020 – *Никулин В.В.* Революционные трибуналы в системе антикрестьянского террора (1918–1921 гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 189. – С. 197–201.

Ратьковский 2006 – *Ратьковский И.С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. – 279 с.

Сборник... 1993 – *Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий*. – М.: Республика: Верховный Совет Рос. Федерации, 1993. – 222 с.

Симбирцев 2008 – *Симбирцев И.* ВЧК в ленинской России: 1917 - 1922. В зареве революции. – М.: Центрполиграф, 2008. – 384 с.

Скорик 2019 – *Скорик А.П.* Расказачивание как политика и социальный процесс на Дону в 1920-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24. – № 4. – С. 102–113.

Собрание узаконений... 1942 – *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг.* / Управление делами Совнаркома СССР. – М.: Б. и., 1942. – 1483 с.

Собрание узаконений... 1943 – *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1920 г.* / Управление делами Совнаркома СССР. – М.: Б. и., 1943. – 818 с.

Собрание узаконений... 1950 – *Собрание узаконений и распоряжений* рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. Отдел первый / Управление делами Совнаркома СССР, Наркомат юстиции СССР. – М.: Б. и., 1950. – 1934 с.

Соколов 2019 – *Соколов А.С.* Роль и место органов ВЧК в политике красного террора // *Власть*. – 2019. – № 2. – С. 211–216.

Трут 2017 – *Трут В.П.* Рассказывание // *Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект: монография / редкол.: В.В. Кондрашин, В.А. Юрчёнков (отв. редакторы) [и др.]; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия*. – М.; Саранск, 2017. – 1048 с.

Уголовный кодекс... 1927 – *Уголовный кодекс РСФСР* / Сост. и отред. коллек.: С.С. Аскарханов, Т.П. Зайцев, А.Н. Иодковский, В.В. Соколов и В.П. Усков. – М.: Юрилич. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. – 553 с.

ЦДНИКК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края.

Черкасов 2004 – *Черкасов А.А.* Заложничество как средство воздействия на бело-зеленую оппозицию на Кубани и Черноморье в 1921–1922 гг. – Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2004. – 115 с.

Яхутль 2023 – *Яхутль Ю.А.* Курс «Лицом к деревне» - компромисс власти и доколхозного крестьянства // *Современная научная мысль*. – 2023. – №3. – 89–95.

Яхутль, Касьянов 2020 – *Яхутль Ю.А., Касьянов В.В.* Повстанческое движение в казачьих регионах Юга России: причины и политические формы в 1920–1924 годах // *Научный диалог*. – 2020. – № 8. – С. 428–442.

REFERENCES

BARANOV A.V. *Povstanchesкое dvizhenie «belo-zelenyh» v kazach'ih oblastyah Yuga Rossii (1920–1924 gg.)* [Insurgent movement of "white-greens" in the Cossack regions of Southern Russia (1920–1924)] IN: *Al'manah «Belaya gvardiya»*. – Moscow: Posev, 2005. – № 8. – P. 119–129. (In Russ.).

BOEVA L.A. *«Osobennaya kasta». VChK-OGPU i ukreplenie kommunisticheskogo rezhima v gody nepa* ["Special caste" The Cheka-OGPU and the strengthening of the communist regime during the NEP years] / Edited by G.A. Bordyugova. – Moscow: AIRO-KhKhI, 2009. – 208 p. (In Russ.).

CHERKASOV A.A. *Zalozhnichestvo kak sredstvo vozdeistviya na belo-zelenuyuoppozitsiyu na Kubani i Chernomor'e v 1921-1922 gg.* [Hostage as a means of influencing the white-green opposition in the Kuban and Black Sea region in 1921–1922] – Krasnodar: Kubanskii gosuniversitet, 2004. – 115 p. (In Russ.).

Dekrety Sovetskoj vlasti. 11 iyulya – 9 noyabrya 1918 g. [Decrees of the Soviet government. July 11 – November 9, 1918] / Institut marksizma-leninizma pri TsK KPSS, Institut istorii akad. nauk SSSR. – Moscow: Politizdat, 1964. – Vol. III. – 676 p. (In Russ.).

Dekrety Sovetskoj vlasti. 25 oktyabrya 1917 g. – 16 marta 1918 g. [Decrees of the Soviet government. October 25, 1917 – March 16, 1918] Institut marksizma-leninizma pri TsK KPSS, Institut istorii akad. nauk SSSR. – Moscow: Politizdat, 1957. – Vol. I. – 640 p. (In Russ.).

GATAULLIN A.G., ZAINUTDINOV D.R. *Konstitutsiya RSFSR 1918 goda kak pravovaya osnova v voennoe vremya* [The Constitution of the RSFSR of 1918 as a legal basis in wartime] IN: *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. – 2018. – №9 (94). – P. 11–18. (In Russ.).

GLUSHCHENKO P.P., ZHARKOI M.E. *Karatel'naya politika sovetskogo gosudarstva v period podavleniya politicheskogo banditizma nachala 1920-kh gg.: sistema, sodержание, taktika* [Punitive policy of the Soviet state during the suppression of political banditry in the early 1920s: system, content, tactics] IN: *Obshchestvo i pravo*. – 2007. – №4 (18). – P. 11–18. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya [State Archive of the Krasnodar Territory]. (In Russ.).

Izvestiya TsK KPSS [News of the Central Committee of the CPSU]. – 1989. – № 6 (293). – P. 177–178. (In Russ.).

LENIN V.I. *Doklad Soveta Narodnykh komissarov 5 iyulya* [Report of the Council of People's Commissars July 5] IN: *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings] / Institut marksizma-leninizma pri TsK KPSS – 5-e izd. – Moscow: Politizdat, 1969. – Vol. 36. – 772 p. (In Russ.).

LENIN V.I. *Gosudarstvo i revolyutsiya* [State and revolution] IN: *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings] / Institut marksizma-leninizma pri TsK KPSS – 5-e izd. – Moscow: Politizdat, 1969. – Vol. 33. – 433 p. (In Russ.).

LENIN V.I. *Pis'mo L.B. Kamenevu* [Letter from L.B. Kamenev] IN: *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings] / Institut marksizma-leninizma pri TsK KPSS – 5-e izd. – Moscow: Politizdat, 1970. – Vol. 44. – 748 p. (In Russ.).

LENIN V.I. *K istorii voprosa o diktature* [On the history of the issue of dictatorship] IN: *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings] / Institut marksizma-leninizma pri TsK KPSS – 5-e izd. – Moscow: Politizdat, 1981. – T. 41. – 696 s. (In Russ.).

LITVIN A.L. *Krasnyi i belyi terror v Rossii 1918–1922 gg.* [Red and White Terror in Russia 1918–1922] – Moscow: Eksmo, 2004. – 448 p. (In Russ.).

Materialy Narodnogo komissariata yustitsii [Materials of the People's Commissariat of Justice]. – Moscow: Izdanie Narodnogo Komissariata yustitsii, 1918–1922. – № 2. – 1918. – 104 p. (In Russ.).

MOZOKHIN O.B. *Repressii v tsifrakh i dokumentakh. Deyatel'nost' organov VChK – OGPU – NKVD – MGB (1918–1953 gg.)* [Repression in numbers and documents. Activities of the Cheka – OGPU – NKVD – MGB (1918–1953)]. – Moscow: Veche, 2018. – 479 p. (In Russ.).

NIKULIN V.V. *Revolutsionnye tribunaly v sisteme antikrest'yanskogo terrora (1918–1921 gg.)* [Revolutionary tribunals in the system of anti-peasant terror (1918–1921)] IN: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2020. – № 189. – P. 197–201. (In Russ.).

RAT'KOVSKII I.S. *Krasnyi terror i deyatel'nost' VChK v 1918 godu* [Red terror and the activities of the Cheka in 1918]. – Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. – 279 p. (In Russ.).

Sbornik zakonodatel'nykh i normativnykh aktov o repressiyakh i reabilitatsii zhertv politicheskikh repressii [Collection of legislative and regulatory acts on repression and rehabilitation of victims of political repression]. – Moscow: Respublika: Verkhovnyi Sovet Ros. Federatsii, 1993. – 222 p. (In Russ.).

SIMBIRTSEV I. *VChK v leninskoj Rossii: 1917 - 1922. V zareve revolyutsii* [The Cheka in Lenin's Russia: 1917–1922. At the dawn of the revolution]. – Moscow: Tsentrpoligraf, 2008. – 384 p. (In Russ.).

SKORIK A.P. *Raskazachivanie kak politika i sotsial'nyi protsess na Donu v 1920-e gody* [Decossackization as a policy and social process on the Don in the 1920s] IN: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2019. – Vol. 24. – № 4. – P. 102–113. (In Russ.).

Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva za 1917–1918 gg. [Collection of laws and orders of the workers' and peasants' government for 1917–1918] / Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. – Moscow: B. i., 1942. – 1483 p. (In Russ.).

Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva za 1920 g. [Collection of laws and orders of the workers' and peasants' government for 1920] / Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. – Moscow: B. i., 1943. – 818 p. (In Russ.).

Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva za 1922 g. Otdel pervyi [Collection of laws and orders of the workers' and peasants' government for 1922. Section one] / Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR, Narkomat yustitsii SSSR. – Moscow: B. i., 1950. – 1934 p. (In Russ.).

SOKOLOV A.S. *Rol' i mesto organov VChK v politike krasnogo terrora* [The role and place of the Cheka in the policy of red terror] IN: *Vlast'*. – 2019. – №2. – P. 211–216. (In Russ.).

TRUT V.P. *Raskazachivanie* [Decossackization] IN: *Krest'yanstvo i kazachestvo Rossii v usloviyakh revolyutsii 1917 g. i Grazhdanskoi voyny: natsional'no-regional'nyi aspekt: monografiya*

[The Peasantry and Cossacks of Russia in the Conditions of the Revolution of 1917 and the Civil War: National-Regional Aspect: Monograph]. / Edited by V. V. Kondrashin, V. A. Yurchenkov (otv. redaktery) [i dr.]; NII gumanitar. nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya. – Moscow, Saransk, 2017. – 1048 p. (In Russ.).

Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraia [Documentation Center for the Contemporary History of the Krasnodar Territory]. (In Russ.).

Ugolovnyi kodeks RSFSR [Criminal Code of the RSFSR] / Edited by S. S. Askarkhanov, T. P. Zaitsev, A. N. Iodkovskii, V. V. Sokolov i V. P. Uskov. – Moscow: Yuridich. izd-vo NKYu RSFSR, 1927. – 553 p. (In Russ.).

V.I. Lenin i VChK. Sbornik dokumentov (1917–1922 gg.) [V.I. Lenin and the Cheka. Collection of documents (1917–1922)] – Moscow, Politizdat, 1973. – 679 p. (In Russ.).

YAKHUTL' YU.A. «*Licom k derevne*» - *kompromiss vlasti i dokolhoznogo krest'yanstva* [Course “Facing the Village” - a compromise between the authorities and the pre-collective farm peasantry] IN: *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. – 2023. – № 3. – P. 89–95. (In Russ.).

YAKHUTL' YU.A., KAS'YANOV V.V. *Povstancheskoe dvizhenie v kazach'ikh regionakh Yuga Rossii: prichiny i politicheskie formy v 1920–1924 godakh* [Insurgency in the Cossack regions of Southern Russia: causes and political forms in 1920–1924] IN: *Nauchnyi dialog*. – 2020. – № 8. – P. 428–442. (In Russ.).

ZHIROMSKAYA V.B. *Problema krasnogo i belogo terrora v 1917–1920 godov v otechestvennoi istoriografii* [The problem of red and white terror in 1917–1920 in Russian historiography] IN: *Trudy instituta rossiiskoi istorii RAN*. – 2004. – №4. – P. 240–265. (In Russ.).

ZINOVIEV G.E. *Licom k derevne!: stat'i i rechi: sbornik* [Facing the village!: articles and speeches: collection]. – Leningrad, Moscow: Gosizdat, 1925. – 139 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М.С. Диривянкина – преподаватель.

Information about the author

M.S. Dirivyankina – the lecturer.

Статья поступила в редакцию 02.05.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 02.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Научная статья
УДК 94
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-101-127
EDN: EGPZWM

«НАРОДНАЯ ПАРТИЯ ГОРЦЕВ КАВКАЗА»: ИДЕОЛОГИЯ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И КРИЗИСЫ

Ирина Леонидовна Бабич

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия,
babi7chi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1879-1608>

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть историю создания, идеологию и основные этапы деятельности одной из крупных партий северокавказцев в эмиграции – «Народной партии горцев Кавказа», которая функционировала в Европе с 1926 г. до начала Второй мировой войны. Источниками стали архивы Франции и России, а также статьи идеологов партии. Особое внимание уделено руководителю партии – гражданину Турции, внуку Имама Шамиля – Саиду и роли польского государственного и военного деятеля Тадеуша Шетцеля. Автор рассматривает членство в партии, идеологию и ее идеологов (Б. Билатти, Т. Елекхоти, Б. Байтугана и др.), отношение к проекту «Кавказская конфедерация». В статье анализируются инструменты деятельности партии (будущая война, Лига наций и т.д.). Выделяются четыре периода в деятельности партии: 1926–1930 гг., 1931–1933 гг., 1934–1936 гг., 1937–1939 гг. Автор изучает внутренние и внешние кризисы в партии. Результаты. «Народная партия горцев Кавказа», с одной стороны, не имела значительных успехов в общественно-политической жизни северокавказских эмигрантов в 1920–1930-е гг. в Европе, не приобрела авторитет и уважения среди соотечественников, а, с другой, это был очень важный опыт в политической деятельности горцев и очень глубокий этап роста их политического самосознания.

Ключевые слова: Северокавказские эмигранты, Франция, Турция, «Народная партия горцев Кавказа», 1920-1930-е гг., Польша, Саид Шамиль, Б. Байтуган, Т. Елекхоти, Лига наций, Тадеуш Шетцель, кризисы.

Благодарности: Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Для цитирования: Бабич И.Л. «Народная партия горцев Кавказа»: идеология, деятельность и кризисы // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 101-127. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-101-127. EDN: EGPZWM.

© Бабич И.Л., 2024

Original article

THE "PEOPLE'S PARTY OF THE MOUNTAINEERS OF THE CAUCASUS": IDEOLOGY, ACTIVITIES AND CRISES

Irina L. Babich

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, babi7chi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1879-1608>

Abstract. The aim of the article is to consider the history of the creation, ideology and main stages of the activity of one of the main parties of North Caucasians in exile - the "People's Party of the Caucasus Highlanders," which functioned in Europe from 1926 until the start of World War II. The sources of this article were the documents from the archives of France and Russia, as well as articles by the leaders of this party. The party's head, a Turkish citizen and the grandson of Imam Shamil - Said, is given special focus, as is the role of Polish politician and military figure Tadeusz Schetzel. The author investigates party membership, ideology, and the attitudes of its ideologists (B. Bilatti, T. Elekhoti, B. Baitugan, etc.) toward the "Caucasian Confederation" concept. This article aims to study the tools of the party's activities (future war, League of Nations, etc.). There are four periods in the party's activity: 1926–1930, 1931–1933, 1934–1936, 1937–1939. The author investigates both internal and foreign issues in the party. The "People's Party of the Caucasus Mountain People," on the one hand, did not have significant success in the socio-political life of North Caucasian emigrants in Europe in the 1920s-1930s, did not gain authority and respect among compatriots, but, on the other hand, it was a very important experience in the highlanders' political activities and a very deep stage in the development of their political self-awareness.

Keywords: North Caucasian emigrants, France, Turkey, "People's Party of the Caucasian Highlanders", 1920-1930s, Poland, Said Shamil, B. Baytugan, T. Elekhoti, League of Nations, Tadeusz Schetzel, crises.

Thanks: Published in accordance with the plan of research work of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences

For citation: Babich I.L. The "people's party of the Mountaineers of the Caucasus": ideology, activities and crises. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 101-127. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-101-127. EDN: EGPZWM.

© Babich I.L., 2024

Введение

Северокавказская эмиграция, оказавшись в Европе в 1920-е г. так же, как и русская, организовав свои бытовые проблемы, связанные с жизнью в новой стране, начала заниматься и политической деятельностью. Вначале в Европе была лишь одна северокавказская политическая составляющая в виде Зарубежной делегации Горской республики. Она прибыла в 1919 г. на мирную конференцию в Версаль, где надеялась получить поддержку статуса независимого государства, однако этого не произошло. Оставшиеся в эмиграции члены делегации начали активную политическую деятельность во Франции [Бабич 2023: 74-86]. Тем не менее они не стремились организовать представителей северокавказской эмиграции и оформить какую-либо партию, предпочитая быть в отдалении от основной массы горцев. Со временем горцы сами начали реализовывать свои политические интересы.

В предлагаемой статье, на основе архивов Франции и России, рассмотрим историю создания, идеологию и основные этапы деятельности одной из крупных партий северокавказцев в эмиграции – «Народной партии горцев Кавказа», которая функционировала в Европе с 1926 г. до начала Второй мировой войны. В нашем распоряжении оказалась найденная нами в Российском государственном военном архиве в фонде Генерального Штаба Польши прекрасно написанная и глубоко продуманная история «Народной партии горцев Кавказа». Ее автор предположительно В.С. (Бало) Билатти – молодой осетинский эмигрант,

который стал одним из активных членов этой партии [РГВА, Билатти, История]. До сих пор в кавказском эмигрантоведении нет ни одной научной работы по этому вопросу, исследование которого представляет как научное, так и практическое значение.

Создание «Народной партии горцев Кавказа»

В начале 1920-х гг. Чехословакия выделила средства для образования эмигрантов из России, поэтому в эту страну приехало много эмигрантов из Российской империи, в том числе и горцев Кавказа. В 1923 г. студенты-эмигранты с Северного Кавказа образовали общественную организацию «*Союз Горцев Кавказа в Чехо-Словакии*». Членами союза стали (по данным на 1925, Прага, Брно): Э. Бекович-Черкасский, М. Гатагогу, А. Цаликов, В. Вазагов, К.-Х. Бесолтти (Бесолов), А.-Н. Магомаев, Б. Саламов, Н.А. Бигаев, Б. Байтуганов, К.Д. Гульдиев, А.А. Кундухов, К.М. Зангиев, И. Сидakov, И. Урусбиев, Х. Сиатоква, Х. Шуманукова, Н.Х. Суншев [Хроника 1925]. Со временем и другие северокавказцы вошли в этот союз. Союз начал издавать журнал «Кавказский горец». Его редактором стал Мурат Хаджибиевич Гатагогу. Мурат был родом из Кубанской области, из г. Екатеринодар, западный адыг, имел высшее юридическое образование. После революции – зам. Председателя Кубанской законодательной Рады, имел тесные контакты с казаками Кубанской области. Формально этот журнал – литературный и научный, однако на его страницах члены союза начали анализировать прошлое своих народов и искать новые пути в идеологии и политической деятельности. Редактор журнала писал, что «дореволюционный царский режим препятствовал этому познанию. Он принимал всяческие меры к разобщению горской интеллигенции с его народом, мало того, он душил всяческое проявление национального самосознания» [Кавказский горец 1925]. Журнал действительно публиковал литературные произведения прошлых веков (фольклор) и поэтов XX в., отрывки из осетинского эпоса, сказания о нартах и т.д., статьи по истории Северного Кавказа (о наibaх Шамиля, о жизни чеченского исламского лидера Мансура, о быте и жизни горцев, религии, об адатах и т.д.). Журнал сформулировал свой лозунг следующим образом: «Сильный человек и водопад везде проложат себе дорогу». Главная задача журнала, как это было объявлено на оборотной стороне обложки журнала, – «служение делу национально-культурного возрождения и экономического благосостояния горских народов Кавказа» [Кавказский горец 1925: 3]. В 1925 г. союз получил 10 правительственных стипендий от Чехословакии для обучения северокавказцев в высших учебных заведениях страны и распределил их среди горцев.

В первых же номерах журнала Союза горцев было указано, что он «не занимается чисто политическими вопросами, как вопросами, могущими разъединить горцев эмигрантов» и цель журнала – объединить горцев Кавказа, но постепенно горцы-члены Союза стали расходиться: их взгляды становились противоположными. Появились северокавказцы, которые уже четко сформулировали свои политические позиции. По сути, взгляды сводились к двум вариантам «будущего» региона: либо «прорусскому» (Северный Кавказ в составе России), либо «националистическому» (Северный Кавказ как независимое государство).

События 1926 г. в Польше позволили активизировать общественно-политическую деятельность горских эмигрантов. Польша начала оказывать большую помощь в финансировании политической жизни тем северокавказцам, которые отстаивали идеи независимости. Первым установил связь с Польшей внук имама Шамиля – *Саид Шамиль*. Причем до этого он же установил контакты с горцами из Праги, с членами Союза горцев Кавказа в Чехословакии. В ноябре 1926 г. С. Шамиль вместе с северокавказцами Чехословакии создали новую партию под названием «Народная партия Горцев Кавказа» (иногда она называлась «Народная партия вольных горцев»), став ее генеральным секретарем. Польша начала финансировать деятельности партии, ее руководители и ключевые члены Центрального комитета получали зарплаты. Ячейки партии были созданы в Париже и Стамбуле. У партии был свой отличительный значок (правда, нам не удалось найти его изображение) [Горцы на Ближнем Востоке 1930: 57]. Отметим, что не все члены Союза горцев перешли в партию Шамиля, предпочитая войти в Союз горцев Чехии. В частности, один из руководителей Союза горцев Кавказа М. Гатагогу не поддержал создание новой партии [Байтуган 1929: 3-4]. Впоследствии он организовал свою национальную демократическую партию и встал на путь оппозиции к «Народной партии горцев Кавказа» [РГВА. Бичерахов].

Членство в партии. По данным одного из лидеров партии на первом этапе ее деятельности партии Л. Бичерахова, на 1929 г. было 300 членов партии: 100 чел. проживали в Париже (из них 30 чел. активные члены, остальные – сочувствующие) [РГВА. Бичерахов]. Членами партии стали: Т. Елекхоти, Даладаг, Д. Дзанти, А. Цалыккаты, Э. Бекович-Черкасский, К.-Х. Бесолти, И. Чулик, М.-Г. Сунш, Б. Байтуган, Р. Шамилев, М. Абуков, Г.-Б. Чижоков, Л.Ф. Бичерахов, С. Келеч-Гирей, Т.-С. Шакманов, К.К. Улагай, М.П. Крымшамхалов, К. Занги, Б. Билатти и др. [АМТ]. В 1934 г. в партию вошли горцы с Корсики Д. Шеретбоков (?Шеретлоков), Г. Гонгов, О. Лафичев (Лафишев) [РГВА. Шакманов]. Партия имела своих членов в Стамбуле, Праге, Брно, Эль-Кунейрте, Дамаске [Хроника 1930: 58-61]. Члены партии в 1929 г. были и на Северном Кавказе [Муртаз 1929а: 3-5]. Партия установила связи с Китаем, Сербией и Болгарией: в Китае – партию представлял И. Алтадук, в Болгарии – Х. Тменатты, в Сербии – У. Етез [РГВА. Переписка. Л. 61]. К 1933 г. партия значительно расширила свои ряды, распространив свое влияние и создав ячейки почти во всех местах рассеяния горской эмиграции: Турции, Чехии, Сирии, Египта, Болгарии, Албании, Сербии, Северной Америке и т.д., а также имела филиалы в Чечне и Дагестане. Установила тесные связи со старой эмиграцией, получив влияние на газету «Мардж» [РГВА. Переписка. Л. 65]. Она издавалась с 1927 по 1936 гг. на черкесском, французском и арабском языках. В 1930-е годы активных потомков мухаджиров насчитывалось примерно 125–130 тыс. чел. [Горцы на Ближнем Востоке 1930].

При создании партии был образован Центральный комитет в составе: С. Шамиля, М.-Г. Сунша, Б. Хурша, Р. Шамилева (до 1931 г.), Л. Бичерахова (до 1931г.), И. Чулика, М.П. Крымшамхалова (до 1931 г.), К.К. Улагая, Т.-С. Шакманова и представителя старой эмиграции, депутата сирийского парламента

Амина Сангуга) [РГВА. Переписка, л. 62]. Секретарем комитета стал Б. Байтуган. Горцы считали важным поставить руководителем именно внука имама Шамиля – Саида для привлечения мусульман-эмигрантов с Северного Кавказа. Отметим, что далеко не все признавали в Саиде внука Имама Шамиля и с самого начала относились к нему настороженно, называя его «агентом западного империализма». Некоторые члены партии переехали из Праги в Париж, другие – в Варшаву. М.-Г. Сунш жил в Париже, а Б. Байтуган – в Варшаве по адресу (Morszynska 39, Sadyba) [РГВА. Переписка, л. 67]. Было создано т.н. Дипломатическое представительство партии, куда вошли: Т.-С. Шакманов, И. Чулик, К.-Х. Бесолтти. Также были определены представители партии в различные органы и организации: в Конфедерации народов Кавказа – М.-Г. Сунш, в редакции журнала «Прометей» – И. Чулик, в правление клуба «Прометей» – Б. Байтуган¹.

Идеология

Руководство «Народной партии горцев Кавказа» стремилось сформировать свою теорию государства и права применительно к Северному Кавказу, а также ключевые стратегии деятельности партии в конце 1920–1930-х гг. Один из лидеров партии Б. Билатти подчеркивал:

«национальные эмиграции, отражающие волю и настроения своих народов, вправе предрешать политическую судьбу этих народов и выступать от их имени во всех важных вопросах, разрешение коих может улучшить их положение»... партия должна стать организационным центром горской политической мысли, группируя вокруг себя и подготавливая, одновременно, кадры национально мыслящих горцев, дабы придать освободительной борьбе горцев планомерность и организованную монолитность... Основной целью партии является создание Независимой Республики Горцев в составе Кавказской Конфедерации, причем, учитывая прошлое, партия считает последнее условие единственно реальным путем для достижения условия первого» [Билатти 1934а: 13].

Источниками по изучению идеологии стали архивные материалы, которые хранятся в РГВА (материалы Генерального Штаба Польши). В этом фонде мы обнаружили секретную записку о «Народной партии горцев Кавказа», подготовленную в 1929 г. одним из активных на то время членом партии Л. Бичераховым на имя министра Польши (фамилия не указана) [РГВА. Бичерахов. Л. 18-22]. В ней Бичерахов проанализировал деятельность партии, попытался привести аргументы ее важности и авторитетности, указал основные направления оппозиционных сил и обращался с просьбой к польским властям предоставить финансирование и поддержку партии, а также средства для подготовки журнала «Горцы Кавказа» (на франц. языке). Он подчеркивал, что партия «стоит на пути расширения базы сотрудничества с Польшей» [РГВА. Бичерахов. Л. 10].

¹ Ответственные работники партии: представители в Варшаве – М.-Г. Сунш, секретарь комитета в Варшаве – К. Занги. Редактор журнала «Горцы Кавказа» – Б. Байтуган. Представители в Париже – Л. Бичерахов. Представители в Сербии – Киязим Кан (Кап). Секретарь комитета в Сербии – М. Цахой. Представители на Ближнем Востоке – Д. Маршани. Для связи в Ираке – А. Дагестани. В Аммане – Р. Шамилев, О. Хикмет, В Египте – А. Саиры-паша. Секретарь комитета в Сирии – Я. Семгох. Представитель в Персии – А. Кундух, представитель в Чехо-Словакии – М.-Б. Кулатти, представитель в Нью Йорке – М. Гасринский, представитель в Албании – К.К. Улагай.

Кроме этого документа, в нашем распоряжении имеются сформулированные другими участниками партии основные идеи и т.д. (идеологами партии стали Б. Билатти, Б. Байтуган, Т. Елекхоти). В партии со временем сформировались политические лидеры, которые стали теоретиками, создавали теоретические работы, в которых обосновывались основы формирования государства на Северном Кавказе. Одним из них стал Бало Билатти. Осетин, попавший в эмиграцию молодым человеком, постепенно стал политиком, политологом, глубоко разбиравшемся в истории и теории государства и права на Северном Кавказе. Политический путь Б. Билатти формировался уже в эмиграции¹.

В Париже функционировала малочисленная партия «Союз народов Кавказа» (руководитель М.Н. Абациев), которая противопоставляла себя «Народной партии горцев Кавказа», отстаивая идеи пророссийской ориентации и включения Северного Кавказа в состав России. 26 февраля 1929 г. М.Н. Абациев сделал доклад под названием «Задачи и тактика кавказских сепаратистов», который был полностью направлен против основных положений идеологии и деятельности «Народной партии горцев Кавказа». В результате на страницах журнала «Народной партии горцев Кавказа» – «Горцы Кавказа» была опубликована статья члена партии Т. Елекхоти, который опровергал положения данной критики, тем самым формулируя основные взгляды и принципы работы своей партии. Все это составило базис для данного анализа политических стратегий «Народной партии горцев Кавказа».

В 1930 г. Б. Байтуган, анализируя основные причины неудачи национально-освободительного движения на Северном Кавказе в XIX в., считал важным не допустить тех же ошибок. Он указывал, что «неудачи освободительного движения на Кавказе – отсутствие организованной группы, которая одновременно развивала и горскую политическую мысль» [Байтуган 1930b: 6]. Вот именно развитию горской политической мысли руководство уделяло особое внимание.

Ключевые стратегии партии были сформулированы следующим образом:

1. Формирование идеологии национальной консолидации, развитие понятия «горской нации» для «преодоления племенного партикуляризма и разъединенности, для создания монолитности горцев». В партии не планировалось де-

¹ Бало Билатти, или иначе Владимир Семенович Беллати (Белаев) родился в казачьей станице Черноярской (Терской области) в 1900 г. Его отец Семен, безусловно, был казаком, но сам Владимир не пошел по военной линии, а окончил реальное училище в Моздоке. Но в годы 1917–1919 г. принимал участие на стороне белых, очевидно, что вместе с отцом. В 1919 г. был призван в Добровольческую армию и поступил в военное училище в Екатеринодаре. Эвакуировался с училищем в Крым, потом – в Болгарию. Переехал учиться в Чехословакию (1922), жил в Брно. Окончил инженерно-химическое отделение политехникума в Праге (1929). Вступил в Союз горцев Чехословакии. Член Народной партии горцев Кавказа. Переехал в Польшу, жил в Варшаве по адресу Jerezolimskie 7/11 (1931). Сотрудничал в журналах «Горцы Кавказа» (1928–1934), «Северный Кавказ» (1934–1939), «Прометей», (1931, 1936–1937). Член комиссии Восточного Института по созданию государственного языка для народов Кавказа (1938, Варшава). Сотрудничал с польской разведкой. Являлся агентом турецкой разведки. Еще до Второй мировой войны установил контакт с абвером и СД; во время Второй мировой войны работал в Северокавказском национальном комитете в Германии (по заданию и под контролем нацистских спецслужб). После Второй мировой войны переехал в США (1951), жил в Нью-Йорке. Представитель журнала «Кавказ» («Объединенный Кавказ») в США. Представитель Северокавказского комитета народов Кавказа в США (1952). Участник празднования Дня независимости в Париже (1952)

ления «по племенным признакам». Все народы Северного Кавказа должны были быть представлены в партии равномерно.

2. Установление тесных контактов со старой черкесской (горской) эмиграцией в Турции. Среди них много европейски образованных горцев и этот факт будет полезен для новых эмигрантов с Северного Кавказа, оказавшихся в Европе в 1920-е г.

3. Создание опоры на Польшу, которая в те годы стремилась разрушить Россию и была готова финансировать деятельность партии [РГВА. Переписка. Л. 63-65]. Почему именно Польша? Основателем антисоветского («прометеевского») движения в Польше можно считать поляка Тадеуша Шетцеля¹.

Находясь в Турции, видимо, Т. Шетцель познакомился с С. Шамилем и сделал ставку на него и на созданную им партию. Работая в Париже, Шетцель познакомился с северокавказцами, которые проживали в столице Франции, и которые позднее составили ядро новой партии. Планировалось, что партия горцев станет частью движения «Прометей», созданного в Польше как антисоветское, и которое должно было объединить тех, кто был готов работать на освобождение нерусских народов от советской власти [Широкоград 2011].

Рассмотрим подробно основные стратегии «Народной партии горцев Кавказа».

Основа идеологии – наличие общекавказской солидарности и элементов северокавказской нации. Т. Елекхоти писал, что действительно «в прошлом нашей истории не мало фактов, свидетельствующих о былых разногласиях между народами Кавказа вообще и между горцами, в частности ... среди кавказских народов было не мало и междоусобных войн», но подобные разногласия между горцами остались в прошлом и были связаны с определенным этапом «духовного развития и характером общественного строя» [Елекхоти 1929: 3]. Б. Байтуган тоже признавал «отсутствие внутреннего и внешнего единства между кавказскими нациями – вот в чем сущность нашего неуспеха в недавнем прошлом» [Байтуган 1933а: 11]. «Тем не менее, в истории завоевания Кавказа русскими были моменты, когда, если не все народы, но во всяком случае массовые добровольцы со всех концов Кавказа объединялись для отражения натиска русских». Т. Елекхоти считал, что можно говорить «о духовном родстве кавказских народов», на котором строится «политика общекавказской солидарности» [Елекхоти 1929: 3].

Т. Елекхоти утверждал, что горцы Кавказа «естественным путем подошли к идее государственной независимости» [Елекхоти 1929: 4]. Он подчеркивал, что «с возникновением национальной интеллигенции, способной создавать и формулировать национальные лозунги и начинается процесс национального пробуждения... Этот путь проходят и теперь все пробуждающиеся народы, а в

¹ Интересна его биография. После восстановления независимости Польши в ноябре 1918 г. Т. Шетцель был направлен в 1919 г. в штаб Главнокомандующего в качестве начальника разведки России в Генеральном штабе. В 1922 г. он был отправлен с секретной миссией в Швейцарию к турецкому генералу И. Исмет-паша (в 1938 г. он станет вторым президентом Турции после смерти Кемаля Ататюрка). В 1924–26 гг. Т. Шетцель работал военным атташе в Анкаре (Турции). В 1926–29 г. – начальником II-ого отдела Генерального штаба Польши. В 1929–1930 гг. – советником в посольстве Польши и чрезвычайным посланником и полномочным министром в Париже; затем в качестве главы кабинета председателей Совета министров Валерия Славека и Юзефа Пилсудского и (1931–34 гг.) и был директором МИД Польши.

том числе и горцы Кавказа» [Елекхоти 1929: 4]. «Мы кавказцы, не связанные с русскими ни расовыми, ни языковыми, ни культурным, ни бытовым ни сходством, ни родством хотим жить сами, без опекунов и без хозяев, хотим сами распоряжаться тем, что нам дает наша земля» [Елекхоти 1929: 7-8]. Т. Елекхоти считал, что «мы строим нашу государственную теорию на общности исторической судьбы народов Кавказа и на их взаимной экономической заинтересованности и связанности» [Елекхоти 1929: 7]. Б. Байтуган, ссылаясь на историю Кавказа XII в., указывал, что «народы Кавказа не раз жили в прошлом совместной государственной жизнью» [Байтуган 1933а: 12].

Т. Елекхоти писал, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. сложились обстоятельства, которые будут способствовать развитию движения за государственную независимость Северного Кавказа. Во-первых, это т.н. «великая революция народов Востока Европы», во-вторых, наличие на Северном Кавказе и в эмиграции местной интеллигенции. Ранее, во время имама Шамиля таковой не было. И, наконец, наличие в Европе Лиги наций, которая могла бы встать на защиту угнетенных народов бывшей Российской империи [Елекхоти 1929: 8].

Руководство партии активно изучало «основы теории государства и права» и публиковали статьи об этом [Хаджи 1929], в частности, статью поляка С. Седлецкого «Как строить государство» [Седлецкий 1930; Горцы Кавказа 1931] и на страницах журнала было устроено ее обсуждение [Коста 1930].

Б. Билатти сформулировал основы будущего независимого Кавказского государства следующим образом:

«Кавказская Конфедерация должна стать переходным этапом к еще более тесному объединению – федеративному». Федеративное государство – более суверенное государство, оно имеет свои органы законодательной, исполнительной и судебной власти... Таких государств много. Есть хорошие примеры – США, Швейцария, а есть и плохие, например, квазифедеративное государство – СССР, ... «великодержавность больших народов есть явление органическое, вытекает из самой природы человека, и потому сожительство больших народов с малыми, даже при первоначально абсолютной добровольности, грозит в конце концов конфликтом» [Билатти 1934b: 12].

Как мы указывали выше, одним из первых теоретиков государственности в партии стал осетин Т. Елекхоти. В 1929–1930 гг. он часто проводил диспуты с теми горцами, которые отстаивали идеи российского присутствия на Северном Кавказе. В частности, дискуссия с И. Баевым вылилась в статью Т. Елекхоти «Сепаратизм горцев Кавказа и его корни» [Елекхоти 1929: 28-32]. Т. Елекхоти утверждал, что народы Кавказа способны к государственному творчеству и развитию и объединению во имя высших государственных идей [Елекхоти 1929: 31]. Он признавал, что действительно народы Северного Кавказа имеют слишком маленький опыт построения государства, поэтому указывал:

«мы признаем, что мы не смогли организовать оборону Кавказа. Но почему? Во-первых, г. Баев, как ученый государствовед, должен знать, что умение управлять государством есть столь трудно достигаемое искусство, которое дается опытом многих и многих лет. Ни одно новое государство никогда не обходилось без иностранных опытных инструкторов. Примеры: все государства, созданные после великой войны. Искусство управлять страной настолько не-

легкое дело, что за всю долгую историю России, как великой державы, русские управлять своим большим государством не научились, что и привело их к пропасти... Ничего, стало быть, удивительного нет в том, что в России мы не научились управлять своей страной, тем более, что к этому управлению мы никогда не допускались» [Елехоти 1929: 29].

Основная проблема при формировании единого народа было наличие языкового разнообразия на Северном Кавказе. Идеологи партии планировали создать единый горский алфавит. М. Халил считал, что общим языком для Северного Кавказа мог бы стать нынешний турецкий язык на латинской основе, а еще лучше кавказский тюрко-татарский язык [Халил 1934]. «Будем надеяться, что через 5–7 лет после восстановления независимого горского государства, русский язык будет символически, но торжественно, сожжен на костре перед памятником нашей независимости... Каждый из горских народов сохраняет свой язык для развития своих духовных ценностей и сохранения извечных традиций, характерных для него» [К.А. 1934].

В 1933 г. Б. Байтуган опубликовал аналитическую статью о языковом разнообразии и горской нации. Он писал, что противники общекавказского объединения приводят аргумент о языковом разнообразии, которое не позволяет быть и культурно-политическому единству:

«Многовековая совместная жизнь, общность исторических судеб, одинаковый характер окружающей природы и т.п. – создали все необходимые условия для консолидации горцев в нацию. Несмотря на разницу в языке, на всем пространстве Северного Кавказа, от берегов Черного до берегов Каспийского морей, живет единый народ, обладающий единой, только ему присущей, культурой, руководствующийся одинаковыми общественно-бытовыми формами и традициями, воспринимающий внешние явления через одну и ту же призму преломления, связанный единым историческим прошлым и в одинаковой степени чтущий это прошлое и его героев, наконец, выявивший волю к совместной жизни и обладающий национальным самосознанием и сознанием своей общности, а также стремящийся, как стремился он и в прошлом, к независимой национальной жизни в пределах собственного государства» [Байтуган 1933b].

Б. Байтуган подчеркивал, что «мы являемся нацией и требуем для себя равноправия» [Байтуган 1933b].

В 1936 г. горец под псевдонимом Джаван отмечал:

«племенное разнообразие Северного Кавказа выдвигает перед нацией чрезвычайно сложную и важную для нашего грядущего проблему, охватывающую не только область идеологии, но и область практических начинаний, область практических и организационных и конструктивно-государственных мероприятий как в данный момент, так и в будущем... Во всех этих областях перед нами возникают две альтернативы: должны ли мы при всех наших построениях и концепциях исходить из нашего племенного разнообразия и этим, так сказать, стабилизировать и даже углублять его, или же, учитывая нашу общность во многих отраслях духовной и бытовой жизни, подкрепленную общностью происхождения и кровных связей, мы должны всюду утверждать принцип единой национальной воли и стремлений, созидать не государство союза племен или народов, а государство единой, хотя и сложной нации». Журнал занимает по этому вопросу строго определенную позицию – «основой практических начинаний северокавказской национально-политической мысли должны быть не принципы племенного партикуляризма, а действенный национальный централизм» [Северный Кавказ 1936].

В 1937 г. Б. Билатти опубликовал статью под названием «Национальный централизм – залог успеха» [Билатти 1937а], в котором он сфокусировался на проблеме племенной мозаичности на Северном Кавказе и поставил вопрос можно ли создавать общее всех народов региона одно государство при таком разнообразии? По мнению Б. Билатти, такое возможно, но только при условии единой нации, северокавказской нации. Он утверждал, что вопрос о единой нации не является «тактической целью для реализации некоей общей политической задачи. Проблема нашего национального возрождения была для нас всегда проблемой единой северокавказской нации, стремящейся утвердить свою независимость и право на существование» [Билатти 1937а: 12.]. По его мнению, «не следует базировать идею национального возрождения на племенном партикуляризме, но, смеем думать, и сама мысль о таком партикуляризме является опасной для нашего общенационального дела» [Билатти 1937а: 12.]. Признание племенного разнообразия, которое нельзя преодолеть, «означает наличие разъединительных тенденций, которые у нас, на Северном Кавказе, могут, при активной поддержке явных и скрытых врагов нашей независимости, преобразиться в открытое политическое течение, стремящееся утвердить национальную обособленность отдельных племен, составляющих северокавказскую нацию... разложение северокавказской нации означает и подрыв идеи северокавказской государственности, которая, лишившись своей базы в лице единой национальной воли, неминуемо должна будет погибнуть» [Билатти 1937а: 13].

Б. Билатти, опираясь на свое видение истории Северного Кавказа, указывал на два политических течения:

«старающихся с переменным успехом преодолеть друг друга. Одна течение, являющееся следствием вполне естественного и здорового конструктивно-государственного инстинкта отдельных этнических групп Северного Кавказа, передовых и доминирующих на данном этапе истории, стремилось к объединению разрозненных племен в пределах одной общей для них государственности и к слиянию их в одну нацию. Так было в эпоху аланов, хазар, затем в эпоху адыгейского преобладания, и, наконец, во времена Мансура, Казимагомета, Гамзат-Бека и великого Шамиля. Другое течение, всегда и при всех случаях инспирируемое и развиваемое чуждыми Северному Кавказу силами, преследовало противоположные цели. Оно добивалось раздробления и разъединения по племенному признаку и всячески старалось препятствовать естественному процессу слияния родственных племен, связанных неразрывными нитями общности исторических судеб и политических и духовных интересов» [Билатти 1937а: 13].

Второе направление Б. Билатти связывал с деятельностью России на Северном Кавказе:

«Царизм, обосновавшись на Кавказе, продолжал свою разъединительную работу. По тому же пути пошли и большевики, пользующиеся в своей национальной политике испытанными методами, унаследованными от царизма. Северокавказскую нацию пытается разложить и советская власть. Раздел территории Северного Кавказа на ряд самостоятельных, произвольно-образовываемых административных единиц и искусственное культивирование местных племенных особенностей и языковых различий – являются мероприятиями плановой разъединительной акции, проводимой большевиками» [Билатти 1937а: 14].

Б. Билатти поддерживал идею национального централизма и отвергал систему федерализма, как форму политического устройства, наиболее соответствующую принципу партикуляризма и принять вместо нее идею унитарного государства, являющегося совершеннейшей и наиболее прочной формой политической организации народа:

«Племенной партикуляризм тесно связан с федерализмом, но и нередко зарождается, превращаясь в конечном итоге в провинциальный национализм, угрожающий единству и целостности государства. Поэтому федерализм не может быть предметом наших политических идеалом, лежащим в основе практических действий северокавказских патриотов... В действительности федерализм не является единой политической теорией, которая бы говорила о том, что федеративное устройство представляет всегда и во всех случаях одну из стадий эволюции политических форм, промежуточную степень между разъединением и полным объединением.. Учитывая кавказскую действительность, мы полагаем, что федерализм, как форма политической организации, могущая объединить четыре кавказских нации, может быть для нас политическим идеалом, принимаемым нами без всяких оговорок. Но зато нет никакой нужды утверждать принципы федерализма (племенного или какого-либо иного) на Северном Кавказе, среди северокавказской нации, для которой переходная и не совсем устойчивая форма государственной организации не может служить ни в коем случае политическим идеалом. Примеры с иберо-американскими народами или Швейцарией в данном случае мало убедительны и в не состоянии опровергнуть нашего мнения» [Билатти 1937а: 15].

Б. Билатти пришел к заключению, что «наилучший формой политического устройства для нас будет не федерализм, как некоторые утверждают, но унитарная государственная система, возможно, что с децентрализованной администрацией и, может быть, с некоторой автономией для отдельных областей», на основе единой, хотя и сложной, северокавказской нации [Билатти 1937а: 15].

Трактовки истории. На страницах журнала было много статей по истории Кавказа, в которых давались трактовки ключевых исторических событий. В частности, была представлена история включения народов Северного Кавказа в состав Российской империи и СССР [Предисловие 1933]. В идеологии «Народной партии горцев Кавказа» важное место занимали описания отдельных этапов истории народов Северного Кавказа и анализ сложившейся на Кавказе общественно-политической и экономической ситуации в разные исторические периоды, в том числе и в 1920-1930-е гг.

Среди ключевых событий, которые интересовали руководителей партии, были: выселение (вынужденное переселение) горцев в XIX в. на Ближний Восток. К.Х. Бесолтти подчеркивал, что «в Турцию черкесы ушли добровольно, в порыве благородного негодования, с одной стороны, а с другой, в порыве неисполнения родственных чувств к единоверной мусульманской Турции. Могушим хором русские историки, а следом и другие, творят и вторят сказку о народе-рыцаре, предпочившем страдание и гибель – позору» [Кази-Хан 1930а: 3].

Идеологи партии публиковали статьи об абреках (например, известном чеченце Зелимхане, кабардинских абреках Биеве и Кучмазукине), которые активизировали свою деятельность в конце 1920–начале 1930-х гг., кровной мести, о традиции ношения горцами кинжалов, о похищении невест и т.д. Большое внимание уделялось языковой политике в СССР:

«в СССР происходит русификация языков народов СССР. Местные языки стали инструментом проведения советского строительства, с одной стороны, и борьбы «национал-шовинистов», как определяют советские историки, с другой. До 1935 г. были изданы терминологические словари на Северном Кавказе, но они стали скорее «русско-национальными, нежели общественно-политическими, терминологическими» [К.Б. 1936].

На языковедческом съезде народов «Прометей» Б. Билатти сделал доклад о языковой политике в СССР [Билатти 1936].

Отдельное внимание уделялось фактам сопротивления горцев представителям советской власти на Северном Кавказе (группе Джабаги Тлеругова, дагестанца Османа Кара-Али, Мурза-Бека, адыгов И. Шаушева и Омара Шаова, группе Тарамова в Дагестане, последователях шейха Кунта-хиджа и Батал хаджи в Чечне). Писали о волнениях горцев в 1929–1932 гг. (Кабарда, Карачай, Черкесия).

Создание Кавказской конфедерации на территории Северного и Южного Кавказа. Б. Байтуган подчеркивал, что именно «Народная партия горцев Кавказа» первой выдвинула идею о Конфедерации. Это была Декларация в 1926 г. в журнале «Promethe» № 2 [Байтуган 1930a]. Это было не совсем так. Идея конфедерации появилась значительно раньше, но для нас важно, что руководство партии поддерживало и далее эту идею. Оно выдвигало следующие лозунги:

«Да Здравствует Независимая Республика Северного Кавказа!», «Да Здравствует Единый Конфедеративный Кавказ!», «Да здравствует общий фронт поработенных Россией народов!», «Долой оккупационный режим!», «Долой красный империализм». Ко всем народам Кавказа Обращение «Комитета Независимости Кавказа» к его народам. В нем содержатся следующие лозунги: Против большевизма и объединение народов Кавказа. Да здравствует, конфедеративный и независимый Кавказ! Воззвание. «Братья Горцы!» Обращение ЦК НПК к народам Кавказа: «Вы на Кавказе не одиноки», есть Закавказье.

Ислам как основа государственности. С одной стороны, партия безусловно, с большим уважением относилась к имаму Шамилю, периоду истории Имамата Шамиля, и, несомненно, его внук Саид был необходим партии как связь времен и связь с исламом, а с другой стороны, идея консолидации на основе ислама практически не обсуждалась.

Один из номеров журнала был полностью посвящен имаму Шамилю [Семьдесят 1929]. М. Халил-Паша подготовил воспоминания о детях Шамиля [Халил 1930]. Б. Байтуган анализировал гражданские и военные реформы в Имамате Шамиля [Байтуган 1932b]. Эмир считал, что тот тип государственности, которую стремился построить Шамиль, идеально подходит для горцев Северного Кавказа. Годы 1838–1845 гг. – «это расцвет горской государственности» [Эмир 1934]. Тем не менее неизвестный горец, автор под псевдонимом Дебир считал, что в 1930-е гг. идеи имама Шамиля уже не смогут собрать воедино горцев Северного Кавказа. Он писал: «горцы продолжали пребывать при наследии, оставленном Имамами, постепенно и его теряя... Идеология, унаследованная со времен Имамов, не могла уже во всей полноте охватить живые силы страны» [Дебир 1930].

Проводимые в этот период мировые конгрессы по исламу практически оказывались вне внимания руководства партии. В Иерусалиме в 1930 г. открылся Всемусульманский съезд, на котором были С. Шамиль и А. Исхаки (татарин) [Критика и библиография 1930]. После конгресса С. Шамиль и А. Исхаки побывали в Каире, где ректор мусульманского университета Аль-Асхара обратился к правоверным мусульманам с призывом бороться против большевизма, против СССР [Байтуган 1932с]. Участником всемусульманского конгресса 1931 г. был Джарулла Биди – бывший имам соборной мечети Петербурга. Делегаты конгресса осудили большевизм «как врага народов Ислама» [Байтуган 1932а]. В сентябре 1935 г. проводился Европейский мусульманский конгресс, на котором не было представителей горцев Северного Кавказа, в том числе и представителей партии. Но на страницах журнала партии было опубликовано воззвание «К Мусульманам всего мира», а также подробно описывалась исламская жизнь на Северном Кавказе в советские годы, и особенно в Чечне.

Не была популярна и идея пантуранизма и консолидации тюркских народов. Э. Расул-Задэ подчеркивал, что эмигрантское движение «Великой неделимой России» беспокоится, что «из-под красного колпака выйдет не единая реставрированная России, а новые, вполне независимые национальные республики» [Расул-Задэ: 3]. Пантуранизм – «идеология, революционизирующая народные массы тюркских племен и вызывающая их на арену активной борьбы за национальное самоопределение и утверждение своей независимости» [Расул-Задэ, С. 3]. Тем не менее сама Турция северокавказцам была нужна. М.-Г. Сунш указывал:

«В судьбе Кавказа соседняя с ним современная Турция является важным фактором и сыграет немалую роль при разрешении так называемого русского вопроса. Нужно всегда помнить о том, что кавказские политические деятели обязаны следить с неослабевающим вниманием за внешней политикой Турции. За все последние годы Турция, обращенная лицом к советской России, не давала надежд на возможность установления с ней связи, желательной для кавказцев. Тем не менее мы были обязаны делать серьезные попытки для установления необходимых нашему делу связей в Турции, но мы должны также признать, что мы оказались там недостаточно энергичными, наши представители бездействовали и ничего не подготовили на будущее время. Политические события последнего периода несколько изменили характер и направление внешней политики Турции. Это настроение, еще недостаточно оформленное, старается использовать теперь наша кавказская оппозиция, пользуясь при этом нашим бездействием» [РГВА. Сунш. Письмо к Эдмунду].

М.-Г. Сунш заключал, что партии нужна турецкая поддержка. «Почва для этого там была всегда, но теперь положение еще улучшилось... в правительственных кругах и в армии много черкесов, искренне преданных своей старой родине и готовых помочь нашему делу в любой момент» [РГВА. Сунш. Письмо к Эдмунду].

Инструменты деятельности партии

Будущая война как инструмент. Горские лидеры делали акцент на то, что в ближайшем будущем в Европе или на Дальнем Востоке возможна война, ко-

торая ослабит Россию. Б. Билатти указывал, «мировой фашизм является главным препятствием мирового господства России» [Билатти 1935: 11]. Ч. (псевдоним) писал: «Национал-социализм» – это здоровое и мощное движение германской нации [Ч. 1936: 24]. Хаджи-Билал (псевдоним, видимо Б. Билатти) подчеркивал:

«наиболее удобный и действительной из ... возможностей (продолжить освободительную борьбу – прим. И.Б.) будет грядущая война, которой миру не избежать, несмотря на усилия отдельных государств и проповедь немногочисленных сравнительно пацифистов в государствах, стремящихся к войне. Война эта, естественно, не может не отразиться на участи угнетенных народов, ибо вновь потрясет основы мира и вызовет в нем глубокие изменения. С возможностью такой войны горская политическая мысль должна считаться и должна к ней готовиться. Поэтому-то грядущая война и наша к ней подготовленность должны стать основными проблемами горской политической мысли», т.е. руководству партии следует продумать стратегию партии с учетом будущей войны, и следует вести пропаганду в контексте будущей войны» [Билатти 1933a].

Б. Билатти считал, что «царская Россия пала в силу внутренних причин, для которых роль катализатора сыграла война. Эти же причины и, по всей вероятности, в тех же условиях приведут к гибели и Россию советскую» [Билатти 1933b].

Б. Байтуган одобрял Гитлера, который вел национально-освободительную борьбу: «Фашизм и национал-социализм во всех их модификациях – это анти-теза большевизма, реакция против большевистского космополитизма и антинациональных идей» [Байтуган 1937].

Отметим, что будущая война как инструмент в 1930-х гг. не была одобряема всеми эмигрантскими силами. Так, в статье за 1934 г. «Тревога в русском стане» неизвестный автор отмечал, что «еще не так давно возможность военного столкновения СССР с какой-либо иностранной державой ожидалась огромным большинством русской эмиграции с нетерпением» и многие даже хотели принять в ней участие на стороне иностранной державы. Но теперь «возможность войны стала далеко не так привлекательной и желанной»... Противники борьбы с большевиками при помощи вооруженной иностранной силы, группирующиеся, по началу, в незначительном числе, вокруг П.Н. Милюкова и некоторых социалистических лидеров, появились ныне и в иных группировках, приобретая там все большее и большее влияние» [Аноним 1934: 12].

Т. Карцати, анализируя конфликты СССР с другими странами на Дальнем Востоке, приветствовал их, надеясь, что они перерастут в войну: «пожар предстоящей войны разрушит стены тюрьмы народов и принесет Отечеству нашему освобождение» [Карцати 1936].

Лига Наций как инструмент. Горцы Кавказа очень надеялись на Лигу Наций в своей борьбе за независимость Кавказа [Кази-Хан 1930b]. В 1930 г. генеральный секретарь партии С. Шамиль обратился к председателю 11-ой сессии Лиги Наций с письмом о помощи и поддержке в борьбе с большевизмом и за освобождение Кавказа [Шамиль 1930a]. По мнению горцев, «Лига Наций поддерживала священные права угнетенных народов» [Семьдесят 1929]. Члены

партии очень рассчитывали, что Лига Наций займется кавказскими проблемами [Нартана 1932]. В июле 1932 г. в Париже состоялся съезд «Общества друзей Лиги Наций», на котором была принята Резолюция, адресованная Лиге Наций по Грузии, «окупированной советскими войсками». Ранее Лига Наций дважды ставила вопрос о Грузии (1922 г., 1924 г.) [Хроника 1932]. В 1934 г. кавказцами был принят Пакт о Кавказской конфедерации с расчетом, что, когда на XV-ой ассамблее Лиги Наций будет поднят вопрос относительно возможности вхождения Советской России в Лигу, ей будет отказано»: «Принятием большевиков в свое лоно, Лига Наций совершит акт непоправимой несправедливости по отношению к 160-ти миллионному населению, терпящему неслыханные притеснения большевиков» [Якуб 1934; Билатти 1934с: 3]. Однако Лига Наций приняла Россию в свой состав. Представители «Прометея» (в том числе и представители «Народной партии») выразили протест по поводу допущения России в Лигу Наций [Протест 1930]. Кавказцы были очень разочарованы деятельностью Лиги Наций. В 1937 г. Б. Билатти писал о спаде авторитета и влияния Лиги Наций [Билатти 1937b].

Деятельность партии

Мы можем выделить четыре периода в деятельности партии: 1926–1930 гг., 1931–1933 гг., 1934–1936 гг., 1937–1939 гг.

Первый период 1926–1930 гг. Партия начала издавать свой журнал «Горцы Кавказа» (*Les Montagnards du Caucase*). Редакция журнала находилась в Париже по следующим адресам: 3, rue du Sabot (6-й округ), 1, Square Leon Guilloit (15-й округ). Иногда указывалась редколлегия, иногда редактор (например, под редакцией Э. Бекович-Черкасского). Следующим редактором стал Б. Байтуган и редакция журнала переехала в Варшаву и располагалась по следующим адресам: Rakowiecka 35 m. 16; Odynca 35; Włodarweska 26 m.; Al. Niepodległości 26 m. Лозунг журнала был такой: «Если ты считаешь себя сыном Кавказа, подписывайся на журнал «Горцы Кавказа!» (1933 г.). Оригинал рисунка, который представлен на обложке, был сделан на дереве графиком Станиславом Остоя-Хростовским в сотрудничестве с Михаилом Былиной.

Партия принимала участие в общекавказских мероприятиях, например, 11 мая 1930 г. в клубе «Прометей» в Париже прошло празднование 12-й годовщины Дня независимости Республики горцев. Председатель правления клуба – поляк, проф. Роман Смаль-Стоцкий. Выступали члены партии: С. Шамиль, И. Чулик, а также Э. Б. Расул-Задэ, С. Мдивани [Хроника 1930]. Руководство партии очень рассчитывало на общеевропейские политические мероприятия. В 1929 г. в Европе планировался конгресс национальных меньшинств (проводились с 1925 г.). К.-Х. Бесолтти на страницах журнала партии представил свою статью о правах национальных меньшинств.

Сразу же после организационного оформления партии горцев начались конфликты, в основе которых лежали интриги тех, кто не стал членом этой партии: со стороны «лиц, считавшими за собой, в силу кратковременного и весьма неудачного в недавнем прошлом дебюта в национальной работе, монопольное право на эту работу; нахождение в эмиграции и связанные с этим организаци-

онные трудности; отсутствие достаточного количества средств и т.д.» [РГВА. Переписка. Л. 65].

С 1926 по 1931 г. партия пережила несколько внутренних кризисов: были проблемы с Султан Келеч-Гиреем, который выступил против руководства партии. В партии также оказались «шкурники и лица, недостаточно осознавшие цель и задачи партии» [РГВА. Переписка. Л. 66]. Постепенно сформировался т.н. «Бичерахово-Шамилевский блок», союз Л. Бичерахова и С. Шамиля. Ряд членов партии выступили против их деятельности. В бюро партии поступило два протеста: от дагестанцев (в количестве 39 чел.), которые проживали в Стамбуле и его окрестностях [АМТ] и от представителей северокавказских народов-эмигрантов (в количестве 50 чел.). А. Кантемир (член партии федералистов) 24 апреля 1929 г. написал письмо азербайджанцу, руководителю Азербайджанской делегации А.М. Топчибаши, в котором он подчеркивал:

«Азербайджан и Северный Кавказ связаны множеством взаимных интересов, сложившихся в результате длительного процесса истории и соседства этих двух стран. Сила этих интересов, скрепленных родством и религией, столь значительна в жизни наших народов, что сегодня составляет общую базу наших национальных чаяний, влекущих к совместной национальной обороне и единству государственного бытия в будущем» [АМТ].

А. Кантемир просил А.М. Топчибаши не сотрудничать ни с С. Шамилем, ни с Л. Бичераховым. Партия федералистов, которая обосновалась в Турции и которой руководил А. Кантемир, отказалась от сотрудничества с этими фигурами.

12 мая 1929 г. члены Парижского отдела «Народной партии горцев Кавказа» провели собрание, на котором был заслушан доклад М. Абукова. Потом выступил Султан Келеч Гирей о результатах проведенной им беседы с С. Шамилем. Члены собрания пришли к заключению, что именно С. Шамиль развалил народную партию:

«Будучи генеральным секретарем, С. Шамиль за 2 ½ года вместо того, чтобы узнать и изучить нужды родины, условия ее жизни и ее историю, чтобы давать правильное направление политике горцев Северного Кавказа в тесном и лояльном сотрудничестве с партией, он фактически стал от нее отходить, окружая себя темными проходимцами, проникавшими в партию исключительно из-за личных интересов, устраняя и не допуская к активной работе преданных национальному делу партийных работников....» [АМТ].

Под темным проходимцем горцы подразумевали генерала Российской армии Л. Бичерахова, которого С. Шамиль привлек к руководству партией. Горцы указывали, что «у него руки, обгащенные невинной кровью горцев и азербайджанцев» [АМТ]. С. Шамиль тем временем вместе со своим союзником Л. Бичераховым уже планировали создать другую группу.

В архиве азербайджанского лидера А.М. Топчибаши мы нашли документ, датированный маем 1929 г. – временем кризиса. Документ секретный. Был подготовлен Бюро «Народной партии горцев Кавказа» на имя А.М. Топчибаши [АМТ]. В нем отмечалось, что у этой партии в этот период появилось много

врагов, оппонентов, которые не поддерживали партию. Эти оппоненты еще в 1927 г. создали в Париже Национальный Кавказский Центр, а затем демократическую партию горцев Кавказа (национал-демократическую партию). Как мы указывали выше, в 1929 г. в Стамбуле, на развалинах всех указанных организаций создавалась партия федералистов Северного Кавказа – один из ключевых оппозиционеров «Народной партии».

На собрании были приняты следующие решения:

1. создать Общегорский центр, чтобы в него могли войти «все национальные течения политической горской мысли, стоящие на базе освобождения и авторитетного в глазах горских масс»;
2. выразить неудовлетворение работой С. Шамиля, а также членам партии М.-Г. Суншеву, Б. Хуршилову;
3. исключить из рядов партии Л. Бичерахова;
4. провести над С. Шамилем партийный суд [АМТ].

На собрании были зачитаны протест 39 дагестанцев-эмигрантов, проживающих в Стамбуле и его окрестностях, и протест 50 горцев-эмигрантов, проживающих в Стамбуле и его окрестностях. Эти протесты имели значение, так как С. Шамиль был членом партии от северокавказцев Турции.

17 июня 1929 г. А.М. Топчибаши согласился с тем, что участие Л. Бичерахова в деятельности северокавказских эмигрантов в Европе действительно мешает ее успехам [АМТ]. Его исключили из партии (заметим, что в будущем Л. Бичерахову все равно удалось вновь вернуться к политической жизни. В Варшаве 10 мая 1939 г. его ввели в состав Совета Кавказской конфедерации [АМТ]).

Между председателем партии С. Шамилем и одним из активных ее членом М.-Г. Суншем были разногласия относительно способов работы, направленных на разрешение северокавказской проблемы [РГВА. Сунш. Письма к Шакманову]. Так, С. Шамиль был против Кавказской конфедерации в том виде, в каком она разрабатывалась в те годы. Во-первых, он считал, что конфедерация не решит северокавказских проблем. Во-вторых, конфедерация без армян не сможет «работать». Он писал так: «Я долго работал над консолидацией кавказцев и уже было имел согласие армян на вхождение в общекавказскую семью». Принятый позднее Пакт Кавказской конфедерации, по его мнению, – мертворожденный ребенок. С. Шамиль критиковал грузин и азербайджанцев за их невнимание к армянам [РГВА. Шамиль].

Многие члены партии сами отмечали невысокий уровень «общественно-государственно-политической» зрелости ее членов, хотя в организации было 60 горцев с высшим образованием.

Анонимный автор под псевдонимом Дебир в 1930 г. писал в журнале:

«в то время как у наших соседей на юге национальное самосознание эволюционировало, приобретая все более и более высшие формы, в то время, как и среди грузин, и среди азербайджанцев и армян возникали политические партии, идеологически и организационно подготавливающие народные массы к восприятию идей ими развиваемых – горцы продолжали пребывать при наследии, оставленном Имамами, постепенно и его теряя... Идеология,

унаследованная со времен Имамов, не могла уже во всей полноте охватить живые силы страны» [Дебир 1930].

По его мнению, деятельность партии с 1926 по 1930 г. не показала значительного развития политической зрелости.

Итак, в эмиграции появилась мощная оппозиция «Народной партии горцев Кавказа». Каковы причины? По мнению лидеров партии, 15 известных горцев были против ее деятельности [РГВА. Бичерахов. Л.9]. В Турции это Коцев, А. Кантемир, А. Аварский, Мусалиев. В Варшаве – это В.-Г. Э. Джабагиев. В Праге – М. Гатагогу. В Париже – 8 чел.: Г. Баммат, А. Намиток, И. Шаков, М. Курьев, А. Бадурев.

Л. Бичерахов считал, что большинство членов оппозиции – это внуки тех, кто «с русскими войсками из личных интересов шел против Имама Шамиля» [РГВА. Бичерахов. Л. 13-14]. Кроме того, их большинство – в масонской ложе. И они боятся, что горское мусульманское духовенство будет играть значительную роль: «мусульманское духовенство ни с кем кроме нашей партии работать не будет» [РГВА. Бичерахов. Л. 13-14].

Был конфликт между народной партией и членами Зарубежной делегацией Горской республики, в основе которой была борьба за лидерство. М.-Г. Сунш подчеркивал:

«С самого начала обоснования Народной партии Горцев Кавказа, большинство бывших министров бывшего Горского правительства и их родственники заняли по отношению к ней явно недоброжелательное отношение. Объясняется это главным образом тем, что эти лица, присвоив себе звание представителей Горских народов, в течение ряда лет, выступая от имени Северного Кавказа, пользовались этим правом монопольно и бесконтрольно и даже в интересах личных, а потому появление на сцене организованной Горской политической партии ни учитывалось ими ни с какой стороны. По мере того, как росла сила и влияние партии недоброжелательство с их стороны, которое прекратилось в открытую вражду, что и заставило этих дипломатов усиленно хлопотать о создании равнозначущей Горской же политической силы, которая, будучи во всем им послушной, могла бы помешать росту и влиянию народной партии. Собранные их усилием политические партии: Данные партии благодаря одиозности своих главарей «не могли Национал-демократов, Федералистов, Парижское объединение» дорасти до настоящей политической партии. Существующая же между самими «дипломатами» открытая вражда сильно мешала их объединению» [РГВА. Фарис].

В 1929 г. партия подвергалась «нападениям и травле со стороны отдельных лиц горской эмиграции и главным образом со стороны тех, кто как будто, также как и партия, рассматривает благо Горского народа в ее независимом государственном существовании» в пределах Кавказской Конфедерации [Муртаз 1929b: 10]. Муртаз-Али писал, что этих людей «интересует не полезная работа для нации, а личное положение и личные претензии». Руководство партии считало, что многие из этих людей «ушли на службу и укрепление русских белых сил». А те в свою очередь говорят, что народная партия «никого не представляет», а именно они представляют чаяния и интересы горцев Кавказа.

Б. Байтуган указывал, что вокруг партии образовалось много сплетен, грязных интриг [Байтуган 1930b]. С. Шамиль подчеркивал, что «кем-то перио-

дически пускаются слухи о наличии в горской среде разногласий». Руководство народной партии пыталось объединить всех горцев в эмиграции, но ей это не удавалось, наоборот, раскол между северокавказскими эмигрантами лишь увеличился [Шамиль 1930b].

Тем не менее, Б. Байтуган считал у партии был успех. Он писал:

«успех Народной партии задел самолюбие некоторых лиц, считавших до сих пор за собой монопольное право на горский национализм и на представительство его здесь за рубежом». Появились противники партии, которые стали мешать работе партии. «Как грибы после обильного дождя стали возникать в противовес Народной партии, новые «партии», «национальные советы» и т.п. «организации», не имеющие под собой никакой почвы и состоящие из 1-2 членов, вошедших в соглашение исключительно ради жажды разрушения. Отсутствие идеологических предпосылок являлось в этих организациях источником мелких интриг отдельных честолюбцев, заканчивающихся новым дроблением и без того незначительных групп, а иногда и распадом всей «коалиции». Достаточно сказать, что в течение последних 3-х лет мы наблюдали три попытки создания «горских центров» в эмиграции, кончившихся неудачей и не могших объединить даже ту небольшую группу «недовольных», которые главную цель своей «политической работы» видят в борьбе против Народной партии» [Байтуган 1930b].

Особенно показательна, по мнению Б. Байтугана, была последняя попытка весной 1930 г., финалом которой стал односторонний «протокол» члена Зарубежной делегации Горской республики Г. Баммата. С. Шамиль пытался объединиться с движением Г. Баммата, однако у него не получилось. Г. Баммат рассматривал себя как «носителя идеи национального единства» и договориться с ним было очень трудно. Г. Баммат не поддерживал партию [Байтуган 1930b].

Второй период 1931–1933 гг. Это был период спада в деятельности, который продолжался два года. Целый год не издавался журнал (1931 г.). В партии в 1933 г. возник новый кризис, споры между членами партии, в результате была спланирована реорганизация [РГВА. Шакманов]. У нас нет данных, как прошла данная реорганизация, но в дальнейшем партии действительно удалось наладить общественно-политическую работу.

Третий период 1934–1937 гг. Партия возобновила издание журнала, но под новым названием «Северный Кавказ» (Le Caucase du Nord – North Caucasia) и под новым лозунгом: «участвуя активно в национальной работе, Вы строите свое собственное счастье» (1934 г.).

Четвертый период 1937–1939 гг. Следующий период охарактеризовался стремлением активно действующих членов партии – М.-Г. Сунша, Т. Шакманова, И. Чулика, с одной стороны, и Б. Байтугана и Б. Хурша, с другой, пригласить двух взаимоисключающих бывших членов партии – С. Шамиля и С. Келеч-Гирея. С 1931 г. по 1937 г. С. Шамиль жил в Стамбуле и не участвовал в работе партии. В 1937 г. Б. Байтуган написал письмо С. Шамилю, пригласив его в партию (без Л. Бичерахова, с которым ранее у него был союз) [РГВА. Байтуган]. В Стамбул приехали члены партии М. Цахой и Б. Билатти для переговоров с С. Шамилем. По мнению Б. Байтугана, Шамиль был нужен для развития партии. С ними поехал некий «друг» (его фамилия не упоминается, но он видимо

финансировал их движение) [РГВА. Цахой]. С. Шамиль был готов вернуться в партию, но с условием привлечения к идее конфедерации армян [РГВА. Билатти. Переписка]. Б. Хурш и Б. Байтуган одобрили это [РГВА. Постановление].

В то же время М.-Г. Сунш, который жил в Париже (по адресу rue Blomet 79) [РГВА. Сунш. Письма], написал письмо С. Келеч-Гирею с приглашением вернуться в партию. Келеч-Гирей тоже в 1937 г. жил в Париже и тоже был готов вернуться в партию. Причина его ухода из нее были «расхождения психологического характера» с бывшим лидером партии С. Шамилем [РГВА. Келеч-Гирей]. С. Келеч-Гирей жил в то время на пособие по безработице. Если бы он вернулся в партию, он вновь начал бы получать зарплату [РГВА. Сунш. Письма].

В Стамбуле в это время изменилось отношение к С. Шамилю. М. Цахой и Б. Билатти писали:

«За время шестилетнего его пребывания здесь, умонастроения наших деятелей произошли коренные изменения. Люди, упорно не хотевшие примириться с лидерством Саида, сейчас в самых дружественных с ним отношениях и бывают у него частными гостями в доме. Коцев, можно сказать, его человек, братья Гайдаровы с ним в хороших отношениях. Через Коцева он имеет связь с Намитоковым, Шаковым и др., т.е. с номинально существующей организацией, федералистов, фиктивный центр которой представляется Коцевым как председателем и Муссалаевым как секретарем. Эта организация фактически не существует, но она появляется всегда, как бы по мановению волшебной палочки, и воображению всех ее бывших членов, когда к ним обращается с предложениями Баммат или же наш центр. Обычно же ее нет, и сами члены в душе вряд ли верят в ее существование. Как видно из письма Намитокова к Коцеву, член нашего ЦК М.-Гирей пытался привлечь Намитокова, но был последним направлен к центру здесь в Стамбуле, т.е. к Коцеву, который, является, как мы упомянули выше, Саидовским человеком, и к Муссалаеву, находящемуся в самых лучших отношениях с Муссой. Вся эта мнимая партия пребывает сейчас в контакте с Саидом и, за исключением Муссалаева, пребывающего опять же в хороших отношениях с Муссой, в полном с ним согласии, позволяющем нам выразить предположение и даже уверенность в том, что Саид давно ведет работу над их привлечением на свою сторону и, в случае возвращения к нам, видимо надеется, втянуть их в наш лагерь. Без Саида, а тем более еще через его голову, никакой М.-Гирей, Хусейн и т.д. не в состоянии будут выполнить подобной миссии, а Хусейн, как бывший турецко подданный и т.д., может вдобавок еще не только лично сам иметь неприятности со стороны местных властей, но и организующих поставить в невыгодное положение. Тем более, что акции наших друзей, как нам известно, усиленно здесь подмываемые с одной стороны, Бамматом и его приверженцами, располагающими сейчас, как говорят, значительными денежными ресурсами чуть ли не в 15 тысяч швейцарских марок (франков), выделяемых якобы японцами, а с другой стороны, укрытыми элементами, работающими втихомолку и в коспирации, значительно пали и к ним относятся с большим недоверием. Только Саид, мы думаем, является тем лицом, которое сможет произвести желаемое объединение Северокавказских национальных сил, исключая, конечно, Баммата, Кантемира и Тамби Е., и только он, повторяем мы, в состоянии хоть сколь-либо в данный момент противодействовать вредному влиянию той антикавказской (в нашем понимании) и даже антипольской работе, которую ведут систематически и усиленно бамматовцы и укрытые из сотоварищи. Одновременно с этим мы полагаем, он является и человеком, способным до известной степени рассеять или во всяком случае уменьшить то недоверие, которое питают турецкие ответственные круги к Кавказскому объединению, усматривающие в Баммате меньшее для себя зло, чем в нас, а в особенности в грузинских меньшевиках, не укрывающих специально своих не особенно туркофильских настроений. Таково наше мнение, создавшееся у нас после объективной оценки положения, существующих как здесь, так и вообще в местах сосредоточения наших кавказских сил. Мы все более убеждаемся в том, что для исчерпывающего освещения положения,

считаемого нами весьма выгодным не только для возвращения Саида, но, это особенно важно, и для объединения вокруг него перечисленных выше лиц и др., необходимо, чтобы Бил., не дожидаясь окончательного разрешения вопроса, могущего принять благодаря отсутствию там надлежащего представления о положении вещей, не желательное направление, выехал в Варшаву» [РГВА. Цахой].

М-Г. Сунш был против возвращения С. Шамиля [РГВА. Сунш. Письма к Б. Байтугану].

Заключение

В деятельности «Народной партии горцев Кавказа» мы видим все те характеристики, которые были свойственны северокавказской эмиграции в целом в те годы. Во-первых, это были, безусловно, трудности во взаимопонимании, в формировании позитивных отношений между членами партии, в том числе и психологической направленности. Во-вторых, и руководство, и члены партии развивались в политической области, многие меняли свои взгляды, поэтому они могли сходиться и расходиться на общественной арене, устраивали как внутри партии, так и между различными общественными организациями дискуссии. И это естественный процесс. В-третьих, деятельность организации во многом зависело от финансового положения: средства нужны были как для бытовой жизни членов партии, так и для организации партийной работы, и, в первую очередь, на подготовку и издание журнала "Горцы Кавказа" (далее – «Северный Кавказ»). В то время СМИ являлись едва ли не основным инструментом формирования определенной идеологии и политических взглядов общества. В-четвертых, многое зависело от «заказчиков». Данное политическое движение финансировала Польша, и это обстоятельство усиливало антироссийскую направленность партии. Наконец, главным достижением для партии, как нам представляется, стало безусловное развитие политической мысли горцев Северного Кавказа, формирование движения не по национальному принципу, в него входили представители всех народов Северного Кавказа. Известно, что благотворительные организации во Франции строились исключительно по национальному признаку: черкесские, осетинские. Даже русским масонам, привлечшие горцев в свои ложи, не удалось помочь им преодолеть межэтнические разногласия. А «Народной партии горцев Кавказа» во многом это сделать удалось.

Таким образом, мы видим, что «Народная партия горцев Кавказа», с одной стороны, не имела значительных успехов в общественно-политической жизни северокавказских эмигрантов в 1920–1930-е гг. в Европе, не приобрела авторитет и уважения среди соотечественников, а, с другой, по нашему мнению, это был очень важный опыт в политической деятельности горцев и очень глубокий этап роста их политического самосознания. Причины, по которым возникла такая противоречивая ситуация, крылись и внутри партии, так и во внешнем мире. Не все зависело от самих горцев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АМТ – Архив Али Мардана Бека Топчибаши (Топчибашева) // Библиотека Центра по изучению современной России, Кавказа и Центральной Европы // École des Hautes Études en Sciences Sociales (Высшая школа социальных наук). (CERCEC, EHES). Париж. Франция.

- Аноним 1934 – *н/а*. Тревога в русском стане // Горцы Кавказа. – 1934. – № 48. – С. 12.
- Бабич 2023 – *Бабич И.Л.* Делегация Северного Кавказа во Франции (1919-1920-е гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 74-86.
- Байтуган 1929 – *Байтуган Б.* Знаменательная дата // Горцы Кавказа. – 1929. – № 26. – С. 3–4.
- Байтуган 1930a – *Байтуган Б.* Конфедерация и горцы // Горцы Кавказа. – 1930. – № 21–23. – С. 4–6.
- Байтуган 1930b – *Байтуган Б.* Народная партия как фактор в горском освободительном движении // Горцы Кавказа. – 1930. – № 25. – С. 6.
- Байтуган 1932a – *Байтуган Б.* Всемусульманский конгресс 1931 г. и его значение в нашей освободительной борьбе // Горцы Кавказа. – 1932. – № 29. – С. 3–6.
- Байтуган 1932b – *Байтуган Б.* Гражданское и военное устройство при Имаме Шамиле // Горцы Кавказа. – 1932. – № 30. – С. 26–30.
- Байтуган 1932c – *Байтуган Б.* Саид-Шамиль – «французский офицер» // Горцы Кавказа. – 1932. – № 30. – С. 13–15.
- Байтуган 1933a – *Байтуган Б.* Анкета «Истиклал» // Горцы Кавказа. – 1933. – № 35–36. – С. 11–14.
- Байтуган 1933b – *Байтуган Б.* Имеем-ли право на жизнь? // Горцы Кавказа. – 1933. – № 37. – С. 15-18.
- Байтуган 1937 – *Байтуган Б.* В поисках истины // Северный Кавказ. – 1937. – № 44. – С. 14.
- Билатти 1933a – *Билатти Б. (Хаджи Билал).* Голос читателя // Горцы Кавказа. – 1933. – № 35–36. – С. 8–10.
- Билатти 1933b – *Билатти Б.* Имеются-ли основания для беспокойства? // Горцы Кавказа. – 1933. – № 41. – С. 3–5.
- Билатти 1934a – *Билатти Б.* От Конфедерации к Федерации // Северный Кавказ. – 1934. – № 5–6. – С. 13-15.
- Билатти 1934b – *Билатти Б.* Основы федеративного государства // Северный Кавказ. – 1934. – № 8. – С. 12–13.
- Билатти 1934c – *Билатти Б.* Советские надежды и пакт Лиги Наций // Северный Кавказ. – 1934. – № 4. – С. 8.
- Билатти 1935 – *Билатти Б.* Коминтерн переходит в наступление // Северный Кавказ. – 1935. – № 17. – С. 11.
- Билатти 1936 – *Билатти Б.* Борьба за язык на Северном Кавказе // Северный Кавказ. – 1936. – № 27. – С. 8–10.
- Билатти 1937a – *Билатти Б.* Национальный централизм – залог успеха // Северный Кавказ. – 1937. – № 35. – С. 12-16.
- Билатти 1937b – *Билатти Б.* Сумерки Лиги Наций // Северный Кавказ. – 1937. – № 45–46. – С. 14–16.
- Горцы Кавказа.* – 1931. – № 24. – С. 10.
- Горцы на Ближнем Востоке 1930 – *Горцы на Ближнем Востоке* // Горцы Кавказа. – 1930. – № 19-20. – С. 57.
- Дебир 1930 – *Дебир.* Пути и итоги // Горцы Кавказа. – 1930. – № 19–20. – С. 5–7.
- Елекхоти 1929 – *Елекхоти Т.* Сепаратизм горцев и его корни // Горцы Кавказа. – 1929. – № 2–3. – С. 3-8, 28-32.
- К.А. 1934 – *К.А.* О едином горском алфавите и языке // Северный Кавказ. – 1934. – № 4. – С. 25–31.
- К.Б. 1936 – *К.Б.* Методы русификации языков в СССР // Северный Кавказ. – 1936. – № 22. – С. 20, 22.
- Кавказский горец 1925 – *Кавказский горец.* – 1925. – № 2-3. – С. 3.
- Кази-Хан 1930a – *Кази-Хан.* Выселение (переселение) Горцев Западного Кавказа // Горцы Кавказа. – 1930. – № 13–15. – С. 3, 6, 8.

- Кази-Хан 1930b – *Кази-Хан*. Десятилетие Лиги Наций // Горцы Кавказа. – 1930. – № 12. – С. 1–3.
- Карцати 1936 – *Карцати Т.* Сущность конфликта на Дальнем Востоке // Северный Кавказ. – 1936. – № 28–29. – С. 25–26.
- Коста 1930 – *Коста*. Политика и конкретность // Горцы Кавказа. – 1930. – № 26. – С. 37–44.
- Критика и библиография 1930 – *Критика и библиография* // Горцы Кавказа. – 1930. – № 26. – С. 49.
- Муртаз 1929a – *Муртаз А.* К 11-летию объявления независимости Республики Горцев Северного Кавказа // Горцы Кавказа. – 1929. – № 4–5. – С. 3–5.
- Муртаз 1929b – *Муртаз А.* Партию атакуют // Горцы Кавказа. – 1929. – № 6–7. – С. 10.
- Нартана 1932 – *Нартана*. Кавказские пожелания Лиге Наций // Горцы Кавказа. – 1932. – № 27. – С. 1–2.
- Предисловие 1933 – *Предисловие* // Горцы Кавказа. – 1933. – № 38. – С. 1–3.
- Протест 1930 – Протест представителей угнетенных народов по поводу допущения России в Лигу Наций. *Расул-Задэ Э.* Призрак пантуранизма // Горцы Кавказа. – 1930. – № 13–15. – С. 10.
- РГВА, Билатти, История – РГВА. *Билатти Б.* История возникновения и развития Народной Партии Горцев Кавказа // Ф. 461 к. – Оп. 2. – Д. 111. – Л. 55–69.
- РГВА, Байтуган – РГВА. *Байтуган Б.* Письмо к Саиду Шамилю. 1937 г. // Ф. 461 к. – Оп. 1. – Д. 369. – Л. 13–25.
- РГВА, Билатти – РГВА. *Билатти Б.* Переписка с разными лицами // Ф. 461 к. – Оп. 1. – Д. 373. – Л. 48–60.
- РГВА, Бичерахов – РГВА. *Бичерахов Л.* Памятная Записка о Народной Партии Горцев Кавказа и ее оппозиции. 4 ноября 1929 г. // Ф. 461 к. – Оп. 2. – Д. 110. – Л. 7–17, 18–22.
- РГВА, Келеч-Гирей – РГВА. *Келеч-Гирей С.* Письма к разным лицам // Ф. 461 к. – Оп. 1. – Д. 373. – Л. 29.
- РГВА, Переписка – Российский государственный военный архив (Далее. – РГВА). Переписка // Ф. 461 к. – Оп. 2. – Д. 111. – Л. 62, 65–67, 68–69.
- РГВА, Постановление – РГВА. Постановление Исполнительного Бюро НПКГ. 1937 г. // Ф. 461 к. – Оп. 1. – Д. 373. – Л. 50–51, 60.
- РГВА, Сунш. Письма – РГВА. *Сунш М.-Г.* Письма к разным лицам // Ф. 461 к. – Оп. 1. – Д. 373. – Л. 28–45.
- РГВА, Сунш. Письма к Б. Байтугану – РГВА. *Сунш М.-Г.* Письмо к Б. Байтугану и Б. Хуршу. 1937 г. // Ф. 461 к. – Оп. 1. – Д. 369. – Л. 102–107.
- РГВА, Сунш. Письма к Шакманову – РГВА. *Сунш М.-Г.* Письма к Т. Шакманову. 1934 г. // Ф. 461 к. – Оп. 2. – Д. 109. – Л. 138–139.
- РГВА, Сунш. Письмо к Эдмунду – РГВА. *Сунш М.-Г.* Письмо к Эдмунду. 1937 г. РГВА. // Ф. 461 к. – Оп. 1. – Д. 248. – Л. 31–33.
- РГВА, Фарис – РГВА. *Фарис (Сунш М.-Г.)* Письмо к Густаву // Ф. 461 к. – Оп. 2. – Д. 100. – Л. 51.
- РГВА, Цахой – РГВА. *Цахой М., Билатти Б.* Письмо к Барасби и Багауддину. 1937 г. // Ф. 461 к. – Оп. 1. – Д. 369. – Л. 80–89.
- РГВА, Шакманов – РГВА. *Шакманов Т.* Письма к М.-Г. Суншу. 1934 г. // Ф. 461 к. – Оп. 2. – Д. 109. – Л. 27, 51, 67–68.
- РГВА, Шамиль – РГВА. *Шамиль С.* Письмо в Исполнительное Бюро НПКГ. 1937 г. // Ф. 461 к. – Оп. 1. – Д. 369. – С. 29–43.
- Северный Кавказ 1936 – Северный Кавказ. – 1936. – № 30.
- Седлецкий 1930 – *Седлецкий С.* Как строить государство // Горцы Кавказа. – 1930. – № 25. – С. 13–17.
- Семьдесят 1929 – *Семьдесят лет насилия и гнета* // Горцы Кавказа. – 1929. – № 6–7. – С. 3–4.

- Хаджи 1929 – *Хаджи М.* Системы Сложных государств // Горцы Кавказа. – 1929. – № 8–9.
- Халил 1930 – *Халил М.* Магомет-Камиль-Паша Шамиль // Горцы Кавказа. – 1930. – № 19–20. – С. 30–33.
- Халил 1934 – *Халил М.* Ответ на статью А.Т. Северный Кавказ // 1934. – № 5–6. – С. 32–34.
- Хроника 1925 – Хроника Союза // Кавказский горец. – 1925. – № 2-3. – С. 135–136.
- Хроника 1930 – Хроника // Горцы Кавказа. – 1930. – № 17–18. – С. 58–61.
- Хроника 1932 – Хроника // Горцы Кавказа. – 1932. – № 30. – С. 34.
- Ч. 1936 – Ч. Инцидент исчерпан // Северный Кавказ. – 1936. – № 26. – С. 24.
- Шамиль 1930а – *Шамиль С.* Обращение к председателю 11-ой сессии Лиги Наций // Горцы Кавказа. – 1930. – № 21-23. – С. 55–56.
- Шамиль 1930б – *Шамиль С.* Суть наших разногласий // Горцы Кавказа. – 1930. – № 25. – С. 3–4.
- Широкорад 2011 – *Широкорад А.Б.* Русь и Польша. Тысячелетняя вендетта. – М.: АСТ, 2011. – 480 С.
- Эмир 1934 – *Эмир Х.* Эпоха Шамиля // Северный Кавказ. – 1934. – № 1. – С. 12–14.
- Якуб 1934 – *Якуб М.* Советский Союз и Лига Наций // Северный Кавказ. – 1934. – № 4. – С. 6–8.

PREFERANCES

- Arkhib Ali Mardana Beka Topchibashi (Topchibasheva)* [Archive of Ali Mardan Bek Topchibashi (Topchibashev)]. In: Biblioteka Tsentra po izucheniyu sovremennoi Rossii, Kavkaza i Tsentral'noi Evropy // École des Hautes Études en Sciences Sociales (Vysshaya shkola sotsial'nykh nauk). (CERCEC, EHESS). Parizh. Frantsiya.
- N/A. *Trevoga v russkom stane* [Anxiety in the Russian camp]. In: Gortsy Kavkaza. – 1934. – № 48. – P. 12.
- BABICH I.L. *Delegatsiya Severnogo Kavkaza vo Frantsii (1919-1920-e gg.)* [The delegation of the North Caucasus to France (1919-1920)]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2023. – № 2. – P. 74-86.
- BAITUGAN B. *Znamenatel'naya data* [Is a significant date]. In: Gortsy Kavkaza. – 1929. – № 26. – P. 3–4.
- BAITUGAN B. *Konfederatsiya i gortsy* [The Confederacy and the Highlanders]. In: Gortsy Kavkaza. – 1930. – № 21–23. – P. 4–6.
- BAITUGAN B. *Narodnaya partiya kak faktor v gorskom osvoboditel'nom dvizhenii* [The People's Party as a factor in the Mountain liberation movement]. In: Gortsy Kavkaza. – 1930. – № 25. – P. 6.
- BAITUGAN B. *Vsemusul'manskii kongress 1931 g. i ego znachenie v nashei osvoboditel'noi bor'be* [The All-Muslim Congress of 1931 and its significance in our liberation struggle]. In: Gortsy Kavkaza. – 1932. – № 29. – P. 3–6.
- BAITUGAN B. *Grazhdanskoe i voennoe ustroistvo pri Imame Shamile* [Civil and military structure under Imam Shamil]. In: Gortsy Kavkaza. – 1932. – № 30. – P. 26–30.
- BAITUGAN B. *Said-Shamil' – «frantsuzskii ofitser»* [Said-Shamil – "the French officer"]. In: Gortsy Kavkaza. – 1932. – № 30. – P. 13–15.
- BAITUGAN B. *Anketa «Istiklal»* [Istiklal questionnaire]. In: Gortsy Kavkaza. – 1933. – № 35–36. – P. 11–14.
- BAITUGAN B. *Imeem-li pravo na zhizn'?* [Do we have the right to life?]. In: Gortsy Kavkaza. – 1933. – № 37. – P. 15-18.
- BAITUGAN B. *V poiskakh istiny* [In search of the truth]. In: Severnyi Kavkaz. – 1937. – № 44. – P. 14.
- BILATTI B. (Khadzhi Bilal). *Golos chitatelya* [The reader's voice]. In: Gortsy Kavkaza. – 1933. – № 35–36. – P. 8–10.

- BILATTI B. *Imeyutsya-li osnovaniya dlya bespokoistva?* [Are there any grounds for concern?]. In: Gortsy Kavkaza. – 1933. – № 41. – P. 3–5.
- BILATTI B. *Ot Konfederatsii k Federatsii* [From Confederation to Federation]. In: Severnyi Kavkaz. – 1934. – № 5–6. – P. 13–15.
- BILATTI B. *Osnovy federativnogo gosudarstva* [The foundations of a federal State]. In: Severnyi Kavkaz. – 1934. – № 8. – P. 12–13.
- BILATTI B. *Sovetskie nadezhdy i pakt Ligi Natsii* [Soviet hopes and the Pact of the League of Nations]. In: Severnyi Kavkaz. – 1934. – № 4. – P. 8.
- BILATTI B. *Komintern perekhodit v nastuplenie* [The Comintern goes on the offensive]. In: Severnyi Kavkaz. – 1935. – № 17. – P. 11.
- BILATTI B. *Bor'ba za yazyk na Severnom Kavkaze* [The struggle for language in the North Caucasus]. In: Severnyi Kavkaz. – 1936. – № 27. – P. 8–10.
- BILATTI B. *Natsional'nyi tsentralizm – zalog uspekha* [National centralism is the key to success]. In: Severnyi Kavkaz. – 1937. – № 35. – P. 12–16.
- BILATTI B. *Sumerki Ligi Natsii* [Twilight of the League of Nations]. In: Severnyi Kavkaz. – 1937. – № 45–46. – P. 14–16.
- Gortsy Kavkaza [Mountaineers of the Caucasus]. – 1931. – № 24. – P. 10.
- Gortsy na Blizhnem Vostoke [Highlanders in the Middle East]. In: Gortsy Kavkaza. – 1930. – № 19–20. – P. 57.
- DEBIR. *Puti i itogi* [Paths and outcomes]. In: Gortsy Kavkaza. – 1930. – № 19–20. – P. 5–7.
- ELEKKhOTI T. *Separatizm gortsev i ego korni* [Separatism of the Highlanders and its roots]. In: Gortsy Kavkaza. – 1929. – № 2–3. – P. 3–8, 28–32.
- K.A. *O edinom gorskom alfavite i yazyke* [About the unified Mountain alphabet and language]. In: Severnyi Kavkaz. – 1934. – № 4. – P. 25–31.
- K.B. *Metody rusifikatsii yazykov v SSSR* [Methods of Russification of languages in the USSR]. In: Severnyi Kavkaz. – 1936. – № 22. – P. 20, 22.
- Kavkazskii gorets* [Caucasian Highlander]. – 1925. – № 2–3. – P. 3.
- KAZI-KhAN. *Vyselenie (pereselenie) Gortsev Zapadnogo Kavkaza* [Eviction (relocation) Highlanders of the Western Caucasus]. In: Gortsy Kavkaza. – 1930. – № 13–15. – P. 3, 6, 8.
- KAZI-KhAN. *Desyatiletie Ligi Natsii* [The Decade of the League of Nations]. In: Gortsy Kavkaza. – 1930. – № 12. – P. 1–3.
- KARTsATI T. *Sushchnost' konflikta na Dal'nem Vostoke* [The essence of the conflict in the Far East]. In: Severnyi Kavkaz. – 1936. – № 28–29. – P. 25–26.
- KOSTA. *Politika i konkretnost'* [Policy and specificity]. In: Gortsy Kavkaza. – 1930. – № 26. – P. 37–44.
- Kritika i bibliografiya* [Mountaineers of the Caucasus]. In: Gortsy Kavkaza. – 1930. – № 26. – P. 49.
- MURTAZ A. *K 11-letiyu ob"yavleniya nezavisimosti Respubliki Gortsev Severnogo Kavkaza* [On the 11th anniversary of the declaration of independence of the Republic of Highlanders of the North Caucasus]. In: Gortsy Kavkaza. – 1929. – № 4–5. – P. 3–5.
- MURTAZ A. *Partiyu atakuyut* [The party is being attacked]. In: Gortsy Kavkaza. – 1929. – № 6–7. – P. 10.
- NARTANA. *Kavkazskie pozhelaniya Lige Natsii* [Caucasian wishes to the League of Nations]. In: Gortsy Kavkaza. – 1932. – № 27. – P. 1–2.
- Predislovie* [Preface]. In: Gortsy Kavkaza. – 1933. – № 38. – P. 1–3.
- Protest predstavitelei ugnennykh narodov po povodu dopushcheniya Rossii v Ligu Natsii*. Rasul-Zade E. *Prizrak panturanizma* [Protest by representatives of oppressed peoples over Russia's admission to the League of Nations]. Rasul-Zadeh E. *The Ghost of Panturanism*. In: Gortsy Kavkaza. – 1930. – № 13–15. – P. 10.
- RGVA. Bilatti B. *Istoriya vzniknoveniya i razvitiya Narodnoi Partii Gortsev Kavkaza* [Bilatti B. The history of the emergence and development of the People's Party of the Highlanders of the Caucasus]. In: F. 461 k. – Op. 2. – D. 111. – L. 55–69.

- RGVA. *Baitugan B. Pis'mo k Saidu Shamilyu. 1937 g.* [A letter to Said Shamil. 1937]. In: F. 461 k. – Op. 1. – D. 369. – L. 13–25.
- RGVA. *Bilatti B. Perepiska s raznymi litsami* [Correspondence with different persons]. In: F. 461 k. – Op. 1. – D. 373. – L. 48–60.
- RGVA. *Bicherakhov L. Pamyatnaya Zapiska o Narodnoi Partii Gortsev Kavkaza i ee opozitsii. 4 noyabrya 1929 g.* [A memorandum on the People's Party of the Caucasus Highlanders and its opposition. November 4, 1929]. In: F. 461 k. – Op. 2. – D. 110. – L. 7–17, 18–22.
- RGVA. *Kelech-Girei P. Pis'ma k raznym litsam* [Kelech-Girey P. Letters to various persons]. In: F. 461 k. – Op. 1. – D. 373. – L. 29.
- RGVA. *Perepiska* [Correspondence]. In: F. 461 k. – Op. 2. – D. 111. – L. 62, 65–67, 68–69.
- RGVA. *Postanovlenie Ispolnitel'nogo Byuro NPKG. 1937 g.* [Resolution of the Executive Bureau of the NPKG. 1937]. In: F. 461 k. – Op. 1. – D. 373. – L. 50–51, 60.
- RGVA. *Sunsh M.-G. Pis'ma k raznym litsam* [Sunsh M.-G. Letters to various persons]. In: F. 461 k. – Op. 1. – D. 373. – L. 28–45.
- RGVA. *Sunsh M.-G. Pis'mo k B. Baituganu i B. Khurshu. 1937 g.* [Sunsh M.-G. Letter to B. Baytugan and B. Khursh. 1937]. In: F. 461 k. – Op. 1. – D. 369. – L. 102–107.
- RGVA. *Sunsh M.-G. Pis'ma k T. Shakmanovu. 1934 g.* [Sunsh M.-G. Letters to T. Shakmanov. 1934]. In: F. 461 k. – Op. 2. – D. 109. – L. 138–139.
- RGVA. *Sunsh M.-G. Pis'mo k Edmundu. 1937 g.* [Sunsh M.-G. Letter to Edmund. 1937]. In: F. 461 k. – Op. 1. – D. 248. – L. 31–33.
- RGVA. *Faris (Sunsh M.G.) Pis'mo k Gustavu* [Faris (Sunsh M.G.) Letter to Gustav]. In: F. 461 k. – Op. 2. – D. 100. – L. 51.
- RGVA. *Tsakhoi M., Bilatti B. Pis'mo k Barasbi i Bagaudinu. 1937 g.* [Tsakhoi M., Bilatti B. Letter to Barasbi and Bagauddin. 1937]. In: F. 461 k. – Op. 1. – D. 369. – L. 80–89.
- RGVA. *Shakmanov T. Pis'ma k M.-G. Sunshu. 1934 g.* [Letters to M.-G. Sunshu. 1934]. In: F. 461 k. – Op. 2. – D. 109. – L. 27, 51, 67–68.
- RGVA. *Shamil' P. Pis'mo v Ispolnitel'noe Byuro NPGK. 1937 g.* [Shamil P. Letter to the Executive Bureau of the NPGK. 1937]. In: F. 461 k. – Op. 1. – D. 369. – P. 29–43.
- Severnyi Kavkaz* [The North Caucasus]. – 1936. – № 30.
- SEDLETskii P. *Kak stroit' gosudarstvo* [How to build a state]. In: *Gortsy Kavkaza*. – 1930. – № 25. – P. 13–17.
- Sem'desyat let nasiliya i gneta* [Seventy years of violence and oppression]. In: *Gortsy Kavkaza*. – 1929. – № 6–7. – P. 3–4.
- KhADZhi M. *Sistemy Slozhnykh gosudarstv* [Systems of Complex States]. In: *Gortsy Kavkaza*. – 1929. – № 8–9.
- KhALIL M. *Magomet-Kamil'-Pasha Shamil'* [Mohammed Kamil Pasha Shamil]. In: *Gortsy Kavkaza*. – 1930. – № 19–20. – P. 30–33.
- KhALIL M. *Otvét na stat'yu A.T. Severnyi Kavkaz* [Response to the article by A.T. North Caucasus]. In: 1934. – № 5–6. – P. 32–34.
- Khronika Soyuza* [Chronicle of the Union]. In: *Kavkazskii gorty*. – 1925. – № 2–3. – P. 135–136.
- Khronika* [The Chronicle]. In: *Gortsy Kavkaza*. – 1930. – № 17–18. – P. 58–61.
- Khronika* [The Chronicle]. In: *Gortsy Kavkaza*. – 1932. – № 30. – P. 34.
- Ch. *Intsident ischerpan* [The incident is over]. In: *Severnyi Kavkaz*. – 1936. – № 26. – P. 24.
- ShAMIL' P. *Obrashchenie k predsledatelyu 11-oi sessii Ligi Natsii* [Address to the Chairman of the 11th session of the League of Nations]. In: *Gortsy Kavkaza*. – 1930. – № 21–23. – P. 55–56.
- ShAMIL' P. *Sut' nashikh raznoglasii* [The essence of our differences]. In: *Gortsy Kavkaza*. – 1930. – № 25. – P. 3–4.
- ShIROKORAD A.B. *Rus' i Pol'sha. Tysyacheletnyaya vendetta* [Russia and Poland. A thousand-year vendetta]. – M.: AST, 2011. – 480 p.
- EMIR Kh. *Epokha Shamilya* [The Shamil Era]. In: *Severnyi Kavkaz*. – 1934. – № 1. – P. 12–14.
- YaKUB M. *Sovetskii Soyuz i Liga Natsii* [The Soviet Union and the League of Nations]. In: *Severnyi Kavkaz*. – 1934. – № 4. – P. 6–8.

Информация об авторе

И.Л. Бабич – доктор исторических наук.

Information about the author

I.L. Babich – Doctor of Science (History).

Статья поступила в редакцию 05.05.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 05.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Научная статья
УДК 93/94(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-128-160
EDN: ENGWOJ

ДЕМОГРАФИЯ И РАЗВИТИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аслан Хажисмелович Боров

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, aslan-borov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8396-6422>

Аннотация. Демографические характеристики общества выступают в каждый данный момент в качестве факторов, определяющих возможности и ограничения социально-экономического развития, но на длительных исторических этапах сами видоизменяются под воздействием социально-экономических перемен. Эта взаимосвязь должна учитываться при постановке целей и задач как экономической, так и демографической политики на страновом и региональном уровне. В данной работе предпринят обзор ведущих тенденций и итогов экономической и социально-демографической эволюции Кабардино-Балкарии на протяжении советской эпохи и основных признаков актуальной демографической ситуации в контексте задач перехода региона на инновационный путь социально-экономического развития. Социально-экономическая модернизация советского периода сопровождалась модернизацией демографической. Население Кабардино-Балкарии быстро росло и приобретало новый социокультурный облик, становясь более разнообразным по этническому составу, городским по поселенческой структуре и образу жизни. К концу советской эпохи завершился демографический переход, уровень образования населения республики был сопоставим с общероссийскими параметрами, его социально-профессиональная структура приобрела диверсифицированный и в целом современный характер. Однако переход от советской к постсоветской общественной и государственной системе сопровождался не просто глубоким экономическим спадом, но явлениями структурной деиндустриализации и демодернизации. Отражением этих социально-экономических условий выступает амбивалентность демографической ситуации – существенное замедление естественного прироста и старение населения, смещение возрастного распределения вступления в брак и рождения детей в сторону старших возрастов, смена вектора миграционных процессов с притока на отток, снижение удельного веса городского населения, сокращение промышленной занятости, сокращение русского населения, достижение плато в динамике и ухудшение сравнительных показателей уровня образования. Между тем на повестку дня встали качественно новые задачи, предъявляющие повышенные требования к качеству человеческого потенциала современного развития.

Ключевые слова: Россия, Кабардино-Балкария, 20-21 века, демография, развитие, модернизация.

Для цитирования: Боров А.Х. Демография и развитие: исторический опыт и актуальные проблемы Кабардино-Балкарской Республики // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 128-160. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-128-160. EDN: ENGWOJ.

© Боров А.Х., 2024

Original article

DEMOGRAPHY AND DEVELOPMENT: HISTORICAL EXPERIENCE AND CURRENT PROBLEMS OF THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC

Aslan Kh. Borov

Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, aslan-borov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8396-6422>

Abstract. The demographic characteristics of society act at any given moment as factors determining the possibilities and limitations of socio-economic development, but over long historical stages, they themselves change under the influence of socio-economic changes. This relationship should be considered when setting goals and objectives for both economic and demographic policies at the national and regional levels. This paper provides a review of the leading trends and results of the economic and socio-demographic evolution of Kabardino-Balkaria during the Soviet era and the main features of the current demographic situation in the context of the region's transition to an innovative path of socio-economic development. The socio-economic modernization of the Soviet period was accompanied by demographic modernization. The population of Kabardino-Balkaria grew rapidly and acquired a new sociocultural appearance, becoming more diverse in ethnic composition, urban in settlement structure and way of life. By the end of the Soviet era, the demographic transition was completed, the level of education of the population of the republic was comparable to all-Russian parameters, its socio-professional structure acquired a diversified and generally modern character. However, the transition from the Soviet to the post-Soviet social and state system was accompanied not just by a deep economic recession, but by the phenomena of structural deindustrialization and demodernization. A reflection of these socio-economic conditions is the ambivalence of the demographic situation – a significant slowdown in natural growth, the aging of the population, a shift in the age distribution of marriage and birth rate towards older ages, a change in the vector of migration processes from inflow to outflow, a decrease in the share of the urban population, a reduction in industrial employment, a decline in the Russian population, reaching a plateau in dynamics and a deterioration in comparative indicators of the level of education. Meanwhile, qualitatively new tasks have appeared on the agenda, placing increased demands on the quality of human potential of modern development.

Keywords: Russia, Kabardino-Balkaria, 20-21 centuries, demography, development, modernization.

For citation: Borov A.Kh. Demography and development: historical experience and current problems of the Kabardino-Balkarian Republic. In: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 128-160. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-128-160. EDN: ENGWOJ.

© Borov A.Kh., 2024

Постановка проблемы

Сфера демографии, несмотря на менее заметное в каждый данный момент воздействие по сравнению с экономическими или политическими процессами, в долгосрочном плане оказывает глубокое влияние на различные аспекты человеческой жизни. В частности, при анализе процессов демографической модернизации в России в XX в. отмечается фундаментальная роль демографических перемен для формирования современного облика российского общества, а также их соответствие глобальному процессу «демографического перехода» [Демографическая... 2006: 9]. Эксперты, изучающие демографические тенденции в

Кабардино-Балкарской Республике, акцентируют взаимосвязь экономических и демографических процессов, что делает необходимым синтез данных по этим сферам общественной жизни [Прогнозирование... 2010: 9-10].

Одним из возможных подходов к решению этой проблемы является анализ и обобщение опыта сопряжения процессов экономического и социально-демографического развития на протяжении длительных исторических периодов. Для Кабардино-Балкарии такой предмет изучения ограничивается, по сути, столетием 1920-2020-х гг., в рамки которого уместаются завершённый опыт советской социалистической модернизации и ещё незавершённый опыт современной модернизации. Его незавершённость выражается и в том, что к нему трудно подобрать какое-то одно определение. Оставаясь в целом в русле буржуазного типа развития, современная модернизация прошла различные фазы, условно – либерально-буржуазную 1990-х гг., национально-буржуазную 2000-2010-х, а в 2020-е вступает в действие, как представляется, социально-консервативная фаза современной российской модернизации.

Эти обстоятельства ещё раз указывают на необходимость дополнить системно-теоретический подход к анализу экономических и демографических процессов подходом историческим.

Цель предлагаемой работы заключается в обзоре ведущих тенденций и итогов экономической и социально-демографической эволюции Кабардино-Балкарии на протяжении советской эпохи и основных признаков актуальной демографической ситуации в контексте задач перехода региона на инновационный путь социально-экономического развития.

Применённые в исследовании методы анализа обусловлены его задачами и эмпирической базой. Реконструкция исторического опыта и оценка перспектив социально-демографической эволюции региона предполагала использование причинно-следственного и факторного анализа, устанавливающего взаимосвязь социально-экономических, политических и культурных явлений с демографическими изменениями. Изучение текущего состояния демографических процессов и структур на основе данных официальной статистики требовало использования методов демографической статистики с особым упором на анализ относительных величин и показателей интенсивности демографических тенденций и явлений с тем, чтобы выявить их сравнительные и типологические характеристики.

Демография и развитие: советский опыт

Общие показатели движения населения Кабардино-Балкарии на протяжении 1920-2020-х годов свидетельствуют о вкладе социально-экономического развития в количественную динамику и структуру населения республики (Таблица 1).

Таблица 1

Основные показатели численности и состава населения Кабардино-Балкарии
(1926-2020, тыс. чел.)

Год	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2010	2020	2020 к 1926
Все население*	204,0	359,2	420,1	588,2	674,6	759,6	859,9	904,2	4,4
Прирост, %		76,1	17,0	40,0	14,6	12,6	13,2	5,2	
В т.ч. город- ское	12,9	84,7	166,0	280,1	392,4	465,0	468,4	469,2	36,4
Прирост, %		556,6	96,0	68,7	40,1	18,5	0,7	0,2	
Кабардинцы	122,4	152,3	190,3	264,7	303,6	363,5	490,5	529,1****	4,3
Прирост, %		24,4	25,0	39,1	14,7	19,7	34,9	7,9	
В т.ч. город- ское	0,87	5,4	23,0	58,2	108,8	156,7	219,5	231,3****	265,9
Прирост, %		520,7	325,9	153,0	86,9	44,0	40,1	5,4	
Балкарцы	33,2	40,7	34,1***	51,4	59,7	70,8	108,6	120,9	3,6
Прирост, %		22,6	-16,2	50,7	16,1	18,6	53,4	11,3	
В т.ч. город- ское	0,35	0,9	4,7	13,8	30,0	41,6	48,7	49,3	140,9
Прирост, %		157,1	422,2	193,6	117,4	38,7	17,1	1,2	
Русские**	32,6	140,2	162,6	218,6	234,1	253,6	193,2	174,8	5,4
Прирост, %		330,1	16,0	34,4	7,1	8,3	-33,8	-9,5	
В т.ч. город- ское	7,4	69,4	115,2	168,4	191,3	200,1	151,4	133,8	18,1
Прирост, %		838,0	66,0	46,2	13,6	4,6	-24,3	-11,6	
* Наличное население ** 1926 и 1939 г. вместе с украинцами *** Балкарское население КБАССР. Общая численность балкарцев в СССР состави- ла по переписи 1959 г. 42,4 тыс. чел. **** Вместе с «черкесами»									

Составлено по: [Всесоюзная... 1928: 50, 55, 110; Всесоюзная... 1999: 26, 50; Итоги... 1963б: 21, 27; Итоги... 1973: 135; Итоги... 1989: 410, 413; Национальный... 1990: 32, 35, 128; а также¹].

Таблица демонстрирует, что в рамках периода 1920-1980-х гг. имел место рост общей численности и численности основных национальных групп, а также численности и удельного веса городского населения республики. Это свидетельствует о масштабных изменениях социально-экономических структур,

¹ Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс] // Демоскоп-Weekly. – 2018. – № 777-778. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php (дата обращения: 10.11.2018); Всероссийская перепись населения – 2010 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 29.09.2018); Всероссийская перепись населения 2020 года. Кабардино-Балкарская Республика. Том 5. Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу: сайт. URL: <https://26.rosstat.gov.ru/folder/77775> (дата обращения 21.01.2023).

условий и качества жизни ее жителей. Вместе с тем очевидно постепенное замедление темпов и неравномерность динамики показателей социально-демографического развития. Влияние привходящих факторов, таких как приращение русского населения за счет административно-территориальных изменений в начале 1930-х гг., военная разруха и восстановительный период в хозяйственной жизни 1940-х гг., принудительная депортация и пребывание в ссылке балкарского населения республики в 1944-1957 гг. затемняют наличие качественных сдвигов в развитии собственно экономических и социально-демографических процессов.

Первый этап их развития приходится на 1920-1950-е гг. Он отмечен весьма высокими темпами демографических изменений, что объясняется, главным образом низкой стартовой базой социально-экономического развития и крайне незначительными величинами показателей городского населения в середине 1920-х гг. В 1926 г. в промышленности, строительстве и на транспорте было занято лишь 4,1 %, а в сельском хозяйстве – 92,43 % трудоспособного населения области [Карданов 1984: 35-37].

Есть основания считать, что в 1930-е гг. общую направленность экономической динамики стала определять индустриализация – создавались ее гидро-энергетическая база, горнодобывающая промышленность, предприятия машиностроения и цветной металлургии. Но в расчете на душу населения в 1940 г. здесь производилось промышленной продукции только 22 % к соответствующему среднесоюзному показателю [Хашхожева 1984: 16]. Уровень подготовки и вовлечения в промышленность, строительство и транспорт коренного населения оставался еще очень низким. Достаточно сказать, что в 1939 г. среди кабардинцев и балкарцев, занятых в сфере материального производства, рабочих было менее одного процента [Карданов 1976: 109-110].

Важный поворот произошел в конце 1940-х гг. В последующем десятилетии шло ускоренное развитие промышленности, хотя фактически произошло только выравнивание темпов роста промышленности в республике с общесоюзными темпами. Индустриальное развитие Кабардино-Балкарии в вплоть до середины 1950-х гг. не вносило кардинальных изменений в отраслевой состав. Создание прогрессивной структуры промышленности стало возможным лишь со второй половины 1950-х гг. С этого времени в республике наметилось ускоренное развитие тяжелой промышленности. Развернулось широкое строительство предприятий совершенно новых для республики отраслей машиностроения и металлообработки, таких как станко- и приборостроение, электротехническая, электронная и др. Так, если уровень производства в довоенном 1940 г. принять за единицу, то в 1960 г. валовая продукция всей промышленности увеличилась в 4,4 раза, а машиностроения и металлообработки – в 15 раз. Интенсивно развивались промышленность строительных материалов и легкая, продукция которых выросла соответственно в девять раз и вдвое. Результатом такого развития явилось резкое изменение отраслевой структуры промышленности, т. е. повышение удельного веса машиностроения и металлообработки с 5 % в 1950 г. до 11 % в 1960 г. и промышленности стройматериалов – с 2 до 5 %. Совокупная доля цветной металлургии, машиностроения и металлообработки, а

также промышленности стройматериалов увеличилась с 17 % в 1950 г. до 28 % в 1960 г., и соответственно снизилась доля пищевой и легкой промышленности с 64 % в 1950 г. до 57 % в 1960 г. Наметились тенденции к ускоренному развитию квалифицированных отраслей машиностроения. Возникновение новых отраслей и производств способствовало комплексному характеру промышленного роста [Хашхожева 1984].

На социетальном и социально-демографическом уровне результаты индустриального развития республики воплотились в процессе урбанизации (Таблица 2). Однако очевиден существенный разрыв между общим уровнем урбанизации, который оставался весьма невысоким в сопоставлении общероссийскими показателями, и еще более низким уровнем урбанизации коренного населения.

Таблица 2

Урбанизация Кабардино-Балкарии (1926-1959)

1926			1939			1959		
Численность	В т.ч. городского	Доля горожан в	Численность	В т.ч. городского	Доля горожан в %	Численность	В т.ч. городского	Доля горожан в %
тыс.	тыс.	%	тыс.	тыс.	%	тыс.	тыс.	%
СССР								
147027,9	26314,1	17,9	190677,9	60409,2	32	208826,7	99977,7	48
РСФСР								
100891,2	17442,7	17,3	108378,8	36295,6	33	117534,3	61611,1	52
Кабардино-Балкария, всего								
203,8	12,8	6,3	359,2	84,7	23,6	420,1	166,0	39,5
кабардинцы								
122,4	0,87	0,71	152,3	5,4	3,5	190,3	23,0	12,1
балкарцы								
33,2	0,35	1,1	40,7	0,9	2,1	34,1	4,7	13,8

Источники: [Всесоюзная... 1928: 50, 55, 110; Всесоюзная... 1999: 26, 50; Итоги... 1963а: 21; Итоги... 1963б: 21, 27].

Постепенно нарастали предпосылки качественных сдвигов в уровне образования населения. Перепись 1926 г. фиксировала только показатель грамотности, что говорит само за себя. Важным фактором было введение всеобщего начального (1930) и семилетнего (1949) образования. Общий уровень образования населения вырос скачкообразно (Таблица 3).

Таблица 3

Уровень образования населения Кабардино-Балкарии по данным переписей населения 1939 и 1959 гг.

	1939*	1959*
РСФСР	8,2	28,2
КБАССР		
Все население	6,2	35,2
Кабардинцы	2,6	22,0
Балкарцы	2,7	16,5

*Доля лиц, имеющих высшее и среднее (полное и неполное) образование

Источники: [Всесоюзная... 1999: 110, 123, 132, 133; Итоги... 1963б: 108, 113, 121, 133, 416].

В 1932 г. был открыт педагогический институт. Квалифицированные работники из кабардинцев и балкарцев готовились в ведущих учебных заведениях страны. Но даже в 1959 г. высшим и средним образованием было охвачено чуть больше одной трети всего населения, пятая часть кабардинского и шестая часть балкарского населения республики. Особенно незначительным был охват представителей коренных национальностей профессиональным образованием.

Ведущей тенденцией политико-идеологического и социально-экономического развития выступала еще не столько модернизация, сколько советизация региона. На уровне общественных структур советизация означала постепенное, но неуклонное изживание традиционных для северокавказского общества форм социальности и становление общественной структуры общесоветского типа (Таблица 4).

Таблица 4

Доля основных общественных групп населения автономных областей и республик Северного Кавказа (1926-1959, в % ко всему населению)

	1926			1939			1959		
	Рабочие	Служащие	Крестьяне	Рабочие	Служащие	Крестьяне	Рабочие	Служащие	Крестьяне
РСФСР	4,0	2,9	49,4	35,1	18,6	41,4	54,0	21,6	24,2
Кабардино-Балкария	0,8	0,9	98,3	26,1	15,2	58,7	38,3	18,4	43,2

Источники: [Всесоюзная... 1929: 32; Всесоюзная... 1930: 2, 3; Всесоюзная... 1999: 197, 199; Итоги... 1963а: 92, 93; Итоги... 1963б: 154].

Одновременно шел процесс отбора и формирования все более широкого слоя советских партийно-управленческих кадров. Его состав в 1920-30-е годы оставался крайне неустойчивым. Но в 1950-е гг. он не только заметно вырос количественно (во многом за счет поколения, прошедшего фронтную школу Великой Отечественной войны), но и стабилизировался. Завершались процессы социально-психологической адаптации кабардинского и балкарского населения

республики к условиям и формам жизнедеятельности в советской социалистической системе. Все это вместе взятое создавало новый контекст их социально-культурного развития, лишенный налета ущербности, периферийности, «ученичества» в отношениях с большим российским обществом и государством.

И в 1960-1980-е гг. в регионе произошел подлинный модернизационный рывок. Темпы прироста промышленной продукции в Кабардино-Балкарии, которые выравнивались с общесоюзной промышленной динамикой в 1950-е гг., в 1960-х почти в 1,5 раза стали превышать их. Некоторое опережение сохранилось и в 1970-е гг. (Таблица 5).

Таблица 5

*Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции СССР и КБАССР
за 1940-1980 гг. (%)*

Годы	СССР	КБАССР	Опережение республикой темпов прироста СССР (СССР = 1)
1940-1950	5,6	3,7	0,66
1950-1960	11,7	11,8	1,01
1960-1970	8,6	12,6	1,47
1970-1980	5,95	6,9	1,16

Источник: [Хашхожева 1984: 28].

Следствием столь интенсивного наращивания темпов роста промышленного производства в Кабардино-Балкарии является то, что в 1980 г. довоенный уровень был превзойден в 28 раз при соответствующем увеличении в целом по стране в 21 раз. Опережающими темпами развивались машиностроение и приборостроение, ускоряющие научно-технический прогресс, особенно такие подотрасли, как приборостроение и телеавтоматика, производство алмазного инструмента, полупроводниковых приборов: при среднегодовых темпах прироста объемов промышленного производства 7,1 % прирост продукции в машиностроении составил 15,9 %. Это привело к увеличению удельного веса машиностроения в общем объеме промышленного производства. Неуклонное наращивание промышленного потенциала в 1960-1970-е гг. сопровождалось все большей дифференциацией и усложнением отраслевой структуры, совершенствованием межотраслевых пропорций. В 1980 г. душевое производство продукции промышленности уже составило около 75 % средне-союзного уровня. Таким образом, разрыв в уровнях промышленного развития страны и республики по производству продукции на душу населения сократился за 1940-1980 гг. почти в 3,5 раза. Однако стоимость промышленно-производственных основных фондов в расчете на душу населения составляла лишь несколько более половины от средне-союзного показателя (57 %). Численность рабочих и служащих на тысячу человек населения Кабардино-Балкарии поднялась с 43,6 % в 1940 г. до 62 % в 1960 г. и 84 % в 1980 г. от средне-союзного показателя. В целом, по оценке специалистов уровень промышленного развития Кабардино-Балкарии был ниже, чем в среднем по стране, на 28-29 % [Хашхожева 1984: 28-30].

Изменения в социальной структуре коренного населения все еще отставали от общих сдвигов в социально-экономической структуре республики. К началу 1980-х гг. основную массу квалифицированных рабочих на промышленных предприятиях, стройках, железнодорожном и авиационном транспорте, в связи составляли русские. В отраслях машиностроения и металлообработки удельный вес русских более чем в два раза превышал долю кабардинцев и балкарцев, занятых в этих отраслях. А на железнодорожном транспорте численность русских рабочих была в шесть раз больше числа рабочих из коренных национальностей [Карданов 1984: 127-130].

Урбанизация республики в 1930-1950-е гг. в существенной, но не в решающей степени была обусловлена индустриальным развитием. Из трех поселений, получивших статус города в этот период, только одно (Тырныауз) сложилось вокруг крупного промышленного предприятия. Тем не менее к концу 1950-х гг. доля городского населения достигла 40 %. Однако подлинный прорыв в этом процессе приходится на 1960-1980-е гг. (Таблица 6). Абсолютная численность городского населения выросла в 2,5 раза, а его удельный вес превысил 60 %. Массовый характер приобрела урбанизация местных национальных групп: почти в семь раз выросло число горожан среди кабардинцев и почти в десять раз – среди балкарцев.

Таблица 6

Динамика урбанизации в Кабардино-Балкарии (1959-1989)

	1959			1989		
	Численность (тыс.)	В т.ч. городское (тыс.)	Доля в %	Численность (тыс.)	В т.ч. городское (тыс.)	Доля в %
РСФСР	117534,3	61611,1	52,0	147400,5	95373,9	73,6
КБАССР						
Все население	420,1	166,0	40,0	759,6	465,0	61,2
Кабардинцы	190,3	23,0	13,9	363,5	156,7	43,1
Балкарцы	34,1	4,7	15,6	70,8	41,6	58,8

Источники: [Итоги... 1963а: 21; Итоги... 1963б: 21, 27; Краткая... 1991а: 4, 5, 20; Национальный... 1990: 128].

Социально-демографические последствия процессов экономического развития находят свое концентрированное выражение в распределении занятого населения по видам экономической деятельности или, в терминах советской статистики, по отраслям народного хозяйства. К концу советской эпохи основные параметры этой сферы выглядели следующим образом (Таблица 7).

Таблица 7

*Распределение занятого населения КБАССР по отраслям народного хозяйства
(по данным переписи населения 1989 г.)*

	Во всем занятом население	В том числе среди национальных групп		
		кабардинцы	балкарцы	Русские
Занятое население	348303	161552	32528	116928
в том числе:	%	%	%	%
Промышленность	23,35	26,75	23,92	34,56
сельское хозяйство	18,91	24,48	20,66	11,44
лесное хозяйство	0,40	0,44	1,05	0,20
Транспорт	6,04	5,56	5,01	7,16
Связь	1,19	0,68	1,02	1,91
Строительство	8,27	6,35	8,23	10,77
торговля и общественное питание	6,58	7,95	7,04	4,40
информационно-вычислительное обслуживание	0,22	0,18	0,17	0,31
жилищно-коммунальное хозяйство	2,55	1,68	2,32	3,62
бытовое обслуживание населения	1,36	0,98	2,17	1,34
здравоохранение, физическая куль- тура и социальное обеспечение	6,72	6,40	8,75	6,54
народное образование	8,57	9,33	7,88	7,83
культура и искусство	1,43	1,24	1,91	1,41
наука и научное обслуживание	1,18	0,72	1,10	1,70

Источник: Материалы Госкомстата КБР

Можно видеть, что социально-профессиональная структура населения региона воспроизводила основные параметры структуры большого российского общества. В ней были представлены наиболее продвинутые в социокультурном плане группы, включая научную и художественную интеллигенцию. Говорить о завершенной по мировым меркам или в сравнении с крупными индустриальными и культурными центрами России модернизации региона не приходится, но отличие от них было вопросом степени, а не качества.

В советской идеологии и системе социального учета присутствовало понятие основных общественных групп, и признаком модернизации считалось возрастание удельного веса рабочих и служащих при сокращении удельного веса крестьян (колхозников). Социальная динамика Кабардино-Балкарии вполне соответствовала таким представлениям (Таблица 8).

Таблица 8

*Доля основных общественные групп в населении
(1959-1989 в % ко всему населению)*

	1959			1989		
	Рабочие	Служащие	Крестьяне*	Рабочие	Служащие	Крестьяне*
РСФСР	54,0	21,6	24,2	60,5	32,0	7,4
КБАССР	38,3	18,4	43,2	58,6	26,8	13,8

*Только колхозники

Источники: [Итоги... 1963а: 93; Итоги... 1963б: 152-154; Краткая... 1991б: 87, 97].

Наиболее ярким проявлением модернизационной динамики 1960-1980-х гг. стал подлинный прорыв в повышении образовательного уровня населения (Таблица 9). Обращает на себя внимание, что уровень образования в пересчете на все население республики и в 1959, и в 1989 гг. был выше средних показателей по РСФСР, тогда как уровень образования коренных национальных групп был заметно ниже. Это свидетельствует о существенном вкладе русского населения и, в частности, вновь прибывающих групп специалистов и квалифицированных рабочих в повышение общего культурного уровня населения республики. Вместе с тем очевидно, что в 1960-1980-е гг. на качественно новый уровень вышла образованность кабардинского и балкарского населения. Еще до введения всеобщего обязательного среднего образования в 1972 г. произошел поворот в массовых установках населения республики в отношении и к среднему, и к высшему образованию, как к необходимому и желательному для подрастающих поколений.

Таблица 9

Уровень образования населения РСФСР и КБАССР

	1959*	1989**
РСФСР	28,2	80,6
Кабардино-Балкария		
Все население	35,2	81,7
Кабардинцы	22,0	59,9
Балкарцы	16,5	58,0

*Доля лиц, имеющих высшее и среднее (полное и неполное) образование

**Доля лиц, имеющих высшее, среднее специальное и общее среднее образование

Источники: [Итоги... 1963б: 113, 121, 133, 416; Краткая... 1991а: 133, 164; Денисова 1996: 87].

Таким образом, на протяжении примерно 70 лет традиционное аграрно-крестьянское общество сменилось в Кабардино-Балкарии обществом современного типа. На перспективу перед республикой вставали те же проблемы, что и перед всей страной – проблемы перехода от экстенсивных к интенсивным формам развития экономики путем формирования передовой технологической ба-

зы. Но это предполагало ускорение научно-технического и экономического прогресса всей страны при сохранении планомерной политики социально-экономического развития региона. Реальный ход событий с рубежа 1980-1990-х гг. оказался совершенно иным.

Актуальные тенденции воспроизводства населения

В постсоветский период сложившаяся в советский период модель экономического развития претерпела кардинальные изменения. При этом масштабы экономического спада и деиндустриализации 1990-х гг. в Кабардино-Балкарии, как и в других республиках Северного Кавказа, существенно превзошли среднероссийские показатели. Так, объем промышленной продукции в 1997 г. составил только 25,8 % от уровня 1990 г. Число промышленных предприятий увеличилось со 134 в 1985 г. до 808 в 1997 г., но численность промышленно-производственного персонала за этот же период сократилась с 85 тыс. до 48 тыс. чел., а рентабельность реализованной продукции упала с 25,8 % до 0,2 % [Кабардино-Балкария... 1998: 107-108].

И в дальнейшем, вплоть до начала 2020-х гг. сохранились относительно низкая эффективность и отсталая структура региональной экономики. Реальный сектор экономики Кабардино-Балкарии дает только 36,5 % валовой добавленной стоимости, а внутри него относительно преобладают сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство (16,5 % ВРП). Удельный вес обрабатывающих производств в два раза ниже и составляет всего 8,5 % ВРП. [Регионы... 2017: 542, 544, 545; Регионы... 2022: 466-467]. В 2010 г. основные фонды на одного занятого в КБР составляли только 32,9 % от среднероссийского показателя, а в 2021 г. еще снизились до 28,4 % [Регионы... 2022: 118, 499-500].

Качественные изменения в 1990-2000-е гг. претерпела и описанная выше модель демографического развития. Резко сократились темпы прироста населения. Наблюдались стагнация численности и некоторое снижение удельного веса городского населения. Падала численность и доля русского населения республики. Интерпретация этих процессов требует учета как экономических факторов, так и факторов собственно демографического порядка. Судя по всему, демографическая ситуация постсоветского периода отражает факт завершения в республике демографического перехода и стабилизацию демографической модели, сочетающей низкую рождаемость и низкую смертность.

Анализ данных в рамках периода 1990-2010-х гг. обнаруживает три фазы движения естественного прироста населения: понижительную в 1990-2005, повышательную в 2006-2014 гг. и снова понижительную – с 2015 г. (Таблица 10).

Движение населения КБР (1985-2022 гг.)

Год	Рождаемость ¹	Смертность ²	Естественный прирост ³	Миграционный прирост ⁴
1985	22,2	8,1	14,1	-
1990	20,0	8,5	11,5	125
1995	13,1	9,9	3,2	130
2000	10,4	10,0	0,4	83
2001	10,0	9,9	0,1	85
2002	10,2	10,0	0,2	73
2003	10,3	10,2	0,1	-24
2004	10,5	9,7	0,8	-30
2005	10,0	10,1	-0,1	-32
2006	10,4	9,8	0,6	-37
2007	12,8	9,5	3,3	-33
2008	13,5	9,1	4,4	-33
2009	13,6	9,4	4,2	-26
2010	14,6	9,4	5,2	-50
2011	15,0	9,4	5,6	-65
2012	16,0	9,0	7,0	-72
2013	15,6	9,0	6,6	-72
2014	15,6	8,8	6,8	-41
2015	14,6	8,8	5,8	-41
2016	14,0	8,6	5,4	-29
2017	12,8	8,5	4,3	-28
2018	12,1	8,2	4,4	-39
2019	11,5	8,3	3,2	-7
2020	12,1	10,1	2,0	-11
2021	12,1	10,8	1,3	3
2022	11,1	8,7	2,4	-3,6

¹Общие коэффициенты рождаемости (число родившихся на 1000 человек населения)

²Общие коэффициенты смертности (число умерших на 1000 человек населения)

³Коэффициенты естественного прироста населения (на 1000 человек населения)

⁴Коэффициенты миграционного прироста населения (на 10000 человек населения)

Составлено по: [Кабардино-Балкарская... 1995: 10, 26; Регионы... 2004: 42, 63, 65, 70, 82; Регионы... 2007: 56, 76, 78, 82, 92; Регионы... 2010: 56; Регионы... 2011: 62, 64, 68; Регионы... 2017: 37, 59, 61, 69, 85; Регионы... 2020: 43, 65, 67, 75, 91; Регионы... 2022: 43, 65, 67, 75, 91; а также¹].

¹ Рождаемость, смертность и естественный прирост населения [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. URL: http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/resources/c42e25004f8160879e5dde8250d62a05/Рождаемость+смертность+и+естественный+прирост+населения.pdf (дата обращения: 02.11.2018); Демография: Показатели естественного движения населения [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. URL: http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/resources/514b420045adf4ae8c23ecedf35b80/Естественное+движение+населения+КБР+за+январь-июль+2018г..pdf (дата обращения: 02.11.2018); Численность и миграция населения Российской Федерации в 2022 году (Статистический бюллетень). М.: Федеральная служба государственной статистики, 2023. [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения 01.05.2024).

Объяснение представленной в таблице динамики естественного прироста населения не может быть простым и однозначным. С одной стороны, замедления и ускорения в естественном приросте населения коррелируют с негативными и позитивными трендами экономической конъюнктуры. С другой – специалисты дают им объяснение на основе собственно демографических факторов. Достижение репродуктивного возраста поколениями родившихся в десятилетие высокой рождаемости 1980-х гг. приходится на 2006-2016 гг. Убедительность такого объяснения подкрепляется тем, что его автор, Ф.Ж. Берова уже в работе 2009 г. спрогнозировала новый «демографический провал» с вступлением в репродуктивный возраст детей, родившихся в 1990-х гг. [Берова 2009: 31-32]. Как видно по данным таблицы, дальнейшая динамика показателей естественного прироста населения хорошо укладывается в ее оценки

В контексте нашего анализа более информативным для долгосрочного и сравнительного изучения демографической ситуации может служить показатель суммарного коэффициента рождаемости, учитывающий количество детей, которое в среднем рождается у одной женщины на протяжении всего ее репродуктивного периода (15-49 лет), при условии сохранения уровня рождаемости на каждом возрастном интервале в данном году (Таблица 11).

Таблица 11

Суммарный коэффициент рождаемости (число детей на 1 женщину)

	2005	2010	2015	2019	2020	2021	2022
Российская Федерация	1,294	1,567	1,777	1,504	1505	1505	1,416
СКФО	1,644	1,990	1,979	1,784	1,824	1,773	1,729
Кабардино-Балкарская Республика	1,200	1,658	1,753	1,514	1,644	1,669	1,515

Источник: [Регионы... 2017: 71; Регионы... 2020: 77; Регионы... 2022: 77; а также¹].

Данные таблицы демонстрируют, что суммарный коэффициент рождаемости в Кабардино-Балкарии за каждый охваченный год ближе по величине к среднероссийскому, показателю чем к показателю по СКФО. За период с 2005 по 2015 г. в среднем по России количество рождений на одну женщину увеличилось на 37 %, однако оно не достигло даже минимальных уровней, характерных для советского периода, и составило 1,78 в сравнении с 1,89 в 1980 и 1990 гг. В Кабардино-Балкарской Республике за тот же период это количество увеличилось с 1,200 до 1,753 (на 46 %). оставаясь при этом ниже среднероссийского и среднего по Северо-Кавказскому федеральному округу (СКФО), и значительно ниже значения в 2,15, необходимого для обеспечения простого воспроизводства населения. В дальнейшем этот показатель продемонстрировал неравномерную динамику, немного превышая общероссийский уровень, но оставаясь ниже уровня 2015 г. и среднего показателя по СКФО.

¹ Суммарный коэффициент рождаемости по субъектам Российской Федерации // Приложение к Демографическому ежегоднику России 2023 [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения 30.04.2024).

Аналогичные наблюдения могут быть сделаны и по нетто-коэффициенту (чистому коэффициенту) воспроизводства женского населения как показателю сложившейся модели репродуктивного поведения. Он характеризует степень замещения поколения женщин их дочерьми при длительном сохранении существующих уровней рождаемости и смертности и представляет собой обобщенную характеристику уровней рождаемости и смертности, существующих в данный период, а не ближайших перспектив роста населения. Его минимальное значение, необходимое для обеспечения простого воспроизводства населения равно 1 (Таблица 12). К 2002 г. нетто-коэффициент воспроизводства снизился по России до 0,606, а по Кабардино-Балкарии – до 0,565. С 2007 и по 2015 г. наблюдается довольно устойчивый рост этого показателя, а затем в 2016-2022 гг. столь же устойчивое его снижение по России и неровная динамика по Кабардино-Балкарии при общей понижающей тенденции. Пока сложно сделать окончательные выводы о том, насколько устойчиво будет довольно резкое снижение нетто-коэффициента воспроизводства населения в 2022 г. по сравнению с 2021 г.

Таблица 12

Нетто-коэффициент воспроизводства женского населения по РФ и КБР

Год	Все население		Городское население		Сельское население	
	РФ	КБР	РФ	КБР	РФ	КБР
1961-62	1,095		0,882		1,425	
1990	0,895		0,803		1,227	
2000	0,561		0,512		0,727	
2005	0,608	0,520	0,566	0,442	0,749	0,650
2015	0,847	0,845	0,801	0,813	1,002	0,874
2016	0,841	0,827	0,799	0,813	0,978	0,715
2017	0,774	0,774	0,731	0,729	0,915	0,816
2018	0,752	0,776	0,710	0,750	0,889	0,797
2019	0,719	0,711	0,683	0,674	0,835	0,747
2020	0,720	0,775	0,686	0,735	0,830	0,810
2021	0,718	0,797	0,686	0,756	0,827	0,835
2022	0,678	0,730	0,652	0,716	0,762	0,744

Источники: [Демографический... 2021: 47; а также¹].

¹ Нетто-коэффициент воспроизводства населения по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. – 2018. – № 781-782. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nrr.php?reg=11 (дата обращения: 23.09.2018); Общие показатели воспроизводства населения // Приложение к Демографическому ежегоднику России 2019 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm (дата обращения: 18.12.2023); Чистый коэффициент воспроизводства населения по субъектам Российской Федерации // Демографический ежегодник России – 2021. Приложение. [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B21_16/Main.htm (дата обращения: 19.12.2023); Чистый коэффициент воспроизводства населения по субъектам Российской Федерации // Приложение к Демографическому ежегоднику России 2023 [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения 30.04.2024).

Интересно, что значения коэффициента воспроизводства для сельского населения по КБР не столь заметно превышают его значения для городского населения, как в целом по стране, а в отдельные годы – даже ниже. В 2019-2021 гг. это соотношение почти «нормализовалось» и нетто-коэффициент воспроизводства у сельского населения превышал показатель городского населения в 1,1 раза. Однако уже в 2022 г. показатели нетто-коэффициента для городского и сельского населения Кабардино-Балкарии практически выровнялись.

Современные изменения в рождаемости демографы рассматривают во взаимосвязи с переменами в массовом матримониальном поведении и трансформацией всего жизненного цикла семьи, привлекая концепцию второго демографического перехода [Демографическая... 2006: 247]. Показатели, соотносимые с демографической модернизацией, остаются предметом дальнейших исследований и требуют дополнительного анализа на основе эмпирических данных. Среди основных проявлений второго демографического перехода, которые оказывают влияние на рождаемость, можно выделить рост среднего возраста вступления в зарегистрированный брак и сдвиги в возрастном распределении рождений в сторону уменьшения доли молодых возрастных групп и увеличения доли старших возрастных групп.

Современная ситуация отражена в таблице 13. Данные по Кабардино-Балкарии получают более объемную характеристику при сравнении их со средними показателями по РФ, а также с предполагаемыми «полюсами» в процессах демографической модернизации – Центральным федеральным округом и Республикой Дагестан.

Таблица 13

*Браки по возрасту жениха и невесты
(в % к общему числу заключенных браков)*

	Вступившие в брак в возрасте, лет											
	До 18		18-24		25-34		35-44		45-54		55 +	
	2012	2021	2012	2021	2012	2021	2012	2021	2012	2021	2012	2021
	2019	2022	2019	2022	2019	2022	2019	2022	2019	2022	2019	2022
Российская Федерация												
Муж.	0,08	0,07	26,9	18,9	49,0	47,2	13,9	19,7	6,4	8,5	3,7	5,6
Жен.	0,9	0,48	41,9	31,3	40,6	39,0	10,7	18,1	4,7	7,4	2,3	3,7
Муж.	0,06	0,05	18,7	17,8	49,4	44,0	18,6	23,1	7,8	9,7	5,4	5,3
Жен.	0,54	0,4	31,3	28,9	41,6	37,0	16,6	21,5	6,4	8,7	3,5	3,5
Центральный федеральный округ												
Муж.	0,07	0,04	24,3	16,6	49,5	47,1	15,1	21,3	7,1	9,1	4,0	5,9
Жен.	0,7	0,3	37,5	27,1	42,6	41,2	11,5	19,4	5,2	8,1	2,5	3,8
Муж.	0,04	0,03	16,8	15,8	49,3	44,3	19,8	24,1	8,4	10,1	5,6	5,5
Жен.	0,34	0,25	27,9	25,7	43,6	39,4	17,6	22,1	6,9	8,8	3,6	3,7
Кабардино-Балкарская Республика												
Муж.	0,2	0,1	34,1	22,9	49,2	56,5	10,7	13,4	3,8	4,2	2,1	2,8
Жен.	4,3	2,1	54,7	48,7	31,3	34,8	6,1	9,8	2,5	2,9	1,2	1,7
Муж.	0,02	0,07	21,5	24,1	56,8	53,0	13,5	15,2	5,1	4,4	3,0	3,3
Жен.	2,19	1,5	46,6	47,8	36,9	33,5	9,2	11,4	3,4	3,4	1,7	2,4

Республика Дагестан												
Муж.	0,02	0,01	35,3	25,5	52,9	62,3	8,0	8,0	2,4	2,5	1,4	1,7
Жен.	1,6	1,3	69,8	67,4	22,3	23,8	4,6	5,1	1,1	1,7	0,6	0,1
Муж.	0,01	0,0	26,3	24,9	62,2	58,5	7,5	11,0	2,6	3,5	1,5	2,1
Жен.	1,36	1,3	66,8	62,4	24,9	25,1	4,9	7,9	1,4	2,4	0,6	0,1

Рассчитано по: [Демографический... 2023: 52; а также¹].

Здесь очевидны изменения в возрастном распределении заключения браков, в целом соответствующие предположениям теории второго демографического перехода. С 2012 по 2022 г. в Кабардино-Балкарии произошли значительные сдвиги в направлении увеличения возраста вступления в брак. Особенно существенно сократилась доля браков, заключенных в возрасте 18-24 лет, в то время как доля браков, заключенных в более старшем возрасте, заметно возросла. Основное приращение приходится на возрастные категории 25-34 и 35-44 года. Здесь обнаруживается заметное отличие от тенденций, наблюдаемых в Центральном федеральном округе, где сокращение доли браков произошло в обеих указанных категориях. Возрастное распределение заключаемых браков в Дагестане сдвигалось в том же направлении, что и в Кабардино-Балкарии, но в меньших масштабах.

Сходные тенденции можно обнаружить в динамике возрастных коэффициентов рождаемости, хотя здесь картина не столь очевидна в силу того, что происходило общее снижение уровня рождаемости (Таблица 14).

Таблица 14

Возрастные коэффициенты рождаемости (абсолютное число рождений на 1000 женщин данного возраста, число рождений в данном возрасте в % к среднему числу рождений на 1000 женщин репродуктивного возраста)

Годы	РФ						КБР			
	1958-1959		1990		2020		1990		2020	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Лет										
15-19	28,4	34,25	55,0	99,64	14,1	33,73	57,0	71,25	16,3	33,33
20-24	157,9	190,47	156,5	283,51	73,6	176,08	198,9	248,63	93,0	190,18
25-29	156,4	188,66	93,1	168,66	92,6	221,53	129,3	161,63	106,4	217,59
30-34	101,9	122,92	48,2	87,32	70,8	169,38	70,0	87,5	68,0	139,06
35-39	57,7	69,60	19,4	35,14	39,2	93,78	29,4	36,75	34,9	71,37
40-44	19,9	24,00	4,2	7,61	9,2	22,00	4,7	5,88	9,0	18,40
45-49	3,0	3,62	0,1	0,18	0,6	1,44	0,3	0,38	0,5	1,02
15-49	82,9	100	55,2	100	41,8	100	80,0	100	48,9	100

Источник: [Демографический... 2023: 63; а также²].

¹ Демографический ежегодник России – 2013 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm (дата обращения 04.05.2024); Демографический ежегодник России 2021. Приложение к Демографическому ежегоднику России 2021. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B21_16/Main.htm (дата обращения: 19.12.2023); Демографический ежегодник России 2023. Приложение к Демографическому ежегоднику России 2023. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения 30.04.2024).

Эти данные описывают важные тенденции в рождаемости и распределении родов по возрастным группам женщин, что помогает понять динамику демографических процессов и оценить степень соответствия этих процессов концепции второго демографического перехода. Сравнение данных за 1960 и 1990 гг. по России демонстрирует повышение уровня рождаемости у женщин моложе 25 лет и снижение уровня рождаемости у женщин старше 25 лет, что соответствует ожидаемым признакам первого демографического перехода. Однако за последующий период с 1990 по 2020 гг. наблюдается обратная тенденция, характерная для второго демографического перехода: относительное увеличение числа рождений у женщин 25 лет и старше. В контексте Кабардино-Балкарской Республики аналогичные сдвиги происходили в тех же направлениях, что и в целой России, что указывает на аналогичную направленность демографического развития.

Независимо от способа концептуализации описанных процессов, следует признать, что они привели к существенным изменениям возрастной структуры населения (Таблица 15).

Таблица 15

*Возрастной состав населения (оценка на конец года;
в процентах от общей численности населения)*

	1990	2005	2010	2015	2019	2020	2021
Население моложе трудоспособного возраста							
РФ	24,3	16,5	16,2	18,0	18,7	18,7	18,8
ЦФО	20,9	14,1	13,9	15,6	16,4	16,6	16,7
ЮФО СКФО	26,0	24,8	23,9	24,3	24,0	23,9	23,7
РД	35,9	28,9	27,0	26,3	25,5	25,3	24,9
КБР	29,8	21,7	20,6	21,5	21,6	21,6	21,6
Население в трудоспособном возрасте							
РФ	56,7	63,0	61,5	57,4	56,3	56,0	57,2
ЦФО	56,1	62,5	61,3	57,6	56,5	56,1	57,2
ЮФО СКФО	54,9	60,7	61,0	58,7	58,3	58,0	59,1
РД	51,3	60,7	62,2	60,9	60,6	60,4	61,3
КБР	55,3	62,6	62,7	59,4	58,3	57,7	58,7

² Приложение к Демографическому ежегоднику России 2017. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 (дата обращения: 04.11.2018); Возрастные коэффициенты рождаемости [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. Официальный сайт. URL: http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/resources/3561de004f8160709dfdd8250d62a05/Возрастные+коэффициенты+рождаемости.pdf (дата обращения: 02.11.2018); Демографический ежегодник России 2021. Приложение к Демографическому ежегоднику России 2021. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B21_16/Main.htm (дата обращения: 19.12.2023).

Население старше трудоспособного возраста							
РФ	19,0	20,5	22,3	24,6	25,0	25,3	24,0
ЦФО	23,0	23,4	24,8	26,8	27,1	27,3	26,1
ЮФО СКФО	19,1	14,5	15,1	17,0	17,7	18,1	17,2
РД	12,8	10,4	10,8	12,8	13,9	14,3	13,8
КБР	14,9	15,7	16,7	19,1	20,1	20,7	19,7

Составлено по: [Регионы... 2002: 38, 40, 42; Регионы... 2017: 45, 47, 49; Регионы... 2022: 51, 53, 55; а также¹].

Данные таблицы отражают изменения в возрастной структуре населения Кабардино-Балкарской Республики и указывают на несколько важных тенденций, которые произошли за период с 1990 по 2021 г. Во-первых, наблюдается рост доли лиц в трудоспособном возрасте, что может свидетельствовать о некотором экономическом развитии и увеличении числа трудовых ресурсов в регионе. Однако, несмотря на это, доля младших возрастных групп существенно сократилась, что может указывать на изменения в рождаемости как важную тенденцию демографического развития в регионе. Во-вторых, выраженный рост доли лиц старше трудоспособного возраста свидетельствует о процессе старения населения. Это во-многом предопределяет перспективы демографического развития, поскольку существенно влияет на процесс воспроизводства (естественный прирост или убыль) населения и при этом не поддается воздействию мер демографической политики [Берова 2009: 31-32; а также²]. По оценке Ф.Ж. Беровой, следует ожидать глубокой деформации возрастной структуры населения Кабардино-Балкарии и складывания довольно сложной социально-демографической обстановки, чреватой негативными социально-политическими последствиями [Берова 2020: 8, 9].

Специфическим по сравнению с общероссийской ситуацией является вклад миграционных процессов в движение населения. Если в России в целом миграция как бы покрывает естественную убыль населения, то в КБР естественный прирост населения во-многом «съедается» его миграционной убылью (Таблица 16).

¹ Распределение населения по возрастным группам [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 04.11.2018).

² Вишневский А. Возрастная структура населения скоро станет неблагоприятной [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. – 2012. – № 533-534. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0533/demoscope533.pdf> (дата обращения: 03.11.2018).

Таблица 16

Миграция населения КБР (человек)

	1990	2006	2013	2014	2015	2016	2017	2020	2022
Прибыло	23100	7268	12103	12094	11384	11785	11768	11204	10901
Выбыло	21900	10527	18305	15608	14880	14277	14165	12080	14154
Сальдо миграции	1200	-3259	-6202	-3514	-3496	-2492	-2397	-876	-3253

Источники: [Кабардино-Балкарская... 1995: 19; Табаксоев 2016: 174; а также¹].

В 1990 г. еще имело место положительное сальдо миграции, а весь последующий период сохраняется значительный по масштабам республики миграционный отток населения. Судя по данным, миграционные тенденции в Кабардино-Балкарской Республике в значительной степени отражают динамику изменений в обществе и экономике. Отрицательное межобластное миграционное сальдо с 1992 г. может свидетельствовать о различных факторах, таких как экономическая перестройка, экономические трудности и социальная нестабильность после распада Советского Союза, поиски лучших возможностей для жизни и труда в других регионах, а также о социокультурных изменениях. Пандемия коронавируса вызвала заметное сокращение числа выбывших из КБР (с 2,4 тыс. в 2017 до 0,9 тыс. чел. в 2020 г.) однако уже в 2022 г. миграционная убыль населения республики вновь выросла до 3 253 человек.

Весьма показательными для оценки качества рабочей силы и динамизма экономики Кабардино-Балкарской Республики являются данные о направлениях передвижения выбывающих из республики людей (Таблица 17).

¹ Общие итоги миграции [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кабардино-Балкарской Республике. Официальный сайт. URL: http://kbr.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kbr/resources/5011a6004e5efa4abf42ff3a7deadf49/Общие+итоги+миграции.htm (дата обращения: 01.03.2015); Миграция населения Кабардино-Балкарской Республики [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. Официальный сайт. URL: http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/resources/acee38004f8160859e54de8250d62a05/Миграция+КБР+в+2016-2017гг..pdf (дата обращения: 23.09.2018); Демографический ежегодник России 2021. Приложение к Демографическому ежегоднику России 2021. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B21_16/Main.htm (дата обращения: 19.12.2023); Основные потоки миграции населения Кабардино-Балкарской Республики за 2022 года (с учетом новых территорий) [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. Официальный сайт. URL: <https://26.rosstat.gov.ru/folder/29768> (дата обращения: 18.12.2023).

Таблица 17

*Распределение числа выбывших по направлениям передвижения
(в процентах от общего числа выбывших)*

	2005	2010	2015	2019	2020	2021
В пределах региона						
Российская Федерация	55,3	53,3	45,7	43,9	41,7	46,2
Центральный федеральный округ	49,4	45,7	34,2	31,2	28,0	32,9
Калужская область	38,2	33,3	27,7	22,9	27,4	42,2
Северо-Кавказский федеральный округ	55,5	54,8	40,5	40,5	36,7	39,8
Кабардино-Балкарская Республика	49,9	44,1	25,1	24,2	20,8	25,8
В другие регионы России						
Российская Федерация	41,2	45,0	46,4	46,8	46,1	47,6
Центральный федеральный округ	47,3	52,2	56,8	57,1	56,7	58,3
Калужская область	58,4	63,0	47,6	44,3	39,9	40,3
Северо-Кавказский федеральный округ	42,2	44,4	56,6	55,2	52,7	55,8
Кабардино-Балкарская Республика	46,1	54,7	72,9	69,4	57,3	68,4
За пределы России						
Российская Федерация	3,5	1,7	7,9	9,3	12,2	6,2
Центральный федеральный округ	3,3	2,1	9,0	11,7	15,3	8,8
Калужская область	3,4	3,7	24,7	32,8	32,7	17,5
Северо-Кавказский федеральный округ	2,3	0,8	2,9	4,3	10,6	4,4
Кабардино-Балкарская Республика	4,0	1,2	2,0	6,4	21,9	5,8

Источник: [Регионы... 2022: 99, 101, 103].

Таблица демонстрирует, что еще в 2005 г. структура направлений миграции жителей республики была относительно близка к среднероссийской модели. Практически половина миграции происходила внутри региона и почти половина носила межрегиональный характер при незначительной доле выезжающих за пределы России. Происходившие с тех пор изменения этой структуры, в общем и целом, носили сходный характер в стране, федеральных округах и отдельных регионах. Но очевидны и важные отличия ситуации в КБР, особенно выпукло проступающие при сравнении с Калужской областью. Так, доля миграции в пределах региона в Калужской области выросла за 2005-2021 гг. с 38,2 до 42,2 %, а в КБР снизилась с 49,9 до 25,8 %. Доля миграции в другие регионы России в Калужской области снизилась с 58,4 до 40,3 %, тогда как в КБР она выросла с 46,1 до 68,4 %. И там, и там увеличилась доля выезжающих за пределы России, но в Калужской области – с 3,4 до 17,3 %, а в КБР – с 4,0 до 5,8 %. Можно предположить, что здесь проявляется и более динамичное экономиче-

ское и технологическое развитие Калужской области, и более отсталая профессиональная структура рабочей силы в КБР.

Весьма важные выводы следуют из анализа миграционных процессов в республике, осуществленного Ф.Ж. Беровой и А.А. Шериевой [Берова, Шериева 2023]. Они показали, что в 2000-2010-е гг. развиваются одновременно процессы оттока высококвалифицированной молодежи (интеллектуальная миграция, составлявшая в среднем по России в 2002-2016 гг. 19 %, в Кабардино-Балкарии варьировала в пределах 25-53,5 %), русского населения и, в целом, трудоспособного населения в возрасте 20-49 лет (40-60 % выбывающих из республики). Все это способствует ускоренному старению населения и истощению демографического потенциала современного развития региона [Берова, Шериева 2023: 33, 34, 37].

Актуальные проблемы социально-демографического развития

В условиях Кабардино-Балкарии, как и в общем контексте демографических проблем, эффективным в долгосрочном плане может быть, скорее, «качественный», институциональный ответ на вызовы демографической эволюции [Демографическая... 2006: 527-528]. Отсюда – вопрос о «качественных» характеристиках населения региона и социально-демографическом формате регионального развития. В становлении этих качественных характеристик четко выделяются два 30-летних периода – от переписи 1959 до переписи 1989 г. и с переписи 1989 до переписи 2020 г., – демонстрирующие существенное расхождение трендов развития основных показателей социально-культурной модернизации местного общества – урбанизации и уровня образования населения.

На постсоветском этапе развития урбанизационная динамика России в целом и республик Северного Кавказа, в особенности, как бы «застопорилась» (Таблица 18).

Таблица 18

*Удельный вес городского населения в общей численности населения
(1989 – перепись населения; 2000-2020 – оценка на конец года; %)*

	1989	2000	2005	2010	2015	2020
Российская Федерация	73,4	73,2	73,2	73,8	74,1	74,7
Центральный федеральный округ	77,9	79,6	80,4	81,5	82,0	82,4
Калужская область	68,7	74,4	75,2	76,3	76,1	75,8
СКФО	50,8	57,6	49,4	49,2	49,1	50,4
Республика Дагестан	43,2	42,4	43,8	45,2	45,0	45,3
Республика Ингушетия	41,3	42,6	42,5	38,4	41,3	55,7
Кабардино-Балкарская Республика	61,1	56,6	57,7	54,4	52,2	52,0
Карачаево-Черкесская Республика	48,6	43,9	44,4	43,3	42,7	42,9
Республика Северная Осетия - Алания	68,6	66,2	64,3	63,8	64,1	64,3

Чеченская Республика	41,3	33,5	34,8	34,9	34,8	38,0
Ставропольский край	53,9	55,9	56,4	57,2	58,3	59,2

Рассчитано по: [Регионы... 2007: 60; Регионы... 2011: 58; Регионы... 2017: 41; Регионы... 2022: 47; а также¹].

В КБР снижение удельного веса городского населения оказалось за этот период самым значительным среди всех субъектов СКФО – больше 9 процентных пунктов. Речь не идет о возвращении к деревенскому укладу жизни. Продолжается процесс разрастания и «урбанизации» сельских поселений. Свыше 93 % сельского населения республики проживает в крупных поселениях, насчитывающих больше 1000 человек каждое². Вместе с тем, очевидна решающая роль утраты большей части промышленного потенциала в демографической стагнации городов республики и трансформации экономического и социокультурного содержания городской жизни. Социально-демографическим индикатором этого служит динамика численности русского населения. За 1989-2020 гг. оно сократилось на 60,4 тыс., и $\frac{4}{5}$ этого сокращения (48,7 тыс.) приходится на русское население городов республики.

Анализ данных переписей населения 2010 и 2020 гг. позволяет зафиксировать актуальные тенденции изменений в образовательной сфере. По данным за 2010 г. общие показатели уровня образования в республике оставались несколько выше среднероссийских. Однако по всем уровням профессионального образования КБР находилась ниже среднероссийских показателей – 61,4 % против 64,8 %³.

Данные Всероссийской переписи населения 2020 г. не вполне сопоставимы с данными 2010 г. Можно заключить, что основные параметры образовательного уровня населения КБР не претерпели существенных изменений, но их представление в контексте сопоставления с общероссийскими показателями достаточно информативно (Таблица 19).

¹ Оценка численности постоянного населения на 1 января 2018 года и в среднем за 2017 год [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 25.09.2018).

² Всероссийская перепись населения 2020 года. Кабардино-Балкарская Республика. Том 1. Численность и размещение населения [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу: сайт. URL: <https://26.rosstat.gov.ru/folder/77775> (дата обращения 21.01.2023).

³ Всероссийская перепись населения – 2010 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 29.09.2018); Всероссийская перепись населения 2010. Кабардино-Балкарская Республика. Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. Официальный сайт. http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения 02.10.2018).

*Население по уровню образования
(в % от общей численности населения в возрасте 6 лет и более)*

	Всего мужчины и женщины в возрасте 6 лет и более	Указавшие уровень образования	В том числе				
			Имеющие профессиональное образование				Имеющие общее среднее образование
			Кадры высшей квалификации	Высшее	Неполное высшее	Среднее профессиональное	
	Тыс.	Тыс.	В % от указавших уровень образования				
РФ, всего	139 018,2	115 918,0	1,19	22,54	2,10	35,06	16,81
В том числе:							
В трудоспособном возрасте	85 875,3	70 242,6	1,28	29,0	2,79	37,90	18,75
Городское население	104 087,5	82 528,6	1,41	26,42	2,45	35,37	14,78
Сельское население	34 930,7	33 389,4	0,65	12,93	1,22	34,31	21,82
КБР, всего	841,2	832,3	1,01	19,74	1,77	29,39	21,63
В том числе:							
В трудоспособном возрасте	540,0	534,0	1,17	26,00	2,36	33,62	25,36
Городское население	440,9	434,8	1,22	23,09	2,30	31,45	19,29
Сельское население	400,3	397,5	0,79	16,08	1,20	27,12	24,18

Источник: [Всероссийская перепись населения 2020 года. Том 3. Образование¹].

По сравнению с 2010 г. таблица демонстрирует некоторое ухудшение относительных позиций республики в области образованности населения. Охват населения республики профессиональным и общим средним образованием (т.е. за исключением основного, начального и дошкольного) составляет 73,54 %, что ниже показателей по РФ (77,7 %) и Калужской области (80,06 %). Существенно отставание по всем уровням профессионального образования. Более высокие показатели, чем по РФ и Калужской области республика имеет только общему среднему образованию. Сохраняется специфика показателей образовательного уровня сельского населения по сравнению и с ситуацией по России, и по Калужской области, т.е. более высокая доля лиц с высшим образованием.

Интересен вопрос о востребованности экономикой кадров с профессиональным образованием. Имеющиеся данные за 2021 г. о составе занятого населения по

¹ Всероссийская перепись населения 2020 года. Том 3. Образование. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom3_Obrazovanie (дата обращения 20.01.2023).

уровню образования достаточно ясно свидетельствуют, что в целом наличие профессионального образования благоприятствует занятости (Таблица 20).

Сравнение данных таблиц 19 и 20 показывает, что доля лиц с профессиональным образованием среди занятого населения выше, чем их доля среди населения в целом, что вполне естественно. Однако привлекает внимание существенная разница между КБР, с одной стороны, РФ в целом и Калужской областью в некоторых аспектах. Во-первых, по РФ доля лиц с профессиональным образованием в занятом населении на 9,21 процентных пункта (70,69 и 79,9 %), в Калужской области 7,4 процентных пункта (70,50 и 77,9 %) выше, чем их доля в общем населении трудоспособного возраста, а в КБР она больше только на 2 процентных пункта (61,98 и 63,9 %). Во-вторых, и в РФ в целом, и в Калужской области в занятом населении доля лиц со средним профессиональным образованием больше, чем с высшим (45,2 % против 34,7 % по РФ и 47,3 % против 30,6 % в Калужской области). Напротив, в КБР она несколько меньше (31,1 против 32,8 %). Это свидетельствует о заметно меньшей способности экономики поглощать специалистов, а также о более отсталой технической базе производственных отраслей и, соответственно, меньшей потребности в среднем техническом персонале и квалифицированных рабочих.

Таблица 20

*Состав занятого населения по уровню образования в 2021 г.
(по данным выборочных обследований рабочей силы; в процентах к итогу)*

	Занятые – всего	в том числе имеют образование						
		высшее	среднее профессиональное – всего	из него		среднее общее	основное общее	не имеют основного общего
				по программам подготовки специалистов среднего звена	по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих ¹⁾			
РФ	100	34,7	45,2	26,1	19,2	15,9	4,0	0,2
Калужская Область	100	30,6	47,3	27,7	19,6	19,3	2,7	0,1
КБР	100	32,8	31,1	20,2	10,9	32,3	3,7	0,1

Источник: [Регионы... 2022: 140].

В качестве обобщенного показателя демографического потенциала рассматривается индекс человеческого развития (ИЧР), определяемый по совокупности показателей – долголетия, образования и дохода. За 2014-2019 гг. республика по ИЧР опустилась с 74 на 78 место среди субъектов Российской Федерации [Доклад... 2016: 285-287; Индекс... 2021 10-13].

Превращение демографического потенциала в реальный ресурс развития региона в решающей степени определяется сочетанием двух факторов – уровня участия трудоспособного населения в рабочей силе и его распределения по видам экономической деятельности.

Тенденции в этих областях остаются противоречивыми. В течение 2010-х годов отмечается повышение уровня участия населения в рабочей силе после его глубокого спада в предшествующем периоде (Таблица 21).

Таблица 21

*Уровень участия в рабочей силе
(по данным выборочных обследований рабочей силы; в процентах)*

	2005	2010	2014	2015	2016	2019	2020	2021
Российская Федерация	66,0	67,7	68,9	69,1	69,5	62,3	62,0	62,4
Калужская область	68,6	70,6	69,4	69,8	70,7	63,1	63,6	64,5
Северо-Кавказский федеральный округ	62,2	63,9	66,1	65,3	65,6	61,0	59,3	60,4
Кабардино-Балкарская Республика	57,8	58,0	68,1	67,3	68,1	64,8	65,8	65,4

Источник: [Регионы... 2017: 110; Регионы... 2022: 114].

К 2016 г. показатели КБР стали выше средних значений по СКФО. В дальнейшем, особенно с 2019 г. уровень участия в рабочей силе снизился и в целом по стране, и по Калужской области, и по СКФО. В Кабардино-Балкарии эта понижающая тенденция оказалась менее выраженной. Если по РФ в 2021 г. произошло снижение на 7,1 процентных пункта к 2016 г., по Калужской области – на 6,2 и по СКФО – на 5,2 процентных пункта, то по КБР снижение произошло только на 2,7 процентных пункта. В 2021 г. уровень участия в рабочей силе в Кабардино-Балкарии был несколько выше, чем по стране и по Калужской области и заметно выше, чем в среднем по СКФО [Регионы... 2017: 208; Регионы... 2022: 162].

Динамика занятости и безработицы в регионе коррелирует не столько с движением экономической конъюнктуры, сколько со структурными факторами экономического и социального развития. Социально-демографическим выражением этих структурных факторов является, в первом приближении, распределение занятых по видам экономической деятельности (Таблица 22).

Таблица 22

Распределение среднегодовой численности занятых по основным видам экономической деятельности (в процентах от общей численности занятых)

	2010			2016			2021		
	РФ	КО	КБР	РФ	КО	КБР	РФ	КО	КБР
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство	10,0	8,5	21,9	7,7	4,9	20,9	6,3	4,8	19,0
Обрабатывающие производства	15,2	23,8	16,0	14,2	24,0	11,2	14,1	23,3	11,4
Строительство	8,0	8,7	5,1	8,6	9,9	10,7	9,2	10,1	11,3
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	17,9	15,7	12,4	18,9	16,0	16,8	18,7	14,8	16,3
Транспорт и связь	7,9	6,1	4,5	8,3	6,7	5,7	-	-	-
Транспортировка и хранение	-	-	-	-	-	-	8,0	6,7	6,0
Деятельность в области информации и связи	-	-	-	-	-	-	2,2	1,7	1,1
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	8,0	7,8	3,1	9,9	10,1	4,2	2,7*	2,8*	1,2*
Образование	8,7	7,6	11,0	7,7	6,5	8,3	7,5	6,4	8,0
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	6,8	6,1	7,9	6,4	5,2	6,7	6,3	5,3	6,7
*Только операции с недвижимым имуществом									

Составлено по: [Регионы... 2017: 154-155; Регионы... 2022: 126-127].

Доля занятых в сельском хозяйстве и сопряженных отраслях первичного сектора за 1990-2005 гг. выросла на четверть (с 16,2 до 22,2 %), а доля промышленной занятости упала почти в три раза (с 29,6 до 11,3 %). Больше, чем в два раза выросла доля занятых в торговле и сфере бытовых услуг (с 8,0 до 16,8 %), но удельный вес занятости в сферах социальных услуг – образовании и здравоохранении снизился довольно существенно (с 21,4 до 15,0 %) [Кабардино-Балкарская... 1995: 41; Регионы... 2017: 178-179]. Есть основания говорить о деиндустриализации и демодернизации региональной социально-экономической модели Кабардино-Балкарской Республики в постсоветский период.

Сравнение с данными по Калужской области оттеняет этот факт. При сопоставимых демографических масштабах Калужская область не только сохранила индустриальный характер экономики, но демонстрирует дальнейшее дви-

жение в направлении ее модернизации. В экономике Кабардино-Балкарии не наблюдается заметных структурных сдвигов.

Доля занятых в сельском хозяйстве и сопряженных отраслях сократилась за 2010-2021 гг. на 2,9 % (с 21,9 до 19,0 %), доля занятых в обрабатывающих отраслях снизилась на 4,6 % (с 16,0 до 11,4 %) и т.п. Обращает на себя показатель, в котором за 2010 и 2016 гг. операции с недвижимым имуществом объединены с арендой и предоставлением услуг. Последние включают в себя виды деятельности, сосредоточенные в сфере предпринимательской активности, такие как: аренда машин и оборудования, деятельность, связанная с вычислительной техникой, научные исследования и разработки, деятельность в области права, бухгалтерского учета и аудита, консультирование по вопросам коммерческой деятельности и управления предприятием, деятельность в области архитектуры, инженерных изысканий и предоставление технических консультаций и т.д. Исключение этого показателя из статистических данных за 2021 г. позволяет приблизительно оценить место в экономике региона видов экономической деятельности, связанных с современными формами предпринимательства. Значение показателя «Операции с недвижимым имуществом» в 2021 г. снизилось по сравнению с совокупным показателем 2016 г., включавшим аренду и предоставление услуг, по РФ с 9,9 до 2,7 по Калужской области с 10,1 до 2,8, а по КБР с 4,2 до 1,2 %, т.е. на 7,2, 7,3 и 3 процентных пункта, соответственно.

Заключение

Демографическое развитие Кабардино-Балкарии на протяжении истекшего столетия 1920-2020 гг. неразрывно связано с общими процессами экономического и социально-культурного развития региона.

С одной стороны, изменения численности, национального состава, социально-профессиональной структуры, культурного потенциала населения выступают как функция процессов индустриализации, урбанизации, социальной и культурной политики государства. С другой – наличный социально-демографический формат населения на каждом этапе выступает одновременно как ресурс и ограничитель социально-экономического развития.

На протяжении 1920-1950-х гг. произошли реальные сдвиги в индустриальном развитии республики и в машинно-технической базе аграрного производства. Однако опережающим фактором социально-культурной модернизации выступал все более широкий охват новых поколения общим и профессиональным образованием. Можно говорить о культурно-психологическом приобщении местного населения к социальным практикам и формам бытового и культурного потребления, характерным для современного общества. В 1960-1980-е гг. происходит реальная и интенсивная модернизация социально-экономических структур (урбанизация, индустриализация) и подлинная революция в культуре этнических обществ Кабардино-Балкарии. Изменения социально-экономических структур и социокультурных институтов в этот период по-прежнему определяются государственной политикой в области экономики, образования и культуры. Но набирает силу и эндогенный процесс внутренней модернизационной перестройки местных этнических обществ. Производствен-

ный базис и социальная структура региона приобрела сложный, дифференцированный характер.

Социально-экономическая модернизация советского периода сопровождалась модернизацией демографической. Население республики быстро росло и приобретало новый социокультурный облик, становясь более разнообразным по этническому составу, городским по поселенческой структуре и образу жизни, сопоставимым с общероссийскими параметрами по уровню образования, диверсифицированным и современным по социально-профессиональной структуре, завершающим демографический переход по модели воспроизводства населения.

Однако переход от советской к постсоветской общественной и государственной системе сопровождался не просто глубоким экономическим спадом, но явлениями структурной деиндустриализации и демодернизации. Отражением этих социально-экономических условий выступает амбивалентность демографической ситуации – существенное замедление естественного прироста и старение населения, смещение возрастного распределения вступления в брак и рождения детей в сторону старших возрастов, смена вектора миграционных процессов с притока на отток, снижение удельного веса городского населения, сокращение промышленной занятости, сокращение русского населения, достижение плато в динамике и ухудшение сравнительных показателей уровня образования. В целом, малоподвижность экономической жизни коррелирует с малоподвижностью социально-демографического формата населения Кабардино-Балкарии.

В этих условиях ключевое значение на перспективу взаимодействия демографии и регионального развития приобретают два вопроса. Во-первых, будет ли сформирована государственная политика региональной модернизации, которая отвечала бы современным тенденциям глобального научно-технологического развития, стимулировала бы инновационную предпринимательскую активность и, вместе с тем, носила бы стратегически последовательный характер. Во-вторых, способен ли наличный человеческий потенциал республики воспринять цели стратегии регионального инновационного развития, активно включиться в ее реализацию и гарантировать достижение ее целей.

Связующим звеном, обеспечивающим синергию активности общенационального политического и регионального социального субъектов инновационного развития, может стать властно-управленческая система республики, если она предпримет необходимые усилия по достройке региональной инновационной системы. Она необходима, чтобы транслировать стратегические импульсы национальных программ и институтов в экономико-социальную среду региона, организовать и мобилизовать его внутренний человеческий потенциал. А ключевым социальным институтом, формирующим социокультурный базис инновационного прорыва, выступает научно-образовательная система региона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Берова 2009 – *Берова Ф.Ж.* Результаты прогноза динамики возрастной структуры населения КБР // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2009. – № 6 (32). – С. 25-34.

Берова 2020 – *Берова Ф.Ж.* Возрастная структура населения и ее роль в социально-экономическом развитии региона // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН.* – 2020. – № 1 (93). – С. 3-10. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-1-93-3-10.

Берова, Шериева 2023 – *Берова Ф.Ж., Шериева А.А.* Миграционные процессы на Северном Кавказе и возможные их последствия (на примере Кабардино-Балкарской Республики) // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН.* – 2023. – № 3 (113). – С. 30-39. DOI: 10.35330/1991-6639-2023-3-113-30-39.

Всесоюзная... 1928 – *Всесоюзная перепись населения 1926 года.* Т.V. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. – М.: ЦСУ Союза ССР, 1928. – 486 с.

Всесоюзная... 1929 – *Всесоюзная перепись населения 1926 года.* Т.XXII. РСФСР. Занятия. – М.: ЦСУ Союза ССР, 1929. – 516 с.

Всесоюзная... 1930 – *Всесоюзная перепись населения 1926 года.* Т.XXVI. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. Отдел II. Занятия. – М.: ЦСУ Союза ССР, 1930. – 209 с.

Всесоюзная... 1999 – *Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги.* Россия. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. – 208 с.

Демографическая... 2006 – *Демографическая модернизация России, 1900–2000* / Под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.

Демографический... 2021 – *Демографический ежегодник России.* 2021: Стат. сб./ Росстат. – М., 2021. – 256 с.

Демографический... 2023 – *Демографический ежегодник России.* 2023: Стат. сб. – М.: Росстат, 2023. – 256 с.

Денисова 1996 – *Денисова Г.С.* Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. пед. Ун-та, 1996. – 224 с.

Доклад... 2016 – *Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год* / под ред. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016. – 298 с.

Индекс... 2021 – *Индекс человеческого развития в России: региональные различия.* – М.: Аналитический центр при правительстве Российской Федерации, 2021. – 22 с.

Итоги... 1963а – *Итоги* всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (сводный том). – М.: Госстатиздат, 1963. – 284 с.

Итоги... 1963б – *Итоги* всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. – М.: Госстатиздат, 1963. – 456 с.

Итоги... 1973 – *Итоги* Всесоюзной переписи населения 1970 года: в 7 т. Т. 4: Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. – М.: Статистика, 1973. – 647 с.

Итоги... 1989 – *Итоги* Всесоюзной переписи населения 1979 года: Т. 4: Национальный состав населения СССР. Часть I. Распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и автономных округов по национальности и языку. Книга I. – М.: Госкомстат СССР, 1989. – 479 с.

Кабардино-Балкария... 1998 – *Кабардино-Балкария* в цифрах. Статистический ежегодник 1998. – Нальчик: Госкомстат КБР, 1998. – 249 с.

Кабардино-Балкарская... 1995 – *Кабардино-Балкарская Республика* 1994. Статистический ежегодник. – Нальчик: Госкомстат КБР, 1995. – 240 с.

Карданов 1976 – *Карданов А.Т.* Рабочий класс Кабардино-Балкарии в период строительства социализма (1920-1937). – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 304 с.

Карданов 1984 – *Карданов А.Т.* Рабочий класс Кабардино-Балкарии (1938-1980). – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 352 с.

Краткая... 1991а – *Краткая* социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Часть I. – М.: Росинформцентр, 1991. – 209 с.

Краткая... 1991б – *Краткая* социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Часть II. – М.: Росинформцентр, 1991. – 251 с.

Национальный... 1990 – *Национальный* состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). – М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. – 747 с.

Прогнозирование... 2010 – *Прогнозирование* демографических процессов и анализ их взаимосвязи с социально-экономическим развитием региона. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2010. – 176 с.

Регионы... 2002 – *Регионы* России. Социально-экономические показатели. 2002: Стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2002. – 863 с.

Регионы... 2004 – *Регионы* России. Социально-экономические показатели. 2004: Стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2004. – 966 с.

Регионы... 2007 – *Регионы* России. Социально-экономические показатели. 2006: Стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2007. – 981 с.

Регионы... 2010 – *Регионы* России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2010. – 996 с.

Регионы... 2011 – *Регионы* России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2011. – 990 с.

Регионы... 2017 – *Регионы* России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2017. – 1402 с.

Регионы... 2020 – *Регионы* России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2020. – 1242 с.

Регионы... 2022 – *Регионы* России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2022. – 1122 с.

Табаксоев 2016 – *Табаксоев И.А.* Миграционные процессы в современной Кабардино-Балкарии: основные факторы и тенденции // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2016. – № 2(70). – С. 171-177.

Хашхожева 1984 – *Хашхожева Т.А.* Экономическая эффективность промышленного производства Кабардино-Балкарской АССР. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 207 с.

REFERENCES

BEROVA F.Zh. *Rezultaty prognoza dinamiki vozrastnoi struktury naseleniya KBR* [The results of the forecast of population age structure of the KBR]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2009. – № 6(32). – P. 25-34. (In Russ.).

BEROVA F.ZH. *Vozrastnaya struktura naseleniya i ee rol' v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii regiona* [Age structure of the population and its role in the socio-economic development of the region]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2020. – № 1 (93). – S. 3-10. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-1-93-3-10 (In Russ.).

BEROVA F.ZH., SHERIEVA A.A. *Migratsionnye protsessy na Severnom Kavkaze i vozmozhnye ikh posledstviya (na primere Kabardino-Balkarskoi Respubliki)* [Migration processes in the North Caucasus and their possible consequences (using the example of the Kabardino-Balkarian Republic)]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2023. – № 3 (113). – S. 30-39. DOI: 10.35330/1991-6639-2023-3-113-30-39 (In Russ.).

Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000 / Pod red. A.G. Vishnevskogo [Demographic modernization of Russia, 1900-2000 / A.G. Vishnevsky ed.]. – М.: Novoe izdatel'stvo, 2006. – 608 p. (In Russ.).

Demograficheskii ezhegodnik Rossii. 2005 [Russia's demographic yearbook 2005]: Stat. sb. / Rosstat. – М., 2005. – 595 p. (In Russ.).

Demograficheskii ezhegodnik Rossii. 2021 [Russia's demographic yearbook 2021]: Stat. sb. / Rosstat. – М., 2021. – 256 p. (In Russ.).

Demograficheskii ezhegodnik Rossii. 2023 [Russia's demographic yearbook 2023]: Stat. sb. / Rosstat. – M., 2023. – 256 p. (In Russ.).

DENISOVA G.S. *Etnicheskii faktor v politicheskoi zhizni Rossii 90-kh godov* [The ethnic factor in the political life of Russia in the 90s]. – Rostov n/D.: Izd-vo Rost. ped. Un-ta, 1996. – 224 p. (In Russ.).

Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossiiskoi Federatsii za 2016 god / pod red. S.N. Bobyleva i L.M. Grigor'eva [Report on human development in Russian Federation 2016 / S.N. Bobylev and L.M. Grigor'ev eds.]. – M.: Analiticheskii tsentr pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, 2016. – 298 p. (In Russ.).

Itogi vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1959 goda. SSSR (svodnyi tom) [Results of the all-union census of population 1959. USSR (consolidated volume)]. – M.: Gosstatizdat, 1963. – 284 p. (In Russ.).

Itogi vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1959 goda. RSFSR [Results of the all-union census of population 1959. RSFSR]. – M.: Gosstatizdat, 1963. – 456 p. (In Russ.).

Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1970 goda. V 7 t. T.4: Natsional'nyi sostav naseleniya SSSR, soyuznykh i avtonomnykh respublik, kraev, oblastei i natsional'nykh okrugov [Results of the all-union census of population 1970. In 7 vols. Vol. 4: National composition of the population of the USSR, union and autonomous republics, territories, regions and national areas]. – M.: Statistika, 1973. – 647 p. (In Russ.).

Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1979 goda: T. 4: Natsional'nyi sostav naseleniya SSSR. Chast' I. Raspreделение naseleniya SSSR, soyuznykh i avtonomnykh respublik, kraev, oblastei i avtonomnykh okrugov po natsional'nosti i yazyku. Kniga I [Results of the 1979 All-Union Population Census: Vol. 4: National composition of the population of the USSR. Part I. Distribution of the population of the USSR, union and autonomous republics, territories, regions and autonomous districts by nationality and language. Book I]. – M.: Goskomstat SSSR, 1989. – 479 p. (In Russ.).

Kabardino-Balkariya v tsifrakh. Statisticheskii ezhegodnik 1998 [Kabardin-Balkaria in figures. Statistical yearbook 1998]. – Nal'chik: Goskomstat KBR, 1998. – 249 p. (In Russ.).

Kabardino-Balkarskaya Respublika 1994. Statisticheskii ezhegodnik [Kabardin-Balkar Republic 1994. Statistical yearbook]. – Nal'chik: Goskomstat KBR, 1995. – 240 p. (In Russ.).

KARDANOV A.T. *Rabochii klass Kabardino-Balkarii v period stroitel'stva sotsializma (1920-1937)* [The working class of Kabardino-Balkaria during the construction of socialism (1920-1937)]. – Nal'chik: El'brus, 1976. – 304 p. (In Russ.).

KARDANOV A.T. *Rabochii klass Kabardino-Balkarii (1938-1980)* [The working class of Kabardino-Balkaria (1938-1980)]. – Nal'chik: El'brus, 1984. – 352 p. (In Russ.).

KHASHKHOZHHEVA T.A. *Ekonomicheskaya effektivnost' promyshlennogo proizvodstva Kabardino-Balkarskoi ASSR* [Economic efficiency of industrial production in the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic]. – Nal'chik: El'brus, 1984. – 207 p. (In Russ.).

Kratkaya sotsial'no-demograficheskaya kharakteristika naseleniya RSFSR po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1989 goda. Chast' I [Brief socio-demographic description of RSFSR's population by the data of All-union census of population of 1989. Part I.]. – M.: Rosinformtsentr, 1991. – 209 p. (In Russ.).

Kratkaya sotsial'no-demograficheskaya kharakteristika naseleniya RSFSR po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1989 goda. Chast' II [Brief socio-demographic description of RSFSR's population by the data of All-union census of population of 1989. Part II.]. – M.: Rosinformtsentr, 1991. – 251 p. (In Russ.).

Natsional'nyi sostav naseleniya RSFSR (po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1989 g.) [National composition of the population of the RSFSR (by the data of the All-union census of population of 1989)]. – M.: Rosinformtsentr, 1990. – 747 p. (In Russ.).

Prognozirovanie demograficheskikh protsessov i analiz ikh vzaimosvyazi s sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem regiona [Prognostication of demographic processes and analysis of their interconnection with socio-economic development of the region]. – Nal'chik: Izdatel'stvo KBNTs RAN, 2010. – 176 p. (In Russ.).

Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2002: Stat. sb. [Regions of the Russia. Socio-economic indicators. 2002: Statistical bulletin]. – M.: Goskomstat Rossii, 2002. – 863 p. (In Russ.).

Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2004: Stat. sb. [Regions of the Russia. Socio-economic indicators. 2004: Statistical bulletin]. – M.: Goskomstat Rossii, 2004. – 966 p. (In Russ.).

Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2007: Stat. sb. [Regions of the Russia. Socio-economic indicators. 2006: Statistical bulletin]. – M.: Goskomstat Rossii, 2007. – 981 p. (In Russ.).

Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2010: Stat. sb. [Regions of the Russia. Socio-economic indicators. 2010: Statistical bulletin] – M.: Goskomstat Rossii, 2010. – 996 p. (In Russ.).

Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2011: Stat. sb. [Regions of the Russia. Socio-economic indicators. 2011: Statistical bulletin]. – M.: Goskomstat Rossii, 2011. – 990 p. (In Russ.).

Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2017: Stat. sb. [Regions of the Russia. Socio-economic indicators. 2017: Statistical bulletin]. – M.: Goskomstat Rossii, 2017. – 1402 p. (In Russ.).

Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2020: Stat. sb. [Regions of the Russia. Socio-economic indicators. 2020: Statistical bulletin]. – M.: Goskomstat Rossii, 2020. – 1242 p. (In Russ.).

Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2022: Stat. sb. [Regions of the Russia. Socio-economic indicators. 2022: Statistical bulletin]. – M.: Goskomstat Rossii, 2022. – 1122 p. (In Russ.).

TABAKSOEV I.A. *Migratsionnye protsessy v sovremennoi Kabardino-Balkarii: osnovnye faktory i tendentsii* [Migration processes in contemporary Kabardino-Balkaria: the main factors and trends]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2016. – № 2 (70). – P. 171-177. (In Russ.).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. T.V. Krymskaya ASSR. Severo-Kavkazskii krai. Dagestanskaya ASSR [All-union census of population of 1926. Vol. 5. Crimean ASSR. North Caucasus Territory. Daghestan ASSR]. – M.: TsSU Soyuza SSR, 1928. – 486 p. (In Russ.).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. T. XXII. RSFSR. Zanyatiya [All-union census of population of 1926. Vol. 22. RSFSR. Occupations]. – M.: TsSU Soyuza SSR, 1929. – 516 p. (In Russ.).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. T. XXVI. Krymskaya ASSR. Severo-Kavkazskii krai. Dagestanskaya ASSR. Otdel II. Zanyatiya [All-union census of population of 1926. Vol. 26. Crimean ASSR. North Caucasus Territory. Daghestan ASSR. Part II, Occupations]. – M.: TsSU Soyuza SSR, 1930. – 209 p. (In Russ.).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda: Osnovnye itogi. Rossiya [All-union census of population of 1939: The main results. Russia]. – SPb.: Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr BLITs, 1999. – 208 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Х. Боров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

A.Kh. Borov – Candidate of Historical Sciences, associate professor.

Статья поступила в редакцию 10.05.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 10.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Научная статья
УДК 93/94
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-161-176
EDN: DTRXXY

ДАГЕСТАН В СОСТАВЕ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Руслан Ибрагимович Сефербеков¹,
Юсуп Абдусаламович Магомедов²,
Магомедхабиб Русланович Сефербеков³

^{1,2,3} Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала,
Россия.

¹ ruslan.seferbekov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0901-8499>.

² yusup_103@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2957-8848>.

³ deadromance3@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5714-8178>.

Аннотация: В статье освещаются экономические и политические последствия вхождения Дагестана в состав России начиная с момента окончания Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе и вплоть до нашего времени. Это событие имело большое прогрессивное значение для судеб дагестанских народов. Находившиеся на стадии феодализма народы Дагестана были втянуты в экономическое, правовое и культурное поле капиталистической России, что предопределило бурное развитие в крае буржуазных отношений в промышленности и аграрной сфере. Будучи частью Российской империи, а впоследствии и СССР, дагестанцы принимали активное участие во всех значимых общественно-политических событиях страны. Особенно большой расцвет экономики и культуры Дагестана наблюдался в 1960–1980-е гг. После распада Советского Союза и смены парадигмы государственного и общественного устройства России народы Дагестана выразили своё желание оставаться в её составе. В новой геополитической ситуации Дагестан оказался самым южным форпостом России, через который Российская Федерация защищает свои геоэкономические и геостратегические интересы в регионе.

Ключевые слова: история Дагестана, Дагестан, дагестанцы, советский период, новое время, новейшее время, интеграция.

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00208, <https://rscf.ru/project/23-28-00208/>.

Для цитирования: Сефербеков Р.И., Магомедов Ю.А., Сефербеков М.Р. Дагестан в составе России: основные этапы и опыт политической, экономической и культурной интеграции // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 161-176. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-161-176. EDN: DTRXXY.

© Сефербеков Р.И., Магомедов Ю.А., Сефербеков М.Р., 2024

Original article

DAGESTAN AS PART OF RUSSIA: THE MAIN STAGES AND EXPERIENCE OF POLITICAL, ECONOMIC AND CULTURAL INTEGRATION

Ruslan I. Seferbekov¹,
Yusup A. Magomedov²,
Magomedhabib R. Seferbekov³

^{1,2,3} Dagestan Federal Research Center RAS, Makhachkala, Russia.

¹ ruslan.seferbekov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0901-8499>.

² yusup_103@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2957-8848>.

³ deadromance3@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5714-8178>.

Abstract. The article highlights the economic and political consequences of Dagestan's entry into Russia, starting from the end of the Caucasian War in the North-Eastern Caucasus and up to our time. This event had great progressive significance for the destinies of the Dagestan peoples. The peoples of Dagestan, who were at the stage of feudalism, were drawn into the economic, legal and cultural field of capitalist Russia, which predetermined the rapid development of bourgeois relations in the region in industry and the agricultural sector. Being part of the Russian Empire, and subsequently the USSR, Dagestanis took an active part in all significant socio-political events in the country. A particularly great flourishing of the economy and culture of Dagestan was observed in the 1960–1980s. After the collapse of the Soviet Union and a paradigm shift in the state and social structure of Russia, the peoples of Dagestan expressed their desire to remain part of it. In the new geopolitical situation, Dagestan turned out to be the southernmost outpost of Russia, through which the Russian Federation protects its geoeconomic and geostrategic interests in the region.

Keywords: the history of Dagestan, Dagestan, Dagestanis, the Soviet period, modern times, modern times, integration.

Gratitude: The study was supported by the Russian Science Foundation grant. No. 23-28-00208, <https://rscf.ru/project/23-28-00208/>.

For citation: Seferbekov R.I., Magomedov Yu.A., Seferbekov M.R. Dagestan as part of Russia: the main stages and experience of political, economic and cultural integration. In: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 161-176. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-161-176. EDN: DTRXXY.

© Seferbekov R.I., Magomedov Yu.A., Seferbekov M.R., 2024

Введение

В 2024 г. исполняется 165 лет со дня окончательного вхождения Дагестана в состав России. Этот период сопровождался многочисленными историческими событиями, каждому из которых можно посвятить отдельную статью или даже монографию.

Целью данной статьи является обзор наиболее значимых общественно-политических, социально-экономических и культурных мероприятий, в которые были втянуты народы Дагестана после включения края в состав Российской империи, СССР и Российской Федерации. Для этого были поставлены следующие задачи: освещение причин и последствий присоединения Дагестана к России, вовлечения его населения в экономическое, политическое и правовое пространство Российской империи; рассмотрение результатов воздействия на республику советских и российских модернизаций.

Актуальность статьи диктуется важностью роли Дагестана – самого южного форпоста России, значимостью для российской и мировой геополитики этой

самой большой по территории и населению республики Северного Кавказа в условиях сложной экономической и политической ситуации в мире, связанной с глобальными вызовами современности; объявленными Россией её геополитической конкурентами санкциями; проводимой на Украине специальной военной операцией; процессом складывания нового многополярного мира, в котором Российская Федерация является равноправным партнером других мировых политических игроков.

Вопросы вхождения Дагестана и Северного Кавказа в состав России и последствия этого события для судеб народов северокавказского региона были предметом изучения советской и российской историографии [История народов Северного Кавказа... 1988; История Дагестана... 2004; Ахмадов, Хасмагоматов 2005; Арухов 2006; Османов 2006; Османов 2007; Карпов 2007; Кавказская война... 2014; Булатов и др. 2018; Сефербеков, Халидова 2018; Сефербеков, Халидова 2019; Мирзоев 2021]. В новейшее время в ознаменование 150-летия вхождения Дагестана в состав России этой проблеме была посвящена специальная коллективная монография [История многовековых... 2009]. Однако 160-летие окончания Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе и 165-летие его прекращения на Северо-Восточном Кавказе оказалось практически незамеченными. В Республике Абхазия эти знаменательные даты в какой-то мере затрагивались на международной научной конференции «Кавказской война: уроки истории и современность» (20–23 мая 2024, г. Сухум: Общественная палата РФ; Абхазский государственный университет; Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа). Наше небольшое исследование также посвящено этой проблеме, чем определяется его научная новизна. Новизна работы заключается в постановке проблемы, подборе и вовлечении в научный оборот новых литературных источников, анализе демографической ситуации с момента включения Дагестана в состав России, экономических, политических и культурных последствий этого события для народов Дагестана, оригинальных выводах и обобщениях.

При написании статьи были применены специальные методы исторической науки: историко-генетический метод позволил выявить причинно-следственные связи при исследовании происшедших в Дагестане трансформаций в общественном строе, экономическом укладе и культурной жизни в различные исторические периоды; метод диахронного анализа и исторической периодизации дал возможность разделить исторический процесс нахождения Дагестана в составе России на ряд последовательно сменяющихся общественных периодов (новое, советское и новейшее время); историко-системный подход обеспечил изучение морфологии и генезиса исторических событий прошлого и настоящего как целостной исторической системы; ретроспективный метод способствовал последовательному погружению в историческое прошлое для выяснения причин современных событий.

Практическая значимость нашей работы заключается в том, что её материалы и выводы могут быть использованы в обобщающих трудах по истории России и Северного Кавказа при оценке событий, касающихся окончания Кавказской войны и последствий этого факта для судеб народов этого региона.

Дагестан в составе России в новое, советское и новейшее время

События второй половины XIX в. – завершение в 1859 г. Кавказской войны на Восточном Кавказе и в 1864 г. – на Западном Кавказе – привели к окончательному присоединению Северного Кавказа к Российской империи [История народов Северного Кавказа... 1988: 184-201]. Следует отметить, что военные события на Кавказе в 20–60-х гг. XIX в., противостояние России с горскими обществами, «военно-теократическим государством «имамат Шамиля» на Северо-Восточном Кавказе [История народов Северного Кавказа... 1988: 136-161] и с адыгами Северо-Западного Кавказа [История народов Северного Кавказа... 1988: 161-172] получили неоднозначную оценку в дореволюционной [Фадеев 1860; Каспари 1904], советской [Народно-освободительное... 1989] и новейшей российской [Блиев, Дегоев 1994; Покровский 2000; Кавказская война... 2014] и зарубежной [Гаммер 1998] литературе.

Нанесшее огромный урон генофонду народов Дагестана и завершившееся победой русского оружия многолетнее кровавое противостояние между Россией и имаматом Шамиля имело тяжелые экономические и психологические последствия для горцев Дагестана [Османов 2011: 108]. Состояние фрустрации, охватившее дагестанское общество, выразилось во всевозможных слухах о том, что русские готовят наложение непомерных податей, рекрутский набор горцев, притеснение мусульманской религии, христианизацию Кавказа с целью постепенного обрусения «туземцев», их обезоруживания [История многовековых... 2009: 160].

Следует подчеркнуть, что, несмотря на насильственный характер интеграции в состав Российской империи, Дагестан получил мощный импульс для своего последующего развития. До присоединения к России это был край, раздробленный на ряд феодальных образований и союзов вольных обществ [Алиев 2006; Алиев 2011] с ярко выраженными пережитками родоплеменных отношений и многоукладной экономикой. Поэтапное проникновение элементов капиталистических отношений постепенно разрушило феодальные формы хозяйствования и вековую патриархальную замкнутость, а следовательно, ускорило социально-экономическое развитие Дагестана [История многовековых... 2009: 161].

С окончанием военных действий на Кавказе в рамках единой империи начинается период «реформаторской» деятельности, направленной на унификацию институтов управления Дагестаном [История многовековых... 2009]: «всё реальнее стала проявляться цивилизующая роль России практически во всех сферах жизни дагестанцев и северокавказцев» [Кавказская война... 2006: 486]. Эта унификация выразилась в проведении административно-судебной (создание Дагестанской области, судебная реформа, ликвидация ханств и рабства, реформа сельского управления) и аграрной реформ [История Дагестана... 2004: 534–549].

Несмотря на поражение горцев в Кавказской войне, как это ни парадоксально, перед ними открылась широкая историческая перспектива, навсегда избавившая от притязаний со стороны Ирана и Турции, ускорив поступательное движение истории народов региона к новым более высоким экономическим, социальным и духовным рубежам [Кавказская война... 2006: 485].

С включением Северного Кавказа в административно-политическую систему Российской империи военная культура горцев утратила социокультурный контекст, в котором она культивировалась столетиями. Часть горской аристократии нашло возможность реализации своей генетической предрасположенности к военной деятельности путем поступления на российскую военную службу или в местные правоохранительные органы. Способом реализации своего воинского духа стало для них участие в военных кампаниях России, в службе в различных воинских соединениях, формировавшихся российским правительством.

Российские идеологические и институциональные армейские принципы и атрибуты (субординация, присяга, честь, долг) в какой-то мере были идентичны принципам кодекса чести горцев Северного Кавказа. Выраженные в офицерских званиях и наградах новые маркеры воинских достижений приобрели высокую престижность. Они заменили прежние традиционные стимулы в виде славы, почета, увековечивания подвигов в величальных, историко-героических песнях и др. проявлениях общественного призвания [Мирзоев 2021: 358].

Вместе с тем в 60–70-е гг. XIX в. на Северном Кавказе обострились классовые противоречия, результатом которых явились многочисленные выступления народных масс. Горское крестьянство было недовольно ростом феодальных податей и повинностей, налоговым прессом самодержавия, гнётом и насилием феодалов, и произволом царских чиновников. Недовольны были и некоторые представители класса феодалов, чьи права были ущемлены самодержавием [История народов Северного Кавказа... 1988: 288]. Власти стремились ограничить влияние шариата и заменить его адатом, что существенно задевало интересы исламского духовенства. Их оппозиционность по отношению к самодержавию объяснялась боязнью лишиться политических и экономических привилегий [Мусаев 2005: 77].

Эмиссары зарубежных государств, прежде всего Турции и Англия, также плели сеть заговоров на Северном Кавказе. Их подрывная деятельность особенно усилилась в канун и начало русско-турецкой войны [История народов Северного Кавказа... 1988: 288]. В этой обстановке летом 1877 г. в Чечне и Дагестане вспыхнуло восстание, которое осенью того же года было жестоко подавлено царской администрацией [История народов Северного Кавказа... 1988: 289–290; Османов 2011: 133].

Несовпадение интересов главных движущих сил антифеодального и антиколониального восстания было одной из причин его поражения [История многовековых... 2009: 244]. Анализ восстания 1877–1878 гг. в Дагестане и Чечне свидетельствует о том, что оно было обречено на поражение. Несмотря на элементы крестьянской войны, это восстание так и не приобрело характера общенационального движения: подавляющая часть горцев Дагестана и Чечни видела перспективу в дальнейшей интеграции с Россией [Ахмадов, Хасмагомадов 2005: 385].

На рубеже двух столетий в социально-экономической и политической жизни дагестанцев произошли серьезные изменения: завершилось военное завоевание Дагестана Российской империей, окончательно была ликвидирована феодальная раздробленность, образована единая административная система в

рамках областного военно-народного управления. Вовлечение народов края в водоворот российского капитализма являлся главной причиной развития Дагестана в этот период. Складывавшаяся веками феодальная модель хозяйственной и общественной жизни подверглась коренной перестройке. Главными признаками проникновения капиталистических отношений в социально-экономическую жизнь народов Дагестана явились появление городов [Гарунова 2007] и фабрично-заводской промышленности, проникновение капитализма в аграрное производство, появление новых характерных для рыночного хозяйства сословно-классовых структур [История Дагестана... 2005: 19–20].

В начале XX в. находящийся в составе России Дагестан всё сильнее втягивался на путь капиталистического развития. Однако буржуазные отношения в сельском хозяйстве Дагестане развивались медленно, трудно и он оставался слаборазвитой аграрной окраиной России [Османов 2006: 591].

Большое влияние на общественно-политическую и социально-экономическую ситуацию в Дагестане оказали Великая Октябрьская революция [Аликберов 1962; Сефербеков, Халидова 2018: 137–142] и Гражданская война [Тахо-Годи 1927; Аликберов и др. 1960; Гаджимурадова 2022].

Следует отметить, что установление советской власти в Дагестане носило ожесточенный характер [Тодорский 1924]: в 1920–1925 гг. вспыхнуло несколько антисоветских восстаний, руководимых представителями мусульманского духовенства и бывшими царскими офицерами. Причинами восстания были злоупотребления новых властей, политика продразвёрстки и террора. Восстание охватило половину Дагестана, а в январе 1921 г. распространилось на горную часть соседней Чечни [Чернобаев 1984; Bennigsen-Broxup 1992: 112–145; Карпов 2007; Какагасанов и др. 2019: 35–46; Доного 2022: 306–316].

Большое влияние на ускорение темпов роста промышленности и сельского хозяйства Дагестана в годы НЭПа и первые десятилетия советской власти оказали модернизационные процессы [Сефербеков, Халидова 2019: 163–168], в которых неоценимую помощь оказал братский русский народ [Гусейнов 1989: 71–74].

Темпы роста производства промышленной продукции в Дагестане были даже выше, чем в целом по стране: ежегодный её прирост в республике за 1932–1937 гг. в среднем составлял 21,9 %, в то время как по СССР – 17,1 %. В 1937 г. в Дагестане функционировало 205 крупных и 1534 мелких предприятий, на которых работали 26 тыс. человек, 40 % которых представляли коренные народы республики. Модернизация не обошла и сельское хозяйство. Она была направлена на обеспечение населения продовольствием и промышленным сырьём [Османов 2006: 591].

Решение этой задачи виделось в объединении на добровольных началах мелкокрестьянских хозяйств в крупные коллективные. На практике коллективизация была осуществлена в основном командно-административными методами, обеспечивающими её проведение форсированными методами. В результате этого к 1937 г. в Дагестане коллективизация была в основном завершена. Колхозы страны обеспечили необходимое производство товарного зерна, значительная часть которого шла на экспорт за границу. На вырученные от продажи зерна средства приобретались необходимые для индустриализации страны

машины и оборудование. В этом плане коллективизацию можно считать одним из рычагов большевистской модернизации [Османов 2006: 592].

Форсирование темпов коллективизации и перегибы при её проведении в Дагестане привели к антиколхозным выступлениям [Коллективизация... 2007].

Не обошли стороной Дагестан и репрессии 30-х гг. XX в. [Репрессии... 1997].

Особенно большие испытания на долю советского народа выпали в годы Великой Отечественной войны, в которой дагестанцы приняли активное участие: десятки тысяч жителей Дагестана ушли на фронт, а народное хозяйство республики было перестроено на военный лад, трудящиеся были мобилизованы для оказания помощи фронту, эвакуированному населению, семьям военнослужащих и освобожденным районам страны [Дагестан в годы...1995; Дагестанцы на фронте... 2000; Народы Дагестана в годы... 2005].

В годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.) дагестанцы восстанавливали пострадавшее от войны народное хозяйство республики и страны [История Дагестана...2005: 298–313], а в пятую, шестую пятилетки и в семилетку – существенно нарастили темпы экономического роста [История Дагестана...2005: 313–331].

В целом вторую половину XX в. – 1987 г. (время относительной общественно-политической и социально-экономической стабильности) можно считать периодом наивысшего расцвета экономики и культуры Дагестана [Булатов и др. 2018: 131–156]. В эти годы высокими темпами развивались промышленность и сельское хозяйство, социальная, культурная и образовательная сфера республики [Даниялов 1966; Османов, Искендеров 1997; Мирзабеков 1998; Амирханова 2000; Мирзабеков и др. 2007; Искендеров, Талибова 2007; Кайма-разов 2013].

Начавшаяся во второй половине 80-х гг. XX в. «перестройка», направленная на ускорение социально-экономического развития СССР, привела к совершенно иным результатам и завершилась распадом Советского Союза. В результате страна в своем экономическом развитии скатилась назад и вернулась на стадию примитивного капитализма.

Провозглашение государственного суверенитета Российской Федерации стало началом нового этапа российской истории. Политические процессы, происходившие на Северном Кавказе вслед за суверенитетом России, приобрели этнический характер. Во всех республиках кроме Дагестана была принята президентская форма правления во главе с избираемым главой республики. В Дагестане дольше всех в регионе сохранялись советские органы власти. Постановлением Съезда Народных депутатов ДСССР от 13.05.1991 г. «О государственном статусе Дагестанской АССР» Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика была преобразована в Дагестанскую Советскую Социалистическую Республику – Республику Дагестан в составе РСФСР¹, а Верховный Совет был преобразован в Народное Собрание. Высшим органом

¹ Постановление от 13 мая 1991 года о Государственном статусе Дагестанской АССР [Электронный ресурс] // Портал dagestan.newscity.info; URL: https://archive.ph/20120709161644/http://dagestan.newscity.info/docs/sistemsq/dok_ieqdggo.htm (дата обращения: 05.06. 2012).

исполнительной власти стал Государственный Совет (1994–2006)¹, в который входили представители 14 коренных народностей. Главой республики являлся председатель Госсовета. В начале XXI в. Дагестан также перешел к президентской форме правления, сравнявшись с остальными республиками Северного Кавказа [Османов 2007: 592].

В новой геополитической ситуации Дагестан оказался самым южным форпостом России, граничащим с Азербайджаном и Грузией. По Каспийскому морю Дагестан имел большие возможности для развития торгово-экономического сотрудничества с Казахстаном, Туркменистаном и Ираном. В этом была заинтересована и Россия, которая через Дагестан могла усилить свое влияние на эти страны [Османов 2007: 592].

Наличие в шельфе Каспийского моря больших запасов углеводородного сырья и уникальное географическое положение Страны гор вызвали повышенный интерес США и западноевропейских стран, надеявшихся привлечь к решению своих «глобальных геополитических, геоэкономических и геостратегических задач» местные политические силы [Арухов 2006: 25–26]. Такие попытки предпринимались, но они закончились провалом [Османов 2007: 593].

Распад СССР вселил новые надежды тем, кто мечтал о Кавказе. Финалом этого послужили события августа 1999 г., когда сформированные в Чечне хорошо вооруженные отряды под руководством Ш. Басаева и Э. Хаттаба вторглись в Дагестан, чтобы провозгласить здесь создание «исламского халифата» [Тишков 2007: 140]. Но организаторы этой провокации просчитались и непрощенные гости, потерпев фиаско, покинули Дагестан. Как отмечал в этой связи В.А. Тишков, «со стороны может показаться парадоксальным, но это факт. Дагестан имеет сегодня больше всего мечетей и дает 80 % всех паломников России, выезжающих в Мекку. И в то же время здесь сильны установки в пользу российской государственности» [Тишков, Чешко 2002: 6].

В настоящее время являясь «южным форпостом» России и занимая ключевое положение на Северном Кавказе, Дагестан определяет основные векторы развития большинства республик региона с точки зрения перспектив российской государственности и сохранения территориальной целостности Российской Федерации [Гаджимурадова 2022: 4].

Тенденцию развития или деградации того или иного народа на определенном историческом отрезке времени можно проследить и по данным демографии. основополагающие показатели демографической статистики (прежде всего – численность и состав населения) с момента образования Дагестанской области и по настоящее время выглядят следующим образом: в 1868 г. (вместе с кумыкским и ногайским населением входящим тогда в Терской области) оно составляло 460 401 человек; по переписи населения 1897 г. (территория Дагестанской области – 26 132,4 кв. вёрст) – 571 154 чел.; на 1 января 1902 г. – 50 986 чел.; в 1917 г. – 635 974 чел.; по переписи населения 1926 г. (территория ДАССР – 58 150,6 кв. км) – 703 064 чел.; по переписи населения 1939 г. – 930,3 тыс. чел., по пере-

¹ Государственный Совет Республики Дагестан. 1994–2006 гг. Уникальный опыт управления многонациональным регионом в переходный период / Сост. Чергесбиев И.А., Амутинов А.М., Мамедов Р.Ш., Ахмедов М.М. Махачкала: Издат. дома «Эпоха»; «Дагестан», 2022. 520 с.

писи населения 1959 г. – 1 062,5 тыс. чел.; по переписи населения 1970 г. – 1 428,5 тыс. чел.; по переписи населения 1979 г. (территория ДАССР – 50 315 кв. км) – 1 627,2 тыс. чел.; по переписи населения 1989 г. – 1 802,2 чел. [Республика Дагестан... 2001: 33, 34, 46–65, 72–75, 154–156, 158–159]. К началу 2010 г. численность населения РД составляла 2 737 300 человек (1,9 % населения РФ, 29,6 % – Северо-Кавказского федерального округа (СКФО)). По численности населения Дагестан занимал первое место среди семи республик и краев Северо-Кавказского федерального округа и 11-е место в Российской Федерации [Итоги... 2012: 441]. На 1 января 2024 г. численность населения Республики Дагестан составила 3 221 тыс. человек [Во всех республиках... 2024].

Как это видно из приведенных данных, в новое, советское и новейшее время наблюдается устойчивый рост населения края, а в последние годы – и повышение качества жизни населения [Естественный прирост... 2024]. И это на фоне продолжающейся многие годы общероссийской «демографической ямы», старения нации, низкого коэффициента рождаемости, превышения роста количества умирающих над рождающимися. По мнению специалистов, такая тенденция продлится до 2035 г. [Мальцева 2024].

Таким образом, с момента вхождения Дагестана в состав России и по настоящее время произошло семикратное увеличение численности населения Дагестана. И это несмотря на многочисленные сопровождающиеся значительной убылью населения события, связанные с войнами и другими общественно-политическими катаклизмами, происходившими в нашей стране за последние 165 лет.

Заключение

Анализ представленных материалов свидетельствует о сложном и многогранном процессе инкорпорации Дагестана в состав России после окончания Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе. Он представлен многочисленными реформами, восстаниями, войнами, революциями, модернизациями, в которые народы Дагестана, как субъект Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации были вовлечены за последние 165 лет. Многие из этих событий были глубоко трагичны и сопровождались многочисленными человеческими жертвами и материальными разрушениями. Однако анализ исторических процессов нового, советского и новейшего периодов свидетельствует о правильности сделанного народами Дагестана выбора – вхождения в состав России. «Дагестан никогда добровольно в Россию не входил и никогда добровольно из России не выйдет»¹, – эти слова великого советского и российского поэта Расула Гамзатова как никогда актуальны и сегодня и определяют основной вектор цивилизационного развития Дагестана на ближайшую перспективу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алиев 2006 – Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2006. – 378 с.

¹ Памяти Расула Гамзатова. 03.11.2023 г. [Электронный ресурс] // Газета.Ру. URL: <https://www.gazeta.ru/2003/11/03/umerrasulgam.shtml> (дата обращения: 08.09.2023).

Алиев 2011 – *Алиев Б.Г.* Структура класса феодалов и формы феодального землевладения в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в. (Трансформация, дифференциация, региональные особенности). – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2011. – 560 с.

Аликберов и др. 1960 – *Аликберов Г.А., Гаджиев А.С., Кашкаев Б.О., Эмиров Н.П.* Борьба за власть советов в Дагестане. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. – 283 с.

Аликберов 1962 – *Аликберов Г.А.* Революция и гражданская война в Дагестане: Хроника важнейших событий. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1962. – 216 с.

Амирханова 2000 – *Амирханова М.М.* Социальное развитие дагестанского села (70-е годы XX века). – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2000. – 113 с.

Арухов 2006 – *Арухов З.С.* Россия и Дагестан в новом геополитическом пространстве. – Махачкала: Издательство Дагестанского научного центра РАН, 2006. – 250 с.

Ахмадов, Хасмагоматов 2005 – *Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х.* История Чечни в XIX–XX веках. – М.: Пульс, 2005. – 996 с.

Bennigsen-Broxup 1992 – *Bennigsen-Broxup Marie.* The Last Ghazawat: The 1920–1921 Uprising // *The North Caucasus barrier: the Russian advance towards the Muslim world.* – New York: St. Martin's Press, 1992. – P. 112–145.

Блиев, Дегоев 1994 – *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. – М.: Росет, 1994. – 591 с.

Булатов и др. 2018 – *Булатов Б.Б., Османов А.И., Сефербеков Р.И.* Трансформация хозяйства, быта и культуры народов Дагестана в советский и постсоветский периоды // *Электронный журнал «Кавказология».* – 2018. – № 1. – С. 131–156.

Во всех республиках... 2024 – Во всех республиках Северного Кавказа наблюдается естественный прирост населения [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства Eurasia Daily; URL: <https://eadaily.com/ru/information/about> (дата обращения: 28.03.2024).

Гаджиев 1963 – *Гаджиев А-Г.С.* Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. – Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1963. – 353 с.

Гаджимурадова 2022 – *Гаджимурадова З.М.* Феноменология этнического самосознания дагестанцев (в ретроспективе истории и в начале XXI века). – Махачкала: Даггоспедуниверситет; Изд-во «Алеф», 2022. – 344 с.

Гаммер 1998 – *Гаммер Моше.* Шамиль: Мусульманское сопротивление царизму, завоевание Чечни и Дагестана. – М.: КРОН-Пресс, 1998. – 510 с.

Гарунова 2007 – *Гарунова Н.Н.* Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – 275 с.

Гусейнов 1989 – *Гусейнов М.Ш.* Братская помощь русского народа в индустриальном развитии автономных республик Северного Кавказа в годы первых пятилеток // *Великий Октябрь в исторических судьбах народов Дагестана: Сб. статей.* – Махачкала: Институт ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, 1989. – С. 71–74.

Дагестан в годы...1995 – *Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Документы и материалы.* – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; ИПЦ ДГУ, 1995. – 765 с.

Дагестанцы на фронте... 2000 – *Дагестанцы на фронте и в тылу: материалы республиканской научной конференции «Немеркнущий подвиг народа», посвященной 55-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (21 апреля 2000 г.).* – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2000. – 299 с.

Даниялов 1966 – *Даниялов Г.Д.* Развитие экономики и культуры Дагестана (1945–1965 гг.). – М.: Наука, 1966. – 365 с.

Доного 2022 – *Доного Х.М.* Особенности повстанческой борьбы в Дагестане и Чечне в 1922–1925 годах // *Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические проблемы, уроки для современности / Сб. научных трудов.* – Новосибирск, 2022. – С. 306–316.

Естественный прирост... 2024 – Естественный прирост на Северном Кавказе разбивается культом потребления – социолог [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства Eurasia Daily; URL: <https://eadaily.com/ru/information/about> (дата обращения: 28.03.2024).

Искендеров, Талибова 2007 – *Искендеров Г.А., Талибова Д.Б.* Социально-экономическое развитие дагестанского села (1950–1985 гг.). – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – 320 с.

История Дагестана... 2004 – История Дагестана с древнейших времён до наших дней. – В 2-х томах. – М.: Наука, 2004. – Т. 1. – 627 с.

История Дагестана... 2005 – История Дагестана с древнейших времён до наших дней. – В 2-х томах. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; «Юпитер», 2005. – Т. 2. – 664 с.

История многовековых... 2009 – История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией: К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2009. – 752 с.

История народов Северного Кавказа... 1988 – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1971 г.) / Отв. ред. *А.Л. Нарочницкий*. – М.: Наука, 1988. – 659 с.

Итоги... 2012 – Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. В 11-ти т. Т. 4. Кн. 1. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. – 500 с.

Кавказская война... 2014 – Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. – 197 с.

Кавказская война... 2006 – Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; «Юпитер», 2006. – 519 с.

Каймаразов 2013 – *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана нового и новейшего времени (статьи, доклады, выступления). – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2013. – 736 с.

Какагасанов и др. 2019 – *Какагасанов Г.И., Матиев Т.Х., Болдырев Ю.Ф.* Повстанческое движение в Дагестане и Терской области в 1920–1925 гг. // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – Магас, 2019. – № 1. – С. 35–46.

Карпов 2007 – *Карпов Ю.Ю.* Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. – 656 с.

Каспари 1904 – *Каспари А.А.* Покорённый Кавказ (сборник). – М.: Центрполиграф, 1904. – 428 с.

Коллективизация... 2007 – Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане (1927–1940 гг.). Документы и материалы. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – 268 с.

Мальцева 2024 – *Мальцева Елена.* Рождаемость в России будет падать до 2035 г. [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства [URA.RU](https://ura.news/news/1052749221); URL: <https://ura.news/news/1052749221> (дата обращения: 29.03.2024).

Мирзабеков 1998 – *Мирзабеков М.Я.* Культура дагестанского села. XX век: история, проблемы. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1998. – 307 с.

Мирзабеков и др. 2007 – *Мирзабеков М.Я., Ананьева Е.С., Юнаева В.Д.* Культура дагестанского города XX в. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – 384 с.

Мирзоев 2021 – *Мирзоев А.С.* Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов (Средневековье – Новое время). – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2021. – 400 с.

Мусаев 2005 – *Мусаев М.А.* Мусульманское духовенство 60–70-х гг. XIX в. и восстание 1877 г. в Дагестане. – Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. – 152 с.

Народно-освободительное... 1989 – Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в.: Всесоюзная научная конференция, 20–22 июня 1989 г.: тезисы докладов и сообщений. – Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1989. – 190 с.

Народы Дагестана в годы... 2005 – Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Документы и материалы): К 60-летию победы. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2005. – 776 с.

Османов, Искендеров 1997 – *Османов А.И., Искендеров Г.А.* Дагестанское село: экономика, культура, социальная инфраструктура (70–80-е годы XX века). – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1997. – 360 с.

Османов 2006 – Османов 2006 – *Османов А.И.* Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. В 2-х книгах. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; изд-во «Юпитер», 2006. – Кн. 1. – 600 с.

Османов 2007 – *Османов А.И.* Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. В 2-х книгах. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; ООО «ДИНЭМ», 2007. – Кн. 2. – 622 с.

Османов 2011 – *Османов А.И.* Население Дагестана с древнейших времён до конца XX века. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2011. – 448 с.

Покровский 2000 – *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля / Предисл. *Н.Н. Покровского*, введ. и прим. *В.Г. Гаджиева*. – М.: РОССПЭН, 2000. – 511 с.

Репрессии... 1997 – Репрессии 30-х годов в Дагестане: (Документы и материалы). – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; «Юпитер», 1997. – 528 с.

Республика Дагестан... 2001 – Республика Дагестан: административное устройство, население, территория (60-е годы XIX в. – 90-е годы XX в.): Статистический справочник. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; изд-во «Юпитер», 2001. – 190 с.

Сефербеков, Халидова 2018 – *Сефербеков Р.И., Халидова О.Б.* Влияние Октябрьской революции 1917 г. на хозяйство, быт и культуру народов Дагестана // Вопросы истории. – 2018. – № 3. – С. 137–142.

Сефербеков, Халидова 2019 – *Сефербеков Р.И., Халидова О.Б.* Периодизация исторических макропроцессов в России: этапы модернизации (на примере Дагестана) // Вопросы истории. – 2019. – № 10. – С. 163–168.

Тахо-Годи 1927 – *Тахо-Годи А.А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. – Махачкала: Дагестанский науч.-исслед. ин-т; Дагестанское гос. изд-во, 1927. – 236 с.

Тишков, Чешко 2002 – *Тишков В.А., Чешко С.В.* Предисловие // Народы Дагестана / Отв. ред. *С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева*. – М.: Наука, 2002. – С. 5–7.

Тишков 2007 – *Тишков В.А.* Российский Кавказ: Книга для политиков. – М.: Росинформагротех, 2007. – 384 с.

Тодорский 1924 – *Тодорский А.И.* Красная армия в горах: Действия в Дагестане. – М.: Воен. вестник, 1924. – 187 с.

Фадеев 1860 – *Фадеев Р.А.* Шестьдесят лет Кавказской войны. – Тифлис: Военно-Походная Тип. Главного Штаба Кавказской Армии, 1860. – 159 с.

Чернобаев 1984 – *Чернобаев А.А.* Дагестан в огне // С винтовкой и пером. – М.: Московский рабочий, 1984. – 192 с.

REFERENCES

ALIEV B.G. *Tradicionnye instituty upravlenija i vlasti Dagestana (XVIII – pervaja polovina XIX v.)* [Traditional institutions of governance and power in Dagestan (XVIII - first half of the 19th century)]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS, 2006. – 378 p. (In Russ.).

ALIEV B.G. *Struktura klassa feodalov i formy feodal'nogo zemlevladienija v Dagestane v XVIII – pervoj polovine XIX v. (Transformacija, differenciacija, regional'nye osobennosti)* [The structure of the feudal class and forms of feudal land tenure in Dagestan in the 18th – first half of the 19th centuries. (Transformation, differentiation, regional characteristics)]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS, 2011. – 560 p. (In Russ.).

ALIKBEROV G.A., GADZHIEV A.C., KASHKAEV B.O., JEMIROV N.P. *Bor'ba za vlast' sovetov v Dagestane* [The struggle for Soviet power in Dagestan]. – Makhachkala: Dagknigoizdat, 1960. – 283 p. (In Russ.).

ALIKBEROV G.A. *Revoljucija i grazhdanskaja vojna v Dagestane: Hronika vazhnejshih sobytij* [Revolution and civil war in Dagestan: Chronicle of the most important events]. – Makhachkala: Dagknigoizdat, 1962. – 216 p. (In Russ.).

AMIRHANOVA M.M. *Social'noe razvitie dagestanskogo sela (70-e gody XX veka)* [Social development of the Dagestan village (70s of the XX century)]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS, 2000. – 113 p. (In Russ.).

ARUHOV Z.S. *Rossija i Dagestan v novom geopoliticheskom prostranstve* [Russia and Dagestan in the new geopolitical space]. – Makhachkala: Publishing house of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2006. – 250 p. (In Russ.).

AHMADOV JA.Z., Hasmagomadov Je.H. *Istorija Chechni v XIX–XX vekah* [History of Chechnya in the 19th–20th centuries]. – M.: Pulse, 2005. – 996 p. (In Russ.).

BENNIGSEN-BROXUP MARIE. The Last Ghazawat: The 1920–1921 Uprising. In: The North Caucasus barrier: the Russian advance towards the Muslim world. – New York: St. Martin's Press, 1992. – P. 112–145. (In Russ.).

BLIEV M.M., DEGOEV V.V. *Kavkazskaja vojna* [Caucasian War]. – M.: Roset, 1994. – 591 p. (In Russ.).

BULATOV B.B., OSMANOV A.I., SEFERBEKOV R.I. *Transformacija hozjajstva, byta i kul'tury narodov Dagestana v sovetskij i postsovetskij periody* [Transformation of the economy, life and culture of the peoples of Dagestan in the Soviet and post-Soviet periods]. In: *Kavkazologija* [Caucasology]. – 2018. – No. 1. – P. 131–156. (In Russ.).

Vo vseh respublikah Severnogo Kavkaza nabljudajetsja estestvennyj prirost naselenija [Natural population growth is observed in all republics of the North Caucasus] [Elektronnyj resurs]. In: *Sajt informacionnogo agentstva Eurasia Daily* [Website of the news agency Eurasia Daily]; URL: <https://easaily.com/ru/information/about> (data obrashhenija: 28.03.2024). (In Russ.).

GADZHIEV A-G.S. *Pomoshh' russkogo naroda v ustanovlenii Sovetskoj vlasti v Dagestane* [Help of the Russian people in establishing Soviet power in Dagestan]. – Makhachkala: Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences, 1963. – 353 p. (In Russ.).

GADZHIMURADOVA Z.M. *Fenomenologija jetnicheskogo samosoznanija dagestancev (v retrospektive istorii i v nachale XXI veka)* [Phenomenology of ethnic self-awareness of Dagestanis (in retrospect of history and at the beginning of the 21st century)]. – Makhachkala: Daghestan State Pedagogical University; Publishing house «Alef», 2022. – 344 p. (In Russ.).

GAMMER MOSHE. *Shamil': Musul'manskoe soprotivlenie carizmu, zavoevanie Chechni i Dagestana* [Shamil: Muslim resistance to tsarism, the conquest of Chechnya and Dagestan]. – M.: KRON-Press, 1998. – 510 p. (In Russ.).

GARUNOVA N.N. *Rossijskie goroda-kreposti v kontekste politiki Rossii na Severo-Vostochnom Kavkaze v XVIII – pervoj polovine XIX v.: problemy politicheskoj, jekonomicheskoi i kul'turnoj integracii* [Russian fortified cities in the context of Russian policy in the North-East Caucasus in the 18th – first half of the 19th centuries: problems of political, economic and cultural integration]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS, 2007. – 275 p. (In Russ.).

GUSEJNOV M.SH. *Bratskaja pomoshh' russkogo naroda v industrial'nom razvitii avtonomnyh respublik Severnogo Kavkaza v gody pervyh pjatiletok* [Fraternal assistance of the Russian people in the industrial development of the autonomous republics of the North Caucasus during the first five-year plans]. In: *Velikij Oktjabr' v istoricheskikh sud'bah narodov Dagestana: Sb. Statej* [The Great October Revolution in the historical destinies of the peoples of Dagestan: Collection of articles]. – Makhachkala: Institute of Laboratory of Languages, Dagestan Branch of the USSR Academy of Sciences, 1989. – pp. 71–74. (In Russ.).

DAGESTAN v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.): *Dokumenty i materialy* [Dagestan during the Great Patriotic War (1941–1945): Documents and materials]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS; IPC DSU, 1995. – 765 p. (In Russ.).

DAGESTANCY *na fronte i v tylu: materialy respublikanskoj nauchnoj konferencii «Nemerknushhij podvig naroda», posvjashhennoj 55-letiju pobedy sovetskogo naroda v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. (21 aprelja 2000 g.)* [Dagestanis at the front and in the rear: materials of the republican scientific conference “The Unfading Feat of the People,” dedicated to the 55th anniversary of the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941–1945. (April 21, 2000)]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS, 2000. – 299 p. (In Russ.).

DANIJALOV G.D. *Razvitie jekonomiki i kul'tury Dagestana (1945–1965 gg.)* [Development of the economy and culture of Dagestan (1945–1965)]. – M.: Nauka, 1966. – 365 p. (In Russ.).

DONOGO H.M. *Osobennosti povstancheskoj bor'by v Dagestane i Chechne v 1922–1925 godah* [Features of the insurgency in Dagestan and Chechnya in 1922–1925]. In: *Grazhdanskaja vojna v Rossii: problemy vyhoda, istoricheskie problemy, uroki dlja sovremennosti / Sb. nauchnyh trudov* [Civil war in Russia: problems of exit, historical problems, lessons for modern times / Coll. scientific works]. – Novosibirsk, 2022. – pp. 306–316. (In Russ.).

ESTESTVENNYJ *prirost na Severnom Kavkaze raz#edaetsja kul'tom potreblenija – sociolog* [Natural growth in the North Caucasus is being eaten away by the cult of consumption – sociologist] [Jelektronnyj resurs]. In: *Sajt informacionnogo agentstva Eurasia Daily* [Website of the news agency Eurasia Daily]; URL: <https://eadaily.com/ru/information/about> (data obrashhenija: 28.03.2024). (In Russ.).

ISKENDEROV G.A., TALIBOVA D.B. *Social'no-jekonomicheskoe razvitie dagestanskogo sela (1950–1985 gg.)* [Socio-economic development of the Dagestan village (1950–1985)]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS, 2007. – 320 p. (In Russ.).

ISTORIJA DAGESTANA *s drevnejshih vremjon do nashih dnei. – V 2-h tomah* [History of Dagestan from ancient times to the present day. – In 2 volumes]. – M.: Nauka, 2004. – V. 1. – 627 p. (In Russ.).

ISTORIJA DAGESTANA *s drevnejshih vremjon do nashih dnei/ – V 2-h tomah* [History of Dagestan from ancient times to the present day. – In 2 volumes]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS; “Jupiter”, 2005. – V. 2. – 664 p. (In Russ.).

ISTORIJA *mnogovekovyh vzaimootnoshenij i edinenija narodov Dagestana s Rossiej: K 150-letiju okonchatel'nogo vhozhenija Dagestana v sostav Rossii* [The history of centuries-old relationships and unity of the peoples of Dagestan with Russia: To the 150th anniversary of the final entry of Dagestan into Russia]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS, 2009. – 752 p. (In Russ.).

ISTORIJA NARODOV SEVERNOGO KAVKAZA *(konec XVIII v. – 1971 g.) / Otv. red. A.L. Narochnickij* [History of the peoples of the North Caucasus (end of the 18th century – 1971) / Rep. ed. A.L. Narochnitsky]. – M.: Nauka, 1988. – 659 p. (In Russ.).

ITOGI VSEROSSIJSKOJ PEREPISI NASELENIIA 2010 g. V 11-ti t. T. 4. Kn. 1. *Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami, grazhdanstvo* [Results of the All-Russian Population Census of 2010. In 11 volumes. V. 4. Book. 1. National composition and language proficiency, citizenship]. – M.: IRC “Statistics of Russia”, 2012. (In Russ.).

KAVKAZSKAJA VOJNA: *aktual'nye problemy istoricheskogo diskursa (k 150-letiju okonchanija)* [The Caucasian War: current problems of historical discourse (on the 150th anniversary of its end)]. – Nalchik: Publishing department of KBIGI RAS, 2014. – 197 p. (In Russ.).

KAVKAZSKAJA VOJNA: *narodno-osvoboditel'naja bor'ba gorcev Severnogo Kavkaza v 20–60-h gg. XIX v.* [Caucasian War: the people's liberation struggle of the highlanders of the North Caucasus in the 20–60s. XIX century]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS; “Jupiter”, 2006. – 519 p. (In Russ.).

KAJMARAZOV G.SH. *Ocherki istorii kul'tury narodov Dagestana novogo i novejshego vremeni (stat'i, doklady, vystuplenija)* [Essays on the cultural history of the peoples of Dagestan in modern and contemporary times (articles, reports, speeches)]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS, 2013. – 736 p. (In Russ.).

KAKAGASANOV G.I., MATIEV T.H., BOLDYREV JU.F. *Povstanchesкое dvizhenie v Dagestane i Terskoj oblasti v 1920–1925 gg.* [Insurgency in Dagestan and Terek region in 1920–1925]. In: *Vestnik Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk im. Ch.Je.*

Ahrieva [Bulletin of the Ingush Research Institute of Humanities named after P.E. Akhrieva]. – Magas, 2019. – No. 1. – P. 35–46. (In Russ.).

KARPOV JU.JU. *Vzgljad na gorcev. Vzgljad s gor: Mirovozzrencheskie aspekty kul'tury i social'nyj opyt gorcev Dagestana* [A look at the mountaineers. View from the mountains: Worldview aspects of culture and social experience of the mountaineers of Dagestan]. – St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2007. – 656 p. (In Russ.).

KASPARI A.A. *Pokorjonnyj Kavkaz (sbornik)* [Conquered Caucasus (collection)]. – M.: Tsentrpoligraf, 1904. – 428 p. (In Russ.).

KOLLEKTIVIZACIJA i antikolhoznye vystuplenija v Dagestane (1927–1940 gg.). *Dokumenty i materialy* [Collectivization and anti-collective farm protests in Dagestan (1927–1940). Documents and materials]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS, 2007. – 268 p. (In Russ.).

MAL'CEVA E. *Rozhdaemost' v Rossii budet padat' do 2035 g. [Jelektronnyj resurs]* [The birth rate in Russia will fall until 2035]. In: *Sajt informacionnogo agentstva URA.RU* [Website of the news agency URA.RU]; URL: <https://ura.news/news/1052749221> (data obrashhenija: 29.03.2024). (In Russ.).

MIRZABEKOV M.JA. *Kul'tura dagestanskogo sela. XX vek: istorija, problem* [Culture of the Dagestan village. 20th century: history, problems]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS, 1998. – 307 p. (In Russ.).

MIRZABEKOV M.JA., ANAN'EVA E.S., JUNAeva V.D. *Kul'tura dagestanskogo goroda XX v.* [Culture of the Dagestan city of the 20th century]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS, 2007. – 384 p. (In Russ.).

MIRZOEV A.S. *Genezis i jevoljucija tradicionnoj voennoj kul'tury cherkesov (Srednevekov'e – Novoe vremja)* [Genesis and evolution of the traditional military culture of the Circassians (Middle Ages – Modern times)]. – Nalchik: Publishing house M. and V. Kotlyarov, 2021. – 400 p. (In Russ.).

MUSAEV M.A. *Musul'manskoe duhovenstvo 60–70-h gg. XIX v. i vosstanie 1877 g. v Dagestane* [Muslim clergy of the 60s–70s. XIX century and the 1877 uprising in Dagestan]. – Makhachkala: Printing house of the DSC RAS, 2005. – 152 p. (In Russ.).

NARODNO-OSVOBODITEL'NOE dvizhenie gorcev Dagestana i Chechni v 20–50-h godah XIX v.: *Vsesojuznaja nauchnaja konferencija, 20–22 ijunya 1989 g.: tezisy докладов i soobshhenij* [People's liberation movement of the highlanders of Dagestan and Chechnya in the 20–50s of the 19th century: All-Union Scientific Conference, June 20–22, 1989: abstracts of reports and communications]. – Makhachkala: Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences, 1989. – 190 p. (In Russ.).

NARODY DAGESTANA v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. (*Dokumenty i materialy*): *K 60-letiju pobedy* [The peoples of Dagestan during the Great Patriotic War of 1941–1945 (Documents and materials): To the 60th anniversary of the victory]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS, 2005. – 776 p. (In Russ.).

OSMANOV A.I., ISKENDEROV G.A. *Dagestanskoe selo: jekonomika, kul'tura, social'naja infrastruktura (70–80-e gody XX veka)* [Dagestan village: economy, culture, social infrastructure (70–80s of the XX century)]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS, 1997. – 360 p. (In Russ.).

OSMANOV A.I. *Dagestan v XX veke: istoricheskij opyt regional'nogo razvitija. V 2-h knigah* [Dagestan in the 20th century: historical experience of regional development. In 2 books]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS; Publishing house "Jupiter", 2006. – Book. 1. – 600 s. (In Russ.).

OSMANOV A.I. *Dagestan v XX veke: istoricheskij opyt regional'nogo razvitija. V 2-h knigah* [Dagestan in the 20th century: historical experience of regional development. In 2 books]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS; DINEM LLC, 2007. – Book. 2. – 622 p. (In Russ.).

OSMANOV A.I. *Naselenie Dagestana s drevnejshih vremjon do konca XX veka* [Population of Dagestan from ancient times to the end of the 20th century]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS, 2011. – 448 p. (In Russ.).

POKROVSKIJ N.I. *Kavkazskie vojny i imamat Shamilja / Predisl. N.N. Pokrovskogo, vved. i prim. V.G. Gadzhieva* [Caucasian Wars and the Imamate of Shamil / Preface by N.N. Pokrovsky, introduction and notes by V.G. Gadzhieva]. – M.: ROSSPEN, 2000. – 511 p. (In Russ.).

REPRESSII 30-h godov v Dagestane: (*Dokumenty i materialy*) [Repressions of the 30s in Dagestan: (Documents and materials)]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS; "Jupiter", 1997. – 528 p. (In Russ.).

RESPUBLIKA DAGESTAN: *administrativnoe ustrojstvo, naselenie, territorija (60-e gody XIX v. – 90-e gody XX v.): Statisticheskij spravocnik* [Republic of Dagestan: administrative structure, population, territory (60s of the 19th century – 90s of the 20th century): Statistical reference book]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS; Publishing house "Jupiter", 2001. – 190 p. (In Russ.).

SEFERBEKOV R.I., HALIDOVA O.B. *Vlijanie Oktjabr'skoj revoljucii 1917 g. na hozjajstvo, byt i kul'turu narodov Dagestana* [The influence of the October Revolution of 1917 on the economy, life and culture of the peoples of Dagestan]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history]. – 2018. – No. 3. – P. 137–142. (In Russ.).

SEFERBEKOV R.I., HALIDOVA O.B. *Periodizacija istoricheskikh makroprocessov v Rossii: jetapy modernizacii (na primere Dagestana)* [Periodization of historical macro-processes in Russia: stages of modernization (using the example of Dagestan)]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history]. – 2019. – No. 10. – P. 163–168. (In Russ.).

TAHO-GODI A.A. *Revoljucija i kontrrevoljucija v Dagestane* [Revolution and counter-revolution in Dagestan]. – Makhachkala: Dagestan Research Institute; Dagestan state publishing house, 1927. – 236 p. (In Russ.).

TISHKOV V.A., CHESHSKO S.V. *Predislovie* [Preface]. In: *Narody Dagestana / Otv. red. S.A. Arutjunov, A.I. Osmanov, G.A. Sergeeva* [Peoples of Dagestan / Rep. ed. S.A. Arutyunov, A.I. Osmanov, G.A. Sergeeva]. – M.: Nauka, 2002. – pp. 5–7. (In Russ.).

TISHKOV V.A. *Rossijskij Kavkaz: Kniga dlja politikov* [Russian Caucasus: A Book for Politicians]. – M.: Rosinformagrotekh, 2007. – 384 p. (In Russ.).

TODORSKIJ A.I. *Krasnaja armija v gorah: Dejstvija v Dagestane* [Red Army in the mountains: Actions in Dagestan]. – M.: Military Bulletin, 1924. – 187 p. (In Russ.).

FADEEV R.A. *Shest'desjat let Kavkazskoj vojny* [Sixty years of the Caucasian War]. – Tiflis: Military-March Type of the Main Staff of the Caucasian Army, 1860. – 159 p. (In Russ.).

CHERNOBAEV A.A. *Dagestan v ogne* [Dagestan is on fire]. In: *S vintovkoj i perom* [With a rifle and a feather]. – M.: Moscow worker, 1984. – 192 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Р.И. Сефербеков – доктор исторических наук.

Ю.А. Магомедов – младший научный сотрудник.

М.Р. Сефербеков – младший научный сотрудник.

Information about the authors

R.I. Seferbekov – Doctor of Sciences (History).

Yu.A. Magomedov – junior researcher.

M.R. Seferbekov – junior researcher.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.04.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 09.04.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Научная статья

УДК 39(470.64)+94(470.64)

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-177-187

EDN: DVPRWG

**К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ ДОЛГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В
СИСТЕМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
У БАЛКАРЦЕВ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Азинат Жамаловна Байчекуева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, baychekueva88@mail.ru

Аннотация. В статье определяется роль долговых обязательств в системе регулирования общественных отношений у балкарского населения Нальчикского округа Терской области в последней трети XIX – начале XX в. Для этого рассмотрена практика решения споров и конфликтов по ним в Нальчикском горском словесном суде, сельских (аульных) и медиаторских судах. Установлено, что в это время долговые обязательства у этой группы населения возникали в рамках широкого круга имущественных отношений (вытекавших из договоров бегенды или ортака; нарушения условий займов из Кабардинской общественной суммы; неисполнения условий договоров купли-продажи земельных участков, сельско-хозяйственной продукции, скота; нарушения условий заключения брачных соглашений (уплаты калыма) и т.п.). Сделан вывод, что основной формой ответственности по этой категории споров были материальные или денежные компенсации в объеме, эквивалентном понесенному ущербу, в чем устанавливается ее типологическое сходство с другими группами общественных отношений, регулировавшимися в то время на основании норм обычного права.

Ключевые слова: балкарцы, Нальчикский округ, Нальчикский горский словесный суд, медиаторский (посреднический) суд, обычное право, шариат, имущественный спор, наследство, калым.

Для цитирования: Байчекуева А.Ж. К вопросу об исполнении долговых обязательств в системе регулирования общественных отношений у балкарцев в последней трети XIX – начале XX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 177-187. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-177-187. EDN: DVPRWG.

© Байчекуева А.Ж., 2024

Original article

**ON THE ISSUE OF DEBT FULFILLMENT IN THE SYSTEM
OF REGULATION OF PUBLIC RELATIONS AMONG THE BALKARS
IN THE LAST THIRD OF THE XIX – EARLY XX CENTURY**

Azinat Zh. Baichekueva

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik,
Russia, baychekueva88@mail.ru

Abstract. The article defines the role of debt obligations in the system of regulation of public relations among the Balkarian population of the Nalchik district of the Tersk region in the last third of the XIX – early XX century. For this purpose, the practice of resolving disputes and conflicts on them in the Nalchik Mountain Verbal Court, rural (village) and mediation courts is considered. It was established that at that time, debt obligations of this group of the population arose within the framework of a wide range of property relations (arising from contracts of begenda or ortak; violations of the terms of loans from the Kabardian public sum; non-fulfillment of the terms of contracts for the purchase and sale of land, agricultural products, livestock; violations of the terms of marriage agreements (payment kalyma), etc.). It is concluded that the main form of liability for this category of disputes was material or monetary compensation in an amount equivalent to the damage suffered, which establishes its typological similarity with other groups of public relations regulated at that time on the basis of the norms of customary law of the Balkars.

Keywords: Balkars, Nalchik district, Nalchik mountain verbal court, mediation (mediation) court, customary law, sharia, property dispute, inheritance, kalym.

For citation: Baichekueva A.Zh. On the issue of debt fulfillment in the system of regulation of public relations among the Balkars in the last third of the XIX – early XX century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 177-187. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-177-187. EDN: DVPRWG.

© Baichekueva A.Zh., 2024

Введение

Регулирование долговых отношений, возникавших между кредиторами и заемщиками или в результате нарушения имущественных прав собственников, в мировом сообществе имеет многовековую историю. В традиционных обществах на ранних этапах исторического процесса в качестве основных регуляторов отношений в сфере долговых обязательств были в основном нормы обычного и религиозного права. Зачастую они сохраняли свой регулятивный потенциал и после включения той или иной общности (в том числе и этнической) в состав государства со сложившимися правовыми институтами в этой сфере. В этом плане исследование исторических форм регулирования долговых обязательств у балкарского населения Нальчикского округа Терской области в последней трети XIX – начале XX в. представляет большой научный интерес, т.к. дает возможность выявить и охарактеризовать особенности функционирования их институтов обычного имущественного права в условиях включения в политико-правовое пространство Российской империи.

Вопросы функционирования традиционных институтов соционормативной культуры балкарского населения Нальчикского округа, основных на разных формах долговых обязательств, так или иначе затрагивались в трудах М.К. Абаева [Абаев 1911], Н.М. Рейнке [Материалы... 1912], Н.П. Тульчинского [Тульчинский 1903], Т.А. Жекомихова [Жакомихов 1965], Е.Н. Студенецкой [Студенецкая 1958], Г.К. Азаматова [Азаматов 1967], Е.Г. Муратовой [Битова 1997; Муратова 2007], Е.С. Нухрикан [Нухрикан 2015; Нухрикан 2016], П.А. Кузьминова [Кузьминов, Абаева 2020], А.Х. Абазова [Абазов 2014; Абазов 2015; Абазов 2016; Абазов 2017; Абазов 2022], З.Ж. Глашевой [Глашева 2014] и др. Вместе с тем опубликованные [Документы по истории Балкарии... 1959; Документы по истории Балкарии... 1962] и неопубликованные [УЦГА АС КБР.

Ф. И-22] источники содержат достаточно большой массив информации о роли долговых обязательств в системе регулирования общественных отношений с опорой на традиционные институты соционормативной культуры балкарского населения Нальчикского округа в последней трети XIX – начале XX в.

Обсуждение

В последней трети XIX – начале XX в. долговые обязательства у представителей балкарского населения Нальчикского округа возникали в рамках широкого круга имущественных отношений, в том числе на основе соглашений о передаче имущества в пользование на условиях бегенды или ортака, несовершенного погашения или непогашения займов из Кабардинской общественной суммы и частных займов, неисполнения условий совершенных и заверенных в установленном порядке гражданских сделок (в том числе, по купле-продаже земельных участков, сельско-хозяйственной продукции, скота), невыполнение или частичное выполнение условий заключения брачных соглашений (уплаты калыма) и т.п.

Регулирование споров, возникавших по вопросам пользования чужим имуществом или скотом и вытекавших из отношений бегенды или ортака, в системе регулирования долговых отношений по нормам обычного права балкарцев было весьма распространено в деятельности Нальчикского горского словесного суда (1871-1918 гг.). В данном случае ортак понимается как передача собственником имущества или скота в пользование другим лицам под часть ренты или приплода, а бегенда – как передача в пользование земельного участка в качестве обеспечительной меры по долговым обязательствам. Анализ правоприменительной практики временного отделения Нальчикского горского словесного суда показывает, что отношения «бегенды» и «ортака» могли как заключаться в счет исполнения долговых обязательств, так и стать основанием для их возникновения. Например, в 1910 г. временное отделение словесного суда рассматривало дело по иску балкарца из урусбиевского общества Т-ва о взыскании с ответчика 125 руб. за земельный участок, ранее отданный в пользование на «бегендном праве» [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 5991. Т. 1. Л. 64 об.]. Следствие установило, что за несколько лет до этого отец ответчика Т-ва должен был уплатить истцу по исполнительному листу этого суда долг в размере 125 руб., но из-за неимения средств передал ему на правах «ортака» земельный участок [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 5991. Т. 1. Л. 64 об.]. Т.е. предметом спора стал факт передачи земельного участка «в ортак» в счет обеспечения исполнения ранее возникших долговых обязательств. Зачастую предметом спора становились требования владельцев о возвращении переданных в «бегендное пользование» земельных участков при условии погашения ранее взятых долгов [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 5991. Т. 1. Л. 182 об.]. Причем в таких случаях отказы держателей бегенды не являлись основанием для продолжения долговых обязательств. Суд, как правило, принимал решения о прекращении договора бегенды при условии погашения займов должниками [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 5991. Т. 1. Л. 183]. Круг этих примеров можно продолжить, при этом исследование вопросов регулирования

долговых обязательств, вытекавших из отношений бегенды и ортака, у представителей балкарского населения Нальчикского округа может предметом специального монографического исследования.

Анализ документов показывает, что в последней трети XIX – начале XX в. у представителей балкарского населения Нальчикского округа споры о нарушении долговых обязательств (в особенности по денежным и имущественным займам) были не самым распространённым основанием для подачи жалоб (и исковых заявлений) в Нальчикский горский словесный суд. В описи дел НГСС по горскому отделению за 1884 г. было зафиксировано 25 дел по долговым обязательствам [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 1090. Л. 1–8 об.], что составляло менее 5 % от общего числа рассматриваемых судом дел. Следует отметить, что такая доля споров по нарушенным долговым обязательствам по отношению к общему количеству рассматриваемых дел в этом суде сохранялась практически на протяжении всего периода его деятельности. Установить аналогические показатели в отношении сельских и медиаторских судов не представляется возможным из-за отсутствия в достаточном количестве репрезентативных данных.

Тем не менее, практика решения споров по долговым обязательствам в Нальчикском горском словесном суде не прекращалась со времени его образования в 1871 г. и до момента ликвидации в период гражданской войны. Так, например, в 1914 г. в этом суде разбиралось дело по иску балкарца из безенгиевского общества Д-ва к представителю хуламского об-ва Ш-ву о взыскании долга в размере 100 руб. в результате неисполнения обязательства передать денежные средства при заключении договора купли-продажи сельско-хозяйственной продукции [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 6024. Т. 1. Л. 11 об.]. Истец заявил, что продал ответчику сено общей стоимостью 160 руб. На момент заключения сделки ответчик передал истцу 60 руб., остальную сумму не вернул в оговоренный срок, что и стало основанием для его обращения в суд. Суд постановил удовлетворить иск и выдал исполнительный лист [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 6024. Т. 1. Л. 13 об.]. Схожее дело рассматривалось в 1914 г. по иску балкарца из чегемского общества А-ва к представителю урусбиевского общества А-ву о взыскании с него долга в размере 84 руб. за проданных быков [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 6024. Т. 1. Л. 33 об.]. Суд также постановил удовлетворить иск в полном объеме [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 6024. Т. 1. Л. 34]. В 1914 г. Нальчикский ГСС обязал взыскать с представителя чегемского общества Ч-ва в пользу односельчанина Б-ва 100 руб. за лошадь, которую ответчик взял в пользование и не вернул [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 6024. Т. 1. Л. 24]. В том же 1914 г. Нальчикский суд рассматривал дело о взыскании 1000 руб. калыма по иску представительницы балкарского общества А-вой со своего супруга А. [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 6024. Т. 1. Л. 230 об.]. В ходе разбирательства ответчик согласился с претензией, однако ходатайствовал перед судом о разделении суммы долга на 2 части: 200 руб. – деньгами, и 800 руб. – скотом. Суд принял решение обязать ответчика выплатить в пользу супруги 1000 руб. калыма дифференцированными платежами: 200 руб. – деньгами, и 800 руб. – скотом [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 6024. Т. 1. Л. 231]. Круг этих примеров можно продолжить, но в большинстве из них выявля-

ется типологическое сходство: стремление потерпевшей стороны восстановить понесенный в результате нарушения долговых обязательств имущественный ущерб с опорой на традиционные формы решения споров и конфликтов (денежная или материальная компенсация фактически понесенных убытков, опора на институты народного правосудия и т.п.).

Нередко своевременно непогашенные долговые обязательства становились предметом споров и после смерти должников. В практике временного отделения Нальчикского горского словесного суда встречались случаи, когда иски о взыскании долгов предъявлялись в отношении наследников должников. В таких случаях сумма иска могла складываться из суммы долга и накопленных по ним процентов [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2890. Л. 3]. Таким образом, долги и неотвратимость ответственности по долговым обязательствам могли передаваться по наследству.

По вопросам неисполнения долговых обязательств представителями балкарского населения Нальчикского округа в практике Горского словесного суда встречались и дела по их долгам в Кабардинскую общественную сумму [см., например: УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 3556; [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 3143. Л. 2–3 об. и т.п]. Инициатором таких разбирательств (истцом) выступал казначей общественной суммы [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 3659. Л. 1]. Примечательно, что рассмотрение дел о взыскании долгов по непогашенным займам в Кабардинскую общественную сумму в качестве суда первой инстанции было исключительной прерогативой Нальчикского горского словесного суда. В этих случаях казначей Общественной суммы направлял в Словесный суд соответствующий рапорт с приложением ведомостей о должниках с указанием их личностей и мест жительства, сведений о сумме долга, времени неисполнения обязательства, данных о поручителях и т.п. В большинстве случаев казначей подавал таковые рапорты напрямую в суд, а оттуда материал в отношении представителей балкарского населения округа передавался по подведомственности во временно отделение суда для решения по существу и исполнения принятого решения.

Анализ судебной практики временного отделения горского словесного суда в слободе Нальчик показывает, что в большинстве случаев общая сумма, подлежащая взысканию с должника, включала как размер долга (непогашенного займа или его части), проценты за пользование заемными средствами и штраф за неисполнение обязательства. Иногда такие расчеты предлагались казначеем Кабардинской общественной суммы в подаваемых в словесный суд рапортах (исках о взыскании долгов). Причем, как правило, сумма долга и штрафа указывалась в абсолютных (точных) величинах, а процентов – в относительных, т.е. подлежала установлению на момент вынесения судом решения о взыскании [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 3923. Л. 2]. Причем решения по этим вопросам выносились судом как в присутствии должников, так и при их отсутствии (в заочном порядке) [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 3556. Л. 4]. Зачастую на решения словесного суда по этой категории дел, вынесенные в заочном порядке, подавались апелляционные жалобы в Терское областное правление [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 3556. Л. 4].

В некоторых случаях словесный суд выносил решения о взыскании долгов в КОС исключительно в отношении поручителей должников (в виду установленной в ходе судебного разбирательства финансовой несостоятельности заемщика) [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 3552. Л. 6]. Иногда казначей сразу подавал заявление в горский словесный суд о взыскании суммы долга с поручителей должника с просьбой о компенсации полной суммы долга по принципу круговой поруки [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 3659. Л. 4 – 4 об.]. В этих случаях взыскание обращалось на них в равных долях, т.е. поручители в качестве меры ответственности за неисполнение должником своих обязательств уплачивали долг (с учетом всех его слагаемых – непогашенной суммы займа, процентов за пользование займом и, в некоторых случаях, штрафа за неисполнение обязательств) [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 3552. Л. 6].

Документы горского словесного суда показывают, что во многих случаях основанием для возбуждения споров о погашении долгов является неисполнение условий совершаемых гражданских сделок (в том числе, купле-продаже вещей, скота, земельных участков, займах в частном порядке и т.п.). Разбирательство споров в суде облегчалось, если истцы подкрепляли свои исковые заявления подтверждающими документами или свидетельскими показаниями [см., например: УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 5991. Т. 1. Л. 148].

В это время немалая нагрузка по решению споров между представителями балкарского населения Нальчикского округа по вопросам о взыскании долгов ложилась на сельские (аульные) суды. Об этом можно судить на основе анализа апелляционных жалоб, подаваемых на их решения во временное отделение горского словесного суда. Так, например, в 1910 г. временное отделение рассматривало следующие апелляционные жалобы на решения сельских судов: 1) на решение сельского суда балкарского общества от 1909 г. о взыскании долга в размере 17 руб. с А-ва в пользу М-ва (горский словесный суд оставил решение сельского суда в силе) [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 5991. Т. 1. Л. 164 об. – 165]; 2) на заочное решение сельского суда урусбиевского общества о взыскании с А-ва 50 руб. деньгами или скотом (решение было отменено и направлено на новое рассмотрение в тот же суд¹) [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 5991. Т. 1. Л. 164 об. – 165]; 3) на решение сельского суда хуламского общества от 1909 г. о взыскании долга в размере 28 руб. с А-ва в пользу А-ва (ГСС оставил решение сельского суда в силе) [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 5991. Т. 1. Л. 165 об. – 166]; 4) на решение сельского суда урусбиевского общества от 1909 г. о взыскании долга в размере 50 руб. за сено (или же отдать сено) с Х-ва в пользу Х-ва (ГСС отменил решение сельского суда и поручил ему разобрать это дело вновь более обстоятельно через допрос указанных сторонами свидетелей) [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 5991. Т. 1. Л. 165 об. – 166]. При этом, типология споров и формы их решения в горском словес-

¹ А.Б.: Это решение было отменено на основании, что сельские суды не имели права принимать решения по рассматриваемым делам в заочном порядке. В качестве меры ответственности за неправильно принятое решение горский словесный суд постановил «поставить на вид» сельский суд [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 5991. Т. 1. Л. 166].

ном и сельских судах были схожими, различалась лишь цена иска, т.к. являлась основным критерием разграничения их подсудности.

С этого времени в большинстве случаев прошения (исковые заявления) потерпевших подкреплялись письменными расписками от должников. Расписки, как правило, заверялись старшинами соответственных населенных пунктов или составлялись в присутствии свидетелей (о чем на них делалась соответствующая отметка или ставилась подпись / печать свидетелей) [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 3401. Л. 2]. Например, в 1910 г. временное отделение Нальчикского словесного суда разбирало дело по иску К-ва к А-вым о взыскании с них долга в размере 235 руб. на основании удостоверенной этим же судом расписки в рамках договора продажи земельного участка [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 5991. Т. 1. Л. 147 об.]. Суд на основании подтверждающих документов постановил взыскать указанную сумму [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 5991. Т. 1. Л. 148]. Другой пример: в 1914 г. в том же суде рассматривалось дело по иску представителя чегемского общества К-ва к балкарцу Ч-ву о взыскании с него долга в размере 324 руб. 75 коп. по расписке [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 6024. Т. 1. Л. 5 об.]. Суд прекратил дело из-за неявки сторон на судебное разбирательство [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 6024. Т. 1. Л. 6]. Иногда письменным подтверждаем нарушенных долговых обязательств были составленные в установленном порядке векселя. Например, в 1914 г. в деле о взыскании долга по векселю в размере 300 руб. с представителя балкарского общества Б-ва по иску А-ва суд постановил суд в качестве обеспечительной меры постановил наложить арест на имущество ответчика.

Свой регулятивный потенциал в качестве одной из форм доказывания при рассмотрении дел о неисполнении долговых обязательств по-прежнему оставались свидетельские показания. Например, в 1914 г. словесный суд в Нальчике на основании свидетельских показаний обязал взыскать в представителя чегемского общества Ш-ва в пользу односельчанина Б-ва 150 руб. за убитого им быка [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 6024. Т. 1. Л. 29]. Хотя приблизительно с середины 90-х гг. XIX в. важной формой доказывания постепенно становились письменные документы, подтверждавшие факт принятия долговых обязательств и составлявшиеся в установленном порядке должностными лицами (например, казначеем Кабардинской общественной суммы), в некоторых случаях в присутствии работников сельских (аульных) администраций, представителей мусульманского духовенства и очевидцев.

Споры по долговым обязательствам подлежали урегулированию как на основании судебных решений, так и на досудебных стадиях, например, в форме мировых соглашений. Мировые соглашения также оформлялись в суде письменном виде, сведения о них заносились в настольный журнал [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 6024. Т. 1. Л. 26]. «Мировые сделки» как письменные соглашения также представляют собой весьма информативную группу источников по исследованию долговых обязательств по нормам обычного права балкарского населения в конце XIX – начале XX в. В 1914 г. в Нальчикском ГСС разбиралось дело по иску жителя с. Атажукино I Д-ва к жителю с. Гунделен Б-ву о взыскании долга в размере 100 руб. и было завершено «мировой сделкой»

в связи с уплатой долга до судебного начала разбирательства [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 6024. Т. 1. Л. 11].

Заключение

Таким образом, в последней трети XIX – начале XX в. долговые обязательства возникали на основе применения в качестве социальных регуляторов институтов традиционной соционормативной культуры в области имущественных, поземельных, семейно-брачных отношений, а также (в некоторых случаях) в результате совершения противоправных действий. Споры по долговым обязательствам подлежали урегулированию в Нальчикском горском словесном суде, сельских (аульных) судах, иногда передавались на рассмотрение посреднических (медиаторских) судов. Основной формой ответственности по этой категории споров были материальные или денежные компенсации в объеме, эквивалентном понесенному ущербу, в чем устанавливается ее типологическое сходство с остальными группами общественных отношений, регулировавшихся на основании норм обычного права балкарцев. Ответчиками по делам о неисполнении долговых обязательств становились как должники непосредственно, так и их наследники. Новаторством в системе регулирования долговых обязательств у балкарцев региона было решение споров были споры о возмещении должниками займов, взятых из Кабардинской общественной суммы. Общим по этой категории споров было то, что инициатором разбирательств (истцом) был казначей суммы; решения выносились судом как в присутствии должника, так и в заочном порядке; итоговый размер компенсации превышал фактический долг и состоял еще из процентов за пользование им и штрафа; в случае финансовой и имущественной несостоятельности должника ответственность возлагалась на его поручителей. При этом в качестве основной формы доказывания применялись составленные и заверенные в установленном порядке письменные документы (векселя, договора купли-продажи, займа, расписки и т.п.), а при их отсутствии – показания свидетелей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 1911 – *Абаев М.К.* Балкария: исторический очерк // Мусульманин. – 1911. – № 14–17. – С. 586–627.
- Абазов 2014 – *Абазов А.Х.* Нальчикский округ в судебной системе Терской области (последняя треть XIX – начало XX в.). – Нальчик, Издательский отдел КБИГИ, 2014. – 104 с.
- Абазов 2015 – *Абазов А.Х.* Горские словесные суды Терской и Кубанской областей в 1871–1918 гг. // История государства и права. – 2015. – № 23. – С. 58–63.
- Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 264 с.
- Абазов 2017 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в политико-правовом пространстве Российской империи: судебные преобразования конца XVIII – начала XX в.: дисс. д-ра ист. н-к. – Нальчик, 2017. – 505 с.
- Абазов 2022 – *Абазов А.Х.* Документирование деятельности Нальчикского горского словесного суда: делопроизводство и обеспечение внешней коммуникации // Электронный журнал "Кавказология". – 2022. – № 4. – С. 239–255

Азаматов 1967 – *Азаматов К.Г.* Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX в. Автореф. дис. канд. ист. н-к. – Нальчик: б. и., 1967. – 22 с.

Битова 1997 – *Битова Е.Г.* Социальная история Балкарии XIX века: Сельская община. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 173 с.

Глашева 2014 – *Глашева З.Ж.* Развитие товарно-денежных отношений в балкарских обществах в пореформенный период // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – № 4 (60). – С. 141-147.

Документы по истории Балкарии 1959 – *Документы по истории Балкарии 40-90 гг. XIX в.* / Сост. Е.О. Крикунова. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. – 239 с.

Документы по истории Балкарии 1962 – *Документы по истории Балкарии (конец XIX в. – начало XX в.)* / Сост. Е.О. Крикунова. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. – 308 с.

Жакомихов 1965 – *Жакомихов Т.А.* История народного хозяйства Кабардино-Балкарии. Часть 1. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. – 208 с.

Кузьминов, Абаева 2020 – *Кузьминов П.А., Абаева М.Ш.* Становление товарно-денежных отношений в Балкарии во второй половине XIX – начале XX вв. // Российское предпринимательство: история развития, опыт и место в политико-экономическом дискурсе (на примере развития предпринимательства в России и Северокавказском регионе): материалы Всероссийской научной конференции, Карачаевск, 06–07 июля 2020 года. – Карачаевск: б/и., 2020. – С. 133-145.

Материалы... 1912 – *Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края* / Собрано под наблюдением сенатора и.о. обер-прокурора общ. собр. кассац. деп. Правительствующего сената Н.М. Рейнке, чл. Моск. судеб. палаты Н.М. Агишевым и тов. прокурора Тамб. окр. суда В.Д. Бушеном. Санкт-Петербург: Сенаторская типография, 1912. 288 с.

Муратова 2007 – *Муратова Е.Г.* Поземельные отношения у балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. // Этнографическое обозрение. – 2007. – № 3. – С. 147-156.

Нухрикан 2015 – *Нухрикан Е.С.* Эволюция правового регулирования землепользования в горских обществах Карачая и Балкарии (1860-е гг. – начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 6-2 (56). – С. 128-134.

Нухрикан 2016 – *Нухрикан Е.С.* Социально-экономическое развитие и хозяйственные отношения в Карачае и Балкарии в XIX – начале XX в.: автореф. дисс. канд. ист. н-к. – Владикавказ, 2016. – 22 с.

Студенецкая 1958 – *Студенецкая Е.Н.* Ортак – одна из форм эксплуатации в Карачае и Балкарии (конец XIX – начало XX в.) // СТКЧГПИ. – 1958. – Вып. 1. – С. 215-232.

Тульчинский 1903 – *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды. – Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1903. – 154 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центра Государственного Архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-22 «Нальчикский горский словесный суд».

REFERENCES

ABAEV M.K. *Balkariya: istoricheskii ocherk* [Balkaria: a historical sketch]. In: Musul'manin. – 1911. – № 14–17. – P. 586–627. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Nal'chikskii okrug v sudebnoi sisteme Terskoi oblasti (poslednyaya tret' XIX – nachalo XX v.)* [Nalchik district in the judicial system of the Tersk region (the last third of the XIX – early XX century)]. – Nal'chik, Izdatel'skii otdel KBIGI, 2014. – 104 p. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Gorskie slovesnye sudy Terskoi i Kubanskoi oblastei v 1871-1918 gg.* [Mountain verbal courts of the Tersk and Kuban regions in 1871-1918]. In: Istoriya gosudarstva i prava. – 2015. – № 23. – P. 58-63. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late XVIII – early XX century]. – Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2016. – 264 p. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v politiko-pravovom prostranstve Rossiiskoi imperii: sudebnye preobrazovaniya kontsa XVIII – nachala XX v.* [Abazov A.H. The peoples of the Central Caucasus in the political and legal space of the Russian Empire: judicial transformations of the late XVIII - early XX centuries]: diss. d-ra ist. n-k. – Nal'chik, 2017. – 505 p. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Dokumentirovanie deyatel'nosti Nal'chikskogo gorskogo slovesnogo su-da: deloproizvodstvo i obespechenie vneshnei kommunikatsii* [Documenting the activities of the Nalchik Mountain Verbal Court: case management and provision of external communication]. In: *Elektronnyi zhurnal "Kavkazologiya"*. – 2022. – № 4. – P. 239-255. (In Russ.).

AZAMATOV K.G. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie i obychnoe pravo balkartsev v pervoi polovine XIX v.* [The socio-economic situation and customary law of the Balkars in the first half of the 19th century.]. Avtoref. dis. kand. ist. n-k. – Nal'chik: b. i., 1967. – 22 p. (In Russ.).

BITOVA E.G. *Sotsial'naya istoriya Balkarii XIX veka: Sel'skaya obshchina* [The Social History of the 19th century Balkaria: A rural community]. – Nal'chik: El'brus, 1997. – 173 p. (In Russ.).

GLASHEVA Z.ZH. *Razvitie tovarno-denezhnykh otnoshenii v balkarskikh obshchestvakh v po-reformennyi period* [The development of commodity-money relations in the Balkan societies in the post-reform period]. In: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2014. – № 4 (60). – P. 141-147. (In Russ.).

Dokumenty po istorii Balkarii 40-90 gg. XIX v. [Documents on the history of Balkaria 40-90 years of the XIX century] / Sost. E.O. Krikunova. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. – 239 p. (In Russ.).

Dokumenty po istorii Balkarii (konets XIX v. – nachalo XX v.) [Documents on the history of Balkaria (late XIX century – early XX century)]. In: / Sost. E.O. Krikunova. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. – 308 p. (In Russ.).

ZHAKOMIKHOV T.A. *Istoriya narodnogo khozyaistva Kabardino-Balkarii* [The history of the national economy of Kabardino-Balkaria]. Chast' 1. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. – 208 p. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A., ABAEVA M.SH. *Stanovlenie tovarno-denezhnykh otnoshenii v Balkarii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [The formation of commodity-money relations in Balkaria in the second half of the XIX – early XX centuries]. In: *Rossiiskoe predprinimatel'stvo: istoriya razvitiya, opyt i mesto v politiko-ekonomicheskom diskurse (na primere razvitiya predprinimatel'stva v Rossii i Severokavkazskom regione): materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Karachaevesk, 06–07 iyulya 2020 goda*. – Karachaevesk: b/i., 2020. – P. 133-145. (In Russ.).

Materialy po obozreniyu gorskikh i narodnykh sudov Kavkazskogo kraia [Materials on the review of the mountain and people's courts of the Caucasus Region] / Sobrano pod nablyudeniem senatora i.o. ober-prokurora obshch. sobr. kassats. dep. Pravitel'stvuyushchego senata N.M. Reinke, chl. Mosk. sudeb. palaty N.M. Agishevym i tov. prokurora Tamb. okr. suda V.D. Bushenom. – Sankt-Peterburg: Senatorskaya tipografiya, 1912. – 288 p. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Pozemel'nye otnosheniya u balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Land relations among the Balkars in the second half of the XIX – early XX century]. In: *Etnograficheskoe obozrenie*. – 2007. – № 3. – P. 147-156. (In Russ.).

NUKHRIKYAN E.S. *Evolutsiya pravovogo regulirovaniya zemlepol'zovaniya v gorskikh obshchestvakh Karachaya i Balkarii (1860-e gg. – nachalo XX v.)* [Evolution of legal regulation of land use in the mountain societies of Karachay and Balkaria (1860s - early twentieth century)]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. – 2015. – № 6-2 (56). – P. 128-134. (In Russ.).

NUKHRIKYAN E.S. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie i khozyaistvennye otnosheniya v Karachae i Balkarii v XIX – nachale XX v.* [Socio-economic development and economic relations in Karachay and Balkaria in the XIX – early XX century]: avtoref. diss. kand. ist. n-k. – Vladikavkaz, 2016. – 22 p. (In Russ.).

STUDENETSKAYA E.N. *Ortak – odna iz form ekspluatatsii v Karachae i Balkarii (konets XIX – nachalo XX v.)* [Ortak is one of the forms of exploitation in Karachay and Balkaria (late XIX – early XX century)]. In: STKChGPI. – 1958. – Vyp. 1. – P. 215-232. (In Russ.).

TUL'CHINSKII N.P. *Pyat' gorskikh obshchestv Kabardy* [Five mountain societies of Kabarda]. – Vladikavkaz: Tipografiya Terskogo oblastnogo pravleniya, 1903. – 154 p. (In Russ.).

Upravlenie Tsentra Gosudarstvennogo Arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Department of the Center of the State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. F. I-22 «Nal'chikskii gorskii slovesnyi sud». (In Russ.).

Информация об авторе

А.Ж. Байчекуева – старший преподаватель.

Information about the author

A.Zh. Baichekueva – a senior lecturer.

Статья поступила в редакцию 02.04.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.05.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 02.04.2024; approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья

УДК 929+930.2

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-188-201

EDN: DXIFUP

СВИДЕТЕЛЬСТВА ДЖОНА БЕЛЛА О КНЯЗЕ АЛЕКСАНДРЕ БЕКОВИЧЕ-ЧЕРКАССКОМ И ЕГО ПОХОДЕ В ХИВУ

Владимир Васильевич Яковлев

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург, Россия, nii.region@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5364-3614>

Аннотация. В статье рассматриваются два свидетельства, посвященные хивинскому походу князя Александра Бековича-Черкасского, которые принадлежат современнику событий шотландскому врачу и дипломату Джону Беллу. Одно вошло в его книгу «Путешествия из Санкт-Петербурга в России в различные части Азии» (том 1, посвященный поездке в Персию), которая была издана в 1763 году и в 1776 году переведена на русский язык. Другое свидетельство неизвестно в науке, т. к. содержится только в неопубликованной (в т. ч. на английском языке) рукописи «Разнообразные рассказы о Петре Великом», сохранившейся в архиве Национальной библиотеки Шотландии (Глазго). В статье полностью приводятся эти тексты. Из книги путешествий – в современном переводе, сделанном специально для данной статьи, из сборника рассказов о Петре I текст публикуется впервые. Приводится краткий анализ с привлечением документов и публикаций, посвященных этой теме. Значение данных свидетельств заключается в том, что они принадлежат человеку, который был современником событий. Д. Белл находился в Персии, когда они происходили (именно туда удалось бежать солдатам отряда Бековича, избежавшим плена). В то же время подавляющее большинство известных в литературе свидетельств были записаны и опубликованы спустя полвека и позднее после похода.

Ключевые слова: Джон Белл, князь Александр Бекович-Черкасский, Хивинский поход 1717 года, Хивинское ханство, Петр I, исторический источник

Для цитирования: Яковлев В.В. Свидетельства Джона Белла о князе Александре Бековиче-Черкасском и его походе в Хиву // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 188-201. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-188-201. EDN: DXIFUP.

© Яковлев В.В., 2024

Original article

JOHN BELL'S ACCOUNTS ON PRINCE ALEXANDER BEKOVICH-CHERKASSKY AND HIS CAMPAIGN TO KHIVA

Vladimir V. Yakovlev

North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, nii.region@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5364-3614>

Abstract. The article examines two accounts dedicated to the Khivan campaign of Prince Alexander Bekovich-Cherkassky, by the contemporary Scottish physician and diplomat John Bell. One of them was included in Bell's book "Travels from St. Petersburg through Russia to Various Parts of Asia" (in Volume 1, containing the notes on the trip to Persia) published in 1763 and translated into Russian in 1776. Researchers have not widely known about the other account until now, as it is only contained in the unpublished (not even in English) manuscript entitled "Sundry Anecdotes of Peter the First," preserved in the archives of the National Library of Scotland (Glasgow). Both texts are presented in the article in toto. The one from the travel book – in a new translation made especially for this article; the one from the collection of anecdotes about Peter the Great is published for the first time. A brief analysis is provided, involving documents and publications dedicated to this topic. The significance of these accounts lies in the fact that they belong to a person who was a contemporary to the event: J. Bell was in Persia when they occurred (it was there that the soldiers of Bekovich's detachment who had escaped captivity managed to flee), and the majority of accounts of the event known in the literature were recorded and published half a century and more after the campaign.

Keywords: John Bell, Prince Alexander Bekovich-Cherkassky, Khivan Campaign of 1717, Khiva Khanate, Peter I, historical source

For citation: Yakovlev V.V. John Bell's accounts on prince Alexander Bekovich-Cherkassky and his campaign to Khiva. IN: Electronicjournal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 188-201. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-188-201. EDN: DXIFUP.

© Yakovlev V.V., 2024

Одним из интересных и содержательных источников сведений о России начала XVIII в., жизни населяющих ее народов являются сочинения иностранцев, приехавших в Россию с началом реформаторской деятельности Петра Первого, в том числе представители Британии. Большую работу по сбору и описанию англоязычных источников по этой теме проделал известный английский ученый Э. Кросс в книге «Страна Романовых. Аннотированная библиография англоязычных описаний Российской Империи (1613-1917), сделанных очевидцами» [Cross 2014; см. также: Кросс 2005]. Среди британских подданных особое место занимает шотландский врач, выполнявший в России и дипломатические функции, Джон Белл (1691-1780), оставивший свои записки о России и сопредельных странах, которые он посещал в составе посольств. В России в общей сложности он провел двадцать лет. Восемь лет (1714–1722 гг.) был на службе при дворе Петра Первого и двенадцать (1734–1746 гг.) представлял Британию во время правления Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны.

Джон Белл родился в 1691 г. в Шотландии, в поместье Антермони, располагавшемся севернее Глазго. Учился в университете города Глазго, получил степень доктора медицины. Сразу после окончания учебы, заручившись рекомендательным письмом к своему соотечественнику лейб-медику Петра I Роберту Эрскину (Арескину), отправился в далекую Россию на службу к русскому

царю. Сам Белл в качестве основной причины такого выбора приводит свою тягу к путешествиям. «С юных лет жило во мне сильное желание повидать чужие страны, и для удовлетворения оно, получив рекомендательные письма от некоторых достойных людей к доктору Эрскину; главному медику и тайному советнику царя Петра I, взошел я в июле 1714 г. в Лондоне на борт корабля “Просперити” и под началом капитана Эмерсона, чтобы отправиться в Петербург» [Bell 1763: XIII].

Эрскин, который занимал особое место среди окружения Петра, встретил Белла благожелательно. Но не о медицинской карьере просил Белл. «Ему я поведал о помыслах моих найти возможность посетить некоторые земли Азии, хотя бы те, что граничат с Россией», – вспоминал Белл [Bell 1763: XIII]. Как раз в это время готовилось посольство в Персию, и к Эрскину обратился А.П. Волынский, который возглавлял посольство, с просьбой порекомендовать врача. Эрскин рекомендует Белла, который позднее отмечал: «И сделал это так замечательно, что обрел я дружбу и уважение посла не только на время путешествия, но и на долгие годы, до самых последних дней его жизни. Одновременно доктор представил меня Коллегии иностранных дел, и той я был привлечен на службу Петру I» [Bell 1763: XIII]. В июле 1715 г. он отправился в свою первую поездку, которая продлилась полтора года [Подробнее о посольстве см.: Бушев 1978]. Вернувшись в Петербург, Белл занимается врачебной практикой, но больше всего мечтает о новом путешествии. В это время готовилось большое посольство в Китай и Белл, по рекомендации Волынского был включен в его состав. В 1719–1722 гг. он совершает самое продолжительное путешествие из Петербурга в Пекин и обратно [Подробнее о посольстве см.: Самойлов 2021; Благодар, Чупрытников 2022; Яковлев, Перлин 2023a].

И практически сразу становится участником Персидского похода – в мае 1722 г. в составе Низового корпуса он уезжает на Волгу, плывет по Каспийскому морю и добирается вместе с русским войском до Дербента [Курукин 2010: 30-50].

В конце ноября 1722 г. Белл возвращается в Москву, где узнает о смерти своего отца, и для вступления в наследство возвращается на родину, куда отвозит и различные «дикины», которые собирал во время своих поездок.

Возвращается в Россию Белл уже после смерти Петра, в 1734 г. И уже не на службу, и не врачом, а в качестве секретаря британского резидента при императорском дворе К. Рондо. Несмотря на отсутствие в России двенадцать лет, во время которых прошли серьезные изменения и многие знакомые Белла или умерли, или уже не занимали серьезных постов, память о нем сохранилась, что и привело к еще одной поездке. Вероятно, свою роль сыграли и сохранившиеся добрые отношения с А.П. Волынским.

В это время шла война между Россией и Османской империей (1734-1739 гг.). Она приняла затяжной характер, стала весьма обременительной, и Россия стала искать возможность для заключения мира. После нескольких неудачных попыток вице-канцлер А.И. Остерман, фактически руководивший внешней политикой, составил документ (манифест) с разъяснениями позиций России по этому вопросу. Поскольку российский подданный в годы войны не имел воз-

можности приехать в Османскую империю, была достигнута договоренность, что манифест привезет Белл и передаст британскому резиденту в Константинополе Э. Фокенеру, который обещал ознакомить с его содержанием турецкие власти. Так об этом писал в своем донесении в Лондон К. Рондо: «Я отвечал [А.И. Остерману – В.Я.], что если отправка манифеста через мои руки или письма от меня к сэру Эверарду Фаукенеру может служить Ее Величеству, я готов отправить в Константинополь секретаря моего, Белла, человека, на которого можно положиться вполне» [Донесения и другие бумаги 1892: 223]. Поездка заняла полгода (6 декабря 1737 – 17 мая 1738 гг.).

В Петербурге Белл прожил еще несколько лет, продолжая выполнять функции секретаря британского резидента, и даже некоторое время выполнял его функции (после смерти К. Рондо и до прибытия нового резидента Эдварда Финча), периодически отправляя донесения в Лондон о местных событиях. В 1746 году он возвращается в Шотландию, поселяется в родном Антермоне.

Современники «Белла запомнили как добросердечного, доброжелательного, общительного человека, а местные жители называют его “Честным Джоном” <...> Джон Белл описывается как человек, отличавшийся приятной простотой манер в личной жизни и самым священным уважением к истине во всем, что он говорил и делал» [A Journey from St Petersburg to Pekin 1719-22 1966: 6.]. Он умер 1 июля 1780 г.

Но остался в истории Белл в первую очередь благодаря своим запискам, которые он делал во время всех своих путешествий, в которых подробно описывал увиденное – народы, через земли которых довелось проезжать, их обычаи, особенности жизни и быта, легенды, приемы при дворе персидского шаха и императора Китая, города, природу, животных, растения и мн. др. [Яковлев 2023; Яковлев, Перлин 2023b; Яковлев, Перлин 2024]. «В ходе путешествий я время от времени делал записи в путевом дневнике, стремясь лишь к тому, чтобы сохранить в памяти то важное, что я смогу поведать при случае в беседе с друзьями и что окажется полезным для тех, кто соберется пройти тем же маршрутом», – писал Белл, отмечая, «что в основном заносил я сюда только то, что представлялось мне достойным, избегая приукрашивания, преувеличения и измышления, в которых часто упрекают путешественников» [Bell 1763: XIV].

Уже после возвращения на родину они были оформлены в виде книги и изданы в 1763 г. под названием «Путешествия из Санкт-Петербурга в России в различные части Азии». Она была встречена с интересом и сразу была переведена на французский, немецкий и голландский языки. Как отмечал современник: «“Беллевы Путешествия” напоминают простотой “Гулливера” с тем преимуществом, которое истина всегда имеет перед вымыслом» [Quarterly Review: 465]. В 1776 г. был издан русский перевод, осуществленный М. Поповым, но не с английского оригинала, а с французского издания 1766 г. [Беллевы путешествия 1776].

Белл является также автором еще одного небольшого сочинения, в которое вошли рассказы о Петре, его окружении, различных событиях, свидетелем которых Белл был или о которых он слышал от своих друзей и знакомых – «Разнообразные рассказы о Петре Первом». Оно не было опубликовано и практиче-

ски не привлекало внимания исследователей. О его существовании кратко упоминает английский историк Э. Кросс, а также Т. А. Лаптева [Лаптева 1994: 172-173; Кросс 2013: 134].

Рукопись хранится в Национальной библиотеке Шотландии (Глазго) и датирована 10 сентября 1779 г. с отметкой места создания – Антермони (родовое поместье Беллов, расположенное недалеко от Глазго) [National Library...: 109]. Вероятно, эта дата указывает на завершение работы. Сами рассказы записывались ранее, причем, не один год. «Через много лет после возвращения г-на Белла из путешествий он забавлял своих друзей рассказами о виденном, освежая с помощью простого дневника событий и наблюдений», – писал его современник [Quarterly Review 1817: 464]. Но в следующем 1780 г. Белл умирает, а рукопись так и осталась неопубликованной.

Она не представляет из себя единый цельный текст. Это небольшие, иногда совсем краткие без заголовков рассказы и характеристики, в первую очередь посвященные Петру (участие царя в тушении пожаров и различных мероприятиях, общение с окружением, образ жизни, привычки, внешний облик, увлечения, посещение Дании в 1716 г.). Интерес представляют заметки, посвященные деятелям петровского времени, с которыми Белл был знаком – князю М.П. Гагарину и его печальной судьбе, казаку И.М. Краснощекову, калмыку Саре, служившему в Чугуевском казачьем войске, А.Д. Меншикову и др. В настоящее время это сочинение готовится к изданию на русском языке.

Среди них имеется и рассказ о Хивинском походе года князя Александра Бековича-Черкасского. Упомянул об этом походе Белл и в первой части своей книги, посвященной путешествию в Персию именно в это время – в 1715-1717 гг. («Путешествие из Санкт-Петербурга по России до Исфахана в Персии с посольством Его Императорского Величества Петра I к персидскому шаху Хусейну Сафи»), что позволяет говорить о том, информацию Белл получал от непосредственных свидетелей этого события. О походе Бековича-Черкасского существует большая литература, первые публикации появились еще во второй половине XVIII в. [Миллер 1760; Могутов 1777; Попов 1853; Соловьев 1963: 350-353 и мн. др.] Продолжает эта тема интересовать исследователей вплоть до сегодняшнего дня, о чем свидетельствует обстоятельная работа Ж.Х. Адилова, посвященная историографии вопроса [Адилов 2014: 47-61]. При этом источников, современных походу и судьбе князя, особенно иностранных, сохранилось не так и много. Поэтому следует ввести в научный оборот не издававшееся и не известное исследователям свидетельство современника событий. Так же, учитывая, что рассказ Белла о Бековиче в книге, посвященной путешествию в Персию, недостаточно представлен в историографии (о нем не упоминает даже Ж.Х. Адилов), представляется целесообразным полностью воспроизвести и его. В деталях они повторяют и дополняют друг друга (хотя, есть и некоторые отличия), что свидетельствует не только о том внимании и интересе, которые уделял Белл этому персонажу, но и о тщательности, с которой подходил к изложению сведений.

В «Разнообразных рассказах о Петре Великом» эта история выглядит следующим образом:

«Царь хорошо знал людей, и тем не менее часто становился жертвой обмана и предательства. Я коротко расскажу об одном из таких случаев. В 1717 году греческие и армянские купцы, торговавшие с Бухарой и маленьким государством под названием Хива, граничившим с Персией, примерно в одном дне пути от юго-восточной оконечности Каспийского моря, прибыли в Петербург и привезли с собой золото в слитках различной формы, которое, по их уверениям, было найдено в реке недалеко от Бухары, или скорее, Хивы. Имя той реке было Александрия [Амударья – В.Я.], выдуманное, по самому тщательному исследованию оно не было обнаружено, и вообще, как оказалось впоследствии, золото эти обманщики привезли из Индии. Однако же этот случай дал начало проекту, согласно которому предполагалось послать несколько судов, солдат из астраханского гарнизона, чтобы найти эту реку «Александрию». Ими командовал капитан гвардии Бекович-Черкасский, джентльмен честный и прямой, но не привыкший к трюкам и обману со стороны людей, с которыми ему пришлось столкнуться в ходе своей экспедиции. Он был сыном дагестанского князя, владыки племени горцев Черкесии. Отец отправил его в качестве аманата в Россию, где он и получил образование и воспитание.

Он прибыл в Астрахань, где все уже было приготовлено для путешествия. Солдаты в количестве от 3 до 4 тысяч погрузились на транспортные суда, с запасом провизии на шесть месяцев и отплыли вниз по Волге к Каспийскому морю. Через несколько дней они благополучно прибыли к месту назначения, называвшемуся Красные Воды, пустынное побережье на юго-востоке этого моря, где после высадки разбили лагерь и возвели небольшую крепость с пушками и причалом для судов. Командир отправил офицера к хану Хивы, чтобы оповестить того о своем прибытии и дружеских намерениях, а также испросить от имени Царского Величества позволения недолгое время оставаться в этих землях и получить все необходимые припасы, за которые он заплатит наличными. Хан, или главный магистрат города Хивы принял офицера с чрезвычайной учтивостью, объявив о своем глубоком почтении к его Царскому Величеству и дружелюбно пригласил Бековича-Черкесского и его офицеров в город, и даже послал людей в качестве проводников. Оставив пехотный полк (во времена Петра – 1000–1300 человек) в красноводской крепости, командир примерно с тремя тысячами человек совершил переход до Хивы в сопровождении посланных ханом чиновников, которые обеспечили их в достатке всем необходимым для марша. Невдалеке от города Бекович встал лагерем, а вслед за этим хан поставил рядом с шатром русских свой великолепный шатер, где собрались все главы города, и пригласил Бековича и его офицеров на большое угощение. Приглашение было принято, и пир прошел вполне дружелюбно. Угощение и дружеское общение продолжалось в течение нескольких дней, пока наконец Хан не прибег к хитроумной уловке, сказав, что нахождение такого количества солдат так близко от города заставляет горожан усомниться в их дружелюбных намерениях, и попросив Бековича разделить солдат на небольшие отряды и расположить их в соседних деревнях. Когда это предложение было доведено до полковника и офицеров, многие возражали против разделения, а один пожилой полковник-немец сообщил командиру, что если он их разделит, то всё пропало.

Несмотря на это, было решено разделить войско и разместить его на постой у мирного населения, и вскоре хан со своими чиновниками попытались разоружить их и не дать им снова соединиться, так что Бекович и несколько его офицеров остались одни, не зная, что происходит с их солдатами. Хан, добившись этого, пригласил Бековича на обед в свой шатёр и по его приходу начал расспрашивать о каких-то мелочах, на что тот отвечал не так вежливо, как то ожидалось. Бековича схватили и отрезали ему голову. Эти дикари не удовлетворились сделанным, но распоролы его тело, набили соломой и выставили над воротами, а всех офицеров и солдат продали в рабство. Некоторые из них сбежали и добрались до крепости с печальной вестью о произошедшем. Они все погрузились на суда и отплыли в Астрахань.

Таков был конец этой безнадежной экспедиции. Царь в это время был занят войной со шведами, что не дало ему возможности отплатить хивинцам за их коварство» [National Library of Scotland. Carmichael and Gordon's Papers. MS. 109; 31-35].

В восьмой главе («Из Шамахи в Петербург») первого тома своих путешествий («Путешествие из Санкт-Петербурга в России до Исфахана в Персии с посольством Его Императорского Величества Петра I к персидскому шаху Хуссейну Сафи», Белл при описании Хивинского ханства также рассказывает о походе Бековича-Черкасского и его трагической судьбе. Учитывая, что перевод книги Белла М. Поповым был сделан не с оригинала, а с французского издания еще в XVIII в., ниже приводится современный перевод с первого английского издания, сделанный специально для данной статьи. Примечательно, что этот фрагмент Попов сопровождает своим примечанием: «Описанная здесь посылка г. Бековича почти во всем несходствует с нашими историками [Белевы путешествия 1776: 127]. При переводе были сохранены некоторые особенности в написании (Шамачи (Шамаха, Шемаха), Беквиц (Бекович), Красна-Вода (Красноводск, совр. Туркменбаши). Также Белл везде именует тюркские племена татарами.

«Хива – обширная территория, лежащая в двух-трех днях пути к востоку от Каспийского моря, с юга граничащая с Персией, а на востоке – с Бухарой. Столица, носящая то же имя, велика и обильно населена. Она управляется ханом, избираемым этим народом. Они весьма непокорны и опасны, как для путешественников, так и для соседей, часто совершают грабительские налёты на первых и учиняя бесчинства над последними. Хотя Хива и хорошо укреплена, их главная защита – голая песчаная пустыня вокруг» [Bell 1763; 42].

«Люди Хивы, земли, расположенной к востоку от Каспийского моря, несколько раз грабили и расхищали караваны русских купцов, шедших в Бухару. Его царское Величество решил послать небольшой отряд регулярных войск, а также казаков, чтобы потребовать сатисфакции за такие бесчинства, совершенные в мирное время. С этой целью капитан гвардии Беквиц, назначенный командиром этой экспедиции, летом 1716 года отправился в Астрахань, чтобы провести необходимые приготовления до следующей весны. Погрузив [на суда] солдат, провизию и амуницию, он в подходящее время направился через Каспийское море и высадился в месте под названием Красна-Вода, что означает «красная вода», так близко от Хивы, как было возможно сделать с удобством. Места эти были бесплодны и пустынные. Пришвартовав суда к берегу, он построил небольшую крепостицу на случай непредвиденных обстоятельств, для прикрытия отступления.

Между тем он отправил хану Хивы дружественное послание, чтобы оповестить о своём прибытии и попросить о припасах и размещении для своих солдат, за что предложил расплатиться наличными. Хитрый татарин ответил, что он может прибыть в Хиву совершенно без опаски, и там все его пожелания будут исполнены. Вместе с тем он прислал в подарок фрукты и свежую провизию, а также проводников для сопровождения, и выразил глубочайшее почтение Его царскому Величеству. Г-н Беквиц, оставив в крепостице три сотни людей для охраны лагеря и провизии, с остальным отрядом и несколькими пушками направился в Хиву.

За три или четыре дня они добрались до окрестностей этого города, где их встретили несколько старейшин, чтобы передать приветствие хана и решить задачу размещения солдат. Данный вопрос было не просто уладить.

Г-н Беквиц настаивал, чтобы всех его людей разместили в городе, и только помутнение рассудка смогла побудить его изменить такому осмотрительному плану. Но татары выдвинули массу возражений, хотя и притворились, что и хан, и сами они готовы согласиться на это. Однако городское население противилось этому и опасалось присутствия такого количества вооруженных людей в пределах городских стен. И поэтому они предложили, дабы успокоить настроения горожан, чтобы он [Беквиц – В.Я.] разделил своих людей, чтобы их можно было с удобством разместить в нескольких соседних деревнях, а сам он мог бы поселиться в

городе вместе с достаточным количеством охраны. Такое предложение вызвало возражения у старших офицеров, которые увидели в нем хитрый план уничтожения [русского отряда]. В конце концов так оно и случилось.

Г-н Беквиц, обманутый фальшивыми обещаниями, наконец согласился развести солдат по поселениям. И как только они разделились на небольшие отряды, то сразу же были окружены и атакованы превосходящими силами татар. Большинство было убито или взято в плен, а позже продано в рабство. Некоторые, подняв тревогу, успели взяться за оружие и некоторое время храбро оборонялись, надеясь прорваться к лагерю и судам. Однако земли вокруг были пустынные, татарские конники нападали днем и ночью, и наконец они сдались фатальной неизбежности. Неосмотрительность генерала была единственной причиной этого несчастья, поскольку, не имея недостатка в провизии и боеприпасах, держи он солдат вместе, объединенной силы этих татар не хватило бы, чтобы помешать ему вернуться к лагерю и судам.

Татары затем напали и на крепостицу. Но гарнизон отбил атаку, и, узнав о произошедшем в Хиве, уничтожил лагерь, погрузился на суда и отплыл в Астрахань. Однако погода не позволяла добраться до этого порта, так что встречный ветер заставил отряд направиться в Низабат, чтобы переждать зиму. Персы их приняли радушно, и присутствие русского посланника в Шамачи способствовало облегчению участи этих бедолаг.

Сам несчастный Беквиц был взят в плен. За ним послали, пригласив в шатер хана под предлогом необходимости обсудить какое-то дело, а там отрубили голову. Затем, варварски выместив злобу на мертвом теле, его выпотрошили, набили соломой и выставили у городских ворот.

Этот несчастный господин <...> в младенчестве был послан в Россию в качестве аманата» [Bell 1763; 142-147].

Белл объединяет в своих рассказах два похода, возглавляемые Бековичем-Черкасским. Поводом для первого похода было появление в 1713 г. некоего Ходжи Нефеса, «родом Садыр Трухменец, владенья Сайдами салтана, которой под владением калмыцкого хана Аюки [Дело 1714-1718 годов 1871: 326] в Астрахане, который рассказал местному дворянину князю Михаилу Самонову (Заманову) о том, что на территории вблизи Амударьи и Каспия есть золотой песок, а хивинский хан, боясь русских, засыпал устье реки при впадении ее в море. Но если плотину разрушить и русло вернуть, то золото можно добыть. Эта информация была доложена Петру. Одновременно ему пишет губернатор Сибири князь М.П. Гагарин, что «недалеко от Бухары при городе Эркети на реке Дарья» есть золотой песок.

Петр в 1714 г. снаряжает две экспедиции, одну под руководством И.Д. Бухгольца (через Тобольск и Иртыш в поисках Яркенда (Эркети), а другую в Хиву под началом Бековича-Черкасского. При этом сохранилось в передаче И.И. Голикова следующее замечание Петра, которое не подтверждает упомянутую Беллом доверчивость Петра: «если и не найдется искомое в реках тех золотом, то по крайней мере найден будет новый способ к получению оного посредством торговли через те страны с самой Индией» [Голиков 1838; 235].

После долгих поездок Бекович-Черкасский с участием Нефеса обследует эту местность и делает карту восточного берега Каспийского моря с обозначением старого русла Амударьи, которую представляет впоследствии Петру.

Петр одобряет результаты поездки и отправляет вторую экспедицию для строительства на месте устья реки крепости Красные воды, сопроводив Бековича-Черкасского большой инструкцией из 13 пунктов [Дело 1714-1718 годов

1871: 213-215]. Отправилась она в 1716 г., но закончилась неудачно. Бекович-Черкасский и сопровождавший его М. Самонов (Заманов) были убиты по распоряжению хана Хивы, а голова Бековича-Черкасского была отправлена в подарок бухарскому хану, который, правда, ее не принял, обратившись к посланникам с вопросом: «...кушает ли их хан человеческое мясо? И буде употребляет, шоб они обратно к нему посланную голову отвезли без замедления, а к нему отнюдь бы не ездили, ибо он к таковому его бесчеловечному поступку приобщиться не желает...» [Могутов 24].

В опубликованном в 1842 г. фрагменте донесения казанского губернатора от 25 октября 1717 г. (при публикации отмечено, что само донесение не сохранилось, отсутствует и имя губернатора (в это время им был П.М. Салтыков)) есть упоминание о том, что кожа была снята только с голов и они были набиты травой: «...хан капитана князя Черкасского и астраханского дворянина князя Михайлу Самонова казнил – отсек головы и кожи сняв, велел набить травой и поставил у ворот» [Записка о поездках Александра Бековича князя Черкасского 1842; 389]. При этом получается, что набита травой и выставлена у ворот была голова (вероятнее всего это неточность при публикации: «кожи сняв», конечно, не с головы, а с тела). Отсутствует также упоминание, что голова была отправлена бухарскому хану. В то же время при допросе, который состоялся 7 октября 1717 г., участник похода Уразмет Ахметев рассказал, что хан в Адарсе «за городом, званием у Адарских ворот на виселице велел повесить две головы, и говорили они хивинцы, что господина князя Черкасского и князь Михайло Заманова он хан казнил, отсек головы и на той виселице повесили. И он де Уразмет и сам видел, что две головы за городом у тех Адарских ворот на виселице повешены, а казни их никто не видел, и подлинно ль де их головы, того он Уразмет не ведает» [Дело 1714-1718 годов 1871: 320-321]. Ни о посылке головы бухарскому хану, ни о набивке тел травой он не упоминает. А Ходжа Нефес, который присутствовал при казни, в своих показаниях свидетельствовал, что «пред шатром хивинского хана, выветчи, напред казнили князь Михайлу Заманова, да астраханца Кирьяка Экономова, а потом вывели узбеки из палатки же господина князя Черкасского, и платье с него сняли, оставили в одной рубашке, и стоячего рубили саблею, и отсекли у них троих головы. <...> А тела де их и головы куды они девали... того он, Нефес, не видал» [Дело 1714-1718 годов 1871: 340-341]. Но сохранилось свидетельство другого участника похода – Алтына Хусейнова, который, по его словам, тайком ходил смотреть эти головы, но среди них не было головы Бековича, они принадлежали Заманову и Экономову [Дело 1714-1718 годов 1871: 350-351].

Обращает на себя внимание некоторые различия в текстах Белла, а также не точная дата начала похода в «Разнообразных рассказах» (1717 г.; вероятно, это связано с тем, что Белл был в этом году в Персии, когда и узнал о трагическом завершении похода). Касается это и освещения причин, по которым Петр решил предпринять эти походы. В «Путешествиях» Белл пишет, что поводом послужили нападения на русские караваны хивинцев, а в «Разнообразных рассказах» – обман неизвестных греческих и армянских купцов, соблаздивших царя возможностью добычей золота в районе Амударьи. Это может быть связано

с тем, что книга готовилась к изданию без участия Белла и в нее вносились редакторские правки, а рукопись рассказа сохранила авторский текст.

Также с различными акцентами повествуется о гибели Бековича. В «Разнообразных рассказах» он невежливо разговаривает с ханом («отвечал не так вежливо, как то ожидалось»), после чего ему отрубает голову, что можно расценить как наказание за неподобающее поведение. В «Путешествиях» это делают сразу, без каких-либо разговоров, в результате чего получается, что убийство было задумано заранее. В иных источниках этот нюанс (о неподобающем поведении Бековича) отсутствует. Да и само решение о разделении отряда Белл прямо связывает с его странностями («Г-н Беквиц настаивал, чтобы всех его людей разместили в городе, и только помутнение рассудка смогла побудить его изменить такому осмотрительному плану»). В то же время это вполне могло иметь место. После трагической гибели жены и дочери, по свидетельству участника похода А.И. Тевкелева, он очень сильно изменился, что позволило даже беспокоиться о его рассудке: «...в пути получил ведомость о жене своей, князя Бориса Алексеевича Голицына дочери, которую он чрезвычайно любил, что она будучи на реке Волге с двумя дочерьми его в великую бурю (отчего судно, ко коем она была опрокинулось), потонула; и печалась о ней лишился здравого рассуждения» [Могутов 1777: 25]; «В таковом состоянии будучи он, Беккович, лишился почти всего своего разума...» [Могутов 1777: 21]. Об этом упоминает и другой современник: «Думают, что тогда Бекевич в печали и сам не знал, что делал...» [Соймонов 1763: 25]. Примечательно, что в русском переводе книги Белла М. Поповым упоминание об этом было удалено. При этом не подлежит сомнению, что хан изначально планировал уничтожение отряда и убийство его руководителя. После обсуждения с советниками как можно обезопасить себя от возможной угрозы, которые советовали «употребить хитрость и обман, и тем самым сохранить от них свое государство» [Могутов 1777: 20], хан принял решение, что «...сие учиниться токмо может хитростью и обманом. Надлежит стараться, чтобы предводителя достать в свои руки, потом прочее получить не трудно» [Соймонов 1763: 22].

Сведения Белла, за исключением некоторых деталей, не содержат каких-либо уникальных сведений, в целом они известны в литературе. Но в том и значение этих небольших текстов, что они принадлежит человеку, который был современником события, находился в Персии, когда они происходили (а именно туда удалось бежать солдатам отряда Бековича, избежавшим плена). В то же время подавляющее большинство известных в литературе свидетельств были записаны и опубликованы спустя более чем полувека после похода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адилов 2014 – Адилов Ж.Х. Экспедиция Александра Бековича-Черкасского в Среднюю Азию: историографическая динамика // “O’zbekiston tarixi” журналы. – 2014. – № 4. – С. 47-61.

Белевы путешествия 1776 – Белевы путешествия чрез Россию в разные Азиатские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. Перевел с французского Михайло Попов. – СПб.: Императорская Академия наук, 1776. – Ч. 1. – 252 с.; Ч. 2. – 244 с.

Благодер, Чупрынников 2022 – Благодер Ю. Г., Чупрынников С.А. «Китайский» вектор политики Петра I (посольство Л.В. Измайлова) // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 8. – С. 99-103. DOI: 10.24158/fik.2022.8.16

Бушев 1978 – Бушев П.П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715-1718 гг. – М.: Наука, 1978. – 288 с.

Голиков 1838 – Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. 2-е изд. – Т. 1-15. – М.: Тип. Н. Степанова, 1837-1843. – Т. 5. – 1838. – 602 с.

Дело 1714-1718 годов 1871 – Дело 1714-1718 годов об отправлении лейб-гвардии Преображенского полка капитана-поручика князя Бековича-Черкасского на Каспийское море и в Хиву // Материалы Военно-ученого архива Главного штаба / Под. Ред. А. Ф. Бычкова. – Т. 1. – СПб.: Печатня В.И. Головина, 1871. – Стб. 197-400.

Донесения и другие бумаги 1892 – Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с августа 1736 г. по декабрь 1739 г. // Сборник Русского исторического общества. – 1892. – Т. 80. – СПб.: Тип. А. Траншеля, 1892. – 570 с.

Записка о поездках Александра Бековича князя Черкасского – Записка о поездках Александра Бековича князя Черкасского, к восточному берегу Каспийского моря и о сухопутной экспедиции его в Хиву // Москвитянин. – 1842. – Ч. VI. – № 12. – С. 373-394.

Кросс 2005 – Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. – 526 с.

Кросс 2013 – Кросс Э. Английский Петр. Петр Великий глазами британцев XVII–XX веков. – СПб.: Европейский дом, 2013. – 230 с.

Курукин 2010 – Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722-1735). – М.: Квадрига, 2010. – 376 с.

Лаптева 1994 – Лаптева Т.А. «Государство то всегда богато, котораго жители богаты»: «Просил нас аглинский купец...»: Документы из архивов России и Англии. 1714-1715 гг. // Исторический архив. – 1994. – № 3. – 1994. – С. 168-195.

Миллер 1760 – Миллер Г.Ф. Известия о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оною отправлений и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская // Сочинения и переводы о пользе и увеселению служащие. – 1760. – Январь. – С. 3-54; Февраль. – С. 99-136.

Могутов 1777 – Могутов В. Редкое и достопамятное известие о бывшей из России в Великую Татарию экспедиции под именем посольства. – СПб.: У содержателей Типографии, Вейтбрехта и Шнора, 1777. – 64 с.

Попов 1853 – Попов А. Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом. СПб.: Императорская Академия наук, 1853. – 188 с.

Самойлов 2021 – Самойлов Н.А. Посольство Льва Измайлова в Цинскую империю (особенности русско-китайских отношений в эпоху Петра Великого) // Клио. – 2021. – № 12 (180). – С. 35-42.

Соймонов 1763 – Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого. – СПб.: При императорской Академии наук, 1763. – 380 с.

Соловьев 1963 – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книги I-XV. М.: Издательство социально-экономической литературы «Мысль», 1959-1966. Книга IX (тома 17-18). – 1963. – 702 с.

Яковлев 2023 – Яковлев В. Джон Белл и его записки о службе в России в первой половине XVIII века // Труды Государственного Эрмитажа. – 2023. – Т. CXVIII. – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2023. – С. 352-362.

Яковлев, Перлин 2023а – Яковлев В.В., Перлин П.В. Джон Белл и его описание путешествия в Китай в 1719-1721 гг. // VI Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы Международной научно-практической конференции. – Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета, 2023. – С. 435-442.

Яковлев, Перлин 2023b – Яковлев В.В., Перлин П.В. Современный перевод записок Д. Белла о поездке в Китай в 1719–1721 годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2023. – Т. 45. – № 3. – С. 27-42.

Яковлев, Перлин 2024 – Яковлев В.В., Перлин П.В. О книге Джона Белла О путешествии из Санкт-Петербурга по России в разные части Азии» // Эпоха Петра Великого в исследованиях современных ученых. Сборник научных трудов. СПб.: Президентская библиотека, 2024. – С. 190–204.

A Journey from St Petersburg to Pekin 1719-22 1966 – *A Journey from St Petersburg to Pekin 1719-22* / Edited with an introd. by J. L. Stevenson. – New York: Barmes&Noble, 1966. – 248 p.

Bell 1763 – *Bell J. Travels from St.Petersburgh in Russia to diverse parts of Asia*. Glasgow: Foulis. – 1763. – Vol. 1-2. – Vol. 1. – 358 p.

Cross 2014 – *Cross A. In the Lands of the Romanovs. An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613-1917)*. – Cambridge: Open Book Publishers, 2014. – 438 p.

National Library... – National Library of Scotland. Carmichael and Gordon's Papers. MS. 109 – *National Library of Scotland. Carmichael and Gordon's Papers*. MS. 109. F. 10-20.

Quarterly Review – *Quarterly Review*. – London, 1817. – April & Juli. – Vol XVII. – P. 464-465.

REFERENCES

ADILOV Z.K. *Ekspeditsiya Aleksandra Bekovicha-Cherkasskogo v Srednyuyu Aziyu: istoriograficheskaya dinamika* [Alexander Bekovic-Cherkassky's expeditions to Zentral Asia: historiographic dynamics]. IN: "*O'zbekiston tarixi*" *zhurnali*. – 2014. – № 4. – P. 47-61. (In Russ.).

Belevy puteshestviya chrez Rossiyu v raznye Asiatskie zemli, a imenno: v Ispagan, v Pekin, v Derbent i Konstantinopol' [Bell's travels through Russia to various Asian lands, namely: to Ispagan, to Beijing, to Derbent and Constantinople]. Perevel s frantsuzskogo Mikhailo Popov. – St.Petersburgh: Imperatorskaya Akademiya nauk, 1776. – Vol. 1. – 252 p.; Vol. 2. – 244 p. (In Russ.).

BLAGODER Y. G., CHUPRYNNIKOV S. A. «*Kitaiskii*» *vektor politiki Petra I (posol'stvo L. V. Izmailova)* [«Chinese vector» of Peter the Great's policy (embassy of L.V. Izmailov)]. IN: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. – 2022. – № 8. – P. 99-103. (In Russ.).

BUSHEV P. P. *Posol'stvo Artemiya Volynskogo v Iran v 1715-1718 gg.* [Embassy of Artemy Volynsky to Iran in 1715-1718]. Moscow: Nauka, 1978. – 288 p. (In Russ.).

Delo 1714-1718 godov ob otpravlenii leib-gvardii Preobrazhenskogo polka kapitana-poruchika knyazya Bekovicha-Cherkasskogo na Kaspiiskoe more i v Khivu [The Case of 1714-1718 on the Dispatch of the Captain-lieutenant of the X Preobrazhensky V Regiment, Prince Bekovich-Cherkassky, to the Caspian Sea and to Khiva]. IN: *Materialy Voenno-uchenogo arkhiva Glavnogo shtaba* / Edited by A. F. Bychkov. – Vol. 1. – St.Petersburg: Pechatnya V. I. Golovina, 1871. – P. 197-400. (In Russ.).

Doneseniya i drugie bumagi angliiskikh poslov, poslannikov i rezidentov pri russkom dvore s avgusta 1736 g. po dekabr' 1739 g. [Reports and other papers of English ambassadors, envoys and residents at the Russian court from August 1736 to December 1739]. IN: *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*. – 1892. – Vol. 80. – St.Petersburg: Tip. A. Transhelya, 1892. – 570 p. (In Russ.).

GOLIKOV I. I. *Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazovatelya Rossii, sobrannye iz dostovernnykh istochnikov i raspolozhennye po godam* [The Deeds of Peter the Great, the Wise Reformer of Russia, Collected from Reliable Sources and Arranged by Years]. 2-e izd. – Vol. 1-15. – Moscow: Tip. N. Stepanova, 1837-1843. – Vol. 5. – 1838. – 602 p. (In Russ.).

KROSS E. *Britantsy v Peterburge: XVIII vek* [Cross A. British in St. Petersburg: XVIII century]. – St.Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2005. – 526 p. (In Russ.).

KROSS E. *Angliiskii Petr. Petr Velikii glazami britantsev XVII–XX vekov.* [Cross A. English Peter. Peter the Great through the eyes of the British of the 17th–20th centuries]. – St.Petersburg: Evropeiskii dom, 2013. – 230 p. (In Russ.).

KUJRUKIN I.V. *Persidskii pokhod Petra Velikogo. Nizovoi korpus na beregakh Kaspiya (1722-1735)* [Persian campaign of Peter the Great. The Nisovoi corps on the shores of the Caspian Sea (1722-1735). – Moscow: Kvadriga, 2010. – 376 p. (In Russ.).

LAPTEVA T.A. «*Gosudarstvo to vsegda bogato, kotorago zhiteli bogaty*»: «*Prosil nas aglinskii kupets...*»: *Dokumenty iz arkhivov Rossii i Anglii. 1714-1715 gg.* ["The state is always rich, whose inhabitants are rich": "An English Merchant asked us...": Documents from the archives of Russia and England. 1714-1715]. IN: *Istoricheskii arkhiv*. – 1994. – № 3. – P. 168-195. (In Russ.).

MIILLER G. F. *Izvestiya o pesoshnom zolote v Bukharii, o chinennykh dlya onogo otpravleniyakh i o stroenii krepostei pri reke Irtyshe, kotorym imena: Omskaya, Zhelezenskaya, Yamyshevskaya, Semipalatnaya i Ust'-Kamenogorskaya* [News About the Sandy Gold in Bukhara, About the Expeditions made for It, and About the Construction of Fortresses on the Irtysh River, Named: Omsk, Zhelezinsk, Yamyshevsk, Semipalatinsk, and Ust-Kamenogorsk]. IN: *Sochineniya i perevody o pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie*. – 1760. – Yanvar'. – P. 3-54; Fevral'. – P. 99-136. (In Russ.).

MOGUTOV V. *Redkoe i dostopamyatnoe izvestie o byvshei iz Rossii v Velikuyu Tatarsuyu ekspeditsii pod imenem posol'stva* [Rare and Memorable News About the Expedition from Russia to Great Tartary Under the Name of an Embassy]. – St.Petersburg: U soderzhatelei Tipografii, Veitbrekhta i Shnora, 1777. – 64 p. (In Russ.).

POPOV A. *Snosheniya Rossii s Khivoi i Bukharoi pri Petre Velikom* [Relations between Russia and Khiva and Bukhara under Peter the Great]. – St.Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk, 1853. – 188 p. (In Russ.).

SAMOILOV N.A. *Posol'stvo L'va Izmailova v Tsinskuyu imperiyu (osobennosti russko-kitaiskikh otnoshenii v epokhu Petra Velikogo)* [Lev Izmailov's mission to the Qing Empire: (specific features of Russian-Chinese relations at the time of Peter the Great)]. IN: *Klio*. – 2021. – № 12 (180). – P. 35–42. EDN: CLQUCE (In Russ.).

SOIMONOV F.I. *Opisanie Kaspiiskogo morya i chinennykh na onom rossiiskikh zavoevanii, yako chast' istorii gosudarya imperatora Petra Velikago* [Description of the Caspian Sea and the Russian Conquests Made on It, as Part of the History of Emperor Peter the Great]. – St.Petersburg: Pri imperatorskoi Akademii nauk, 1763. – 380 p. (In Russ.).

SOLOV'EV S. M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia from ancient times] – Vol. I-XV. – Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury «Mysl'», 1959-1966. – Vol. IX (toma 17-18). – 1963. – 702 p. (In Russ.).

YAKOVLEV V. V. *Dzhon Bell i ego zapiski o sluzhbe v Rossii v pervoi polovine XVIII veka* [John Bell and the memoirs of his on service in Russia during the first half of the 18th century]. IN: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. – 2023. – T. CXVIII. – St.Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2023. – P. 352-362. (In Russ.).

YAKOVLEV V.V., PERLIN P.V. *Dzhon Bell i ego opisanie puteshestviya v Kitai v 1719-1721 gg.* [John Bell and his description of a journey to China in 1719-1721]. IN: *VI Gotlibovskie chteniya: vostokovedenie i regionovedenie Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. – Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 2023. – P. 435-442 (In Russ.).

YAKOVLEV V. V., PERLIN P. V. *Sovremennyy perevod zapisok D. Bella o poezdke v Kitai v 1719–1721 godakh* [A contemporary translation of John Bell's accounts on his trip to China in 1719–1721]. IN: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2023. – T. 45. – № 3. – P. 27-42. (In Russ.).

YAKOVLEV V.V., PERLIN P.V. *O knige Dzhona Bella O puteshestvii iz Sankt-Peterburga po Rossii v raznye chasti Azii* [On 'Travels from St. Petersburg to Russia in Various Parts of Asia' by John Bell]. IN: *Epokha Petra Velikogo v issledovaniyakh sovremennykh uchenykh. Sbornik nauchnykh trudov*. – St.Petersburg.: Prezidentskaya biblioteka, 2024. – P. 190-204 (In Russ.).

Zapiska o poezdках Aleksandra Bekovicha knyazya Cherkasskogo, k vostochnomu beregu Kaspiiskogo morya i o sukhoputnoi ekspeditsii ego v Khivu [Note about the trips of Alexander

Bekovich, Prince Cherkassky, to the eastern shore of the Caspian Sea and about his land expedition to Khiva]. IN: Moskvityanin. – 1842. – Vol. VI. – № 12. – P. 373-394. (In Russ.).

Информация об авторе

В.В. Яковлев – кандидат исторических наук.

Information about the author

V.V. Yakovlev – Candidate of Sciences (History).

Статья поступила в редакцию 27.05.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 27.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Научная статья
УДК 94(=352.3)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-202-221
EDN: GAYGEM

ПРАВИЛА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ В РОССИЙСКИХ ДОКУМЕНТАХ 2-Й ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Анзор Викторович Кушхабиев

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, anzor-vk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4618-2148>

Аннотация. Правила, предназначенные для регулирования переселения народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в Османскую империю во 2-й половине XIX в., содержатся, в основном, в делопроизводственной документации российских военных и административных органов: администраций Кавказского военного округа, Главного штаба Кавказской армии, штаба войск Кубанской области, администраций начальников Кабардинского и Натухайского округов, администраций Нижне-Кубанской кордонной линии и Майкопского укрепления и др. (рапорты, письма, предписания, отзывы, отношения, условия). Содержание пунктов многих документов данной группы совпадает. Правила устанавливали для групп и лиц, готовившихся к переселению в Османскую империю, временные рамки, пункты получения заграничных паспортов и отправления, пути и условия их передвижения на Кавказе, условия продажи ими скота и др. В ряде документов содержатся условия, на которых российские купцы обязывались перевозить черкесов с кавказского на османское побережье Черного моря. В ряде документов также сказано, что военные чиновники требовали от подчиненных ускорить переселение черкесов. В предписании Министерства иностранных дел России посланнику в Османской империи (от 19.07.1861 г.) содержатся позиции и взаимные требования османского и российского правительств по вопросу о переселении кавказских мусульман в Османскую империю, а также некоторые правовые аспекты данного процесса.

Содержание правил, предназначенных для регулирования переселения народов Северо-Западного Кавказа в Османскую империю в последующие периоды, в целом, совпадает с содержанием таких правил конца 50-х – 60-х гг. XIX в.

Ключевые слова: правила переселения, Северо-Западный и Центральный Кавказ, Османская империя, российские документы.

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10232, <https://rscf.ru/project/23-28-10232/>

Для цитирования: Кушхабиев А.В. Правила переселения народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в Османскую империю в российских документах 2-й половины XIX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 202-221. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-202-221. EDN: GAYGEM.

© Кушхабиев А.В., 2024

Original article

**RULES FOR EMIGRATION OF PEOPLES OF THE NORTHWESTERN
AND CENTRAL CAUCASUS TO THE OTTOMAN EMPIRE
IN THE RUSSIAN DOCUMENTS OF THE 2ND HALF
OF THE 19TH CENTURY**

Anzor V. Kushkhabiev

Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, anzor-vk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4618-2148>

Abstract. The rules intended to regulate the emigration of peoples of the Northwestern and Central Caucasus to the Ottoman Empire in the 2nd half of the 19th century are contained mainly in the office documentation of Russian military and administrative bodies: the administrations of the Caucasian Military District, the Main headquarters of the Caucasian Army, the headquarters of the troops of the Kuban region, the administrations of the chiefs of the Kabardin and Natukhai districts, the administrations of the Lower Kuban cordon line, the Maykop fortification, etc. (reports, letters, prescriptions, reviews, relations, conditions). The content of the paragraphs of many documents in this group is the same. The rules established for groups and individuals preparing to move to the Ottoman Empire a time frame, points for obtaining foreign passports and departure, routes and conditions for their movement in the Caucasus, conditions for their sale of livestock, etc. A number of documents contain the conditions under which Russian merchants were obliged to transport Circassians from the Caucasian to the Ottoman coast of Black Sea. A number of documents also say that military officials demanded that their subordinates speed up the emigration of the Circassians. The prescription of the Russian Ministry of Foreign Affairs to the envoy to the Ottoman Empire (dated July 19, 1861) contains the positions and mutual demands of the Ottoman and Russian governments on the issue of the resettlement of Caucasian Muslims to the Ottoman Empire, as well as the some legal aspects of this process.

The content of the rules for regulating the migration of peoples of the Northwestern Caucasus to the Ottoman Empire in subsequent periods, in general, coincides with the content of such rules of the late 50s – 60s XIX century.

Keywords: emigration rules, Northwestern and Central Caucasus, Ottoman Empire, Russian documents.

Gratitude and funding. The study has been funded by the Russian Science Foundation, № 23-28-10232, <https://rscf.ru/project/23-28-10232/>

For citation: Kushkhabiev A.V. Rules for emigration of peoples of the Northwestern and Central Caucasus to the Ottoman Empire in the Russian documents of the 2nd half of the 19th century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 202-221. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-202-221. EDN: GAYGEM.

© Kushkhabiev A.V., 2024

Введение

Актуальность исследования. В современный период возрос исследовательский интерес к проблемам истории зарубежных северокавказских диаспор и, прежде всего, к проблемам их формирования. В информационном пространстве появилось значительное количество научных и публицистических работ по данной проблематике. Вместе с тем, в ряде публикаций содержатся противоречивые, нередко идеологизированные трактовки данных проблем. Поэтому, анализ российских документов 2-й половины XIX в., в которых зафиксированы правила, предназначенные для регулирования переселения народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в Османскую империю, представляет собой важную исследовательскую задачу современного кавказоведения. Исследование документов данной группы дает возможность глубже изучить историю Северо-Западного и Центрального Кавказа в Новое время, характер и особенности

переселений народов этих регионов в Османскую империю во 2-й половине XIX в. и др.

Целью работы является анализ российских документов 2-й половины XIX в., в которых зафиксированы правила, предназначенные для регулирования процесса переселения народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в Османскую империю.

Источниковую базу настоящей работы составили российские документы 2-й половины XIX в., включенные в сборники: «Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874). Часть 2.» [Архивные материалы... 2003]; «Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX в.» [Трагические... 2000]; «Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов» [Проблемы... 2001]. В перечисленных сборниках содержатся документы, которые выявлены в архивах: Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА, г. Москва), Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК, г. Краснодар), Управлении Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР, г. Нальчик), Центральном государственном историческом архиве Грузии (ЦГИА Грузии, г. Тбилиси) и др.

Состояние изученности проблемы. Проблемы миграций народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в Османскую империю во 2-й половине XIX в. рассматриваются в исследованиях: Г.А. Дзидзария [Дзидзария 1982], А.Х. и Х.А. Касумовых [Касумов, Касумов 1992], Т.Х. Кумыкова, У.Н. Берзедж [Берзедж 2012], А.Д. Панеш [Панеш 2007], С.Г. Кудаевой [Кудаева 2022], А.М. Магомеддадаева [Магомеддадаев 2001], М.Х-Б. Кишмахова [Кишмахов 2012] и др. Они подготовлены на основе анализа российских и зарубежных источников. Анализ данных проблем в контексте формирования зарубежной черкесской диаспоры представлен в ряде работ А.В. Кушхабиева [Кушхабиев 1993; Кушхабиев 1997; Кушхабиев 2007; Кушхабиев 2022; Кушхабиев 2013; Кушхабиев 2023; Кушхабиев 2023a]. Вместе с тем, правила переселения народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в Османскую империю во 2-й половине XIX в., зафиксированные в документах военных и административных органов царской России, не становились предметом специального исследования.

Основные правила переселения народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в Османскую империю во 2-й половине XIX века в российской делопроизводственной документации

В конце 1850-х гг. под натиском царских войск значительные группы северокавказских народов (ногайцы, абазины, черкесы) стали переселяться в Османскую империю. В связи с увеличением масштабов переселения черкесов и абазин в Османскую империю царская военная администрация на Кавказе разрабатывала правила, предназначенные для регулирования данного процесса.

Правила, предназначенные для регулирования переселения народов Северо-Западного Кавказа в Османскую империю во 2-й половине XIX в., содержатся, в основном, в делопроизводственной документации российских военных

и административных органов: администраций Кавказского военного округа, Главного штаба Кавказской армии, штаба войск Кубанской области, администраций начальников Кабардинского и Натухайского округов, администраций Нижне-Кубанской кордонной и Мало-Лабинской линий, администраций Лабинского отдела и Майкопского укрепления и др. (рапорты, письма, предписания, отзывы, отношения, условия). Содержание пунктов многих документов данной группы совпадает.

Одним из документов, содержащих правила для народов Северо-Западного Кавказа, готовившихся к переселению в Османскую империю, является письмо командующего войсками правого крыла (фланга) Кавказской линии генерал-лейтенанта Г.И. Филипсона заведующему Мало-Лабинской линией (от 30.07.1859 г.). В соответствии с пунктами данного документа лица, готовившиеся к переселению, должны были заявлять об «отпуске», а не о переселении в Турцию. В подобном случае было предписано отказывать им, объясняя, что это не позволено государственными законами. С лицами, принявшими подданство других держав, при появлении в пределах России, надлежало поступать как с «изменниками»; их имущество конфисковывать, их крепостным давать свободу. Самый продолжительный срок для «уволненных за границу» был определен в один год. Лица, желавшие оставаться за границей дольше установленного срока, должны были просить об этом через российских консулов. Лица, остававшиеся за границей дольше указанного срока без позволения российских консульств, квалифицировались как переселившиеся в Османскую империю самовольно. Лица, готовившиеся к переселению в Османскую империю, обязаны были завершить или надлежащим образом обеспечить все свои тяжёлые или исковые дела. Им позволялось брать с собой семьи, а из зависимых только тех, которые сами пожелают следовать со своими владельцами. Зависимых, отказавшихся от поездки, не позволялось продавать. Всем «уволненным горцам за границу» должны были объявить: что заграничный паспорт они могут получить от Керченского градоначальника, Анапского воинского начальника или Сухумского коменданта, в зависимости от того, из какого порта они будут отправляться за границу; что до крайнего российского порта им будет выдан «проходной билет»; что заграничный паспорт может быть выдан им на положенный законом срок до Трапезунда или Константинополя, где они должны явиться в российское консульство или миссию для получения «дальнейших паспортов», если пожелают; что лицам, получавшим содержание от казны, таковое будет прекращено со дня их отъезда за границу.

Пристав должен был доносить командующему войсками правого крыла Кавказской линии об отправке с подконтрольной территории каждой группы с представлением списка «уволненных», с указанием времени отправления группы, копии которых предоставлялись начальнику Главного штаба Кавказской армии. При «отпуске путешествующих» надлежало брать с них подписки в нижеследующем: что они не должны рассчитывать на денежные пособия от представительства (на поездку и содержание); что кроме Керчи, Анапы и Сухум-Кале – пунктов, предназначенных для их отъезда и выдачи заграничных паспортов, они не имеют права появляться в других портах; что они должны отправляться

на судах не запрещенных; если их захватят на контрабандных турецких кочерах, то объявят изменниками и подвергнут ответственности.

В документе также сказано о принятых мерах по обеспечению начальников портов необходимым количеством бланков заграничных паспортов, предназначенных для выдачи выезжающим в Османскую империю [Письмо... 1859]. В документе показана позиция царских властей в вопросе о переселении народов Северо-Западного Кавказа в Османскую империю. Она заключалась в том, что группы северокавказских народов официально выезжали в Османскую империю не на постоянное жительство, а под видом мусульманского паломничества. Правила, содержащиеся в документе, также демонстрируют стремление царской военной администрации ускорить данное переселение, устранив бюрократические препятствия.

В рапорте начальника Кабардинского округа генерал-майора В.В. Орбелиани генерал-адъютанту Н.И. Евдокимову (от 17.04.1860 г.) сказано о том, что группе кабардинцев (450 семей), готовящихся к переселению в Османскую империю, было запрещено отправление по суше. Им было позволено отправление только по морю через Тамань. При этом им был установлен срок выезда из округа – до 10 мая 1860 г. Те, кто не успеют выехать в указанный срок, должны были снова обратиться за разрешением на переселение в следующем году. В качестве причины запрета на переезд по суше сказано, что группа кабардинцев будет перегонять «огромное количество скота», и это вызовет недовольство землевладельцев, проживающих в местах её следования. В документе сказано, что воспользоваться разрешением на переезд по морю решатся только фанатики, остальные же не решатся на такой переезд вместе с семьями [Рапорт... 1860]. Документ свидетельствует о стремлении военных чиновников ускорить переселение в Османскую империю т. н. кабардинских фанатиков. Не соответствует действительности обоснование причины запрета на переезд по суше – недовольство землевладельцев, проживающих в местах возможного следования группы кабардинцев, перегоном ими огромного количества скота. Царская администрация препятствовала группе кабардинцев перегону скота не в связи с вышеуказанной причиной, а с целью скупки его по заниженным ценам, так как время на сборы для переселения было ограничено, и готовившиеся к этому были вынуждены продавать все свое имущество по крайне низким ценам.

По информации, зафиксированной в письме начальника штаба войск Кубанской области генерал-майора П.Д. Зотова начальнику Натухайского округа генерал-майору П.Д. Бабичу (от 23.03.1861 г.), главнокомандующий Кавказской армией А.И. Барятинский, разделяя мнение Н.И. Евдокимова относительно неудобств порядка выдачи паспортов отправляющимся на постоянное жительство в Османскую империю, разрешил впредь выдавать натухайцам не отпускные билеты, а «увольнять их прямо на переселение в Турцию» [Письмо... 1861]. Информация, зафиксированная в данном документе, показывает кардинальное изменение в регулировании переселения народов Северо-Западного Кавказа в Османскую империю; предоставлять им разрешение не на временную поездку, а на переселение. Изменение правил переселения жителей Северо-Западного Кавказа в Османскую империю связано с принятием на совещании высшего

царского начальства на Кавказе (Владикавказ, 03.10.1860 г.) нового плана ведения военных действий в Западной Черкесии. Сущность нового плана заключалась в том, чтобы вытеснить черкесское население на черноморское побережье, а затем в Османскую империю. Часть населения Западной Черкесии предлагалось поселить на левобережье Кубани в окружении казачьих станиц [Милютин 2004: 474-476].

В предписании Министерства иностранных дел России посланнику в Османской империи Лобанову-Ростовскому (от 19.07.1861 г.) содержится ходатайство османского правительства: чтобы переселение кавказских мусульман было приостановлено и впредь не совершалось без предварительного межправительственного соглашения; чтобы в паспортах переселяющихся было указано – переселяется ли предъявитель паспорта навсегда и теряет ли он право российского подданства. В документе содержится и ответ императора России, заключающийся в следующем. Российское правительство не оспаривает у других держав права принимать в их подданство «наших выходцев» без разрешения российского правительства. Российские мусульмане ходатайствуют о разрешении им на выезд в Османскую империю не для переселения, а для паломничества. Этому правительство не может препятствовать. Переселение не может совершаться без согласия правительства принимающего государства. Разрешение на переселение удостоверяется не заграничным паспортом, а особым письменным документом. Переселение совершается на бессрочное время. Получивший разрешение на переселение выходит из российского подданства. В документе также сказано, что «Государю императору благоугодно ещё одно», чтобы переселенцев с Северного Кавказа не расселяли вблизи российской границы [Предписание... 1861]. В документе изложены позиции и взаимные требования османского и российского правительств по вопросу о переселении народов Северного Кавказа в Османскую империю, а также основные правовые аспекты данного процесса: выдача эмигрантам особого письменного документа и их выход из подданства России. Существенным пунктом ответа российской стороны является требование императора – не расселять кавказских иммигрантов вблизи российской границы.

В письме генерал-адъютанта Н.И. Евдокимова начальнику Нижне-Кубанской кордонной линии генерал-майору Я.Г. Кухаренко (от 20.04.1862 г.) сказано о признании «полезным удалить поскорее за границу всех туземцев, желающих переселиться в Турцию». В письме содержатся инструкции по выселению бжедуг. Бжедуги, готовые к переселению в Турцию, и которые пожелают переселиться, должны были получить паспорта в Екатеринодаре, оплачивая за каждый бланк по 51 коп. Затем их должны были отправлять установленным порядком в Тамань для посадки на суда, следовавшие в османские порты (при содействии воинского начальника ст. Таманской). После этого отпадала необходимость держать в Тамани особого офицера, задачей которого было наблюдение за отправлением черкесов. В письме также сказано – объявить хатукаевцам, что они, как изменившие долгу своей присяги на верноподданство переходом к неприятелю, лишаются уже права водвориться отдельным аулом на назначенных для бжедуг мест, и должны удалиться в Турцию. Тем же из

них, которые откажутся переселяться в Турцию, предписано расселиться в других бжедугских аулах по указанию начальника округа и с согласия аульных обществ [Письмо... 1862].

В предписании начальника Кубанской области генерал-адъютанта Н.И. Евдокимова начальнику Майкопского укрепления полковнику А.Д. Горшкову (от 03.05.1862 г.) содержатся правила выселения темиргоевцев в Османскую империю. В документе, в частности, сказано: после выдачи аманатов (почетные заложники) сообщить всем темиргоевцам, живущим за р. Белой, что их крестьяне с этого времени не будут приниматься царской администрацией, так как они должны следовать со своими владельцами в Турцию. Крестьяне же, которые выйдут на территорию, подконтрольную царской администрации хоть за один час до этого объявления, будут считаться свободными. После этого все темиргоевцы, готовые к отправке в Турцию, должны собраться между укреплениями Майкопским и Топогуабом и приступить к продаже своего имущества. При этом должен был соблюдаться следующий порядок. Темиргоевцам, желавшим гнать свой скот для продажи на задние линии, выдавались билеты по трем направлениям: к 1-й бригаде Кубанского войска и на Нижней Лабе, через Тенгинский мост до ст. Усть-Лабинской и Ладожской (но не далее). Тем, кто предпочитал продать скот на Лабинской линии и на Кубани во 2-й и 3-й бригадах Кубанского войска, выдавались билеты только до ст. Лабинской. При этом им было воспрещено показываться около армянского аула. Тем, кто предпочитал продать свой скот в Урупской и Хоперской бригадах, выдавались билеты до ст. Верхне-Николаевской (на р. Кубани). От всех темиргоевцев, отправлявшихся на линию для продажи скота, требовалось ехать без огнестрельного оружия, что прописывалось в билетах. На линии должны были пропускать не более одной группы темиргоевцев в день, состоявшей не более чем из четырех человек. О перегоне темиргоевцами стад скота на продажу, должны были заранее ставить в известность начальство Лабинской линии. В предписании также содержится просьба – способствовать скорейшей распродаже темиргоевцами скота, «чтобы они даром не истребляли наших трав» [Предписание... 1862]. Информация, зафиксированная в документе, свидетельствует о строгом контроле, установленном царским командованием над темиргоевцами, которые готовились к переселению в Османскую империю: взятие аманатов, отгон скота на продажу только в обозначенные пункты, передвижение без огнестрельного оружия, оповещение начальства Лабинской линии о перегоне скота темиргоевцами.

В предписании начальника штаба войск Кубанской области генерал-майора Н.Н. Забудского начальнику Майкопского укрепления полковнику А.Д. Горшкову (от 04.05.1862 г.) сказано, чтобы туземцам (абадзехам) оказывали, как баговцам и баракаевцам, всевозможное содействие в скорейшей распродаже принадлежащего им скота, а доставленного ими аманата содержали за их же счет в Хамкетинском укреплении вплоть до исполнения ими обещания отправиться в Османскую империю [Предписание... 1862а].

В условиях о принятии российского подданства жителями Верхней Абадзехии (от 06.10.1863 г.), подписанных начальником Кубанской области Н.И. Евдокимовым, содержатся пункты, обязывавшие выселение их с родных мест.

Народ обязывался до 1-го февраля 1864 г. окончательно покинуть занимаемую землю и перейти в местности, которые будут указаны российским начальством. Желаящим остаться в подданстве российского государя должны были отвести земли в потомственное владение; тем же, кто пожелает переселиться в Турцию, – временно, с 1-го февраля по 16-е апреля 1864 г. В условиях также сказано, что абадзехи, остающиеся временно на территории, ограниченной р. Пшиш, истоками р. Псекупс и хребтом Хотх, пользуются теми же правами, которые были предоставлены «другим мусульманским племенам в подданстве Российского государя находящимся», и по переселении на указанное место, пользуются правом выезда на жительство в Турцию на один год [Условия... 1863].

В письме поверенного в делах России в Константинополе Д.С. Новикова начальнику Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцову (от 05.12.1863 г.) содержатся условия, на которых османское правительство соглашалось принимать значительное число кавказских переселенцев: чтобы Константинополь и Трапезунд не были указаны переселенцам как единственные пункты их будущего сосредоточения и водворения; соглашаясь принять кавказских переселенцев, османское правительство оставляло за собой право выбирать местности для их расселения; чтобы Порте был дан срок – приблизительно до мая 1864 г., в течение которого она могла определить места для намечающегося водворения иммигрантов и предотвратить затруднения, связанные с расселением значительных масс [Письмо... 1863а].

В отношении главнокомандующего войсками Кавказского военного округа военному министру (от 21.01.1889 г.) сказано, что «Поголовное выселение в Турцию» желательно только в отношении жителей Екатеринодарского и Лабинского отделов. В документе также содержатся правила, в соответствии с которыми «должно идти выселение горцев»:

1. Путем длительных переговоров получить принципиальное согласие Порты на прием в подданство жителей Кубанской области (24 тыс. чел. муж. пола), с указанием мест для их поселения, но только не в пограничных с Россией провинциях. При этом переговоры может вести Министерство иностранных дел, либо следует командировать особо доверенных лиц с Кавказа для ведения переговоров с османским правительством, при посредничестве российского посольства.

2. Получив согласие Порты на переселение, объявить об этом горцам Екатеринодарского и Лабинского отделов, предупредив, что переселение будет совершаться не разом. При этом разрешить обществам, изъявившим желание переселиться, отправлять в Турцию доверенных для осмотра земель, предназначенных Портой для поселения, и по их возвращении разрешить обществам продавать свое имущество и в назначенные сроки быть готовыми к переселению.

3. Переговоры обществ о переселении должны быть составлены большинством – не менее 3/5 голосов. Меньшинству, не желающему переселяться, объявить, что оно должно очистить занимаемые земли, и по распоряжению местного начальства, будет приписано и наделено землей в аулах, остающихся еще в области. Земельный же надел переселяющегося аула поступает в распоряжение Кубанского казачьего войска для будущих колонизаторских целей правительства.

4. При переселении целыми аульными обществами, всем представить свои частные повозки, а другое имущество продать в известный срок; общественные же постройки передать в распоряжение администрации, для надобности новых поселений.

5. Переселяющимся в полном составе обществам предоставить право воспользоваться своими общественными суммами для расходов по переселению, не испрашивая затем никаких пособий от администрации; в обществах, где часть переселяется, а часть остается на месте, разделять общественные суммы пропорционально количеству человек, обществ и др.

6. Объявить переселенцам, что ни в каком случае, ни под каким предлогом им не будет позволено возвращение на родину; с каждым, возвратившимся в пределы Кавказа, будут поступать по всей строгости законов, как с абреками [Отношение... 1889: 272-278]. Данные правила свидетельствуют о строгом регулировании царской администрацией переселения жителей Екатеринодарского и Лабинского отделов в Османскую империю, о полном запрете переселенцам возвращаться на родину.

В предписании атамана Лабинского отдела и делами участкового начальника над горскими селениями (от 07.01.1895 г.) содержатся условия, которые горцы должны были учитывать при решении вопроса, желают они переселиться в Турцию или желают остаться русско-подданными. Сущность условий (17 пунктов) состоит в следующем: желающие отправиться в Османскую империю имеют право продать свое имущество и общественный хлеб; они должны заплатить все подати за год, расплатиться с частными долгами; все расходы по переселению (плата за проезд по железной дороге и на пароходах) должны нести сами переселенцы; лица, находящиеся под судом и следствием, будут задержаны до окончания дел [Предписание... 1895].

Последние два документа свидетельствуют о том, что содержание правил, принимавшихся царскими военными и административными органами для регулирования процесса переселения народов Северо-Западного Кавказа в Османскую империю в 80-е – 90-е гг. XIX в., в целом, совпадает с такими правилами конца 50-х – 60-х гг. XIX в.

***Условия перевозки групп переселенцев с кавказского
на османское побережье Черного моря
в российской делопроизводственной документации***

В ряде делопроизводственных документов военных и административных органов царской России содержатся условия, на которых российские купцы обязывались перевозить черкесов с кавказского на османское побережье Черного моря. В частности, в отзыве начальника Кубанской области Н.И. Евдокимова начальнику Главного штаба (от 12.04.1863 г.) содержатся условия, на которых керченские купцы Властори, Николаев, Джамайлов и Фон-Штейн обязались перевозить группы черкесов с кавказского на османское побережье Черного моря. По их договоренности с начальником Натухайского округа, за перевозку черкесов были установлены следующие цены. Властори: на пароходах – 5 руб. 90 коп. за 1 чел.; на парусных судах – 4 руб. 90 коп. за 1 чел.; Николаев: на па-

роходах – 5 руб. 70 коп. за 1 чел.; на парусных судах – 4 руб. 70 коп. за 1 чел.; Джамайлов и Фон-Штейн: на пароходах – 4 руб. 50 коп. за 1 чел., на парусных судах – 4 руб. за 1 чел. От оплаты освобождались грудные дети [Отзыв... 1863].

По информации, зафиксированной в отношении штаба войск Кубанской области помощнику начальника Натухайского округа Ф.Г. Крыжановскому (от 08.05.1863 г.), командующий войсками предоставил начальнику Натухайского округа право – разрешить переселяться в Османскую империю натухайцам сверх 400 семей, относительно которых уже был составлен договор, при условии, чтобы они оплачивали переезд за свой счет, так как плата за их перевозку не могла осуществляться за счет казны, в связи с отсутствием свободных средств [Отношение... 1863]. Данный документ, как и ряд других, свидетельствует о случаях требований военными чиновниками от черкесов, переселявшихся в Османскую империю, оплачивать переезд за свой счет.

В предписании начальника штаба войск Кубанской области генерала Н.Н. Забудского начальнику Натухайского округа (от 09.05.1863 г.) сказано о том, что генерал-адъютант Н.И. Евдокимов разрешил переселяющихся в Турцию отправлять на кочермах с оплатой по 2 руб. 50 коп. за человека, а деньги для этого выдавать из остатка 5 тыс. руб., которые были присланы начальнику Натухайского округа для поселения анатолийских греков. Для этого по приказанию командующего войсками, остаток от указанных 5 тыс. руб. следовало передать в ведение полковника Крыжановского [Предписание... 1863]. Документ свидетельствует о кардинальном изменении условий переселения черкесов в Османскую империю – о разрешении, предоставленном начальником Кубанской области Н.И. Евдокимовым начальнику Натухайского округа, отправлять черкесов к османскому побережью на османских кочермах, на которых плата за переезд была ниже в 1,5-2 раза, чем на российских судах.

В письме начальника Кубанской области Н.И. Евдокимова начальнику Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцову (от 07.11.1863 г.) сказано, что по соглашению, состоявшемуся между керченским купцом Фон-Штейном и депутатами от абадзехского народа, Фон-Штейн обязуется поставлять пароходы для перевозки абадзехов в турецкие порты, с оплатой по 5 руб. за человека. При этом казне придется доплачивать к средствам абадзехов только по два рубля (в качестве пособия), за исключением тех редких случаев, когда возникнет необходимость оплачивать всю сумму за самых бедных. Купец Фон-Штейн обязался в качестве платы за перевозку в османские порты принимать от черкесов скот, хлеб, оружие и другое имущество по оценке выборных с обеих сторон, и только получая оплату деньгами от казны по 2 руб. за каждого человека [Письмо... 1863]. Данный документ свидетельствует о мерах, принимавшихся царской администрацией по ускорению перевозки абадзехов в османские порты; доплачивать от казны по 2 руб. за каждого человека и принимать от них в качестве платы за перевозку скот, хлеб, оружие и другое имущество.

В предписании начальника Кубанской области Н.И. Евдокимова начальнику Натухайского округа (от 31.12.1863 г.) зафиксированы вышеуказанные условия соглашения, заключенного между купцом 2-й гильдии Фон-Штейном и депутатами от абадзехского народа. В предписании также сказано, что Н.И. Евдо-

кимов просит начальника Натухайского округа «...заставить туземцев Натухайского округа начать переселение свое в Турцию теперь же, если состояние погоды позволит, нанимая для сего турецкие кочермы, в которых, как я слышал, при содействии местного начальства и при покровительстве судопромышленникам всеми зависящими от нас средствами, недостатка не будет» [Предписание... 1863а: 249]. Также отмечено, чтобы при заключении условий натухайцы больше рассчитывали на свои средства, чем на пособия от казны, которые нужно назначать только в крайних случаях, и что будет выгоднее отправлять их на османских кочермах, чем на пароходах [Предписание... 1863а]. Документ свидетельствует о деятельности начальника Кубанской области Н.И. Евдокимова, направленной на принуждение натухайцев к скорейшему выселению в Османскую империю и экономии средств по оплате за их переезд, отправляя их на османских кочермах и выдавая пособия только в крайних случаях.

В условии, заключенном между Кавказским ведомством и Русским обществом пароходства и торговли (от 06.05.1864 г., г. Одесса), содержатся пункты, регулирующие перевозку черкесов в Османскую империю. В документе, в частности, зафиксировано, что для перевозки горцев с восточного берега Черного моря (между Анапой и Гаграми) в Варну и Кюстенджи общество отправляет два парохода, вмещающие по 2 тыс. чел., и один, вмещающий 3 тыс. чел. Цена за проезд определена: с каждого взрослого человека – 5 руб. с багажом (от 3 до 4 пудов для каждого взрослого). В документе также сказано, что общество не принимает в качестве платы за переезд ни скота, ни повозок. Цена за переезд детей в возрасте от 3 до 14 лет определена: 2,5 руб.; для детей младше 3 лет бесплатно. Вода в пути должна выдаваться переселенцам от общества, продовольствием они должны быть обеспечены сами [Условие... 1864].

В предписании начальника Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцова чиновнику для особых поручений подполковнику Батьянову (от 16.05.1864 г.) содержатся правила по перевозке убыхов в османские порты. В них, в частности зафиксировано, что убыхи, больные оспой и другими инфекционными болезнями, не могут быть отправлены на казенных судах, поэтому следует отправлять их на частных судах, либо выждать до их выздоровления. В связи с тем, что среди убыхов, собравшихся возле Хосты, оспа была распространена в значительной степени, то отправляя их на частных судах, разрешалось платить за каждого переселенца по 1 руб. серебром. В случае же нехватки средств, доплачивать должны были сами переселенцы [Предписание... 1864].

В договоре, заключенном между администрацией начальника Кубанской области и Российским обществом морского, речного, сухопутного страхования и транспортирования кладей (от 30.08.1888 г.), содержатся условия (9 пунктов) о перевозке 3500 горцев из Новороссийска в Синоп. В условиях прописаны требования о весе, погрузке и выгрузке багажа пассажирами. По данным условиям, пассажирам на время переезда были отведены только трюмы и палуба. За перевозку в 2 рейса Кубанское областное правление должно было заплатить Российскому обществу по 7 тыс. руб. за каждый рейс [Договор... 1888].

Заключение

Таким образом, правила, предназначенные для регулирования переселения народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в Османскую империю во 2-й половине XIX в., содержатся, в основном, в делопроизводственной документации российских военных и административных органов: администраций Кавказского военного округа, Главного штаба Кавказской армии, штаба войск Кубанской области, администраций начальников Кабардинского и Натухайского округов, администраций Нижне-Кубанской кордонной линии и Майкопского укрепления и др. (рапорты, письма, предписания, отзывы, отношения, условия). Содержание пунктов многих документов данной группы совпадает.

Правила устанавливали для групп и лиц, готовившихся к переселению в Османскую империю временные рамки, пункты получения заграничных паспортов и отправления, пути и условия их передвижения на Кавказе, условия продажи ими скота и др. В соответствии с правилами, до 1861 г. группы северокавказских народов, выезжавшие в Османскую империю, должны были заявлять об «отпуске», а не о переселении, так как это не позволялось законами. С лицами, принявшими подданство других держав, при появлении в пределах России, надлежало поступать как с «изменниками»; их имущество конфисковывать, их крепостным давать свободу. Самый продолжительный срок «уволненным за границу» был определен в один год. Лица, желавшие остаться за рубежом дольше этого срока, должны были просить об этом через российских консулов. Лица, остававшиеся в Османской империи дольше указанного срока без позволения консульств, квалифицировались как переселившиеся за рубеж самовольно. Лица, готовившиеся к отправке в Османскую империю, были обязаны завершить все свои тяжёбые или исковые дела. Им позволялось брать с собой семьи, а из зависимых только тех, которые пожелают следовать со своими владельцами. Зависимых, отказавшихся от поездки, не позволялось продавать и др.

В предписании Министерства иностранных дел России посланнику в Османской империи (от 19.07.1861 г.) содержатся позиции османского и российского правительств по вопросу о переселении кавказских мусульман. Османское правительство обратилось к царскому правительству с требованием остановить данное переселение. Представители же царских властей заявляли, что российские мусульмане ходатайствуют о предоставлении им разрешения не на переселение в Османскую империю, а на паломничество, чему правительство не может препятствовать. В документе также содержится требование императора – не расселять северокавказских иммигрантов вблизи российской границы. Османское же правительство заявляло о своем праве выбирать местности, на которых оно могло расселять кавказских иммигрантов.

Среди требований пунктов правил, предназначенных для народов Северо-Западного и Центрального Кавказа, готовившихся к переселению в Османскую империю в конце 50-х – 1-й половине 60-х гг. XIX в., можно также указать: до 1863 г. переселявшиеся в Османскую империю не получали денежные пособия от приставств; кроме пунктов, предназначенных для их отъезда и выдачи заграничных паспортов, им не было позволено появляться в других портах, отпра-

ляться на османских кочермах и др. Для кабардинцев, готовившихся к переселению в 1860 г., был установлен определенный срок для выезда и запрет на отправление по суше, с целью недопущения перегона ими «огромного количества скота». От жителей Западной Черкесии, готовившихся к переселению в Османскую империю, требовалось: выдача аманатов, отгон скота на продажу только в обозначенные пункты, следование по определенным дорогам без огнестрельного оружия и др.

В ряде документов содержатся условия, на которых купцы обязывались перевозить черкесов на судах с кавказского на османское побережье Черного моря. В них указаны цены за перевозку на разных видах судов. При этом в документах зафиксировано, что доплата за переезд от казны была менее половины цены, установленной за взрослого человека. Остальную часть суммы за переезд переселенцы должны были заплатить сами. В ряде документов сказано, что черкесы, отправлявшиеся в Османскую империю, должны были оплачивать переезд сами. В ряде документов также зафиксировано, что военные чиновники требовали от подчиненных принуждать черкесов к скорейшему переселению. В этой связи с 1863 г. царская администрация уже соглашалась отправлять черкесов на османских кочермах. В соответствии с правилами 1864 г., группам переселенцев, охваченных инфекционными болезнями, позволялось отправляться только на частных судах.

Содержание правил, предназначенных для регулирования переселения народов Северо-Западного Кавказа в Османскую империю в последующие периоды, в целом, совпадает с содержанием таких правил конца 50-х – 60-х гг. XIX в. Царская администрация Кубанской области также требовала от черкесов, готовившихся к переселению, заплатить все подати за год и расплатиться с частными долгами. Земельный надел жителей переселявшегося аула поступал в распоряжение Кубанского казачьего войска. Все расходы по переезду должны были нести сами переселенцы. Жителям Екатеринодарского и Лабинского отделов – 24 тыс. чел. мужского пола, готовившимся к переселению в Османскую империю в 1889 г., было объявлено о строгом запрете на возвращение на родину.

НЕКОТОРЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ И ТЕРМИНЫ

Абдзехский округ – административно-территориальная единица в составе Кубанской области, образованная царской администрацией в конце 1863 г. Упразднен в 1865 г.

Бжедуховский округ – административно-территориальная единица в составе Кубанской области, образованная царской администрацией в 1861 г. Упразднен в 1865 г.

Варна – портовый город на черноморском побережье Болгарии. До 1878 г. в составе Османской империи.

Екатеринодарский отдел – административно-территориальная единица в составе Кубанской области Российской империи и Кубано-Черноморской области РСФСР, существовавшая в 1869-1924 гг. Административный центр – г. Екатеринодар.

Кабардинский округ – административно-территориальная единица, образованная царской администрацией в 1858 г. на части территории Кабарды. В 1860 г. включен в состав Терской области. В 1869 г. Кабардинский округ с центром в Нальчике был включен в состав Георгиевского округа.

Кавказская армия – Российская императорская армия на Кавказе, преобразованная в 1857 г. из Отдельного Кавказского корпуса.

Кочерма – небольшое одно – или двухмачтовое парусное судно. Дополнительно было оснащено 6–8 веслами. Длина судна достигала 15 метров, ширина – до 3,6 метров. Использовалось в XIX в. в османском флоте для транспортных перевозок, сторожевой службы и высадки десанта. Небольшие размеры кочерм позволяли вытаскивать их на берег.

Кубанская область – административно-территориальная единица Российской империи, существовавшая в 1860-1918 гг. Административный центр – г. Екатеринодар. В 1865 г. в области было учреждено 5 округов: Зеленчукский, Лабинский, Псекупский, Урупский и Эльбрусский.

Кюстендже, Констанца – портовый город на черноморском побережье Румынии. До 1878 г. в составе Османской империи.

Лабинский отдел – административно-территориальная единица в составе Кубанской области Российской империи и Кубано-Черноморской области РСФСР, существовавшая в 1888-1924 гг. Административный центр – г. Армавир.

Натухайский округ – административно-территориальная единица, образованная царской администрацией в 1860 г. на территории Натухайского общества (Натухайское княжество – до конца XVIII в.) с центром в Константиновском укреплении (Новороссийск). Упразднен в 1866 г.

Трапезунд – совр. Трабзон – портовый город в Турции, расположенный на побережье Черного моря у устья р. Мачки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы... 2003 – *Архивные материалы* о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874). Часть 2. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 415 с.

Берзедж 2012 – *Берзедж У.Н.* Изгнания черкесов: причины и последствия. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. – 288 с.

Дзидзария 1982 – *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми: Алашара, 1982. – 530 с.

Договор... 1888 – Договор помощника правителя канцелярии начальника Кубанской области С.К. Голубя и управляющего Одесской конторой Российского общества морского, речного, сухопутного страхования и транспортирования кладей В.П. Платковского о перевозке 3500 горцев из Новороссийска в Синоп. 1888 г., августа 30-го // ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 4354. Л. 53-54; Трагические последствия... С. 265-268.

Касумов, Касумов 1992 – *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. – Нальчик: Логос, 1992. – 200 с.

Кишмахов 2012 – *Кишмахов М.Х-Б.* Проблемы этнической истории и культуры убыхов. – Сухум: АБИГИ, 2012. – 832 с.

Кудаева 2022 – *Кудаева С.Г.* Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: война, исход, диаспора. – Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2022. – 280 с.

Кушхабиев 2023 – *Кушхабиев А.В.* История зарубежной черкесской диаспоры. Учебное пособие. Издание 2-е, перераб. и доп. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2023. – 248 с.

Кушхабиев 2007 – *Кушхабиев А.В.* Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 320 с.

Кушхабиев 2023а – *Кушхабиев А.В.* Проблема репатриации черкесских иммигрантов из Османской империи во 2-й половине XIX – начале XX века в документах архивов России и Грузии // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 293-317. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-293-317.

Кушхабиев 2013 – *Кушхабиев А.В.* Проблемы репатриации зарубежных черкесов: история, политика, социальная практика. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2013. – 224 с.

Кушхабиев 1997 – *Кушхабиев А.В.* Черкесская диаспора в арабских странах (XIX–XX вв.). – Нальчик: ИИФЭ КБНЦ РАН, 1997. – 227 с.

Кушхабиев 1993 – *Кушхабиев А.В.* Черкесы в Сирии. – Нальчик: Эль-Фа, 1993. – 170 с.

Кушхабиев 2022 – *Кушхабиев А.В.* Этнополитическая и социальная история зарубежной диаспоры // Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / отв. ред. А.Х. Абазов, Ю.Д. Анчабадзе, А.В. Кушхабиев, М.М. Паштова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н.

Миклухо-Маклая РАН; Кабардино-Балкарский научный центр РАН; Адыгейский республиканский ин-т гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева. – М.: Наука, 2022. – (Народы и культуры). – С. 116-176.

Магомеддадаев 2001 – *Магомеддадаев А.М.* Эмиграция дагестанцев в Османскую империю (история и современность). – Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2001. – 212 с.

Милютин 2004 – *Милютин Д.А.* Воспоминания. – М.: РОССПЭН, 2004. – 560 с.

Отзыв... 1863 – *Отзыв* графа Евдокимова начальнику Главного штаба о согласии купцов Властори, Николаева, Джамайлова и фон Штейна перевезти горцев по цене от 4 до 5 руб. 90 коп. за человека. 1863 г., апреля 12-го // ЦГИА Грузии. Ф. 416. Оп. 3. Д. 138. Л. 12. Архивные материалы... – С. 122-123.

Отношение... 1863 – *Отношение* штаба войск Кубанской области помощнику начальника Натухайского округа Крыжановскому о предоставлении ему права разрешить (сверх 400 семейств) горцам переселяться в Турцию, но не за счет казны. Ст. Хабльская. 1863 г., мая 8-го // ГАКК. Ф. 325. Оп. 1. Д. 301. Л. 58-59; Проблемы Кавказской войны... С. 182-183.

Отношение... 1889 – Отношение главнокомандующего войсками Кавказского военного округа военному министру о своих соображениях по поводу переселения кавказских горцев в Турцию. 1889 г., января 21-го // РГВИА. Ф. 400. Оп. Азиатская часть. Д. 8. Л. 1-9; Трагические последствия... – С. 272-278.

Панеш 2007 – *Панеш А.Д.* Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и Имаматом Шамиля в XIX в. – Майкоп: МГТУ, 2007. – 240 с.

Письмо... 1859 – *Письмо* командующего войсками заведующему Мало-Лабинской линией с изложением условий для отправляющихся в Турцию. 1859 г., июля 30-го // РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 468. Л. 2-4; Проблемы Кавказской войны... – С. 85-86.

Письмо... 1861 – *Письмо* начальника штаба генерал-майора Зотова начальнику Натухайского округа генерал-майору Бабичу о порядке эмиграции горцев – «увольнять их прямо на переселение, не выдавая им отпускные годовые билеты». 1861 г. марта 23-го // ГАКК. Ф. 389. Оп. 1. Д. 39. Л. 10; Проблемы Кавказской войны... – С. 118; Архивные материалы... – С. 67-68.

Письмо... 1862 – *Письмо* командующего войсками генерала Евдокимова начальнику Нижне-Кубанской кордонной линии генерал-майору Кухаренко о «полезности» удаления бжедугов за границу. Ставрополь 1862 г., апреля 20-го // РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 528. Л. 4-5; Проблемы Кавказской войны... – С. 156-157.

Письмо... 1863 – *Письмо* генерала Евдокимова начальнику Главного штаба Карцову об условиях, предлагаемых купцом Фон-Штейном для перевозки черкесов. 1863 г., ноября 7-го // ЦГИА Грузии. Ф. 416. Оп. 3. Д. 136. Л. 5; Проблемы Кавказской войны... – С. 227.

Письмо... 1863а – *Письмо* поверенного в делах России в Константинополе Д.С. Новикова начальнику главного штаба Кавказской армии Карцову о результатах переговоров с турецким правительством о принятии переселенцев и об условиях, выставленных Турцией в связи с ожидаемым массовым переселением в 1864 г. 1863 г., декабря 5-го // ЦГИА Грузии. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1097. Л. 1-2; Проблемы Кавказской войны... – С. 235-236.

Предписание... 1861 – *Предписание* Министерства иностранных дел России посланнику в Османской империи Лобанову-Ростовскому по вопросам переселения горцев в Турцию. 1861 г., не ранее июля 19-го // РГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286, св. 869. Д. 4. Л. 15-18; Трагические последствия... – С. 40-42.

Предписание... 1862 – *Предписание* Евдокимова начальнику Майкопского укрепления полковнику Горшкову о правилах выселения темиргоевцев. 1862 г., мая 3-го. // РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 528. Л. 9-10; Проблемы Кавказской войны... – С. 157-158.

Предписание... 1862а – Предписание начальника штаба войск генерал-майора Забудского начальнику укрепления Майкопского полковнику Горшкову о необходимости оказывать содействие в скорейшем выселении абадзехов. 1862 г., мая 4-го // РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 528. Л. 13; Проблемы Кавказской войны... – С. 158.

Предписание... 1863 – *Предписание* начальника штаба войск Кубанской области генерала Забудского начальнику Натухайского округа, одобряющее мнение его помощника Крыжановского о перевозке горцев не на пароходах, как это было предложено раньше, а на кочермах. 1863 г. – мая 9-го // ГАКК. Ф. 325. Оп. 1. Д. 301. Л. 95-96; Проблемы Кавказской войны... – С. 183.

Предписание... 1863а – *Предписание* Евдокимова начальнику Натухайского округа о перевозке натухайцев на турецких кочермах и о выдаче пособия по 2 руб. на душу (в крайних случаях). Ставрополь. 1863 г. декабря 31-го // ГАКК. Ф. 325. Оп. 1. Д. 301. Л. 144. Об. и 152 об.; Проблемы Кавказской войны... – С. 249-250.

Предписание... 1864 – *Предписание* начальника главного штаба Кавказской армии Карцова чиновнику для особых поручений подполковнику Батьянову по поводу организации перевозки убыхов. 1864 г. мая 16-го // ЦГИА Грузии. Ф. 416. Оп. 3. Д. 145. Л. 3-4; Проблемы Кавказской войны... – С. 285-286.

Предписание... 1895 – *Предписание* атамана Лабинского отдела и. д. участкового начальника над горскими селениями об объявлении горцам условий, которые они «должны иметь на виду при разрешении ими вопроса о том, желают ли они переселиться в Турцию или желают остаться русско-подданными». 1895 г., января 7-го // ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 793-а. Л. 80-82; Трагические последствия... – С. 347-350.

Проблемы... 2001 – Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов / Составитель Т.Х. Кумыков. – Нальчик, 2001. – 496 с.

Рапорт... 1860 – *Рапорт* начальника Кабардинского округа Орбелиани Евдокимову о результатах переговоров с кабардинцами, изъявившими желание переселиться в Турцию (450 семей) 1860 г., апреля 17-го // УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 465. Л. 3, 3 об; Проблемы Кавказской войны... С. 96-97; Трагические последствия... – С. 18-20.

Трагические... 2000 – *Трагические* последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX в. / Сост.: Р.Х. Гугов, Х.А. Касумов, Д.В. Шабаев. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. – 463 с.

Условия... 1863 – *Условия* о принятии русского подданства жителями Верхней Абдзехии. 1863 г., октября 6-го // ЦГИА Грузии. Ф. 416. Оп. 3. Д. 134. Л. 1-2; Проблемы Кавказской войны... – С. 223-224.

Условие... 1864 – *Условие*, заключенное между Кавказским ведомством и Русским обществом пароходства и торговли о перевозке черкесов в Турцию (г. Одесса). 1864 г., мая 6-го // ЦГИА Грузии. Ф. 416. Оп. 3. Д. 149. Л. 3-4 об; Проблемы Кавказской войны... С. 279-281.

REFERENCES

Arkhivnye materialy o Kavkazskoi voine i vyselenii cherkessov (adygov) v Turtsiyu (1848–1874). Chast' 2. [Archival materials about the Caucasian War and the eviction of the Circassians (Adyghs) to Turkey (1848–1874). Part 2]. Nal'chik: Ehl'-Fa, 2003. 415 p. (In Russ.).

BERZEJ N. *Izgnaniya cherkessov: prichiny i posledstviya* [Evictions of the Circassians: causes and consequences]. Nal'chik: ООО «Tetragraf», 2012. – 288 p. (In Russ.).

DZIDZARIYA G.A. *Makhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya* [Mahajirism and problems of the history of Abkhazia in the 19th century]. Sukhumi: Alashara, 1982. 530 p. (In Russ.).

Dogovor pomoshchnika pravatelya kantselyarii nachal'nika Kubanskoi oblasti S.K. Golubyia i upravlyayushchego Odesskoi kontoroi Rossiiskogo obshchestva morskogo, rechnogo, sukhoputnogo strakhovaniya i transportirovaniya kladei V.P. Platkovskogo o perevozke 3500 gortsev iz Novorossiiska v Sinop. 1888 g., avgusta 30-go [Agreement between the assistant of the ruler of the office of the head of the Kuban region S.K. Golub and the manager of the Odessa office of the Russian Society of Marine, River, Land Insurance and Transportation of Treasures V.P. Platkovsky about the transportation of 3,500 highlanders from Novorossiysk to Sinop. 1888, August 30th]. IN:

GAKK. F. 454. Op. 2. D. 4354. L. 53-54; *Tragicheskie posledstviya...* [The tragic consequences...]. P. 265-268. (In Russ.).

KASUMOV A.KH., KASUMOV KH.A. *Genotsid adygov* [Genocide of the Circassians]. Nal'chik: Logos, 1992. 200 p. (In Russ.).

KISHMAKHOV M.KH-B. *Problemy etnicheskoi istorii i kul'tury ubykhov* [Problems of ethnic history and culture of the Ubykhs]. Sukhum: ABIGI, 2012. 832 p. (In Russ.).

KUDAEVA S.G. *Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX veke: voina, iskhod, diaspora* [Adygs (Circassians) of the North-Western Caucasus in the XIX century: war, exodus, diaspora]. – *Maikop: Izd-vo Magarin O.G.*, 2022. – 280 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Istoriya zarubezhnoi cherkesskoi diaspori. Uchebnoe posobie. Izdanie 2-e, pererab. i dop.* [History of the foreign Circassian diaspora. Tutorial. Edition 2, revised and additional]. Nalchik: KBNTs RAS, 2023. 248 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Ocherki istorii zarubezhnoy cherkesskoy diaspori* [Essays on the history of the foreign Circassian diaspora]. Nalchik: El-Fa, 2007. 320 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. Problema repatriatsii cherkesskikh immigrantov iz Osmanskoi imperii vo 2-i polovine XIX – nachale XX veka v dokumentakh arkhivov Rossii i Gruzii [The problem of repatriation of Circassian immigrants from the Ottoman Empire in the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries in the documents of the archives of Russia and Georgia]. IN: *Ehlektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2023. – № 3. – P. 293-317. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-293-317. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Problemy repatriatsii zarubezhnykh cherkessov: istoriya, politika, sotsial'naya praktika* [Problems of repatriation of foreign Circassians: history, politics, social practice]. Nalchik: KBNTs RAS, 2013. 224 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Cherkesskaya diaspora v arabskikh stranakh (XIX–XX vv.)* [Circassian diaspora in Arab countries (XIX–XX centuries)]. Nalchik: IHPHE KBNC RAS, 1997. 227 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Cherkesy v Sirii* [Circassians in Syria]. Nalchik: El-Fa, 1993. 170 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Ehtnopoliticheskaya i sotsial'naya istoriya zarubezhnoi diaspori* [Ethnopolitical and social history of the foreign diaspora] // *Adygi: Adygeitsy. Kabardintsy. Cherkesy. Shapsugi* [Adygs: Adygeis. Kabardians. Circassians. Shapsugs] / resp. ed. OH. Abazov, Yu.D. Anchabadze, A.V. Kushkhabiev, M.M. Pashtova; Institute of Ethnology and Anthropology named after. N.N. Miklouho-Maclay RAS; Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Adyghe Republican Institute of Humanitarian Studies named after. T.M. Kerashev. – M.: Nauka, 2022. – (Narody i kul'tury) [(Peoples and Cultures)]. – P. 116-176. (In Russ.).

MAGOMEDDADAIEV A.M. *Ehmigratsiya dagestantsev v Osmanskuyu imperiyu (istoriya i sovremennost')* [Emigration of Daghestanians to the Ottoman Empire (history and modernity)]. Makhachkala: Izd-vo DNTS RAN, 2001. 212 p. (In Russ.).

MILYUTIN D.A. *Vospominaniya* [Memories]. – M.: ROSSPEHN, 2004. – 560 p. (In Russ.).

Otzyv grafa Evdokimova nachal'niku Glavnogo shtaba o soglasii kuptsov Vlastori, Nikolaeva, Dzhamailova i Fon Shteina perevezti gortsev po tsene ot 4 do 5 rub. 90 kop. za cheloveka. 1863 g., aprelya 12-go [Count Evdokimov's response to the Chief of the Main Headquarters about the agreement of the merchants Vlastori, Nikolaev, Dzhamailov and von Stein to transport the highlanders at a price of 4 to 5 rubles 90 kopecks per person. 1863, April 12th]. IN: TSGIA Gruzii. F. 416. Op. 3. D. 138. L. 12. *Arkhivnye materialy...* [Archival materials...]. P. 122-123. (In Russ.).

Otnoshenie shtaba voisk Kubanskoi oblasti pomoshchniku nachal'nika Natukhaiskogo okruga Kryzhanovskomu o predostavlenii emu prava razreshit' (sverkh 400 semeistv) gortsam pereselyat'sya v Turtsiyu, no ne za schet kazny. St. Khabl'skaya. 1863 g., maya 8-go [The attitude of the headquarters of the troops of the Kuban region to the assistant chief of the Natukhai district Kryzhanovsky about granting him the right to allow (over 400 families) mountaineers to move to Turkey, but not at the expense of the treasury. St. Khabl'skaya. 1863, May 8th]. IN: GAKK. F. 325.

Op. 1. D. 301. L. 58-59; *Problemy Kavkazskoi voiny...* [Problems of the Caucasian War...]. P. 182-183. (In Russ.).

Otnoshenie glavnokomanduyushchego voiskami Kavkazskogo voennogo okruga voennomu ministru o svoikh soobrazheniyakh po povodu pereseleniya kavkazskikh gortsev v Turtsiyu. 1889 g., yanvarya 21-go [The attitude of the Commander-in-Chief of the Caucasian Military District to the Minister of War about his considerations regarding the emigration of the Caucasian highlanders to Turkey. 1889, January 21st]. IN: RGVIA. F. 400. Op. Aziatskaya chast'. D. 8. L. 1-9; *Tragicheskie posledstviya...* [The tragic consequences]. P. 272-278. (In Russ.).

PANESH A.D. *Zapadnaya Cherkesiya v sisteme vzaimodeistviya Rossii s Turtsiei, Anglii i Imamatom Shamilya v XIX v.* [Western Circassia in the system of interaction between Russia and Turkey, England and the Shamil Imamate in the 19th century]. Maikop: MGTU, 2007. 240 p. (In Russ.).

Pis'mo komanduyushchego voiskami zaveduyushchemu Malo-Labinskoi liniei s izlozheniem uslovii dlya otpravlyayushchikhsya v Turtsiyu. 1859 g., iyulya 30-go [Letter from the commander of the troops to the head of the Malo-Labinskaya line outlining the conditions for those going to Turkey. 1859, July 30th]. IN: RGVIA. F. 14257. Op. 3. D. 468. L. 2-4; *Problemy Kavkazskoi voiny...* [Problems of the Caucasian War...]. P. 85-86. (In Russ.).

Pis'mo nachal'nika shtaba general-maiora Zotova nachal'niku Natukhaiskogo okruga general-maioru Babichu o poryadke eh migratsii gortsev – «uvol'nyat' ikh pryamo na pereselenie, ne vydavaya im otpusknye godovye bilety». 1861 g. marta 23-go [A letter from the chief of headquarters, Major General Zotov, to the head of the Natukhai district, Major General Babich, about the procedure for the emigration of highlanders – “dismiss them directly for emigration, without issuing them annual vacation tickets.” 1861, March 23rd]. IN: GAKK. F. 389. Op. 1. D. 39. L. 10; *Problemy Kavkazskoi voiny...* [Problems of the Caucasian War...]. P. 118; *Arkhivnye materialy...* [Archival materials...]. P. 67-68. (In Russ.).

Pis'mo komanduyushchego voiskami generala Evdokimova nachal'niku Nizhne-Kubanskoi kordonnoi linii general-maioru Kukhareno o «poleznosti» udaleniya bzhedugov za granitsu. Stavropol' 1862 g., aprelya 20-go [Letter from the commander of the troops, General Evdokimov, to the head of the Lower Kuban cordon line, Major General Kukhareno, about the “usefulness” of removing the Bzhedugs abroad. Stavropol' 1862, April 20th]. IN: RGVIA. F. 14257. Op. 3. D. 528. L. 4-5; *Problemy Kavkazskoi voiny...* [Problems of the Caucasian War...]. P. 156-157. (In Russ.).

Pis'mo generala Evdokimova nachal'niku Glavnogo shtaba Kartsovu ob usloviyakh, predlagayemykh kuptsom Fon-Shteinom dlya perevozki cherkesov. 1863 g., noyabrya 7-go [Letter from General Evdokimov to the Chief of the Main Headquarters Kartsov about the conditions proposed by the merchant Von-Stein for the transportation of Circassians. 1863, November 7th]. IN: TSGIA Gruzii. F. 416. Op. 3. D. 136. L. 5; *Problemy Kavkazskoi voiny...* [Problems of the Caucasian War...]. P. 227. (In Russ.).

Pis'mo poverennogo v delakh Rossii v Konstantinopole D.S. Novikova nachal'niku glavnogo shtaba Kavkazskoi armii Kartsovu o rezul'tatakh peregovorov s turetskim pravitel'stvom o prinyatii pereselentsev i ob usloviyakh, vystavlennykh Turtsiei v svyazi s ozhidaemym massovym pereselenie v 1864 g. 1863 g., dekabrya 5-go [Letter from Charge d'Affaires of Russia in Constantinople D.S. Novikov to the Chief of the Main Headquarters of the Caucasian Army Kartsov on the results of negotiations with the Turkish government on the acceptance of settlers and on the conditions set by Turkey in connection with the expected mass emigration in 1864. 1863, December 5th]. IN: TSGIA Gruzii. F. 416. Op. 3. D. 1097. L. 1-2; *Problemy Kavkazskoi voiny...* [Problems of the Caucasian War...]. P. 235-236. (In Russ.).

Predpisanie Ministerstva inostrannykh del Rossii poslanniku v Ottomanskoi imperii Lobanovu-Rostovskomu po voprosam pereseleniya gortsev v Turtsiyu. 1861 g., ne ranee iyulya 19-go [Prescription from the Russian Ministry of Foreign Affairs to the envoy to the Ottoman Empire, Lobanov-Rostovsky, on the issues of resettling the highlanders to Turkey. 1861, not earlier than July 19th]. IN: RGVIA. F. 38. Op. 30/286, sv. 869. D. 4. L. 15-18; *Tragicheskie posledstviya...* [The tragic consequences...]. P. 40-42. (In Russ.).

Predpisanie Evdokimova nachal'niku Maikopskogo ukrepleniya polkovniku Gorshkovu o pravilakh vyseleniya temirgoevtsev. 1862 g., maya 3-go [Evdokimov's prescription to the head of the Maikop fortification, Colonel Gorshkov, on the rules for the eviction of Temirgoyis. 1862, May 3rd]. IN: RGVIA. F. 14257. Op. 3. D. 528. L. 9-10; *Problemy Kavkazskoi voyny...* [Problems of the Caucasian War...]. P. 157-158. (In Russ.).

Predpisanie nachal'nika shtaba voisk general-maiora Zabudskogo nachal'niku ukrepleniya Maikopskogo polkovniku Gorshkovu o neobkhodimosti okazyvat' sodeistvie v skoreishem vyselenii abadzekhov. 1862 g., maya 4-go [Prescription from the chief of headquarters of the troops, Major General Zabudsky, to the head of the Maykop fortification, Colonel Gorshkov, on the need to assist in the speedy eviction of the Abadzekhs. 1862, May 4th]. IN: RGVIA. F. 14257. Op. 3. D. 528. L. 13; *Problemy Kavkazskoi voyny...* [Problems of the Caucasian War...]. P. 158. (In Russ.).

Predpisanie nachal'nika shtaba voisk Kubanskoi oblasti generala Zabudskogo nachal'niku Natukhaiskogo okruga, odobryayushchee mnenie ego pomoshchnika Kryzhanovskogo o perezovozke gortsev ne na parokhodakh, kak ehto bylo predlozhenno ran'she, a na kochermakh. 1863 g. – maya 9-go [Prescription of the chief of headquarters of the Kuban region troops, General Zabudsky, to the head of the Natukhai district, approving the opinion of his assistant Kryzhanovsky about transporting the highlanders not on ships, as was previously proposed, but on kochermas. 1863, May 9th]. IN: GAKK. F. 325. Op. 1. D. 301. L. 95-96; *Problemy Kavkazskoi voyny...* [Problems of the Caucasian War...]. P. 183. (In Russ.).

Predpisanie Evdokimova nachal'niku Natukhaiskogo okruga o perezovozke natukhaitsev na turetskikh kochermakh i o vydache posobiya po 2 rub. na dushu (v krainikh sluchayakh). Stavropol'. 1863 g. dekabrya 31-go [Evdokimov's prescription to the head of the Natukhai district to transport Natukhais on Turkish kochermas and to issue benefits of 2 rubles. per soul (in extreme cases). Stavropol'. 1863, December 31st]. IN: GAKK. F. 325. Op. 1. D. 301. L. 144. Ob. i 152 ob.; *Problemy Kavkazskoi voyny...* [Problems of the Caucasian War...]. P. 249-250. (In Russ.).

Predpisanie nachal'nika glavnogo shtaba Kavkazskoi armii Kartsova chinovniku dlya osobykh poruchenii podpolkovniku Bat'yanovu po povodu organizatsii perezovozki ubykhov. 1864 g. maya 16-go [Prescription from the Chief of the Main Headquarters of the Caucasian Army Kartsov to the official for special assignments, Lieutenant Colonel Batyanov, regarding the organization of transportation of the Ubykhs. 1864 May 16th]. IN: TSGIA Gruzii. F. 416. Op. 3. D. 145. L. 3-4; *Problemy Kavkazskoi voyny...* [Problems of the Caucasian War...]. P. 285-286. (In Russ.).

Predpisanie atamana Labinskogo otdela i. d. uchastkovogo nachal'nika nad gorskimi seleniyami ob ob'yavlenii gortsam uslovii, kotorye oni «dolzhny imet' na vidu pri razreshenii imi voprosa o tom, zhelayut li oni pereselit'sya v Turtsiyu ili zhelayut ostat'sya russko-poddannymi. 1895 g., yanvarya 7-go [Prescription of the ataman of the Labinsk department and doer of deeds the district commander over the mountain villages about announcing to the mountain people the conditions that they “must have in mind when resolving the question of whether they want to move to Turkey or want to remain Russian subjects. 1895, January 7th]. IN: GAKK. F. 454. Op. 2. D. 793-a. L. 80-82; *Tragicheskie posledstviya...* [The tragic consequences...]. P. 347-350. (In Russ.).

Problemy Kavkazskoi voyny i vyselenie cherkessov v predely Osmanskoi imperii (20-70-e gg. XIX v.). Sbornik arkhivnykh dokumentov [Problems of the Caucasian War and the deportation of Circassians to the Ottoman Empire (20-70s of the XIX century). Collection of archival documents]. Compiled by T.Kh. Kumykov. Nalchik, 2001. 496 p. (In Russ.).

Raport nachal'nika Kabardinskogo okruga Orbeliani Evdokimovu o rezul'tatakh peregovorov s kabardintsami, iz'yavivshimi zhelanie pereselit'sya v Turtsiyu (450 semei) 1860 g., aprelya 17-go [Report from the head of the Kabardian district Orbeliani to Evdokimov on the results of negotiations with Kabardians who expressed a desire to move to Turkey (450 families) 1860, April 17th]. IN: UTSGA AS KBR. F. 2. Op. 1. D. 465. L. 3, 3 ob; *Problemy Kavkazskoi voyny...* [Problems of the Caucasian War...]. P. 96-97; *Tragicheskie posledstviya...* [The tragic consequences... P. 18-20. (In Russ.).

Tragicheskie posledstviya Kavkazskoi voyny dlya adygov. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v. [The tragic consequences of the Caucasian war for the Circassians. Second half of the 19th – ear-

ly 20th century]. Compiled by R.Kh. Gugov, H.A. Kasumov, D.V. Shabaev. Nalchik: Publishing Center «El'-FA», 2000. 463 p. (In Russ.).

Usloviya o prinyatii russkogo poddanstva zhitelyami Verkhnei Abadzekhii. 1863 g., oktyabrya 6-go [Conditions for the acceptance of Russian citizenship by residents of Upper Abadzekhia. 1863, October 6th]. IN: TSGIA Gruzii. F. 416. Op. 3. D. 134. L. 1-2; *Problemy Kavkazskoi voiny...* [Problems of the Caucasian War...]. P. 223-224. (In Russ.).

Uslovie, zaklyuchennoe mezhdru Kavkazskim ведомством i Russkim obshchestvom parokhodstva i torgovli o perevozke cherkessov v Turtsiyu (g. Odessa). 1864 g., maya 6-go [A condition concluded between the Caucasian Department and the Russian Society of Shipping and Trade on the transportation of Circassians to Turkey (Odessa). 1864, May 6th]. IN: TSGIA Gruzii. F. 416. Op. 3. D. 149. L. 3-4 ob; *Problemy Kavkazskoi voiny...* [Problems of the Caucasian War...]. P. 279-281. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Кушхабиев – доктор исторических наук.

Information about the author

A.V. Kushkhabiev – Doctor of Science (History).

Статья поступила в редакцию 20.05.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 20.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Научная статья
УДК 930.2+94(470)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-222-247
EDN: HHGPOR

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Петр Абрамович Кузьминов¹, Эльдар Зурабович Тлостанов²

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

^{1,2} Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, petrakis_hist@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-1484>

² vatutin603@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о правомерности использования работ дореволюционных авторов не только как исторических, но и в качестве историографических источников, на материалах административно-правовой политики России на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века. Такой подход открывает новые возможности для извлечения информации из известных уже в науке работ, поскольку наряду с данными по изучаемой теме, историограф обращает внимание на личность автора, уровень его образования, интеллекта, литературное качество текста, цели статьи или книги, отстаиваемые концепты, идейные позиции редколлегии издания/издателя, и др. Такой подход расширяет информативную значимость изучаемых публикаций, помогает осмыслить их место в ряду других работ по теме исследования.

В статье дана оценка ключевой дефиниции исследования – «историографический источник» в работах региональной и общероссийской историографии. Анализ потенциала представленных в дореволюционной историографии материалов позволяет разделить весь используемый корпус историографических источников на ряд иерархических групп: монографии (книги), сборники документов, статьи, обобщающие труды, рецензии, некрологи, справочные материалы, документы краеведческих организаций и др. В данной статье использованы отдельные виды историографических источников (книги, сборники документов, статьи, обобщающие труды, рецензии и др.).

Обосновано положение о делении дореволюционной периодической печати на два основных течения: официально-охранительное и либерально-демократическое. Дана оценка вклада крупнейших ученых и краеведов в складывание историографической традиции по изучаемой проблеме. Выявлены материалы дореволюционной периодической печати, содержащие в себе информацию о развитии взглядов и научных концепций ряда авторов, которые определяют звучание обсуждаемой проблемы, несут в себе отпечаток времени и позволяют глубже рассмотреть колорит изучаемой эпохи.

Ключевые слова: историография, источники, история, Северный Кавказ, административно-правовые преобразования, краеведение, периодическая печать.

Для цитирования: Кузьминов П.А., Тлостанов Э.З. Дореволюционные историографические источники об административно-правовой политике России на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 222-247. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-222-247. EDN: HHGPOR.

**PREREVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHICAL SOURCES
ON THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL INTEGRATION
OF THE NORTH CAUCASUS TO RUSSIA
IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES**

Petr A. Kuzminov¹, Eldar Z. Tlostanov²

¹ Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

^{1,2} Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, petrakis_hist@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-1484>

² yatutin603@gmail.com

Abstract. The article examines the legality of using pre-revolutionary authors' works not only as historical but also as historiographical sources, drawing on materials from Russia's administrative and legal policy in the North Caucasus in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries. This approach opens up new avenues for extracting information from previously known scientific works, because, in addition to data on the topic under study, the historiographer considers the author's personality, level of education, intelligence, literary quality of the text, the goals of the article or book, the concepts defended, the ideological positions of the publication/publisher's editorial board, and so on. This approach expands the informative significance of the publications under study, helps to comprehend their place among other works on the research topic.

The article assesses the study's core concept – “historiographical source” – in regional and all-Russian historiography. The analysis of the potential of the materials presented in pre-revolutionary historiography allows the entire corpus of historiographical sources to be divided into several hierarchical groups: monographs (books), collections of documents, articles summarizing works, reviews, obituaries, reference materials, documents of local lore organizations, and so on. This article employs certain categories of historiographical sources.

The viewpoint on dividing the pre-revolutionary periodical press into two major trends: officially protected and liberal democratic. The contribution of the most prominent scientists and local historians to the development of a historiographical tradition on the investigated topic is evaluated. Materials from the pre-revolutionary periodical press are revealed, containing information about the evolution of views and scientific concepts of a number of authors, which determine the sound of the problem under discussion, bear the imprint of time, and allow a closer look at the flavor of the era under study.

Keywords: historiography, sources, history, North Caucasus, administrative and legal transformations, local history, periodical press.

For citation: Kuzminov P.A., Tlostanov E.Z. Prerevolutionary historiographical sources of administrative and legal integration of the North Caucasus to Russia in the second half of the XIX – early XX centuries. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 222-247. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-222-247. EDN: HHGPOR.

© Kuzminov P.A., Tlostanov E.Z., 2024

Административно-правовая политика России на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. – одна из наиболее востребованных проблем современного кавказоведения, интерес к которой диктуется возрастающим

вниманием современного российского общества к историческому опыту взаимодействия российского правительства с многочисленными народами империи. Тема такого исторического звучания не могла остаться незамеченной исследователями, поэтому ей посвящены десятки диссертаций, монографий, сборников документов, сотни статей, причем написаны они не только историками, но и юристами, философами, политологами, культурологами. Однако историографические итоги изучения данной темы пока не подведены. Как правило, авторы уделяли внимание предшественникам только в небольших историографических обзорах кандидатских и докторских диссертаций [Сатушиева 2003; Омаров 2004; Манкиева 2006; Джамалудинов 2012; Сердюк 2015 и др.]. В них, как правило, только указывалась информация о наличии/отсутствии материала по теме исследования в регионе, из-за чего в них отсутствует, за редким исключением, анализ концептуальных предпочтений авторов, работы которых посвящены рассматриваемой теме.

Становление новой по форме и содержанию историографической традиции/культуры, добавление новых акцентов в историографию, методологический плюрализм, вошедший в отечественную науку в начале 90-х гг. XX в. привел к всплеску научного интереса, позволил глубже реконструировать многогранное прошлое, содействовал тому, что современные региональные исследования стали уделять серьезное внимание историческим нарративам как профессиональных ученых, так и любителей истории.

Эти процессы затронули и кавказоведение. В последние годы наметился определенный сдвиг в этом направлении. Появился ряд историографических работ, в которых дана оценка дореволюционного кавказоведения и его достижений в изучении дореволюционного прошлого. Анализ имеющегося предметно-тематического наследия по исследуемой проблеме показывает, что она получила определенную концептуальную разработку в трудах А.Х. Борова [Боров 2007; Боров 2021], П.А. Кузьминова [Кузьминов 2008а; Кузьминов 2008b; Кузьминов 2009; Кузьминов 2011], М.Е. Колесниковой [Колесникова 2004; Колесникова 2011а; Колесникова 2011b; Колесникова 2012; Колесникова 2014а; Колесникова 2014b; Колесникова 2014c], А.Х. Абазова [Абазов 2017], А.А. Журтовой [Журтова, Максимчик 2017], Т.А. Колосовской [Колосовская, Ткаченко 2021] и др. Данная статья продолжает преемственность этой историографической традиции, акцентируя внимание на историографических источниках по истории административно-правовой политики России в регионе.

Объектом исследования являются достижения дореволюционного кавказоведения в изучении народов Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в. Предметом исследования стали историографические источники, в которых освещались стержневые вопросы административно-правовой политики России в крае.

Изучение истории административно-правовой жизни дореволюционного Кавказа невозможно без определения четких смысловых границ дефиниции – «историографический источник», проследить развитие авторских трактовок которой необходимое условие для решения исследовательских задач.

Принципиальных теоретико-методологических отличий категорий «историографический источник» и «историографический факт» в академической науке и региональной/провинциальной историографии нет. Но если в центре исследователи заняты анализом историсофских воззрений крупных ученых, посвятивших изучению проблемы многотомные издания, то в провинции, зачастую, довольствуются публикациями в прессе, небольшими статьями малоизвестных авторов, рецензиями, записками путешественников, путевыми наблюдениями, фиксирующими те или иные изменения в политике России на Кавказе.

Особенностью дореволюционного формирующегося кавказоведения было отсутствие на Кавказе, за некоторым исключением, профессионалов с историческим образованием. Здесь не было академий, университетов, научных учреждений, которые бы системно изучали историческое прошлое горцев. О качестве политики империи в регионе писали, в основном, офицеры Кавказского корпуса, чиновники, публицисты, журналисты, путешественники, которые на основе личных впечатлений, чужих рассказов, публикаций СМИ, или некоторых подборок официальных документов описывали известные им факты и события. Это налагает особый отпечаток на их работы. В них часто звучат противоречивые суждения, отсутствуют теоретические обобщения, искажаются факты.

Имеем ли мы право эти «зарисовки натуры» воспринимать как полноценный «строительный материал» науки? Отождествлять их с историографическими источниками и фактами? По нашему мнению, да.

В качестве примера отметим, что «многие исторические концепции, например концепции французской буржуазной революции конца XVIII в., – писал академик А.Л. Нарочницкий, – впервые сформулированы в публицистике, памфлетах, прессе того времени» [Нарочницкий 1973: 7]. Установлено, что эффективность развития и распространения научных взглядов и представлений определяется не только особо выдающимися исследованиями, которых, как правило, не бывает много. Тенденции развития науки обнаруживаются, зачастую, яснее в периодических изданиях, в дискуссиях, в памятниках общественной публицистики [Косминский 1963: 10]. Приводимый нами материал, очевидно, подтверждает эту мысль известного медиевиста.

Для познания «климата» и особенно «микроклимата» науки необходимо, – подчеркивал один из патриархов советского источниковедения и историографии С.О. Шмидт, – последовательно изучать рядовые историографические факты, типичные для той или иной эпохи: «забытые» имена и издания, научные общества и учреждения, систему распространения исторических представлений [Шмидт 1976: 256]. Опираясь на эти методологические обобщения советских историков в выборе историографических источников, мы предлагаем свой взгляд на изучаемую проблему.

Словосочетание «историографический источник» стало употребляться в работах историков/историографов в середине XX в., а актуализировалась проблема в конце 70-х – начале 80-х гг. XX в., когда в отечественной науке состоялась известная дискуссия (Г. Калинин, 1980 г.) о значения такого научного понятия как «историографический факт». Деконструкция этого концепта привела к обоснованию понятия «историографический источник», который в значи-

тельной степени обязан своим происхождением советской историографической школе, связанной с определением объектно-предметного пространства для нового суждения.

В научной литературе, посвященной историографическим источникам, предлагались различные определения для данной дефиниции: «под историографическим источником следует подразумевать любой исторический источник, содержащий данные по истории исторической науки» [Нечкина 1980: 102–103]. Или же «историографическими источниками являются те исторические источники, которые определяются предметом историографии и несут информацию о процессах, проистекающих в исторической науке и в условиях ее функционирования» [Зевелев 1987: 120] и т.д. С.О. Шмидт и его последователи утверждали, что «историографическим источником можно назвать всякий источник познания историографических явлений (фактов)» [Шмидт 1997: 185].

Итогом обсуждения проблемы стало признание большинством специалистов целесообразности расширительного толкования категории «историографический источник», которое включало в себя не только труды историков, но и другие формы исторических источников, содержащих сведения о развитии науки, что, с одной стороны, закрепило неизбежность дальнейшей эволюции данного понятия вслед за изменением предметных рамок самой историографии, но, с другой, препятствовало консолидированному определению историографического источника.

Смена научных парадигм в изучении отечественной и региональной истории, происходящая в последние десятилетия свидетельствует, что в науке формируется теоретико-методологическое разнообразие, которое требует от нынешнего поколения ученых-кавказоведов решения актуальных задач переосмысления опыта научных изысканий прошлого, анализа концептуального багажа по ряду историографических проблем и интерпретаций, а также осмысления ключевых понятий историографии.

Сегодня содержание категории «историографический источник» и его понимание обогащается новыми взглядами и приемами работы с ним, что стало серьезным поводом для продолжения научного поиска в области историографического источниковедения. В этом отношении справедливо замечание В.Д. Камынина, писавшего, что «можно долго призывать историографов к тому, чтобы «договориться о терминах», указывать на то, какой чрезмерный вред наносит разноголосица историографической науке в целом и т.д. Однако, следует обратить внимание, что каждое поколение историографов фактически проходит через один и тот же дискурс в обращении к теоретическому обоснованию понятия историографический источник» [Камынин 2014: 125].

Анализ современного историографического процесса показывает, что в науке преобладают два взаимодополняемых подхода к определению историографического источника. Первый: «историографический источник – это то, откуда извлекают информацию, пригодную для конструирования историографического процесса» [Румянцева 2015: 508].

С точки зрения второго подхода, историографическими источниками являются «произведения историков, которые реализуют функции презентации и

позиционирования исторического знания» [Румянцева 2015: 509], поскольку он «ориентирует исследователей выявлять целеполагание автора исторического труда, сознательно осуществляющего акт историописания, и выполнявшего тем самым определенную функцию в социуме» [Румянцева, Маловичко 2017: 91].

По мнению М.Е. Колесниковой, «историографические источники имеют особые информационные особенности, которые передают личное отношение создавшего их автора к описываемым событиям. Вместе с тем они не только интерпретируют, но и достаточно точно воспроизводят исторические процессы или явления» [Колесникова 2014с: 317].

Главное, на наш взгляд, состоит в том, что труды провинциальных историков, любителей истории, краеведов, как и работы профессионалов исторической науки, сохраняют для потомков многогранный по форме и содержанию материал, позволяющий не только воссоздать историческое прошлое народов Северного Кавказа, но увидеть сам процесс «творения» исторической науки, поскольку ее создавали, реконструировали не только корифеи науки, но и множество разных людей в Тифлисе, Екатеринодаре, Владикавказе и др. [Колесникова 2014b: 35].

По нашему мнению, понимание историографического источника в интерпретации М.Е. Колесниковой позволяет качественнее произвести историографический анализ административно-правовых изменений на Северном Кавказе в исследуемый период.

Изучение историографических источников, представленных в дореволюционной историографии, дает возможность, вслед за А.В. Клименко, разделить корпус историографических источников на ряд групп, расположенных в иерархической последовательности: монографии (книги), сборники документов, статьи, обобщающие труды, рецензии, справочные материалы, документы краеведческих организаций и др. [Клименко 2003: 23].

В массе документальных материалов, с которыми работает историк в Северокавказском регионе, М.Е. Колесникова выделила блок историографических источников кавказоведения: тексты статей и книг провинциальных историков, историков-любителей, краеведов, краеведческие описания (историкотопографические, историко-статистические, статистико-этнографические), произведения северокавказских просветителей, общественных деятелей и писателей XIX в., справочные книжки, путеводители, составленные исследователями Северного Кавказа, работы иностранных авторов, побывавших в регионе во второй половине XIX в., некрологи, рецензии и др. [Колесникова 2014с: 317–320]. Но в отличие от вышеназванного автора, которая только перечислила фамилии краеведов, историков, просветителей, работы которых являются историографическими источниками, мы предлагаем беглый разбор их позиций в изучении административно-правовой политики в исследуемый период. Более детальный и комплексный анализ, впереди. И.С. Тахушева считает, что в круг историографических источников необходимо включить «журнальные статьи дореволюционного прошлого, которые фиксировали конкретные сюжеты жизни горцев Кавказа» [Тахушева 2024: 3].

Солидаризируясь с мнением вышеуказанных исследователей, отметим, что в данной статье использованы только отдельные виды историографических источников.

Присоединение кавказской окраины к Российской империи шло одновременно со складыванием российского кавказоведения. Так, в 1851 г. в столице Кавказского наместничества г. Тифлисе был открыт Кавказский научный отдел Императорского русского географического общества тесно связанный с российскими военными властями и непосредственный участник разработки законопроектов, касающихся управления народами Кавказа, с одной стороны, и, в то же время, активный собиратель устных источников, фольклора, с другой стороны [Мудрова 2020: 19].

В условиях Кавказской войны, офицеры Отдельного Кавказского корпуса и прикомандированные чиновники, выполняя задачи Генерального штаба, собирали значительный объем социально-экономических, этнографических, политических и военно-топографических сведений о Кавказе, отложившихся в фонде ВУА Военно-исторического архива (РГВИА) [Боров 2007: 33; М.Е. Колесникова, 2011: 181–228]. Эти материалы несли объективную информацию обо всех сторонах жизни северокавказских народов и служили для Петербурга одним из источников для принятия компетентных решений по задуманной программе административно-судебных реформ, основанных на «понимании самобытности местных народов и неэффективности военных походов по их включению в политико-правовое пространство Российской империи» [Боров 2007: 33–34].

Параллельно с военными мероприятиями шел процесс организации соответствующих научных учреждений, которые могли бы систематизировать и ввести в научный оборот большое количество источниковедческого материала. Так, 16 февраля 1864 г. начальник Главного управления кавказского наместника барон А.П. Николаи писал: «не без основания по сие время раздаются у нас жалобы на недостаток сведений об этой обширной и разнохарактерной части нашего отечества, сведений серьезных, добытых из официальных актов, которые во всех образованных странах считаются достоверными источниками» [Предписание 1864].

Для устранения этого недостатка по инициативе управленческого истеблишмента, коллективов единомышленников или отдельных энтузиастов в Тифлисе, Владикавказе, Екатеринодаре, Ставрополе, Темир-Хан-Шуре были открыты различные государственные и общественные организации, собиравшие и публиковавшие самую разнообразную информацию о горских народах. К их числу можно отнести статистические комитеты, Общество любителей изучения Кубанской области, Кубанское общество любителей изучения казачества, Терское общество любителей казачьей старины, Ставропольское общество для изучения Северо-кавказского края, Ставропольская губернская ученая архивная комиссия, редакции газет «Ставропольские губернские ведомости», «Терские ведомости», «Кубанские войсковые/областные ведомости», периодических изданий: «Сборника сведений о кавказских горцах» и многих других. Их активная просветительская и научная деятельность стала существенным фактором, ока-

завшим влияние на становление дореволюционной историографической школы. Однако, по справедливому замечанию М.Е. Колесниковой, достижения историописателей второй половины XIX – начала XX в. были практически не востребованы отечественной наукой в XX столетии [Колесникова 2011: 17].

Первыми среди исследователей, работы которых имели целью обосновать методы, способы и формы бюрократического управления на Кавказе, были представители «военно-исторической школы» (В.А. Потто, С.С. Эсадзе, И.С. Чернявский и др.), связанные с высшими эшелонами власти на Кавказе и имеющие доступ к официальным документам и архивным сведениям. Содержание их работ раскрывает важные вопросы политической истории региона, к числу которых отнесем историю становления российских органов власти сначала в Грузии, затем в Предкавказье, позднее в горах. По мнению Т.А. Колосовской и Д.С. Ткаченко [Колосовская, Ткаченко 2021: 9], именно эти авторы заложили «становой хребет» в исследовании региона, позволив персонафицировать феномен российского кавказоведения XIX в.

Н.Ф. Дубровин в своем многоплановом, восьмитомном историческом сочинении [Дубровин 1871–1888] по истории установления российского владычества на Кавказе, написанной с позиций официально-охранительной историографии, собрал обширный круг документального материала об общественно-политическом устройстве, взаимоотношениях и особенностях жизни горцев кавказской периферии, выйдя, таким образом, за рамки изначально планировавшейся военной тематики. С характерным для многих дореволюционных авторов подходом он подчеркивает значимость поставленных правительством целей установления российской администрации на присоединенных национальных окраинах страны. Этот труд, по мнению самого автора, снабжает кавказский военно-чиновничий аппарат ценными сведениями по управлению горными районами Кавказа, так как он проливает свет на характер взаимоотношений между горцами и русским населением, что для успешного управления совершенно необходимое условие [Дубровин 1871: 34].

В 1890 г. Л.А. Зиссерман издал трехтомный труд [Зиссерман 1890], посвященный жизни и деятельности наместника Кавказа, князя Александра Ивановича Барятинского. Автор представил свою работу в широком контексте политической истории региона, перечислив основные вехи биографии А.И. Барятинского в ходе проводимых военных и гражданских мероприятий наместника. Освещая его реформаторскую деятельность, в юности близкого друга императора Александра II, Зиссерман анализирует процесс административно-территориального переустройства Северного Кавказа и те закономерные трудности, сопровождавшие этот сложный, переходной этап в истории, когда активные преобразования «положили начало порядку вещей, при котором устранялись главные затруднения, препятствовавшие до сих пор достижению правительственных целей на Кавказе» [Зиссерман 1890: 93].

Представители охранительного направления В.Н. Потто, П.И. Чернявский и другие полностью поддерживали имперскую политику во всех её проявлениях. П.И. Чернявский, освещая события на Кавказе в годы правления Александра II, идеализировал политику русских властей на Кавказе [Чернявский 1898]. Вся

риторика автора сводилось к утверждению, что «военные мероприятия доставили краю полное спокойствие», а «преобразования и улучшения военно-административные установили порядок, совершенство в войсках, возможную цивилизацию в туземных народах и положительное благосостояние в крае» [Чернявский 1898: 61].

В.А. Потто, который в силу обстоятельств в середине 1880-х гг. оказался отстранён от активной служебной военной деятельности, всецело посвятил себя изучению истории Кавказа и военных подразделений, активно участвующих в военных действиях против горцев. В четырехтомном историческом труде [Потто 1901-1908] собрал сведения, имеющие непреходящее значение для изучения темы отношений России и Кавказа в период, когда возросла необходимость распространения российской юрисдикции на горцев. Широко известны слова В.А. Потто, писавшего, что «дряхлеющие под знойным солнцем юга народы жаждут прохладной тени русского скипетра» [Потто 1901. Т. 1: 5].

Большой интерес представляют труды известного кавказоведа Семена Спиридоновича Эсадзе, представителя имперской бюрократии, который детально осветил формируемую систему управления в регионе с позиций военно-административной элиты на Кавказе. Его двухтомный труд [Эсадзе: 1907], посвященный истории административного управления Северным Кавказом, был одной из первых попыток глубокого осмысления этого опыта и его результатов. Труд включает в себя как равноценную по объему и значению документальную часть, так и комментарии к ней. С. Эсадзе подчеркивал сложность взаимодействия традиционных горских институтов власти с царской административной практикой. Значительное место он уделил становлению судебной системы и причинам сохранения судопроизводства по адатам и шариату. Во втором томе работы дана характеристика основных аспектов деятельности ведущих лиц российской власти и новых учреждений во время проведения реформ на Кавказе. При этом основное внимание автор уделил обоснованию необходимости установления специфической системы военно-народного управления, суть которой сводилась к сочетанию военных и гражданских принципов управленческой практики. С. Эсадзе обосновывает правильность официально-охранительной оценки об «органическом единении горских народов с Россией», которое «должно было произойти посредством установления над местным населением твердой правительственной власти» [Эсадзе 1907: 448].

Важным типом историографических источников, как уже сказано, были литературные труды ученых и исследователей региона в значении синонимичном современному понятию «краеведение». С середины XIX в. эти работы становятся массовыми в познании региональной истории, поскольку «без изучения трудов ученых нет истории исторической науки, как без изучения произведений писателей нет истории литературы» [Нечкина 1985: 503]. В силу своей специфики краеведение того времени, подчеркивает Э.А. Шеуджен, стало «своеобразным интеллектуальным мостом, соединившим интересы научного поиска, практического использования полученных результатов и предметной культурно-просветительской деятельности» [Шеуджен 2014: 127].

Один из крупнейших дореволюционных исследователей Северного Кавказа и Востока, председатель Кавказской археографической комиссии, ориенталист А.П. Берже опубликовал ряд работ [Берже 1858; Берже 1879; Берже 1883], в которых была дана краткая, но достаточно точная характеристика топографической, этнографической, военно-статистической и административной информации о народах Центрального Кавказа. Несмотря на универсальный характер очерков Берже и обилие фактического материала, они представляют собой материал скорее описательного, нежели исследовательского характера. Эти работы по своему концептуальному содержанию правомерно отнести к официальному направлению в историографии, подчеркивающему значимость имперской политики на Кавказе, которая была несомненным благом для «полудиких» горских племен [Берже 1882: 345].

Значительным корпусом исторических, а в нашем понимании и одновременно историографических источников, являются опубликованные официальные письменные материалы и документы, об основных направлениях административно-правовой политики России на Северном Кавказе изучаемого периода, поскольку они отражают воленс-ноленс личность составителя, цели его публикации, допуск к архивохранилищам и др. Опубликованные собрания документальных материалов представляют собой комплекс правительственных и общественных инициатив в деле возможных вариантов модернизации всей административно-правовой системы в регионе и включают в себя законодательные акты, указы и распоряжения правительства, отражающие государственно-правовые нормы и официальную позицию властей в вопросах государственного управления.

Крупный вклад в решение проблемы системного расширения документальных исторических источников о российско-горских отношениях внесла известная Кавказская археографическая комиссия (АКАК), итогом работы которой стала публикация «богатейшего собрания разнообразных сведений по развитию на Кавказе гражданского управления и постепенного присоединения к России разных владений, образовавших собой Кавказское Наместничество в нынешних его пределах» [Предписание 1864: 3]. За 40 лет целенаправленной работы Комиссии (1864–1904 гг.), подчеркивают А.А. Журтова и А.Н. Максимчик, «было опубликовано 16057 документов, размещенных в 12 томах по истории российско-кавказских отношений XIV–XVIII вв. и российского управления краем (1799–1862 гг.)» [Журтова, Максимчик: 301–302], ставших важнейшим хрестоматийным источником административно-правовых преобразований в крае.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ) один из важнейших источников систематизированных документов и законодательных актов для раскрытия заявленной темы. Второе и Третье собрание законов, содержит ряд актов, посвященных проблемам русско-кавказских отношений и строительству начал российской гражданственности на Кавказе с 1825-го по 1916-й гг. Группа кавказоведов, под руководством профессора Д.Ю. Шапсугова, готовит их к изданию.

Огромную ценность по истории российско-кавказских отношений представляет комплекс таких законодательных актов, как Всеподданнейшие отчеты наместников Кавказа и Главнокомандующих Кавказской армией, начальников Дагестанской, Кубанской и Терской областей, правила и инструкции для горских словесных судов Кубанской и Терской областей и др., которые опубликованы только частично и ждут своего археографа. Этот блок документальных источников емко отражает имперскую административную практику на Северном Кавказе и позволяет проанализировать государственную стратегию в отношении горцам, выявить направление и приоритеты законотворческой деятельности со стороны высших звеньев административного аппарата по отношению к горским народам, установить подсудность и иерархию судебных учреждений и правовых институтов.

Высокий научно-исследовательский потенциал данного комплекса документов/историографических источников, дает возможность оценить вклад их составителей в концептуальное осмысление российской политики на Кавказе, поскольку «в делопроизводственном материале дореволюционного времени мы всегда можем различать несколько пластов, отражающих не только иерархию бюрократического аппарата... но и реальные жизненные обстоятельства, которые так или иначе влияли на возникновение этих пластов...» [Литвак 1979: 5].

Главначальствующий гражданской частью на Кавказе (1882–1890 гг.) А.М. Дондуков-Корсаков по итогам управления регионом опубликовал семидесяти страничную записку [Дондуков-Корсаков 1890], в которой привел статистические сведения о проектах введения воинской повинности у горцев, системе гражданского управления Кавказа и т.д. В ней он дал развернутый отчет о результатах своей деятельности и сопровождал его многочисленными предложениями по переустройству края. В качестве конечной цели предстоящих изменений князь называет «упрощение настоящей сложной административной системы управления Кавказом, возможное слияния управления с общими учреждениями империи; значительное, вследствие этих мер, сокращение расходов по Кавказу, обременяющих в настоящее время государственный бюджет» [РГИА Ф. 932. Оп. 1. Д. 392. Л. 1–1 об.]. К примеру, он охарактеризовал систему военно-народного управления, как явный анахронизм, утративший к концу XIX века свое прежнее значение, и предложил заменить ее на систему общеимперских учреждений. Автор «Записок» призывает ликвидировать пережитки Кавказской войны путем дальнейшего развития экономических отношений, гражданского образования и пропаганде «правильного» устройства быта т.е. русификации населения региона.

Историографическую значимость имеет и записка наместника И.И. Воронцова-Дашкова [Воронцов-Дашков 1907], подготовленная для императора Николая II по итогам управления краем в годы первой русской революции, которая воплощает уникальный опыт осмысления происходивших перемен на Кавказе. Автор «Записки» был не только наместником, т.е. высшим представителем российской власти в крае, но и ветераном Кавказской войны, имевшем богатый опыт управления регионом и понимающим особенности кавказской действительности. В ней он осветил социально-экономическое положение гор-

ских народов, обосновал причины обострения политической обстановки, отстаивал необходимость проведения дальнейших реформ. Он считал опасным проводить мягкую политику применительно к такому сложному и специфическому региону как Северный Кавказ и потому был сторонником увеличения полномочий у лиц, олицетворяющих собой власть в крае, «которая, сосредоточивая в себе до известной степени полномочия министров, была бы способна согласовать в своих решениях начала общегосударственной политики с местными потребностями, могла бы удовлетворять последние быстро, по возможности, в момент их возникновения, и имела бы право возбуждать перед законодательными учреждениями империи вопросы о местных нуждах, вне зависимости от личных взглядов на них представителей центрального правительства» [Воронцов-Дашков 1907: 158].

Российская историко-правовая школа занимала лидирующие позиции в европейском историографическом пространстве. Поэтому не случайно, что ее представители оставили немало работ, посвященных изучению правовой культуры в северокавказском регионе.

К их числу мы относим работы историка-правоведа В.Б. Пфафа, немца по происхождению, получившего высшее образование в Лейпциге, с 1859 г., жившего в России [Пфаф 1870]. В 1865 г. он защитил диссертацию на степень доктора права при Одесском университете по теме: «О формальных договорах древнего римского права». На Кавказе ученый жил с 1869-го по 1874 г., где служил учителем географии и истории во Владикавказской, а затем в Тифлисской гимназиях, избирался членом распорядительного общества Кавказского отдела Императорского Русского географического общества [Васильева 1975: 42]. Живя во Владикавказе, он объездил осетинские аулы, где изучил обычное право осетин и их судопроизводство, исследовал роль административных реформ, проводимых российскими властями. В сфере его исследовательских интересов – реформы аульного управления в Осетии и проблема аккультурации правовых норм горцев с не свойственного кавказскому правосознанию российских политико-правовых порядков.

К этому течению примыкают и работы Н.Ф. Грабовского [Грабовский 1876] – офицера Кабардинского округа, работавшего в административном аппарате Кабардинского округа, который проводил в Кабарде и Балкарии в жизнь правительственную политику [Кузьминов 2008: 399]. Значительный объем в своих работах он отвел деятельности кавказской администрации, ее позитивным, а иногда и негативным действиям. Опираясь на материалы судопроизводства в кабардинском округе, автор обрисовал деятельность ранних российских судебных институтов, динамику судебно-правовых реорганизаций в Кабарде с XVIII века по 60-е гг. XIX в. Первым в историографии Н.Ф. Грабовский поставил вопрос о формировании источниковой базы для изучения системы судопроизводства в крае. Признавая насильственный характер присоединения Кабарды к России, он делает вывод, что новая правовая система оказала благотворное влияние на социально-экономическое развитие Кабарды [Грабовский 1876: 200].

Интересна работа Ф.И. Леонтовича, которая служит прекрасным источником по исследованию правовой жизни горских народов Терской области [Леон-

тович 1882]. Составитель двухтомного труда не только обнародовал адаты горцев, но и дал их теоретико-методологическую классификацию, привел обширные комментарии к ним, теоретически обобщил нормы обычного права, проанализировал партикуляризм обычного права горцев, определил источники их формирования. Оценивая итоги вхождения Северного Кавказа в состав России, он писал, что «это сближение смягчило в значительной степени старый партикуляризм горских адатов и повело к уничтожению многих обычаев горцев, а главное – отразилось в общем ограничении в судебно-административной практике местных адатов в противовес мусульманскому праву и русскому законодательству» [Леонтович 1882: 24].

Особое место среди публикаций историко-правового направления, в которых анализируется роль и место Северного Кавказа в правовой системе России, выделим труд известного кавказоведа, профессора М.М. Ковалевского, посвящённый анализу обычного права горцев [Ковалевский 1886]. Ученый, при помощи сравнительного изучения норм права горцев, личных наблюдений и данных юридической антропологии, исследовал правовые системы горских народов, качество феодальных отношений, традиционные институты управления и права, сложившиеся в древности. В заключительном разделе своей работы он останавливается на деятельности местной администрации и последствиях присоединения Кавказа к царской России. В качестве прогрессивных итогов присоединения он назвал отмену домашнего рабства, прекращение племенных распрей, устранение многих пережитков родового быта, переселение значительной части горского населения на равнину и обеспечение их землей. Негативную сторону этой политики, Ковалевский видел в ошибочности принятия правительственного акта по укреплению в Дагестане норм адатов вместо шариата, которая «подкашивала в корне русскую просветительскую миссию на Кавказ, вела к внутренним несогласиям и усобицам» [Ковалевский 1886: 182].

Критическое отношение к созданной на Северном Кавказе правовой системе обосновал сенатор Н.М. Рейнке, инспектирующий судебные учреждения края в предреволюционные годы XX века [Рейнке 1912]. Его работа, о политике кавказской администрации по созданию новой судебной системы у горцев, содержит интересные замечания о паллиативности некоторых реформаторских шагов, некомпетентности судей, отсутствии суда присяжных и практики мировых судов для населения Северного Кавказа, чрезмерную бюрократическую составляющую вовремя судопроизводства. Основной вывод автора прост: «...надо заменить современную юстицию, которая управляет жизнью горцев и подчинить их общим судебным установлениям по российскому образцу. Это важно как самих горцев, так и для их соседей – русского населения и, в конечном счете, для государства» [Рейнке 1912: 51]. Эта идея была реализована уже при советской власти, но на иной правовой основе.

В XIX в. первые опыты анализа политики России в крае представили просветители горских народов. Основной идейной доминантой и генерализирующей линией их творчества было желание перенять достижения европейской/российской цивилизации и, тем самым, приобщиться к мировому социально-экономическому и культурному прогрессу при сохранении самобытных

черт и идентичности своих этнических обществ. Двойственный характер их отношения к результатам политики России в регионе заключался в том, что, с одной стороны, они подчеркивали предпочтительность сотрудничества с кавказской администрацией, правительством, с другой, обращали внимание на сложность интеграционного процесса по адаптации традиционных горских обществ к российским правовым реалиям.

У. Лаудаев в работе «Чеченское племя» сообщает подробные сведения об истории утверждения царской власти в Чечне [Лаудаев 1872]. Полезны сообщаемые им сведения об организации системы управления чеченским народом. Особое внимание он уделял религиозным воззрениям чеченцев, в частности, принятию ислама, что, по мнению У. Лаудаева, имело определенные негативные последствия. Как и большинство дореволюционных краеведов, автор, с одной стороны, принижает уровень политико-правового развития вайнахского этноса, а, с другой, переоценивает роль преобразований в системе управления, проведенные кавказской администрацией. Так, он высоко оценивает роль российской администрации в создании новой судебной системы утверждая, что с учреждением мехкеме заметно улучшилось традиционное судопроизводство и «при тщательном контроле русских чиновников оно сможет удовлетворять народные нужды» [Лаудаев 1872: 30].

А.Г. Ардасенов, один из плеяды российского народничества, в своем документальном очерке «Переходное состояние горцев Северного Кавказа» [Ардасенов 1896], скрупулезно изучил административно-правовые изменения, произошедшие в жизни осетин в течение XIX века. Просветитель, дважды увольнявшийся со службы «за демократические суждения» и «политическую неблагонадежность» [Васильева 1975: 127], был твердо убежден в негативных последствиях капитальной перестройки родного края в 60-е гг. XIX в., которые, по его оценке, привели к тому, что горские общества застряли в «переходном состоянии», характеризующимся экономическими проблемами и обезземеливанием населения. «Конец 60-х годов можно считать тем поворотным пунктом, с которого горцы-осетины повернулись лицом к русским, – пишет А.Г. Ардасенов, – т.е. это время проведения административно-правовых реформ, в ходе которых обозначился абрис новой системы жизнеустройства [Ардасенов 1896: 16]. Выход из этого состояния автор видит в просвещении и развитии образования у горских племен.

В.Н. Кудашев, опираясь на публикации Н.Ф. Грабовского и архивные материалы, описал судопроизводство в округе и функционирование институтов управления в контексте социально-политической истории кабардинского народа [Кудашев 1913]. При освещении взаимоотношений России и Кабарды, происходивших в период проведения административно-правовых преобразований, автор акцентировал внимание не на отрицательных сторонах такого взаимодействия, а на выгодах, получаемых от диалога двух культур. Отдельного упоминания заслуживает, используемое автором словосочетание «добровольное присоединение» [Кудашев 1913: 13]. Оно было документально аргументировано Т.Х. Кумыковым [Кумыков 1957] и вошло в повседневность советской исто-

риогрaфии с середины 50-х годов XX века, оказав серьезное влияние на интерпретацию кабардино-русских отношений.

Таким образом, анализ даже отдельных историографических источников по дореволюционной истории административно-правовой политики на Северном Кавказе показывает, что ее осмысление в краеведении/науке связано с накоплением документального материала, усилением влияния научной и общественной мысли, освоением идей позитивизма, проникавших не только в академическую науку, но и в кавказоведение. Опубликованные труды были важными каналами накопления исторических знаний о Кавказе, в которых затрагивались методы, способы и формы преобразовательной деятельности со стороны правительственных верхов в регионе с целью приспособить его к нуждам российского самодержавия. Анализ их содержания помогает в реконструкции содержания изучаемой эпохи, в хронологических границах которого происходило формирование первых историографических связей в работах ученых.

Значимым типом историографических источников была дореволюционная периодическая печать. Являясь одним из каналов сбора и анализа информации о происходящем на окраинах империи, она позволяет рассмотреть практически все стороны жизни общества, осветить политическую конъюнктуру того времени, проследить политическую, идеологическую или ведомственную борьбу мнений относительно путей развития северокавказского региона, выявить механизмы и способы управления царской администрацией горскими обществами, динамику и контуры перемен. Периодическая печать как уникальный комплексный источник с присущей ей жанровым разнообразием, представляет собой незаменимое средство для пропаганды различных идей и взглядов, вплоть до идеологического воздействия на общественное сознание, поскольку издатель, редактор, редакционная коллегия через издаваемую газету или журнал выражали свое мнение, полемизировали и давали оценку актуальным событиям в стране.

Период «оттепели» в общественно-политической сфере жизни России во второй половине 1850-х гг., затронул и Кавказ. Здесь «число местных региональных газет и журналов достигло 30 наименований, в которых публиковались материалы по истории и культуре горских народов» [Дамения 1996: 15], сыгравшие неоценимую роль в оформлении исследовательских интересов «провинциальной» историографии. С начала 50-х гг. XIX в. стали выходить в свет научные и просветительские труды «Кавказского отдела русского географического общества», «Кавказского общества сельского хозяйства», «Кавказского календаря» и другие издания, научно-информационный потенциал которых был весьма высок.

Основные сюжеты, затрагиваемые в полемике этих изданий, по большей части встраивались в общую канву значимых политико-социальных задач, связанных с продвижением империи на юг. В публикациях, связанных с исследуемой проблемой, делались попытки оценить позитивные/негативные стороны присоединения/завоевания горских народов, «подсказать» кавказской администрации болевые точки административных и правовых преобразований, осмыслить значимость отдельных правовых норм, горских традиций и обычаев, кото-

рые не входили в прямое противоречие с законами Российского государства. Редакционный императив стал преобладающим в интеллектуальной среде того времени, что отчетливо прослеживается в суждениях и действиях отдельных чиновников, отстаивающих необходимость имперского монолога. Не случайно Николай I писал наместнику Воронцову осенью 1846 г., что «не судите о Кавказском крае, как об отдельном государстве. Я желаю и должен стараться сливать его всеми возможными мерами с Россией, чтобы все составляло одно целое» [Цит. по: Шнайдер 2005: 83].

Анализ идейного содержания газетных и журнальных публикаций о политике империи в крае показывает, что в дореволюционных публикациях сложились два основных течения: официально-охранительное и либерально-демократическое. Признавая условность и эпистемологическую стереотипность такого деления, ведь «действительность слишком сложна и многогранна, чтобы быть уложенной в прокрустово ложе предлагаемой схемы» [Кузьминов 2009: 15], подчеркнем, что подобное сегментирование материала оправдано содержанием издаваемых статей, в которых отчетливо отражены социальные приоритеты их авторов [Васильева 1975: 6; Кузьминов 2009: 250–251], которые обосновывают возможность дифференцированного подхода к работам дореволюционных авторов в историографии в соответствии с идейно-политическими критериями эпохи.

К первому течению мы относим работы сотрудников, офицеров, журналистов, редакторов и литераторов, отражавших в своих статьях правительственную точку зрения и эксплуатирующие на страницах изданий определенные идеологемы.

Консервативную оценку по проблеме инкорпорации традиционных горских институтов управления к России мы находим в статье С. Иванова, в которой присутствует попытка изучить результаты экономического и общественного сближения горцев, казаков и русского населения [Иванов 1859]. По его мнению, этот процесс может «много содействовать к смягчению характера первых, и высказывая им выгоды цивилизованной жизни, выставить Русских, не как грозных победителей, жаждущих войны, ищущих кровопролития, но как нацию, заботящуюся об улучшении их состояния» [Цит. по: Смирнов 1958: 188].

Культуртрегерский взгляд в периодике той эпохи был широко распространен среди многих современников. Например, известный сподвижник командующего Кавказской армией А.И. Барятинского, публицист Р. Фадеев в письме редактору «Московских ведомостей» М.Н. Каткову по окончании основных боевых действий на территории Центрального Кавказа писал, что «на Кавказе место солдата займет земледелец, промышленник, торговец; вместо военных экспедиций начнутся другие экспедиции – мирные; вместо разорения мы дадим народам Кавказа цивилизацию, образованность, гражданский порядок, пути сообщения, промышленность, торговлю; мы научим его ценить всю пользу гражданского порядка, все благодеяния мира» [Фадеев 1865: 263–268].

Консервативно-охранительные мотивы мы встречаем у П. Пржецлавского [Пржецлавский 1867], который привел ценные сведения о внедрении российского судопроизводства у горцев, а также создании и функционировании системы областного управления в Дагестане [Пржецлавский 1867: 155].

К авторам либерального течения можно отнести значительную по численности группу, активно участвующей в общественной жизни региона. Они, зачастую, критично оценивали появляющиеся в СМИ официальные материалы, посвященные политике России в крае, анализировали ее достижения/промахи, использовали архивные документы, не опасались освещать социальные противоречия в эпоху реформ 60-х гг. XIX в. Изучение демократической «неофициальной» исторической мысли, отражение ее в публицистике тех лет давно привлекает внимание историков из-за своего оригинального самобытного развития и обращения к народному самосознанию, на что, в немалой степени, повлияло воздействие идей народничества.

Либеральную точку зрения о качестве административно-территориальной политики на территории северокавказской окраины мы встречаем у Н.И. Воронова, который уделяет большое внимание вопросам местного самоуправления, осуждает членов местной администрации за карьеризм, критикует откровенно колонизаторский характер некоторых мероприятий военной администрации. В одной из статей, написанной в 1864 г., Н.И. Воронов убедительно отстаивает необходимость быть более внимательным к нуждам горского населения, так как «горцы делаются нашими братьями по обществу, нашими согражданами по государству» [Воронов 1862-1864: 33]. В изучении особенностей их жизни автор видит залог их успешной интеграции в Россию.

Серия статей по управлению Кавказом была напечатана во второй половине XIX века известным краеведом и исследователем Ставрополя И.В. Бентковским [Бентковский 1869; Бентковский 1874; Бентковский 1883]. Помимо личных впечатлений от поездок по Северокавказскому краю, он широко использовал доступные ему архивные и статистические источники, опубликованные статьи в губернской периодике, в Тифлисе, Екатеринодаре. Работы И.В. Бентковского, по мнению М.Е. Колесниковой, отличаются добросовестностью, скрупулёзностью и разносторонностью интересов. Они значительно расширяют наши представления об особенностях функционирования административных органов управления в регионе [Колесникова 2004: 5]. Собирая статистические сведения о народах края, Бентковский первым осуществил опыт сравнения Ставропольской губернии с другими административно-территориальными единицами. Эти публикации имели определенное практическое значение, поскольку дали губернской администрации сведения о срочности будущих проблем. Автор критически оценивал административно-судебную политику на Кавказе, практическую деятельность кавказской администрации и выражал симпатию мерам гражданского и экономического характера [Бентковский 1869: 1].

Статья Н. Семенова посвящена анализу правовых устоев, на которых зиждилось судопроизводство в Терской области [Семенов 1880]. Автор освещает правовую ситуацию в области на примере деятельности Горского словесного суда, который, на его взгляд, не справлялся с возложенными на него функциями вследствие своей громоздкости и большого количества дел, поступающих на его рассмотрение. Н. Семенов ставит вопрос о необходимости замены Горского словесного суда обыкновенными судами, существующими в Российской империи. «Разбейте предметы ведения суда на соответствующие груп-

пы и одни из них передайте окружным судам, другие – мировым установлениям, третьи – сельским судам» [Семенов 1880], – пишет он в заключении.

Демократические оценки и взгляды на политику сближения России и Кавказа, несмотря на строгую цензуру того времени, можно встретить в творчестве К. Красницкого [Красницкий 1865], А.В. Комарова [Комаров 1868], Ч. Ахриева [Ахриев 1871], Я.В. Абрамова [Абрамов 1883] и др., которые возражали против военных аспектов политики присоединения горцев и связанных с насильственным изменением традиционных институтов горского общества.

В результате изучения процесса административно-правовых преобразований у народов Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX века были рассмотрены отдельные статьи журнальной и газетной периодики, демонстрирующие зрелость идейных воззрений, способов их репрезентативной трансляции и методологического инструментария. Приведенные работы – один из источников осмысления достижений и пределов официально-охранительной и либерально-демократической историографии.

Таким образом, изучение эвристического потенциала дореволюционного кавказоведения, опирающегося на твердый фундамент историографических источников, других форм знания об исследуемой проблеме, показывает, что данный комплекс источников, при всей их субъективности, является одним из важнейших, поскольку несет в себе отпечаток времени и информацию о развитии взглядов и научных концепций, определяет звучание обсуждаемой проблемы, позволяет детально рассмотреть колорит изучаемой эпохи и содержит «важные для современного исследователя убеждения и предпочтения, иерархию ценностей их авторов» [Маловичко 2006: 399]. Приведенный материал показывает, что изучение дореволюционных историографических источников в контексте поставленной проблемы является необходимым условием для понимания истории Северного Кавказа в интересующий нас период.

И это лишь некоторые аспекты данной темы, которая требует, безусловно, более глубокого и всестороннего исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2017 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в политико-правовом пространстве Российской Империи: судебные преобразования Конца XVIII – начала XX в. Дис. д-ра ист. наук. – Нальчик: Каб.-Балк. Ун-т, 2017. – 505 с.

Абрамов 1883 – *Абрамов Я.* Одна из погрешностей нашей поземельной политики на Кавказе // Терек. – Владикавказ, 1883. – № 63. – С. 1–2.

Ардасенов 1896 – *Ардасенов А.Г.* Переходное состояние горцев Северного Кавказа. – Тифлис: тип. К.П. Козловского, 1896. – 41 с.

Ахриев 1871 – *Ахриев Ч.* О положении ингушевской женщины // Терские ведомости. 1871. – № 31.

Бентковский 1869 – *Бентковский И.В.* Историко-статистические сведения о селении Безопасном // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1869. – Вып. 2. – С. 31–63;

Бентковский 1874 – *Бентковский И.В.* Ставропольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 г. – Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1874. – Вып. 6. – 158 с.

Бентковский 1883 – *Бентковский И.В.* Ставропольский губернский статистический комитет с 1858 по 1883 годы. Доклад члена-секретаря в общем заседании Комитета 25 ноября 1883 года в день 25-летнего юбилея. – Ставрополь: Типография Губернского правления, 1883. – 79 с.

Берже 1858 – *Берже А.П.* Краткий обзор горских племен на Кавказе // Кавказский календарь на 1858 год. – Тифлис: Тип. канцелярии Наместника Кавк., 1858. – 46 с.

Берже 1879 – *Берже А.П.* Этнографическое обозрение Кавказа. – СПб.: Тип. бр. Пантелеевых 1879. – 36 с.

Берже 1883 – *Берже А.П.* Горные племена Кавказа // Живописная Россия. Т. IX. – СПб., 1883. – С. 562–596.

Боров 2007 – *Боров А.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2007. – 298 с.

Боров 2021 – Боров А.Х., Муратова Е.Г., Кажаров А.Г., Азикова Ю.М. Социально-политическая организация полиэтнического пространства: Центральный Кавказ и Кабардино-Балкария в XVI–XXI веках (вопросы истории и историографии). – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2021. – 324 с.

Васильева 1975 – *Васильева Л.М.* Проблемы истории Осетии в русской науке 19 в. – Орджоникидзе: изд-во «Ир», 1975. – 175 с.

Воронов 1862-1864 – *Воронов Н.И.* Одна из настоятельных потребностей для многостороннего изучения России». // ИРГО «Географическо-статистического словаря Российской империи». – Вып 1-6. – № 12. – СПб, 1862-1864. – С. 29-40.

Воронцов-Дашков 1907 – *Воронцов-Дашков И.И.* Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. – СПб.: Гос. тип., 1907. – 164 с.

Грабовский 1876 – *Грабовский Н.Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX. – Тифлис, 1876. – С. 132–231.

Дамения 1996 – *Дамения И.Х.* Историография истории народов Кавказа XIX – начала XX вв. СПб.: – С.-Петерб. орг. о-ва "Знание" России, 1996. – 69 с.

Джамалудинов 2012 – Джамалудинов М.Д. Историко-правовые особенности становления российской системы административного управления на Северо-Восточном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.): Автор. дисс. канд. юр. н-к. Махачкала, 2012. – 24 с.

Дондуков-Корсаков 1890 – *Дондуков-Корсаков А.М.* Всеподданнейшая записка командующего войсками Кавказского военного округа и войскового наказного атамана Кавказских казачьих войск по управлению Округом с 1882 по 1890 год. – Тифлис, 1890. – 74 с.

Дубровин 1871-1888 – *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе / [Соч.] Н. Дубровина. Т. 1-6. – СПб.: тип. Деп. уделов, 1871-1888. Том 6. – 756 с.

Журтова, Максимчик 2017 – *Журтова А.А., Максимчик А.Н.* Историография российско-кавказских отношений в XVI – XIX вв.: два подхода к осмыслению проблемы. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. – 440 с.

Зиссерман 1890 – *Зиссерман Л.А.* Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский 1815-1879. В 3 т. – М.: Унив. тип., 1890. Т. 2. – 458 с.

Зевелев 1987 – *Зевелев А.И.* Историографическое исследование: методологические аспекты. – М.: Высш. шк., 1987. – 159 с.

Иванов 1859 – *Иванов С.* О сближении горцев с русскими на Кавказе // Военный сборник. – СПб., 1859. – Т. 7. – № 6. – С. 541–549.

Камынин 2014 – *Камынин В.Д.* Современные подходы к определению содержания понятия историографический источник и идеи А.С. Лаппо-Данилевского в области источниковедения // Диалог со временем. – 2014. – Вып. 46. – С. 120–128.

Клименко 2003 – Клименко А.В. Предмет и задачи историографии // Историография истории России до 1917 г.: Учеб. для студ. высших учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М.: Гуманит. Изд. центр ВЛАДОС, 2003. – Т. 1. – 384 с.

Ковалевский 1886 – *Ковалевский М.М.* Современный обычай и древний закон. – М.: Типография В. Гатцук, 1886. – 342 с.

Колесникова 2004 – Колесникова М.Е. И.В. Бентковский – краевед и историк Северного Кавказа // Отечественные архивы. – 2004. – № 1. – С. 3–13.

Колесникова 2011a – *Колесникова М.Е.* Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. – 496 с.

Колесникова 2011b – Колесникова М.Е. Краеведческие и топографические описания как историографический источник // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2011. – Вып. 72 (1). – С. 16–25.

Колесникова 2012 – *Колесникова М.Е.* Становление северокавказского историографического направления в отечественном кавказоведении XIX – начало 30-х гг. XX в. // Новая культурно-интеллектуальная история российской провинции (К 65-летию со дня рождения профессора). – Ставрополь: Изд-во Бюро новостей, 2012. – С. 17–29.

Колесникова 2014a – Колесникова М.Е. Историографические источники второй половины XVIII – начала XIX в. по истории изучения Северного Кавказа / М.Е. Колесникова // Новая локальная история: по следам Интернет-конференций, 2007–2014 / редкол.: Игорь Владимирович Крючков. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2014. – С. 222–224.

Колесникова 2014b – Колесникова М.Е. Труды северокавказских исследователей XIX – начала XX в. как исторический и историографический источник // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 апреля 2014 г.) / Отв. ред. М.Д. Розин, Д.В. Сень, Н.А. Трапш. – Ростов-на-Дону: Издательство «Фонд науки и образования», 2014. – С. 235–239.

Колесникова 2014c – Колесникова М.Е. Информационный потенциал историографических источников по истории формирования интеллектуального пространства Северного Кавказа во второй половине XVIII-XIX вв. / М.Е. Колесникова, Н.Г. Бондаренко, Л.В. Крюкова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 12. – Ч. 1. – С. 317–320.

Колосовская, Ткаченко 2021 – *Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С.* Военные кавказоведы Российской империи: биобиблиографический словарь. – Ставрополь: изд-во «Дизайн-студия Б», 2021. – 334 с.

Комаров 1868 – *Комаров А.В.* Адаты и судопроизводство по ним: Материалы для статистики Дагестанской области // Сборник сведений о кавказских горцев. – Тифлис: изд Б.М., 1868. – 88 с.

Корчагин 2010 – Корчагин А.Ю., Свечникова А.Г. Северный Кавказ: Власть. Суд. Право. Пятигорск: Снег, 2010. – 320 с.

Косминский 1963 – Косминский Е.А. Историография Средних веков. – М.: Изд-во МГУ, 1963. – 430 с.

Красницкий 1865 – *Красницкий К.* Кое-что об осетинском округе и о правах туземцев его // Газ. «Кавказ». – Т. 1. – № 29. – 1865. – С. 161–163.

Кудашев 1913 – *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев: Типо-лит. «С.В. Кульженко», 1913. – 283 с.

Кузьминов 2008a – Кузьминов П.А. Дореволюционная историография крестьянской реформы на Северном Кавказе // Кавказский сборник. / Под ред. В.В. Дегоева. М., 2008. Т. 5. С. 166–200.

Кузьминов 2008b – Кузьминов П.А. Н.Ф. Грабовский – кавказовед // Исторический вестник КБИГИ. Вып. 6. Нальчик: Эль-фа, 2008. – С. 399–452.

Кузьминов 2009 – *Кузьминов П.А.* Эпоха реформ 50–70-х годов XIX в. у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т: Эль-Фа, 2009. – 252 с.

- Кумыков 1957 – *Кумыков Т.Х.* Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1957. – 134 с.
- Леонтович 1882 – *Леонтович Ф.И.* Адамы кавказских горцев. В 2 т. – Одесса: Типография П.А. Зеленого, 1882. – Т. 1. – 447 с.
- Литвак 1979 – *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации. – М.: изд-во «Наука», 1979. – 296 с.
- Маловичко 2006 – *Маловичко С.И.* Общественное историческое мышление и репрезентации прошлого/настоящего в периодике // Периодическая печать как источник интеллектуальной истории: Материалы Международной науч. конф. – Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2006. – 399 с.
- Манкиева 2006 – *Манкиева Х.М.* Генезис правовой культуры народов Северного Кавказа: Автореферат дисс. канд. филос. н-к. Ростов-на-Дону, 2006. – 24 с.
- Мудрова 2020 – *Мудрова Н.П.* Деятельность Кавказского отдела Императорского русского географического общества по созданию корпуса устных источников (1851–1917 гг.): Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. кин. – Майкоп: Изд-во Маргарин О.Г., 2020. – 151 с.
- Нарочницкий 1973 – *Нарочницкий А.Л.* О преподавании историографии в высшей школе // Вопросы истории. 1973. № 6. С. 69–72.
- Нечкина 1980 – *Нечкина М.В.* (ред.). Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. – Калинин: КГУ, 1980. – 142 с.
- Нечкина 1985 – *Нечкина М.В.* (ред.) Очерки истории исторической науки в СССР. В 5 т. Том. 5. – М.: Наука, 1985. – 605 с.
- Омаров 2004 – *Омаров А.И.* Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX – начале XX века: автореф. дисс. д-ра ист. н-к. – Махачкала, 2004. – 43 с.
- Потто 1901-1908 – *Потто В.А.* Утверждение русского владычества на Кавказе. – Т. 1-4. – Тифлис: Изд-во тип. Я.И. Либермана, 1901-1908.
- Предписание 1864 – *Предписание* наместника Кавказского об учреждении Кавказской археографической комиссии при Главном Управлении // ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 560.
- Пржецлавский 1867 – *Пржецлавский П.* Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. Т. 3. 1867. – С. 141–192.
- Пфаф 1870 – *Пфаф В.Б.* Материалы для истории осетин // ССКГ. – Тифлис, 1870. – 100 с.
- Рейнке 1912 – *Рейнке Н.М.* Горские и народные суды Кавказского края. – СПб.: Сенат. тип., 1912. – 71 с.
- Румянцева 2015 – *Румянцева М.Ф.* Источниковедение: учеб. пособие / отв. ред. М.Ф. Румянцева. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Высшая школа экономики. 2015. – 686 с.
- Румянцева, Маловичко 2017 – *Румянцева М.Ф., Маловичко С.И.* Источниковедение историографии как предметное поле интеллектуальной истории. Вып. 11. – Омск: Изд-во. Ом. гос. ун-та, 2017. – С. 77–99.
- Сатушиева 2003 – *Сатушиева Л.Х.* Механизм реализации адата на Северо-Западном и Центральном Кавказе: историко-правовой анализ: XV – начало XX в.: Автор. дисс. канд. юр. н-к. Нижний Новгород, 2003. – 25 с.
- Семенов 1880 – *Семенов Н.* Письма о горских словесных судах в Терской области // Кавказ, 1880. – № 231; 236; 238; 249; 255; 264; 270; 277; 285; 303; 304.
- Сердюк 2015 – *Сердюк А.В.* Судебная реформа 1864 г.: особенности реализации на Северном Кавказе (вторая половина XIX - начало XX вв.): Автореферат диссертации на соиск. уч.ст. кандидата юридических наук. М., 2015 – 26 с.
- Смирнов 1958 – *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках. – М.: Соцэкгиз, 1958. – 244 с.
- Тахушева 2024 – *Тахушева И.С.* Репрезентация проблем исторического и этнокультурного развития народов Северного Кавказа в журнальной периодике России XIX в.: на примере столичных изданий «Современник» и «Отечественные записки». – Майкоп: АГУ, 2024. – 28 с.

Фадеев 1865 – *Фадеев Р.* «Письма с Кавказа» к редактору «Московских Ведомостей» Р. Фадеева. – СПб.: Отечественные записки, 1865. – Т. 162. – С. 263–268.

Чернявский 1898 – *Чернявский И.С.* Кавказ в течение 25-летнего царствования государя императора Александра II. 1855-1880. – СПб.: изд. при содействии Воен.-учен. ком. Гл. штаба, 1898. – 61 с.

Шеуджен 2014 – *Шеуджен Э.А.* Северокавказская историография: границы и соотношение координирующих понятий // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 1. – С. 126–134.

Шмидт 1976 – *Шмидт С.О.* Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории, общественной мысли и историографии (к 75-летию академика М.В. Нечкиной). – М.: Наука, 1976. – С. 25–38.

Шмидт 1997 – *Шмидт С.О.* Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. – М.: РГГУ, 1997. – 612 с.

Шнайдер 2005 – *Шнайдер В.Г.* Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. – М.: Изд-во РГСУ «Союз», 2005. – 147 с.

Эсадзе 1907 – *Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом. – Тифлис: Типография Гуттенберг, 1907. – Т. 1. – 620 с.

REFERENCES

ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v politiko-pravovom prostranstve Rossiiskoi Imperii: sudebnye preobrazovaniya Kontsa XVIII – nachala XX v.* [The peoples of the Central Caucasus in the political and legal space of the Russian Empire: judicial transformations of the Late XVIII – early XX century]. Dis. d-ra ist. nauk. – Nal'chik: Kab.-Balk. Un-t, 2017. – 505 s. (In Russ.).

ABRAMOV YA. *Odna iz pogreshnostei nashei pozemel'noi politiki na Kavkaze* [One of the errors of our land policy in the Caucasus]. In: Terek. – Vladikavkaz, 1883. – № 63. – S. 1–2. (In Russ.).

ARDASENOV A.G. *Perekhodnoe sostoyanie gortsev Severnogo Kavkaza* [The transitional state of the highlanders of the North Caucasus]. – Tiflis: tip. K.P. Kozlovskogo, 1896. – 41 s. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Kratkii obzor gorskikh plemen na Kavkaze* [A brief overview of the mountain tribes in the Caucasus]. In: Kavkazskii kalendar' na 1858 god. – Tiflis: Tip. kantselyarii Namestnika Kavk., 1858. – 46 s. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Etnograficheskoe obozrenie Kavkaza* [Ethnographic Review of the Caucasus]. – SPb.: Tip. br. Panteleevykh 1879. – 36 s. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Gornye plemena Kavkaza* [Mountain tribes of the Caucasus]. In: Zhivopisnaya Rossiya. T. IKh. – SPb., 1883. – S. 562–596. (In Russ.).

BOROV A.KH. *Severnnyi Kavkaz v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse* [The North Caucasus in the Russian civilizational process]. – Nal'chik: Kab.-Balk. un-t, 2007. – 298 s. (In Russ.).

Borov A.H., Muratova E.G., Kazharov A.G., Azikova Y.M. *Social'no-politicheskaya organizatsiya polietnicheskogo prostranstva: Central'ni Kavkaz I Kabardino-Balkariya v XVI-XXI vechah.* [Socio-political organization of the multiethnic space: The Central Caucasus and Kabardino-Balkaria in the XVI-XXI centuries] (issues of history and historiography). Nalchik: Publishing House KBNTS RAS, 2021. – 324 s. (In Russ.).

VORONTSOV-DASHKOV I.I. *Vsepoddanneishaya zapiska po upravleniyu Kavkazskim kraem general-ad'yutanta grafa Vorontsova-Dashkova* [The most comprehensive note on the administration of the Caucasian Region by Adjutant General Count Vorontsov-Dashkov]. – SPb.: Gos. tip., 1907. – 164 s. (In Russ.).

GRABOVSKII N.F. *Prisoedinenie k Rossii Kabardy i bor'ba ee za nezavisimost'* [Kabarda's accession to Russia and its struggle for independence]. In: Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. Vyp. IX. – Tiflis, 1876. – S. 132–231. (In Russ.).

DAMENIYA I.KH. *Istoriografiya istorii narodov Kavkaza XIX – nachala XX vv.* [Historiography of the history of the peoples of the Caucasus of the XIX – early XX centuries]. – SPb.: S.-Peterb. org. o-va "Znanie" Rossii, 1996. – 69 s. (In Russ.).

Jamaludinov M.D. *istoriko-pravovie osobennosti stanovleniya rossiyskoi sistemy upravleniya na Severo-Vostochnom Kavkaze.* [Historical and legal features of the formation of the Russian administrative management system in the North-Eastern Caucasus] (late XVIII – first half of the XIX centuries): Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Law. Makhachkala, 2012. – 24 s. (In Russ.).

DUBROVIN N.F. *Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze* [The history of the war and Russian rule in the Caucasus] / [Soch.] N. Dubrovina. T. 1-6. – SPb.: tip. Dep. udelov, 1871-1888. Tom 6. – 756 s. (In Russ.).

ZHURTOVA A.A., MAKSIMCHIK A.N. *Istoriografiya rossiisko-kavkazskikh otnoshenii v XVI – XIX v.: dva podkhoda k osmysleniyu problem* [Historiography of Russian-Caucasian relations in the XVI – XIX centuries: two approaches to understanding the problem]. – Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAN, 2017. – 440 s. (In Russ.).

ZASSERMAN L.A. *Fel'dmarshal knyaz' Aleksandr Ivanovich Baryatinskii 1815-1879* [Field Marshal Prince Alexander Ivanovich Baryatinsky 1815-1879]. V 3 t. – M.: Univ. tip., 1890. T. 2. – 458 s. (In Russ.).

ZEVELEV A.I. *Istoriograficheskoe issledovanie: metodologicheskie aspekty* [Historiographical research: methodological aspects]. – M.: Vyssh. shk., 1987. – 159 s. (In Russ.).

IVANOV S.O. *sblizhenii gortsev s russkimi na Kavkaze* [About the rapprochement of the Highlanders with the Russians in the Caucasus]. In: Voennyyi sbornik. – SPb., 1859. – T. 7. – № 6. – S. 541–549. (In Russ.).

KAMYNIN V.D. *Sovremennye podkhody k opredeleniyu sodержaniya ponyatiya istoriograficheskii istochnik i idei A.S. Lappo-Danilevskogo v oblasti istochnikovedeniya* [Modern approaches to defining the content of the concept of historiographical source and the ideas of A.S. Lappo-Danilevsky in the field of source studies]. In: Dialog so vremenem. – 2014. – Vyp. 46. – S. 120–128. (In Russ.).

KLIMENKO A.V. *Predmet i zadachi istoriografii.* [The subject and tasks of historiography] // Historiography of the history of Russia before 1917: Textbook for students. higher education. institutions: In 2 volumes / Edited by M.Y. Lachaeva. – M.: Humanit. Ed. center VLADOS, 2003. – Vol. 1. – 384 s. (In Russ.).

KOLESNIKOVA M.E. I.V. *Bentkovski – kraeved I istorik Severnogo Kavkaza.* [I.V. Bentkovsky – local historian and historian of the North Caucasus] // Russian Archives. – 2004. – No. 1. – S. 3–13. (In Russ.).

KOLESNIKOVA M.E. *Severokavkazskaya istoriograficheskaya traditiya: vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka.* [The North Caucasian historiographical tradition: the second half of the XVIII – early XX century]. – Stavropol: Publishing House of the SSU, 2011. – 496 s. (In Russ.).

KOLESNIKOVA M.E. *Kraevedcheskie i topograficheskie opisaniya kak istoriograficheski istochnik.* [Local lore and topographical descriptions as a historiographical source] // Bulletin of Stavropol State University. – 2011. – Issue 72 (1). – S. 16–25. (In Russ.).

KOLESNIKOVA M.E. *Stanovlenie severokavkazskogo istoriograficheskogo napravleniya v otechestvennom kavkazovedenii XIX – nachalo 30-h gg. XX v.* [The formation of the North Caucasian historiographical trend in the Russian Caucasian studies of the XIX – early 30s of the XX century]. // New cultural and intellectual history of the Russian province (To the 65th anniversary of the birth of the professor). – Stavropol: Publishing House of the News Bureau, 2012. – S. 17–29. (In Russ.).

KOLESNIKOVA M.E. *Historiograficheskii istochniki vtoroi poloviny XVIII – nachala XIX v.* [Historiographical sources of the second half of the XVIII – early XIX century on the history of the study of the North Caucasus] / M.E. Kolesnikova // New local history: following in the footsteps of Internet conferences, 2007–2014 / editorial board: Igor Vladimirovich Kryuchkov. – Stavropol: Publishing House of SCFU, 2014. – S. 222–224. (In Russ.).

KOLESNIKOVA M.E. *Trudi severokavkazskikh issledovatelei XIX – nachala XX v.* [The works of North Caucasian researchers of the XIX – early XX century. as a historical and historiographical source] // The scientific heritage of Professor A.P. Pronstein and current problems of the development of historical science (to the 95th anniversary of the birth of an outstanding Russian scientist): materials of the All-Russian (with international participation) scientific and practical conference (Rostov-on-Don, April 4–5, 2014) / Ed. M.D. Rozin, D.V. Senh, N.A. Trapsh. – Rostov-on-Don: Publishing House "Foundation for Science and Education", 2014. – S. 235–239. (In Russ.).

KOLESNIKOVA M.E. *Informationni potential istoriograficheskikh istochnikov po istorii formirovaniya intrelectyal'nogo prostranstva Severnogo Kavkaza vo vtoroi polovine XVIII–XIX vv.* [Information potential of historiographical sources on the history of the formation of the intellectual space of the North Caucasus in the second half of the XVIII–XIX centuries] / M.E. Kolesnikova, N.G. Bondarenko, L.V. Kryukova // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2014. – No. 12. – Part 1. – S. 317–320. (In Russ.).

KOVALEVSKII M.M. *Sovremennyi obychai i drevnii zakon* [Modern custom and ancient law]. – M.: Tipografiya V. Gattsuk, 1886. – 342 s. (In Russ.).

KOMAROV A.V. *Adaty i sudoproizvodstvo po nim: Materialy dlya statistiki Dagestan-skoj oblasti* [Adats and legal proceedings on them: Materials for statistics of the Dagestan region]. In: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsev.* – Tiflis: izd B.M., 1868. – 88 s. (In Russ.).

KORCHAGIN A.Y., Svechnikova A.G. *Severni Kavkaz: Vlast'. Sud. Pravo.* [The North Caucasus: Power. Court. Right.] Pyatigorsk: Sneg, 2010. – 320 s. (In Russ.).

KOSMINSKY E.A. *Historiografiya Srednix vekhov.* [Historiography of the Middle Ages]. – M.: Publishing House of Moscow State University, 1963. – 430 s. (In Russ.).

KRASNITSKII K. *Koe-cto ob osetinskom okruge i o pravakh tuzemtsev ego* [Something about the Ossetian district and the rights of its natives]. In: *Gaz. «Kavkaz».* – T. 1. – № 29. – 1865. – S. 161–163. (In Russ.).

KUDASHEV V.N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode* [Historical information about the Kabardian people]. – Kiev: Tipo-lit. «S.V. Kul'zhenko», 1913. – 283 s. (In Russ.).

KUZMINOV P.A. *Do-revolutsionnaya istoriografiya krest'yanskoy reformy na Severnom Kavkaze.* [Pre-revolutionary historiography of peasant reform in the North Caucasus // Caucasian Collection]. / Edited by V.V. Degoev. – M., 2008. – Vol. 5. – S. 166–200. (In Russ.).

KUZMINOV P.A. *N.F. Grabovsky – kavkazoved.* [N.F. Grabovsky – kavkazovedist] // Historical bulletin of KBIGI. – Vol. 6. – Nalchik: El-fa, 2008. – S. 399–452. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *Epokha reform 50–70-kh godov XIX v. u narodov Severnogo Kavkaza v do-revolutsionnom kavkazovedenii* [The era of reforms of the 50–70s of the XIX century among the peoples of the North Caucasus in pre-revolutionary Caucasian studies]. – Nal'chik: Kab.-Balk. un-t: El'-Fa, 2009. – 252 s. (In Russ.).

KUMYKOV T.H. *Prisoedinenie Kabardy k Rossii I ego progressivnie posledstviya.* [Kabarda's accession to Russia and its progressive consequences]. – Nalchik: Kabard.-Balkarian Publishing House, 1957. – 134 s. (In Russ.).

LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev* [The adats of the Caucasian highlanders]. V 2 t. – Odessa: Tipografiya P.A. Zelenogo, 1882. – T. 1. – 447 s. (In Russ.).

MALOVICHKO S.I. *Obshchestvennoe istoricheskoe myshlenie i reprezentatsii proshlogo/nastoyashchego v periodike* [Public historical thinking and representations of the past/present in the period]. In: *Periodicheskaya pechat' kak istochnik intellektual'noi istorii: Materialy Mezhdunarodnoi nauch. konf.* – Pyatigorsk: Pyatigorckii gos. lingvisticheskie un-t, 2006. – 399 s. (In Russ.).

MANKIEVA H.M. *Genezis pravovoi culture narodov Severnogo Kavkaza: Avtoref. diss. na soisk. uch. st. kin.* [Genesis of the legal culture of the peoples of the North Caucasus: Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences]. – Rostov-on-Don, 2006. – 24 s.

MUDROVA N.P. *Deyatel'nost' Kavkazskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po sozdaniyu korpusa ustnykh istochnikov (1851–1917 gg.)* [The activities of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society to create a corpus of oral

- sources (1851-1017)]: Avtoref. diss. na soisk. uch. st. kin. – Maikop: Izd-vo Margarin O.G., 2020. – 151 s. (In Russ.).
- NAROCHNITSKY A.L. *O prepodavanii istoriografii v vysshei shkole*. [On teaching historiography in higher education // Questions of History]. – 1973. – No. 6. – S. 69-72. (In Russ.).
- NECHKINA M.V. (red.). *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy istorii istoriche-skoj nauki* [Methodological and theoretical problems of the history of historical science]. – Kalinin: KGU, 1980. – 142 s. (In Russ.).
- NECHKINA M.V. (red.) *Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR* [Essays on the history of historical science in the USSR]. V 5 t. Tom. 5. – M.: Nauka, 1985. – 605 s. (In Russ.).
- OMAROV A.I. *Politics Rossii na Severo-Vostochnom Kavkaze v XIX – nachale XX veka: Avtoref. diss. na soisk. uch. st. kin.* [Russia's policy in the North-Eastern Caucasus in the XIX – early XX century: Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences]. – Makhachkala, 2004. – 43 s. (In Russ.).
- Predpisanie namestnika Kavkazskogo ob uchrezhdenii Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii pri Glavnom Upravlenii* [The order of the Governor of the Caucasus on the establishment of the Caucasian Archeographic Commission at the General Directorate]. In: TsGIA RG. F. 416. Op. 3. D. 560. (In Russ.).
- PRZHETSLAVSKII P. *Dagestan, ego nrayy i obychai* [Dagestan, its customs and customs]. In: Vestnik Evropy. T. 3. 1867. – S. 141–192. (In Russ.).
- PFAF V.B. *Materialy dlya istorii osetin* [Materials for the history of Ossetians]. In: SSKG. – Tiflis, 1870. – 100 s. (In Russ.).
- RUMYANTSEVA M.F. *Istochnikovedenie* [Source studies]: ucheb. posobie / otv. red. M.F. Rumyantseva. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». – M.: Vysshaya shkola ekonomiki. 2015. – 686 s. (In Russ.).
- RUMYANTSEVA M.F., MALOVICHKO S.I. *Istochnikovedenie istoriografii kak predmetnoe pole intellektual'noi istorii* [The source study of historiography as a subject field of intellectual history]. Vyp. 11. – Omsk: Izd-vo. Om. gos. un-ta, 2017. – S. 77–99. (In Russ.).
- SATUSHIEVA L.H. *Mehanizm realizacii adata na Severo-Zapadnom I Central'nom Kavkaze: istoriko-pravovoi analiz: XV – nachalo XX vekakh.: Avtoref. diss. na soisk. uch. st. kin.* [The mechanism of adat implementation in the Northwestern and Central Caucasus: historical and legal analysis: XV - early XX century: Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Law]. – Nizhny Novgorod, 2003. – 25 s. (In Russ.).
- SERDYUK A.V. *Sudebnaya reforma 1864: osobennosti realizacii na Severnom Kavkaze (vtoraya polovina XIX - nachalo XX vv.): Avtoref. diss. na soisk. uch. st. kin.* [Judicial reform of 1864: features of implementation in the North Caucasus (the second half of the XIX - early XX centuries): Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Law]. – M., 2015 – 26 s. (In Russ.).
- SMIRNOV N.A. *Politika Rossii na Kavkaze v XVI – XIX vekakh* [Russia's Policy in the Caucasus in the XVI – XIX centuries]. – M.: Sotsekgiz, 1958. – 244 s. (In Russ.).
- TAHUSHIVA I.S. *Representatia problem istoricheskogo I etnocylytnogo razvitiya narodov Severnogo Kavkaza v journal'noi periodiki Rossii XIX v.: na primere stolichnix izdani «Sovremennik» I «Otechestvennye zapiski»*. [Representation of the problems of historical and ethnocultural development of the peoples of the North Caucasus in Russian periodicals XIX century: on the example of the capital's publications Sovremennik and Otechestvennye Zapiski]. – Maykop: ASU, 2024. – 28 s. (In Russ.).
- FADEEV R. *«Pis'ma s Kavkaza» k redaktoru «Moskovskikh Vedomostei» R. Fadeeva* ["Letters from the Caucasus" to the editor of the Moscow Gazette R. Fadeev]. – SPb.: Otechestvennye zapiski, 1865. – T. 162. – S. 263–268. (In Russ.).
- TSAGARELI A.A. *Snosheniya Rossii s Kavkazom v XVI-XVIII stoletiyakh* [Russia's relations with the Caucasus in the XVI-XVIII centuries]. – SPb.: tip. V.F. Kirshbauma, 1891. – 53 s. (In Russ.).

CHERNYAVSKII I.S. *Kavkaz v techenie 25-letnego tsarstvovaniya gosudarya imperatora Aleksandra II. 1855-1880* [The Caucasus during the 25-year reign of Emperor Alexander II. 1855-1880]. – SPb.: izd. pri sodeistvii Voen.-uchen. kom. Gl. shtaba, 1898. – 61 s. (In Russ.).

SHEUDZHEN E.A. *Severokavkazskaya istoriografiya: granitsy i sootnoshenie koordiniruyushchikh ponyatii* [North Caucasian Historiography: boundaries and correlation of coordinating concepts]. In: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2014. – № 1. – S. 126–134. (In Russ.).

SCHMIDT S.O. *Nekotorie voprosy istochnikovedeniya istoriografii // Problemy istorii, obshchestvennoi misli i istoriografii*. [Some questions of historiography source studies // Problems of history, public thought and historiography]. – M.: Nauka, 1976. – S. 25–38. (In Russ.).

SHMIDT S.O. *Put' istorika: izbrannye trudy po istochnikovedeniyu i istoriografii* [The Path of the Historian: selected works on source studies and historiography]. – M.: RGGU, 1997. – 612 s. (In Russ.).

SHNAIDER V.G. *Rossiya i Severnyi Kavkaz v dorevolyutsionnyi period: osobennosti integratsionnykh protsessov* [Russia and the North Caucasus in the pre-Revolutionary period: features of integration processes]. – M.: Izd-vo RGSU «Soyuz», 2005. – 147 s. (In Russ.).

ESADZE S. *Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom* [Historical note on the management of the Caucasus]. – Tiflis: Tipografiya Gut-tenberg, 1907. – T. 1. – 620 s. (In Russ.).

Информация об авторах

П.А. Кузьминов – доктор исторических наук, профессор.

Э.З. Тлостанов – магистрант.

Information about the author

P.A. Kuzminov – Doctor of Science (History), Professor.

E.Z. Tlostanov – a graduate student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Научная статья
УДК 94«1917-1918»+930
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-248-256
EDN: HLQSUF

ТЕРЕК И ДАГЕСТАН НА РУБЕЖЕ 1917-1918 ГГ. В ОПИСАНИИ ГЕНЕРАЛА А.И. ДЕНИКИНА

Владимир Борисович Лобанов

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия, lobanov19772009@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9608-6619>

Аннотация. В статье затрагивается тематика, связанная с отражением развития революции и Гражданской войны в Терско-Дагестанском регионе на рубеже 1917-1918 гг. в описании генерала А.И. Деникина во 2-ом томе «Очерков Русской Смуты». Автор рассматривает широкий спектр вопросов, связанных с революционным процессом на Северном Кавказе после захвата власти большевиками. Делается акцент на том, что на юго-востоке бывшей Российской империи в силу исторических, территориальных, национальных особенностей был создан один из первых очагов антибольшевистского движения. В силу исторических особенностей развития региона в период 1917-1920 гг. обострились отношения между терским казачеством и иногородними, и терским казачеством, и осетинами, и чеченцами, и ингушами. Для понимания региональной расстановки сил генералом А.И. Деникиным были даны краткие характеристики местных народов и их роль в революционных событиях. С одной стороны, делается акцент на неукорененности, поверхностном большевизме горских народов, использовавших революционную перестройку российского общества в своекорыстных интересах, с другой стороны, отмечалась пассивная роль терского казачества, на которое, в том числе генералом А.И. Деникиным, возлагались надежды в борьбе с региональным большевизмом. Отдельно генерал А.И. Деникин рассматривал две региональные попытки создания межрегионального военно-политического движения против большевизации Северного Кавказа. Первая касалась созданного в мае 1917 г. Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, позднее, в декабре 1917 г., объединившего свои усилия с Терским казачьим правительством и сформировавшего Временное Терско-Дагестанское правительство во главе с терским атаманом М.А. Карауловым. Вторая попытка, касавшаяся создания более широкого по представительству Юго-Восточного союза в сентябре 1917 г., казалась генералу А.И. Деникину более перспективной, однако и она в силу сложившейся военно-политической ситуации в революционной России осенью 1917 г. потерпела фиаско. Отдельно стоит отметить сожаление, которое генерал отразил на страницах своих воспоминаний в связи с тем, что была упущена реальная возможность объединения белогвардейцев и горского либерального движения в единый антибольшевистский лагерь.

Ключевые слова: Терек, Дагестан, революция, Гражданская война, Деникин, Караулов, Чермоев, Коцев, Северный Кавказ, Временное Терско-Дагестанское правительство, Юго-Восточный союз

Для цитирования: Лобанов В.Б. Терек и Дагестан на рубеже 1917-1918 гг. в описании генерала А.И. Деникина // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 248-256. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-248-256. EDN: HLQSUF.

© Лобанов В.Б., 2024

Original article

**TEREK AND DAGESTAN AT THE TURN OF 1917-1918
IN THE DESCRIPTION OF GENERAL A.I. DENIKIN****Vladimir B. Lobanov**

Northwest Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia, lobanov19772009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9608-6619>

Abstract. The article touches upon the topics related to the reflection of the development of the revolution and the Civil War in the Tersk-Dagestan region at the turn of 1917-1918 in the description of General A.I. Denikin in the 2nd volume of "Essays of the Russian Troubles". The author examines a wide range of issues related to the revolutionary process in the North Caucasus after the Bolsheviks seized power. The emphasis is on the fact that, due to historical, territorial, and national qualities, one of the first anti-Bolshevik hubs was established in the former Russian Empire's south-east. Because of historical peculiarities of the region's development in the period 1917-1920, relations between the Terek Cossacks and nonresidents, and the Terek Cossacks and Ossetians, Chechens and Ingush intensified. To understand the regional alignment of forces, General A.I. Denikin gave brief characteristics of local peoples and their role in revolutionary events. On the one hand, the emphasis is placed on the indomitable, superficial Bolshevism of the mountain peoples who used the revolutionary restructuring of Russian society for self-serving interests, on the other hand, the passive role of the Terek Cossacks was noted, on which, including General A.I. Denikin, hopes were pinned in the fight against regional Bolshevism. Separately, General A.I. Denikin considered two regional attempts to create an interregional military-political movement against the Bolshevikization of the North Caucasus. The first concerned the created in May 1917 Union of the United Highlanders of the North Caucasus and Dagestan, later, in December 1917, joined forces with the Terek Cossack government and formed the Provisional Terek-Dagestan Government headed by the Terek ataman M.A. Karaulov. The second attempt, which concerned the creation of a wider representation of the South-Eastern Union in September 1917, seemed to General A.I. Denikin more promising, however, because of prevailing military and political situation in revolutionary Russia in the autumn of 1917, it failed. Separately, it is worth noting the regret that the general reflected on the pages of his memoirs due to the fact that a real opportunity was missed to unite the White Guards and the mountain liberal movement into a single anti-Bolshevik camp.

Keywords: Terek, Dagestan, revolution, Civil War, Denikin, Karaulov, Chermoyev, Kotsev, North Caucasus, Provisional Terek-Dagestan government, South-Eastern Union

For citation: Lobanov V.B. Terek and Dagestan at the turn of 1917-1918. in the description of general A.I. Denikin. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 248-256. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-248-256. EDN: HLQSUF.

© Lobanov V.B., 2024

История Революции и Гражданской войны в России отражена во множестве мемуарной литературы как со стороны победителей-большевиков, так и с проигравшей стороны, или правильнее сказать, сторон. Особенно интересны воспоминания, долгое время по политическим обстоятельствам бывшие недоступными как широкому кругу исследователей, так и рядовому читателю, интересующемуся историей Отечества. К такого рода воспоминаниям, бывших доступными для избранных в спецхранах до конца 80-х гг. прошлого столетия, относятся «Очерки русской смуты» генерала А.И. Деникина. Воспоминания генерала фактически начали публиковаться тогда, когда Гражданская война в

России еще не совсем завершилась (1-ый том – 1921 г., 2-ой том – 1922 г.), что придаст «Очеркам...» свой неповторимый «аромат». Характерно, что 1-ый том был прочитан В.И. Лениным, который оставил свои краткие пометки на полях этого издания [Ганин 2021: 121]. Наиболее полными публикациями на сегодняшний день является издание 2-томника «Очерков...» в издательстве «Наука» в 1991 г., в Минске в издательстве «Харвест» 2002 г. в 5 томах и в Москве в 2017 г. в издательстве «Айрис-пресс» также в 2 томах.

Следует отдельно отметить тот факт, что роль «Очерков...» настолько значительна, что их изучению как исторического источника по Гражданской войны в России посвящены кандидатские диссертации [Ходаков 2006]. Кроме того, в современной отечественной историографии существует целый пласт исследовательской литературы, посвященной военно-политической деятельности генерала А.И. Деникина в период 1917-1920 гг. Одним из первых исследователей, затронувших в своих трудах биографию генерала А.И. Деникина, был Г.М. Ипполитов. Характерно, что биография генерала во 2-ом издании, переработанном и дополненном, была опубликована в серии ЖЗЛ в 2006 г. [Ипполитов 2006], на следующий год после перезахоронения праха генерала на территории Донского монастыря в Москве. А.С. Пученков на основе переработанного текста кандидатской диссертации, защищенной в 2005 г., опубликовал в 2012 г. и во 2-ом издании, исправленном и дополненном, в 2016 г. монографию, посвященную национальной политике генерала А.И. Деникина [Пученков 2016]. Последней по времени публикацией, освещающей боевой путь генерала А.И. Деникина в годы Гражданской войны, является интервью, данное московским исследователем Гражданской войны Р.Г. Гагкуевым для январского номера журнала «Историк» за 2023 г. [Гагкуев 2023: 62-69]

Среди современных отечественных авторов, регулярно публикующих свои работы по тематике, связанной с Революцией и Гражданской войной на Северном Кавказе на рубеже 1917-1918 гг., следует отметить А.Г. Кажарова, О.А. Жанситова, А.М. Камбиева, Н.А. Добрякову, Т.Х. Матиева, А.Х. Даудова.

Без преувеличения можно сказать, что «Очерки русской смуты» генерала А.И. Деникина являются поистине энциклопедией Гражданской войны в России, написанной с точки зрения одного из руководителей Белого движения. Северному Кавказу посвящены отрывки 2, 4 и 5 томов, в данной статье будет сделан разбор части 15-ой главы 2-го тома, где генерал анализирует ситуацию на Тереке и в Дагестане на рубеже 1917-1918 гг.

Прежде всего следует особо отметить, что в описываемый период генерал принимал активное участие в становлении Добровольческой армии на Дону, будучи помощником генерала Л.Г. Корнилова с начала Ледяного похода по момент гибели главкома Доброй армии 31 марта (13 апреля) 1918 г. под стенами Екатеринодара, после чего Антон Иванович становится во главе армии, отступившей из-под стен кубанской столицы по направлению на Дон. В этой связи совершенно очевидно, что командование Добровольческой армией, находясь практически в полном окружении превосходящих сил Северо-Кавказской Красной армии в марте-апреле 1918 г., получало крайне скудные и противоречивые сведения даже из ближайших регионов, каковыми были Терек и Дагестан.

Тем не менее генерал, создав 2-ой том «Очерков...» в 1922 г., совершенно точно уловил ситуацию в России после прихода большевиков, назвав этот процесс «балканизацией Русского государства», в том числе по территориальному и национальному признакам. Падение центральной власти больше всего сказалось на территории Терека и Дагестана, где образовались очаги активного сопротивления большевизму [Деникин 2017: 209], в силу различных исторических особенностей вхождения региона в состав Российской империи [Деникин 2017: 223]. Правильно отразив процентный состав терского казачества и иногородних на 1917 г. – по 20 % каждой из групп населения, генерал неверно отразил общее количество населения двух областей – 1.4 млн. человек. Более точные сведения – от 2.1 до 2.2 млн. человек – 900 тыс. в Дагестане и от 1.22 млн. [Жанситов 2017: 113] до 1.3 млн. на Тереке [Даудов, Месхидзе 2009: 3]. Тем не менее, генерал совершенно верно подметил особенность ситуации на Тереке – началась борьба не только между казаками и иногородними, что имело место и на Дону и Кубани, но еще и с горцами.

Эта внутренняя нестабильность толкнула казаков и часть горской либеральной интеллигенции в объятия друг другу, в результате чего и было создано Временное Терско-Дагестанское правительство в декабре 1917 г. [Деникин 2017: 223; Жанситов 2022: 133] во главе с терским атаманом М.А. Карауловым. Последний постоянно обвинялся со стороны большевиков в потворстве и сотрудничестве с горцами, что в конечном счете привело к его гибели 13(26) декабря 1917 г. на станции Прохладная [Добрякова, Камбиев 2021: 89]. Гибель атамана в свою очередь привела к падению во многом эфемерного Временного Терско-Дагестанского правительства, по точному определению генерала, именно не захвату, а переходу власти на Тереке к большевикам [Деникин 2017: 224; Лобанов, Михайлов 2016: 34].

Не совсем верно охарактеризовав положение с социальным и земельным неравенством в горских обществах, Антон Иванович дал краткие характеристики отдельным народам Терско-Дагестанского региона и степень их влияния на события начала 1918 г. Генерал отметил панисламистские и протурецкие настроения в Дагестане, ставшие широкой основой для антибольшевистского движения [Деникин 2017: 224], во главе которого первоначально стояли Нажмуддин Гоцинский и Узун-Хаджи Салтинский. Отмечалось, что против служилых русских людей и казаков дагестанские исламисты не проявляли агрессии [Деникин 2017: 225], впрочем, казаков в Дагестане не было, в отличие от того же Терека.

Следующей этнической группой по значению и численности в труде А.И. Деникина шли чеченцы, правда отмечалась их внутренняя разобщенность, протурецкие [Михайлов, Лобанов 2011: 151] и пробольшевистские настроения, что, впрочем, не мешало им объединиться совместно с ингушами в военнополитическом противостоянии против казаков и осетин в борьбе за возвращение некогда утраченных земель на равнине. Особенно пострадали станицы и хутора Хасав-Юртовского округа, Грозный и нефтяные промыслы.

Ингуши, по мнению А.И. Деникина, были наиболее сплоченной и сильной в военном смысле этнической группой Терской области, воевавшей против ка-

заков и осетин в союзе с чеченцами и большевиками [Деникин 2017: 225], впрочем, большевизм у них носил, по точному определению В.И. Ленина, ярко выраженный шкурный характер.

Осетины были, с точки зрения генерала, наиболее антибольшевистски настроенной из национальных групп Терской области, они выступали совместно с казачеством против ингушей и большевиков на всем протяжении Гражданской войны в регионе.

По поводу характеристики, данной кабардинцам [Деникин 2017: 226], следует отметить, что среди всех горских народов Терека у них наименее остро стоял земельный вопрос, соответственно и Гражданская война в Нальчикском округе проходила в более мягкой форме, чем в других округах и отделах Терской области. Как правило, кабардинцы выступали вместе с казаками и осетинами против большевиков, что, в частности, отразилось на их участии в предстоящем Терском восстании июня-ноября 1918 г.

Характеристика терского казачества на начало 1918 г. со стороны А.И. Деникина была наиболее уничижительной. Тем более она была горькой, что верхи добровольчества в конце 1917 г. выбрали именно юго-восточные области России, в том числе казачьи войска Дона, Кубани и Терека в качестве базы антибольшевистского движения. И если донское и кубанское казачества оказали относительно серьезное сопротивление большевизации своих регионов, то терское казачество фактически без боя отдало власть на Тереке в руки большевиков в ходе Моздокского и Пятигорско-Владикавказского съездов народов Терека в январе-марте 1918 г. [Морозова, Николаев 2021: 86] Причем переход власти сопровождался фактической капитуляцией Временного Терско-Дагестанского правительства, в результате чего в марте 1918 г. Терская область стала Терской советской республикой, провозглашенной частью РСФСР [Деникин 2017: 226].

Генерал А.И. Деникин не мог обойти стороной еще две попытки организовать антибольшевистские силы в регионе на рубеже 1917-1918 гг. Первой являлся Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, окончательно оформившийся и выбравший свой ЦК во главе с А.-М. Чермоевым на 1-ом съезде горских народов во Владикавказе в мае 1917 г. [Кажаров, Цолоев 2017: 48] Генерал отметил первоначально общелиберальную направленность деятельности Союза, желание бороться с общей анархией в регионе и доведение его до созыва Всероссийского Учредительного Собрания. Не совсем точно указав период создания Горского правительства для управления горскими регионами Терека и Дагестана (не декабрь, а ноябрь 1917 г.), Антон Иванович совершенно точно уловил основную тенденцию того периода – «разброд задач и целей, которые преследовали горские народы» [Деникин 2017: 227]. Совершенно не имея ни народной поддержки, ни военной силы, ни финансовой самостоятельности, горским деятелям пришлось без боя сдать власть, очутившись в итоге в Тифлисе. Осенью 1918 г., при поддержке турок, удалось закрепиться в Дагестане, создав Горскую республику [Деникин 2017: 227; Матиев 2020: 163]. Генерал упомянул А.-М. Чермоева и П. Коцева в качестве руководителей новосозданной республики [Деникин 2017: 227-228; Камбиев 2022a: 22; Камбиев 2022b: 25], которые пы-

тались разговаривать с главнокомандующим Добровольческой армии, а позже и Вооруженных сил на юге России с позиции ультиматума.

Несмотря на накал не утихавших даже в эмиграции страстей, сквозь строки А.И. Деникина проступает горечь от того, что не удалось договориться двум фактически союзным силам, имевшим единого противника – большевизм. Можно сказать более определенно – генерал обвинял горских либеральных деятелей в том, что у последних возобладали центробежные тенденции над центростремительными [Деникин 2017: 228], что привело в итоге к поражению и белогвардейцев, и горского либерального движения.

Гораздо более серьезной по замыслу и по политическому значению объединения всех антибольшевистских сил юго-востока России генерал А.И. Деникин считал попытку создать осенью 1917 г. Юго-Восточный союз. Этот проект был более перспективным, чем предыдущий, о котором писал А.И. Деникин. В него, помимо Терека и Дагестана, должны были войти Дон, Кубань, Ставрополье, в перспективе Уральское и Астраханское казачества и Закавказье. Инициатива исходила от Кубанской области, во Владикавказе была проведена учредительная конференция (съезд) в конце октября 1917 г. [Кажаров 2018: 29], в результате которой было формально создано объединенное правительство во главе с донским деятелем, бывшим главой Озакома В.А. Харламовым [Деникин 2017: 229].

С одной стороны, сразу бросалась в глаза чрезмерная амбициозность проекта, предложенного казачьей либеральной интеллигенцией. Создать фактически конфедерацию из юго-восточных территорий бывшей Российской империи в тот период, когда началась ползучая автономизация, а кое-где и суверенизация, было крайне авантюристическим шагом. С другой стороны, участники предполагаемого объединения накануне выборов и созыва Всероссийского Учредительного Собрания фактически заранее оговаривали будущую форму правления в обновленной демократической России – федеративную. Генерал А.И. Деникин с горечью констатировал, что создание нового государственного объединения на обломках павшей империи осталось незамеченным как для широкой общественности, так и для дальнейшей судьбы регионов – подписантов договора. Правда, генерал уточнил, что идея окончательно не умерла в умах региональных деятелей [Деникин 2017: 229], что вылилось уже в других условиях в 1919 г. в создание Южно-Русской конференции и последующим политическим акциям на территории ВСЮР.

Подводя краткие выводы, можно констатировать тот факт, что размышления генерала А.И. Деникина во 2-ом томе «Очерков Русской Смуты» по поводу событий в Терско-Дагестанском регионе на рубеже 1917-1918 гг. отличались тонким видением местного контекста. Неслучайно генерал выделил именно юго-восток бывшей империи как один из очагов антибольшевистского движения в самом начале Гражданской войны в России. Несмотря на непримиримые позиции белогвардейского командования и горского либерального движения, прослеживается сожаление об упущенных возможностях создания единого антибольшевистского лагеря на Северном Кавказе. Очень четко генерал определил «шкурный» характер большевизма горских народов, отсутствие каких-либо

серьезных предпосылок к укоренению большевизма в толще народной. Одновременно А.И. Деникин отразил свое разочарование в терском казачестве как предполагавшейся опоре антибольшевистского движения на Северном Кавказе на рубеже 1917-1918 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Гагкуев 2023 – *Гагкуев Р.Г.* Белое дело генерала Деникина // Историк. – 2023. – № 1 (97). – С. 62-69.

Ганин 2021 – *Ганин А.В.* Издательские битвы генерала Деникина // Родина. – 2021. – № 3. – С. 118-121.

Даудов, Месхидзе 2009 – *Даудов А.Х., Месхидзе Д.И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917-1924 гг.). – СПб.: СПбГУ, 2009. – 224 с.

Деникин 2017 – *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова (август 1917 – апрель 1918 г.). – М.: АЙРИС-пресс, 2017. – 576 с.

Добрякова, Камбиев 2021 – *Добрякова Н.А., Камбиев А.М.* К вопросу о горском национальном движении на Тереке и в Дагестане в 1917-1921 гг. // Современная научная мысль. – 2021. – № 6. – С. 88-91.

Жанситов 2017 – *Жанситов О.А.* Революционные процессы в национальных округах Терской области (1917-1918) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – № 2 (76). – С. 113-118.

Жанситов 2022 – *Жанситов О.А.* Смена власти в Кабарде в период революционных потрясений 1917-1918 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27. – № 1. – С. 129-138.

Ипполитов 2006 – *Ипполитов Г.М.* Деникин. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 665 с.

Кажаров 2018 – *Кажаров А.Г.* Организация «Союз объединенных горцев» и сепаратизм на Северном Кавказе: предпосылки, движущие силы и итоги (1917-1919 гг.) // Вестник АГУ. – 2018. – № 1 (214). – С. 28-38.

Кажаров, Цолоев 2017 – *Кажаров А.Г., Цолоев Т.С.* Общественно-политическая деятельность горской интеллигенции на Северном Кавказе в условиях русской революции 1917 г. // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 4. – С. 47-53.

Камбиев 2022а – *Камбиев А.М.* Абдул-Меджид Чермоев – первый глава Горской республики в годы Гражданской войны на Северном Кавказе // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 81-1. – С. 21-23.

Камбиев 2022б – *Камбиев А.М.* Пшемахо Коцев – один из лидеров движения горцев Северного Кавказа за независимость в период Революции и Гражданской войны // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 81-1. – С. 23-26.

Лобанов, Михайлов 2016 – *Лобанов В.Б., Михайлов В.В.* Периодизация борьбы за власть на Северном Кавказе в 1917-1920 гг. // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 9. – С. 32-37.

Матиев 2020 – *Матиев Т.Х.* Горское национальное движение в революциях и гражданской войне на Северном Кавказе (1917-1921). – Назрань: ООО «Кеп», 2020. – 402 с.

Михайлов, Лобанов 2011 – *Михайлов В.В., Лобанов В.Б.* «Объединить весь Северный Кавказ на основе единства России». Доклад генерал-майора Б.Н. Лазарева главнокомандующему Добровольческой армии генерал-лейтенанту А.И. Деникину. 1918 г. // Исторический архив. – 2011. – № 2. – С. 148-164.

Морозова, Николаев 2021 – *Морозова В.О., Николаев А.В.* К вопросу о военно-политической активности терского казачества в годы революции и Гражданской войны // Современная научная мысль. – 2021. – № 6. – С. 85-88.

Пученков 2016 – *Пученков А.С.* Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). – М.: Научно-политическая книга, 2016. – 399 с.

Ходаков 2006 – *Ходаков И.М.* «Очерки русской смуты» А.И. Деникина как источник по изучению гражданской войны на юге России: автореферат дис. ... канд. ист. н-к: 07.00.09 / Ин-т рос. истории РАН. – Москва, 2006. – 25 с.

REFERENCE

- GAGKUEV R.G. *Beloe delo generala Denikina* [The White Case of General Denikin]. IN: *Istoriik*. – 2023. – №. 1 (97). – P. 62-69. (In Russ.).
- GANIN A.V. *Izdatelskie bitvi generala Denikina* [Publishing battles of General Denikin]. IN: *Rodina*. – 2021. – №. 3. – P. 118-121. (In Russ.).
- DAUDOV A.H., MESKHIDZE D.I. *Nacional'naya gosudarstvennost' gorskih narodov Severnogo Kavkaza (1917-1924 gg.)* [National statehood of the mountain peoples of the North Caucasus (1917-1924)]. – SPb.: SPbGU, 2009. – 224 p. (In Russ.).
- DENIKIN A.I. *Ocherki Russkoi Smuti. T. 2. Borba generala Kornilova (avgust 1917 – aprel 1918 g.)* [Essays on the Russian Trouble. Vol. 2. The struggle of General Kornilov (August 1917 – April 1918)]. – Moscow: IRIS Press, 2017. – 576 p. (In Russ.).
- DOBRYAKOVA N.A., KAMBIEV A.M. *K voprosu o gorskom nacional'nom dvizhenii na Tereke i v Dagestane v 1917-1921 gg.* [On the question of the Mountain national movement on the Terek and in Dagestan in 1917-1921]. IN: *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. – 2021. – № 6. – P. 88-91. (In Russ.).
- ZHANSITOV O.A. *Revolucionnye processy v nacional'nyh okrugah Terskoj oblasti (1917-1918)* [Revolutionary processes in the national districts of the Tersk region (1917-1918)]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN*. – 2017. – № 2 (76). – P. 113-118. (In Russ.).
- ZHANSITOV O.A. *Smena vlasti v Kabarde v period revolyucionnyh potryasenij 1917-1918 godov* [The change of power in Kabarda during the revolutionary upheavals of 1917-1918]. IN: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2022. – Vol. 27. – No. 1. – Pp. 129-138. (In Russ.).
- IPPOLITOV G.M. *Denikin* [Denikin]. – M.: Molodaya gvardiya, 2006. – 665 p. (In Russ.).
- KAZHAROV A.G. *Organizaciya «Soyuz ob'edinennyh gorcev» i separatizm na Severnom Kavkaze: predposylki, dvizhushchie sily i itogi (1917-1919 gg.)* [The organization "Union of United Mountaineers" and separatism in the North Caucasus: prerequisites, driving forces and results (1917-1919)]. IN: *Vestnik AGU*. – 2018. – № 1(214). – P. 28-38. (In Russ.).
- KAZHAROV A.G., TSOLOEV T.P. *Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' gorskoj intelligencii na Severnom Kavkaze v usloviyah russkoj revolyucii 1917 g.* [Socio-political activity of the mountain intelligentsia in the North Caucasus in the conditions of the Russian Revolution of 1917]. IN: *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. – 2017. – No. 4. – Pp. 47-53. (In Russ.).
- KAMBIEV A.M. *Abdul-Medzhid Chermoev – pervyj glava Gorskoj respubliki v gody Grazhdanskoj vojny na Severnom Kavkaze* [Abdul-Medjid Chermoyev – the first head of the Mountain Republic during the Civil War in the North Caucasus]. IN: *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya*. – 2022. – № 81-1. – P. 21-23. (In Russ.).
- KAMBIEV A.M. *Pshemaho Kocev – odin iz liderov dvizheniya gorcev Severnogo Kavkaza za nezavisimost' v period Revolyucii i Grazhdanskoj vojny* [Pshemakho Kotsev – one of the leaders of the movement of the highlanders of the North Caucasus for independence during the Revolution and Civil War]. IN: *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya*. – 2022. – № 81-1. – P. 23-26. (In Russ.).
- LOBANOV V.B., MIKHAILOV V.V. *Periodizaciya bor'by za vlast' na Severnom Kavkaze v 1917-1920 gg.* [Periodization of the struggle for power in the North Caucasus in 1917-1920]. IN: *Voenno-istoricheskij zhurnal*. – 2016. – № 9. – P. 32-37. (In Russ.).
- MATIEV T.H. *Gorskoe nacional'noe dvizhenie v revolyuciyah i grazhdanskoj vojne na Severnom Kavkaze (1917-1921)* [The Mountain National Movement in Revolutions and Civil War in the North Caucasus (1917-1921)]. – Nazran': OOO «Kep», 2020. – 402 p. (In Russ.).
- MIKHAILOV V.V., LOBANOV V.B. *«Objedenit ves Severnij Kavkaz na osnove edinstva Rossii». Doklad general-majora B.N. Lazareva glavnokomandujushemy Dobrovolcheskoj armii general-leitenantu A.I. Denikinu. 1918* ["Unite the entire North Caucasus on the basis of the unity of Russia". Report of Major General B.N. Lazarev to the Commander-in-Chief of the Volunteer

Army, Lieutenant General A.I. Denikin. 1918]. IN: Istoricheskij Archive. – 2011. – No. 2. – Pp. 148-164. (In Russ.).

MOROZOVA V.O., NIKOLAEV A.V. *K voprosu o voenno-politicheskoj aktivnosti terskogo kazachestva v gody revolyucii i Grazhdanskoj vojny* [On the issue of military and political activity of the Terek Cossacks during the Revolution and Civil War]. IN: *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. – 2021. – № 6. – P. 85-88. (In Russ.).

PUCHENKOV A.P. *Nacional'naya politika generala Denikina (vesna 1918 – vesna 1920 g.)* [The national policy of General Denikin (spring 1918 – spring 1920)]. – M.: Scientific and Political book, 2016. – 399 p. (In Russ.).

KHODAKOV I.M. «*Ocherki russkoi smuti*» *A.I. Denikina kak istochnik po izucheniyu grazhdanskoi vojni na yuge Rossii_ avtoreferat diP. ... kandidata istoricheskikh nauk_ 07.00.09 / In-t roP. istorii RAN* ["Essays of the Russian Troubles" by A.I. Denikin as a source for the study of the Civil war in the South of Russia: abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences: 07.00.09 / Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences]. – Moscow, 2006. – 25 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В.Б. Лобанов – кандидат исторических наук.

Information about the author

V.B. Lobanov – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 20.05.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 20.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Научная статья
УДК 930.2+342
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-257-268
EDN: JXZOOW

ПЛАНОВО-УЧЕТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ОТЧЕТНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1925–1926 ГГ.: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Залим Таубиевич Мирзоев

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, trapik80@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям и перспективам источниковедческого анализа планово-учетной деятельности и периодической отчетности прокуратуры Кабардино-Балкарской автономной области в 1925–1926 гг. Для этого рассмотрены планы областной и участковых прокуратур, контрольные листы по сбору информации о текущей деятельности областных органов прокуратуры, тетради по учету участия общественных обвинителей в судебных заседаниях, ведомости о движении дознаний, следственных дел, дел по разоблачениям печати, месячные ведомости, акты обследования, характеристики, литературные (текстовые) и «цифровые» (количественные) отчеты (с элементами статистического обобщения), сводные отчеты о кадровом составе и текущей деятельности, полугодовые отчетные доклады о работе прокуратуры КБАО и участковых прокуратур, сводки о преступности и т.п. Установлено, что учету подлежала информация о кадровом составе, планах и учете повседневной работы, руководстве работой помощников, политической деятельности работников прокуратуры, эффективности работы с сельским населением, качестве надзорной деятельности, состоянии преступности, взаимодействии с органами суда, уголовно-трудовыми учреждениями, превентивной деятельности по борьбе с преступностью и т.п. Сделано предположение о том, что анализ плановой, учетной и отчетной документации прокуратуры КБАО во второй половине 20-х гг. XX в. имеет дальнейшую исследовательскую перспективу для изучения особенностей становления и развития механизма молодого советского государства и его системы правоохранительных органов, динамики кадрового состава и региональной специфики надзорной деятельности за соблюдением социалистической законности на территории КБАО и борьбы с преступностью и т.п.

Ключевые слова: Кабардино-Балкарская автономная область, правоохранительные органы, прокуратура, планирование, учетная деятельность, отчетность

Для цитирования: Мирзоев З.Т. Планово-учетная деятельность и периодическая отчетность прокуратуры Кабардино-Балкарской автономной области в 1925–1926 гг.: особенности и перспективы источниковедческого анализа // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 257-268. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-257-268. EDN: JXZOOW.

© Мирзоев З.Т., 2024

Original article

PLANNING AND ACCOUNTING ACTIVITIES AND PERIODIC REPORTING OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE KABARDINO-BALKARIAN AUTONOMOUS REGION IN 1925-1926: FEATURES AND PROSPECTS OF SOURCE ANALYSIS

Zalim T. Mirzoev

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, trapik80@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the peculiarities and prospects of the source analysis of planning and accounting activities and periodic reporting of the Prosecutor's office of the Kabardino-Balkarian Autonomous Region in 1925-1926. For this purpose, the plans of regional and district prosecutor's offices, checklists for collecting information on the current activities of regional prosecutor's offices, notebooks for recording the participation of public prosecutors in court sessions, statements on the movement of inquiries, investigative cases, cases of press revelations, monthly statements, survey reports, characteristics, literary (text) and "digital" (quantitative) reports (with elements of statistical generalization), summary reports on personnel and current activities, semi-annual reports on the work of the Prosecutor's office of the KBAO and district prosecutor's offices, crime reports, etc. It was established that information on the personnel composition, plans and accounting of daily work, the management of assistants, the organization of the activities of prosecutors, the effectiveness of work with the rural population, the quality of supervisory activities, the state of crime, interaction with court authorities, criminal labor institutions, preventive activities to combat crime were subject to accounting etc. It is assumed that the analysis of the planning, accounting and reporting documentation of the Prosecutor's office of the KBAO in the second half of the 20s of the twentieth century has a further research perspective for studying the features of the formation and development of the mechanism of the young Soviet state and its system of law enforcement agencies, the dynamics of the cadre and the regional specifics of supervisory activities for compliance socialist legality in the territory of the KBAO and the fight against crime, etc.

Keywords: Kabardino-Balkarian Autonomous Region, law enforcement agencies, prosecutor's office, planning, accounting, reporting

For citation: Mirzoev Z.T. Planning and accounting activities and periodic reporting of the prosecutor's office of the Kabardino-Balkarian autonomous region in 1925-1926: features and prospects of source analysis. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 257-268. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-257-268. EDN: JXZOOW.

© Mirzoev Z.T., 2024

Постановка проблемы

Проблемы исследования истории становления и развития органов прокуратуры в регионах СССР в 20–30-е гг. XX в. и определения информативной отдачи их планово-учетной и отчетной документации актуальны для современной историко-правовой науки. Эти органы являлись важным элементом правоохранительной системы советского государства и всегда тесно взаимодействовали с институтами власти и управления. Некоторые аспекты деятельности органов прокуратуры Кабардино-Балкарской автономной области (далее. – КБАО) со времени ее учреждения в 1922 г. и до настоящего времени сохраняют актуальность, имеют научную значимость и требуют комплексного исследования. Это объясняется тем, что система органов прокуратуры РФ в настоящее время продолжает совершенствоваться, применяются новые технологии, которые существенно повышают эффективность их деятельности. Тем самым усиливается значимость источниковедческого анализа различных документов по истории их деятельности в регионах страны на разных этапах исторического процесса.

В современном кавказоведении нет комплексного исследования, посвященного истории становления и развития прокуратуры КБАО в 20-30-е гг. XX в., тогда как некоторые аспекты деятельности правоохранительных органов в этом регионе затрагивались в трудах М.Т. Ансокова [Ансоков 1974], З.Х. Мисрокова [Мисроков 1979], Н.П. Голяндина и Е.М. Игонькина [Игонькин 1996; Голяндин 2012; Голяндин, Машекуашева 2018a; Голяндин, Машекуашева 2018b; Шхагапсоев, Голяндин, Игонькин 2000], В.И. Шипилова [Шипилов и др. 2004; Шипилов и др. 2007], А.В. Казакова [Казаков 2007], А.А. Кяровой [Кярова 2013a; Кярова 2013b; Кярова 2014], М.А. Мусаева [Мусаева 2011], А.Х. Абазова и М.В. Дышекова [Абазов, Дышеков 2023] и др. Вместе с тем, в архивохранилищах страны сохраняется богатая источниковая база по деятельности прокуратуры КБАО в 20-30-е гг. XX в. (в том числе: циркуляры наркомата Юстиции РСФСР, по управлению государственного финансового контроля, Северо-Кавказской краевой прокуратуры, исполнительного комитета Советов КБАО; материалы по взаимодействию прокуратуры КБАО с Северо-Кавказской краевой прокуратурой; статистические сведения и информационные сводки о работе Прокуратуры КБАО и участковых прокуратур по годам; отчеты и планы работы Прокуратуры КБАО по годам и т.п.), которая уже сама по себе может стать предметом специального исследования [см., например: УЦГА АС КБР. Ф. 183].

16 января 1922 г. была образована КБАО, после этого начали формироваться советские органы государственной власти и правоохранительная система. Считается, что прокуратура КБАО была образована 25 июля 1922 г., когда Кабардино-Балкарский обком коммунистической партии большевиков признал необходимым ее создание и принял соответствующее постановление. Уже через несколько лет после своего учреждения прокуратура КБАО уже в полной мере осуществляла планово-учетную деятельность и подготавливала необходимую периодическую отчетность. Планы составлялись на областном уровне и после утверждения направлялись для сведения и контроля в прокуратуру Северо-Кавказского края. Текущая учетная деятельность документировалась в виде контрольных листов, тетрадей по учету участия общественных обвинителей в судебных заседаниях, ведомости о движении дознаний и следственных дел, ведомости о движении дел по разоблачениям печати, месячные ведомости по направлениям деятельности облпрокуратуры, акты обследования, характеристики облпрокурора о деятельности участковых прокуратур и т.п. К числу периодических отчетов прокуратуры КБАО относились их литературные (текстовые) отчеты в прокуратуру Северо-Кавказского края (которые подавались один раз в полгода), литературные доклады помощников облпрокурора по участкам к квартальным отчетам, «цифровые» отчеты (количественные, с элементами статистического обобщения), сводные отчеты о кадровом составе и текущей деятельности, полугодовые отчетные доклады о работе прокуратуры КБАО и участковых прокуратур, сводки о преступности и т.п.

Плановая и учетная деятельность прокуратуры КБАО

С целью построения оптимальной работы составлялся план деятельности прокуратуры КБАО на очередной (как правило на полугодовой) период. Также

составлялись полугодовые планы работы участковых прокуратур. После утверждения план деятельности областной прокуратуры направлялся прокурору Северо-Кавказского Края. Помимо прочего такие планы позволяли уточнить объем полномочий представителей разных категорий работников областной прокуратуры. Например, прокурор области помимо общего руководства деятельностью областной прокуратуры отвечал за такие участки работы как политработа и общий надзор за органами дознания. Заместитель прокурора области курировал такие направления деятельности, как общий надзор и надзор за органами ГПУ. Помощник областного прокурора по общему надзору курировал такие отрасли как политработа и общий надзор. Полномочия помощника облпрокурора по надзору за органами следствия включали в себя руководство такими направлениями деятельности, как политработа и надзор за органами следствия. Помощник облпрокурора по судебной работе также курировал политработу и, соответственно судебную работу. Помощник прокурора за органами дознания руководил политработой и осуществлял общий надзор за органами дознания. Помощник прокурора по наблюдению за местами заключения также осуществлял политработу и общий надзор за местами заключения [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 114. Л. 8-10 об.]. Во второй половине 20-х гг. XX в. структура таких планов состояла из следующих разделов: организационная работа; политработа; работа «в деревне»; юридическая помощь населению; общий надзор; надзор за органами следствия; надзор за органами дознания; судебная работа; совещание по борьбе с преступностью [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 114. Л. 26-30].

Постоянному мониторингу подвергалась деятельность представителей почти всех категорий служащих органов прокуратуры КБАО. Для это были разработаны и применялись разные формы ее документирования. Например, в 1925–1926 гг. для учета текущей деятельности помощников прокуроров соответствующая информация стала заноситься в специальные контрольные листы. Учету подлежали сведения о ревизиях, вызовах в областную прокуратуру для докладов из округов, совещаний с помощниками прокурора, циркуляров по области, количестве их выступлений в г. Нальчик, округах, числе опубликованных статей в газетах, инструктировании общественных обвинителей, выступлениях общественных обвинителей в судебных заседаниях, количестве выездов, докладов на крестьянских сходах, оказании юридической помощи населению, подготовке работников дознания, участии в распорядительных заседаниях и т.п. Также учету подлежала информация о количестве их выступлений на судебных заседаниях в областном и народном судах как с участием в статусе общественных обвинителей, так и в общем порядке, а также – выступлений на заседаниях уголовно-кассационного отделения Облсуда. Аналогично фиксировались сведения об их участии в разбирательствах гражданских дел в гражданском и гражданско-кассационном отделениях Облсуда и народных судах. Дополнительно учету подлежали сведения о результативности борьбы с преступностью, участиях помощников прокуроров в заседаниях пленума Облсуда, посещениях ими Домов заключенных, присутствии на различных заседаниях, (например, на дисциплинарных коллегиях и в милиции) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-

183. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–2 об.]. Эта информация фиксировалась в основном в виде количественных показателей и составляла основу для большой группы отчетных документов с элементами статистического обобщения.

Во второй половине 20-х XX в. в прокуратуре КБАО велись тетради по учету участия общественных обвинителей в заседаниях Облсуда и народных судов на участках области [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 72. Л. 176]. В тетрадях указывались ФИО общественного обвинителя, его партийность, социальное и служебное положение, адрес, дата заседания, отметка об участии или указание причин неявки [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 72. Л. 176 об. – 177].

Во второй половине 20-х гг. XX в. помощники прокуроров участков в округах ежемесячно составляли ведомости о движении дознаний и следственных дел. По общему правилу участковые помощники прокурора были обязаны представить данную ведомость вышестоящим (губернским, краевым, областным) прокурорам ежемесячно к 15 числу следующего за отчетным месяцем. Последние, в свою очередь, один раз в полгода представляли сведения прокурору РСФСР [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 116. Л. 14 об.]. В ведомостях фиксировалась информация о движении дел по нарушению правил печати; следователях и делах, находящихся у них в производстве; принесенных протестах на действия адморганов. Также в них фиксировались отчеты прокуратуры по трудделам; цифровой материал о проделанной работе по прокурорскому участку; сведения о возможных преступлениях по округу; преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений или в состоянии опьянения [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 116. Л. 15-15 об.].

Помощники облпрокурора в участках ежемесячно составляли отдельные ведомости о движении дел по разоблачениям печати, а прокурор области был обязан представить данную ведомость краевому прокурору ежемесячно к 15 числу следующего за отчетным месяцем. В свою очередь, краевой прокурор один раз в три месяца направлял эти сведения Прокурору РСФСР. Такая ведомость включала информацию о количестве оставшихся в стадии расследования и выяснения дел по газетным заметкам; числе заметок, по которым реагировала прокуратура за отчетный период; количестве возбужденных уголовных или дисциплинарных преследований; количестве предложений об отмене незаконных постановлений; количестве других распоряжений по существу заметки; количестве законченных расследований; количестве дел, находящихся в стадии выяснения и расследования, из них, сколько свыше трех месяцев и т.п. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 116. Л. 16-16 об.].

Не менее информативными для исследования истории становления и развития органов прокуратуры КБАО являются месячные ведомости по направлениям ее деятельности. В месячных ведомостях облпрокуратуры фиксировались сведения о движении дел по разоблачениям печати; работе по трудовым делам; о фактически проделанной работе; движении дел по дознанию и следствию; движении гражданских и уголовных дел в народных судах; движении дел судземкомиссиях; административных взысканиях; вынесенных протестах; совершенных преступлениях [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 116. Л. 96].

Помощниками прокурора КБАО на участках периодически проводились различного рода проверки. Проверке подлежали различные органы и лица. Поднадзорными объектами выступали арестные помещения при окрисполкомах, ардома, окружные земельные комиссии, агенты угрозыска, окружная милиция, окружные административные отделы, народные следователи участков, сельсоветы, сельскохозяйственные кредитные товарищества, потребительские общества и т.д. По итогам проверок составлялись соответствующие акты обследования [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 116. Л. 282-307].

Другим учетным документом была характеристика работы участковых прокуратур КБАО. Характеристику давал прокурор области на основании отчетов участковых прокуратур для осуществления контрольной функции за их деятельностью. В данных документах анализировались основные недочеты работы участковых прокуроров. В них прокурор КБАО сопоставлял данные, предоставленные прокурорами участков в цифровых и литературных отчетах, ведомостях, сводках о преступности и т.п. В случае выявления несоответствия данных, указанных участковыми прокурорами, в облпрокуратуре делались соответствующие выводы [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 117. Л. 48-51 об.].

Периодическая отчетность прокуратуры КБАО

Во второй половине 20-х гг. XX в. один раз в полгода прокуратура КБАО в краевую прокуратуру в структуре литературного (текстового) отчета направляла сведения о фактически проделанной за отчетный период политической работе, о работе общего надзора, органах дознания и их деятельности, о судах и движении судебных дел, следователях и движении следственных дел, исправительно-трудовых домах, преступности, руководстве работой помощников прокуроров и совещаниях по вопросам борьбы с преступностью [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 72. Лл. 34-49]. Например, в литературном докладе о проделанной работе помощниками прокурора КБАО по участкам были помещены следующие данные: «Политическое и экономическое состояние округов участка»; «Взаимоотношения с руководящими местными партийными и советскими органами»; «Как осуществляется надзор за законностью действий органов власти»; «Какие отделы охвачены целиком»; «Состояние судебных органов и взаимоотношения с ними»; «Работа и состояния органов дознания и следствия»; «Общие замечания о дальнейшей деятельности»; «Финансовое положение Участковой Прокуратуры» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 117. Л. 80-83].

С такой же периодичностью областная прокуратура направляла в краевую и «цифровые» (количественные) отчеты. В них статистическому обобщению подлежали следующие сведения: о видах преступности; личном составе; руководстве работой помощников прокуроров; политической работе; работе в деревнях (селах); общем надзоре; дознании; следствии; внесенных в суды протестах и о результатах и т.п. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 72. Л. 78-87].

В это время во всех отчетах областной прокуратуры за полугодовой период в обязательном порядке отображались сведения о ее наличном составе, кадровой ротации прокурорских работников, их откомандировании, отчислении и т.п., указывались данные об укомплектованности или недоукомплектованности

областной прокуратуры прокурорами и помощниками прокурора согласно штатному расписанию, отображалась информация о техническом персонале. При чем здесь содержалась информация о результатах работы каждого работника прокуратуры, согласно полугодовому плану [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 114. Л. 1-1 об.].

Самостоятельный раздел отчета областной прокуратуры был посвящен оценке качества руководства ее деятельностью. Здесь содержались данные о совещаниях, проводимых помощником областного прокурора с помощниками участковых прокуроров, проведенных обследований в различных участках. Также анализу подлежали циркулярные распоряжения Областной прокуратуры в случаях их издания, изучались циркуляры и разъяснения, посредством которых краевая прокуратура руководила работой участковых прокуратур [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 114. Л. 1 об.].

В очередном разделе отчета анализировалась ее политическая работа. Для этого фиксировались сведения о количестве выступлений помощников областного прокурора в городах и селах, тематике их докладов. Анализ отчета показывает, что все выступления преимущественно носили запланированный характер. Также фиксировались данные о количестве общественных обвинителей, указывалось, что в г. Нальчик их корпус формируется из числа служащих и рабочих, а в округах – из крестьян и служащих. Отмечалось, что в городе с общественными обвинителями проводились занятия с периодичностью два раза в месяц. Также говорилось о том, что при выездах в аулы с находящимися там обвинителями осуществлялись собеседования. Приводились данные о количестве выступлений с общественными обвинителями в Нальчике и округах. Указывалось и о проведенной политической работе в местных газетах и других средствах массовой информации, а именно о количестве заметок и о тематике. Кроме того, указывались сведения об участии работников прокуратуры в партийных заседаниях. Анализировалась их связь и взаимоотношения с партийными и советскими органами, отмечались сведения о докладах прокуратуры на окружных и областных съездах советов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 114. Л. 2].

Следующий раздел отчета областной прокуратуры отражал ход и состояние ее работы в сельской местности. Приводились данные за отчетный период о количестве выездов в села, количестве докладов по правовым вопросам на сельских сходах, окружных съездах и конференциях. Анализ отчетов показывает, что в ходе таковой деятельности организовывались кружки для оказания юридической помощи населению, в местных газетах опубликовывалась правовая информация в отношении сельского населения области. Отмечалось о работе с жалобами и заявлениями крестьян. Приводились статистические данные об общем количестве жалоб и заявлений, количестве удовлетворенных и оставленных без удовлетворения. Отмечалась работа прокуратуры по опротестованию постановлений и распоряжений Окрисполкомов и их отделений. На основании проделанной работы приводился вывод об укреплении революционной законности в сельской местности области [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 114. Л. 2-3].

Очередной раздел отчета областной прокуратуры отображал сведения о состоянии общего надзора, а именно, количества вынесенных протестов на по-

становления Окрисполкомов и сельсоветов. Анализ отчетов середины 20-х гг. XX в. показывает, что прокуратура КБАО не прекращала работу по реагированию на размещенные в печати заметки. В отчетах приводились данные о результатах такой работы в виде сведений о количестве возбужденных уголовных дел и наложенных на нарушителей дисциплинарных взысканий. Кроме того, в таких отчетах отражалась работа по надзору за деятельностью комиссий по делам несовершеннолетних и анализировалось общее состояние преступности в области [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 114. Л. 3-3 об.]. В самостоятельном разделе отчета областной прокуратуры фиксировались сведения о ее работе по надзору за органами дознания, а также анализировались результаты работы органов дознания, приводились данные о раскрываемости преступлений за отчетный период и т.п. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 114. Л. 4].

Следующий раздел отчета областной прокуратуры под названием «Следствие» содержал сведения о штате народных и старших следователей, их квалификации и количестве дел, находящихся в их производстве [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 114. Л. 4 об.]. В разделе «Суд» отчета фиксировались сведения об участии работников прокуратуры в работе пленума Облсуда по вопросам, вынесенным на повестку по инициативе прокуратуры, о принесенных протестах на приговоры Облсуда, количестве отмененных приговоров и т.п. В отчетах приводились сведения о личных делах заключенных, результатах проверок исполнительных дел, находившихся в производстве у судебных исполнителей, работе прокуратуры в рамках гражданского судопроизводства в Облсуде и народных судах [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 114. Л. 5-5 об.].

Также в отчете областной прокуратуры предусматривались разделы «Надзор за трудделами» и «Исправительно-трудовые учреждения», в которых рассматривались вопросы по трудовым делам, в случае необходимости сведения о внесенных протестах на решения трудсесий и результатах исполнения Уголовно-исполнительного кодекса [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 114. Л. 5 об.].

Кроме того, во второй половине 20-х гг. XX в. помощники прокурора КБАО по участкам направляли прокурору области литературные доклады к квартальным отчетам за полугодие, а также квартальные отчетные ведомости, сведения о работе в деревне с литературным докладом по соответствующим циркулярам наркомата юстиции и ежемесячные ведомости [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 116. Л. 96]. Такой литературный доклад начинался с краткой информации о состоянии конкретной участковой прокуратуры. Далее структура литературного доклада включала сведения о ее политической работе, состоянии общего надзора, взаимодействии помощников прокуроров с судебными учреждениями [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 116. Л. 97-101]. Сведения о работе в сельской местности содержали информацию о том, сколько состоялось выездов в селения лиц прокурорского надзора; а также о количестве проведенных ими в сельской местности дней за отчетный период, числе выступлений на селенных сходах по правовым вопросам, сведения об оказании населению юридической помощи, состоянии изученности заметок в печати и публикации разъяснений по правовым вопросам, производстве обследований низших органов,

количестве и сущности принятых жалоб и заявлений, количестве опротестованных постановлений, состоянии судебной работы [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 116. Л. 106-106 об.] и т.п.

С 1926 г. ежемесячно помощниками прокуроров на участках предоставлялись в облпрокуратуру сведения о количестве следователей и имеющихся в их производстве делах [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 117. Л. 2-2а]. В этих документах также фиксировалось движение уголовных дел [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 117. Л. 4] и гражданских дел [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 117. Л. 5] в нарсудах КБАО. Учету подлежало движение жалоб в участковой прокуратуре, отображалась информация о количестве жалоб, оставшихся неразрешенными, числе и сущности поступивших жалоб [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 117. Л. 12].

Далее сведения отчетов прокуратуры КБАО аккумулировались и попадали в отчеты прокуратур высшего иерархического уровня. Например, прокурор Северо-Кавказской краевой прокуратуры отчитывался о проделанной работе посредством полугодовых годовых отчетов перед прокурором РСФСР. Структура такого отчета включала следующие разделы: 1) «Наличный состав»; 2) «Плановость и учет работы»; 3) «Руководство работой помощников»; 4) «Политическая работа»; 5) «Работа в деревне»; 6). «Общий надзор»; 7) «Состояние преступности»; 8) «Надзор за органами дознания»; 9) «ГПУ (Государственное Политическое Управление)»; 10) «Следствие»; 11) «Суд»; 12) «Надзор за трудделами»; 13) «Уголовно-трудовые учреждения»; 14) «Совещания по борьбе с преступностью» и т.п. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 117. Л. 43-46].

В это время одним из видов отчетной деятельности прокуратуры КБАО в целях ознакомления населения со своей работой была отчетная компания участковых прокуратур за полугодие. В целях осуществления зафиксированных в планах деятельности мероприятий областная прокуратура разработала тезисы и другие требования, которые должны лечь в основу отчетных докладов участковых прокуратур [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 117. Л. 178-178 об.]. Так, например, в первом полугодии 1926 г. тезисы таких отчетных докладов о работе прокуратуры КБАО имели следующую структуру: 1) «Аппарат Прокуратуры и руководство им»; 2) «Общественно-политическая работа», в том числе: а) доклады, б) общественные обвинители, в) рабселькоры, г) юридическая помощь; 3) «Работа в деревне»; 4) «Общий надзор», в том числе: а) протесты, б) жалобы, в) газетные заметки, г) привлечение к ответственности, д) земкомиссии, е) жилищный вопрос; 5) «Состояние преступности», в том числе: а) общие данные, б) растраты; 6) «Совещания по борьбе с преступностью»; 7) «Органы дознания», в том числе: а) работа прокуратуры по надзору за дознанием, б) загрузка органов дознания, в) административные взыскания; 8) «Следственный аппарат», в том числе: а) состояние работы, б) работа прокуратуры по надзору за следствием; 9) «Суд», в том числе: а) участие прокуратуры в работе суда, б) состояние судебного аппарата; 10) «Работа прокуратуры в области охраны труда»; 11) «Задачи прокуратуры на предстоящий период» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 117. Л. 179-183].

Выводы

Таким образом, к середине 20-х гг. XX в. была налажена система сбора учетной информации, выстраивалась плановая и отчетная деятельность прокуратуры КБАО. Потоки информации направлялись по иерархии учреждений прокуратуры: из участковых прокуратур в областную (прокуратура КБАО), из областной в краевую (прокуратура Северо-Кавказского края), из краевой в республиканскую (прокуратура РСФСР). Для этого были разработаны и получили практическое применение соответствующие документы: для планирования – планы деятельности на предстоящие периоды; для учета – контрольные листы, тематические тетради учета, ведомости о движении дел, месячные ведомости по направлениям деятельности, акты обследования, характеристики; для отчетности – периодические литературные и цифровые отчеты, полугодовые отчетные доклады, сводки о преступности и т.п. Учету подлежала информация о кадровом составе, планах и учете повседневной работы, руководстве работой помощников, политической деятельности работников прокуратуры, эффективности работы с сельским населением, качестве надзорной деятельности, состоянии преступности, взаимодействии с органами суда, уголовно-трудовыми учреждениями, превентивной деятельности по борьбе с преступностью и т.п. Полагаем, что анализ плановой, учетной и отчетной документации прокуратуры КБАО во второй половине 20-х гг. XX в. имеет дальнейшую исследовательскую перспективу для изучения особенностей становления и развития механизма молодого советского государства и его системы правоохранительных органов, динамики кадрового состава и региональной специфики надзорной деятельности за соблюдением социалистической законности на территории КБАО и борьбы с преступностью и т.п.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов, Дышеков 2023 – Абазов А.Х., Дышеков М.В. История государства и права Кабардино-Балкарской Республики (последняя треть XVIII – начало XXI вв.). – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2023. – 284 с.

Ансоков 1974 – Ансоков М.Т. Образование и развитие национальной советской государственности народов Кабарды и Балкарии. – Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1974. – 78 с.

Голяндин, Машекуашева 2018а – Голяндин Н.П., Машекуашева М.Х. Некоторые вопросы фальсификации истории организации милиции Кабарды и Балкарии после гражданской войны (1920-1923 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Т. 10, № 4-2. – С. 43-51;

Голяндин, Машекуашева 2018b – Голяндин Н.П., Машекуашева М.Х. Органы милиции Кабарды и Балкарии в первые годы революционных преобразований (1917-1918) // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 3. – С. 117-119.

Голяндин, Игонькин 2000 – Голяндин Н.П., Игонькин Е.М. Становление милиции Кабарды и Балкарии. – Нальчик: «Эль-Фа», 2000. – 217 с.

Игонькин 1996 – Игонькин Е.М. Организационно-правовые основы становления и развития милиции Кабардино-Балкарии (1918–1930 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1996. – 166 с.

Казаков 2007 – Казаков А.В. Органы государственной безопасности и общество. Кабардино-Балкарии 1920–1992 гг.: Сборник документов и материалов. – Нальчик: Издательство «Эль-Фа», 2007. – 375 с.

Кярова 2013а – *Кярова А.А.* Организационно-правовые проблемы становления и развития Кабардино-Балкарской милиции (1918–1936 годы) // Восьмые Всероссийские Державинские чтения (Москва, 14 декабря 2012 года): сборник статей: в 7 кн. Кн. 1: Проблемы теории и истории государства и права. – М., 2013. – С. 167–169.

Кярова 2013b – *Кярова А.А.* Особенности создания Кабардино-Балкарской милиции (1918–1940) // Балтийский юридический форум "Закон и правопорядок в третьем тысячелетии" [Текст]: материалы международной научно-практической конференции, 14 декабря 2012 г. / С.-Петерб. ун-т МВД России. Калинингр. фил.; ред. С.В. Векленко [и др.]. – Калининград: Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2013. – С. 123–125.

Кярова 2014 – *Кярова А.А.* Проблемы материального обеспечения и профессиональной подготовки сотрудников милиции Кабардино-Балкарского АО (1922–1930). // Образование. Наука. Научные кадры. – 2014. – № 5. – С. 21–22.

Мисроков 1979 – *Мисроков З.Х.* Отмирание шариатской юстиции в автономиях Северного Кавказа (методические указания). – М.: Б.и., 1979. – 256 с.

Мусаева 2011 – *Мусаева М.А.* Органы внутренних дел республик Северного Кавказа в борьбе с бандитизмом и преступностью в 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук / Московский педагогический государственный университет. – М., 2011. – 192 с.

УЦГА АС КБР. Ф. 183. – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. Р-183 «Прокуратура Кабардино-Балкарской области».

Шипилов и др. 2004 – *Шипилов В.И., Заруцкий О.В., Кузьмина С.В., Голяндин Н.П.* История милиции Кабардино-Балкарии: этапы создания, становления и развития. – Нальчик: «Эль-Фа», 2004. – 217 с.

Шипилов и др. 2007 – *Шипилов В.И., Кузьмина С.В.* История милиции Кабардино-Балкарии: этапы создания, становления и развития. 2-е изд., испр. и доп. – Нальчик: «Эль-Фа», 2007. – 413 с.

Шхагапсоев, Голяндин 2012 – *Шхагапсоев З.Л., Голяндин Н.П.* Славный путь: 80 лет служения Отечеству. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2012. – 400 с.

REFERENCES

ABAZOV A.KH., DYSHEKOV M.V. *Istoriya gosudarstva i prava Kabardino-Balkarskoi Respubliki (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XXI vv.)* [The history of the state and law of the Kabardino-Balkarian Republic (the last third of the XVIII – early XXI centuries)]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskii gosudarstvennyi universitet im. Kh.M. Berbekova, 2023. – 284 p. (In Russ.).

ANSOKOV M.T. *Obrazovanie i razvitie natsional'noi sovetskoi gosudarstvennosti narodov Kabardy i Balkarii* [The formation and development of the national Soviet statehood of the peoples of Kabardino-Balkaria and Balkaria]. – Nal'chik: Izdatel'stvo «El'brus», 1974. – 78 p. (In Russ.).

GOLYANDIN N.P., MASHEKUASHEVA M.KH. *Nekotorye voprosy fal'sifikatsii istorii organizatsii militsii Kabardy i Balkarii posle grazhdanskoi voyny (1920-1923 gg.)* [Some issues of falsification of the history of the organization of the Kabarda and Balkar militia after the Civil War (1920-1923)]. In: *Is-toricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. – 2018. – T. 10, № 4-2. – P. 43-51. (In Russ.).

GOLYANDIN N.P., MASHEKUASHEVA M.KH. *Organy militsii Kabardy i Balkarii v pervye gody revolyutsionnykh preobrazovaniy (1917-1918)* [Police bodies of Kabarda and Balkaria in the early years of revolutionary transformations (1917-1918)]. In: *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*. – 2018. – № 3. – P. 117-119. (In Russ.).

GOLYANDIN N.P., IGON'KIN E.M. *Stanovlenie militsii Kabardy i Balkarii* [Formation of the Kabarda and Balkaria militia]. – Nal'-chik: «El'-Fa», 2000. – 217 p. (In Russ.).

IGON'KIN E.M. *Organizatsionno-pravovye osnovy stanovleniya i razvitiya militsii Kabardino-Balkarii (1918–1930 gg.)* [Organizational and legal foundations of the formation and development of the Kabardino-Balkaria militia (1918-1930)]: dis. ... kand. yurid. nauk. – М., 1996. – 166 p. (In Russ.).

KAZAKOV A.V. *Organy gosudarstvennoi bezopasnosti i obshchestvo. Kabardino-Balkarii 1920–1992 gg.: Sbornik dokumentov i materialov* [State security agencies and society. Kabardino-Balkaria 1920-1992: Collection of documents and materials]. – Nal'chik: Izdatel'stvo «El'-Fa», 2007. – 375 p. (In Russ.).

KYAROVA A.A. *Organizatsionno-pravovye problemy stanovleniya i razvitiya Kabardi-no-Balkarskoi militsii (1918–1936 gody)* [Organizational and legal problems of the formation and development of the Kabardino-Balkarian militia (1918-1936)]. In: Vos'mye Vserossiiskie Derzhavinskie chteniya (Moskva, 14 dekabrya 2012 goda): sbornik statei: v 7 kn. Kn. 1: Problemy teorii i istorii gosudarstva i prava. – M., 2013. – P. 167–169. (In Russ.).

KYAROVA A.A. *Osobennosti sozdaniya Kabardino-Balkarskoi militsii (1918–1940)* [Features of the creation of the Kabardino-Balkarian militia (1918-1940)]. In: Baltiiskii yuridicheskii forum "Zakon i pravoporyadok v tret'em tysyacheletii" [Tekst]: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 14 dekabrya 2012 g. / S.-Peterb. un-t MVD Rossii. Kaliningr. fil.; red. S.V. Veklenko [i dr.]. – Kaliningrad: Kaliningradskii filial SPbU MVD Rossii, 2013. – P. 123–125. (In Russ.).

KYAROVA A.A. *Problemy material'nogo obespecheniya i professional'noi podgotovki sotrudnikov militsii Kabardino-Balkarskogo AO (1922–1930)* [Problems of material support and professional training of police officers of Kabardino-Balkarian Autonomous District (1922-1930)]. In: Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. – 2014. – № 5. – P. 21–22. (In Russ.).

MISROKOV Z.KH. *Otmiranie shariatskoi yustitsii v avtonomiyakh Severnogo Kavkaza (metodicheskie ukazaniya)* [The withering away of Sharia justice in the autonomous regions of the North Caucasus (methodological guidelines)]. – M.: B.i., 1979. – 256 p. (In Russ.).

MUSAEVA M.A. *Organy vnutrennikh del respublik Severnogo Kavkaza v bor'be s banditizmom i prestupnost'yu v 1920–1930-e gg.* [The internal affairs bodies of the republics of the North Caucasus in the fight against banditry and crime in the 1920s and 1930s.]: dis. ... kand. ist. nauk / Moskovskii peda-gogicheskii gosudarstvennyi universitet. – M., 2011. – 192 p. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. F. R-183 «Prokuratura Kabardino-Balkarskoi oblasti». (In Russ.).

SHIPILOV V.I., ZARUTSKII O.V., KUZ'MINA S.V., GOLYANDIN N.P. *Istoriya militsii Kabardino-Balkarii: etapy sozdaniya, stanovleniya i razvitiya* [The history of the Kabardino-Balkaria militia: stages of creation, formation and development]. – Nal'chik: «El'-Fa», 2004. – 217 p. (In Russ.).

SHIPILOV V.I., KUZ'MINA S.V. *Istoriya militsii Kabardino-Balkarii: etapy sozdaniya, stanovleniya i razvitiya* [The history of the Kabardino-Balkaria militia: stages of creation, formation and development]. 2-e izd., ispr. i dop. – Nal'chik: «El'-Fa», 2007. – 413 p. (In Russ.).

SHKHAGAPSOEV Z.L., GOLYANDIN N.P. *Slavnyi put': 80 let sluzheniya Otechestvu* [The Glorious path: 80 years of service to the Fatherland]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2012. – 400 p. (In Russ.).

Информация об авторе

З.Т. Мирзоев – заместитель директора Института права, экономики и финансов КБГУ.

Information about the author

Z.T. Mirzoev – the Deputy Director of the Institute of Law, Economics and Finance of KBSU.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 15.04.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Научная статья
УДК 93/94+903.2
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-269-282
EDN: KGUVPX

ЧЕРКЕШЕНКИ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ: О ХОДЕ «РАСКРЕПОЩЕНИЯ ГОРЯНКИ» НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ТРУЖЕНИЦА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА» (1925-1927 ГГ.)

Наталия Юрьевна Кулиш

Государственный архив Ростовской области, Ростов-на-Дону, Россия,
n.coolish@yandex.ru

Аннотация. Представленная статья посвящена изучению репрезентации процессов, входящих в обширный комплекс мероприятий под названием «раскрепощение горянки», на страницах журнала «Труженица Северного Кавказа» – официального печатного органа женотдела Северо-Кавказского краевого исполкома – на примере работы с черкешенками. В данном исследовании рассматривается демонстрация широкой общественности (в частности, женским массам) результатов деятельности советской власти применительно к черкешенкам, населявшим территорию нескольких автономных областей Советского Союза – Адыгейскую (Черкесскую), Кабардино-Балкарскую и Карачаево-Черкесскую: освещаются разные ее направления – просвещение, ликвидация бытовой и политической неграмотности, привлечение женщин к работе на производстве, открытие не только клубов горянок, но и артелей и мастерских. В статье представлены материалы журнала, отражающие работу советской власти с черкешенками за 1925-1927 годы, вплоть до переименования журнала.

Ключевые слова: черкешенки, горянки, раскрепощение горянок, Северный Кавказ, труженица Северного Кавказа, женотдел, Адыгея, Адыгейская (Черкесская) автономная область, Кабардино-Балкарская автономная область, Карачаево-Черкесская автономная область

Для цитирования: Кулиш Н.Ю. Черкешенки и советская власть: о ходе «раскрепощения горянки» на страницах журнала «Труженица Северного Кавказа» (1925-1927 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 269-282. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-269-282. EDN: KGUVPX.

© Кулиш Н.Ю., 2024

Original article

CIRCASSIAN WOMEN AND THE SOVIET POWER: ON THE COURSE OF “MOUNTAIN WOMEN’S LIBERATION” ON THE PAGES OF THE MAGAZINE ‘TRUZHENITSA SEVERNOGO KAVKAZA’ (1925-1927)

Nataliya Yu. Kulish

State Archive of the Rostov Region, 344006, Rostov-on-Don, Russia,
n.coolish@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the representation of the processes included in the extensive set of measures called ‘emancipation of the mountain woman’ on the pages of the magazine ‘Truzhenitsa Severnogo Kavkaza’, the official press organ of the women’s department of

the North Caucasian regional executive committee on the example of work with Circassian women. This study examines the demonstration to the public (in particular, to the female masses) of the results of the Soviet authorities' activities regarding the Circassian women who inhabited the territory of several autonomous regions of the Soviet Union: Adygeya (Cherkessia), Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia: it highlights its various directions such as education, the elimination of domestic and political illiteracy, the involvement of women in industrial work, the opening not only of clubs for women but also of artels and workshops. The article presents the materials of the magazine reflecting the work of the Soviet authorities with Circassian women for 1925-1927, up to the time when the magazine was renamed.

Keywords: Circassian women, mountain women, liberation of mountain women, North Caucasus, Truzhenitsa Severnogo Kavkaza, women's department, Adygeya, Adyge (Circassian) Autonomous Region, Kabardino-Balkarian Autonomous Region, Karachay-Cherkess Autonomous Region

For citation: Kulish N.Yu. Circassian women and the soviet power: on the course of "mountain women's liberation" on the pages of the magazine «Truzhenitsa Severnogo Kavkaza» (1925-1927). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 269-282. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-269-282. EDN: KGUVPX.

© Kulish N.Yu., 2024

Женский вопрос стал одним из важных пунктов работы большевиков с населением при установлении в стране советской власти. Разработка этого вопроса затронула и особо «сложные» в плане положения женщин регионы – Северный и Южный Кавказ, а также среднеазиатские республики. По мнению советских властей, как следует из множества отчетных документов по советскому строительству и свидетельств делегатов первых съездов, там женщина была особенно закабалена, причиной этому послужили сохраняющие свой вес обычаи (адаты), высокая степень религиозности населения, упорное противостояние мужчин стремлению женской половины учиться, включаться в политические процессы и промышленную жизнь страны [Булыгина и др. 2013: 520].

И хотя изучение женского вопроса вообще – весьма популярная сегодня тема, выделившаяся даже в отдельное исследовательское поле под названием «гендерные исследования», внимание в рамках таких исследований уделяется, в основном, зарубежью; широкое освещение получил процесс раскрепощения восточной женщины, имевший место как раз в центральноазиатских республиках. О мерах советской власти по раскрепощению мусульманских женщин Центральной Азии пишет, в частности, С.А. Шерстюков [Шерстюков 2020], о работе среди женщин Таджикской АССР рассказывают в своих статьях Ш.М. Хусаинова и Б.С. Сафаралиев [Хусаинова 2008; Сафаралиев 2018]; правовые нововведения для проведения в жизнь концепции раскрепощения женщины освещают в своих работах А.С. Плюснина [Плюснина 2021] и А.Ш. Керимбаева [Керимбаева 1984], Т.А. Дюжилова и А.И. Сидоркин [Дюжилова, Сидоркин 2009].

Вопрос раскрепощения же собственно горняков, уроженков земель, сегодня являющихся территориями республик Северного Кавказа, только обретает своих исследователей. Например, вопрос раскрепощения женщин на примере действий властей в недолго просуществовавшей Горской республике освещала З.Е.

Царикаева-Дзотцоева [Царикаева 2004]; обширный пул исследователей имеется по Дагестанской АССР и Дагестану – среди них можно выделить, к примеру, Г.Ш. Каймаразова и Л.Г. Каймаразову [Каймаразов, Каймаразова 2020], Р.И. Сефербекова [Сефербеков 2021]; о событиях, происходивших в Чечне и Ингушетии в попытках «модернизировать» женщину-чеченку и ингушку в своих статьях рассказывают Т.У. Эльбуздукаева [Эльбуздукаева 2011] и М.П. Ахмадова [Ахмадова 2015]. Основательные исследования по гендерному вопросу в Кабардино-Балкарии в различные периоды ее существования провели М.А. Текуева [Текуева 2021: 55-61] и Л.Х. Сабанчиева [Сабанчиева 2016: 11-27]; процессы, происходившие в Адыгее (в частности, в адыгских аулах), детально описывает в своей работе Ю.Б. Анчабадзе [Анчабадзе 2011], а весь опыт работы большевиков с женскими массами на Северном Кавказе в 1920-1930-е гг. аккумулировали и обзорно отразили, например, Т.А. Булыгина, Т.Н. Кожемяко и А.И. Федоренко [Булыгина и др. 2013: 520].

Однако репрезентация проводимых решений в прессе, вес которой в вопросе формирования общественного мнения в те времена трудно переоценить, в работах исследователей до сей поры оставалась в некоторой тени, на наш взгляд, незаслуженно. На сегодняшний момент имеется ряд работ, посвященных взгляду на процессы раскрепощения (но – относительно восточной женщины) – например, через призму журнала «Труженица Востока» [Черняева 2022], через взгляд сквозь музейные экспозиции [Аброськина 2022], и даже – сквозь продукты кинематографического творчества [Хан 2021].

Что же касается черкешенок – жительниц Адыгейской (Черкесской), Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской автономных областей Советского Союза, – мероприятия, успехи властей по их раскрепощению, а также отражение достигнутых результатов в прессе на сегодня является своего рода «слепой», не изученной зоной.

Важно отметить, что в данном исследовании затронута не пресса как таковая, не районные, областные газеты и иные периодические издания. Мы рассматриваем освещение мер, предпринимаемых властями на территориях обозначенных автономий, исключительно по материалам журнала «Труженица Северного Кавказа» – официального печатного органа отдела по работе среди работниц и крестьянок (в просторечии – так называемого «женотдела») Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета ВКП (б), за 1925-1927 гг. Такая периодизация объясняется следующим: нижняя граница – наличием сохранившихся экземпляров издания, переданных на хранение в Государственный архив Ростовской области, верхняя же – последним выпуском журнала, вышедшим под прежним названием (впоследствии, в середине 1927 г., журнал переименовался в «Хлеборобку»).

При проведении исследования в ходе подготовки данного материала использовались такие методы научного исследования и работы с источниками, как феноменологический анализ (поскольку данная работа ориентирована на изучение презентации развития процесса «раскрепощения горянки» – своеобразного исторического феномена, аналогов которому не было за пределами молодого советского государства), а также метод содержательного анализа тек-

стового материала и сравнительно-исторический метод. Применяемые в тандеме, они помогают проследить динамику процесса в географически и ментально близких, черкесских, регионах на примере публиковавшихся на страницах журнала «Труженица Северного Кавказа» заметок и статей, описывающих ситуацию в Адыгейской (Черкесской), Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской автономных областях.

Обратимся к выпускам за 1925 г. Этот год ознаменовался Первым краевым съездом горянок, параллельно с которым прошла и окружная конференция казачек и крестьянок [Обращение... 1925]; эти мероприятия показали первые сформировавшиеся ростки, первые плоды усилий, приложенных большевиками для привлечения женщин к общественно-политической деятельности. В русле пристального внимания к подготовке женских кадров редколлегия «Труженицы Северного Кавказа» также поместила статью Русановой; в ней дается обзорное представление о курсах горянок и казачек, которые впервые проводились летом 1924 г. и затем были открыты вновь в ноябре 1925 г.¹ Программа курсов 1924 г. была рассчитана на четыре месяца; за это время организаторы подготовили 40 горянок-представительниц национальных областей. Курсы 1925 г. уже значительно расширили абитуриентуру: к занятиям приглашались не только горянки, но и казачки, общим числом 50 человек. Особенно в статье подчеркивается контингент прошедших через курсы: так, по опыту курсов 1924 г. Русанова отмечает, что нередко местные власти отправляли на учебу «случайный» элемент, из-за которого приходилось корректировать и сокращать программу; а то и вовсе «балласт», который приходилось откомандировывать домой. В материале делается акцент на том, что необходимо обратить пристальное внимание на уровень подготовки направляемых на обучение кандидаток, поскольку курсы ставят своей задачей (далее – цитата, так в документе) «не ликвидацию общей и политической неграмотности, а работу с товарищами, хотя бы элементарно-политически грамотными, но принимающими активное участие в общественной работе, в целях систематизации знаний, основательного уяснения политики партии в отношении крестьянства в целом, и в частности горцам и казачеству и ознакомления с декретами и распоряжениями Соввласти о деревне», чтобы, окончив курсы, девушки, вернувшись в родные аулы и станицы, могли стать «организующим центром женских масс». Русанова говорит и о недостаточности срока подготовки в четыре месяца для всеобъемлющей подготовки полноценных кадров для работы с женскими массами: с набора 1925 г. предлагалось увеличить срок обучения до полугода, с тем чтобы дать женщинам знания, в том числе, по руководству делегатскими собраниями, особенностям работы по охране материнства и младенчества (матмлада), кооперации и т.д. Кроме того, предполагалось обучить женщин технологиям машинного вязания теплых вещей, что в перспективе помогло бы не только снабдить население аулов и станиц, но и объединить за таким занятием женские массы.

Первый номер «Труженицы Северного Кавказа» за 1926 г. продолжает рассказывать об успехах реализации программ курсовой подготовки женского

¹ Русанова. О курсах казачек и горянок [Текст] // Труженица Северного Кавказа. – 1925. – № 6-7 (октябрь-ноябрь). – С.29-30.

актива. Так, например, в него вошла заметка «Горянки и казачки учатся» – небольшая по размеру, емко подытоживающая успехи обучения девушек за первые два месяца, но особенно ценная за счет прилагающейся фотографии, сделанной во время учебного процесса (см. рис. 1)¹.

*Рис. 1. Учебный процесс на краевых курсах казачек и горянок
(г. Ростов-на-Дону, 1926 г.). Фото: Труженица Северного Кавказа. № 1(8) 1926. С. 26.*

В ходе описываемых краевых курсов по общеобразовательным предметам и по политграмоте женщины были разбиты на две группы. По специфической же женотдельской работе курсанток сознательно разделили на группы казачек и горянок, объясняя это разницей в условиях дальнейшей работы среди женщин, населяющих национальные автономии, и станицы, где превалирует казачество. В этой заметке, как бы в продолжение предыдущей, говорится о трикотажной мастерской, действующей при курсах, после практической работы в которой курсанток планировали выпустить инструкторами. По этому факту можно судить об определенном прогрессе в деле подготовки женщин к включению в промышленную жизнь страны.

Об успехах учебно-воспитательной работы в рамках курсов казачек и горянок можно судить из статьи, опубликованной в середине 1926 г., которую приурочили как раз к очередному выпуску курсанток. В курсах приняли участие 52 женщины – не только горянки (22 курсантки), как в самом первом наборе, но и казачки Дона, Кубани, Азовья и Черноморья (30 курсанток). Методы обучения оставались прежними, с некоторыми новшествами: главенствовала живая беседа, устные и письменные доклады, также

¹ Степанова, Е. Горянки и казачки учатся [Текст] // Труженица Северного Кавказа. – 1926. – № 1 (8). – С.26.

обучающиеся составляли диаграммы и по 4 часа в день трудились в чулочновязальной мастерской. Раз в неделю курсанткам устраивали экскурсии в музеи, на фабрики и заводы для ознакомления с производством. По итогам курсов казачек и горянок 1926 г. 8 человек было выпущено работницами окружного масштаба, 7 – районного, 1 – городского и 21 – станичного и аульского¹.

Как правило, практически в каждом выпуске «Труженицы Северного Кавказа» под освещение работы в национальных регионах отводилась целая полоса с заглавием «Среди горянок». В первом выпуске за 1926 г. в этой рубрике рассказывалось об открытии первого женского клуба горянок в селении Касаевском, что в Карачаево-Черкесской Автономной области. Открытие посетили не только местные активистки, но и заинтересованные женщины со всех аулов Черкесии. Как пишет селькор Куца Мацаева, до сих пор ничего подобного в Черкесии не было, ранее никогда женщины не собирались так. Более того, Мацаева подчеркивает, что черкешенки «слышали, что в русских селениях есть школы для женщин; в этом году и у нас открылся ликпункт; но после этого мы увидели еще совсем новое, небывалое у нас событие – открытие нашего женского клуба»².

Вновь обретенный черкешенками клуб стал «уголком, в котором можно безбоязненно собираться», где «научат, как строить новую, свободную жизнь»; «специально устроенный» для женщин митинг тоже здесь был в диковинку, слышать торжественные речи на нем, по признанию Мацаевой, было странно – ведь раньше, по ее словам, женщины «не считались даже за людей». Во время открытия Мацаева от лица всех собравшихся горянок принимала от окружного исполкома знамя, произносила речь, стоя у трибуны; и во время этой речи ей хотелось «громко, на весь мир, крикнуть о той радости, которую дала женщине-горянке Советская власть»³.

В том же номере несколько страниц спустя мы можем узнать об открытии в самом центре Нальчика чулочновязальной мастерской при клубе горянок. Идея эта зародилась в недрах женотдела Кабардино-Балкарской автономной области несколькими месяцами ранее, но на ее воплощение понадобилось время. Соединились усилия женотдела Северо-Кавказского исполкома, областного комитета и ЦИК области, – и итогом тому стали «огромные толпы кабардинцев, балкарцев, русских женщин и горянок», каждый день приходящие к новоявленной мастерской⁴. В ней установили 15 вязальных машин фирмы «Эккер», имелась и механическая мастерская. Затем из Ростова – краевого центра – получили партии шведской шерсти и русской пряжи, запаса которой, как предполагалось, должно было хватить на три месяца. В работе мастерской были заняты 18 женщин, из которых 15 были националками (процент кабардинок, балкарок и женщин других национальностей среди них не уточнялся). Помимо того,

¹ Родченко, М. На краевых курсах казачек и горянок [Текст] // Труженица Северного Кавказа. – 1926. – № 2 (9). – С.11.

² Мацаева, К. Клуб горянок в ауле [Текст] // Труженица Северного Кавказа. – 1926. – № 1 (8). – С.27.

³ Там же, с. 27.

⁴ Резникова, Л. Клуб-мастерская горянок (Кабардино-Балкарская Автономная область) [Текст] // Труженица Северного Кавказа. – 1926. – № 1 (8). – С.30.

раз в неделю в мастерской работали еще 15 человек – курсанты Ленинского учебного городка.

Автор заметки, Резникова, также сообщает о планах оборудования при участии краевого женотдела чесальной мастерской для выработки местной шерсти. Кроме этого, на страницах журнала она объявляет о начале культурно-просветительской работы в регионе, ведь при клубе в Нальчике организовывались кружки на разные темы: по охране матмлада, по ликвидации неграмотности; кружки рукоделия, кройки и шитья. Собирались открыть детскую комнату (на зиму) и детскую площадку (на лето). Дело обучения горянок общественно-культурному труду ставилось «на прочные ноги», ведь «ежедневно Женотдел осаждают кабардинки и балкарки с настойчивыми просьбами принять их в клуб-мастерскую» – подытоживает Резникова.

Отдельное внимание в номере было уделено работе, в том числе, с мужчинами – по женскому вопросу, правам, которые обрели благодаря советской власти не только женщины, но и мужчины. Так, например, от лица женщины, писавшей под псевдонимом «Приезжая» – вероятно, женработницей райисполкома (РИКа), направленной на просветительскую работу с населением Кабардино-Балкарской автономной области – рассказывается о том, как во время проведения кампании по перевыборам в сельсоветы, узнав о приезде представительницы РИКа, в помещении школы собрались лишь кабардинцы. На вопрос, почему не пришли женщины, те недоуменно воскликнули: «Как же женщина будет говорить при мужчине». Однако, когда женработница разъяснила им обретенные женщинами права, мужчины удалились, а на следующее утро в школе собрались уже 17 кабардинок – их матери, сестры и жены. И если поначалу они молчали, то, заслушав доклад про сельсовет и то, зачем кабардинкам участвовать в его работе, оживились и стали рассказывать о своей жизни, различных бытовых трудностях. Не обошли стороной и вопрос калыма, традиционно запрашиваемого с жениха в пользу отца семьи, которая отдает невесту. Черкешенки Кабарды поведали, что многие мужчины все еще не женаты, поскольку бедственное положение не позволяет обеспечить выплату калыма. На следующий день мужчины явились к представительнице РИКа с просьбой хлопотать о снятии калыма, на что она им объявила: «Советская власть уничтожила калым». Что же касается перевыборной кампании, то на собрании после обсуждения всех выдвинутых кандидатур удалось выбрать в сельсовет шестерых наиболее деловитых, хозяйственных черкешенок из беднячек¹.

В том же номере «Труженицы» опубликована заметка об успехах на ниве ликвидации неграмотности у черкешенок соседней автономии – речь снова о Карачаево-Черкесской области. Там, в ауле Баташевском Эльбурганского округа в декабре 1925 г. начал работу кружок по ликвидации неграмотности женщин-горянок. По признанию Багат Папшуговой, подавшей в журнал материал об открытии этого кружка, впервые в истории области сами женщины решали, идти ли им учиться или нет, и решение о начале учебного процесса было при-

¹ Приезжая. На хуторе у кабардинок (Терский округ) [Текст] // Труженица Северного Кавказа. – 1926. – № 1 (8). – С. 31.

нято ими единогласно, ведь школа для горянок вообще и для черкешенок в частности – это «путь к раскрепощению»¹. Такое внимание к интересам женщин, да и вообще учет женского мнения для местных жительниц были в диковинку, ведь, по словам Папшуговой, их жизнями, волей, мыслями и желаниями веками распоряжались отцы, мужья, братья, а теперь черкешенки «как равноправные с мужчинами» участвуют в митинге. Тогда-то местные жительницы и поняли, что и о них, «забытых, темных черкешенках заботится Советская власть, ...выводит на дорогу, ведущую к светлому будущему», – признается Папшугова².

Адыгейская (Черкесская) автономная область и вовсе отметилась в «Труженице» чем-то вроде «странички почета» – в первом номере за 1926 г. корреспондентки от Адыгеи рассказали о местных активистках: черкешенке Хамсат Валиевой и русской крестьянке Дарье Перущей. Валиева – одна из немногих женщин, которая смогла избраться в областной исполнительный комитет, несмотря на значительное количество голосов «против» ее кандидатуры [ГАРО Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 365. Л. 27]. Однако, это – дело будущего; на момент публикации в журнале там Хамсат еще не состояла.

Используя пример Валиевой, корреспондентка под псевдонимом «В.К.» подчеркивает, что черкешенка больше не «бесправная рабыня, продаваемая отцом за хороший калым, обязанная подчиняться властелину мужу, старшим в доме и, главное, всем диким обычаям адатам...»³. В довольно сжатой заметке рассказывается жизненный путь Хамсат, которая, встретив советскую власть, энергично взялась за общее дело: стала кандидатом ВКП (б), группируя вокруг себя вдов-черкешенок; была избрана в члены сельсовета, где выступала на защиту женщин-черкешенок; сделалась нарзаседательницей. В 1925 г. она организовала в ауле артель по выработке бурок, где женщины всю, даже самую тяжелую физическую работу – добычу дров, перенос шерсти на спинах в чувалах для последующей расчески – выполняли сами. Все это – вопреки недовольству местных религиозных авторитетов, чей вес в обществе был все еще велик: «Не будем хоронить гяурок» – грозили они. Артель Валиевой стала, таким образом, «маленьким делом», из которого и должны были, по задумке властей, пробиться ростки социализма, ростки нового быта, «выковывая новую свободную, равноправную женщину-горянку»⁴.

Продолжая эту тему, в рубрике «Среди горянок» следующего номера рассказывают про Первый съезд общественниц Черкесии, который прошел в Эльбурганском округе, в уже упоминавшемся ауле Касаевском. Областной съезд собрал 46 делегатов – не только из числа черкешенок, но и абазин, ногаек; еще сотня горянок присоединилась в качестве гостей, многие из них ради такого события ехали издалека. Что интересно, съезд посетили не только женщины: присутствовали на нем и мужчины-горцы. И юные, и зрелые женщины-горянки

¹ Папшугова Б. В первый раз [Текст] // Труженица Северного Кавказа. – 1926. – № 1 (8). – С. 31.

² Там же. – С. 31.

³ В.К. Наш актив (Адыгее-Черкесская Автономная область) [Текст] // Труженица Северного Кавказа. – 1926. – № 1 (8). – С. 33.

⁴ В.К. Наш актив (Адыгее-Черкесская Автономная область) [Текст] // Труженица Северного Кавказа. – 1926. – № 1 (8). – С. 33.

с любопытством вслушивались в каждое слово докладчиц, повествующих о положении горянки, о задачах Советской власти и о мерах по улучшению условий трудящихся. В качестве иллюстрации успехов советской власти в деле раскрепощения горянок вообще и черкешенок в частности здесь показателен пример Лидии Дышековой – племянницы эфенди (религиозного авторитета) из Касаевского, которая горячо встретила советскую власть и на съезде общественниц Черкесии заявила, что под знаменем партии для дальнейшей «борьбы за свое раскрепощение» соберутся миллионы тружениц Кавказа. Саму же коммунистическую партию Дышекова при этом назвала «руководительницей делом раскрепощения женщины», призывая горянок смелее встать под ее знамя¹.

Съезд общественниц помог не только «просветить» горцев, не желавших направлять женщин-делегаток на подобные мероприятия, наглядно показав им всю работу изнутри, но и активно привлечь к этой работе непосредственно самих горянок. В целом, большим успехом съезда общественниц стал тот факт, что на областной съезд советов Карачаево-Черкесии, что прошел три недели спустя, впервые было направлено четыре горянки: три черкешенки и одна ногойка. А по итогам областного съезда советов одна из направленных на него делегаток-черкешенок, Аксерова (так в тексте), была избрана членом окружного исполкома.

Нелишним в данном контексте будет, на наш взгляд, упомянуть и некоторую степень «подпольности» работ среди женщин в Адыгее, о которой на страницах официального печатного органа женотдела говорили сами черкешенки. Так, когда в Адыгейской (Черкесской) автономной области открылись курсы по подготовке учителей-черкесов, несколько юных девушек из аула Адами, грамотные, владеющие родным языком, хотели тоже поступить туда учиться, однако сделать это им не разрешали родители. Тогда, пока родители были заняты работой в поле, инициативная черкешенка-женактивистка провела с желающими собрание прямо в огороде, «среди высокой кукурузы», предложив им путь побега из дома. Юные черкешенки, в итоге, в назначенный день из своего аула пришли к месту, где их ожидал «подговоренный» наставницей комсомолец, что довез их до ближайшей железнодорожной станции. Оттуда девушки доехали до города, поступили и благополучно окончили курсы, став дипломированными учителями для родного аула².

Похожий нарратив считается и в историях девушек, обучавшихся на курсах горянок, казачек и нацменок имени Микояна (в народе – часто сокращенно: «курсы горянок»). Так, одна из курсанток Тазирктуковского аула (так в тексте; вероятно, речь идет о Тазартуковском, ныне ауле Бесленей) Черкесской области бежала от отца, стремившегося «продать ее за большой калым», не побоявшись ни угроз, ни побоев. И хотя отец ничего ей не дал, это «не остановило ее на полпути к учебе». Другая девушка из той же области, но другого аула – Микиреевского, – Маруся Шевгенова, тоже, сбежав из родного дома, приехала

¹ Жедик Т. I-й съезд общественниц Черкесии [Текст] // Труженица Северного Кавказа. – 1926. – № 2 (9). – С. 10.

² Черкешенка. Убежали учиться (Преображенский район. Адыгее-Черк.Авт.Обл.) [Текст] // Труженица Северного Кавказа. – 1926. – № 5 (12). – С. 14.

в краевой женотдел с просьбой выучить ее, поскольку она хотела работать «среди наших темных черкешенок»¹.

В выпуске «Труженицы» за следующий, 1927 г., тему калыма и насильственной выдачи девушек замуж поднимают в контексте борьбы горянок с ней: так, за целое полугодие количество обращений черкешенок в советские органы, в прокуратуру, а не к религиозным авторитетам (муллам, эфенди), для защиты от произвола родственников, выросло на 433 (!) процента².

При всем при этом, стараясь показать тяготение горянок к раскрепощению, к принятию советской власти и новых политических, юридических институтов, корреспондентки «Труженицы» также подчеркивают сохранение и в некотором роде даже «сосуществование» адатов с нововведениями советской власти: так, в 1927 г. все также отмечается, что женщину-черкешенку дальше дома да двора не увидишь; а на примере аула Кувинского Черкесской области повествуется о том, что в аульном совете имеется три женщины, но в заседаниях они участия не принимают. Более того, подчеркивается, что никто на этом и не настаивает: «Не пришли и не надо!» – ведь появление женщины на собрании среди мужчин все еще «считается по обычаю позором»³.

Отпустить девочку учиться в школу в 1925-1926 гг. тоже во многих горских семьях по-прежнему считали «большим грехом», все старания учителей по агитации и привлечению девочек к учебе не увенчались успехом. Однако к 1927 г. ситуация понемногу начала меняться: на страницах «Труженицы» мы можем прочитать о ситуации в ауле Шах-Гиреевском Черкесской области, где большинство черкесов, уже «не задумываясь», решили отправить дочерей в школу; таким образом, число учащихся в местной школе девочек достигло 40 человек⁴.

Резюмируя успехи советской власти в деле раскрепощения горянок, в частности – черкешенок, на территории Адыгейской (Черкесской), Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской областей и репрезентации достигнутых результатов в «Труженице Северного Кавказа» – официальном печатном органе Северо-Кавказского краевого женотдела – можно отметить несколько моментов. Во-первых, процесс раскрепощения предполагал воздействие на женские массы с нескольких сторон: сюда входило и образование, просвещение – как бытовое, так и политическое; и охрана материнства и младенчества, и кооперация и привлечение женщин к труду на производстве. Как видим, на страницах «Труженицы» показаны результаты по всем перечисленным направлениям: здесь мы читаем и о ликвидации неграмотности, и о политической учебе девушек-черкешенок, и об открытии в аулах клубов горянок, текстильных мастерских и артелей, где трудятся черкешенки.

¹ Иконникова М. Кто учится на курсах [Текст] // Труженица Северного Кавказа. – 1926. – № 8 (15). – С.8.

² Ч-ва Ш. На путях к новой жизни (Черкесский авт. округ) [Текст] // Труженица Северного Кавказа. – 1927. – № 9-10 (24-25). – С.31.

³ Жизнь горянки (Аул Кувинский, Черкесской обл.) [Текст] // Труженица Северного Кавказа. – 1927. – № 1 (16). – С. 4.

⁴ Ильина, Т. Горянка в школе (Аул Шах-Гиреевский, Черкес. окр.) [Текст] // Труженица Северного Кавказа. – 1927. – № 2 (17). – С. 20.

Во-вторых, как подмечают и сами авторы, печатавшиеся в «Труженице» – свидетельницы событий тех лет – раскрепощение горянки примечательно тем, что оно охватывало не только женские, но и мужские массы: ведь успех этих процессов напрямую зависел от степени осведомленности мужчин и их готовности банально «отпустить дочку учиться в школу» или жену – на делегатское собрание в ближайший клуб. И, несмотря на то что вес адатов в черкесском обществе в 1925-1927 гг. был еще велик, на примере Нальчика мы можем прочитать о таких случаях, когда мужья и братья активно поддерживали горянок и сами с большим интересом шли работать в мастерские, где горцы и горянки трудились и производили продукцию совместными усилиями.

В-третьих, по материалам, опубликованным в официальном печатном органе местного женотдела, можно увидеть удивительный, но характерный для Кавказа феномен: соседствование адатов (обычаев) с укрепляющимся и набирающим обороты советским правом. Мы читаем, что горянки зачастую испытывали неловкость в присутствии мужчин на делегатских собраниях; и что в целом далеко не все были готовы перечить мужчине (мужу, отцу, брату) и поперек его слову бросить дом, хозяйство и уехать учиться (случаи, описываемые в «Труженице», стоит воспринимать скорее как исключение, некоторого рода подбодрение для нерешительных горянок; но опрометчиво полагать, что такое поведение женщин было массовым явлением). В то же время, примечательна приводимая статистика обращения горянок к советскому суду вместо «обычного», «шариатского», вместо обращения к местному духовнику в поисках защиты в разных бытовых вопросах.

Подводя итог, хочется отметить, что на страницах «Труженицы Северного Кавказа» красочно и подробно раскрывается процесс раскрепощения горянок, в частности – черкешенок. Даже по приведенным выше материалам журнала можно составить мнение и об успехах советской власти, достигнутых за 1925-1927 гг., и об имеющихся точках роста. Женотдел как самостоятельный орган просуществует после 1927 г. еще порядка двух лет, однако результаты действий и отдела, и советской власти в целом по отношению к горянкам за этот период, осветит уже другое печатное издание – журнал «Хлеборобка».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аброськина 2022 – *Аброськина Е.В.* «Свободные женщины Востока»: репрезентация советской политики в области женского вопроса в экспозициях Государственного музея этнографии в 1920-30-е гг. // Музей. Памятник. Наследие. – 2022. – № 2(12). – С. 106-119.

Анчабадзе 2011 – *Анчабадзе Ю.Д.* Социально-политические трансформации в адыгском ауле 1920-х гг.: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. – 2011. – № 3(60). – С. 61-67.

Ахмадова 2015 – *Ахмадова М.П.* Политико-правовая база эмансипации женщины-горянки в условиях модернизации 20-30-х гг. XX В. (на примере Чечни и Ингушетии) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. – 2015. – № 2. – С. 15-18.

Булыгина и др. 2013 – *Булыгина Т.А., Кожемяко Т.Н., Федоренко А.И.* Попытки изменения статуса женщины в проектах и практике большевиков. Опыт Северного Кавказа // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. С. 520.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Дюжилова, Сидоркин 2009 – *Дюжилова Т.А., Сидоркин А.И.* Нормы уголовного кодекса РСФСР 1922 г., направленные на борьбу за раскрепощение женщины // Вестник Чебоксарского кооперативного института. – 2009. – № 2 (4). – С. 74-76.

Каймаразов, Каймаразова 2020 – *Каймаразов Г.Ш., Каймаразова Л.Г.* Раскрепощение горянки есть вопрос социалистического строительства: инициативы советской власти по вовлечению женщин Дагестана в общественно-политическую жизнь в начале 1930-х гг. // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2020. – № 76. – С. 40-49.

Керимбаева 1984 – *Керимбаева А.Ш.* Роль советского права в раскрепощении женщин Киргизии (1917-1936 гг.): дисс. канд. юрид. н-к. – Москва, 1984. – 195 с.

Обращение... 1925 – Из обращения I краевого съезда горянок и казаков Северного Кавказа «К рабочим, работницам, крестьянам, крестьянкам, казакам, казачкам, горцам, горянкам и всем трудящимся Северного Кавказа». 18 июля 1925 г. // «Пять лет работы среди женщин на Северном Кавказе (1920-1925 гг.)». Сборник материалов. – Ростов-на-Дону, 1926. – С. 116-118.

Плюснина 2021 – *Плюснина А.С.* Декреты «о раскрепощении женщин» как проект реализации новой половой культуры (1917–1926 гг.) // Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: Сборник материалов XIX и XX Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов, Сыктывкар, 24 апреля 2020 года – 28 2021 года. – Сыктывкар: СГУ им. Питирима Сорокина, 2021. – С. 127-132.

Сабанчиева 2016 – *Сабанчиева Л.Х.* Гендер в социально-политических процессах в Кабардино-Балкарии (20-е гг. XX в. – начало XXI в.) / Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований. – Нальчик: Издательский отдел Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, 2016. – 156 с.

Сафаралиев 2018 – *Сафаралиев Б.С.* Октябрьская революция и раскрепощение женщин советского Таджикистана // Вестник Таджикского национального университета. – 2017. – № 3-2. – С. 22-29.

Сефербеков 2021 – *Сефербеков Р.И.* Традиционное и новое в разделении труда у народов Дагестана: гендерный аспект // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2021. – № 3 (54). – С. 47-53.

Текуева 2021 – *Текуева М. А.* Общественная активность адыгских женщин в традиционном обществе // Женская активность: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции, Махачкала, 21–22 января 2021 года. – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «АЛЕФ». – 2021. – С. 55-61.

Хан 2021 – *Хан О.В.* «Раскрепощение женщины Востока» в 1920-е годы: Идеология, практика и кинематограф // Вестник антропологии. – 2021. – № 4. – С. 215-229.

Хусаинова 2008 – *Хусаинова Ш.М.* Раскрепощение женщины в Таджикской АССР // Ученые труды Российской академии адвокатуры. – 2008. – № 6 (11). – С. 57-61.

Царикаева 2004 – *Царикаева З.* Раскрепощение женщины – горянки // Северная Осетия: история и современность: Сборник научных трудов. Выпуск 5, 6. – Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2004. – С. 146-150.

Черняева 2022 – *Черняева Н.А.* Воображая Советский Восток: нарративы популярной этнографии в серии брошюр «Труженица Востока», 1927-1929 гг. // Этнография. – 2022. – № 3(17). – С. 149-178.

Шерстюков 2020 – *Шерстюков С.А.* «Раскрепощение» мусульманских женщин в Центральной Азии: стратегии сопротивления и способы адаптации (1920-1930-е гг.) // Народы и религии Евразии. – 2020. – № 4 (25). – С. 148-160.

Эльбуздукаева 2011 – *Эльбуздукаева Т.У.* Вовлечение в промышленное производство женщин-горянок в 20–30-е годы XX века (на примере Чечни и Ингушетии) // Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 2(66). – С. 104-107.

REFERENCES

ABROS'KINA E.V. «Svobodnye zhenshchiny Vostoka»: reprezentatsiya sovetskoi politiki v oblasti zhenskogo voprosa v ekspozitsiyakh Gosudarstvennogo muzeya etnografii v 1920-30-e gg.

["Free Women of the East": a representation of Soviet policy in the field of women's issues in the expositions of the State Museum of Ethnography in the 1920s and 30s.]. In: Muzei. Pamyatnik. Nasledie. – 2022. – № 2(12). – P. 106-119. (In Russ.).

ANCHABADZE YU.D. *Sotsial'no-politicheskie transformatsii v adygskom aule 1920-kh gg.: gendernyi aspekt* [Socio-political transformations in the Adyghe village of the 1920s: gender aspect]. In: Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. – 2011. – № 3(60). – P. 61-67. (In Russ.).

AKHMADOVA M.P. *Politiko-pravovaya baza emansipatsii zhenshchiny-goryanki v usloviyakh modernizatsii 20-30-kh gg. XX v. (na primere Chechni i Ingushetii)* [The political and legal basis for the emancipation of a mountain woman in the conditions of modernization in the 20-30s of the twentieth Century. (using the example of Chechnya and Ingushetia)]. In: Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova. – 2015. – № 2. – P. 15-18. (In Russ.).

BULYGINA T.A., KOZHEMYAKO T.N., FEDORENKO A.I. *Popytki izmeneniya statusa zhenshchiny v proektakh i praktike bol'shevikov. Opyt Severnogo Kavkaza* [Attempts to change the status of women in the projects and practices of the Bolsheviks. The experience of the North Caucasus]. In: Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2013. – № 5. – P. 520. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [The State Archive of the Rostov region]. (In Russ.).

DYUZHILOVA T.A., SIDORKIN A.I. *Normy ugovornogo kodeksa RSFSR 1922 g., napravlennye na bor'bu za raskreposhchenie zhenshchiny* [The norms of the Criminal Code of the RSFSR of 1922, aimed at fighting for the emancipation of women]. In: Vestnik Cheboksarskogo kooperativnogo instituta. – 2009. – № 2 (4). – P. 74-76. (In Russ.).

KAIMARAZOV G.SH., KAIMARAZOVA L.G. *Raskreposhchenie goryanki est' vopros sotsialisticheskogo stroitel'stva»: initsiativy sovetskoi vlasti po вовлечению zhenshchin Dagestana v obshchestvenno-politicheskuyu zhizn' v nachale 1930-kh gg.* [The emancipation of the mountain woman is a matter of socialist construction": initiatives of the Soviet government to involve Dagestan women in public and political life in the early 1930s.]. In: Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2020. – № 76. – P. 40-49. (In Russ.).

KERIMBAEVA A.SH. *Rol' sovetskogo prava v raskreposhchenii zhenshchin Kirgizii (1917-1936 gg.)* [The role of Soviet law in the emancipation of women in Kyrgyzstan (1917-1936)]: diss. kand. jurid. n-k. – Moskva, 1984. – 195 p. (In Russ.).

Iz obrashcheniya I kraevogo s"ezda goryanok i kazachek Severnogo Kavkaza «K rabochim, rabotnitsam, krest'yanam, krest'yankam, kazakam, kazachkam, gortsam, goryankam i vsem trudyashchimsya Severnogo Kavkaza». 18 iyulya 1925 g. [From the address of the I Regional Congress of the Goryaks and Cossacks of the North Caucasus "To workers, workers, peasants, peasant women, Cossacks, Cossacks, mountaineers, mountain women and all workers of the North Caucasus." July 18, 1925]. In: «Pyat' let raboty sredi zhenshchin na Severnom Kavkaze (1920-1925 gg.)». Sbornik materialov. Rostov-na-Donu, 1926, P. 116-118. (In Russ.).

PLYUSNINA A.S. *Dekrety «o raskreposhchenii zhenshchin» kak projekt realizatsii novoi polovoi kul'tury (1917–1926 gg.)* [Decrees "on the emancipation of women" as a project for the implementation of a new sexual culture (1917-1926)]. In: Problemy istorii material'noi i dukhovnoi kul'tury narodov Rossii i zarubezhnykh stran: Sbornik materialov XIX i XX Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii studentov i aspirantov, Syktyvkar, 24 aprelya 2020 goda – 28 2021 goda. – Syktyvkar: SGU im. Pitirima Sorokina, 2021. – P. 127-132. (In Russ.).

SABANCHIEVA L.KH. *Gender v sotsial'no-politicheskikh protsessakh v Kabardino-Balkarii (20-e gg. XX v. – nachalo XXI v.)* [Gender in socio-political processes in Kabardino-Balkaria (the 20s of the XX century – the beginning of the XXI century)]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy, 2016. – 156 p. (In Russ.).

SAFARALIEV B.S. *Oktyabr'skaya revolyutsiya i raskreposhchenie zhenshchin sovetskogo Tadzhikistana* [The October Revolution and the emancipation of women in Soviet Tajikistan]. In: Vestnik Tadzhikskogo natsional'nogo universiteta. – 2017. – № 3-2. – P. 22-29. (In Russ.).

SEFERBEKOV R.I. *Traditsionnoe i novoe v razdelenii truda u narodov Dagestana: gendernyi aspekt* [Traditional and new in the division of labor among the peoples of Dagestan: gender aspect]. In: Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki. – 2021. – № 3(54). – P. 47-53. (In Russ.).

TEKUYEVA M.A. *Sotsialnaya aktivnost adygskikh zhenshin v traditsionnom obshchestvenshchiny Vostoka* [Social activity of Adyghe women in traditional society]. In: *Zhenskaya aktivnost': istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Mahachkala, 21–22 yanvarya 2021 goda.* – Mahachkala: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «ALEF». – 2021. – P. 55-61. (In Russ.).

KHAN O.V. «*Raskreposhchenie zhenshchiny Vostoka*» v 1920-e gody: *Ideologiya, praktika i kinematograf* ["The Emancipation of the Woman of the East" in the 1920s: Ideology, Practice and Cinema]. In: *Vestnik antropologii.* – 2021. – № 4. – P. 215-229. (In Russ.).

KHUSAINOVA SH.M. *Raskreposhchenie zhenshchiny v Tadzhikskoi ASSR* [Emancipation of a woman in the Tajik ASSR]. In: *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury.* – 2008. – № 6(11). – P. 57-61. (In Russ.).

TSARIKAEVA Z. *Raskreposhchenie zhenshchiny – goryanki* [Emancipation of a mountain woman]. In: *Severnaya Osetiya: istoriya i sovremennost': Sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 5, 6.* – Vladikavkaz: Severo-Osetinskii gosudarstvennyi universitet im. K.L. Khetagurova, 2004. – P. 146-150. (In Russ.).

CHERNYAEVA N.A. *Voobrazhaya Sovetskii Vostok: narrativy populyarnoi etnografii v serii broshyur «Truzhenitsa Vostoka», 1927-1929 gg.* [Imagining the Soviet East: Narratives of Popular Ethnography in the pamphlet series "The Worker of the East", 1927-1929]. In: *Etnografiya.* – 2022. – № 3(17). – P. 149-178. (In Russ.).

SHERSTYUKOV S.A. «*Raskreposhchenie*» musul'manskikh zhenshin v Tsentral'noi Azii: *strategii soprotivleniya i sposoby adaptatsii (1920-1930-e gg.)* [The "Emancipation" of Muslim women in Central Asia: Strategies of resistance and ways of adaptation (1920-1930s)]. In: *Narody i religii Evrazii.* – 2020. – № 4(25). – P. 148-160. (In Russ.).

EL'BUZDUKAEVA T.U. *Vovlechenie v promyshlennoe proizvodstvo zhenshin-goryanok v 20–30-e gody XX veka (na primere Chechni i Ingushetii)* [The involvement of women in industrial production in the 20-30s of the twentieth century (on the example of Chechnya and Ingushetia)]. In: *Nauchnaya mysl' Kavkaza.* – 2011. – № 2(66). – P. 104-107. (In Russ.).

Информация об авторе

Н.Ю. Кулиш – заведующая отделом информации и публикации Государственного казенного учреждения Ростовской области «Государственный архив Ростовской области», соискатель Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук.

Information about the author

N.Yu. Kulish – head of the Information and Publication Department of the State Archive of the Rostov Region, aspirant of the Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 15.04.2024 y.; approved after reviewing 15.06.2024 y.; accepted for publication 27.06.2024 y.

Научная статья
УДК 930.2+94(470)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-283-313
EDN: KKGHJU

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ

Алим Инзрелович Тетуев

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, alim-tetuev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4387-291X>

Аннотация. В статье рассматриваются изучение повседневной жизни населения Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны в российской и зарубежной историографии. Особое внимание уделяется дискуссионным проблемам, требующего аналитического подхода. Анализируются исследования историков, посвященные проблемам взаимоотношений власти и общества, трудовой и нормированной повседневности населения. Выявлено, что недостаточно осмыслен опыт работы государственных и общественных объединений по организации социальной защиты населения. Изучены проблемы, посвященные государственной политике и общественные инициативы по оказанию адресной поддержки наиболее уязвимым категориям населения и помощи фронту. Исследование публикаций о состоянии медицинского обслуживания и жилищно-бытовых условий населения не дают объективной картины рассматриваемой проблемы, поскольку во многих из них отсутствует сравнительный анализ с общероссийскими и региональными показателями. Обстоятельно анализируются в трудах историков вопросы информационно-идеологической работы по формированию общественного сознания населения. В то же время установлено, что остаются нераскрытыми формы и методы формирования патриотических ценностей гражданского населения в тылу. Исследование трудов, касающихся изучения повседневной жизни балкарского населения в условиях спецпоселения, дали возможность определить концептуальные подходы к исследуемой проблеме и выявить характерные черты ее трансформации на разных этапах. Дается характеристика сборников документов и архивных источников. Сделан вывод, что исследование повседневных условий жизни различных групп населения в определенной степени нашло свое отражение в российской и региональной историографии. Тем не менее повседневность жителей Кабардино-Балкарии не изучена на основе современных принципов исторической науки, познания и исследования.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, население, повседневность, Кабардино-Балкария, историография, источники, изучение

Для цитирования: Тетуев А.И. Повседневная жизнь населения Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны: историография, источники // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 283-313. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-283-313. EDN: KKGHJU.

© Тетуев А.И., 2024

Original article

DAILY LIFE OF THE POPULATION OF KABARDINO-BALKARIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: HISTORIOGRAPHY, SOURCES

Alim I. Tetuev

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alim-tetuev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4387-291X>

Abstract. The article examines the study of the everyday life of the population of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War in Russian and foreign historiography. The article pays particular attention to controversial issues that require an analytical approach. Research by historians devoted to the problems of the relationship between government and society, labor and normalized everyday life of the population is analyzed. The research reveals that there is not sufficient understanding of the experience of state and public associations in organizing social protection of the population. Problems related to state policy and public initiatives to provide targeted support to the most vulnerable categories of the population and assistance to the front have been studied. A study of publications on the state of medical care and living conditions of the population does not provide an objective picture of the problem under consideration, since many of them lack a comparative analysis with all-Russian and regional indicators. The works of historians provide a detailed analysis of the issues related to information and ideological work, particularly in shaping the public consciousness of the population. At the same time, it has been established that the forms and methods of forming patriotic values of the civilian population in the rear remain undisclosed. The study of works related to the study of the daily life of the Balkar population in the conditions of a special settlement made it possible to determine conceptual approaches to the problem under study and to identify the characteristic features of its transformation at different stages. Characteristics of collections of documents and archival sources are given. Authors conclude that Russian and regional historiography reflect, to some extent, the study of the everyday living conditions of various population groups. However, the everyday life of the inhabitants of Kabardino-Balkaria has not been studied based on modern principles and methods of historical science.

Keywords: Great Patriotic War, population, everyday life, Kabardino-Balkaria, historiography, sources, study.

For citation: Tetuev A.I. Daily life of the population of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic war: historiography, sources. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 283-313. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-283-313. EDN: KKGHJU.

© Tetuev A.I., 2024

Введение

Одним из главных источников победы Советского Союза в Великой Отечественной войне (далее ВОВ) явилось единство фронта и тыла. Победа в ВОВ ковалась не только на полях сражений: ее приближали своим самоотверженным трудом в тылу рабочие и колхозники, интеллигенция, все слои населения СССР. Призывные лозунги («Все для фронта!», «Все для Победы!») были не просто красивыми словами, а выражали мобилизационный настрой всего советского народа. За этими лозунгами скрывалась и та «негероическая повседневность», без которой представление о военной действительности будет неполной.

О повседневной жизни гражданского населения в годы ВОВ известно немного. Исследователи почти не касаются бытовой стороны жизни гражданского

населения. Следует отметить, что многие стороны реальной повседневной жизни гражданского населения страны во время войны не соответствовали социалистическим идеалам, поэтому в советский период этим материалам архивных фондов был присвоен гриф «секретно». Этим объясняется то, что в исследованиях по ВОВ в 1960-х – первой половине 1980-х гг. материалы о повседневной жизни населения в годы войны практически не были введены в научный оборот.

В связи с этим изучение опыта работы по организации работы тыла, в том числе различных групп населения, в годы ВОВ имеет большое научное и практическое значение.

Повседневность как специальная область исторических исследований стала востребованной, особенно в отечественной историографии, сравнительно недавно. При этом изучение повседневности, хотя и подчиняется общим закономерностям исторических исследований, имеет свои особенности, обусловленные экстремальным характером состояния общества в условиях крупномасштабной войны.

Цель исследования – анализ изучения повседневной жизни населения в годы ВОВ в российской историографии

Объект изучения – публикации и источники по проблемам повседневности различных групп населения

Предмет исследования – анализ повседневной жизни населения в российской и зарубежной историографии с целью выявления мало изученных вопросов.

Новизна работы – анализ научных работ и других источников позволил автору выявить недостаточно исследованные проблемы повседневной жизни населения Кабардино-Балкарии в годы ВОВ

Методологической основой исследования являются принципы историзма, научности, объективности, всесторонности и системности. Кроме того, были использованы методы исследования: историко-генетический (ретроспективный), историко-типологический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-антропологический.

Основная часть

В конце XX – начале XXI века отечественная историография проблемы повседневной жизни населения в годы ВОВ заметно обогатилась. Различные аспекты повседневности практически без цензурных ограничений нашли отражение в 1, 7, 10, 11, 12 томах Истории Великой Отечественной войны [BOB 2011; BOB 2013; BOB 2014; BOB 2015].

Изучение организации трудовой деятельности и материального обеспечения населения в годы ВОВ

Исследованию взаимоотношений власти и общества, вопросам социального обеспечения населения посвящено большое количество работ. Среди них особую ценность представляет работа Н.Д. Козлова, посвященная исследованию историографии повседневной жизни в советском тылу в годы ВОВ [Козлов 2014]. Анализируя указанную проблему, автор, на наш взгляд, справедливо отмечает, что преобладающей тенденцией является регионализация исследований

повседневной жизни [Козлов 2014: 39]. В то же время ученый подчеркивает, что нет исследований по ряду регионов, отличавшихся социальными и ситуационными факторами.

Региональные особенности, связанные с проблемой взаимоотношения власти и общества, повседневной жизни гражданского населения на пример Татарской АССР обстоятельно рассматриваются в работах А.Ш. Кабировой [Кабирова 2011; Кабирова 2015]. Особое внимание автор уделяет решению социальных вопросов, в том числе организации трудовой деятельности, материального жизнеобеспечения населения, работы учреждений образования и культуры. Не обойдены вниманием ученого недостатки и упущения в работе государственных и партийных органов по организации повседневной жизни граждан.

Проблемы взаимодействия власти и социума исследуются в работах В.С. Кожурина, Н.И. Кондаковой, Е.Е. Красноженовой, Е.М. Малышевой. Ключевой идеей в них является единение общества и власти как главного фактора Победы [Кожурин 1990; Кондакова 2002; Красноженова 2013; Красноженова 2014; Малышева 2000]. Названными авторами также рассмотрены пути решения материально-бытовых проблем населения, питания, обеспечения одеждой и предметами быта.

Опыт работы общественных организаций и государственных органов власти в годы ВОВ рассматриваются в диссертационных исследованиях М.К. Ильясовой, В.И. Морозова, Н.А. Омельченко, Е.В. Черепановой [Ильясова 2006; Омельченко и др. 2013; Морозов 2005; Черепанова 2005].

В исследовании А.Х. Абазова и Ф.С. Гериевой изучены проблемы, обусловленные с преобразованием административно-территориальной структуры региона и изменением этнического состава руководящих кадров Кабардинской республики (март 1944–май 1945 гг.) [Абазов и др. 2019]. Вопросы повседневной трудовой жизни гражданского населения в период ВОВ в различных регионах Советского Союза изучены в монографии А.В. Митрофановой [Митрофанова 1971]. В ней автор аргументировано раскрываются отраслевые и региональные изменения в составе рабочих кадров в 1943–1945 гг., но не показана динамика изменений в национальном составе рабочих, особенно восточных районов, где наблюдалось резкое увеличение удельного веса коренных национальностей.

В монографии Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидиновой, Т.П. Хлыниной исследуется повседневная жизнь советского человека 1920–1940-х гг. В ней анализируется тот духовный стержень людей довоенного поколения, который стал основой стратегии выживания советского человека в условиях социальных трансформаций [Кринко и др. 2011].

Особый интерес в свете рассматриваемой проблемы представляют работы М.Х. Гуговой, в которых с использованием нарративных и других источников рассматривается проблемы трудовой повседневности женщин в тылу в различных отраслях народного хозяйства и оказания помощи фронту [Гугова 2020]. На конкретном материале жизни балкарского населения автором показаны трудности социальной адаптации и стратегия выживания в условиях спецпоселения. Автором справедливо подмечено, что женщинам приходилось труднее,

чем мужчинам: «...в первые годы ссылки дополнительно к своим специфическим функциям в семье и обществе они несли новое для себя бремя – главы семьи и основной производительной силы в обществе» [Гугова 2014: 440].

Трудовая активность рабочего класса Кабардино-Балкарии в годы войны исследованы в монографии А.Т. Карданова [Карданов 1984]. Автор значительное место уделяет анализу роли рабочего класса в развитии народного хозяйства республики. Однако вне поля зрения ученого остались такие значимые вопросы как: состав рабочего класса, подготовка трудовых резервов, оплата труда.

Отдельные аспекты повседневной жизни населения, связанные с социальной политикой советского государства в период ВОВ, нашли отражение в монографии М.С. Зинич. Автор рассматривает в ней функционирование государственной распределительной политики, сконцентрированной на стратегии выживания. Заслуживают внимания материалы, свидетельствующие о степени эффективности адресной помощи наиболее уязвимым категориям населения – детям, инвалидам, семьям фронтовиков [Зинич 2019: 215, 216]. Упущением в работе, на наш взгляд, является то, что в ней в основном показана повседневная жизнь городского населения

Также изучению продовольственного снабжения гражданского населения тыловых территорий страны посвящены исследования С.В. Акименко, Ю.В. Васиной, С.М. Емелина, Е.А. Марковой, А.С. Микоэляна, И.Б. Орлова, Р.Э. Романова, П.В. Савченко, О.А. Черменных, И.А. Эмирханова [Акименко 2020; Васина 2006; Емелин 2009; Маркова 2019; Микаэлян 2017; Орлов 2010; Романов 2016; Савченко и др. 2008; Черменных и др. 2017; Эмирханов 2015]. В них обобщен опыт реализации продовольственного обеспечения разных категорий населения в годы ВОВ.

Особенностью опубликованных в последнее время работ является то, что в них исследователи старались акцентировать внимание на проблемах организации трудовой деятельности и материального обеспечения населения в годы войны. Вместе с тем в них недостаточно обобщен опыт государственных и общественных объединений по организации социального обеспечения населения.

Повседневная жизнь населения в период оккупации в работах историков

Особенности повседневной жизни населения в период нацистской оккупации на основе архивных и других источников анализируется в работах Е.А. Гребень, В.И. Заварзиной, Б.Н. Ковалева [Гребень и др. 2021; Заварзина и др. 2011; Ковалев 2011]. В монография Б.Н. Ковалева показан трудовой героизм в стране и причины сотрудничества с оккупантами отдельных граждан.

В Северокавказском регионе отдельные вопросы жизни населения при оккупационном режиме исследованы в работах С.И. Линец и А.А. Татарова [Линец 2009; Татаров 2016]. В диссертационной работе А.А. Татарова рассмотрены основные направления оккупационной политики в социально-экономической, политической, религиозной сферах в Кабардино-Балкарии Автор, по нашему мнению, справедливо отмечает, что несмотря на изощренные методы оккупантов по привлечению горцев к сотрудничеству, коллаборационизм в республике

не получил широкого развития, реальные масштабы сотрудничества местного населения с оккупантами не превышали 2 % горского населения [Татаров 2016: 36, 37].

Вместе с тем многие проблемы повседневной жизни населения в условиях оккупационного режима в Кабардино-Балкарии исследованы недостаточно как в российской, так и в региональной исторической литературе.

***Исследование государственной политики и общественных инициатив
по оказанию адресной поддержки
наиболее уязвимым категориям населения и помощи фронту***

Отдельные аспекты оказания помощи семьям фронтовиков, инвалидам войны, эвакуированному населению и детям-сиротам на примере отдельных регионов нашли отражение в исследованиях Д.А. Абузяровой, А.Д. Григорьева, А.В. Липатова, И.М. Савицкого, Е.Н. Семенова, В.В. Федотова [Абузярова 2007; Григорьев 2004; Липатов и др. 2017; Савицкий 2019; Семенова 2010; Федотов 2004].

Вопросы оказания материальной и финансовой помощи тыла фронту изучены в работах А.В. Волобуева, А.М. Сеницына, В.В. Черепанова [Волобуев 2009; Сеницын 1985; Черепанов 1994]. Авторами исследованы вопросы историографии проблемы и на документальном материале показано массовое патриотическое движение тружеников тыла, внесших большой вклад в разгром фашистских захватчиков ВОВ.

Проблемы социальной политики советского государства в 1941–1945 годы изучены в диссертационных исследованиях М.В. Гонцовой, Ю.А. Давыдовой, Н.Ю., Климовой, З.Х. Коблевой, Ф.В., Копылова Г.В. [Гонцова 2011; Давыдова 1999; Климова 2005; Коблева 2003; Копылов 2017]. В них обобщается опыт деятельности государственных и партийных органов по оказанию адресной помощи населению и фронту на материалах отдельных регионов.

В первой части коллективной работы «Подвиг тыла» рассказывается о тружениках Кабардино-Балкарии – героях трудового фронта в 1941–1945 гг. [Кабардино-Балкария 2005]. Конкретная адресная помощь, оказанная жителями республики фронту, эвакуированным, семьям военнослужащих рассматривается в работе Е.Т. Хакуашева [Хакуашев 1978]. Упущением в работе ученого является, на наш взгляд, недостаточное внимание к исследованию форм и методов адресной поддержки общественностью социально незащищенных групп населения.

***Изучение повседневности учащихся, студентов и молодежи
в тылу в годы войны***

Современная историография существенно пополнилась трудами, посвященными жизнедеятельности учащихся и молодежи в тылу в годы войны. Проблемам повседневной жизни учащихся, студентов и рабочей молодежи посвящены работы Е.Г. Бечеряковой, В.А. Гижова, Г.А. Гончарова, М.П. Дудкиной, Н.Д. Козлова, Н.В. Малхасян, А.С. Черник О.Г. Яцкевич [Бечерякова 2014; Гижов 2014; Гончаров 2018; Дудкина 2013; Козлов 2014; Малхасян 2011; Черник

1984; Яцкевич 2016]. В работах дается анализ повседневной жизни молодежи в годы ВОВ в отдельных регионах: особенности учебного процесса, быта, помощь фронту. В исследовании Г.А. Гончарова с учетом особенностей региона анализируются трудовые будни, материальное положение молодежи Кировской области.

Вопросы развития образования в КБАССР в годы войны освещены в работе Ш.Ш. Чеченова [Чеченов 1971]. Истории становления и формирования Кабардино-Балкарского государственного педагогического института (далее – КБГПИ) посвящены статьи П.Л. Лебедева, Ю.А. Ортановой [Лебедев 1953; Ортанова 2020].

Вместе с тем следует отметить, что вне рамок исследовательского интереса авторов названных статей осталась проблема повседневности учащихся, студентов и рабочей молодежи: то, как учащиеся, студенты и молодежь Кабардино-Балкарии (местные и эвакуированные) воспринимали окружающую действительность и реагировали, на изменения, происходившие, на фронте и в тылу. Без внимания остались и действия местных органов власти по ликвидации проблем беспризорности, безнадзорности и трудовая деятельность молодежи промышленных предприятий и колхозов и совхозов.

Организация медицинского обслуживания и жилищно-бытовые условия населения в научных исследованиях

В последние годы проблемы медицинского обслуживания населения в годы войны исследованы в работах В.М. Подольского, М.Я. Подлужной [Подольский и др. 1990; Подлужная и др. 2006]. В трудах рассмотрены особенности развития системы здравоохранения и опыт ее перестройки в годы ВОВ. Определенный вклад в изучении развития здравоохранения в период ВОВ на Северном Кавказе и в Кабардино-Балкарии внесли З.Р. Аликова, Е.Х. Апажева, И. В. Карташев, А.А. Маслов, С.З. Салбиева, В.Ш. Шогенова [Аликова и др. 2018; Апажева и др. 2014; Салбиева 2009; Карташев 2020; Маслов и др. 1985, Шогенова 1966]. Вместе с тем в работах названных авторов недостаточно исследованы трудности и недостатки в организации медицинского обслуживания населения региона.

В исследовании Т.П. Хлыниной нашли отражение различные вопросы обострения жилищного вопроса в СССР в годы ВОВ. Особое внимание уделяется возрождению коммунального хозяйства городов и восстановлению жилищного фонда городской и сельской местности [Хлынина 2014].

В монографии О.А. Черемных наряду с организацией продовольственного и материального обеспечения граждан рассмотрены жилищные, коммунально-бытовые проблемы городского населения Западной Сибири в годы ВОВ [Черемных и др. 2017].

Опыт решения жилищной проблемы в годы ВОВ подробно исследуется на материалах города Сталинска историком О.В. Морозовой (Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 ноября 1961 г. Сталинск вновь переименован в Новокузнецк – уточнение А.Т.). Выявлены причины нехватки жилья, показаны условия жизни горожан в жилых помещениях различного типа, рассмотрена де-

тельность государственных органов по решению жилищной проблемы [Морозова 2019]. Отдельные аспекты восстановления и развития жилищно-коммунального хозяйства в городах Северного Кавказа освещены в статье Е.В. Панариной [Панарина 2016].

Проведённый историографический обзор проблемы убеждает нас в том, что в научных работах имеет место некорректный подбор статистических материалов, отсутствие сравнительного анализа с общероссийскими и показателями других регионов по вопросам состояния медицинского обслуживания и жилищно-бытовых условий населения. Несмотря на разработанность ее отдельных аспектов, слабо раскрыты такие вопросы как состояние сети и материальной базы здравоохранения, лечебно-профилактическая помощь населению Кабардино-Балкарии. В то же время вопросы жилищно-бытовых условий населения республики в годы ВОВ до настоящего времени не были предметом специального исследования.

Информационно-идеологическая работа по формированию общественного сознания населения в трудах историков

Отдельным аспектам агитационной работы государственных и партийных органов власти по формированию общественного сознания населения страны и ее регионов в годы ВОВ посвящены работы Н.Д. Козлова, Л.М. Савушкина, А.С. Сенявского [Козлов 2010; Савушкин и др. 2017; Сенявский и др. 2012]. Следует отметить, что авторы исследований избежали свойственных в определенной степени советской историографии догматических установок, что способствовало объективности в рассмотрении данной проблемы.

В диссертационных исследованиях А.В. Гайдашева, К.А. Землянского, А.В. Малышева, М.В. Смирновой анализируется деятельность средств массовой информации и устной пропаганды по формированию общественного сознания отдельных регионов в условиях военного времени [Гайдашев 2013; Землянский 2018; Малышев 2001; Смирнова 2010].

Однако анализ этих трудов показал, что некоторые направления агитационно-политической работы по формированию общественного сознания в годы войны недостаточно исследованы.

Организация досуга и ее роль в повседневной жизни населения в годы ВОВ анализируется в трудах О.Г. Жуковой, Н.С. Кирповской, А.И. Назарова, Н.П. Палецких, Е.Л. Храмковой [Жукова 2016; Кирповская 2017; Назаров 2009; Палецких 2015; Храмкова 2001].

В научных исследованиях Ф.У. Айбазовой, Л.И. Батюк, Г.В. Мазитовой, Е.В. Машниной обобщен опыт работы культурно-просветительских учреждений в годы ВОВ [Айбазова 2004; Батюк 2005; Мазитова 1990; Машнина 2011].

Вопросы развития культуры в Кабардино-Балкарии в годы войны нашли отражение в исследовании Х.И. Хутуева. Вместе с тем автор не рассматривает роль культуры в повседневной практике населения [Хутуев 1984]. Некоторые проблемы развития литературы в стране и отдельных ее регионах анализируются в работах О.В. Вороничевой, О.К. Ефименко, Е.М. Малышевой, В.С. Меметова, О.Д. Минаевой, Е.А. Соломко [Вороничева 2011; Ефименко 2012; Малы-

шева 2019; Меметов 1985; Минаева 2011; Соломко 2009]. В исследованиях названных авторов акцентируется внимание на деятельности творческой интеллигенции в годы ВОВ по чувства патриотизма среди воинов Красной Армии и тружеников тыла.

В обобщающих работах и диссертации З.А. Нахушевой изучены отдельные проблемы развития литературы в Кабардино-Балкарии в условиях военного времени [Нахушева 2005]. В то же время следует отметить, что при обилии научных работ, посвященных литературе периода ВОВ, формы и методы патриотического воспитания художественным словом остаются малоизученными.

Анализ современной историографии информационно-идеологической работы государственных и общественных организаций показал, что остаются нераскрытыми ряд направлений в изучении форм и методов формирования патриотических ценностей гражданского населения Кабардино-Балкарии на разных этапах войны. Не проводилась реконструкция тыловой повседневности населения в сфере культуры, деятельности творческой интеллигенции, направленной на формирование патриотических чувств населения тыла и воинов Красной Армии.

Изучение повседневной жизни балкарского населения в условиях спецпоселения

Как известно, балкарский народ был несправедливо депортирован в марте 1944 г. в Среднюю Азию и Казахстан. Целых 13 лет (1944–1957 гг.) народ был вынужден жить в условиях спецпоселения. Экстремальные условия, в которых оказался балкарский народ, наложили отпечаток на его повседневную жизнь. Некоторые аспекты повседневной жизни балкарского населения в годы депортации исследованы в работах С.И. Аккиевой, Н.Ф. Бугая, Х.-М.А. Сабанчиева, Х.И. Хутуева и др. [Аккиева и др. 2014; Бугай и др. 2015; Сабанчиев 2008; Хутуев 2022]. В них в основном объективно анализируются отдельные проблемы, связанные с повседневностью балкарцев, осмыслен материал, сохранившийся в архивных документах и свидетельствах. Однако авторами указанных работ недостаточно использованы региональные нарративные источники, в том числе воспоминаний выселенцев.

Особую ценность для данной работы представляет монография Х.-М.А. Сабанчиева, в которой раскрывается правовое положение, хозяйственно-бытовое обустройство и трудовая деятельность балкарцев-спецпереселенцев [Сабанчиев 2008].

Исследованию национальной политики Советского государства на Северном Кавказе в годы ВОВ посвящены работы Т.М. Баликоева Г.В. Марченко, И.В. Пыхалова, Ф.Л. Сеницына, которые, по нашему мнению, тенденциозно освещают причины депортации народов в годы ВОВ [Баликоев 2003; Марченко 2002; Пыхалов 2008; Сеницын 2009]. Например, историк Ф.Л. Сеницын заявляет, что целями депортации народов явились: «...Наказание за «пособничество» врагу во время оккупации...» [Сеницын 2009: 276]. Однако автор не подкрепляет эти положения соответствующим фактическим материалом, не дает каких-либо ссылок, подтверждающих эти домыслы.

Подобная предвзятость характерна и для Т.М. Баликоева, который анализируя историографию по указанной проблеме, в полемике с мнением ряда исследователей по вопросам депортации и реабилитации репрессированных народов, утверждает правомерность этой бесчеловечной акции, не подкрепляя свои суждения соответствующей аргументацией [Баликоев 2003: 57, 62, 63, 69, 71]. По нашему мнению, категорически невозможно согласиться с утверждением исследователя Т.М. Баликоева, который пристрастно анализируя архивные документы, игнорируя свидетельства жертв и очевидцев депортации, приходит к субъективному выводу: «выселенные народы не были обречены на голодную смерть,... так как в поезде им давали питание, в местах спецпоселений выделяли скот, все были трудоустроены, обреченные на «геноцид» награждались орденами и медалями...» [Баликоев 2003: 302–307].

Между тем новые тенденции отечественной историографии и специальные работы, посвященные депортации отдельных народов, дали возможность определить концептуальные подходы к исследуемой проблеме, позволили по-иному взглянуть на механизмы выселения и некоторые факты материально-бытового положения, морально-психологического состояния балкарцев в местах спецпоселений и выявить эволюцию повседневной жизни на разных этапах. Достоин удивления, с каким завидным упорством некоторые ученые, исследуя причины принятия государством репрессивных мер по отношению к отдельным народам, чуть ли не буквально повторяют формулировки из соответствующих постановлений о депортации, не принимая во внимание то, что в «Законе о реабилитации...» все эти положения пересмотрены [Реабилитация народов... 1994: 156–158]. Причины здесь заключаются не в исчерпанности проблемы, а неразработанности новых подходов к исследованию. В то же время необходимо объективное и комплексное рассмотрение весьма сложных, не простых по-прежнему актуальных вопросов выселения и повседневной жизни балкарского народа в спецпоселении.

Проблемы повседневной жизни населения СССР в период ВОВ в работах зарубежных историков

Вопросы повседневной жизни населения в годы ВОВ рассматриваются во многих работах зарубежных исследователей. Наиболее значимые из них - труды Н. Верта, Дж. Боффе, в которых отмечается тенденция СССР к достижению национального единства, к смягчению режима и достижения социального консенсуса в обществе [Боффа 1964; Верт 1992]. Н. Верт справедливо отмечает: «...Чувство патриотизма, обостренное фашистскими зверствами и поддерживаемое воспоминаниями о действительно происходящем при советской власти улучшением материальных и культурных условий жизни, стало важнейшим фактором духовного единства советского народа, того общественного согласия, которое сыграло важную роль в борьбе в выживании СССР» [Верт 1992: 280].

Значительный вклад в изучение проблемы «история советской повседневности» внес немецкий историк Альфа Людтке. В его работе раскрывается представление населения, в том числе рабочими, солдатами о власти нацистской Германии в 1939г. и после поражения по Сталинградом. Автор отмечает:

«...Документы и фотографии доказывают согласие (солдат) с творившимися жестокостями и активное участие вермахта в преступлениях» [Людтке 2010: 18].

Отдельным вопросам повседневности населения Союза ССР посвящено исследование немецкого историка, профессора Ратгерского университета в США Йохена Хелльбека [Хелльбек 2010].

Некоторые проблемы оккупационного режима рассматриваются в работе немецкого историка Вернер Пихта. Он оправдывает действия немецких солдат и возлагает вину за поражение Германии на Верховное командование вермахта [Вернер 1957: 65]. Другие, Норберт Мюллер, Р.Д. Мюллер, Норберт Фрай осуждают формы и методы действий оккупационного режима [Мюллер 1974: 609–611; Фрай 2009: 156–158].

Однако следует отметить, что зарубежные историки были в определенной зависимости от политической конъюнктуры, между тем они располагали большой творческой свободой. Наряду с этим, работы написаны без использования архивных документов.

Документальные и архивные источники

Изучение источников по проблеме повседневная жизнь населения Кабардино-Балкарии в годы ВОВ дает возможность отметить, что корпус литературы достаточно обширен и разнообразен. Основу источниковой базы исследования составили шесть групп документов, как опубликованных, так и неопубликованных, находящихся в архивах.

Первую группу составляют нормативно-правовые акты, определяющие политику государства по организации повседневной жизни населения в годы ВОВ 1941–1945 гг.: Указы Президиума Верховного Совета Союза ССР, постановления СНК СССР, Государственного Комитета Обороны, ЦК ВКП (б) и общественных организаций [Сборник законов СССР... 1945; ГКО СССР 2015; Сборник документов и материалов... 1944; Решения партии и правительства... 1968; Сборник важнейших приказов... 1945; Директивы ВКП (б)... 1947; Народное образование... 1974; Профсоюзы... 1963; Организация... 1968].

Вторую – нормативно-правовые акты, опубликованные в сборниках по исследуемой теме, определяющие организацию повседневной жизни населения Кабардино-Балкарии в годы ВОВ, постановления Нальчикского комитета обороны, Президиума Верховного Совета, СНК КБАССР, Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) и других государственных учреждений и общественных организаций. В сборник документов «Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» включены документы, которые извлечены из центральных, местных архивов и периодической печати [КБВОВ... 1975]. В них раскрывается повседневная деятельность населения по перестройке народного хозяйства на военный лад и оказания помощи фронту и тылу.

В сборнике «Лики войны» опубликованы документы государственных органов власти, партийных общественных организаций по организации повседневной жизни населения в условиях войны: трудовая, военно-оборонная деятельность, помощь гражданского населения фронту, семьям военнослужащих, инвалидам ВОВ детям сиротам [Лики войны: 1996].

В сборнике «Страницы истории комсомола Кабардино-Балкарии...»: опубликованы документы областной комсомольской организации, которые раскрывают: помощь молодежи фронту и тылу в решении задач военного времени [Страницы истории... 1980].

Третью – документы центральных и региональных архивов. Прежде всего, использованы документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГАРФ): законодательные акты Президиума Верховного Совета СССР, постановления Совета народных комиссаров, касающиеся социальным вопросам (Ф. 9401,7523, 8009, 9415, 9479).

В Российском государственном архиве социально-политической истории (далее – РГАСПИ) изучена переписка местных партийных организаций и государственных органов с отделами ЦК ВКП (б) по вопросам: социально-экономического и культурного развития народов Кабардино-Балкарии, общественно-политической ситуации и агитационно-пропагандистской работы (Ф. 17. Оп. 8, 43, 44, 125, 127, 145).

Изучены документы Центрального архива Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). Исследованы документы Северо-Кавказского фронта (Ф. 224, Ф. 276, Ф. 33, 37А, 43, 3624), полевых управлений фронтов и военных округов: Закавказского фронта (Ф. 209), Закавказского военного округа (Ф. 126), Северо-Кавказского военного округа (Ф. 144), Северо-Кавказского фронта 1-го и 2-го формирований (Ф. 224, Ф. 276), Северной группы войск Закавказского фронта (Ф. 273). В этих фондах выявлены наградные документы и материалы помощи фронту населения республики

В Управлении Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР) использованы документы и материалы Президиума Верховного совета, Совета народных Комиссаров, наркомат финансов, наркомат социального обеспечения, наркомат здравоохранения, наркомат просвещения, наркомат коммунального хозяйства, управления: культурно-просветительских учреждений, статистики и организаций КБАССР. Исследованы материалы по социальным вопросам и организации повседневной жизни населения в годы ВОВ в следующих фондах (Ф. Р-15, Ф. Р-16, Ф. Р-257, Ф. Р-282, Ф. Р-290, Ф. Р-291, Ф. Р-292, Ф. Р-334, Ф. Р-499, Ф. Р-526, Ф. Р-556, Ф. Р-Ф. 558, Ф. Р-596, Ф. Р-653, Ф. Р-668, Ф. Р-696, Ф. Р-717, Ф. Р-714, Ф. Р-744, Ф. Р-761, Ф. Р-779, Ф. Р-789, Ф. Р-1025). Изучена также коллекция документов участников ВОВ, фондов личного происхождения, картотеки граждан, расстрелянных немецко-фашистскими оккупантами войны, и другие.

В Управлении Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦДНИ АС КБР) выявлены и изучены документы Нальчикского комитета обороны, Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б), Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ, профсоюзных организаций по обеспечению перестройки экономики и социальной сферы в соответствии с требованиями военного времени: помощь фронту, бесперебойную работу учреждений народного хозяйства и социальной сферы, восстановление народного хозяйства и др. (Ф. 1, Ф. 2, Ф. 4, Ф. 5, Ф. 19, Ф. 26, Ф. 56, Ф. 414, Ф. 440, Ф.

449, Ф. 459, Ф. 471, Ф. 474, Ф. 478, Ф. 488, Ф. 489, Ф. Р-141, Ф. Р-143, Ф. Р-175, Ф. Р-190, Ф. Р-348, Ф. Р-690).

В Архиве Министерства Внутренних дел по Кабардино-Балкарской Республике (АМВД КБР) выявлены и изучены документы о численности дезертиров, состоящих на учете в НКД КБАССР в 1941–1944 гг. (Ф.2. Оп.1.).

В АВКН выявлены списки граждан, мобилизованных в Красную Армию Нальчикским районным военным комиссариатом КБАССР в 1941–1942 гг.

Четвертую – нарративные источники. По исследуемой теме значительный интерес представляют воспоминания фронтовиков и тружеников тыла [Балкария... 2015; Письма... 1989].

Пятую – составляют материалы периодической печати. Газета «Правда» – орган ЦК и МК ВКП (б). Главная газета страны публиковала материалы и документы о важнейших мероприятиях партии и правительства по организации отпора врагу, обзор местных газет, письма трудящихся, статьи, посвященные помощи фронту, работы тыла, вела пропаганду военно-массовых мероприятий.

В газетах «Социалистическая Кабардино-Балкария» (на трех языках) (печатный орган Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) и Верховного Совета КБАССР)* публиковались официальные документы, письма на фронт, хроника событий, статьи тружеников тыла, очерки.

Шестую – опубликованные статистические материалы о развитии народного хозяйства РСФСР и Северного Кавказа в годы ВОВ [ВОВ. Стат. Сб. 2015; Народное хозяйство СССР 1990; РСФСР за 50 лет 1967; Народное хозяйство РСФСР... 1977; Народное образование... 1974; Народное хозяйство КБАССР 1957]. Сравнительный анализ указанных данных позволил выявить уровень развития экономики и социальной сферы, в том числе образования, культуры, здравоохранения Кабардино-Балкарии и определить его динамику.

Заключение

Таким образом, анализ имеющейся по теме исследования литературы позволяет утверждать, что проведена значительная работа по изучению повседневной жизни гражданского населения в годы ВОВ, выявлен и систематизирован большой фактический материал. Рассматриваемая проблема в определенной степени нашла свое отражение в российской и региональной историографии, в том числе в научных работах ученых Кабардино-Балкарии. Однако опубликованные работы являются лишь началом в изучении сложнейшего периода в истории КБАССР. Наряду с этим до настоящего времени проблемы повседневной жизни населения в Кабардино-Балкарии в годы ВОВ нашли свое отражение в научной литературе лишь фрагментарно, эпизодически. В то же время сохраняется еще целый ряд проблем, которые недостаточно изучены: многие аспекты социально-бытового положения граждан; характер взаимоотношений власти и общества. Неравномерны степень охвата и глубина освещения повседневной жизни различных социальных групп населения.

* С 28 апреля 1944г «Кабардинская правда» печатный орган Кабардинского обкома ВКП (б) и Верховного Совета КАССР/

Изучение архивных и других источников позволило выявить множество документов, не введенных в научный оборот, что также требует необходимость изучения опыта работы государственных и общественных объединений по организации повседневной жизни населения Кабардино-Балкарии в годы ВОВ на основе современной гуманитарной методологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Абазов и др. 2019 – *Абазов А.Х., Гериева Ф.С.* Основные направления деятельности органов власти в Кабардинской АССР в марте 1944 – мае 1945 годов // Научный диалог. – 2019. – № 9. – С. 231-245.

Абузярова 2007 – *Абузярова Д.А.* Социальная защита инвалидов войны в 1941-1945 гг. // Вестник Мордовского университета. – 2007. – Т. 17. – № 2 – С. 146-150.

Айбазова 2004 – *Айбазова Ф.У.* Развитие духовной культуры народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). – СПб.: Изд-во юрид. ин-та, 2004. – 144 с.

Акименко 2020 – *Акименко С.В.* Индивидуальное и коллективное огородничество в годы Великой Отечественной войны (на материалах Кемеровской области) // «Дневник науки» – 2020. – № 5 (42). – С. 2–15.

Акиева и др. 2014 – *Акиева С.И., Сабанчиев Х.-М.А.* Балкарский народ в годы войны и депортации (1941-1957 гг.): (к 70-летию насильственного выселения балкарского народа). – Нальчик: Эльбрус, 2014. – 320 с.

Аликова и др. 2018 – *Аликова З.Р., Анаева Л.А., Фидарова К.К., Козырева Ф.У.* Приоритетные направления охраны здоровья детей в условиях региона в годы Великой Отечественной войны // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2018. – 26 (2). – С. 124-128.

Апажева и др. 2014 – *Апажева Е.Х., Тлизамова М.З.* Женщины Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (Из истории медицинских работников) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 12-1. – С. 245-248.

Баликоев 2003 – *Баликоев Т.М.* Национальная политика Советского государства на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: дис. докт. ист. наук. – Владикавказ, 2003. – 380 с.

Балкария... 2015 – Балкария. Депортация. Свидетельствуют очевидцы. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2015. – 272 с.

Батюк 2005 – *Батюк Л.И.* Культура России в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. канд. ист. наук: / Рос. эконом. акад. им. Г.В. Плеханова. – Москва, 2005. – 22 с.

Бечерякова 2014 – *Бечерякова Е.Г.* Повседневная жизнь советских школьников в годы Великой Отечественной войны (на примере г. Якутска) // Молодой ученый. – 2014. – № 20. – Т. 2. – С. 7-9.

Боффа 1964 – *Боффа Дж.* История Советского Союза. Т.2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг.: Пер. с итал. 2-е изд. – М.: Международные отношения, 1990. – 632 с.

Бугай и др. 2015 – *Бугай Н.Ф., Мамаев М.И.* Кабардино-Балкарская АССР: «Спасение в единении и надежде...»: 1920-1960-е гг. – Москва: Гриф и К, 2015. – 416 с.

Васина 2006 – *Васина Ю.В.* Материальное обеспечение научных работников Урала в годы Великой Отечественной войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета: социально-гуманитарные науки. – 2006. – № 17. – С. 21-24.

Вернер 1957 – *Вернер П.* Немецкий солдат // Итоги второй мировой войны: сб. статей. – М: Иностранная литература, 1957. – С. 37-67.

Верт 1992 – *Верт Н.* История Советского государства, 1900-1991 / пер. с французского: Н.-Москва: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – 480 с.

ВОВ 2011 – Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 1. Основные события войны. – М.: Кучково поле, 2011. – 848 с.;

ВОВ 2013 – Великая Отечественная война 1941–1945 годов: Т. 7. Экономика и оружие войны. – М.: Кучково поле, 2013. – 864 с.

ВОВ 2014 – Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. – М.: Кучково поле, 2014. – 864 с.

ВОВ 2015 – Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 11. Политика и стратегия Победы: стратегическое руководство страной и Вооруженными силами СССР в годы войны. – М.: Кучково поле, 2015. – 864 с.

ВОВ. Стат. Сб. 2015 – Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник... Стат Сб. – Москва: ИИЦ «Статистика России», 2015. – 90 с.

Волобуев 2009 – *Волобуев А.В.* Материальная и финансовая помощь тыла фронту в годы Великой Отечественной войны: на материалах областей Центрального Черноземья: автореферат дис. канд. ист. наук. – Курск: Кур. гос. техн. ун-т., 2009. – 24 с.

Вороничева 2011 – *Вороничева О.В.* Русские писатели о Великой Отечественной войне // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 4. – С. 235-238.

Гайдашев 2013 – *Гайдашев А.В.* Агитационно-пропагандистская деятельность органов власти и управления на территории Сталинградской области в годы Великой Отечественной войны: автореф. дисс. канд. ист. наук. – Астрахань, 2013. – 22 с.

Гижов 2014 – *Гижов В.А.* Учебный процесс в саратовских вузах в 1943-1945 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 9-1 (47). – С. 46-48.

ГКО СССР 2015 – Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность, 1941-1945 гг.: в 2 ч. / Федеральное архивное агентство, Российский гос. арх. социально-политической истории, Российское историческое о-во; отв. ред. А.К. Сорокин. – Москва: РОССПЭН, 2015. – Т. 1. 1941-1943. – 1220 с.; Т. 2. 1944-1945. – 1340 с.

Гонцова 2011 – *Гонцова М.В.* Повседневная жизнь населения индустриального центра в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Нижний Тагил): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2011. – 30 с.

Гончаров 2018 – *Гончаров Г.А.* Трудовой вклад молодежи Кировской области в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Власть. – 2018. – Т. 26. – № 5. – С. 139–145.

Гребень и др. 2021 – *Гребень Е.А., Красноженова Е.Е.* Особенности оккупационной повседневности белорусско-российского пограничья (1941-1944 гг.) // Вопросы истории. – 2021. – № 2. – С. 205-213.

Григорьев 2004 – *Григорьев А.Д.* Социальное положение и быт населения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. На материалах Чувашской АССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2004. – 23 с.

Гугова 2014 – *Гугова М.Х.* Повседневная жизнь балкарцев в депортации: женский взгляд // Война и повседневная жизнь населения России XVII-XX вв. (к столетию начала первой мировой войны): материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14–16 марта 2014 года. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 438-443.

Гугова 2020 – *Гугова М.Х.* Труд женщин Кабардино-Балкарии в создании тыла и оказании помощи фронту в годы Великой отечественной войны // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2020. – № 4-2 (47). – С. 66–71.

Давыдова 1999 – *Давыдова Ю.А.* Здравоохранение в городах Сибири в годы Великой Отечественной Войны, 1941–1945 гг.: дис... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1999. – 213 с.

Директивы ВКП (б)... 1947 – Директивы ВКП (б) и постановления Советского правительства о народном образовании: Сборник документов за 1917-1947 гг. / Сост. канд. пед. наук Н.И. Болдырев. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947. – Вып. 1. – 320 с.

Дудкина 2013 – *Дудкина М.П.* Изменения в школьном образовании в 1941–1945 годах (на материале Западной Сибири) // Идеи и идеалы. – 2013. – Т. 2. – № 1(15). – С. 115–122.

Емелин 2009 – *Емелин С.М.* Организационно-правовые направления противодействия экономической преступности в годы Великой Отечественной войны // Вестник академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 11. – С. 85–91.

Ефименко 2012 – *Ефименко О.К.* Художественная интеллигенция Верхней Волги накануне и в годы Великой Отечественной войны: 1939 – май 1945 г.: дис. ... канд. ист. наук. – Иваново, 2012. – 191 с.

Жукова 2016 – *Жукова О.Г.* Культурная жизнь СССР как феномен повседневности Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Москва: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2016. – 227 с.

Заварзина и др. 2011 – *Заварзина В.И., Лукьянова Л.А.* Повседневная жизнь советских людей в условиях немецкого оккупационного режима // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. – Серия: Stadia Historica Jenium. – 2011. – № 1 (7). – С. 53–59.

Землянский 2018 – *Землянский К.А.* Политическая пропаганда и общественное сознание в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Ростовской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ростов-на-Дону, 2018. – 31 с.

Зинич 2019 – *Зинич М.С.* Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. Институт российской истории Российской академии наук. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – 347 с.

Ильясова 2006 – *Ильясова М.К.* Государственная система власти СССР в период Великой Отечественной войны: автореф. дис. канд. ист. наук. – Махачкала, 2006. – 30 с.

Кабардино-Балкария 2005 – Кабардино-Балкария: Тыл и фронт 1941–1945 (к 60-летию Великой Победы) / сост.: Х.М. Думанов, В.Х. Кажаров, А.И. Тетуев, О.Л. Опрышко. – Нальчик: Эльфа, 2005. – 340 с.

Кабирова 2011 – *Кабирова А.Ш.* Война и общество: Татарстан в 1941–1945 гг. – Казань: «Фэн» АН РТ, 2011. – 468 с.

Кабирова 2015 – *Кабирова А.Ш.* Татарстан в годы военных испытаний (1941–1945 гг.) – Казань: АЗ, 2015. – 507 с.

Карданов 1984 – *Карданов А.Т.* Рабочий класс Кабардино-Балкарии (1938–1980). – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 352 с.

Карташев 2020 – *Карташев И.В.* Состояние здравоохранения на Северном Кавказе в условиях немецко-фашистской оккупации 1942–1943 гг.: на материалах Кубани и Ставрополья: дис. канд. ист. наук. – Ставрополь, 2020. – 265 с.

КБВОВ... 1975 – Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Сборник документов и материалов). – Нальчик: Эльбрус, 1975. – 795 с.

Кирповская 2017 – *Кирповская Н.С.* Досуговые практики мирного населения во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): историографический обзор // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2017. – № 1. – С. 156–161.

Климова 2005 – *Климова Н.Ю.* Трудовой и ратный подвиг молодежи Ставрополья в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – 27 с.

Коблева 2003 – *Коблева З.Х.* Высшие учебные заведения Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Майкоп, 2003. – 25 с.

Ковалев 2011 – *Ковалев Б.Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. – Москва: Молодая гвардия, 2011. – 618 с.

Кожурин 1990 – *Кожурин В.С.* Неизвестная война: деятельность Советского государства по обеспечению условий жизни и труда рабочих в годы Великой Отечественной войны. – М.: АОН, 1990. – 288 с.

Козлов 2010 – *Козлов Н.Д.* Общественное сознание и настроение народа в начале Великой Отечественной войны // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2010. – Т. 4, № 3. – С. 57–68.

Козлов 2014 – *Козлов Н.Д.* Повседневная жизнь в советском тылу в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии начала XXI в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 4. – № 2. – С. 30–45.

Кондакова 2002 – *Кондакова Н.И.* Война, государство, общество. 1941–1945. М.: Изд-во МГФ «Ветеран Москвы», 2002. – 480 с.

Копылов 2017 – *Копылов Ф.В.* Социокультурные и бытовые условия жизни населения прифронтовых/тыловых городов Вологодской области в период Великой Отечественной войны: автореф. дис. канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2017. – 22 с.

Красноженова 2013 – *Красноженова Е.Е.* Социальная политика Советского государства в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья). – Астрахань: изд. дом «Астраханский университет», 2013. – 231 с.

Красноженова 2014 – *Красноженова Е.Е.* Государственная политика по снабжению населения товарами народного потребления в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья). – Астрахань: Альфа Принт, 2014. – 200 с.

Кринко и др. 2011 – *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 360 с.

Лебедев 1953 – *Лебедев П.Л.* Кабардинский государственный педагогический институт // Ученые записки Кабардинского государственного педагогического института. – Вып. 5. – Нальчик, 1953. – С. 3–16

Лики войны: 1996 – *Лики войны: Сб. документов и материалов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).* – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 504 с.

Линец 2009 – *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Издание 2-е, переработанное. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2009. – 491 с.

Липатов и др. 2017 – *Липатов А.В., Меркурьева В.С., Такташева Ф.А.* Государственная и общественная поддержка семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны: на материалах Сталинградской области // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 2 (115). – С. 192 – 198.

Людтке 2010 – *Людтке А.* История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти / Под общ. ред. Журавлева С.В.; Пер. с англ. и нем. – М.: РОС-СПЭН; Герман. ист. ин-т в Москве, 2010. – 271 с.

Мазитова 1990 – *Мазитова Г.В.* Учреждения и деятели искусств ТАССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. канд. ист. наук. – Казань, 1990. – 26 с.

Малхасян 2011 – *Малхасян Н.В.* Государственное руководство системой народного образования в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: на материалах Ярославской и Костромской областей: автореф. дис. канд. ист. наук. – Ярославль, 2011. – 22 с.

Малышев 2001 – *Малышев А.В.* Средства массовой информации Юга России в годы Великой Отечественной войны (по материалам Дона, Кубани и Ставрополья): дис. канд. ист. наук. – Ростов н/Д, 2001. – 22 с.

Малышева 2000 – *Малышева Е.М.* Испытание, социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – Майкоп: Адыгея, 2000. – 432 с.

Малышева 2019 – *Малышева Е.М.* Советская публицистика и СМИ в годы Великой Отечественной войны: опыт актуализации // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сборник научных статей по итогам международного научного форума, с. Кабардинка, г. Геленджик, 12–14 октября 2018 года. – М.: Институт наследия, 2019. – С. 412–423.

Маркова 2019 – *Маркова Е.А.* Введение карточной системы в Москве на начальном этапе Великой Отечественной войны // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2019. – № 4. – С. 204-212.

Марченко 2002 – *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (20–40-е гг. XX в.). – Ростов-н/Д, 2002. – 428 с.

Маслов и др. 1985 – *Маслов А.А., Беров М.Л.* Медицина Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны. – Нальчик: Эльбрус, 1985. – 141 с.

Машнина 2011 – *Машнина Е.В.* Потребности человека в контексте культуры повседневности военного времени: на материале дневников 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. культурологии: – Санкт-Петербург, 2011. – 22 с.

Меметов 1985 – *Меметов В.С.* Партийное руководство деятельностью художественной интеллигенции в годы Великой Отечественной войны. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 172 с.

Микаэлян 2017 – *Микаэлян А.С.* Продовольственный вопрос на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны: 1941-1945: автореф. дис. канд. ист. наук: – Пятигорск, 2017. – 31 с.

Минаева 2011 – *Минаева О.Д.* «Перо отсвечивает военной сталью». «Литературная газета о писателях на войне (1941–1945 гг.)» // Вестник Московского университета. – Серия 10: Журналистика. – 2011. – № 3. – С. 126–142.

Митрофанова 1971 – *Митрофанова А.В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. – М: Наука, 1971. – 575 с.

Морозов 2005 – *Морозов В.И.* Особенности государственного управления СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) // Управленческое консультирование. – 2005. – № 1(17). – С. 32-46.

Морозова 2019 – *Морозова О.В.* Жилищная проблема в Сталинске в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2019. – № 1 (29). – С. 100–112.

Мюллер 1974 – *Мюллер Норберт.* Вермахт и оккупация. (1941-1944): О роли Вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупац. режима на сов. территории / Пер. с нем. А. П. Артемова [и др.]; Под ред. д-ра ист. наук, проф. А.Ф. Юденкова. – Москва: Воениздат, 1974. – 386 с.

Назаров 2009 – *Назаров А.И.* Досуг сельской молодёжи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 3 (4). – С. 126-128.

Народное хозяйство СССР 1990 – Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Статистический сборник. – Москва: Информационно-издательский центр, 1990. – 195 с.

РСФСР за 50 лет 1967 – РСФСР за 50 лет: Стат. сборник / Центр. стат. упр. при Совете Министров РСФСР. – Москва: Статистика, 1967. – 255 с.

Народное хозяйство РСФСР... 1977 – Народное хозяйство РСФСР за 60 лет: Стат. ежегодник / ЦСУ при Совете Министров РСФСР. – Москва: Статистика, 1977. – 66 с.

Народное образование... 1974 – Народное образование в СССР: Общеобразовательная школа: Сборник документов 1917-1973 гг. – Москва: Педагогика, 1974. – 559 с.

Народное хозяйство КБАССР 1957 – Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР. Статистический сборник. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство. – 1957. – 113 с.

Нахушева 2005 – *Нахушева З.А.* Художественное единство патриотического и лирического в военной поэзии Кабардино-Балкарии: 1941–1945 гг.: автореф. дис... канд. филол. наук. – Нальчик, 2005. – 21 с.

Омельченко и др. 2013 – *Омельченко Н.А., Казбан Е.П., Гимазова Ю.В.* Государственное управление в СССР в годы Великой Отечественной войны: новое и старое в системе властно-управленческих отношений // Вестник университета. – 2013. – № 20. – С. 275-280.

Организация... 1968 – Организация удесятяряет силы. Документы и материалы съездов, конференций, ЦК ВЛКСМ по организационной работе (1918-1966 гг.). – М: Молодая гвардия, 1968. – 375 с.

Орлов 2010 – *Орлов И.Б.* Карточное снабжение в 1941-1943 гг.: расчеты и просчеты // Современные проблемы сервиса туризма. – 2010. – № 3. – С. 36-42.

Ортанова 2020 – *Ортанова Ю.А.* Кабардино-Балкарский государственный педагогический институт: история и историки в годы Великой Отечественной войны // Манускрипт. – 2020. – Т. 13. – № 11. – С. 46–52. .

Палецких 2015 – *Палецких Н.П.* Досуговая сфера тыловой повседневности на Урале в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 1 (46). – С. 59-63.

Панарина 2009 – *Панарина Е.В.* Реализация социальной политики советского государства в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): на материалах Дона и Северного Кавказа: автореф. дисс. ... д-ра. ист. наук. – Ставрополь, 2009. – 44 с.

Письма... 1989 – Письма огненных лет (сост. Е.Т. Хакуашев). – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 256 с.

Подлужная и др. 2006 – *Подлужная М.Я., Азанова И.Я.* Особенности развития здравоохранения в период 1941–1945 гг. // Пермский медицинский журнал. – 2006. – Т. 23. – № 1. – С. 133-139.

Подольский и др. 1990 – *Подольский В.М., Конасов В.Б.* Труд и подвиг прифронтовых медиков. – Москва: Прометей, 1990. – 68 с.

Профсоюзы... 1963 – Профсоюзы СССР: документы и материалы: 1905-1963 гг.: в 4 т. – Москва: Профиздат, 1963. – Т. 3: Профсоюзы в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму (1937-1952 гг.). – Т. 3. – 749 с.

Пыхалов 2008 – *Пыхалов И.В.* За что Сталин выселял народы. Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие? Серия Сталинский ренессанс. – М: Яуза-пресс, 2008. – 480 с.

Реабилитация народов... 1994 – Реабилитация народов и граждан, 1954-1994 гг.: Документы / Рос. АН, Центр по изуч. межнац. отношений Ин-та этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Сост., отв. ред. [и авт. предисл.] И. Алиев. – Москва: ИЭИА, 1994. – 304 с.

Решения партии и правительства... 1968 – Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам 1941-1952гг. в 3-х т. Т.3. – М.: Политиздат, 1968. – 750 с.

Романов 2016 – *Романов Р.Е.* Продовольственное снабжение рабочих Новосибирска в годы войны (1941–1945): механизмы материального поощрения // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных: сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции, Москва, 25–27 августа 2016 года. – Москва: Издательство "Апельсин"; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. – С. 220-228.

Сабанчиев 2008 – *Сабанчиев Х.-М.А.* Балкарцы: выселение и возвращение. – Нальчик: «Эльбрус», 2008. – 437 с.

Савицкий 2019 – *Савицкий И.М.* Помощь трудящихся Западной Сибири семьям фронтовиков и эвакуированным детям в годы Великой Отечественной войны // Развитие территорий. – 2019. – № 1 (15). – С. 15–23.

Савушкин и др. 2017 – *Савушкин Л.М., Первушина В.Н.* Управление идеологическим воздействием в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): проблемы советского тыла (анализ на примере регионов страны) // Регион: системы, экономика, управление. – 2017. – № 1 (36). – С. 152-156.

Савченко и др. 2008 – *Савченко П.В., Блесков Д.А.* Государственная система снабжения населения в годы Великой Отечественной войны // Вестник академии экономической безопасности МВД России. – 2008. – № 11. – С. 11-16.

Салбиева 2009 – *Салбиева С.З.* Здоровоохранение Республик Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: автореф. дис... канд. мед. наук. – Москва, 2009. – 24 с.

Сборник документов и материалов... 1944 – Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 5 января 1944 г.): / Сост. Д.Г. Кузьменко; Высш. парт. школа при ЦК ВКП (б). Кабинет соц.-экон. наук. – Москва: [б. и.], 1944. – 378 с.

Сборник законов СССР... 1945 – Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. 2-е изд. – М.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1945. – 359 с.

Сборник важнейших приказов... 1945 – Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. – Ленинград: информационно-издательское бюро отдела торговли Леноблисполкома, 1945. – 151 с.

Семенова 2010 – *Семенова Е.Н.* Трудоустройство членов семей военнослужащих в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 9 (99). – С. 58-63.

Сенявский и др. 2012 – *Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* Трансформация советской идеологии в период Великой Отечественной войны и ее влияние на психологию народа // Труды Института российской истории РАН. – 2012. – № 10. – С. 155-176.

Синицын 1985 – *Синицын А.М.* Всенародная помощь фронту: о патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / А.М. Синицын. 2-е изд. – Москва: Воениздат, 1985. – 319 с.

Синицын 2009 – *Синицын Ф.Л.* Национальная политика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). – Пермь: ОТ и ДО, 2009. – 378 с.

Смирнова 2010 – *Смирнова М.В.* Деятельность органов пропаганды и агитации в тыловых районах Европейской части РСФСР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 2010. – 20 с.

Соломко 2009 – *Соломко Е.А.* Интеллигенция Адыгеи в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Ростов-на-Дону: РИНХ, 2009. – 135 с.

Страницы истории... 1980 – Страницы истории комсомола Кабардино-Балкарии: Документы и материалы (1918-1978 гг.) Страницы истории / Составители А.К. Карачаева и др. – Нальчик: Эльбрус, 1980. – 522 с.

Татаров 2016 – *Татаров А.А.* Горские народы и «северокавказский эксперимент» Германии в 1942-1944 гг. на материалах Кабардино-Балкарии: дис... канд. ист. наук. – Нальчик, 2016. – 251 с.

Федотов 2004 – *Федотов В.В.* Эвакуированное население в Среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): проблемы размещения, социальной адаптации и трудовой деятельности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2004. – 23 с.

Фрай 2009 – *Фрай Н.* Государство фюрера: национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945 [пер. с нем. Л.Ю. Пантиной]; Германский ист. ин-т в Москве. – Москва: РОССПЭН, 2009. – С. 156–158.

Хакуашев 1978 – *Хакуашев Е.Т.* Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны. – Нальчик. Эльбрус, 1978. – 318 с.

Хелльбек 2010 – *Хелльбек Й.* Повседневная идеология: жизнь при сталинизме // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 4. – С. 9–22.

Хлынина 2014 – *Хлынина Т.П.* Жилищная политика и механизмы ее реализации в СССР в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 2 (28). – С. 56-68.

Храмкова 2001 – Храмкова Е.Л. Культура России периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историографические очерки. – Самара: Изд-во ООО «Науч.-техн. центр», 2001. – 317 с.

Хутуев 1984 – Хутуев Х.И. Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 452 с.

Хутуев 2022 – Хутуев Х.И. Восстановленная справедливость (Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период). – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2022. – 434 с.

Черемных и др. 2017 – Черемных О.А., Шевляков А.С. Будни тылового города. Материально-бытовое положение горожан Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Новосибирской, Кемеровской и Томской областей). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. – 220 с.

Черепанов 1994 – Черепанов В.В. Всенародная помощь фронту в годы Великой Отечественной войны: историограф. исслед.: дис... д-ра ист. наук. – Москва, 1994. – 493 с.

Черепанова 2005 – Черепанова Е.В. Перестройка системы власти и государственного управления СССР в первый период Великой Отечественной войны: Июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Рос. эконом. акад. им. Г.В. Плеханова. – Москва, 2005. – 21 с.

Черник 1984 – Черник С.А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны: историко-педагогическое исследование. – Москва: Педагогика, 1984. – 240 с.

Чеченов 1971 – Чеченов Ш.Ш. Осуществление ленинской программы народного образования в Кабардино-Балкарской АССР (1920-1970 годы). – Нальчик: Эльбрус, 1971. – 335 с.

Шогенова 1966 – Шогенова В.Ш. Здравоохранение в Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966. – 128 с.

Эмирханов 2015 – Эмирханов И.А. Роль подсобных хозяйств в решении продовольственной проблемы городского населения в годы Великой отечественной войны (1941-1945 гг.) // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2015. – № 11. – С. 125-128.

Яцкевич 2016 – Яцкевич О.Г. Школьное образование в годы Великой Отечественной войны // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. – 2016. – № 3. – С. 147-153.

REFERENCES

ABAZOV A.KH., GERIEVA F.S. *Osnovnye napravleniya deyatel'nosti organov vlasti v Kabardinskoj ASSR v marte 1944 – mae 1945 godov* [Main directions of activity of authorities in the Kabardian Autonomous Soviet Socialist Republic in March 1944 - May 1945]. IN: Nauchnyi dialog. – 2019. – № 9. – P. 231-245. (In Russ.).

ABUZYAROVA D.A. *Sotsial'naya zashchita invalidov voiny v 1941-1945 gg.* [Social protection of war invalids in 1941-1945]. IN: Vestnik Mordovskogo universiteta. – 2007. – T. 17. – № 2. – P. 146–150. (In Russ.).

AIBAZOVA F.U. *Razvitie dukhovnoi kul'tury narodov Severnogo Kavkaza v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [Development of the spiritual culture of the peoples of the North Caucasus during the Great Patriotic War (1941–1945)]. – SPb.: Izd-vo yurid. in-ta, 2004. – 144 p. (In Russ.).

AKIMENKO S.V. *Individual'noe i kollektivnoe ogorodnichestvo v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh Kemerskoj oblasti)* [Individual and collective gardening during the Great Patriotic War (based on materials from the Kemerovo region)]. IN: «Dnevnik nauki». – 2020. – № 5 (42). – P. 2-15 (In Russ.).

AKKIEVA S.I., SABANCHIEV KH.-M.A. *Balkarskii narod v gody voiny i deportatsii (1941-1957gg.): (k 70-letiyu nasil'stvennogo vyseleniya balkarskogo naroda)* [Balkar people during the years of war and deportation (1941-1957): (to the 70th anniversary of the forced eviction of the Balkar people)]. – Nal'chik: El'brus, 2014. – 320 p. (In Russ.).

ALIKOVA Z.R., ANAEVA L.A., FIDAROVA K.K., KOZYREVA F.U. *Prioritetnye napravleniya okhrany zdorov'ya detei v usloviyakh regiona v gody Velikoi Otechestvennoi voyny* [Priority areas for protecting children's health in the region during the Great Patriotic War]. IN: Problemy sotsial'noi gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny. – 2018. – 26 (2). – P. 124–128. (In Russ.).

APAZHEVA E.KH., TLIZAMOVA M.Z. *Zhenshchiny Kabardino-Balkarii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (Iz istorii meditsinskikh rabotnikov)* [Women of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War (From the history of medical workers)]. IN: Gumanitarnye, sotsial'no-ehkonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2014. – № 12–1. – P. 245–248. (In Russ.).

BALIKOEV T.M. *Natsional'naya politika Sovetskogo gosudarstva na Severnom Kavkaze v gody Velikoi Otechestvennoi voyny 1941-1945 gg.: dis. dokt. ist. nauk.* [National policy of the Soviet state in the North Caucasus during the Great Patriotic War of 1941-1945: dis. doc. ist. Sci]. – Vladikavkaz, 2003. – 380 p. (In Russ.).

Balkariya. Deportatsiya. Svidetel'stvuyut ochevidtsy [Balkaria. Deportation. Eyewitnesses testify]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2015. – 272 p. (In Russ.).

BATYUK L.I. *Kul'tura Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: avtoreferat dis. ... kand. istor. Nauk* [Culture of Russia during the Great Patriotic War: abstract of thesis... cand. history sciences]. Ros. ehkonom. akad. im. G.V. Plekhanova. – Moskva, 2005. – 22 p. (In Russ.).

BECHERYAKOVA E.G. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskikh shkol'nikov v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (na primere g. Yakutska)* [Daily life of Soviet schoolchildren during the Great Patriotic War (using the example of Yakutsk)]. IN: Molodoi uchenyi. – 2014. – № 20. – P. 7–9. (In Russ.).

BOFFA DZH. *Istoriya Sovetskogo Soyuz. T.2. Ot Otechestvennoi voyny do polozheniya vtoroi mirovoi derzhavy. Stalin i Khrushchev. 1941 –1964 gg.* [History of the Soviet Union. T.2. From the Patriotic War to the position of the second world power. Stalin and Khrushchev. 1941–1964]. Per. s ital. 2-e izd. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1990. – 632 p. (In Russ.).

BUGAI N.F., MAMAEV M.I. *Kabardino-Balkarskaya ASSR: «Spasenie v edinenii i nadezhde...»: 1920-1960-e gg.* [Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic: “Salvation in unity and hope...”: 1920-1960s]. – Moskva: Grif i K, 2015. – 416 p. (In Russ.).

CHEREMNYKH O.A., SHEVLYAKOV A.S. *Budni tylovogo goroda. Material'no-bytovoe olozhenie gorozhan Zapadnoi Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voyny 1941–1945 gg. (na materialakh Novosibirskoi, Kemerovskoi i Tomskoi oblastei)* [Everyday life in the rear city. Material and living situation of the citizens of Western Siberia during the Great Patriotic War of 1941–1945. (based on materials from the Novosibirsk, Kemerovo and Tomsk regions)]. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2017. – 220 p. (In Russ.).

CHEREPA NOV V.V. *Vsenarodnaya pomoshch' frontu v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: Istoriograf. issled.: dis. d-ra ist. nauk.* [National assistance to the front during the Great Patriotic War: Historiographer. research: dis. Dr. History Sci]. – Moskva, 1994. – 493 p. (In Russ.).

CHEREPA NOVA E.V. *Perestroika sistemy vlasti i gosudarstvennogo upravleniya SSSR v pervyi period Velikoi Otechestvennoi voyny: Iyun' 1941 g. – noyabr' 1942 g.: avtoreferat dis. kand. ist. nauk* [Restructuring the system of power and public administration of the USSR in the first period of the Great Patriotic War: June 1941 - November 1942: abstract of thesis. Ph.D. ist. Sciences]. Ros. ehkonom. akad. im. G.V. Plekhanova. – Moskva, 2005. – 21 p. (In Russ.).

CHERNIK S.A. *Sovetskaya obshcheobrazovatel'naya shkola v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: istoriko-pedagogicheskoe issledovanie.* [Soviet secondary school during the Great Patriotic War: historical and pedagogical research]. – Moskva: Pedagogika, 1984. – 240 p. (In Russ.).

CHECHENOV SH. SH. *Osushchestvlenie leninskoi programmy narodnogo obrazovaniya v Kabardino-Balkarskoi ASSR. (1920-1970 gody).* [Implementation of the Leninist program of public education in the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic. (1920-1970)]. – Nal'chik: Ehl'brus, 1971. – 335 p. (In Russ.).

DAVYDOVA YU.A. *Zdravookhranenie v gorodakh Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi Voyny, 1941–1945gg.: dis. kand. ist. nauk.* [Healthcare in the cities of Siberia during the Great Patriotic War, 1941–1945: dis. Ph.D. ist. Sci]. – Novosibirsk, 1999. – 213 p. (In Russ.).

Direktivy VKP (b) i postanovleniya Sovetskogo pravitel'stva o narodnom obrazovanii Sbornik dokumentov za 1917-1947 gg. [Directives of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and resolutions of the Soviet government on public education Collection of documents for 1917-1947]. Sost. kand. ped. nauk N. I. Boldyrev. – Moskva; Leningrad: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, Vyp. 1. – 1947. – 320 p. (In Russ.).

DUDKINA M.P. *Izmeneniya v shkol'nom obrazovanii v 1941–1945 godakh (na materiale Zapadnoi Sibiri)* [Changes in school education in 1941–1945 (based on the material of Western Siberia)]. IN: *Idei i idealy*. – 2013. – T. 2. – № 1 (15). – P. 115–122. (In Russ.).

EMELIN S.M. *Organizatsionno-pravovye napravleniya protivodeistviya ehkonomicheskoi prestupnosti v gody Velikoi Otechestvennoi voyny* [Organizational and legal directions of combating economic crime during the Great Patriotic War]. IN: *Vestnik akademii ehkonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii* 2009. – № 11. – P. 85-91. (In Russ.).

EFIMENKO O.K. *Khudozhestvennaya intelligentsiya Verkhnei Volgi nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: 1939 – mai 1945 g.: dis. kand. ist. Nauk* [Artistic intelligentsia of the Upper Volga on the eve and during the Great Patriotic War: 1939 – May 1945: dis. Ph.D. ist. sciences]. – Ivanovo, 2012. – 191 p. (In Russ.).

EHMIRKhanov I.A. *Rol' podsobnykh khozyaistv v reshenii prodovol'stvennoi problemy gorodskogo naseleniya v gody Velikoi otechestvennoi voyny (1941-1945 gg.)* [The role of subsidiary farms in solving the food problem of the urban population during the Great Patriotic War (1941-1945)]. IN: *Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal «Innovatsionnaya nauka»*. – 2015. – № 11. – P. 125–128. (In Russ.).

FEDOTOV V.V. *Ehvakuirovannoe naselenie v Srednem Povolzh'e v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941-1945 gg.): problemy razmeshcheniya, sotsial'noi adaptatsii i trudovoi deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Evacuated population in the Middle Volga region during the Great Patriotic War (1941-1945): problems of accommodation, social adaptation and labor activity: abstract of thesis. dis. cand. ist. Sci.]. – Samara, 2004. – 23 p. (In Russ.).

FRAI N. *Gosudarstvo fyurera: natsional-sotsialisty u vlasti: Germaniya, 1933–1945* [The Fuhrer's State: National Socialists in Power: Germany, 1933–1945]. (per. s nem. L. YU. Pantinoi); *Germanskii ist. in-t v Moskve*. – Moskva: ROSSPEHN, 2009. – P. 156–158. (In Russ.).

GAIDASHEV A.V. *Agitatsionno-propagandistskaya deyatel'nost' organov vlasti i upravleniya na territorii Stalingradskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Agitation and propaganda activities of government and administrative bodies in the territory of the Stalingrad region during the Great Patriotic War: abstract. dis. Ph.D. ist. Sciences]. – Astrakhan', 2013. – 22 p. (In Russ.).

GIZHOV V.A. *Uchebnyi protsess v saratovskikh vuzakh v 1943-1945 gg.* [The educational process in Saratov universities in 1943-1945]. IN: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. – 2014. – № 9-1 (47). – P. 46-48. (In Russ.).

Gosudarstvennyi komitet oborony SSSR. Postanovleniya i deyatel'nost', 1941-1945 gg.: v 2 ch. [State Defense Committee of the USSR. Resolutions and activities, 1941-1945: in 2 hours]. *Federal'noe arkhivnoe agentstvo, Rossiiskii gos. arkh. sotsial'no-politicheskoi istorii, Rossiiskoe istoricheskoe o-vo; redkol: A.K. Sorokin (otv. red.)*. – Moskva: ROSSPEHN, 2015. – T. 1. – 1941-1943. – 1220 p.; T. 2. – 1944-1945. – 1340 p. (In Russ.).

GONTSOVA M.V. *Povsednevnyaya zhizn' naseleniya industrial'nogo tsentra v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (na materialakh g. Nizhnii Tagil): avtoref dis. kand. ist. nauk*. [Everyday life of the population of the industrial center during the Great Patriotic War (based on materials from the city of Nizhny Tagil): abstract of thesis. ...cand. ist. Sci.]. – Ekaterinburg, 2011. – 30 p. (In Russ.).

GONCHAROV G.A. *Trudovoi vklad molodezhi Kirovskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941-1945 gg.)* [Labor contribution of the youth of the Kirov region during the Great Patriotic War (1941-1945)]. IN: *Vlast'*. 2018. – T. 26. – № 5. – P. 139–145. (In Russ.).

GREBEN' E.A., KRASNOZHENOVA E.E. *Osobennosti okkupatsionnoi povsednevnosti belorussko-rossiiskogo pogranich'ya (1941-1944 gg.)* [Features of the occupation everyday life of the Belarusian-Russian borderland (1941-1944)]. IN: *Voprosy istorii*. – 2021. – № 2. – P. 205-213. (In Russ.).

GRIGOR'EV A.D. *Sotsial'noe polozhenie i byt naseleniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. Na materialakh Chuvashskoi ASSR: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Social status and life of the population during the Great Patriotic War of 1941–1945. Based on materials from the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic: abstract. dis. ...cand. ist. sciences]. – 2004. – 23 p. (In Russ.).

GUGOVA M.KH. *Povsednevnyaya zhizn' balkartsev v deportatsii: zhenskii vzglyad // Voina i povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii XVII-XX vv. (k stoletiyu nachala pervoi mirovoi voiny)* [Everyday life of Balkars during deportation: a woman's view // War and everyday life of the population of Russia in the 17th-20th centuries. (to the centenary of the beginning of the First World War)]. IN: *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 14–16 marta 2014 goda. . –Sankt-Peterburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A.S. Pushkina, – 2014. – P. 438-443. (In Russ.).*

GUGOVA M.KH. *Trud zhenshchin Kabardino-Balkarii v sozdanii tyla i okazanii pomoshchi frontu v gody Velikoi otechestvennoi voiny* [The work of women of Kabardino-Balkaria in creating the rear and providing assistance to the front during the Great Patriotic War]. IN: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. – 2020. – № 4-2 (47). – P. 66–71. (In Russ.).

IL'YASOVA M.K. *Gosudarstvennaya sistema vlasti SSSR v period Velikoi Otechestvennoi voiny: avtoref. dis. kand. ist. nauk* [State system of power of the USSR during the Great Patriotic War: abstract. dis. Ph.D. ist. Sciences]. – Makhachkala, 2006. – 30 s. (In Russ.).

Kabardino-Balkariya: Tyl i front 1941–1945 (k 60-letiyu Velikoi Pobedy) [Kabardino-Balkaria: Rear and Front 1941–1945 (to the 60th anniversary of the Great Victory)] (sost.: KH.M. Dumanov, V.KH. Kazharov, A.I. Tetuev, O.L. Opryshko). – Nal'chik: Ehl'fa, 2005. – 340 p. (In Russ.).

KABIROVA A.SH. *Voina i obshchestvo: Tatarstan v 1941–1945 gg.* [War and society: Tatarstan in 1941–1945.]. – Kazan': «FehN» AN RT, 2011. – 468 p. (In Russ.).

KABIROVA A.SH. *Tatarstan v gody voennykh ispytaniy (1941-1945 gg.)* [Tatarstan during the years of military trials (1941-1945)]. – Kazan': AZ, 2015. – 507 p. (In Russ.).

KARDANOV A.T. *Rabochii klass Kabardino-Balkarii (1938–1980)* [Working class of Kabardino-Balkaria (1938–1980).]. – Nal'chik: Ehl'brus, 1984. – 352 p. (In Russ.).

KARTASHEV I.V. *Sostoyanie zdravookhraneniya na Severnom Kavkaze v usloviyakh nemetsko-fashistskoi okkupatsii 1942–1943 gg.: na materialakh Kubani i Stavropol'ya: dis. kand. ist. nauk* [The state of health care in the North Caucasus under the Nazi occupation of 1942–1943: based on materials from Kuban and Stavropol: dis. Ph.D. ist. Sci]. – Stavropol', 2020. – 265 p. (In Russ.).

Kabardino-Balkariya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. (Sbornik dokumentov i materialov) [Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War of 1941–1945. (Collection of documents and materials).]. – Nal'chik: Ehl'brus, 1975. – 795 p. (In Russ.).

KIRPOVSKAYA N.S. *Dosugovye praktiki mirnogo naseleniya vo vremya Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.): istoriograficheskii obzor* [Leisure practices of civilians during the Great Patriotic War (1941–1945): a historiographical review]. IN: *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova*. – 2017. – № 1. – P. 156–161. (In Russ.).

KLIMOVA N.YU. *Trudovoi i ratnyi podvig molodezhi Stavropol'ya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: 1941-1945 gg.: avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Labor and military feat of the youth of Stavropol during the Great Patriotic War: 1941-1945: abstract. dis. Ph.D. ist. Sci.]. – Pyatigorsk, 2005. – 27 p. (In Russ.).

KOBLEVA Z.KH. *Vysshie uchebnye zavedeniya Severnogo Kavkaza v period Velikoi Otechestvennoi voiny (1941-1945 gg.): avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Higher educational institutions of the

North Caucasus during the Great Patriotic War (1941-1945): abstract. dis. Ph.D. ist. sciences]. – Maikop, 2003. – 25 p. (In Russ.).

KOVALEV B.N. *Povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii v period natsistskoi okkupatsii* [Higher educational institutions of the North Caucasus during the Great Patriotic War (1941 – 1945): abstract. dis. Ph.D. ist. sciences]. – Moskva: Molodaya gvardiya, 2011. – 618 p. (In Russ.).

KOZHURIN V.S. *Neizvestnaya voyna: deyatel'nost' Sovetskogo gosudarstva po obespecheniyu uslovii zhizni i truda rabochikh v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The unknown war: the activities of the Soviet state to ensure living and working conditions for workers during the Great Patriotic War]. – M.: AON, 1990. – 288 p. (In Russ.).

KOZLOV N.D. *Obshchestvennoe soznanie i nastroyenie naroda v nachale Velikoi Otechestvennoi voiny* [Public consciousness and mood of the people at the beginning of the Great Patriotic War]. IN: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. – 2010. – T. 4. – № 3. – P. 57–68. (In Russ.).

KOZLOV N.D. *Povsednevnyaya zhizn' v sovetskom tylu v gody Velikoi Otechestvennoi voiny v otechestvennoi istoriografii nachala XXI v.* [Everyday life in the Soviet rear during the Great Patriotic War in domestic historiography of the beginning of the 21st century]. IN: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2014. – T. 4. – № 2. – P. 30-45. (In Russ.).

KONDAKOVA N.I. *Voina, gosudarstvo, obshchestvo. 1941–1945* [War, state, society. 1941–1945]. – M.: Izd-vo MGF «Veteran MoskvY», 2002. – 480 p. (In Russ.).

KOPYLOV F.V. *Sotsiokul'turnye i bytovye usloviya zhizni naseleniya prifrontovykh/tylovykh gorodov Vologodskoi oblasti v period Velikoi Otechestvennoi voiny: avtoref. dis. kand. ist. nauk.* [Sociocultural and living conditions of the population of front-line/rear cities of the Vologda region during the Great Patriotic War: abstract. dis. Ph.D. ist. Sci]. – Ekaterinburg, 2017. – 22 p. (In Russ.).

KRASNOZHENOVA E.E. *Sotsial'naya politika Sovetskogo gosudarstva v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941-1945 gg. (na materialakh Nizhnego Povolzh'ya)* [Social policy of the Soviet state during the Great Patriotic War of 1941-1945. (based on materials from the Lower Volga region)]. – Astrakhan': izd. dom «Astrakhanskii universiteT», 2013. – 231 p. (In Russ.).

KRASNOZHENOVA E.E. *Gosudarstvennaya politika po snabzheniyu naseleniya tovarami narodnogo potrebleniya v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941-1945 gg. (na materialakh Nizhnego Povolzh'ya)* [State policy on supplying the population with consumer goods during the Great Patriotic War of 1941-1945. (based on materials from the Lower Volga region)]. – Astrakhan': Al'fa Print, 2014. – 200 p. (In Russ.).

KRINKO E.F., TAZHIDINOVA I.G., KHLYNINA T.P. *Povsednevnyi mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-kh gg.: zhizn' v usloviyakh sotsial'nykh transformatsii* [The everyday world of Soviet people in the 1920s–1940s: life in conditions of social transformations]. – Rostov n/D: Izd-vo YUNTS RAN, 2011. – 360 p. (In Russ.).

KHAKUASHEV E.T. *Kabardino-Balkarskaya ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War.]. – Nal'chik, Ehl'brus. 1978. – 318 p. (In Russ.).

KHELL'BEK I. *Povsednevnyaya ideologiya: zhizn' pri stalinizme* [Everyday ideology: life under Stalinism]. IN: *Neprikosnovennyi zapas*. – 2010. – № 4. – P. 9–22. (In Russ.).

KHLYNINA T.P. *Zhilishchnaya politika i mekhanizmy ee realizatsii v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Housing policy and mechanisms for its implementation in the USSR during the Great Patriotic War]. IN: *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. – 2014. – № 2 (28). – P. 56–68. (In Russ.).

KHRAMKOVA E.L. *Kul'tura Rossii perioda Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: istoriograficheskie ocherki* [Culture of Russia during the Great Patriotic War of 1941–1945: historiographical essays]. – Samara: Izd-vo OOO «Nauch.-tekhn. tsentR», 2001. – 317 p. (In Russ.).

KHUTUEV KH.I. *Stanovlenie i razvitie sotsialisticheskoi kul'tury sovetskoi Kabardino-Balkarii* [Formation and development of socialist culture of Soviet Kabardino-Balkaria]. – Nal'chik: Ehl'brus, 1984. – 452 p. (In Russ.).

KHUTUEV K.H.I. *Vosstanovlennaya spravedlivost' (Balkarskii narod v gody Velikoi Otechestvennoi voyny i poslevoennyy period)* [Restored justice (the Balkar people during the Great Patriotic War and the post-war period)]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2022. – 434 p. (In Russ.).

LEBEDEV P.L. *Kabardinskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institute* [Kabardian State Pedagogical Institute]. IN: *Uchenye zapiski Kabardinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. – Vypusk 5. – Nal'chik, 1953. – P. 3–16 (In Russ.).

Liki voyny: Sb. dokumentov i materialov po istorii Kabardino-Balkarii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941–1945 gg.) [Faces of War: Sat. documents and materials on the history of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War (1941–1945)]. – Nal'chik, 1996. – 504 p.) (In Russ.).

LINETS S.I. *Severnyi Kavkaz nakanune i v period nemetsko-fashistskoi okkupatsii: sostoyanie i osobennosti razvitiya (iyul' 1942 – oktyabr' 1943 gg.)* [Northern Caucasus on the eve and during the Nazi occupation: state and features of development (July 1942 - October 1943)]. Izdanie 2-e, pererabotannoe. – Pyatigorsk: Pyatigorskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet, 2009. – 491 p. (In Russ.).

LIPATOV A.V., MERKUR'EVA V.S., TAKTASHEVA F.A. *Gosudarstvennaya i obshchestvennaya podderzhka semei voennosluzhashchikh v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: na materialakh Stalingradskoi oblasti* [State and public support for military families during the Great Patriotic War: based on materials from the Stalingrad region]. IN: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. – 2017. – № 2 (115). – P. 192–198. (In Russ.).

LYUDTKE A. *Istoriya povsednevnosti v Germanii: novye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti* [History of everyday life in Germany: new approaches to the study of labor, war and power]. (Pod obshch. red. Zhuravleva S.V.; Per. s angl. i nem). – M.: ROSSPEHN; German. ist. in-t v. Moskve, 2010. – 271 p. (In Russ.).

MAZITOVA G.V. *Uchrezhdeniya i deyateli iskusstv TASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941–1945 gg.): avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Institutions and artists of the TASSR during the Great Patriotic War (1941–1945): abstract. dis. Ph.D. ist. Sci.]. – Kazan', 1990. – 26 p. (In Russ.).

MALKHASYAN N.V. *Gosudarstvennoe rukovodstvo sistemoi narodnogo obrazovaniya v gody Velikoi Otechestvennoi voyny 1941-1945 gg.: na materialakh Yaroslavskoi i Kostromskoi oblastei: avtoref. dis. kand. ist. Nauk* [State management of the public education system during the Great Patriotic War of 1941-1945: based on materials from the Yaroslavl and Kostroma regions: abstract. dis. Ph.D. ist. sciences]. – Yaroslavl', 2011. – 22 p. (In Russ.).

MALYSHEV A.V. *Sredstva massovoi informatsii Yuga Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (po materialam Dona, Kubani i Stavropol'ya): dis. kand. ist. nauk* [Media of the South of Russia during the Great Patriotic War (based on materials from Don, Kuban and Stavropol): dis. Ph.D. ist. Sciences]. – Rostov n/D, 2001. – 22 p. (In Russ.).

MALYSHEVA E.M. *Ispytanie, sotsium i vlast': problemy vzaimodeistviya v gody Velikoi Otechestvennoi voyny 1941–1945* [Trial, society and power: problems of interaction during the Great Patriotic War of 1941–1945]. – Maikop: Adygeya, 2000. – 432 p. (In Russ.).

MALYSHEVA E.M. *Sovetskaya publitsistika i SMI v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: opyt aktualizatsii // Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnatsional'nogo soglasiya* [Soviet journalism and media during the Great Patriotic War: experience of actualization // Cultural heritage of the North Caucasus as a resource of interethnic harmony]. IN: *Sbornik nauchnykh statei po itogam mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, s. Kabardinka, g. Gelendzhik, 12–14 oktyabrya 2018 goda*. – M.: Institut naslediya, 2019. – P. 412–423. (In Russ.).

MARKOVA E.A. *Vvedenie kartochnoi sistemy v Moskve na nachal'nom ehtape Velikoi Otechestvennoi voyny* [Introduction of the card system in Moscow at the initial stage of the Great Patriotic War]. IN: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* 2019. – № 4. – P. 204-212. (In Russ.).

MARCHENKO G.V. *Gosudarstvennaya natsional'naya politika na Severnom Kavkaze (20–40-e gg. XX v.)* [State national policy in the North Caucasus (20–40s of the twentieth century)]. – Rostov-na-Donu, 2002. – 428 p. (In Russ.).

MASLOV A.A., BEROV M.L. *Meditsina Kabardino-Balkarii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Medicine of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War]. – Nal'chik: Ehl'brus, 1985. – 141 p. (In Russ.).

MASHNINA E.V. *Potrebnosti cheloveka v kontekste kul'tury povsednevnosti voennogo vremeni: na materiale dnevnikov 1941–1945 gg.: avtoref. dis... kand. kul'turologii* [Human needs in the context of wartime everyday culture: based on the material of diaries of 1941–1945: abstract. dis. ...cand. cultural studies]. – Sankt-Peterburg, 2011. – 22 p. (In Russ.).

Material'noe obespechenie nauchnykh rabotnikov Urala v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Material support for scientists in the Urals during the Great Patriotic War]. IN: Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta: sotsial'no-gumanitarnye nauki. – 2006. – № 17. – P. 21–24. (In Russ.).

MEMETOV V.S. *Partiinoe rukovodstvo deyatel'nost'yu khudozhestvennoi intelligentsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Party leadership of the activities of the artistic intelligentsia during the Great Patriotic War]. – Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1985. – 172 p. (In Russ.).

MIKAEHLYAN A.S. *Prodovol'stvennyi vopros na Stavropol'e v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: 1941–1945: avtoref. dis. kand. ist. Nauk* [Food issue in the Stavropol region during the Great Patriotic War: 1941–1945: abstract. dis. Ph.D. ist. Sciences]. – Pyatigorsk, 2017. – 31 p. (In Russ.).

MINAEVA O.D. *Pero otsvechivaet voennoi stal'yu. Literaturnaya gazeta o pisatelyakh na voine (1941–1945 gg.)* [The pen shines with military steel. Literary newspaper about writers in the war (1941–1945)]. IN: Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika. – 2011. – № 3. – P. 126–142. (In Russ.).

MITROFANOVA A.V. *Rabochii klass SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The working class of the USSR during the Great Patriotic War]. – M: Nauka, 1971. – 575 p. (In Russ.).

MOROZOV V.I. *Osobennosti gosudarstvennogo upravleniya SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945)* [Features of public administration of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945)]. IN: Upravlencheskoe konsul'tirovanie. – 2005. – № 1 (17). – P. 32–46. (In Russ.).

MOROZOVA O.V. *Zhilishchnaya problema v Stalinske v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Housing problem in Stalinsk during the Great Patriotic War]. IN: Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal. – 2019. – № 1 (29). – S. 100–112. (In Russ.).

MYULLER NORBERT. *Vermakht i okkupatsiya. (1941–1944): O roli Vermakhta i ego rukovodyashchikh organov v osushchestvlenii okkupats. rezhima na sov. territorii* [Wehrmacht and occupation. (1941–1944): On the role of the Wehrmacht and its governing bodies in the implementation of the occupation. regime on Sov. territories]. (Per. s nem. A.P. Artemovai dr.); Pod red. d-ra ist. nauk, prof. A.F. Yudenkova. – Moskva: Voenizdat, 1974. – 386 p. (In Russ.).

NAZAROV A.I. *Dosug sel'skoi molodezhi v sovetskom tylu v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Leisure of rural youth in the Soviet rear during the Great Patriotic War]. IN: Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2009. – № 3 (4). – P. 126–128. (In Russ.).

Narodnoe khozyaistvo SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine 1941 – 1945 gg. Statisticheskii sbornik [The national economy of the USSR in the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Statistical collection]. – Moskva: Informatsionno-izdatel'skii tsentr, 1990. – 195 p. (In Russ.).

Narodnoe khozyaistvo RSFSR za 60 let: Stat. ezhegodnik [National economy of the RSFSR for 60 years: Stat. yearbook]. TSSU pri Sovete Ministrov RSFSR. – Moskva: Statistika, 1977. – 366 p. (In Russ.).

Narodnoe obrazovanie v SSSR: Obshcheobrazovatel'naya shkola: Sbornik dokumentov 1917–1973 gg. [Public education in the USSR: General education school: Collection of documents 1917–1973]. – Moskva: Pedagogika, 1974. – 559 p. (In Russ.).

Narodnoe khozyaistvo Kabardino-Balkarskoi ASSR. Statisticheskii sbornik [National economy of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic. Statistical collection]. – Nal'chik Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. – 113 p. (In Russ.).

NAKHUSHEVA Z.A. *Khudozhestvennoe edinstvo patrioticheskogo i liricheskogo v voennoi poehzii Kabardino-Balkarii: 1941–1945 gg.: avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Artistic unity of the patriotic and lyrical in the military poetry of Kabardino-Balkaria: 1941–1945: abstract. dis. Ph.D. Philol. Sci]. – Nal'chik, 2005. – 21 p. (In Russ.).

OMEL'CHENKO N.A., KAZBAN E.P., GIMAZOVA YU.V. *Gosudarstvennoe upravlenie v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: novoe i staroe v sisteme vlastno-upravlencheskikh otnoshenii* [Public administration in the USSR during the Great Patriotic War: new and old in the system of power-administrative relations]. IN: *Vestnik universiteta*. – 2013. – № 20. – P. 275-280. (In Russ.).

Organizatsiya udesyateraet sily. Dokumenty i materialy s"ezdov, konferentsii, TSK VLKSM po organizatsionnoi rabote (1918-1966 gg.) [The organization is increasing its strength tenfold. Documents and materials of congresses, conferences, the Komsomol Central Committee on organizational work (1918-1966)]. – M: Molodaya gvardiya, 1968. – 375 p. (In Russ.).

ORLOV I.B. *Kartochnoe snabzhenie v 1941-1943 gg.: raschety i proschety* [Card supply in 1941-1943: calculations and miscalculations]. *Sovremennye problemy servisa turizma*. – 2010. – № 3. – P. 36–42. (In Russ.).

ORTANOVA YU.A. *Kabardino-Balkarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut: istoriya i istoriki v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Kabardino-Balkarian State Pedagogical Institute: history and historians during the Great Patriotic War]. IN: *Manuskript*. – 2020. – T. 13. – № 11. – P. 46–52. (In Russ.).

PALETSKIKH N.P. *Dosugovaya sfera tylovoi povsednevnosti na Urale v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Leisure sphere of everyday life in the rear in the Urals during the Great Patriotic War]. IN: *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 2015. – № 1 (46). – P. 59–63. (In Russ.).

PANARINA E.V. *Vosstanovlenie i razvitie zhilishchno-kommunal'nogo khozyaistva gorodov Severnogo Kavkaza v 1943-1945 gg.* [Restoration and development of housing and communal services in the cities of the North Caucasus in 1943-1945.]. IN: *Kant*. – 2016. – № 4 (21). – P. 24–28. (In Russ.).

Pis'ma ognennykh let [Letters from the fiery years]. (sost. E.T. Khakuashev). – Nal'chik: Eh-l'brus, 1989. – 256 p. (In Russ.).

PODLUZHNAJA M.YA., AZANOVA I.YA. *Osobennosti razvitiya zdravookhraneniya v period 1941–1945 gg.* [Peculiarities of health care development in the period 1941–1945.]. IN: *Permskii meditsinskii zhurnal*. – 2006. – T. 23. – № 1. – P. 133-139. (In Russ.).

PODOL'SKII V.M., KONASOV V.B. *Trud i podvig prifrontovykh medikov* [Labor and feat of front-line doctors]. – Moskva: Prometei, 1990. – 68 p. (In Russ.).

Profsoyuzy SSSR: dokumenty i materialy: 1905-1963 gg. [Trade unions of the USSR: documents and materials: 1905-1963] v 4 t. – Moskva: Profizdat, 1963. – T. 3: *Profsoyuzy v period zaversheniya stroitel'stva sotsializma i postepennogo perekhoda k kommunizmu. (1937-1952 gg.)*. – T. 3. – 1963. – 749 p. (In Russ.).

PYKHALOV I.V. *Za chto Stalin vyselyal narody. Stalinskie deportatsii – prestupnyi proizvol ili spravedlivoe vozmездie?* [Why Stalin evicted peoples. Stalin's deportations – criminal outrage or fair retribution?]. *Seriya Stalinskii renessans*. – M: Yauza-press, 2008. – 480 p. (In Russ.).

Reabilitatsiya narodov i grazhdan, 1954-1994 gg.: Dokumenty [Rehabilitation of peoples and citizens, 1954-1994: Documents] / Ros. AN, Tsentr po izuch. mezhnats. otnoshenii In-ta ehtnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya; Sost., otv. red. [i avt. predisl.] I. Aliev. – Moskva: IE-HIA, 1994. – 304 p. (In Russ.).

Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam 1941-1952gg. [Decisions of the party and government on economic issues 1941-1952]. v 3-kh t. – T. 3. – M.: Politizdat, 1968. – 750 p. (In Russ.).

ROMANOV R.E. *Prodovol'stvennoe snabzhenie rabochikh Novosibirska v gody voiny (1941–1945): mekhanizmy material'nogo pooshchreniya* [Food supply to workers of Novosibirsk during the war years (1941–1945): mechanisms of material incentives]. IN: Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh: sbornik materialov Vserossiiskoi molodezhnoi nauchnoi shkoly-konferentsii, Moskva, 25–27 avgusta 2016 goda. – Moskva: Izdatel'stvo "Apel'sin"; Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie nauki Institut istorii Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk, 2016. – P. 220–228. (In Russ.).

RSFSR za 50 let: Stat. sbornik [RSFSR for 50 years: Stat. collection]. Tsentr. stat. upr. pri Sovete Ministrov RSFSR. – Moskva: Statistika, 1967. – 255 p. (In Russ.).

SABANCHIEV KH.-M.A. *Balkartsy: vyselenie i vozvrashchenie* [Balkars: eviction and return]. – Nal'chik: «Ehl'bruS», 2008. – 437 p. (In Russ.).

SAVITSKII I.M. *Pomoshch' trudyashchikhsya Zapadnoi Sibiri sem'yam frontovikov i ehvakuirovannym detyam v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Help from the working people of Western Siberia to the families of front-line soldiers and evacuated children during the Great Patriotic War]. IN: Razvitie territorii. – 2019. – № 1 (15). – P. 15–23. (In Russ.).

SAVUSHKIN L.M., PERVUSHINA V.N. *Upravlenie ideologicheskim vozdeistviem v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.): problemy sovetskogo tyla (analiz na primere regionov strany)* [Managing ideological influence during the Great Patriotic War (1941–1945): problems of the Soviet rear (analysis using the example of the country's regions)]. IN: Region: sistemy, ehkonomika, upravlenie. – 2017. – № 1 (36). – P. 152–156. (In Russ.).

SAVCHENKO P.V., BLESKOV D.A. *Gosudarstvennaya sistema snabzheniya naseleniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [State supply system for the population during the Great Patriotic War]. IN: Vestnik akademii ehkonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii. – 2008. – № 11. – P. 11–16. (In Russ.).

SALBIEVA S.Z. *Zdravookhranenie Respublik Severnogo Kavkaza v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: avtoref. dis. kand. med. nauk* [Health care of the Republics of the North Caucasus during the Great Patriotic War of 1941–1945: abstract. dis. Ph.D. honey. sciences]. – Moskva, 2009. – 24 p. (In Russ.).

Sbornik dokumentov i materialov po voprosam truda v period Velikoi Otechestvennoi voiny. (22 iyunya 1941 g. – 5 yanvarya 1944 g.) [Collection of documents and materials on labor issues during the Great Patriotic War. (June 22, 1941 – January 5, 1944)]. Sost. D. G. Kuz'menko; Vyssh. part. shkola pri TSK VKP(b). Kabinet sots.-ehkon. nauk. – Moskva: [b. i.], 1944. – 378 p. (In Russ.).

Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938–1944 gg. [Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938–1944]. 2-e izd. – M.: Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR, 1945. – 359 p. (In Russ.).

Sbornik vazhneishikh prikazov i instruktsii po voprosam kartochnoi sistemy i normirovannogo snabzheniya [Collection of the most important orders and instructions on issues of the rationing system and rationed supplies.]. – Leningrad: informatsionno-izdatel'skoe byuro otdela trgovli Lenoblispolkoma, 1945. – 151 p. (In Russ.).

SEMENOVA E.N. *Trudoustroistvo chlenov semei voennosluzhashchikh v Zapadnoi Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [Employment of family members of military personnel in Western Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945)]. IN: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2010. – № 9 (99). – P. 58–63. (In Russ.).

SENYAVSKII A.S., SENYAVSKAYA E.S. *Transformatsiya sovetskoi ideologii v period Velikoi Otechestvennoi voiny i ee vliyanie na psikhologiyu naroda* [Transformation of Soviet ideology during the Great Patriotic War and its influence on the psychology of the people]. IN: Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN. – 2012. – № 10. – P. 155–176. (In Russ.).

SHOGENOVA V.SH. *Zdravookhranenie v Kabardino-Balkarii* [Healthcare in Kabardino-Balkaria]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. – 128 p. (In Russ.).

SINITSYN A.M. *Vsenarodnaya pomoshch' frontu: o patrioticheskikh dvizheniyakh sovetskogo naroda v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [National assistance to the

front: about the patriotic movements of the Soviet people during the Great Patriotic War of 1941–1945]. 2-e izd. – Moskva: Voenizdat, 1985. – 319 p. (In Russ.).

SINITSYN F.L. *Natsional'naya politika SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [National policy of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945)]. – Perm': OT i DO, 2009. – 378 p. (In Russ.).

SMIRNOVA M.V. *Deyatel'nost' organov propagandy i agitatsii v tylovykh raionakh Evropeiskoi chasti RSFSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Activities of propaganda and agitation bodies in the rear areas of the European part of the RSFSR during the Great Patriotic War 1941–1945: abstract. dis. Ph.D. ist. Sci.]. – Moskva, 2010. – 20 p. (In Russ.).

SOLOMKO E.A. *Intelligentsiya Adygei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [The intelligentsia of Adygea during the Great Patriotic War (1941–1945)]. – Rostov-na-Donu: RINKH, 2009. – 135 p. (In Russ.).

Stranitsy istorii komsomola Kabardino-Balkarii: Dokumenty i materialy (1918–1978 gg.) [Pages of the history of the Komsomol of Kabardino-Balkaria: Documents and materials (1918–1978)]. Sostaviteli A.K. Karachaeva i dr. – Nal'chik: Ehl'brus, 1980. – 522 p. (In Russ.).

TATAROV A.A. *Gorskie narody i «severokavkazskii ehksperimenT» Germanii v 1942–1944gg. na materialakh Kabardino-Balkarii: dis. kand. ist. nauk* [Mountain peoples and the “North Caucasian experiment” of Germany in 1942–1944. on materials from Kabardino-Balkaria: dis. Ph.D. ist. Sci.]. – Nal'chik. – 2016. – 251 p. VASINA YU. V. (In Russ.).

VERNER P. *Nemetskii soldat* [German soldier]. IN: *Itogi vtoroi mirovoi voiny: sb. statei.* – M: Inostrannaya literatura, 1957. – P. 37–67. (In Russ.).

VERT N. *Istoriya Sovetskogo gosudarstva, 1900–1991* [History of the Soviet State, 1900–1991]. per. s frantsuzskogo. – Moskva: Progress: Progress-Akademiya. – 1992. – 480 s. (In Russ.). (In Russ.).

Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov. V 12 t. T. 1. Osnovnye sobytiya voiny [Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 volumes. T. 1. Main events of the war]. – M.: Kuchkovo pole, 2011. – 848 p. (In Russ.).

Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov: T. 7. Ehkonomika i oruzhie voiny [The Great Patriotic War of 1941–1945: T. 7. Economics and weapons of war]. – M.: Kuchkovo pole, 2013. – 864 p. (In Russ.).

Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov. V 12 t. T. 10. Gosudarstvo, obshchestvo i voina [Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 volumes. T. 10. State, society and war]. – M.: Kuchkovo pole, 2014. – 864 p. (In Russ.).

Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov. V 12 t. T. 11. Politika i strategiya Pobedy: strategicheskoe rukovodstvo stranoi i Vooruzhennymi silami SSSR v gody voiny [Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 volumes. T. 11. Politics and strategy of Victory: strategic leadership of the country and the Armed Forces of the USSR during the war]. – M.: Kuchkovo pole, 2015. – 864 p. (In Russ.).

Velikaya Otechestvennaya voina. Yubileinyi statisticheskii sbornik [The Great Patriotic War. Anniversary statistical collection]. – Moskva: IITS «Statistika RossiI». – 2015. – 90 p. (In Russ.).

VOLOBUEV A.V. *Material'naya i finansovaya pomoshch' tyla frontu v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: na materialakh oblastei Tsen-tral'nogo Chernozem'ya: avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk* [Material and financial assistance from the rear to the front during the Great Patriotic War: on materials from the regions of the Central Black Earth Region: abstract of thesis. dis. ...cand. ist. sciences]. – Kursk: Kur. gos. tekhn. un-t., 2009. – 24 p. (In Russ.).

VORONICHEVA O.V. *Russkie pisateli o Velikoi Otechestvennoi voine* [Russian writers about the Great Patriotic War]. IN: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii.* – 2011. – № 4. – P. 235–238. (In Russ.).

YATSKEVICH O.G. *Shkol'noe obrazovanie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [School education during the Great Patriotic War]. IN: *Vestnik nauchnogo obshchestva studentov, aspirantov i molodykh uchenykh.* – 2016. – № 3. – P. 147–153. (In Russ.).

ZHUKOVA O.G. *Kul'turnaya zhizn' SSSR kak fenomen povsednevnosti Velikoi Otechestvennoi voyny 1941-1945 gg.* [Cultural life of the USSR as a phenomenon of everyday life during the Great Patriotic War of 1941-1945.]. – Moskva: Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo un-ta, 2016. – 227 p. (In Russ.).

ZAVARZINA V.I., LUK'YANOVA L.A. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskikh lyudei v usloviyakh nemetskogo okkupatsionnogo rezhima* [Everyday life of Soviet people under the German occupation regime]. IN: Vestnik nauchnoi assotsiatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. – Seriya: Stadia Historica Jenium. – 2011. – № 1 (7). – P. 53–59. (In Russ.).

ZEMLYANSKII K.A. *Politicheskaya propaganda i obshchestvennoe soznanie v gody Velikoi Otechestvennoi voyny 1941–1945 gg. (na materialakh Rostovskoi oblasti): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Political propaganda and public consciousness during the Great Patriotic War of 1941–1945 (based on materials from the Rostov region): abstract. dis. ...cand. ist. Sci]. – Rostov-na-Donu, 2018. – 31 p. (In Russ.).

ZINICH M.S. *Povsednevnyaya zhizn' naroda v gody Velikoi Otechestvennoi voyny* [Daily life of the people during the Great Patriotic War]. – Moskva: Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2019. – 347 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.И. Тетуев – доктор исторических наук.

Information about the author

A.I. Tetuev – Doctor of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 11.04.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 11.04.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Научная статья

УДК 808.1

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-314-324

EDN: NKNMUZ

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И КЛАССОВОЕ ИСКУССТВО: ОТ МНОГООБРАЗИЯ К УНИТАРИЗМУ

Казим Каллетович Бауаев

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, kazim_bauaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0647-1295>

Аннотация. Статья освещает один из ключевых моментов становления национальных литератур народов Северного Кавказа в процессе их интеграции в общее культурное пространство СССР. Автор отмечает, что, невзирая на единообразие социально-общественных и хозяйственно-экономических систем этносов региона, на близость их культур, системы словесного творчества горских народов имели свои специфические черты, проявленные не только на общефилософском и концептуальном уровнях, но и в самих моделях апперцепции. На примерах поэтических текстов К. Хетагурова, Б. Пачева, К. Мечиева достаточно подробно и убедительно рассматривается суть процесса рефлекторной трансформации, определяются её конкретные приёмы и механизмы. Отход от пластического «фактурного» ощущения ведет к органическому освоению идеологической и отвлечённой символики, предвещающей расцвет национальной поэзии в границах этнически аутентичных апперцептивных моделей. Последние, в свою очередь, получили законченное и совершенное выражение как в творчестве К. Кулиева, так и в стихах его последователей, освоивших сензитивные, материализованные представления на новом, символическом уровне их трактовки.

Ключевые слова: искусство, этнос, апперцепция, национальная литература, новописьменная литература, концептуология, образное представление.

Для цитирования: Бауаев К.К. Национальная специфика и классовое искусство: от многообразия к унитаризму // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 314-324. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-314-324. EDN: NKNMUZ.

© Бауаев К.К., 2024

Original article

NATIONAL SPECIFICITY AND CLASS ART: FROM DIVERSITY TO UNITARIANISM

Kazim K. Bauaev

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik,
Russia, kazim_bauaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0647-1295>

Abstract. The article highlights one of the key moments in the formation of the North Caucasian peoples' national literature in the process of their integration into the USSR's shared cultural space. The author notes that, despite the unity of the socio-social and economic systems of the region, the proximity of their cultures, the systems of verbal creativity of the mountain peoples had their own specific features, manifested not only at the general philosophical and conceptual levels but also in the models of apperception themselves. On the examples of poetic texts by K. Khetaurova, B. Pacheva, K. Mechieva, the essence of the reflex transformation process is considered in sufficient detail and, convincingly, its specific techniques and mechanisms are determined. The departure from the plastic "textured" sensation leads to an organic understanding of ideological and responsible symbolism, anticipating the flourishing of national poetry within the boundaries of ethnically authentic apperceptive models. The latter, in turn, received a complete and perfect expression, as in the work of K. Kuliyeu, as well as in the poems of his followers, who developed sensitive, materialized ideas on a new, symbolic level of their interpretations..

Keywords: art, ethnos, apperception, national literature, newly written literature, conceptualogy, figurative representation.

For citation: Bauaev K.K. National specificity and Class Art: from Diversity to Unitarianism. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 314-324. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-314-324. EDN: NKNMUZ.

© Bauaev K.K., 2024

Для национальных литератур СССР, эволюционировавших в режиме так называемого форсированного развития маркерным является повышенное, можно сказать – превалирующее внимание к политико-идеологическим и социальным составляющим окружающего, характерное всем писателям первого поколения национальной художественной словесности. Причём, это не констатирующие наблюдения о различных формах имущественного неравенства, а, скорее, достаточно энергичные призывы к искоренению таковых [Мамедов 2007: 165-176].

С этой точки зрения творчество художников новой генерации можно, в целом, оценивать как стремление интегрироваться в реалии нового бытия, в идентификационных основах которого стояла концептуалогия, далёкая от этнических нормалей общежития и восходившая к теоретическим положениям сугубо идеологического плана.

С определённой точки зрения это был процесс зарождения новых стандартов лирического переживания, основанных на новых канонах прекрасного: «...у лирики и у философской рефлексии – одно начало, один источник: становление личности, превращение её в целостный мир, отделенный от целого и свободно (или волею судеб) присоединяющийся к тому или иному коллективу» [Гачев 2008: 188].

Приблизительно подобную же интерпретацию проблемы взаимодействия частного образного восприятия и традиционных практик мы видим у Л. Тимофеева: «В лирике индивидуальное переживание тем более значимо, чем полнее оно отвечает своему времени..., в конечном счёте с ним соотносится самораскрытие поэта в его концепции человека, в его понимании противоречий эпохи» [Тимофеев 1987: 353]. Деструкция коллективного сознания, отсутствие функциональных контактов между элементами этносоциума всегда предшествуют возникновению концепций нового мироустройства и поиска нового места чело-

века в обществе, что, собственно, и становилось центральным полем поисков авторов, закладывавших основы национальных литератур новой генерации.

Культурная эволюция, а тем более – развитие эстетического сознания – может быть определена как совокупность сменяющихся явлений и феноменов, вид и структура которых лишь косвенно зависит от воздействия объективных факторов [Бауаев 2015: 406]. Сходство мировоззренческих, социальных и рекреативных элементов авторов многих новописьменных литератур, тем не менее, не привело к тождеству их образных систем и манере художественной рефлексии. Сензитивность представлений, поэтический образ, построенный на чувственных ощущениях явление, скорее, исключительное, нежели типичное. Например, осетинские художники-билингвы оставались в исключительно русской классической системе использования условных эстетизированных образов, значительная часть которых была разработана в первой половине XIX в. в среде культурного фронта Россия-Кавказ:

...Где Казбек высокий с белою чалмою,
Где шумливый Терек с тихою Курою,
Где под грохот адский бешеного вала
Вся гудит теснина грозного Дарьяла,
Где по скатам горным, под гнездом орлиным,
Лепятся аулы, словно рой пчелиный...
[Антология осетинской поэзии 1960: 68].

Схожий пример:

...Над ним лишь короной алмазной сверкает
В прозрачной лазури незыблемый Шат;
У ног его в дымке Казбек утопает...
Чернеют утёсы и реки шуршат...
[Антология осетинской поэзии 1960: 106]

Понятно, писатели строят свои тексты на устойчивых объектах, многократно обыгранных в русской поэзии, и уже задолго до них превратившихся в сознании российского человека в эмблемы, своеобразные знаки пространства Северного Кавказа.

И даже апелляции к этническим основаниям художественного отражения не даёт Коста Хетагурову физической наполненности образа:

Если б, как нарты, я пел вдохновенно,
Если б фандыр мой и в небе звучал –
Все бы созвал я народы вселенной
И о страданиях своих рассказал
[Антология осетинской поэзии 1960: 81].

Единичные для основоположника осетинской литературы образцы материального образного представления при ближайшем рассмотрении предстают ре-

результатом его осознанного следования избранной творческой цели, когда чувственное ощущение служит для выявления ведущей эмоции произведения:

У людей – бараньих туш ряды,
Сало каплет с потолка в золу,
А у нас, как призраки беды,
Гнёзда выют нетопыри в углу...
[Антология осетинской поэзии 1960: 80].

– центральная деталь строфы, отмеченная присутствием физического качества, со всей очевидностью восходит к народной традиции, так как в осетинском фольклоре, как, впрочем, и у других народов Северного Кавказа, жир, а тем более – теряемый без пользы – является меткой неприязненного отношения к богачам, столь характерного для крестьянской среды.

В свою очередь, на востоке Северного Кавказа, в Дагестане, поэтические практики определялись нормами восточной – арабской и персидской поэтики. И образные представления в этой традиции строились, преимущественно, на отвлечённой, точнее, книжной символике с момента зарождения поэзии у различных народов Дагестана. В определённом смысле можно утверждать, что дагестанские авторы были тотально ориентированы на презентации условных поэтических единиц, лишённых физического наполнения – за редчайшими исключениями, разумеется [Толгуров 1999: 47].

Если говорить о народах Северо-Западного Кавказа – им также не было свойственно использование бытийных деталей, картин с «пластическим» наполнением, было ли стремление адыгских народов к символике и понятийной условности следствием влияния института профессиональных песенников-джегуако, или других факторов, но факт остаётся фактом – национальные поэты чуждались фактурных, обыденных и вещных предметов, стремясь к использованию условных, конвенциональных единиц, группировавших смысловые блоки текстов в такие же, по сути, понятийные картины Я бедноты певец, друзья.

Я горькой наделен задачей:
Слагать слова народных плачей.
Я, Пачев Бекмурза,
В стихе негромком
О муках наших расскажу потомкам.
Молчать нельзя!
[Антология кабардинской поэзии 1957: 118]. –

Даже для достаточно позднего творчества Бекмурзы Пачева – основоположника новой поэтической школы, выросшей, непосредственно, из фольклора, характерно обращение к преимущественному использованию отвлечённой, условно-понятийной лексики, тяготеющей к тезаурусу этических норм. Чаще всего эмотивные номинативы Б. Пачева связаны с моралью воинского поведения и соотносятся с положениями национального кодекса «Адыге хабзэ»:

...Тот счастлив, кто в труде не утомим.
Кто праведным деянием людским
Защитой служит, – славу обретет.
Не будет, как злодей, ославлен тот,
Кто зла не совершает, не таит.
За правду только храбрый муж стоит.
Кто доброты лишен, – в том сердца нет...
[Антология кабардинской поэзии 1957: 123].

Иными были апперцептивные модели карачаево-балкарских авторов. Народные фольклорные практики и особенности языкового представления объектов не предполагали обращения к понятийным поэтизмам, даже такому поэту, как Кязим Мечиев, знание восточного мироощущения и эстетики которого сомнению не подлежат. «Находясь под явным влиянием арузной традиции, то есть в перцептивном плане изначально будучи ограничен сферой поэтической идиоматики, иносказательности и «рафинированного» понятийного представления, он абсолютно осознанно и с однозначной стилевой регулярностью перемежает «поэтизмы» картинами и деталями реального, суггестивно достоверного характера» [Бауаев 2017: 26].

Прямые требования арузных норм, подразумевавших операции с условно-поэтическими картинами и образами, не полностью определяли его виденье и мышление. Он целенаправленно и системно включает в свои модели лирического сопереживания «вещные» образы, наполненные физическим содержанием детали, усиливавшие ощущение материальной реальности описываемого, что актуализируется даже филологами-языковедами [Кетенчиев 2012: 102]. В сущности, подобное апперцептивное чередование во многом определяло его индивидуальный стиль:

На вершине горы (другой) горы не бывает,
Из одного дерева не бывает (не строится) коровник.
Если рана от клинка и заживает, –
Рана любви не заживёт...
Пришёл в кузню твой отец,
Сделал (я) для его лошади удила.
С ними вместе в свой дом
Отнес он моё сердце.
Хочу – пусть удила (мои) служат хорошо,
Пусть и сердце моё останется в твоём доме.
Отец твой обуздает свою необъезженную лошадь,
Но тебя он вряд ли остановит!
[Мечиев 1987: 5-6]

Сокол взлетает ввысь,
Дикому зверю (травоядному) – нужен соляной лизунец,
Орёл стремится в небо,
А человек – к хорошему!
Пишу я стихи, бью (кую) я железо,
И то, и другое (оба дела) пригодятся народу, говорю (думаю).
Один топор народу нужнее, чем один князь,

Кязим это теперь хорошо знает.
[Мечиев 1987: 16].

...Уподобились мы бродячим собакам,
Не стоим мы и одной копейки.
Не осталось горских обычаев,
Исчезли правильные помыслы,
Душат нас плохие долги (мести),
Рвут на части бешеные псы.
Это говорит вам хромой Кязим,
Плачут и плачут оба моих глаза,
Говорю вам свое последнее слово, –
Не осталось у нас терпенья!
[Мечиев 1987: 39-40].

У балкарского поэта можно найти лишь несколько текстов, выстроенных на понятийной, условно-поэтической символике, что обусловлено эстетической задачей произведений – дидактических, близких к морально-этическим поучениям – но и в подобных стихах основоположник балкарской литературы не может остаться в координатах рационально-абстрактного представления:

Мужество остро, как кинжал,
Трусость – тупа, как кувалда.
Мужество защитит твою родину,
Трусость похоронит твой огонь.
Мужество – как кремь,
Трусость – древесина липы.
Мы стараемся (надеемся) быть людьми,
Поэтому любим мужество.
[Мечиев 1987: 10].

В координатах определения стиля В.Д. Сквозниковым, придающего особое значение целенаправленному выбору форм поэтического выражения, можно утверждать, что основоположник балкарской литературы был первым среди своих коллег-компатриотов, сумевшим выдержать единство материализованных и абстрактно-понятийных презентаций, создав тем самым, основу будущего национального стиля. Он «...реально воплотил своеобычность художественного представления, шире – гносеологического отражения своего народа, обогатив иллюзорность восточного поэтического выражения мощным материальным началом, и облагородив последнее утонченностью и подчеркнутой философичностью арузной традиции» [Сквозников 1987: 178-184].

Своеобычные и этноокрашенные модели лирического сопереживания формировались до прихода Советской власти, и они были вполне функциональны в условиях мультикультурализма и языковой мозаичности. Однако на первых этапах развития новой социалистической литературы, доминировал идеологический подход в понимании роли и значения словесного творчества. И здесь необходимо понимать, насколько идеологическая и эстетическая унификация была продуктивна для так называемых «новописьменных» литератур.

Классовые трактовки художественного, скорее всего, были вполне приемлемы для моноязычных и монокультурных государств. Это вполне убедительно доказывается опытом писателей, принимавших идеи коммунизма, но, тем не менее, успешно развивавших поэзию и прозу в их чёткой этнической принадлежности.

Но утверждение об обязательности идеологических и мировоззренческих норм в полиэтнической среде было сильнейшим фактором нивелировки этико-эстетических компонентов народного сознания и, в конечном итоге, приводило к заметным задержкам в развитии целого ряда значимых направлений в поэзии и прозе – не говоря уже о зачатках народного театра, полностью перешедшего к общеагитационным формам уличных политических мистерий и примитивным представлениям, семантика которых ограничивалась конкретными лозунгами на потребу дня.

Естественно, подобные остроактуальные образцы словесного творчества получили первичное развитие в центре страны – культивация новой сферы духовности начиналась в политических центрах государства. И это обстоятельство также имело своим следствием очевидную вторичность нарождающихся форм нового искусства – в том числе, литературы – на национальной периферии. Так прошло становление идеи о разностатусных культурах, об идентификации каких-то из них «донорными» и, соответственно, о зависимом характере эволюции национальных литератур, отнесённых к так называемым «новописьменным» [Арнольдов 1976: 7].

Однако сущностным содержанием этого периода, надолго определившим пути развития национальных литератур, стал процесс нивелирования образного тезауруса всего литературного сообщества. Набор объектов, используемый для выстраивания лирических картин, приобретает общий вид как для «донорной» русской, так и для текстов национальных авторов. Собственно говоря, идеология нового строя меняла объектный мир словесного творчества, адаптируя его к новым целям и задачам: «Духовная культура по отношению к отдельной личности, социальной группе, классу существует как нечто объективно данное. Однако, будучи воспринятой и усвоенной, «опредмечиваясь» в практической деятельности личностей, социальных групп, классов, она органически входит в систему их жизнедеятельности, в их мировоззрение, т.е. становится субъективно осознанным способом осмысления объективной реальности, необходимым для её преобразования». Невзирая на заданность и идеологическую предопределённость хода мысли исследователя, данное положение весьма верно отражает моменты апперцептивной трансформации эпохи. Эпохи коренной ломки всего культурного пространства страны, в ходе которой партийные руководители прекрасно понимали – невзирая на все утверждения В.И. Ленина о ценности предыдущего опыта – что так называемая «новая личность» должна представлять индивидуума, чьи ценностные ориентиры, эстетические и моральные установки формируются, фактически, с «нуля» [Энгельс 1955: 244-245].

Закономерно, политическая обстановка первого десятилетия существования Советской власти предполагала, во-первых, резкое сокращение объектного мира новой литературы, во-вторых – заметную унификацию такового. В пред-

ставлениях партийной верхушки советского общества первоочередной и, фактически, единственной задачей художественной словесности стало атрибутация нового мироздания, институциональными элементами которого стали отвлечённые и, чаще всего, абстрактно-умозрительные концепты вновь формируемой идеологической среды. Поэтому сравнение даже совершенно разномасштабных поэтических величин – мастеров русской поэзии, прочно освоивших трёхсотлетнюю традицию образного представления и национальных, авторов, едва начавших освоение незнакомого им понятийного фонда в координатах соответствующей идеологии и эстетики – выявляют удивительные схождения в наборах описываемых предметов и концептов.

К слову, обращаясь к заключительной части поэмы «Двенадцать» мы сталкиваемся со знаковыми реестрами поэтических смысловых формант, в принципе, далёких от повседневного стиля, выработанного Александром Александровичем Блоком за предыдущие десятилетия творчества:

Так идут державным шагом –
Позади – голодный пес,
Впереди – с кровавым флагом,
И за выюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвыюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос
[Блок 1999: 20].

Что, конкретно, присутствует в отрывке: державный шаг, ветер, красный флаг, сугроб холодный, нищий пёс голодный, штык, старый мир, кровавый флаг, тьма, товарищ, пуля. За исключением образа Христа – достаточно стабильный список поэтических объектов, к которым прибегают совершенно неопытные стихотворцы, революцией «мобилизованные и призванные», причём – в любых этнических секторах. В сущности, единственный текст А.А. Блока, полностью конституированный идеологическим контентом, в концентрированном виде представляет те базовые концепты, вокруг которых и на которых выстраивают свои политические тексты большинство авторов новописьменных литератур. В той или иной степени, близости к тезаурусу Блока находятся сотни и сотни текстов стихотворцев, принявших революцию и Советскую власть, даже те из них, чья традиционность и религиозное мировоззрение не вызывали сомнения:

...Конь его, обрызган кровью,...
...В том бою свистели пули,...
...Пули падали, как дождь...
...Черной буркою, и мгла,...
...Храбрый горец опочил,
Но над ним пылает знамя...

Конечно, содержательная часть цитаты из произведения К.Б. Мечиева разворачивает эмблематику борьбы и нового строя несколько по-иному, нежели это наблюдается в поэме Блока, но сам факт совпадения объектных наборов – как минимум, факт трёх буквальных совпадений – говорит о многом.

Партийная верхушка страны весьма добросовестно относилась к вопросам строительства нового ментального пространства. Это был жёсткий иерархический подход, подразумевавший прессинг на идеологическом уровне, затем коррекцию этических установок и, в качестве логического итога – ломку в сфере эстетических воззрений. Конечной целью воздействия на общество было возвращение единообразного усреднённого социума, контроль и управление, которым не представлял бы особой сложности. Монохромность в эмоциональных, нравственных, рациональных реакциях отдельно взятого индивидуума стала осознанным трендом эпохи: «Сознательный пролетарий, опирающийся на познанную историческую необходимость в своей деятельности, вовсе не стремится к тому, чтобы сделать себя лично «господином общественных отношений...» «Моральная стратегия» нравственной свободы трудящегося... заключается в стремлении к коллективному единству...».

Много позже – уже в последней четверти XX столетия возврат к национальным моделям мироощущения и мировосприятия стал оцениваться, как эволюционный показатель для новописьменных литератур. По всей видимости, можно констатировать, что в отношении литератур народов России – тех из них, которые восходили к этническим системам словесного творчества, становление которых произошло уже при Советской власти – это вполне справедливо. И в этом смысле можно с полными основаниями утверждать, что на первых этапах развития новописьменных литератур говорить об ускорении и «форсированном» их развитии, как минимум, сомнительно. Первая стадия формирования этих литературных сообществ была, скорее, стадией стагнации и идеологически обусловленной унификации.

Художественное мышление народа, реализованное в поэзии и связанное со стихотворным творчеством, находилось под угрозой стагнации, так как разнообразность используемых рефлексивных структур не позволяла развиваться комплексному интегративному восприятию окружающего и закономерно обуславливало скудость и узость тематических поисков авторов. Трудно предполагать, каково было бы дальнейшее развитие балкарской поэтической мысли, однако её последующая эволюция была инициирована и скорректирована творчеством, фактически, одного человека.

Это был Кайсын Кулиев. Его роль в прогрессе национальной поэтической школы огромна и непереоценима, о чем многократно упоминалось в литературоведческих работах [Узденова, Кетенчиев 2020: 41]. Поэт был открыт наиболее прогрессивным художественным и эстетическим доктринам, которые, в принципе, могли быть реализованы в условиях советского союза. Знакомство с вершинами европейской и мировой культуры, глубокое и органичное освоение контента из абсолютно различных сфер духовности, начиная с живописи и заканчивая сценическим творчеством, сочеталось и реализовывалась в текстах Кулиева на аутентичном национальном языке в полном смысле этого слова.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Антология кабардинской поэзии 1957 – *Антология кабардинской поэзии*. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1957. – 299 с.
- Антология осетинской поэзии 1960 – *Антология осетинской поэзии*. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1960. – 390 с.
- Арнольдов 1976 – *Арнольдов А.И.* Социалистический образ жизни и культура. – М.: Мысль, 1976. – 156 с.
- Бауаев 2015 – *Бауаев К.К.* Этно-культурный статус и эпические архетипы // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1. – С. 406. EDN: UNXCQV.
- Бауаев 2017 – *Бауаев К.К.* Эволюционная специфика балкарской поэзии (типология апперцептивных версий): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. / Дагестанский государственный педагогический университет. – Махачкала, 2017. – 43 с. EDN: ZQDEYR.
- Блок 1999 – *Блок А.А.* Полное собрание сочинений и писем в 20-ти томах. Том V. – М.: Наука, 1999. – 105 с.
- Гачев 2008 – *Гачев Г.Д.* Содержательность художественных форм. Эпос, Лирика, Театр. – М.: Флинт, 2008. – 188 с.
- Кетенчиев 2012 – *Кетенчиев М.Б.* Функционально-семантический потенциал обращений в поэзии К. Мечиева // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – 2012. – Т. 2. – № 3. – С. 101-103.
- Мамедов 2007 – *Мамедов Н.Т.* Каракалпакская литература. – Баку: Мутарджим. 2007. – 188 с.
- Мечиев 1987 – *Мечиев К.Б.* Стихи и поэмы. – Нальчик: Эльбрус, 1987. – 98 с.
- Сквозников 1987 – *Сквозников В.Д.* Стиль и художественная ценность произведения // Контекст, 1987. Литературно-теоретические исследования. – М.: Наука, 1988. – С. 178-184.
- Тимофеев 1987 – *Тимофеев Л.И.* Слово в стихе. М.: Советский писатель, 1987. – 442 с.
- Толгуров 1999 – *Толгуров Т.З.* Информационно-эстетическое пространство поэзии Северного Кавказа. – Нальчик: Эльбрус, 1999. – 390 с.
- Узденова, Кетенчиев 2020 – *Узденова Ф.Т., Кетенчиев М.Б.* О принципах реализации образа в литературе карачаевцев и балкарцев: семиотика цветообозначений // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2020. – № 5. – С. 40-44. DOI: 10.20339/PhS.5-20.040.
- Энгельс 1955 – *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2. – М.: Политическая литература, 1955. – С. 244-245.

REFERENCES

- Antologiya kabardinskoj poezii* [An anthology of Kabardian poetry]. – M.: Gosudarstvennoe izd-vo hudozhestvennoj literatury, 1957. – 299 p. (In Russ.).
- Antologiya osetinskoj poezii* [An anthology of Ossetian poetry]. – M.: Gosudarstvennoe izd-vo hudozhestvennoj literatury, 1960. – 390 p. (In Russ.).
- ARNOL'DOV A.I. *Socialisticheskij obraz zhizni i kul'tura* [Socialist lifestyle and culture]. – M.: Mysl'. 1976. – 156 p. (In Russ.).
- BAUAJEV K.K. *Etno-kul'turnyj status i epicheskie arhetipy* [Ethno-cultural status and epic archetypes]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. – 2015. – № 2-1. – P. 406. (In Russ.).
- BAUAJEV K.K. *Evolucionnaya specifika balkarskoj poezii (tipologiya apperceptivnyh versij)* [The evolutionary specificity of Balkar poetry (typology of apperceptive versions)]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. / Dagestanskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. – Mahachkala, 2017. – 43 p. (In Russ.).
- BLOK A.A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 20-ti tomah* [The complete collection of writings and letters in 20 volumes]. Tom V. – M.: Nauka, 1999. – 105 p. (In Russ.).
- GACHEV G.D. *Soderzhatel'nost' hudozhestvennyh form. Epos, Lirika, Teatr* [The content of artistic forms. Epic, Lyrics, Theater]. – M.: Flint, 2008. – 188 p. (In Russ.).

KETENCHIEV M.B. *Funkcional'no-semanticheskij potencial obrashchenij v poezii K. Mechieva* [The functional and semantic potential of appeals in K. Mechiev's poetry]. In: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2012. – T. 2. – № 3. – P. 101-103. (In Russ.).

MAMEDOV N.T. *Karakalpaksкая literature* [Karakalpak literature]. – Baku: Mutardzhim. 2007. – 188 p. (In Russ.).

MECHIEV K.B. *Stihi i poetry* [Poems and poems]. – Nal'chik: El'brus, 1987. – 98 p. (In Russ.).

SKVOZNIKOV V.D. *Stil' i hudozhestvennaya cennost' proizvedeniya* [The style and artistic value of the work]. In: *Kontekst*, 1987. *Literaturno-teoreticheskie issledovaniya*. – M.: Nauka, 1988. – P. 178-184. EDN: YPCSYV. (In Russ.).

TIMOFEEV L.I. *Slovo v stihe* [A word in a verse]. – M.: Sovetskij pisatel', 1987. – 442 p. (In Russ.).

TOLGUROV T.Z. *Informacionno-esteticheskoe prostranstvo poezii Severnogo Kavkaza* [Informational and aesthetic space of poetry of the North Caucasus]. – Nal'chik: El'brus, 1999. – 390 p. (In Russ.).

UZDENOVA F.T., KETENCHIEV M.B. *O principah realizacii obraza v literature karachaevcev i balkarcev: semiotika cvetooboznachenij* [On the principles of image realization in the literature of Karachai and Balkars: semiotics of color meanings]. In: *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly*. – 2020. – № 5. – P. 40-44. DOI: 10.20339/PhS.5-20.040. (In Russ.).

ENGEL'S F. *Polozhenie rabocheho klassa v Anglii* [The situation of the working class in England]. In: *K. Marks i F. Engel's. Soch.* T. 2. – M.: Politicheskaya literatura, 1955. – P. 244-245. (In Russ.).

Информация об авторе

К.К. Бауаев – доктор филологических наук, доцент.

Information about the author

K.K. Bauaev – Doctor of Philology, docent.

Статья поступила в редакцию 02.04.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 02.04.2024 y.; approved after reviewing 15.06.2024 y.; accepted for publication 27.06.2024 y.

Научная статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-325-337
EDN: NQSPLC

ОСОБЕННОСТИ МЕМУАРНОЙ ПРОЗЫ А. УРУСОВОЙ (НА ПРИМЕРЕ КНИГИ «ЁМЮР ТАНЫШЛАНЫ САГЪЫНЫУ» («ВОСПОМИНАНИЯ О СОВРЕМЕННОКАХ»))

Фатима Таулановна Узденова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского
научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, [uzdeno-
va_kbigi@mail.ru](mailto:uzdenova_kbigi@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

Аннотация. В работе рассмотрены особенности и историко-культурное значение мемуарной прозы, теоретико-методологические подходы к изучению жанра. На материале творчества А. Урусовой предпринята попытка выявить эстетическое начало мемуаров в целокупности их отличительных признаков: личный опыт, фактографичность, ретроспективность, аутентичность, а также всесторонне и по-новому взглянуть на творчество карачаевской писательницы, характеризующееся нестандартным набором аксиологических моделей самовыражения, тенденцией к кларизму, модальностью. В результате исследования текста книги А. Урусовой «Ёмюр танышланы сагъыныу» («Воспоминания о современниках», 1975), отразившей историческую судьбу карачаевского народа сквозь призму деятельности пассионариев, обоснована концепция историко-типологического изучения мемуарного жанра, отмечены особенности стиля и языка мемуаров, принципы изображения, раскрыты роль и место мемуаристики в культурной жизни народа, эпохи. Теоретическая значимость работы в углублении представлений о различных литературных явлениях, в частности жанре нехудожественной прозы – мемуаристике.

Методы исследования: культурно-исторический, описательно-функциональный, биографический, историко-типологический.

Ключевые слова: мемуарная проза, карачаевская литература, А. Урусова, документалистика, достоверность, культура, пассионарии.

Для цитирования: Узденова Ф.Т. Особенности мемуарной прозы А. Урусовой (на примере книги «Ёмюр танышланы сагъыныу» («Воспоминания о современниках»)) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 325-337. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-325-337. EDN: NQSPLC.

© Узденова Ф.Т., 2024

Original article

FEATURES OF A. URUSOVA'S MEMOIR PROSE (BASED ON THE EXAMPLE OF THE BOOK “MEMORIES OF CONTEMPORARIES”)

Fatima T. Uzdenova

Institute of Humanitarian Researches – branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, uzdenova_kbgi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

Abstract. The work examines the features and historical and cultural significance of memoir prose, theoretical and methodological approaches to the study of the genre. Based on the work of A. Urusova, an attempt was made to identify the aesthetic beginning of the memoirs in the totality of their distinctive features: personal experience (through the prism of the author's individual perception), factuality, retrospectiveness, authenticity, as well as a comprehensive and new look at the work of the Karachay writer, characterized by a non-standard set axiological models of self-expression, a tendency towards clairism, modality. Because of the study of the text of A. Urusova's book "Yomur tanyshlany sagyny" ("Memories of contemporaries", 1975), which reflected the historical fate of the Karachay people through the prism of the activities of passionaries, the concept of historical and typological study of the memoir genre was substantiated, the features of the style and language of memoirs, principles images, the role and place of memoirs in the cultural life of the people and era are revealed. The theoretical significance of the work is in deepening ideas about various literary phenomena, in particular the genre of non-fiction prose - memoirs.

Research methods: cultural-historical, descriptive-functional, biographical, historical-typological.

Keywords: memoir prose, Karachai literature, A. Urusova, documentary, authenticity, passionaries, culture

For citation: Uzdenova F.T. Features of A. Urusova's memoir prose (based on the example of the book "Memories of contemporaries"). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 325-337. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-325-337. EDN: NQSPLC.

© Uzdenova F.T., 2024

Введение

Мемуарная проза – жанр, находящийся на стыке литературы и документалистики, уникальный источник информации о прошлом, преломленный сквозь призму личного опыта автора. Мемуарист, в отличие от автора художественного произведения, ограничен реальными событиями и личностями, не может искажать факты, но волен выбирать ракурс, расставлять акценты. Субъективность восприятия, роль памяти, «диалог» времен и поколений, претензии на достоверность воссоздаваемого прошлого, жанрово-видовое многообразие (мемуары-дневники, мемуары-исповеди, мемуары-портреты, мемуары-автобиографии, мемуары-«современные истории», мемуары-путешествия) – ряд особенностей мемуаров, актуализирующих их роль и место в аксиосфере литературы.

Слово «мемуары» происходит от латинского «memoria» – память [Большая советская энциклопедия 1974: 64]. «Под мемуарами подразумеваются воспоминания или записки о прошлом, написанные участниками или современниками каких-либо событий, имеющими с точки зрения автора определенную познавательную культурологическую ценность и/или социально-политическую значимость. Создавая мемуары, их авторы не только фиксировали (закрепляли) информацию о событиях, участниками, свидетелями или наблюдателями которых они были, но и оставляли потомкам специфический письменный памятник прошлого, позволяющий изучать и обстановку в обществе в целом, и духовный

мир отдельных индивидуумов, составляющих этот социум [Георгиева 2012: 126–127].

Одним из определяющих признаков, как видно из тезиса, является сопричастность литературных субъектов фактам, «...участниками, свидетелями или наблюдателями (курсив наш – Ф.У.) которых они были...» [Георгиева 2012: 126–127]. «Мемуарная литература может опираться на документальные источники, но основное в ней – *достоверность* непосредственных впечатлений...» (С.В. Калачева) [Русанова 2004], описываемые события преломляются через призму сознания автора.

А.Г. Тартаковский отличительными признаками мемуаров определяет: *личностное начало*: «весь рассказ о прошлом строится через призму индивидуального восприятия автора» [Тартаковский 1980: 27]; *ретроспективность*: «они (мемуары – Ф.У.) всегда возникали после описываемых в них событий и всегда обращены в прошлое...» [Тартаковский 1980: 29, 30]; *память*.

По мнению В. Полонского, «основные предпосылки труда мемуариста – строгое соответствие исторической правде, фактографичность, хроникальность повествования...» [Полонский, эл. ресурс].

С.С. Минц в качестве облигаторных признаков отмечает «*личностный характер* (курсив наш – Ф.У.)... перетекающий иногда в беллетризацию и публицистичность», и *документализацию* (курсив наш – Ф.У.) [Минц 2000: 162].

Целесообразным считаем обозначить еще два, на наш взгляд, существенных признака – *аксиологичность* и *автобиографизм*. На последнем обстоятельстве остановились авторы учебного пособия «Источниковедение» (2015) [Источниковедение... 2015: 358–368]; к источникам личного происхождения они отнесли «мемуары-автобиографии, мемуары-«современные истории», дневники, частную переписку (эпистолярные источники), эссеистику, исповеди [Источниковедение... 2015: 348].

Обобщив вышеизложенное о природе и специфике мемуарного жанра, можно согласиться с выводом крупнейшего испанского философа XX в. Хосе Ортеги-и-Гассета о том, что «мемуарный жанр является одновременно и антропотекстом и социотекстом и отражает связи языка, истории и культуры, так как по-настоящему зрелой становится лишь историческая восприимчивость человека [цит. по: Нюбина, эл. ресурс]. «Медиумом в этой ретроспективной рефлексии выступает вспоминающее «Я», которое выполняет самые разнообразные когнитивные действия, соединяющие прошлое и настоящее: осуществляет селекцию воспоминаний, их интерпретацию и комбинирование, делает обобщения, анализ, выражает оценки, эмоции и т.д.» [Нюбина, эл. ресурс].

Вышепредставленные базовые характеристики и признаки мемуарного порядка безусловно присутствуют и в национальных (карачаево-балкарских) текстах.

Особенности мемуарной прозы А. Урусовой

Изучение мемуаров А. Урусовой представляет особый интерес с позиции исследования художественно-эстетического феномена карачаевской национальной литературы XX столетия, понимания герменевтической сути творчества писателя.

Опыт мемуарной прозы в карачаевской литературе связан с именами Х. Богатырева, Героя Советского Союза, – «Ата джурт ючюн», 1963 («За Родину», военные мемуары), А. Урусовой – «Ёмюр танышланы сагъыныу», 1975 («Воспоминания о современниках»), О. Хубиева – «Джашау бла фахму», 1982 («Жизнь и талант»), К. Кипкеева – «Огненный путь длиной в четыре года», 1995 (мемуары командира партизанского отряда), Х. Байрамуковой – «Джашу-ум», 1996 («Моя жизнь», автобиографическая книга), С. Алиевой «Я сын твой, Теберда...», 2006 (книга воспоминаний об отце, известном тюркологе, докторе филологических наук Умаре Баблашевиче Алиеве) и др.

В настоящее время четко прослеживается тенденция обращения к мемуарной прозе, очерку, эссеистике и другим жанровым формам, содержащим мемуарное начало. Обращение к текстам с очевидной фактологической основой в эпоху советской идеологии вполне закономерно и объяснимо – стремление выбраться из тисков идеологического ценза мотивировало на создание нарратива с выраженным индивидуальным содержанием, вынужденно воплощавшегося в большинстве случаев в фактографической точности воспроизведения реальности.

Наиболее репрезентативной в данном аспекте представляется книга мемуаров А. Урусовой «Ёмюр танышланы сагъыныу» («Воспоминания о современниках»), отразившая историко-культурные события горской действительности, жизнь и творчество представителей интеллектуальной элиты народа, первых деятелей культуры Карачая с точки зрения реального инсайдера.

«Автору суждено было быть в гуще описываемых событий. Отражаемая в книге эпоха представлена объективно, с исключительной достоверностью, что очень ценно для аналогичных работ мемуарного жанра. В литературе Карачаево-Черкесии пока мало книг, воспоминаний, воспроизводящих жизнь и деятельность первых литераторов, журналистов. Одна из попыток сделана человеком, занимавшимся в те годы литературной критикой и журналистикой, – А. Урусовой (В 30-е годы А. Урусова являлась сотрудником газеты «Къызыл Къарачай» («Красный Карачай») – уточ. Ф.У.). – Шаг за шагом автор воспроизводит процесс развития культуры, искусства, литературы Карачая тех лет...» [Батчаев 1975]. «...Многие из сведений даются впервые (что очень важно), причем, очевидцем. При этом штрихи из биографии отдельных лиц в рукописи не даются изолированно друг от друга и от общественных событий, а даются на фоне событий и явлений жизни. Как историк, я должен сказать, что исторические факты автором изложены правильно. Нет сомнения и в том, что абсолютное большинство приводимых автором фактов из жизни тех, о ком она пишет, также достоверны» [Лайпанов 1975]. В мемуарах Урусовой использованы документы семейного архива – программки, юбилейные буклеты, дневники, рецензии, уникальные фотографии из Центрального государственного архива.

Книга мемуаров А. Урусовой написана на карачаево-балкарском языке, состоит из одиннадцати глав – по числу персоналий. Объектом книги явились выдающиеся личности, внесшие весомый вклад в дело становления и развития духовной культуры карачаевского народа. В их числе первые деятели культуры и искусства: Ислам Хубиев (Къарачайлы), общественный деятель, публицист,

имя которого вошло в Энциклопедию Р. Луначарского; Асхат Биджиев, первый из карачаевцев кандидат медицинских наук, писатель, автор ряда книг и учебников, переводчик; Исса Каракетов, один из основоположников карачаевской поэзии, автор знакового стихотворения «Кавказ»; Азрет Уртенев, один из зачинателей карачаевской поэзии, Хасан Аппаев, автор первого карачаевского романа «Къара кюбюр» («Черный сундук»), Исхак Урусов, фольклорист, музыкант, композитор, впервые осуществивший нотную запись музыкального творчества Карачая, и др. В книгу не вошла глава об основоположнике карачаевской письменности, авторе первого букваря, создателе типографии, первом учителе автора мемуаров Исмаиле Акбаеве (Чокуна афенди). Объясняется это религиозной деятельностью последнего, не приветствовавшейся в эпоху социалистического устройства.

Видные деятели культуры и искусства Карачая, о которых пишет А. Урусова, – это люди, имевшие непосредственное отношение к их семье. Все они были частыми посетителями их дома, являвшегося в то время средоточием всего нового, прогрессивного. Автор создает довольно яркую картину развития культуры карачаевского народа в 20–30-е годы XX в. В своей рецензии на книгу известный карачаевский писатель Мусса Батчаев отмечал: «Автор непринужденно и содержательно, естественным, доверительным тоном, истинно народным карачаевским языком, так выгодно отличающим представителей старшего поколения от всех нас, более поздних литераторов, рассказывает о прошлом Карачая, о времени и людях, которых хорошо знала. В работе присутствует ничем не заменимый опыт много повидавшего, о многом думавшего человека, способного при этом точно отразить на бумаге строй своих мыслей и чувств» [Батчаев 1975]. А. Урусову по праву считают основоположником мемуарного жанра в карачаевской литературе.

История создания книги

Создание книги мемуаров А. Урусовой «Ёмюр танышланы сагъыныу» («Воспоминания о современниках») было предопределено самим процессом культурного развития этноса. Официально время опубликования относится к 70-м гг. XX в. (книга издана в 1975). Однако многие – если не сказать большинство – параметры нарратива указывают на его возможно более раннее происхождение. А. Урусовой предпринята попытка через судьбу и творчество прогрессивных деятелей, в первую очередь литераторов, воссоздать полномасштабную картину развития культуры карачаевского народа в 20–30-е гг. XX в.

Будучи представительницей национальной интеллигенции, А. Урусова очень четко ощущала свою сопричастность к судьбе карачаевского народа. Она принадлежала к достаточно обширному кластеру научно-технической и творческой элиты старой, имперской формации. В то же время А. Урусова была ярким образцом новой советской интеллектуальной верхушки, общества, на личностном уровне именно таковой себя и осознававшей.

Посыл к этническому лидерству, понимание своей роли ведущего, вожака, выраженно присутствовал в этических постулатах народов Северного Кавказа. Кроме того, пропаганда также выполняла свои функции – даже в отношении

тех, кто изначально воспитывался в более совершенных эстетических и вкусовых нормах. А. Урусова, как и тысячи подобных ей, ощущала потребность в просветительской – иногда высокой, иногда культуртрегерской – связи со своим народом и как естественный продолжатель традиций и практик этнической пассионарной прослойки, и как адепт новой коммунистической философии. Сочетание двух нравственных императивов было, в принципе, присуще представителям старой аристократической верхушки карачаево-балкарского народа – весьма значительная часть его дворянства активно способствовала адаптации этноса к новым условиям существования и интеграции его культуры в парадигму советской этики и мировоззрения.

Оценивая тип мемуарного повествования, необходимо учитывать безусловные цели и задачи автора, предопределенные ее индивидуальностью в сфере, лежащей над горизонтом художественного плана. Помимо стремления к самовыражению и эмоциональной самореализации мемуарная проза А. Урусовой не могла не иметь *дидактической компоненты*, причем – в области литературных компетенций.

Наличие двух планов изложения в произведении – подчеркнуто фрагментарного и мозаичного по запланированной композиции и углубленного и подробного освещения настроений, мыслей и состояний главных героев – пассионариев (каждому посвящена отдельная глава) – доказывает нам, что автор вполне осознанно стремился к созданию текста, несущего в себе черты произведений разнонаправленных. Эти свойства и характеристики напоминают об атрибутивных приметах литературных штудий довоенного образца – об эпохе конца 20-х – начала 30-х гг. XX в.

Создается вполне достоверное впечатление о целенаправленной синтетичности произведения А. Урусовой, о том, что она попыталась соединить в тексте лучшие, по ее мнению, черты прозы указанного периода, а именно – психологической и публицистической; с формальной стороны «Воспоминания...» вписываются как в границы означенного мемуарного жанра, так и публицистического текста, базирующегося на очерковом характере и эпизодичности, и особенности нарратива которого лежат на поверхности: «...в публицистическом романе явственно намечается отход от организованного сюжета и возвращение к преодоленной уже, казалось, нашей романтистической эпизодичности» [Ершов 1962: 11].

Формат воспоминания зачастую включает *портретные характеристики* – с целью дать максимально полное (с включением приема визуализации) представление о персонаже. Наглядно это у А. Урусовой (в достоверности не приходится сомневаться, поскольку со всеми героями своей книги она была лично знакома, более того с некоторыми из них находилась в родственных связях). «1929 джыл каникуллагъа келгенимде, стол юсюнде «Эркинликни джилтинлери» китаб тура эди. Китабны ачханлай, артына таралгъан къалын чачы, юсюнде мийик джагъалы акъ кёлеги, кермекъаш, уллукёз джашны суратын кёрдюм» [Урусова 1975: 49] («В 1929 году, приехав домой на каникулы, увидела на столе поэтическую книгу «Искры свободы». Когда раскрыла ее, увидела фотографию молодого человека с зачесанными назад густыми волосами, широкими бровя-

ми, большими глазами, одетого в белую рубашку с высоким воротом») – об Азрете Уртенове; его приход автор описывает «...башында джукъа акъ кийиз бёркю, юсюнде, суратдача, акъ кёлеги, джарашыу галифе кёнчеги, башлы чуркълары, бармакъ кирмезча, кеблениб. Белинде къарачай кюмюш белибауу, *кёзюнге асыры джити къарагъандан зуккуча кёрюне*» [Урсова 1975: 49] («...на голове была тонкая войлочная белая шляпа, та же, что и на фотографии, белая рубашка, брюки галифе, сапоги, плотно обхватывающие ноги, подпоясан поясом с серебряными бляхами. Взгляд его был пронизывающим»). В подобных примерах автор щедро использует поэтические средства языка, такие как сравнения, метафоры, фразеологизмы и др.

Стилистика и поэтика

Специфическая черта стиля А. Урсовой – *временной тип нарратива* (это обнаруживается и в ее романе «Айсанат», и во многих поэтических текстах). А. Урсова акцентированно ведет повествование в настоящем времени, самой частой временной формой употребляемых ею состояний героя является сочетание характерного для карачаево-балкарского языка прошедшего длящегося времени [Грамматика карачаево-балкарского языка 1976: 231] и актуально наличествующего:

«...Иссаны халы да алай эди. 1929 джылдан башлаб, 1931 джылны август айына дери Иссаны басмаланган заты джокъду. 1931 джыл «Бакуда нефтни хакъындан» назмусу эм да «Революцион джырла» китабы чыгъадыла. Андан арысында Исса джазмайды джангы зат. Иссаны литературада ишлегени сегиз джылны ичиндеди. Отуз бешинчи джыл культураны юйюнде талай адам Агринский Володя бла бирден шахмат ойнай тургъанлайыбызгъа, Терк Башындан къайтхан Исса келиб, атамы къатына олтурду. Кесими орнуму биреуге бериб, Иссагъа джуукъда *олтурдум* (прямо сейчас – уточ. Ф.У.).

– Исса, мен редакцияда ишлеген кёзюуде нек джазмайса? Тыйгъычсыз чыгъарлыкъ эдим, – деб кёзюне къарадым.

– Отум джетмейди, – дегени бла, кесини да кёз къарамамы тюрленнгенча, анда билинир-билинемез джюрек джарсыу ышан эследим. Айтмаса да, болумун биле эдим, андан ары соруу этерге аядым. Андан сора Исса бла, кенгден кёрген болмаса, джууукъда тюбемегенлей къалдым» [Урсова 1975: 31].

...В период с 1929 по август 1931 года у Иссы не было ни одной публикации. В 1931 году было опубликовано стихотворение «Цена Бакинской нефти» и вышел сборник стихов «Революционные песни». После Исса ничего не написал.

В 1935 г., когда в областном Доме культуры Володя Агринский давал одновременный сеанс игры с нами, я заметила, как возвратившийся с верховьев Терека Исса подсел к моему отцу. Отдав свое место (игры) другому, я села поближе к Иссе.

– Исса, почему ничего не пишешь, пока я работаю в редакции? я смогла бы опубликовать твои вещи без задержки, – обратилась я к нему.

– Не хватает пороку, – ответил он с еле заметным признаком душевного волнения/переживания. Я знала его ранимость и сочла благоразумным не задавать ему более вопросов. Больше вблизи его видеть не довелось (Подстр. пер.).

Другой пример: «...Кюеулюгюн багъалата, къучакълаб саламлашдым. Къараб-къарагъынчы алай илешдик, ёмюрюбюз бирге ёсгенча, не затны да ай-та, сора, кюле, ышара, джарыкъланыб олтурдукъ (прямо сейчас – уточ. Ф.У.)» [Урусова 1975: 49] («...Отдавая дань родству (он приходился зятем – речь об Азрете Уртенове), обняв, поприветствовала его, сразу возникло ощущение, что мы с ним давно знакомы, разговаривая обо всем, смеясь-улыбаясь, довольные уселись». Подстр. пер.).

Эта конструкция – нанизывание нескольких уточнений действия и текущего состояния героя с окончательным указанием на его сиюсекундный процессуальный статус сохраняется на протяжении всего текста в качестве доминирующей. По всей видимости, автору было принципиально важно подчеркнуть постоянную погруженность в описываемую среду, из чего напрашивается логичный вывод – произведение с явным эффектом присутствия повествователя в подавляющем большинстве описываемых сцен, связанных с главным персонажем. Иначе говоря, фактическая основа текста, его содержание, имеет безусловно вид *личного опыта* Урусовой, что, собственно говоря, и определяет его мемуарную специфику, а сами тексты воспоминаний представляют собой произведение с выраженной *автобиографической* составляющей.

Вкупе с некоторыми моментами, определяющими личность самой А. Урусовой, ее основные ценностные установки и модели социального поведения, соотнесенность содержания «Воспоминаний...» с реальным жизненным опытом писательницы позволяют сделать несколько достаточно продуктивных предположений, относящихся, помимо всего прочего, и к истории написания произведения, и к специфическим характеристикам его нарратива.

Явная несообразность с официальным временем написания произведения заставляет задуматься о характере работы над ним. Необходимо признать, что в целом текст дает нам основания на значительный сдвиг в оценке сроков его создания.

Наблюдения над синтаксисом и ритмом повествования свидетельствуют о продолжительности работы над ним, и это, возможно, не год и не два. На такой ограниченной временной дистанции ритмы текста, реализованные на разных уровнях, сугубо функциональны и зависят от целеустановки автора. Как отмечает Н.М. Фортунатов, «...восприятие крайних частей формы, таким образом, как бы откладывается по обе стороны воображаемой оси симметрии... и всей форме придается строгая ритмическая уравновешенность, соразмерность» [Фортунатов 1974: 176] – и касается эта ремарка произведений, написанных быстро, вне процесса естественного и долговременного изменения личности.

Произведение же А. Урусовой в своих основных ритмических показателях, точнее – в базовых ритмических показателях, имеет непосредственное отношение к структуре самой личности, к ее подсознательным, рационально неконтролируемым уровням. Речь – о синтагматическом членении нарратива. И здесь мы видим изменения такого рода, которые могут наблюдаться на временных дистанциях большой протяженности. Попытки найти аналогию явлению вне пределов творчества А. Урусовой и даже за границами новописьменных литератур приводят нас к интересным наблюдениям Д.С. Лихачева. Он, рассуждая о прогрессе литературного мышления, констатирует наличие «условностей», –

постепенно заменяемых на подобные же образования нового типа и более приближенные к непосредственному наблюдению – в его терминологии «стремление средства изображения... к предмету изображения» [Лихачев 1987: 398–431]. В применении к прозе карачаевской писательницы мы можем, в данном случае, констатировать приближение синтагматического членения авторской фразы к естественному строю карачаево-балкарского языка. В плане изобразительных средств языка – речь насыщена афоризмами, фразеологией, метафорой: Керексиз къайгъы сёз джюрютюу тюз адамлары кёб тентиретгенди, артыкъсызда 1929 бла 1934 джыллада. Иссаны *къанатлары да ол заманлада юзюлгендиле* (курсив наш – Ф.У.) [Урусова 1975: 30] («Сплетни, напраслина многих праведных людей ввергли в отчаяние, особенно в 1924 и 1937 годах. Крылья Иссы тоже в те годы оборвались»); ёлом къыйынлыкъ сынагъан джазалады кесин бериб («испытывавший смерть близкого целиком отдается творчеству»); сёз зараны джетген кёлуна къалам алалмай къалады [Урусова 1975: 30] («(но) кому языком (клеветника) нанесена рана, тот перо в руку уже не может взять»); *баи адамны юсюнден аз да чоларакъ зат айтылса, аны сыйын тюшюрюрге излегенле дженгил табыладыла* [Урусова 1975: 60] («стоит только сказать одно нелестное слово в адрес талантливого человека, как тут же находятся недоброжелатели, готовые еще больше принизить/растоптать его»).

Включение «личного» контента – довольно распространенный пример воссоздания жизненного пути героя, отражения его эмотивной составляющей:

«...Со стороны семейная жизнь Азрета казалась весьма благополучной, однако к концу 1935 года брак распался. Для всех были очевидны его сильные переживания. Весь его вид говорил о том, как велика была печаль...

Первое время, когда Азрет перестал бывать у нас дома, нам его очень не доставало. Когда же встречались на работе, он спешил ретироваться. Ничего общего не было с прежним Азретом. Раньше он умел шутками и меткими выражениями веселить всех, сочинять экспромтом стихи на заданную тему, легко находя, к удивлению молодых поэтов, слова из карачаевской лексики, словно извлекал их из запасника. Время внесло свои коррективы, он взбодрился, женился. Хотя произведений стало публиковаться меньше, он начал больше переводить с русского языка... » (Подстр. пер.) [Урусова 1975: 57–59].

Специфика мемуарного изложения вбирает многие существенные характеристики, в том числе *эмпирические*. Наблюдения автора являют читателю очевидную устойчивую модальность, что возможно исключительно с позиции субъектно-объектных отношений; особо отметим в этой связи ответственную роль автора в создании *факта достоверности*, в том числе в передаче психологического состояния героя.

Примером корректного обращения с фактом могут послужить фрагменты очерка о выдающейся творческой личности, педагоге, поэте, переводчике, враче Асхате Биджиеве: «...Зять наш хирург Баскаев работал с Асхатом, часто с ним бывал у моих родителей и у меня дома. Особенно привлекала Асхата возможность послушать народные песни в исполнении Исхака (Исхак Урусов, брат автора мемуаров, основоположник карачаевской музыкальной фольклористики – уточ. Ф.У.), замечательно игравшего на всех инструментах (мандалине,

скрипке, пианино и других). К тому же в тот период часто собирались у меня по выходным наши литераторы, чтобы обменяться мнениями о рукописях или публикациях, читали стихи, полемизировали и т.п. Присутствовавшие в такие дни Кипкеев Мухаммат, Уртенев Азрет, Байкулов Даут, Бостанов Хасан, Урусов Махамед, Урусов Юнус и другие разом вставали, когда неожиданно появлялся Асхат, чаще вместе с Баскаевым. Приход его вносил ощутимое тепло в наш круг. Интеллектуальное превосходство было заметно, это чувствовали все.

...В те годы в свободные от работы дни работники часто общались: послушать песню, подкрепиться здоровым смехом, а то и поделиться своими мыслями. Это не требовало особенных физических и материальных затрат. Все было проще: хычины, айран, самовар и локумы к чаю. Так было и в доме у моего отца, где частенько сживали Акбаев Исмаил, Текеев Рамазан, Курджиев Курман, Кубанов Ахмат, Байкулов Исмаил и другие

...Как-то читали по жеребьевке произведения. Читать «Демона» на карачаевском языке выпало Курджиеву. Замечательный знаток родного языка, он, однако, почувствовал затруднение в уже отошедшей латинской графике. И ему по предложению Асхата протянули русский текст «Демона». Курман закрутил свои пышные усы, окинул всех взглядом и начал читать с жаром души. Мы все слушали стоя и испытывали большое удовольствие. Когда он закончил, все бурно зааплодировали. Асхат же, перешагнув через стул, подступился к Курману и сказав «Алапат!» (Замечательно!), изо всех сил обнял его. ...«Буревестник» был прочитан им самим (Биджиевым – уточ. Ф.У.) у меня дома в присутствии Аппаева Хасана, Кипкеева Мухаммата, Урусова Махамета и Уртенева Азрета. Перевод «Буревестника» я тогда же взяла у Асхата и пустила в печать. Он был опубликован седьмого ноября 1936 г. Чтобы уметь переводить как он (Биджиев – уточ. Ф.У.) надо было обладать его кругозором, его мастерством стихосложения. Асхат ценил в романе Х. Аппаева «Черный сундук» более всего его язык...» [Урусова, рукопись].

Книга мемуаров А. Урусовой не только воспоминания о современниках, но и произведение просветительской направленности – в нем читатель может почерпнуть знания по истории, этнографии, языку, об этико-эстетических нормах карачаево-балкарцев (Тау адет). К примеру, – в части поведения в присутствии старших: «Къызчыгъы Лариса эди Азретни къууанчы. Тау адетде намысын сакълай, *атамы, анамы къатларында къойнуна алыб олтумагъанлыкъгъа...*» [Урусова 1975: 50] («Дочка Лариса была для него отрадою... Хотя в присутствии отца и матери (речь в данном случае идет о родителях автора мемуаров, уточ. – Ф.У.), руководствуясь горскими этическими законами (императивами), не брал ее на руки...»). Подстр. пер.).

Заключение

Воссоздание истории формирования и развития этноса является сложной задачей, документальное и художественное решение которой свидетельствует об интеллектуальном потенциале и таланте автора. Анализ мемуарной прозы А. Урусовой продемонстрировал сложившуюся концепцию в части осмысления национальной истории и времени, философско-этических поисков, психоло-

гизма. «...Привлечение нарративных и архивных источников определили вектор исследовательской мысли в указанном секторе. Антропологическое измерение и мемуарное начало явились приоритетными средствами в решении проблем, связанных с репрезентацией представлений о «человеке в социуме»» [Узденова 2021: 261]. В этом отношении наиболее показательной в карачаевской литературе явилась книга мемуаров «Ёмюр танышланы сагъыныу» («Воспоминания о современниках») А. Урусовой. Подчеркнутое стремление к реалистичности, подтвержденной на всех уровнях отражения, видится одной из особенностей творческой индивидуальности автора.

В целом исследование позволило выявить роль и место мемуаров в литературной традиции, как феномена культуры и как одного из видов исторического источника, рассмотреть теоретико-методологические подходы к изучению мемуарного жанра, сделать общие выводы о степени актуальности и значении мемуаристики А. Урусовой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Батчаев 1975 – *Батчаев М.Х.-К.* Рецензия на рукопись книги мемуаров Урусовой А.М. «Ёмюр танышланы сагъыныу» (Воспоминания о современниках), 1975 // Из личного архива А. Урусовой.

Большая советская энциклопедия 1974 – Большая советская энциклопедия. В 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1974. – 3-е изд. – Т. 16. – 616 с.

Георгиева 2012 – *Георгиева Н.Г.* Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2012. – № 1. – С. 126–138.

Грамматика карачаево-балкарского языка 1976 – Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика. Морфология. Синтаксис. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 571 с.

Ершов 1962 – *Ершов Л.* Типология советского романа // Русская литература. – 1962. – № 4. – С. 3–31.

Источниковедение 2015 – Источниковедение: учебное пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская; отв. ред. М.Ф. Румянцева. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.

Лайпанов 1975 – *Лайпанов К.Т.* Рецензия на рукопись книги мемуаров Урусовой А.М. «Ёмюр танышланы сагъыныу» (Воспоминания о современниках), 1975 // Из личного архива А. Урусовой.

Лихачев 1987 – *Лихачев Д.С.* Прогрессивные линии развития в истории русской литературы // Лихачев Д.С. Избранные работы в трех томах. – Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1987. – Т. 3. – С. 398–431.

Минц 2000 – *Минц С.С.* Российская мемуаристика последней трети XVIII – первой трети XIX вв. в контексте историко-психологического исследования: дис. ... д-ра ист. наук. – Краснодар, 2000. – 395 с.

Нюбина, эл. ресурс – *Нюбина Л.М.* Мемуарный текст как многогранный когнитивный феномен [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/4_SND_2013/Philologia/3_127481.doc.htm (дата обращения: 15.05.2024 г.).

Полонский, эл. ресурс – *Полонский В.* Мемуарная литература // Энциклопедия «Кругосвет»: универсальная научно-популярная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/MEMUARNAYA_LITERATURA.html (дата обращения: 15.05.2024 г.).

Русова 2004 – Русова Н.Ю. От аллегии до ямба: терминологический словарь-тезаурус по литературоведению / Н.Ю. Русова. – М.: Флинта; Наука, 2004. – 301 с. URL: <https://rus-literaturologiya.slovaronline.com/> (дата обращения: 13.05.2024).

Тартаковский 1980 – Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения / АН СССР, Институт истории СССР. – М.: Наука, 1980. – 311 с.

Узденова 2021 – Узденова Ф.Т. Мемуарные практики в художественном тексте (на примере творчества А. Урусовой) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2021. – № 6 (104). – С. 260–267. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-6-104-260-267.

Урусова 1975 – Урусова А.М. Ёмюр танышланы сагыныу (Воспоминания о современниках). – Черкесск: Карачаево-Черкесское отд-ние Ставропольского кн. изд-ва, 1975. – 128 с. (На карач. яз.).

Урусова, рукопись – Урусова А.М. Тогда мы были вместе. Рукопись книги // Из личного архива А. Урусовой.

Фортунатов 1974 – Фортунатов Н.М. Ритм художественной прозы // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л.: Наука, 1974. – С. 173–185.

Чекунова 1995 – Чекунова А.Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII–XVIII вв. – М.: Российское университетское издательство, 1995. – 134 с.

REFERENCES

BATCHAYEV M.KH.-K. *Retsenziya na knigu memuarov Urusovoy A.M. «Yomyur tanyshlany sag"yny» (Vospominaniya o sovremennikakh)* [Review of the book manuscript of memoirs by Urusova A.M. “Yomur tanyshlany sagyny” (Memories of contemporaries)], 1975. (From the personal archive of A. Urusova). (In Russ.)

Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia]. In 30 t.; ch. ed. A.M. Prokhorov. – Moscow, 1974. – 3rd ed. – Vol.16. 616 p. (In Russ.).

CHEKUNOVA A.E. *Russkoye memuarnoye naslediye vtoroy poloviny XVII–XVIII vv.* [Russian memoir heritage of the second half of the 17th–18th centuries]. – Moscow, 1995. – 134 p. (In Russ.)

ERSHOV L. *Tipologiya sovetskogo romana* [Typology of the Soviet novel]. IN: *Russkaya literatura* [Russian literature]. – 1962. – No 4. – P. 3–31. (In Russ.)

GEORGIEVA N.G. *Memuary kak fenomen kul'tury i istoricheskiy istochnik* [Memoirs as a cultural phenomenon and historical source]. IN: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: History of Russia]. – 2012. – No 1. – P. 126–138. (In Russ.)

Grammatika karachayevo-balkarskogo yazyka. Fonetika. Morfologiya. Sintaksis. [Grammar of the Karachay-Balkar language. Phonetics. Morphology. Syntax]. – Nalchik: Elbrus. – 1976. – 571 p. (In Russ.)

Istochnikovedeniye [Source study] / I.N. Danilevsky, D.A. Dobrovolsky, R.B. Kazakov, S.I. Malovichko, M.F. Rumyantseva, O.I. Khoruzhenko, E.N. Shveikovskaya; resp. ed. M.F. Rumyantseva; textbook manual. – Moscow: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 2015. – 685 p. (In Russ.)

LAYPANOV K.T. *Retsenziya na knigu memuarov Urusovoy A.M. «Yomyur tanyshlany sag"yny» (Vospominaniya o sovremennikakh)* [Review of the book manuscript of memoirs by Urusova A.M. “Yomur tanyshlany sagyny” (Memories of contemporaries)], 1975. (From the personal archive of A. Urusova). (In Russ.)

LIKACHEV D.S. *Progressivnyye linii razvitiya v istorii russkoy literatury* [Progressive lines of development in the history of Russian literature]. IN: Likhachev D.S. *Izbrannyye raboty v trekh tomakh.* [Selected works in three volumes]. – Leningrad: Fiction. Leningral branch, 1987. – Vol. 3. – P. 398–431. (In Russ.)

MINTS S.S. *Rossiyskaya memuaristika posledney treti XVIII – pervoy treti XIX vv. v kontekste istoriko-psikhologicheskogo issledovaniya* [Russian memoirs of the last third of the 18th – first

third of the 19th centuries. in the context of historical and psychological research]: dis: ... Dr. Ist. Sci. –Krasnodar, 2000. – 395 p. (In Russ.)

NYUBINA L.M. *Memuarnyy tekst kak mnogogrannyi kognitivnyy fenomen* [Memoir text as a multifaceted cognitive phenomenon]. URL:http://www.rusnauka.com/4_SND_2013/Philologia/3_127481.doc.htm (date of access:15.05.2024). (In Russ.)

POLONSKY V. *Memuarnaya literatura* [Memoir literature]. Encyclopedia “Around the World”: a universal popular science encyclopedia. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/MEMUARNAYA_LITERATURA.html (date of access:15.05.2024). (In Russ.)

RUSOVA N.YU. *Ot allegorii do yamba: terminologicheskii slovar'-tezaurus po literaturovedeniyu* [From allegory to iambic: terminological dictionary-thesaurus on literary criticism]. – Moscow: Flinta; Nauka, 2004. – 301 p. URL: <https://rus-literaturologiya.slovaronline.com/> (date of access: 13.05.2024). (In Russ.)

TARTAKOVSKIY A.G. *1812 god i russkaya memuaristika. Opyt istochnikovedcheskogo izucheniya* [1812 and Russian memoirs. Experience in source study]. USSR Academy of Sciences, Institute of History of the USSR. – Moscow: Nauka, 1980. – 311 p. (In Russ.)

UZDENOVA F.T. *Memuarnyye praktiki v khudozhestvennom tekste (na primere tvorchestva A. Urusovoy)* [Memoir practices in artistic text (on the example of the works of A. Urusova)]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* [News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS]. – 2021. – No 6 (104). – P. 260–267. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-6-104-260-267 (In Russ.)

URUSOVA A.M. *Vospominaniya o sovremennikakh* [Memories of contemporaries]. To Karach. Language. – Cherkessk: Karachay-Cherkess branch of the Stavropol prince. Publishing house, 1975. – 128 p. (In Karachay-Balkarian)

FORTUNATOV N.M. *Ritm khudozhestvennoy prozy* [Rhythm of fiction]. IN: *Ritm, prostanstvo i vremya v literature i iskusstve* [Rhythm, space and time in literature and art]. – Leningrad: Nauka, 1974. – P.173–185. (In Russ.)

URUSOVA A.M. *Togda my byli vmeste* [Then we were together]. Book manuscript. (From the personal archive of A. Urusova) (In Russ.)

Информация об авторе

Ф.Т. Узденова – доктор филологических наук.

Information about the author

F.T. Uzdenova – Doctor of Sciences (Philology).

Статья поступила в редакцию 31.05.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 31.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

ЩІэныгээ тхыгээ
УДК 881/886+821.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-338-355
EDN: NXXOMB

КЪЭШЭЖ ИННЭ ЛЪЭПКЪ ГУПСЫСЭКІЭ ПСЫХЪА И УСЫГЪЭМ УРЫСЕЙПСО ЩЭНХАБЗЭМ ЩИУБЫД УВЫПІЭР (УсакІуэр кыызэралъхурэ илгэс 80 щрикъум ирихьэлІэу)

Хъэвжокъуэ Людмилэ Борис ипхъу

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ кърал бюджет щІэныгээ ІуэхущІапІэ «Урысейм щІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкър щІэныгээ центр» Федеральнэ щІэныгээ центрым» и филиал, Налшык, Урысей, lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9931-7726>

Аннотаци: Къэхутэныгъэр зыхуэгъэпсар урысыбзэкІэ тхэуэ щыта адыгэ (къэбэрдей) усакІуэ Къэшэж Иннэ Инал и пхъум и гъащІэмрэ и гуащІэмрэ джнырщ. Лэжыгъэм и мурадър усакІуэм и творческэ щІэиным кыызэщІэкъуауэ хэплъэжынырщ, ар лъэпкъ литературэхэм ямызакъуэу, къралпсо литературэм и зыужыныгъэм зэрыхэзагъэр къэхутэнырщ. Абы папщІэ къэдгъэсэбэпщ анализ, синтез, къетхэкІ, тхыдэ-зэгъэпщэныгъэ, тхыдэ-щэнхабзэ, тхыдэ-жылагъуэ щІэныгээ Іэмалхэр. Статъяр Іыхъэ зыбжанэу зэхэтщ: пэублэ; художественнэ тхыгъэхэр, уэрэдхэр, зэдзэкІахэр щызэпкърыха ІыхьитІ; кІэух. Пэублэм Къэшэж И. и биографием дыщытотхыхь, ар кыщцалъхуа махуэр зэхэгъэкІауэ. Къэшэжым и творчествэм ублапІэ хуэхъуа тхыгъэхэм я щхьэхуэныгъэхэр кыгъэлъэгъуащ, нобэр кыыздэсым зыри зыщымыгъуазэу щыта усэхэмрэ гулбытэ зымыгъуэта тхыльхэмрэ (Иннэ и усэхэр адыгэбзэкІэ зэдзэкІауэ зэрыт «Лъабзэ» сборникыр; абы и ІэдакъэщІэкІ псори щызэхуэхъэсыжа тхыльытІыр) щІэныгъэм кыыхэша хъуащ. УсакІуэр езыр пэууэ кыдэкІа тхыльхэри ар дунейм ехыжа нэужь кыдагъэкІыжа лэжыгъэхэри мы къэхутэныгъэм кыщызэщІэкъуащ. Иужьрейхэм, Къэшэж И. и усэхэм нэмыщІ, и гъащІэмрэ и гуащІэмрэ теухуа статъяхэр, усакІуэм хуагъэпса усэхэр, Къэбэрдей-Балъкърым щыщ усакІуэ зыбжанэм ятеухуауэ езым и Іэдакъэ кыщІэкІа очеркхэр, и интервьюхэр, зэридзэкІа тхыгъэхэр итщ. Статъям и Іыхъэ нэхьыщхьэм Къэшэжым и усыгъэм нэхь ІупщІу кыхэбелджылыкІа мотивхэр, усэхэмрэ уэрэдхэмрэ я ухуэкІэ-гъэпсыкІэм хэлъ гъэщІэгъуэнагъ-щІэщыгъуагъхэр кыщыхэгъэщхьэхукащ, ахэр лъэпкъ гупсысэкІэ зэрыпсыхар кыщыгъэлъэгъуащ. КІэух Іыхъэм къэхутэныгъэм къркІуахэр кыщызэщІэкъуэжаш, усакІуэм и творчествэм Кавказ, нэхь убгъуауэ – Урысей щэнхабзэм щиубыд увыпІэр щыгъэбелджылащ. Лэжыгъэр кыызэщІэзыкъуэж гупсысэхэр Къэшэж Иннэ и усыгъэр нэхь куууэ икІи зыубгъуауэ джнынымкІэ, апхуэдэуи усакІуэм и творчествэр щІэныгъэр и лъабжьэу кыызэщІэкъуэнымкІэ тегъэщІапІэ хъунуш.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: Къэшэж Иннэ, совет лъэхъэнэм и усыгъэ, лъэпкъ гупсысэкІэ псыхъа усыгъэ, Кавказ, Урысей, «ІувыкІыжыгъуэ», мотив, образ.

Цитатэ кызырэыхэпхынур: Хъэвжокъуэ Л.Б. Къэшэж Иннэ лъэпкъ гупсысэкІэ псыхъа и усыгъэм урысейпсо щэнхабзэм щиубыд увыпІэр (УсакІуэр кыызэралъхурэ илгэс 80 щрикъум ирихьэлІэу) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 338-355. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-338-355. EDN: NXXOMB.

© Хъэвжокъуэ Л.Б., 2024

Original article

**POETIC ETHNOCODE OF INNA KASHEZHEVA
IN THE ALL-RUSSIAN CULTURAL SPACE**
(To the 80th anniversary of the birth of the poetess)

Lyudmila B. Khavzhokova

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9931-7726>

Abstract. The article examines the life and work of the Russian-speaking Adyghe (Kabardian) poetess Inna Inalovna Kashezheva. The purpose of the work is a comprehensive study of her creative heritage in the evolution of national literatures and the domestic literary process. The research uses methods of literary analysis, synthesis, description, as well as comparative-historical, cultural-historical, socio-historical methods. The structure of the work includes an introduction, two sections in which the authors conduct an analysis of literary texts and translations, as well as a conclusion. The introductory part highlights the main stages of I. Kashezheva's life and creative path. A biobibliographical certificate is presented, and the poetess's birth date is determined using current opinions from literary scholars, critics, publicists, and friends and acquaintances. Issues concerning the formation of creativity are explored, the first publications of poetry are studied, previously undiscovered works and books are placed into scholarly circulation (a collection of translations of poems by I. Kashezheva "Laabze" / "Mark"; a two-volume collected works, etc.). The article examines lifetime publications and books that were published after her departure and additionally include works of art, articles about life and work, dedication poems/messages from I. Kashezheva from colleagues in the pen, as well as her translations, interviews and essays about poets of Kabardino-Balkaria. In the main research part of the article, an analysis of poems and songs is carried out; the main motives of poetry, the structural and compositional features of the works, which together constitute the poetic ethnocode of I. Kashezheva, are identified. The results obtained in the future will contribute to a further, more in-depth and extensive monographic study of the poetry of I. Kashezheva, restoring a complete picture of the evolution of her work.

Keywords: Inna Kashezheva, Soviet poetry, poetic ethnocode, Caucasus, Russia, "thaw", motive, image.

For citation: Khavzhokova L.B. Poetic ethnocode of Inna Kashezheva in the All-Russian cultural space (To the 80th anniversary of the birth of the poetess). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 338-355. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-338-355. EDN: NXX-OMB.

© Khavzhokova L.B., 2024

Научная статья

**ПОЭТИЧЕСКИЙ ЭТНОКОД ИННЫ КАШЕЖЕВОЙ
В ОБЩЕРОССИЙСКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**
(К 80-летию со дня рождения поэтессы)

Людмила Борисовна Хавжокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Россия, Нальчик, lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9931-7726>

Аннотация. В статье исследуется жизнь и творчество русскоязычной адыгской (кабардинской) поэтессы Инны Иналовны Кашежевой. Цель работы – комплексное изучение творческого наследия поэтессы в контексте эволюции национальных литератур и отечественного литературного процесса в целом. В исследовании применяются методы литературоведческого анализа, синтеза, описания, а также сравнительно-исторический, культурно-исторический, социально-исторический методы. Структура работы включает введение, два раздела, в которых представлен анализ художественных текстов и переводов, и заключение. Во вводной части выделяются основные этапы жизненного и творческого пути И. Кашежевой. Приводится биобиблиографическая справка, утановлена дата рождения поэтессы с учетом существующих мнений литературоведов, критиков, публицистов, воспоминаний друзей и знакомых. Рассматриваются вопросы становления творчества, изучаются первые публикации стихов, вводятся в научный оборот ранее неизвестные произведения и книги (сборник переводов стихов И. Кашежевой «Лъабзэ»/«Отметина»; двухтомное собрание сочинений и др.). Исследуются прижизненные издания и книги, вышедшие в свет после ухода поэтессы и включающие, кроме художественных произведений, статьи о жизни и творчестве, стихи-посвящения/послания И. Кашежевой от коллег по перу, а также ее переводы, интервью и очерки о поэтах Кабардино-Балкарии. В основной, исследовательской, части статьи проводится анализ стихов и песен, выявляются главные мотивы поэзии, структурно-композиционные особенности произведений, составляющие в своей совокупности поэтический этнокод И. Кашежевой. В заключении подводятся итоги исследования, определяются место и значение творчества Инны Кашежевой в кавказском и шире – в общероссийском поликультурном пространстве. Полученные результаты в перспективе будут способствовать дальнейшему более углубленному и обширному, монографическому, исследованию поэзии И. Кашежевой, восстановлению полной картины эволюции ее творчества.

Ключевые слова: Инна Кашежева, советская поэзия, поэтический этнокод, Кавказ, Россия, «оттепель», мотив, образ.

Для цитирования: Хавжокова Л.Б. Поэтический этнокод Инны Кашежевой в общероссийском культурном пространстве (К 80-летию со дня рождения поэтессы) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 338-355. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-338-355. EDN: NXXOMB.

© Хавжокова Л.Б., 2024

Пэублэ:

Къэшэж Иннэ и гъащIэмрэ и творческэ гъуэгуанэмрэ

Къэшэж Иннэ Инал и пхъур (12.02.1944–14.05.2000) ди къэралым и къалащхъэ Москва къыщалъхуащ. И анэ Ксения (Оксанэу щатхи урохъэлIэ) Федоровнэ лъэпкъкIэ урыст, и адэ Къэшэж Инал Щыхъым и къуэр Къэбэрдей-Балъкъэрым и Дзэлыкъуэ районым хыхъэ Къармэхъэблэ къуажэм къыдэкIа адыгэт, и IэщIагъэкIэ дзэ къулыкъуэ езыхъэкI кхъухълъатэхуэу, полковникыу щытащ. Иннэ и адэшхуэ Щыхъымрэ адыгэ узэщIакIуэ, IуэрыIуатэдж, жылагъуэ лэжьакIуэ цIэрыIуэ Къэшэж ТIалиб Псэбыдэ и къуэмрэ (1866–1931) зэкъуэшт. «ЛIэужьыр бжыиблкIэ мауэ» зэрыжаIэу, а лъэпкъылI цIэрыIуэм икIи цIыху гуащIафIэм илъ усакIуэм и лъынтхуэхэм щызежэрт, ар и тхыгъэхэми къызэпхиващ: «...И в моем непроснувшемся теле / Просыпается горская кровь» [Кашежева 2014: 46]. – «Бгырыс псысэурэ лъыр къысфIоуш» [Кашежева 2019: 14], – щетх абы «Къэбэрдей» («Кабарда», 1962–1963) зыфIища усэм.

Къэшэж Иннэ кыщальхуа махуэр абы и гъащIэ гъуэгуанэмрэ и творчествэмрэ тетыхьа публицистхэм, критикхэм, литературэджхэм зэтемыхуэу къагъэлыагъуэ: тхыгъэ зэхуэмыдэхэм февралым и 12, 13, 23 махуэхэм уащрохьэлIэ.

Къэшэжым и биографиер, усыгъэр, зэридзэкIахэр нэхъ куууэ зыджа, абыкIэ кандидат диссертациэ пхызыгъэкIа икIи а щIэныгъэ лэжыгъэр зи лъабжьэ тхылъ щхьэхуэ кыдзыгъэкIыжа Торогельдиевэ Зухра зэритхымкIэ, усакIуэр февралым и 23-м 1944 гъэм дунейм кытехьащ, абы и щыхьэтуи Иннэ и Iэдакъэ кыщIэкIа мыпхуэдэ усэ сатырхэр къехь: «Где-то ближе к Победе, / к той священной весне / появиться на свете / посчастливилось мне» [Торогельдиева 2011: 12]. – «ТекIуэныгъэр къэблэгъауэ, / а гъатхэ лъапIэм хуэкIуэу / дунейм сыкытехьэну / си насып кърихьэкIат» (зэыдзэкIар дэращ. – Хь.Л.). Мы псалъэхэм Iуэхур тепщIыхьмэ, февралым и дэтхэнэ махуэри «гъатхэ хуэкIуэщ», ар щIымахуэм и кIэух мазэу щыщыткIэ. ЖытIэну дызыхэтыраци, усакIуэр кыщальхуа махуэр ищхьэкIэ къэтхэа усэ сатырхэм IупщIу къахэщыркъым, ауэ зэгуэр Къэшэжым хуэза икIи илъэситIым и кIуэцIкIэ зи цIыхугъэ-псэлъэгъуу щыта Климовэ Галини ар кыщальхуауэ къыгъэлыагъуэр февралым и 23-нэ махуэрщ¹.

Къэшэж И. и гъащIэмрэ и гуащIэмрэ тетыхьа Дерико Ольгэ кызырыхигъэщымкIэ, усакIуэр фIы дыдэу зыцIыхуу, абы и ныбжьэгъуу щыта Жирмунская Тамари ар кыщальхуа махуэу къыгъэлыагъуэр февралым и 23-рщ. КъыщынэмышIауэ, Жирмунскэм кызыэрилътэу щытамкIэ, Иннэ Хэкум и хъумахуэхэм я махуэм дунейм кызыэрытехьар «узырыгушхуэ хъун Iуэхугъуэт»².

Торогельдиевэ З., Климовэ Г., Дерико О. сымэ я еплъыкIэм тохуэ усакIуэ Къагъырмаэ Борис ейри: «Февралым и 23-р Къэшэж Иннэ кыщальхуа махуэщ. Ар щагъэлыапIэ Мэзкуу, – етх абы. – Дэри, абы и ныбжьэгъухэр (кыыхэзыгъэщар дэращ. – Хь.Л.), и лъэпкъэгъухэр, ди шыхьу гуащIафIэм, ди усакIуэ телъыджэм дохъуэхуэ...» [Кагермазов 1994: 4].

УсакIуэм теухуауэ дэ дызыхэплъа тхыгъэхэм я нэхьыбэм ар кыщальхуа махуэу итыр февралым и 12-рщ, зээмызэ февралым и 13-ри кыщыхэхуэ щыIэу. Мы Iуэхум и пэжыпIэр нобэкIэ зэхэгъэкIа хъуакъым, ауэ, нэхьыщхьэраци, Къэшэжыр кыщальхуа мазэмрэ илъэсымрэ IупщIщ – 1944 гъэм и февралырщ, езыми зэритхыгъащи, Хэку зауэшхуэр и кIэухым нэблэгъарэ ТекIуэныгъэ иныр гъунэгъу къэхъуауэщ.

1961 гъэм итха «ЩIыунэ пэшыр...» («Комната подвальная...») усэм Къэшэжым IупщIу кыщыхигъэщаци зауэм и кIэух лъэхьэнэм зэрыхалъхуар: «...Бабкой повивальной / Мне была война. / <...> / Великой Победы крестница, / Я рождена для побед!» [Кашежева 2014: 30]. – «Дунейм сыкыщытехьэм / За-

¹ Климова Г. Забытая поэтесса. Памяти Инны Кашежевой // Вечерняя Москва. – 2014, 19 февраля // URL: <https://vm.ru/entertainment/177325-zabytaya-poetessa-pamyati-inny-kashezhevoj?ysclid=lt16tr1xpa758286088> (дата обращения: 25.02.2024).

² Дерико О. Инна Кашежева. Время вслух // Fond-adygi.ru – Информационный портал Фонда черкесской культуры «Адыги» им. Ю.Х. Калмыкова. – 2012, 7 марта // URL: <http://fond-adygi.ru/page/inna-kashezheva-vremja-vsluh?ysclid=lt17054gnz657286231> (дата обращения: 25.02.2024).

уэр физгьалъхуэ схуэхъуат. / <...> / ТекIуэныгъэ иным срикъаныпхъуу / Сэ текIуэныгъэхэм сыхуалъхуащ!» (зэзыдзэкIар дэращ. – Хь.Л.).

1980 гъэм итха «Щхъэ сэ сымышцIэрэ...» («Почему я не знаю...») усэми усакIуэр кыщальхуа зэмань, абы щыгъуэ и адэр зауэм зэрыIутар, уеблэмэ ар (адэр) зэрыта ныбжьыр кыхош. А псори гъэщIэгъуэну сатыр зыбжанэм кыщыIуэтащ: «...тридцать пятый отцовский, / предпобедный февраль. / Ты – мое появление, / предваренье весны...» [Кашежева 2014: 126]. – «...[си] адэм и щэщIрэ етхуанэ, / текIуэныгъэм ипэ кыхуэ февраль. / Уэ – сэ си кьэхъугъэр / угъатхэпежьэт» (зэзыдзэкIар дэращ. – Хь.Л.).

ИщхъэкIэ зи гугъу щытщIахэр кызыщIэткиуэжмэ, усакIуэр дунейм кыщытехъауэ дэ хуэдгъэфашэр абы теухуа тхыгъэхэм нэхъыбэрэ дызыщрихъэлIэ махуэрщ – 1944 гъэм и февралым и 12-рщ. Хэкум и хъумакIуэхэм – февралым и 23-м – дунейм кытехъар пэжмэ, дэ дызэреплъымкIэ, ар и усэхэм щIагъыбзэкIэ нэхъ мыхъуми кыщыIуэтэнут, кыщальхуа гъэр – «предпобедный» жиIуэ – кызызрыхигъэщам хуэдэу.

Къэшэж Иннэ и усыгъэмрэ и гъащIэ гъуэгуанэмрэ гуэхыпIэ имыIуэ зэпхаш. Курыт еджапIэр кьиуха нэужь, ар илъэситI нэблагъэкIэ экспедицэхэм хэту Красноярск куйем щылэжьащ. 1963–1972 гъэхэм А.М. Горькэм и цIэр зезыхъуэ Москва дэт Литературэ институтым щеджащ. А лъэхъэнэм къриубыдэу, 1967 гъэм, СССР-м и ТхакIуэхэм я союзым хагъэхъащ. ЩIэныгъэ нэхъыщхъэ зэригъэгъуэта нэужь, «Юность» журналым и редакцэм щылэжьэн щIидзащ, кыкIэлъыкIуэ илъэхэм Москва дэт тхыль тедзапIэ зэхуэмыдэхэм щылэжьащ. А псом къадэкIуэу, ар художественнэ литературэр цIыхубэм зэльегъэщIысынымкIэ СССР-м и ТхакIуэхэм я союзым щызэхэта Союзпесо бюром хыхъуэ шытащ икIи абы и творческэ гупым щIыгъуу къэралым и щIыпIэ куэд кызызыхикIухъащ, усыгъэ пшыхъхэм хэтащ, щIалэгъуалэхэм я пашхъэ усэ кыщеджащ.

УсакIуэр «Дружба народов» журнал цIэрыIуэм, апхуэдэуи Москварэ Къэбэрдей-Балъкъэрымрэ кыщыдэкI нэгъуэщI литературэ-художественнэ журналхэм я редколлегиехэм хэтащ. 1973 гъэм «Белый тур» («Къурш ажэ хужь»), «Кавказ надо мною» («Кавказыр кысщхъэщыту») тхыльхэм папщIэ Къэбэрдей-Балъкъэр АССР-м литературэмрэ гъуазджэмкIэ и Къэрал саугъэтыр кыхуагъэфэщаш. 1983 гъэм «Работница» журналым и саугъэтыр къратащ.

Къэшэж Иннэ сабий ныбжым иту тхэн щIидзащ. Нэхъ пасэ дыдэу абы итхэхэм ящыщу нобэр кыздэсым дызыщыгъуазэу шытар 1960 гъэм и март мазэм, езы усакIуэр илъэс 16 хъууэ, «Юность» журналым кытригъэдза усэ гупырщ. Ауэ 2023 гъэм усакIуэ, кьэхутапIуэ, жылагъуэ лэжьакIуэ, журналист Котляров Виктор Къэшэжым 1958 гъэм и август мазэм итха уситI дунейм кытригъэхъащ – Iэрытххэм я сурэтымрэ ахэр кызызэрыIэрыхъа хъуам и хыбарымрэ «Вконтакте» электроннэ напэкIуэцIым кърильхъащ. Абдежым зэрыщитхымкIэ, Иннэ и Iэрытххэр Налшык кыщальхуа, ауэ Къэбэрдей-Балъкъэрым пэIэщIэу псэу (щыпсэу щIыпIэр кыхигъэщыркъым) бзыльхугъэ

гуэрым ихъумаш. Ахэр щитхам усакуэм и ныбжьыр илъэс 14-м иту арат¹. А йуэхум теухуауэ Виктор дыщепсэлъылэм, кыджилащ, Къэшэж Иннэ и цэр е и ІэщІэдзыр Іэрытххэм щІэмытми, ахэр абы зэритхам шэч кыщІытепхьэн зэрыщымыІэр. Пэжуи, Иннэ и цэр щІэту къэна Іэрытххэмрэ Котляровым кыигъуэтыжахэмрэ зэбгъапщэмэ, ахэр зы хьэтІкІэ зэрытхар нэрылъагъущ. Абы нэмыщІуи, Къэшэжым и гупсысэ къэІуэтэкІэр – «индивидуальный стиль»-кІэ дызэджэ щхьэзакъуэ хьэтІыр – Виктор сэтей кыщІыжа Іэрытххэми кыщыбоцІыхуж.

ИщхьэкІэ кызырыхэдгъэщаци, Къэшэж Иннэ и усэхэр япэу дунейм кыщытехьар 1960 гъэрщ. Ахэр зэрыт «Юность» журналым и кыдэкІыгъуэм наІуэ кыщІат бэкІэ узыщыгугъын, дяпэкІэ зи зэчийр къуэпсыбэу кызырыкІын усакуэ «дунейм кызырытехьар». И творческэ зэфІэкІым зиужынымкІэ, и художественнэ Іэзагъэм хигъэхъуэнымкІэ а лъэхъэнэм Иннэ куэду сэбэп кыхуэхъуат Пушкин Александр, Лермонтов Михаил, Блок Александр, Кулиев Къайсын, КІыщокъуэ Алим сымэ я тхыгъэхэм дихьэхуэ, ахэр жэщ-махуэ имыІэу щІиджыкІыу зэрыщытар. Абыхэм я фІыгъэкІэ Къэшэжым и усыгъэ дунейм зиузэщІащ, усакуэм художественнэ псалъэм и къарур зыхищІащ, зыми хэмыгъуэщэну езым и тхэкІэ – щхьэзакъуэ хьэтІ – зэригъэпэщын лъэкІащ. КыкІэлъыкІуэ илъэсхэм абы и ІэдакъэщІэкІхэр къалащхьэм кыщыдэкІ «Москва», «Молодая гвардия», «Смена», «Дружба народов» журналхэм, «Правда», «Известия», «Комсомольская правда» газетхэм кытехуащ икІи палъэ кІэщІым къриубыдэу абы и цэр къэралым и усакуэ нэхьыфІхэм (Евтушенко Евгений, Рождественский Роберт, Окуджавэ Булат, Ахмадулинэ Беллэ, Вознесенский Андрей, Казаковэ Риммэ, Жирмунская Тамарэ, н.) ейм ябгъурыуащ. Къэшэжыр фІыуэ зыцІыхуу, и ныбжьэгъуу щыта усакуэ Бицу Анатолэ пэжу гу зэрылтыаци, «мис абыхэм зыкІи къапикІуэтыртэкъым Иннэ, “яхэкІуадэртэкъым”, уеблэмэ зыгуэркІэ къахэлыдыкІыу пІэрэ жыпІэрт. А “зыгуэрри” <...> и кавказ тхэкІэ, псэлъэкІэ щІэгъэщхьуарт, и зыІыгъыкІэ зэпІэзэрытырт» [Бицуев 2014: 83].

1962 гъэм зи ныбжьыр илъэс 18-м ит Къэшэж Иннэ «Вольный Аул» зыфІища япэ усэ тхылъыр Налшык дэт «Къэбэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзапІэм» кыщыдэкІащ. Ар Кулиев Къайсын и ІэдакъэщІэкІ «Псынэпсым и къабзагъэ» («Родниковая свежесть») пэублэ псалъэмкІэ кызыІуихырт. Балъкъэр усакуэшхуэм абдежым зэрыщитхымкІэ, Иннэ и «усэхэм я къабзагъэр, щІэщыгъуагъыр зэщхьыр гъэмахуэ махуэ хуабэм, жъауапІэм ущІэсу, моуэ иджыпсту зэгуауда хьарбызыр ІэкІэ къэпщтэнырщ е пщэдджыжь пшэплъым и плыфэ хъуа зэ* цІыкІухэр бгылъэ щІыпІэхэм щыплъагъунырщ» [Кулиев 1962: 7], абы и япэ усэ тхылъыр «пасэу гъэгъа мэджытжыгым е пхьэгулъей хужьым и къудамэщІэ цІыкІум хуэдэщ» [Кулиев 1962: 8].

Акбуж къабзэу литературэм кыхыхьа усыгъэм лъэпкъри къэралри гуапэу ІущІат. Абы теухуауэ 1962 гъэм «Литература и жизнь» газетым и кыдэкІыгъу-

¹ Котляров В.Н. Инна Кашежева: найдены первые стихи кабардинской поэтессы // Социальная сеть «ВКонтакте». Страница: Виктор Котляров. Публикация от 21 сентября 2023 г. // URL: <https://vk.com/id148492568?ysclid=lt8jjw1r327612220> (дата обращения: 01.03.2024 г.).

* Зей жыгым кыпыкІэ пхьэщхьэмыщхьэ цІыкІу.

эхэм языхэзым КЫщокъуэ Алим и «ЗэвгъэцІыху: Къэшэж Иннэ» («Знакомьтесь: Инна Кашежева») тхыгъэ кІэщІыр кытехуауэ щытащ. И лъэпкъэгъу пщашэм и япэ лъэбакъуэм, и зэфІэкІхэм щыгуфІыкІа КЫщокъуэм абы щитхырт: «Къэшэж Иннэ – адыгэщ, ауэ зэрытхэр урысыбзэщ, абы и усыгъэм урысыбзэ ІэзэкІэ кыщецІуатэ кызыхэкІа лъэпкъым и дуней лъагъукІэр; илгъэс пщыкІуий фІэкІа мыхъуа усакІуэ ныбжьыщІэм и дежкІэ ар гъуэгуанэ гуащІафІэм и кыщІэдзапІэщ. <...> Къэшэж Иннэ лъапэ махуэкІэ ежъащ, абы и усыгъэр – гу къабзэм и усыгъэщ» [Кешоков 1962: 2].

Япэ тхылгъыр дунейм кыщытехъа 1962 гъэм кыщегъэжъауэ нобэ къэсыху усакІуэм и тхыгъэхэмрэ абы зэридзэкІахэмрэ зэрыт тхылгъу 20-м щІигъу Москварэ Налшыкрэ кыщыдэкІащ. Ахэр зэкІэлгыпІащІэу, уеблэмэ зы илгъэсым тІу кыщыдэкІ щыІэу, дунейм кытехъащ: «Дыгъэ къуэмыхъэж» («Незаходящее солнце», 1965), «Лирикэ кыхэхыхэр» («Избранная лирика», 1967), «Къурш ажэ хужь» («Белый тур», 1970), «Кавказыр кысщхъэщыту» («Кавказ надо мною», 1973), «Сыт щыгъуи» («Всегда», 1975), «Нобэ» («Сегодня», 1977), «Зэман мыцІыху» («Незнакомое время», 1980), «Къеблагъэ» («Кебляга», 1982), «Си нэгур къежъапІэм хуэгъэзауэ» («Лицом к истоку», 1986), «Зэманым ишхэр» («Кони времени», 1987), «Шы тхъэмбылыфэм шэсауэ» («На розовом коне», 1987), «Зэманыр макъкІэ» («Время вслух», 1988), «ЕтІуанэ щхъэм кыбгъэдэкІыу» («От второго лица», 1990), «Бзылхугъэ гуакІуэм кыбгъэдэкІыу усэхэр» («Стихи от прекрасной дамы», 1991), «Пасэрей ІэщІагъэ» («Старинное дело», 1994), «Щхъэщэ» («Выход на поклон», 1994).

УсакІуэр дунейм ехыжа нэужь, абы и ІэдакъэщІэкІхэмрэ езым теухуа тхыгъэхэмрэ зэрыт тхылгъэ зыбжанэ кыдэкІащ. Апхуэдэхэщ: «Тхыгъэ кыхэхыхэр» («Избранное», 2001; зэхэзылхъар Куэшбей Жамболэтщ), «Кавказыр кысщхъэщыту» («Кавказ надо мною», 2010; зэхэзылхъар ХъэфІыцІэ Мухъэмэдщ; «Наши знаменитости» – «Ди цІыху цІэрыІуэхэр» серием хэту кыдэкІащ), «Тхыгъэ кыхэхыхэр» («Избранное», 2014; зэхэзылхъар Куэшбей Жамболэтщ), «Гум и усыгъэ» («Поэзия сердца», 2023; тхылгытІ хъууэ Котляровхэ Мариерэ Викторрэ я тхылгъэ тедзапІэм кыщыдэкІащ; редакторыр Торонгелдиевэ Зухращ).

Къэшэж Иннэ и усэхэр адыгэбзэкІэ (къэбэрдей-шэрджэсыбзэкІэ) зэдзэкІауи дунейм кытехъащ, езыми адыгэ усакІуэ зыбжанэм (Тхъэгъэзит Зубер, Гъубжокъуэ Лиуан, Нэгумэ Умар, КІэщт Мухъэз, Къагъырмэс Борис, Джэдгъэф Борис, Бицу Анатолэ), апхуэдэуи ермэлы усакІуэ икІи зэдзэкІакуэхэу Погосян Арташесрэ Каренц Ваагнрэ, куржы усакІуэ икІи бзэщІэныгъэлІ Мирнели Мириан сымэ я тхыгъэхэр, языныкъуэхэми я тхылгъэ щхъэхуэхэр урысыбзэкІэ зэридзэкІащ.

Къэшэжым и усэхэр ди бзэкІэ зэбдзэкІыныр, зы лъэныкъуэкІэ, тынщ – абыхэм адыгэпсэ яІутци, лъэпкъ зэхэщІыкІ-гупсысэкІэ псыхъащи. НэгъуэщІ лъэныкъуэкІэ, а Іуэхум зеппщытыныр дзыхыщІыгъуэджэщ – усакІуэм иІа дуней еплгыкІэр, и щхъэзакъуэ хъэтІыр, и ІэдакъэщІэкІхэм кыщигъэщІа образхэр, кыщигъэсэбэпа художественнэ Іэмалхэр зэдзэкІа текстхэм деж хъума щыхъун хуейщи, ахэр усакІуэм и псэр яІуту, и макъыр къахэІукІыу кызэтенэныр Іэмалынщэщи. А Іуэху гугъум тегушхуа закъуэтІакъуэхэм ящыщт Тхъэгъэзит

Зубер, Къагъырмэс Борис, Бицу Анатолэ, Щэуей Мидэ, Къармэ Иэсият, Гугъуэт Заремэ сымэ.

Бицу Анатолэ зэридзэкIахэм ящыщ усил – «Си адэм и хэкужь...» («О родина отца, о родина моя!»), «Лэкъум сигу къохэ, адыгэ лэкъум...» («Хочу лакума, пахнущего детством...»), «АдыгэлIым и лыгъэр...» («В доброте кабардинца...»), «Уэ, гъэмахуэр къэсам, укысIуошIэ...» («Кабарда»), «СыщIикъуэу быдэу мылу и бгъэ щтам...» («Если мне порою тяжело...»), «Сыхуейуэ си блэкIа гъащIэм...» («Понимаю: банально...»), «ПсыкIэху и Iуфэм нэщхьыфIэу дыIуту...» («На Белой речке в восемнадцать лет...») жыхуиIэхэр – езым (Бицу А.) и тхылхэм иту дунейм къытехьащ [Бицуев 1997: 148–152; Бицуев 2016: 257–262], нэгъуэщI зыбжани Къэбэрдей-Балъкъэрым къыщыдэкI газетхэмрэ журналхэмрэ къытрадзащ [Кашежева 1994: 4].

Къэшэжым и усэ зыбжанэ тхыдэдэж, зэдзэкIахэуэ Щэуей Миди къэбэрдей-шэрджэсыбзэм къыргъэзэгъащ. Ахэр я бжыгъэкIэ куэд мыхъуми, цIыхубэм ягу дыхъащ, усакIуэм и фэеплъ зэхуэсхэм къыщоджэ. Апхуэдэхэщ «Къэпсалъэ адыгэбзэкIэ, си адэ...» («Заговори, отец, по-кабардински...»), «Сыхуейщ лэкъум, си сабиигъуэм и мэ...» («Хочу лакума, пахнущего детством...») усэхэр. Абыхэм 2019 гъэм Къэшэж Иннэ и IэдакъэщIэкIэхэр зэдзэкIынымкIэ Къэбэрдей-Балъкъэрым щызэхэт Тхылъыр фIыуэ зылъагъухэм я жылагъуэ зэгухъэныгъэм иригъэкIуэкIа зэпеуэм япэ увыпIэр къыщахъащ. Зэпеуэм кърагъэхъа тхыгъэхэм хэплъа къэпщытакIуэ гупым и тхъемадэ, тхыдэдэж, тхакIуэ Бейтыгъуэн Сэфарбий зэрыжиIамкIэ, Мидэ зэридзэкIахэр псом нэхърэ нэхьыфI къудейтэкъым, атIэ я бзэкIэ укыигъуэIэбжью къулейт, шэрыуэт¹.

2019 гъэм, Къэшэжыр къызэралъхурэ илъэс 75-рэ щрикъум ирихъэлIэу, ЩIэныгъэхэмкIэ Дунейпсо Адыгэ (Шэрджэс) Академиемрэ Дунейпсо Адыгэ Хасэмрэ къыхалъхъа «Черкесика» къыдэкIыгъуэм хэту дунейм къытехьащ усакIуэ, журналист Къармэ Иэсият зэридзэкIахэуэ Иннэ и усэ 72-рэ «ЕпщыкIуханэ лIэщIыгъуэм и макъ» поэмэм щыщ пычыгъуэрэ зэрыт «Лъабзэ» тхылъыр. Ар къызырэзылIуих «Къэшэж Иннэ и усэ псынащхъэхэр» пэублэ псалъэм ЩIДАА-м и вице-президент, Къэбэрдей Адыгэ Хасэм и тхъемадэ ХъэфIыщIэ Мухъэмэд щетх: «Ди жагъуэ зэрыхъунци, Иннэ и усэ тхыль щхъэхуэ адыгэбзэкIэ иджыри къыдэкIакъым... 2019 гъэм, Къэшэж Иннэ и илъэсу Къэбэрдей Адыгэ Хасэм игъэувам хиубыдэу, а Iуэхур догъээзэкIуэж. Лъэпкъым ипхъу телъыджэм и цIэр дэ тщыгъупщэркъым. Къармэ Иэсият абы и усэ нэхьыфIхэр зэредгъэдзэкIащ. ЗэрытхуэфIэкIкIи догъэлъапIэ...» [Хафицэ 2019: 7].

ИщхъэкIэ къыщыдгъэлъэгъуахэм нэмыщI, Къэшэж И. и усэ закъуэтIакъуэхэр адыгэбзэкIэ зэдзэкIахэуэ Къэбэрдей-Балъкъэрым къыщыдэкI газетхэмрэ журналхэмрэ илъэс зэхуэмыдэхэм къытрадзащ. Иджыблагъэ «Адыгэ псалъэ» газетым къытехуащ усакIуэ, журналист Гугъуэт Заремэ зэридзэкIахэуэ Къэшэжым и уситI – «Лэкъум сигу къохэ, сыху сабиигъуэм...» («Хочу лакума, пахнущего детством...»), «Мазэ мывэ» («Лунный камень») жыхуиIэхэр. Ар Иннэ и усэбзэр сыт хуэдэ лъэхъэни зэрымыубзэщхъум, ноби абы и усэхэр къызыхэкIа лъэпкъым и бзэкIэ зэрагъэшэрыуэм и щыхъэтщ.

¹ см: Стихи Инны Кашежевой в переводе Миды Шаоевой на черкесском (кабардинском) языке // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=85uGExLnxjI> (дата обращения: 07.03.2024 г.).

Къэшэж Иннэ и усыгъэм и мотив нэхъыщхъэхэр

Къэшэж Иннэ и усыгъэм лъэныкъуэ куэдкIэ зиужьащ: зэ еплъыгъуэкIэ, абы лирикэр щытепщэм, эпикэм и пкъыгъуэхэмрэ фащэхэмрэ уащрохьэлIэ. Усэхэм нэмышI, абы и Iэдакъэ кыщIэкIащ балладэхэр, поэмэхэр, хъуэху фащэм иту гъэпса усэхэр, гушыIэ щабэ зыщIэлъ тхыгъэ «нэфIэгугIэхэр», моно-логхэр, уэрэдхэр, н. Художественнэ тхыгъэхэм, зэридзэкIахэм нэмышI, Иннэ и Iэдакъэ кыщIэкIащ литературэ-критикэ статья зыбжанэ: «ЕтIуанэ щхъэм кыбгъэдэкIыу» («От второго лица», 1990) тхылъым итщ Кулиев Къайсын и гъащIэмрэ и усыгъэмрэ теухуа «Шэджем кыдэкIа усакуэ» («Стихотворец из Чегема»), Зумакуловэ Танзиля и усэхэр щызэпкърыха «Ди Танзиля» («Наша Танзиля»), «ЩIалэгъуэ щIыналъэм, е КIыщокъуэ Алим щIыгъуу зы махуэ» («Путешествие в молодость, или одинь день с Алимом Кешоковым») тхыгъэхэр [Кашежева 1990: 66–87].

Усакуэр и щхъэрэ ипкъкIэ и адэжь хэкум пэлэщIэми, гу къуэпскIэ абы къепхат, «и творчествэми лъабжьэ хуэхъуат» [Бозиева 2022: 74]. Кавказым и бгыщхъэ лъагэхэм, кызыхэкIа лъэпкъым, бгырыс хабзэ екIухэм хуиIа гурыщIэ къабзэр и адэжьхэм лъыкIэ зэрапыщIам и щыхъэту и усэхэм къапкърыщащ: ахэр урысыбзэкIэ тхами, адыгэпсэ яIутщ. И япэ усэ тхылъри абы кыкIэлъыкIуа зыбжани кыщыдэкIари «лъыкIэ зыпыщIа» хэкурщ – Къэбэрдей-Балъкъэрыщ.

Иннэ и усэхэм и адэш Къармэхъэблэ къуажэм кыщыщIэдзауэ, Къэбэрдей-Балъкъэри, Кавказри, Урысейри, уеблэмэ зэрыдунейуэ кызыщIеубыдэ. И купщIэрэ и фащэкIэ, образ къэгъэщIыкIэрэ гупсысэ къэIуэтэкIэкIэ абы и усыгъэр дунейпсо литературэм и лъагапIэхэм нэсащ.

Ищхъэки кызырэыхэдгъэщаци, Къэшэжым и усэхэм адыгэлъ ящIэтщ, лъэпкъ зэхэщIыкIэ псыхъащ. Журналист ики публицист Ало Ларисэ пэжу гу зэрылгытащи, «Къэшэж Иннэ и адыгэлъыр апхуэдизкIэ куууэ зэхищIэрти, кызыхэкIа лъэпкъым и лъабжьэри, и къуэпсри, и къежьапIэри езырауэ фIэщIыжырт» [Алоева 2014: 15]. Адэм Iурылъа анэдэлъхубзэр зымыщIэу урысыбзэкIэ тхэуэ щыта усакуэр адыгэм и нэкIэ дунейм хэплъэрт, ихъуреягъкIэ щилъагъухэр адыгэпсэкIэ зыхищIэрт, игъэвырт. Абы и IэдакъэщIэкIэхэм нэхъыбэрэ узыщрихьэлIэр Кавказым и образ уардэрщ. Ар и усэхэм щигъэлапIэ къудейкъым, атIэ и гъащIэщ, и псэщ, «езыр – Кавказщ».

*И я – Кавказ. И я оттуда,
где пахнет ледником роса,
где мне дарованы два чуда –
на мир взглянувшие глаза.
Где чуткий жеребёнок – детство,
лишь свистнешь – и примчит тотчас,
где так естественно соседство
долин и гор... И я – Кавказ.*

[Кашежева 2023. Кн. 1: 210]

*Сэрац – Кавказыр. Сэ сщыщыпсу
уэсэпс Iумылым здытехар,
дуней хъуреир зищIэщыгъуэпсу
нэ телъыджитI щызэтесхар.
А шыщIэ щIэщтэу – сабиигъуэр,
уфийрэ – зэуэзэпсу къэсыр,
зэшхуэзэсрэ зэгуэгъур –
зы ауз – къурш... Сэрац – Кавказыр.*

[Кашежева 2019: 28]

Къэшэж И. и усыгъэр Урысеймрэ Кавказымрэ лIэщIыгъуэ куэд хъуауэ зэлэпэгъуу кызырэызэдэгъуэгурыкIуэм, и адэр кызыхэхъукIа бгырыс лъэпкъхэмрэ и анэш урысхэмрэ я зэныбжьэгъугъэм и нэщэнэщ, абыхэм я

зэпыщІэныгъэ быдэр и усэ куэдми щигъэлыгъащ. Псалъэм папщІэ, языхэзым щитхащ:

*Отец мой – суровый горец,
Глаза ледяней росы.
А мама из нежных горлиц,
Взращенных на Руси.*

[Кашежева 2023. Кн. 1: 8]

И нитІыр уэсэпс Іумылу –
си адэр бгырыс лІы гуащІэт,
Гуапагъэр псэм щигъэджылу –
си анэр зы бзууху гуащэт.

[Кашежева 2019: 13]

Адэм и образыр Къэшэж И. и усыгъэм щынэхъыщхъэхэм ящыщ, ар и творчествэ псом кІуэцІрокІ. Тхыгъэхэм я нэхъыбэм деж ар усакІуэм и адэ къудейкъым, атІэ хэкум и образщ, адыгэм и гъащІэмрэ дуней еплъыкІэмрэ къызытеш гъуджэщ. Абы и шапхъэ куэд Иннэ и ІэдакъэщІэкІхэм хэбгъуэтэнущ, псалъэм папщІэ, мыпхуэдэ сатырхэр:

*Глаза у отца, как горные реки,
Переливаются и сверкают.
Глаза у отца, как горные реки,
Огнем мимолетным меня обжигают.*

[Кашежева 2023. Кн. 1: 19]

Адэм и нэхэр къуршыпсым хуэдэщ,
ПщІыпщІурэ мэхъу фэзэхъуэкІ.
Адэм и нэхэр къуршыпсым хуэдэщ,
МафІэ къарууншэкІэ сыкъалыпщІ.

(ЗэзыдзэкІар дэращ. – Хь..Л.)

НэгъуэщІ усэм деж адэм и образымкІэ адыгэбзэм и ІукІэ къызэрымыкІуэр, апхуэдэуи адэж лъахэм и теплъэр гъэщІэгъуэну къыщыгъэлыгъуащ. Мыбдежым адэм, хэкум, лъэпкъым я образхэр щызэхэшыпсыхъащ:

*Заговори, отец, по-кабардински...
<...>
Заговори на языке родном,
таком гортанном и неповторимом,
пусть в нашем доме будет пахнуть дымом
костров пастушьих... Пусть греметь лавинам,
синеть горам, объатым снежным сном.
[Кашежева 2014: 83]*

Къызэпсэлъэж, си адэ, адыгэбзэкІэ...
<...>
КъысхуэІуэтэж, си адэ, уи лъахэбзэр,
а тэмакъыщІэ псынэм и фІыншэбзэр –
мэлыхъуэ пщыІэ жьэгухэм я ІугъуэкІэм
уи узхэм щІэгъуэну зырашэкІрэ
уэсукхъуэ гъуагъуэм бгыр щІэщхъэукъукІыу.
[Кашежева 2019: 29]

Адэм и образымкІэ Къэшэжым и творчествэм Хэку зауэшхуэр къыщыгъэлыгъуэжащ. Усэ зыбжанэм къызэрыхэщымкІэ, ар зауэм хахуэу хэтащ, уІэгъэ щыхъуауи щытащ: «...полыхает отцовская рана, / кровью боли и жизни сейчас. / Только приостановлен, не прерван / путь бойца по дорогам огня / в тридцать лет... под Москвой... в сорок первом / за четыре зимы до меня» [Кашежева 2014: 98]. – «...къресыкІыр адэм и уІэгъэр, / узымрэ гъащІэмрэ я

лъыр кыпыжу. / Ауэ зэпыуа кудейуэ араш, иухакъым / зауэлIым икIу мафIэ гъуэгуанэр / илъэс щэщIым... Москва и Iэхэлъахэм... плыщIрэ езанэм, / Сык-
бальхуным щIымахуиплI иIэжу» (зэыдзэкIар дэраш. – Хь.Л.).

«Майм и бгъум стха усэхэр» («Стихи, написанные девятого мая», 1980) циклым хыхъа уситIми усакIуэм и адэр зауэм зэрыхэтари, абы фэбжь хихауэ кызыэригъэзэжари кыхош. Япэ усэм дыккыщоджэ: *«Но он пришел, на палку опираясь, / еще в дыму боев, в огне атак. / <...> / И было это в незабвенном мае: / вошел отец – пришел конец войне»* [Кашежева 2014: 125–126]. – «Ауэ къэкIуэжащ ар, башыр зыщIигъакъуэу, / Иджыри зауэ Iугъуаеу, зэхэуэ гуащIэхэм я мафIэм хэту. / <...> / Ар кыщыхъуари а гу(ы)имыхуж майрщ: / кыщIыхъэжри адэр – зауэм кIэ иIащ» (зэыдзэкIар дэраш. – Хь.Л.).

УсакIуэм и адэ Къэшэж Инал зауэм лыгъэшхуэ щызэрихъат, ар эскадриль-ем и дзэпшу (и пхъум и зы усэм зэрыщыжиIэмкIэ, «комэска»-у – «командир эс-кадрильи») щытат [см.: Кашежева 2014: 126]. Абы кыхуагъэфэщат «Вагъуэ Плыжьбым», «ЩIыхъым» и орденхэмрэ «Знамя Победы», «За отвагу» медал-хэмрэ [см.: Кашежева 2014: 233].

Адэм и фэеплът ар щальхуа щIыналъэ дахэри, кызыыхэкIа лъэпкъри, бгы-рыс хабзэ ткIийхэри. Арат Иннэ Кавказым, Къэбэрдей-Балъкъэрымрэ абы щып-сэу лъэпкъхэмрэ, псом хуэмыдэу къэбэрдейхэмрэ балъкъэрхэмрэ, яхуэусэнкIэ зыщIимыгъэнщIыр. УсакIуэм и IэдакъэщIэкIхэр псалъэкIэ тха кудейкъым, абыхэм хэкум и *мэ* ящыуащ – Iугъуэмэ, лы гъэжьэрымэ, нартыху гъэвам и мэ, сабиигъуэм и мэ IэфIу адэм и пыIэ бэлацэм кыхыхыр, нарзаныпс кыщIэжым и бахъэу къуэ куухэм кыдихыр, уэсымэ гуащIэу гъуаплъэм и мэм хуэкIуэжыр, уэздыгъей мэзым и мэ къабзэр. Апхуэдэ усэхэм уккыщеджэкIэ, а мэ гуакIуэхэр кыщIуэроуэ. Псалъэм папщIэ, «Дауи фщIы, сэ сфIэфIщ...» («Как хотите, мне по вкусу...», 1975) усэм щыщ зы щапхъэ:

*...варят горцы кукурузу
на закате в сентябре.*

<...>

*Кукурузою вареной
пахнет осень в Кабарде.*

[Кашежева 2014: 101]

*...бгырысхэм ягъавэ нартыху
сентябрым, дыгъэ къухъэгъуэу.*

<...>

*Нартыху гъэвам и мэкIэ
бжьыхъэр гъэнщIащ Къэбэрдейм.*

(ЗэыдзэкIар дэраш. – Хь.Л.)

Иджыри зы щапхъэ, «Кавказым и шхалIэхэм» («Кавказские духаны», 1962) усэм кыхыхэтхауэ:

*О кавказские духаны!
Кто же с вами не знаком?
Пахнут терпко, как духами,
Те духаны шашлыком.*

[Кашежева 2014: 35]

*О Кавказым и шхалIэхэ!
Хэт фэ фызымышIыхур?
Дыхумэ гуащIэу кыщыщIуэроуэ
А шхалIэхэм лы гъэжьэрымэр.*

(ЗэыдзэкIар дэраш. – Хь.Л.)

Къэшэжым и усыгъэм мэ зэриIэм хуэдабзэу, *пльыфи* иIэщ – ар нэхъыбэрэ адэжь щIыналъэм и ауз куухэм, и гуэлхэм, бгы лъагэхэм хуэдэу щхъуантIэщ, щIыхуш, къащхъуэщ, «шэхуфэщ», «джэхуш», «тхъугъэщ». Мис щапхъэ

зыбжанэ: «*Ко мне ты пришел песнею / Синих Кавказских гор*» [Кашежева 2014: 21]. – «*Си деж укьэкIуащ уэ [зэгуэрым] / Кавказ бгы щIыхухэм я уэрэду*» (зэзыдзэкIар дэраиц. – *Хь.Л.*); «*Закрыв глаза, я вижу все опять: / зеленые селения твои... / <...> / И песня улетала выше гор / в большую голубую высоту...*» [Кашежева 2014: 34]. – «*НапIэр зэтеслхьэмэ, псори си нэгу щIокIыж: / уи жылагьуэ щхьуантIэхэр... / <...> / Уэрэдми бгыхэм нэхьрэ нэхь льягэу зиIэтырт / льягапIэ кьащхьуэм хуеIэу...*» (зэзыдзэкIар дэраиц. – *Хь.Л.*); «*...голубая Балкария / Заоблачная страна*» [Кашежева 2014: 48]. – «*...Балькьэр щIыналгэ кьащхьуэ / Пшэ адрыщIыр зи хэщIапIэ кьэрал*» (зэзыдзэкIар дэраиц. – *Хь.Л.*).

Языныкьуэ усэхэм деж Кавказыр, хэхауэ кьапштэмэ, Кьэбэрдейр, абы щыпсэу цIыхухэм я плгыфэу кьамылыфэц: «*Кабарда! Отдала мне ты / И мечту, и простор, и пыланье / В половине своей смуглоты*» [Кашежева 2014: 46]. – «*Кьэбэрдей! Уэ кьызэптащ сэ / ХьуэпсапIэри, щIыналгэ хуитри, гум щыблэ мафIэри / Уи кьамылыфагькIэ зэхэщIауэ*» (зэзыдзэкIар дэраиц. – *Хь.Л.*).

Кьэшэж Иннэ и IэдакьэщIэкIхэм Кавказым, адэж хэку Кьэбэрдейм и **макь/макьамэ** зэхуэмыдэхэри кьахоIукI. Ахэр – лгьэпкьыр кьызэрыфэ пшыналгэхэм я макьщ [Кашежева 2014: 37], мэлыхуэ бжьамийхэм я бзэрабзэ макьщ [Кашежева 2014: 46], лIэщIыгьуэхэм я джэрпэджэжу бгыхэм я «мывэ псалгэмакьщ» [Кашежева 2023. Кн. 2: 8], зи пашIэ-жыакIэ зэщIэмыхьа мэлыхуэ щIалэщIэхэм я уэрэду зэхэпх псыкьельэхэм я макьщ, текIуэныгьэм хуагьэш хьэрэкIытIэ макьыу зэхэпхыу кьуэ куухэм кьыдэIукI псыкьельэ джэрпэджэжхэрщ [Кашежева 2023. Кн. 2: 8–9], Iэщыхуэхэм жаIэж хьыбархэрщ, зауэм кьикIыж шууейхэм я уэрэдхэрщ, гьадэщIыдэм хыхьэжа шы лгьэ макь ужыхыхажэхэрщ [Кашежева 2014: 76–77], зыми емьщхьу адыгэбзэм и тэмакьыщхьэ-тэмакьыщIэ IукIэ хьэлэмэтырщ [Кашежева 2014: 47, 83], н.ку.

Кьэшэж Иннэ и усыгьэм нэгьуэщI мотив, образ, гупсысэ кьэIуэтэкIэ гьэщIэгьуэнхэр, бзэм и Iэмал зэмылIэужыгьуэхэр кьызэщIеубыдэ. Кавказым, Кьэбэрдейм, Налшык, Кьармэхьэблэ хуэдэуи, абы Урысеймрэ Москварэ я образхэми зыужыныгьэ щагьуэтащ. УсакIуэм зыр адрейм пимыдзыхыу фIыуэ илгьагьурт и хэку инри (Урысейр) и хэку цIыкIури (Кьэбэрдейр). И зы усэм щитхат:

*...В далекую бескрайнюю Москву
В далекую метельную Россию,
В тот город, где люблю, я живу.*

*Приеду я опять к домам высоким,
Ведь им не изменяю я нигде!
И там рассыплю песенные строки,
Чтоб знали москвичи о Кабарде.*

[Кашежева 2023. Кн. 1: 41]

*...Москва жыжьэу гьунапкьэншэм,
Урысей жыжьэу борэныр щыетам,
ФIыуэ щыслгьагьу икIи сыщыпсэу кьалэм.*

*Сэ сыкIуэжынущ унэ лгьагэхэм я деж,
Абыхэм дэнэ щIыпIи сачепщIыжкьым!
Абы уэрэд сатырхэр щискьухьынщ,
Москвэдэхэм Кьэбэрдейр езгьэцIыхуну.*

(ЗэзыдзэкIар дэраиц. – *Хь.Л.*)

Урысеймрэ Кьэбэрдеймрэ Кьэшэжым и усыгьэм зэгуэхьпIэ зэрыщамыIэм иджыри зы Iуэхугьуэ щыхьэт тохьуэ. Адэж хэкум щыщ усакIуэ, тхакIуэхэми (КIыщокьуэ Алим, Кулиев Кьайсын, Кьагьырмаэс Борис, н.) хуэдэу, ар яхуэусащ зи творчествэм хуабжьу дихьэхыу щыта урыс усакIуэшхуэхэу Пушкин

Александр («Промых» – «Щыуагъ», 1961), Лермонтов Михаил («Лермонтов» 1962, 1964; «У могилы Лермонтова» – «Лермонтовым и кхъащхъэм», 1964; «Лермонтовский возраст» – «Лермонтовым и ныбжь», 1971), Высоцкий Владимир («У нас совпадают и группа и резус...» – «Дэ дилъкІэ дызэтохуэ...», 1984), Маяковский Владимир («Автомобиль Маяковского», 1981), н.

КъызыщІэкъуауэ ухэплъэмэ, Къэшэж И. и творчествэм къызыщІиубыдэр ищхъэкІэ къыщыдгъэлъэгъуэну дызыхунэсам нэхърэ куэдкІэ нэхъыбэщ: зытеухуа и лъэныкъуэкІи художественнэ ухуэкІэкІи ар Кавказми Урысейми я гъунапкъэхэм икІат, хамэ къэралхэм, хамэ лъэпкъ литературэхэм нэсат. Абы и тхыгъэхэр езым и хэкури хамэ хэкухэри къызыщІэзыкъуэ топоним (щІыпІэщІэ), гидроним (псыхэм я цІэ) бжыгъэншэхэмкІэ гъэнщІащ (Лэскэн, Къулькъужын, Гундэлэн, Шэджем, Нартан, Жэмтхъэлэ, Урыху, Къэрэсу, Терскол, Малкэ, Бахъсэн, Адыгей, Углич, Кърым, Архангельск, Брест, Париж, Венеция, Испания, Молдавия, Душанбе, Кишинев, н.ку.). Абыхэм налуэу къагъэлъагъуэ Къэшэжым и усыгъэм и бгъуагъри и кууагъри.

Къэшэж Иннэ и уэрэдхэм я щхъэхуэныгъэхэр

Куэдыр зэрыщыгъуазэци, блэкІа лІэщІыгъуэм и 60 гъэхэм – «ІувыкІыжыгъуэ» («оттепель») зыфІаща лъэхъэнэм – ди къэралым творческэ къару лъэщхэр къыщызыщІэрыуауэ, гъуазджэмрэ щэнхабзэмрэ я пкъыгъуэ псоми (литературэри хэту) щІэгъэхуэбжъауэ заужъауэ щытащ. А лъэхъэнэращ «шестидесятники» цІэр зытелукІа усакІуэ гупышхуэм я ІэдакъэщІэкІхэр уэру дунейм къытехъуэ, усыгъэ пшыхъхэр ирагъэкІуэкІыу щыхуежъар, «утыку усыгъэм» («эстрадная поэзия» жыхуаІэм) пашэныгъэр щіубыдар. А зэманым Къэшэжым сыт хуэдэ гугъуехъхэр и нэгү щІэмыкІами, къэралым и зыужьыкІэм арэзы къэзымышІ Іуэхугъуэхэр хэлъами, лъэхъэнэр и гум фІыкІэ къинат – езыми и щІалэгъуэт, усыгъэми и уэрыгъуэт, усакІуэ зэчиифІэхэр куэдти, абыхэм яхъуреягъкІэ къыщекІуэкІ мыхъумыщІагъэ псори «усэ къарукІэ ягъэсырт»*. А илъэсхэм яфІри я Іейри псом хуэмыдэу ІупщІу къыщыгъэлъэгъуэжащ 1994 гъэм къыдэкІа «Пасэрей ІэщІагъэ» («Старинное дело») тхылъым иту дунейм къытехъа «ХыщІ гъэхэм я усакІуэхэр» («Шестидесятники») усэм: «...*ожоги хрущевских проталин / носили мы, как ордена*» [Цит. по: Кашежева 2023. Кн. 2: 304]. – «...Хрущевым и лъэхъэнэм и ІувыкІыжыпІэхэр / ди бгъэгум ордену щызетхъэрт» (*зэзыдзэкІар дэращ. – Хъ.Л.*), – щыжелэ абы усакІуэм.

Апхуэдэ зэман гугъум усыгъэр нуру зыгъаблэу утыку изыхъахэм, цІыхубэм яхэзыхъахэм Къэшэж Инни яхэтащ: абы и тхыгъэхэр куэдым зэлъащІысат, ягу дыхъат, щІэупщІэшхуэ яІэт. А лъэхъэнэм ар къэралым и усакІуэ нэхъыфІхэм ящІыгъуу Политехническэ музейм, «Лужники» стадионым, Литераторхэм я уардэ унэм (Центральный дом литераторов) щрагъэкІуэкІа зэлущІэхэм мызэмытІэу усэ къыщеджащ, абы къыхэкІкІи и усыгъэр утыкум къыхуигъэщІауэ – «эстраднэу» – къэзылътэхэри щылащ. Апхуэдэ еплъыкІэр Иннэ и усэ куэдым макъамэ щІалъхъауэ уэрэду зэрагъэзащІэми зыгуэркІэ епхауэ къыщІэкІынут.

* Къыщокъуэ Алим и «Усэ къарукІэ бийр бгъэсу» тхыгъэм зэрыщыжиІэу.

Къэшэжым и уэрэдхэм къэхутэныгъэ щхьэхуэ яхуэфашщ. Усаклуэм и творчествэр зыджэхэм ящыщ гуэрхэм зэратхымклэ, абы и псалъэхэр зыщлэлъ уэрэдхэр 300-м щегъу [Эфендиев и др. 2018: 15], ауэ, дэ дызэреплтымклэ, а бжыгъэр егъэлеяуэ къыщлэкIынуш. Иннэ и творческэ щлэиыр илъэс куэдкIэ зэхуэзыхьэсыжу 2023 гъэм тхылъитI хьууэ къыдэзыгъэкIыжа Котляровхэ Мариерэ Викторрэ къахуэгъуэтыжар уэрэд 70-м щигъуш (ахэр етIуанэ тхылъым и «Гуэлъхьэн» Iыхьэм къыщахьаш) [Кашежева 2023. Кн. 2: 367–463].

Дауэ мыхьуами, Къэшэж Иннэ и уэрэдхэр къэрал псом шызэлъашIысауэ, уэрэджыIаклуэ цIэрыIуэ куэдым (Зыкинэ Людмилэ, Кобзон Иосиф, Магомаев Муслим, Хиль Эдуард, Бельды Кола (Николай), Герман Аннэ, Ротару Софие, Кристалинскэ Майе, Пугачевэ Аллэ, Лещенкэ Лев, Тут Заур, н.) ягъэзашIуэ шыташ. Абыхэм макъамэ щлалъхьат композиторхэу Колкер Александр, Троцюк Богдан, Савельев Борис, Рубашевский Владимир, Островский Аркадий, Фельцман Оскар, Френкель Ян, Къашыргъэ Билал, н. Апхуэдэхэщ: «Аргуэру пшэхэр зыщIыпIэ мэкIуасэ» («Опять плывут куда-то корабли»), «Урысейм и щлалэ цIыкIухэр» («Мальчишки России»), «Кином сыкьокIыж» («Иду из кино»), «ХьэгъуэлIыгъуэм сегъэблагъэ» («Позови меня на свадьбу»), «Мазэ мывэ» («Лунный камень»), «Макъамэ лъахьшэхэр» уэрэд гупыр (цикл «Полутона»), «Псыщхьэм къытридзэ тхыпхьэ хьурейхэр» («Круги на воде»), «Атом лIэщIыгъуэ» («Атомный век»; 1966 гъэм ирагъэкIуэкIа совет уэрэд нэхьыфIым и Союзпсо зэпеуэм и лауреат хьуаш), «ЩIымахуэ гьатхэхэр» («Зимние весны»), «Хьыджэбз уэрэд» («Девичья песня»), «СынасыпыфIэ сэ?» («Счастлива ли я?»), «Си лъахэ – Къэбэрдей!» («Край мой родной – Кабарда!»), «Сыздэшэ Балъкъэр щIыналъэм!» («Возьми меня в Балкарию!»), «Нарьян-Мар мой, Нарьян-Мар» («Си Нарьян-Мар») уэрэдхэр, н.ку. Мыбыхэм языхэзми зэратхам, макъамэ зэрыщлалъхьам, зэрагъэзэщIам теухуа хьыбар гъэщIэгъуэн-хэр иIэжщ, ауэ иужьрей уэрэдитIым щхьэхуэу къытеувыIэпхьэщ.

«Си Нарьян-Мар» («Нарьян-Мар мой, Нарьян-Мар», 1964) уэрэдым макъамэ щлэзылхьар Пономаренко Григорийш, уэрэджыIаклуэ зыбжанэм (Шавринэ Екатеринэ, Бельды Кола (Николай), Воронеж Ольгэ, Семин Валерий, Пахмутов Александр сымэ) ягъэзэщIаш. Ар зыхуэгъэпсар Урысейм щыщ Ямало-Ненецкэ автоном округым и къалашхьэ икIи и къалэ закъуэ Нарьян-Марш (нене-цыбзэкIэ «Къалэ плыжь» кьикIыу араш). Абы шыпсэу лъэпкъхэм апхуэдизкIэ уэрэдыр ягу дыхьати, ар къалэм и гимн хьуауэ ноби ягъэзашIэ. Къэшэжым и псалъэхэм къалэр ягъэлъапIэ кьудейкьым, атIэ Ямало-Ненецкэ щIыналъэм цIы-хухэм щалэ псэукIэр, щIыуэпсым и шытыкIэр гъэщIэгъуэн-уэу къалыатэ:

*В небе зори алеют,
Полыхают вдали,
Будто солнце олен
На рогах принесли.
<...>*

*У Печоры у реки,
Где живут оленеводы
И рыбачат рыбаки.*

[Кашежева 2023. Кн. 2: 400]

*Уафэм пшэплъхэр къыщоблэ,
Адэ жыжьэу шолыд,
Щыхьхэм дыгъэр я бжыакъуэм
ФIэлъу къахьу пфIэщIынш.
<...>
Печорэ псым и деж,
Щыхь зыгъэхьухэр шыпсэум,
Бдзэжьеящэхэр бдзэжьей щещэм.*

(ЗэзыдзэкIар дэраш. – Хь.Л.)

2019 гъэм Къэшэж Иннэ илътэс 75-рэ щрикъум ирихьэллэу КъБР-м и Щалэгъуалэ центрым (Многофункциональный молодежный центр) и къудамэм и унафэщI, жылагъуэ лэжъакIуэ Къарэ Ратмир Нарьян-Мар и къалэ администрацэм и Iэтащхьэми ЩэнхабзэмкIэ унэм и унафэщIми телефонкIэ запищIэри усакIуэм и щIыхькIэ хьуэхьу псалтэ видеокIэ ирагъэтхыу кърагъэхьыну ялътэуаш. Куэд дэмыкIуэ, Къэшэж Иннэ и творчествэм теухуа зэлущIэ абы къыщызэрагъэпэщри, и усэхэм къыщеджащ, «Си Нарьян-Мар» уэрэдым и хьыбарыр цIыхухэм хуаIуэтащ, иужькIэ видео кърагъэхьыжри Къэбэрдей-Балъкъэрми шагъэлъэгъуаш. Абы лъандэрэ Щалэгъуалэ IуэхухэмкIэ центрымрэ Нарьян-Мар къалэмрэ зэрощIэ, зэпыщIэныгъэ быдэ я зэхуаку дэлъщ, усакIуэм и тхыльхэр Нарьян-Мар ирагъэшауэ, а щIыналтэ жыжбэм щыпсэухэри Иннэ и усэхэм дихьэхьу йоджэ¹.

«Сыздэшэ Балъкъэр щIыналтэм!» («Возьми меня в Балкарию!», 1961) уэрэдри цIыхубэм ягу дыхьауэ нэхъ цIэрыIуэ хьуахэм ящыщ. Макъамэр зейр Къашыргъэ Билалщ, зыгъэзащIэр балъкъэр уэрэджыIакIуэ Газаев Алимщ. УсакIуэм балъкъэр лъэпкъми ахэр щыпсэу бгылтэ щIыпIэхэми хуиIэ гурыщIэ къабзэр уэрэдым къыхэщаш: «Возьми меня в Балкарию, / где горы и орлы» [Кашежева 2014: 14]. – «Сыздэшэ Балъкъэр щIыналтэм, / бгыхэмрэ бгъэхэмрэ я хэщIапIэм» (зэзыдзэкIар дэраш. – Хь.Л.), – щыжеIэ абы.

Къэшэж Иннэ зыми емыщхьу бгыхэм яхуэусащ. Абы ехьэлIауэ Кулиев Къайсын итхат: «Сэ илътэс тIоущIрэ тхурэ хьуауэ бгыхэм сатотхьхьри, мы усакIуэ ныбжьыщIэм (Къэшэж Иннэ. – Хь.Л.) абыхэм яхужилэфар си гушхьэ къэкIакъым. Абы бгыхэм езым и еплъыкIэ хэхарэ къэлэутэкIэ щIэшыгъуэрэ къахуигъуэтыфащ» [Кулиев 1962: 6]. Кулиевым зи гугъу ищIыр Иннэ и усэ куэдми «Сыздэшэ Балъкъэр щIыналтэм!» уэрэдри щыболъагъу. Псалтэм папщIэ, уэрэдым щыщ пычыгъуэ:

*Хочу увидеть заново
края своей мечты,
хочу дышать нарзановым
туманом высоты.*

[Кашежева 2014: 14]

Сыхуейщ къытезгъазурэ слъагъуну
Си хьуэпсапIэм хэт щIыналтэхэр,
Сыхуейщ сыбэуэну нарзанымсым
Къыхиху акъужу лъагапIэм щхьэщытымкIэ.
(ЗэзыдзэкIар дэраш. – Хь.Л.)

Къэшэжым и уэрэдхэм, и усэхэми хуэдэу, кIыхьу уатепсэлъыхьыфынуш, абыхэм союзпсо (иужькIэ – урысейпсо) мыхьэнэ яIащ, языныкъуэхэр ноби ягъэзащIэ.

КIэух

Япэ дьдэ и тхыгъэ дунейм къыщытехьа 1960 гъэм къыщыщIэдзауэ нобэ къэсыху Къэшэж Иннэ щытхьу куэд хуагъэшащ, гъэщIэгъуэныраши, псалтэ фэрыщIи, егъэлеяи хэмыту, хужала псори хуэфаштэ дьдэу. Языныкъуэхэм усакIуэм хуаIэ гурыщIэ къабзэр, абы и IэдакъэщIэкIхэм хуащI пщIэшхуэр

¹ См.: Каров Р. «Яркое имя на небосклоне поэзии». Разговор о поэтессе Инне Кашежевой [на каб.-черк. яз.: «Усыгъэ уэгум зи цIэр щылыд». УсакIуэ Къэшэж Иннэ теухуа уэршэр] / Телепередача Астемира Кабардова. 2021, 25 февраля // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Nr1W5i0GPmc&t=782s> (дата обращения: 10.03.2024).

усэбзэкIэ кьаIуэтащ: Къэшэжым усэ хуатхащ Къагъырмаэ Борис, Бицу Анатолэ, Къаныкьуэ Заринэ, Бемырзэ Зураб, Узденовэ Иринэ, н.

Иужьрей ильэсипщIым кьриубыдэу усакIуэм и цIэм, и творческэ щIэиным хуэфашэ гулгытэ егъуэт. Псалъэм папщIэ, узэрыгушхуэнщ, гуапэ пщымышхууи кьанэркьым Къэбэрдей-Балъкьэрым и Шэрэджд районым хыхьэ Бабугент балъкьэр кьуажэм и уэрамхэм языхэзым Къэшэж Иннэ и цIэр зэрыфIащар. Апхуэдэуи, абы и щIыхькIэ зэIушIэхэр, усыгъэм и пшыхьхэр ди республикэми кьэралым и кьалашхьэми щрагъэкIуэкI.

2019 гъэм, усакIуэр кьызэралъхурэ ильэс 75-рэ щрикьум ирихьэлIэу, Къамбий Мухьэб и цIэр зезыхьэу Къармэхьэблэ кьуажэм дэт Езанэ курыт еджапIэм и музейм фэеплъ доска кьыщызэIуахауэ щытащ. Апхуэдэуи а музейм Къэшэж Иннэ и гьащIэмрэ и гуащIэмрэ щхьэхуэу хухаха гьэлъэгъуэныгъэ кьыщызэрагъэпэщаш.

Налшык щыIэ Хьэтохьущыкьуей хадэм щыпхрыша Усыгъэм и аллеем Къэшэж Иннэ и «Къызэпсэлъэж, си адэ, адыгэбзэкIэ...» («Заговори, отец, по-кабардински...») усэр тедзауэ тхыль зэIухам и теплъэ зиIэ мывэ шагъэтIылащ.

Апхуэдэуи, 2019 гъэм КъБР-м и ЩIалэгъуалэ центрым и кьудамэм и унафэщI Къарэ Ратмир и жэрдэмкIэ Налшык и Къэбэрдей уэрамым Иннэ и фэеплъ мывэ (арт-объект) шагъэтIылащ. Ар мывэ лIэужьыгъуищым кьыхэзыIулыкIу усакIуэм и IэдакьэщIэкI сатырхэр тезыдзэжар скульптор ГьуцIапщэ Арсенщ.

Зэманыр зэрыщыхьэт наIуэщи, Къэшэж Иннэ и усэхэр сыт хуэдэ лъэхьэни хозагъэ, ильэс нэхьыбэ дэкIыхукIи, абыхэм я мафIэр нэхьри кьызэщIост – щIэджыкIакIуэхэм я бжыгъэм хохьуэ, усакIуэр кьыщалъхуа махуэм фэеплъ пшыхьхэр иращIэкI (ахэр Къэбэрдей-Балъкьэрми Урысейм и кьалэ зыбжанэми щрагъэкIуэкI), и IэдакьэщIэкIхэр щIэныгъэр и лъабжэу ядж, и гьащIэмрэ и гуащIэмрэ теухуауэ статьяхэмрэ тхыль щхьэхуэхэмрэ ятх, и усэ сатырхэр зытет мывэхэр ягъэтIыль, и цIэр уэрамхэм фIащ... Апхуэдэу щыщыткIэ, усакIуэр уахьтыншэ хьуащ – ар мылIэжыныпсэ зыIут и тхыгъэхэм щопсэу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алоева 2014 – *Алоева Л.Х.* Незаходящее солнце Инны Кашежевой. – Нальчик: Тетраграф, 2014. – 136 с.

Бицуев 1997 – *Бицуев А.М.* Избранное: Стихи, баллады, поэмы [на каб.-черк. яз.: Усыгъэхэр]. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 288 с.

Бицуев 2016 – *Бицуев А.М.* Снег идет...: Стихотворения. Баллады. Переводы [на каб.-черк. яз.: Къосыр уэс...: Усэхэр. Балладэхэр. ЗэдзэкIахэр]. – Нальчик: Эльбрус, 2016. – 320 с.

Бицуев 2014 – *Бицуев А.М.* Чудесная поэтесса [на каб.-черк. яз.: УсакIуэ телъыджэ] // Ошхамахо [Iуащхьэмахуэ]. – 2014. – № 2. – С. 81–83.

Бозиева 2022 – *Бозиева Н.Б.* Тема малой родины в лирике Инны Кашежевой // Дискуссион в области гуманитарных, естественно-научных аспектов современности: материалы XXXV Всероссийской научно-практической конференции (г. Симферополь, 15 февраля 2022 г.) / в 2 ч. Ч. 2. – Ростов-н/Д: Манускрипт, 2022. – С. 74–76.

Кагермазов 1994 – *Кагермазов Б.Г.* Стихи, светящиеся солнцем [на каб.-черк. яз.: Дыгъэр зи усэм кьыпхыпс] // Адыгское слово [Адыгэ псалъэ]. – 1994, 23 февраля. – С. 4.

Кашежева 2014 – *Кашежева И.И.* Избранное: Стихотворения / Сост. Дж.П. Кошубаев. – Нальчик: Эльбрус, 2014. – 320 с.

Кашежева 1990 – *Кашежева И.И.* От второго лица: Новые стихи, переводы, литературные портреты. – Нальчик: Эльбрус, 1990. – 256 с.

Кашежева 2019 – *Кашежева И.И.* Отметина: Избранные стихотворения [на каб.-черк. яз.: Лъабзэ] / Пер. на каб.-черк. яз. А. Кармовой. – Нальчик: Принт Центр, 2019. – 124 с.

Кашежева 2023. Кн. 1 – *Кашежева И.И.* Поэзия сердца. Все стихотворения из прижизненных изданий. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2023. Кн. 1. – 428 с.

Кашежева 2023. Кн. 2 – *Кашежева И.И.* Поэзия сердца. Все стихотворения из прижизненных изданий. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2023. Кн. 2. – 492 с.

Кашежева 1994 – *Кашежева И.И.* Стихи [Усэхэр] / Пер. на каб.-черк. яз. А. Бицуева // Адыгское слово [Адыгэ псалъэ]. – 1994, 23 февраля. – С. 4.

Кешоков 1962 – *Кешоков А.П.* Знакомьтесь: Инна Кашежева // Литература и жизнь. – 1962, 22 июля. – С. 2.

Кулиев 1962 – *Кулиев К.Ш.* Родниковая свежесть // Кашежева И.И. Вольный Аул. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. – С. 5–8.

Торогельдиева 2011 – *Торогельдиева З.Н.* Поэзия Инны Кашежевой Проблемы традиций, жанров, поэтики: Для студентов гуманитарных вузов Северного Кавказа. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2011. – 189 с.

Хафицэ 2019 – *Хафицэ М.М.* Родник поэзии Инны Кашежевой [на каб.-черк. яз.: Къэшэж Иннэ и усэ псынащхьэхэр] // Кашежева И.И. Отметина: Избранные стихотворения [на каб.-черк. яз.: Лъабзэ] / Пер. на каб.-черк. яз. А. Кармовой. – Нальчик: Принт Центр, 2019. – С. 5–7.

Эфендиев и др. 2018 – *Эфендиев С.И., Эфендиева Т.Е., Эфендиев Ф.С.* Поэзия Инны Кашежевой. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2018. – 400 с.

REFERENCES

ALOEVA L.Kh. *Nezaxodyashhee solnce Inny` Kashezhevoj* [The never-setting sun of Inna Kashezheva]. – Nalchik: Tetragraph, 2014. – 136 p. (In Russ.).

BITSUEV A.M. *Izbrannoe: Stihi, ballady, poemy* [Favorites: Poems, ballads, poems]. – Nalchik: Elbrus, 1997. – 288 p. (In Circassian).

BITSUEV A.M. *Sneg idet...: Stihotvoreniya. Ballady. Perevody* [It's snowing...: Poems. Ballads. Translations]. – Nalchik: Elbrus, 2016. – 320 p. (In Circassian).

BITSUEV A.M. *Chudesnaya poetessa* [Wonderful poetess]. IN: Oshkhamakho. – 2014. – No. 2. – P. 81–83. (In Circassian).

BOZIEVA N.B. *Tema maloj rodiny` v lirike Inny` Kashezhevoj* [The theme of the small homeland in the lyrics of Inna Kashezheva]. IN: Discussions in the field of humanitarian, natural and scientific aspects of modernity: materials of the XXXV All-Russian Scientific and Practical Conference (Simferopol, February 15, 2022) / in 2 hours. Part 2. – Rostov-on-Don n/a: Manuscript, 2022. – P. 74–76. (In Russ.).

KAGERMAZOV B.G. *Stihi, svetyashchiesya solncem* [Poems glowing with the sun]. IN: Adyghe psal'e. – 1994, February 23. – P. 4. (In Circassian).

KASHEZHEVA I.I. *Izbrannoe: Stihotvoreniya / Sost. J.P. Koshubaev* [Favorites: Poems / Comp. J.P. Koshubaev]. – Nalchik: Elbrus, 2014. – 320 p. (In Russ.).

KASHEZHEVA I.I. *Ot vtorogo lica: Novye stihi, perevody, literaturnye portrety* [From the second person: New poems, translations, literary portraits]. – Nalchik: Elbrus, 1990. – 256 p. (In Russ.).

KASHEZHEVA I.I. *Otmestina: Izbrannye stihotvoreniya / Per. na kab.-cherk. yaz. A. Karmovoj* [Mark: Selected poems / Trans. on the Circassian language by A. Karmova]. – Nalchik: Print Center, 2019. – 124 p. (In Circassian).

KASHEZHEVA I.I. *Poeziya serdca. Vse stihotvoreniya iz prizhiznennyh izdanij* [Poetry of the heart. All poems are from lifetime publications]. – Nalchik: Mariya and Victor Kotlyarov's publishing house, 2023. Book 1. – 428 p. (In Russ.).

KASHEZHEVA I.I. *Poeziya serdca. Vse stihotvoreniya iz prizhiznennyh izdanij* [Poetry of the heart. All poems are from lifetime publications]. – Nalchik: Mariya and Victor Kotlyarov's publishing house, 2023. Book 2. – 492 p. (In Russ.).

KASHEZHEVA I.I. *Stihi / Per. na kab.-cherk. yaz. A. Bicueva* [Poems / Trans. on the Circassian language by A. Bitsuev]. IN: *Adyge psalae*. – 1994, February 23. – P. 4. (In Circassian).

KESHOKOV A.P. *Znakom'tes': Inna Kashezheva* [Meet Inna Kashezheva]. IN: *Literature and life*. – 1962, July 22. – P. 2. (In Russ.).

KULIEV K.Sh. *Rodnikovaya svezhest'* [Spring freshness]. IN: Kashezheva I.I. *Volny Aul*. – Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1962. – P. 5–8. (In Russ.).

TOROGELDIEVA Z.N. *Poeziya Inny Kashezhevoj Problemy tradicij, zhanrov, poetiki: Dlya studentov gumanitarnyh vuzov Severnogo Kavkaza* [Poetry of Inna Kashezheva Problems of traditions, genres, poetics: For students of humanitarian universities of the North Caucasus]. – Nalchik: Polygraphservice and T, 2011. – 189 p. (In Russ.).

KHAFITSE M.M. *Rodnik poezii Inny Kashezhevoj* [The spring of Inna Kashezheva's poetry]. IN: Kashezheva I.I. *Mark: Selected poems / Trans. on the Circassian language by A. Karmova*. – Nalchik: Print Center, 2019. – P. 5–7. (In Circassian).

EFENDIEV S.I., EFENDIEVA T.E., EFENDIEV F.S. *Poeziya Inny Kashezhevoj* [Poetry of Inna Kashezheva]. – Nalchik: Mariya and Victor Kotlyarov's publishing house, 2018. – 400 p. (In Russ.).

Авторым теухуауэ

Хъэвжокъуэ Л.Б. – филологие щІэныгъэхэмкІэ кандидат

Information about the author

L.B. Khavzhokova – candidate of sciences (Philology)

Информация об авторе

Л.Б. Хавжокова – кандидат филологических наук

Тхыгъэр редакцэм кърагъэхьащ 03.04.2024 гъ.; рецензэ нэужьым къащтащ 15.06.2024 гъ.; къытрадзэнуш 27.06.2024 гъ.

The article was submitted 03.04.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Статья поступила в редакцию 03.04.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

Научная статья

УДК 821.352.1

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-356-369

EDN: OTZSLG

**ИЗ ИСТОРИИ СБОРА, ПУБЛИКАЦИИ И ОСМЫСЛЕНИЯ
АБАЗИНСКОЙ СКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ**

Лиля Арабиевна Борокова

Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почёта» Институт гуманитарных исследований имени Х.Х. Хапсирокова. Черкесск, Россия, borokova64@mail.ru

Аннотация. В статье воссоздается история сбора, публикации и издания абазинских сказок с 1929 г. по настоящее время. В этой связи освещается деятельность А.Н. Генко, Т.З. Табулова, К.В. Ломтатидзе, В.Б. Тугова, В.Н. Меремкулова и других. Ставится вопрос о необходимости сведения воедино всего имеющегося корпуса фольклорного материала, систематизации и переиздания отдельной серией в нескольких томах, разбив по жанровым образованиям. Также в статье прослеживается изучение абазинской сказочной прозы в работах В.Б. Тугова, В.Н. Меремкулова, П.К. Чекалова, кратко очерчивается вклад каждого ученого в становление национальной фольклористики. Подобное осмысление позволяет подвести черту под проделанную на сегодня работу и, опираясь на существующую научную базу, продолжить современное исследование национального фольклора.

Ключевые слова: абазинский фольклор, сказка, нартские сказания, предания, песни, загадки, пословицы.

Для цитирования: Борокова Л.А. Из истории сбора, публикации и осмысления абазинской сказочной прозы // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 356-369. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-356-369. EDN: OTZSLG.

© Борокова Л.А., 2024

Original article

**FROM THE HISTORY OF COLLECTION, PUBLICATION,
COMPREHENSION OF ABAZA FAIRY-TALE PROSE**

Lilya A. Borokova

Karachay-Cherkessia Institute for Humanities Research under the Government of the Karachay-Cherkess Republic, Cherkessk, Russia, borokova64@mail.ru

Abstract. The article recreates the history of the collections, writings and publications of Abaza fairy tales from 1929 to the present time. In this regard, the activities of A.N. Genko, T.Z. Tabulov, K.V. Lomtadize, V.B. Tugov, V.N. Meremkulov and others are highlighted. The question is raised considering the need to bring together the entire existing body of folklore material, systematize it and reissue it in a separate series in several volumes, broken down by genre. The article also traces the study of Abaza fairy tale prose in the works of V.B. Tugov, V.N. Meremkulov, P.K. Che-

kalov, the contribution of each scientist to the formation of national folklore is briefly outlined. Such comprehension allows us to draw a line under the work done to date and, relying on the existing scientific base, to continue the modern study of national folklore.

Keywords: Abaza folklore, fairy tale, Nart tales, legends, songs, riddles, proverbs.

For citation: Borokova L.A. From the history of collection, publication, comprehension of abaza fairy-tale prose. In: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 356-369. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-356-369. EDN: OTZSLG.

© Borokova L.A., 2024

Первым абазинские фольклорные тексты на языке оригинала записал русский ученый, профессор Ленинградского государственного университета А.Н. Генко в 1929 и 1933 гг. специально для этого изобретенным алфавитом. (В 1929 г. абазинцы еще не имели своей письменности). Всего им было зафиксировано 22 сказки, 3 нартских сказания, 2 предания, 3 были, 3 народные песни, две молитвы языческого происхождения, 5 сатирических стихотворений, 2 авторских стихотворения, 5 загадок, 156 пословиц. Но, к огромному огорчению, все эти тексты со времени их записи в законсервированном виде пролежали 90 лет в архиве ученого и лишь в 2019 г. были обнародованы З.Д. Джапуа и П.К. Чекаловым в книге «Абазинские материалы А.Н. Генко» [Абазинские материалы Генко 2019]. Профессор П.К. Чекалов считает эти записи уникальными и в 9 пунктах обоснованно аргументирует свое суждение. Из них мы воспроизведем лишь некоторые:

1) благодаря А.Н. Генко до наших дней дошло множество произведений из абазинской сказочной прозы, которые после него никому больше не удалось записать;

2) в рукописях А.Н. Генко сохранились отдельные жанры фольклора, которые впоследствии никем отмечены не были: фольклорные сатирические стихи, языческие молитвы;

3) огромным историко-культурным значением обладают предания «Тапанта ртурых» («История абазин тапанта») и «Чагъарыйа ащхъа йшгIатырцаз» («О том, как шахгиреевцев выгнали из гор»). Ничего подобного в последующей абазинской фольклористике не было;

4) задним числом А.Н. Генко пополнил состав абазинских нартских сказаний текстами «Къайдыхв асин атурых» («История памятника Кайдух»), «Сас-рыкъва йтурых» («Сказание о Сосруко») и «Тлакъвашвауа йпа Рамхвыта» («Крестьянский сын Рамхута»);

5) наиболее полным изданием абазинских пословиц и поговорок является составленный Н.Т. Табуловой сборник «Афористическая поэзия абазин» (Черкесск, 1977), вобравший в себя 2226 национальных крылатых выражений. Сегодня этот сборник можно дополнить 80 пословицами из тех, что еще в 1929 году были записаны А.Н. Генко [Абазинские материалы Генко 2019: 28].

С 1933 по май 1941 гг. на страницах школьных хрестоматий и национальной периодической печати появились одна народная песня, шесть пословиц, одиннадцать загадок, шесть нартских сказаний и девятнадцать сказок. Их ска-

зителями выступили Т. Табулов, Х. Табулов, Х. Камов, У. Копсергенов, Х. Цамбов, Х. Догужев, а записывали и публиковали – М. Нипа, А. Меремкулов, У. Пшмахов, П. Цеков, Х. Таов, Х. Жиров, Т. Табулов. Но и этот фольклорный материал в связи с военными событиями на территории Черкесии в годы Великой Отечественной войны пропал и был восстановлен и введен в научный оборот П.К. Чекаловым лишь в 2008 г. в книге «Абазинская довоенная литература» [Абазинская довоенная литература 2008].

В феврале 1937 г. Черкесским научно-исследовательским институтом были организованы абазинская, ногайская и черкесская фольклорные экспедиции по аулам Черкесии. Абазинскую группу возглавил Т.З. Табулов, помощниками его явились Кагов Абубекир и Нашев Умар. В течение 15 дней они собирали полевой материал в аулах Кубина, Псыж, Эльбурган, Инжич-Чукун. Далее следовало обработать фольклорные записи и представить в специальную комиссию для последующего издания. Но в сентябре того же 1937 г. Т. Табулов был арестован органами НКВД, и он провел два года в тюрьме. Во время обыска у него в квартире, помимо других документов, были изъяты две папки фольклорных и других записей. Впоследствии они были уничтожены, так и не увидев света в печатном виде.

В конце 1930 – начале 40-х гг. грузинский профессор К.В. Ломтатидзе собрала множество абазинских фольклорных текстов и выпустила их в виде приложения к своим монографиям: «Тапантский диалект абхазского языка» [Ломтатидзе 1944], «Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов» [Ломтатидзе 1954], «Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков» [Ломтатидзе 1977]. Всего она обнародовала 150 нартских сказаний, сказок, преданий, песен, пословиц, загадок. Каждый текст сопровождался указанием о том, в каком ауле, от кого из жителей и когда была произведена запись. Но этот обширный материал за исключением узкого круга специалистов никому не известен. Сегодня представляется необходимым переиздание данного фольклорного массива, как это было сделано с материалами А.Н. Генко и довоенными публикациями.

В послевоенные годы сбором абазинских фольклорных материалов, их систематизацией и публикацией занимался сотрудник Черкесского научно-исследовательского института Т.З. Табулов. В 1947 г. он выпустил сборник «Абазинские сказки», куда включил восемь больших текстов [Абазинские сказки... 1947]. Впоследствии все они были воспроизведены в сборнике «Свет зари» [Табулов 1982], подготовленный к изданию Н.Т. Табуловой и В.Б. Туговым.

Произведения, вошедшие в табуловский сборник, имеют свои отличительные особенности, которые нужно учитывать при их осмыслении. Литературовед В.Б. Тугов считал эти сказки не чисто фольклорными, а литературными: «Все тексты этого сборника автор подверг творческой переработке (дал более расширенные, по сравнению с народными вариантами, описания этнографических реалий, подробнее разработал узловые эпизоды сюжета, внешности и характера героя, четче расставил и подчеркнул социальные акценты, чему немало способствовали и развернутые авторские комментарии). Таким образом, тек-

сты, вошедшие в сборник, строго говоря, – авторские работы (рассказы, поэмы, повести на фольклорные мотивы и сюжеты)» [Тугов 2002: 7].

Спустя восемь лет Т.З. Табулов совместно с К.С. Шакрыл выпустил другой сборник с таким же, как и предыдущая книга, названием: «Абазинские сказки» [Абазинские сказки... 1955]. Сюда вошло 32 текста всех сказочных жанров, а также исторические предания и притчи. Здесь же отметим, что в 2015 г. П.К. Чекалов переиздал все опубликованные в предвоенные годы и вошедшие в табуловские сборники сказки одной книгой: «Абазинские сказки» [Абазинские сказки... 2015].

С 1960-х гг. сбор, систематизация и публикация абазинского фольклора сосредоточилась в руках молодого научного сотрудника Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института В.Б. Тугова, выпустившего на языке оригинала три сборника: «Сказки Абазашты» [Сказки Абазашты... 1965], «Сказка, сказка, сказочка» [Сказка, сказка, сказочка... 1968], «Царакуж я...» [Царакуж я... 1987]. Эти книги объединили в себе 73 текста волшебных, бытовых сказок, сказок о животных, притч и преданий. Помимо того, последние два издания, ориентированные на детскую аудиторию, включали в себя 78 сказок и анекдотов о Ходже Насреддине, описание забав и игр детей, детские стихи, считалки, скороговорки, загадки, пословицы и поговорки. В 2016 г. П.К. Чекалов собрал воедино вошедшую в сборники В.Б. Тугова сказочную прозу и переиздал под общим названием «Сказки Абазашты» [Абазинские сказки... 2016].

Большую ценность представляет сборник абазинских сказок в переводе на русский язык «Абазинские народные сказки» (1985), изданный В.Б. Туговым в серии «Сказки и мифы народов Востока» [Абазинские народные сказки... 1985]. Он включает 172 разножанровых текста (в том числе сказки и анекдоты о Ходже), снабжён обстоятельной вступительной статьёй, комментариями к текстам и, что немаловажно, в нем абазинские сказки представлены в соответствии с международным указателем сюжетных типов по Аарне-Томпсону. Сборник имеет несомненные достоинства и является лучшим научным изданием абазинских народных сказок.

В отзыве о книге В.Б. Тугова на страницах журнала «Советская этнография» абхазский фольклорист С.Л. Зухба отмечал: «Рецензируемый труд дает возможность более полно представить тематику и сюжетный состав сказочного эпоса абазин. Записи большинства опубликованных в сборнике сказок осуществлены за последние четыре – пять десятилетий, что помогает в определенной степени судить о судьбах и бытовании традиционных жанров фольклора в наши дни. <...> Значительная часть их записана самим составителем» [Зухба 1987: 161].

Особого внимания заслуживает книга «Абазинские народные сказки» (1986), составленная В.Н. Меремкуловым [Абазинские народные сказки... 1986]. Сюда вошли 104 текста, распределенных по трем разделам: сказки о животных, волшебные сказки, бытовые сказки. Все они собраны автором в ходе фольклорных экспедиций в абазинских селениях. Сборник представлен обширной вступительной статьёй, где характеризуются различные жанры абазинского фольклора, тексты паспортизированы, оснащены комментариями и списком ар-

хаических слов, что значительно подчеркивает ценность издания. В 2012 г. этот сборник был переведен на турецкий язык Оздемиром Озбаем и издан в Анкаре [Абазинские народные сказки... 2012].

Отметим, что в 2021 г. потомок абазинских махаджиров М. Йуксель собрал бытующие в Турции абазинские сказки и издал их в городе Кайсери [Йуксел 2021].

В 2011 г. был издан посмертный сборник избранных трудов Ш.Ш. Хуранова «Труды. Исследования и материалы» [Хуранов 2011]. В разделе «Материалы экспедиций», помимо 9 коротких песен любовной тематики и 9 детских стихотворных текстов, приводятся одно нартское сказание, 7 преданий и 8 сказок.

Международным объединением содействия развитию абазино-абхазского этноса «Алашара» в 2016 г. был выпущен сборник избранной сказочной прозы для детей с иллюстрациями художника А.А. Биджева «Абазинские сказки» [Абазинские сказки... 2016], куда вошли 15 текстов различной тематики. (Осуществленные П.К. Чекаловым переиздания 2015 и 2016 гг. спонсированы этим же объединением «Алашара»).

А.С. Аджибеков в изданную в 2019 г. книгу «Завет сказителей» [Аджибеков 2019] включил множество религиозно-мусульманских историй, текстов молитв и зикров, собранных самим составителем. Сюда же вошли 4 сказания о нартах и 27 разножанровых сказок.

В вышедшую в 2020 г. книгу памяти поэта, педагога, литературоведа и фольклориста К.А. Баталова, помимо его стихотворных произведений, статей об абазинском фольклоре и литературе, было представлено более 70 фольклорных текстов, собранных как самим Баталовым, так и под его руководством студентами КЧГПИ – КЧГУ во время фольклорных экспедиций. Из них 2 нартских сказания, 4 предания и 65 сказок.

Одна из последних изданий осуществлена старшим научным сотрудником Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований Л.А. Бороковой. В ее сборник «Из фольклорного наследия абазин (образцы текстов по жанрам)» [Из фольклорного наследия... 2020] вошли нартские сказания, все жанры абазинских сказок, хабары, песни, загадки, пословицы, благопожелания и детский фольклор.

С 2019 г. выходит на абазинском языке литературно-художественный и научно-просветительский журнал «Родники Абазашты» (главный редактор – С.У. Пазов). И с первого номера в нем открыт специальный раздел «Наследие поколений», в котором печатаются ранее не публиковавшиеся фольклорные произведения. Так, в первом номере (2019) были помещены 3 сказки, во втором (2020) – пять сказок и одно предание, в третьем (2021) – семь сказок.

Тут же укажем на то, что, помимо переводного издания В.Б. Тугова 1985 г., и до, и после осуществлялись издания отдельных абазинских сказок на русском языке в составе различных сборников. Воспроизведем их названия с выходными данными в хронологической последовательности: Волшебная сабля (Ворошиловск, 1939); Сказки четырех братьев (Ставрополь, 1964); Чудо-яблочко: Сказки народов Карачаево-Черкесии / Составление и литературный перевод Н.В. Капиевой. (Ставрополь, 1983. С. 8–44); Сказки народов Карачаево-Черкесии / Состав-

ление: Р.С.-Б. Лайпанова, Ф.Х.-О. Гочияевой. (Черкесск, 1992. – С. 3–88); Абазинские сказки / Подготовка материала к изданию, составление, перевод, комментарии П.К. Чекалова. (Ставрополь, 2014. – 108 с.); Сказки народов Карачаево-Черкесии. (Черкесск – Саратов: ООО Амирит, 2021. – С. 5–96).

Как видим, в настоящее время в разрозненных изданиях обнаружено огромное количество абазинской сказочной прозы. (В данный обзор не включены отдельные издания нартского эпоса, легенд и преданий, народных песен, детского фольклора, пословиц и поговорок). И теперь перед абазинской фольклористикой стоит насущная задача изучения этого наследия. Вместе с тем необходимо собрать воедино весь имеющийся разножанровый фольклорный материал, дополнить его отдельными публикациями, осуществленными в различных периодических изданиях и переиздать единой серией в нескольких томах, предварительно систематизировав его по крупным жанровым образованиям: нартский эпос, сказочная проза, легенды и предания, народная песня, детский фольклор, пословицы и поговорки, загадки, проклятия и т.д. Причем весь массив нужно тщательно выверить и освободить от повторяющихся текстов. В свою очередь материал крупных жанров (нартские сказания, сказки, песни...) следует расклассифицировать по жанровым разновидностям. Например, лирические песни рассортировать по тематическим группам: трудовые, любовные, обрядовые, сатирические, юмористические, шуточные, песни-плачи; сказки – на волшебные, животные, бытовые, анекдоты о Ходже Насреддине. При этом важно различные варианты одного и того же сюжета объединять в единое гнездо: Сын айныжа, Сын медведя, Кузнечик, злая жена, глупые люди и т.д. Также важно в каждом тексте выявлять устаревшие слова и в постраничных сносках пояснять их значение.

Работа предстоит колоссальная, но ее необходимо выполнить, чтобы национальное устно-поэтическое наследие веков не развеялось на ветру времен, а было бы собрано в единый многотомный памятник народного творчества.

Осмысление фольклорного наследия абазин началось с монографии В.Б. Тугова «Очерки истории абазинской литературы» (1970), в которой была помещена глава «Устное народное творчество» [Тугов 1970: 17–67]. В ней последовательно были представлены образцы нартского и сказочного эпосов, турыха и хабара, песни-плача, малых фольклорных форм: пословицы, поговорки, загадки. Тугов первым занялся и разграничил такие понятия, как «локI», «турых» и «хабар». Первый термин – «локI» – он трактовал как небылицу, выдумку, сказку; второй – «турых» – как легендарное повествование с элементами чудесного, невероятного, которое могло случиться на самом деле, но могло и не состояться; третий – «хабар» – это рассказ о достоверном факте.

В данной главе из 50 страниц абазинским сказкам было отведено 20. Ученый представил материал исследования, разделив его на три части: сказки о животных он показал на материале пяти произведений; волшебнo-фантастическим посвящены подробные анализы трех сказок и социально-бытовым – пяти.

В предисловии к изданию «Абазинских народных сказок» на русском языке В.Б. Тугов лаконично, но емко охарактеризовал особенности каждого жанра.

Так, он отмечает, что «главным персонажем абазинской волшебной сказки <...> выступает социально обездоленный герой. <...> У героя волшебной сказки, как и сказок других народов, есть чудесные помощники: старуха-колдунья, мудрецы или богатыри, жена и сестра, невеста, а также благородные животные, которым он оказал услугу» [Абазинские народные сказки... 1985: 8–9].

Переходя к бытовым сказкам, В.Б. Тугов подчеркивал их социальную заостренность: «...картина классовой дифференциации и социального антагонизма. Герою противопоставляются <...> эксплуататоры – князья, богачи, торговцы, и против них выступает <...> батрак, пастух, табунщик, которые одерживают победу <...> благодаря уму, сообразительности, ловкости, терпению, хитрости» [Абазинские народные сказки... 1985: 11].

Характерной особенностью сказок о животных фольклорист выделяет ярко выраженный антропоморфизм и социальный аллегоризм. «Некоторые персонажи абазинских сказок о животных <...>, имеют постоянные характеристики: осел всегда олицетворение глупости, вол – трудолюбия, лошадь – благородства, собака – верности и преданности, волк жаден, вероломен и глуп <...>. Истинный царь зверей – это медведь. Он всегда обладает огромной силой и властью, но феноменально глуп <...>. Наиболее популярный персонаж – хитрая и умная лиса...» [Абазинские народные сказки... 1985: 13].

Помимо общей характеристики жанрового состава, В.Б. Тугов кратко касается и специфики сказочной поэтики: черты стиля, традиционные присказки, зачины, концовки, повторы, взаимодействие абазинского фольклора с устно-поэтическим творчеством соседних народов и т.д.

С.Л. Зухба об этой части труда фольклориста отзывался так: «В содержательной вступительной статье к сборнику В.Б. Тугов <...> характеризует основные жанры абазинской народной прозы, в том числе сказок, определяет место и объем этого жанра в абазинском фольклоре, раскрывает идейную и эстетическую сущность сказки, выявляет ее роль в духовной жизни народа...» [Зухба 1987: 161].

В.Б. Тугов в историю абазинской литературы вошел как общепризнанный основоположник национального литературоведения, но интерес к фольклористике у него не пропадал: накопленные за годы научно-исследовательской работы наблюдения вылились в фундаментальный труд «Память и мудрость веков (фольклор абазин: жанры, темы, идеи, образы, поэтика)» [Тугов 2002]. В пяти главах этого издания автор глубоко и последовательно исследовал героический эпос «Нарты», сказки, несказочную прозу, народную поэзию, пословицы, поговорки, приметы, загадки. Литературовед П.К. Чекалов писал о монографии В.Б. Тугова: «Нельзя не поразиться широте охвата материала, нельзя не позавидовать умению автора сопровождать исследуемый материал мифологическими, религиозными, историческими, филологическими, этнографическими, астрономическими справками» [Чекалов 2022: 70].

В предисловии к изданию «Абазинские народные сказки» В.Н. Меремкулов кратко прослеживает историю публикаций и изданий абазинского фольклора, размышляет над значением терминов «локI», «турых», «хабар» и приходит к тем же заключениям, что и В.Б. Тугов.

Анализируя сказки о животных, фольклорист основное внимание уделяет характеристике персонажей: медведя, лисы, волка, осла. Исследуя поэтику этой группы сказок, автор подробнее останавливается на сказке «Блоха и вошь», выделяя такие ее особенности, как динамизм повествования, кумулятивность, насыщенность диалогом.

При рассмотрении волшебных сказок в центре внимания исследователя оказываются композиция, характерные зачины и концовки, прием ретардации. Здесь же рассматриваются космогонические элементы и мифологические образы ведьмы, айныжа, мудреца. Отмечается, что основными выразительными средствами в волшебных сказках наряду с гиперболой выступают эпитеты, сравнения, метафоры.

Основным приемом социально-бытовых сказок В.Н. Меремкулов признает антитезу, противопоставляющую труженика и богатея. В этом плане убедительной выступает деталь, подмеченная исследователем: в сказках образу князя чаще всего сопутствует эпитет «зальым» (насильник). Простому человеку также противоположен и эфенди, который выступает жадным, ненасытным, самоуверенным, завистливым, трусливым, греховодником. Наряду с образами князей и священнослужителей в бытовых сказках рассматривается и образ женщины в различных ее ипостасях: безмолвной и безропотной героини, пленницы злодея, мстительницы, воительницы. Чаще всего она выступает помощницей героя, его советчицей, подругой и женой. Таким образом, наблюдения В.Н. Меремкулова дополняют исследования В.Б. Тугова своими нюансами и ракурсом анализа.

Литературоведу П.К. Чекалову принадлежит ряд публикаций различной фольклорной тематики: «Образы нартского эпоса и современная абазинская литература» [Чекалов 1989: 78–81], «Абазинский фольклор и мифология народов мира» [Чекалов 1994: 47–54], «Веселовский, Куприн, Соломон и сказки народов Кавказа» [Чекалов, Котова 1999: 169–175], «Синтез языческих и мусульманских мотивов в абазинском предании» [Чекалов, Черкашина 2017: 108–111], «Неизвестное нартское сказание в записи профессора А.Н. Генко» [Чекалов 2019: 97–108]. Из них выделим те, которые соотносятся с темой нашего исследования.

В статье «Абазинский фольклор и мифология народов мира» автор акцентирует внимание на типологических соответствиях, обнаруживающих себя в абазинских сказках и фольклорных произведениях других народов. Так, одна из сюжетных линий сказки «О мужестве» напоминает древнегреческий миф о встрече Одиссея и Полифема, запечатленный Гомером в девятой песне «Одиссеи». Сопоставительный анализ, выявляющий одинаковую фабулу и совпадения множества деталей (в обоих произведениях великан является пастухом, имеет лишь один глаз, питается человеческим мясом, поедает равное число людей; одинаковы средство расправы с грозным хозяином пещеры, способ выхода из нее) убеждает в том, что вышли они из одного и того же источника.

Далее в статье выявляются созвучие мотивов похищения огня в абазинском сказании о нартах и мифе о Прометее. Отмечаются отчетливая перекличка между незакаленными коленями богатыря Сосруко и Ахиллесовой пятой, образами абазинских крылатых коней (Дурдуль) и Пегаса. Также несомненную бли-

зость литературовед обнаруживает между абазинской сказкой «Как трое братьев обманули князя» и древнеримской легендой о Дидоне, сказкой «Дочь Солнца и Луны Даха» и «Коньком-горбунком» П.П. Ершова. Используемая при анализе аргументация исследователя представляется вполне убедительной.

В статье «Веселовский, Куприн, Соломон и сказки народов Кавказа», написанной в соавторстве с Л.В. Котовой, сравнительному анализу подвергаются отдельные сцены суда Соломона из повести А.И. Куприна «Суламифь» и абазинской сказки «Как три брата обманули князя». Несмотря на наличие определенного различия, объясняемого национальными особенностями двух народов, исследование сюжетного состава трех эпизодов делает их сходство очевидным. Таким образом, исследования П.К. Чекалова показывают, что развитие абазинского фольклора осуществлялось в русле общемировых тенденций.

За последние годы старшим научным сотрудником отдела фольклора КЧИГИ Л.А. Бороковой опубликовано около двух десятков статей, посвященных различным аспектам сказочной прозы, среди них: «Демонологические персонажи абазинского фольклора» [Борокова 2009: 316–318], «Жанр бытовой сказки в фольклоре абазин: особенности сюжетного состава» [Борокова 2018: 53–59], «Образ героя волшебной сказки в фольклоре абазин» [Борокова 2019а: 440–444], «Мотив "чудесного" в абазинской волшебной сказке» [Борокова 2019b: 197–192], «Мифологические образы в сказочном эпосе абазин» [Борокова 2019с: 303–310], «Мотив "превращения" в сказочном эпосе» [Борокова 2021: 206–211], «Юмор и сатира в абазинской бытовой сказке» [Борокова 2022: 159–165] и др.

Тематическая палитра изучения абазинской сказки представлена довольно разнообразно, и можно надеяться, что в скором времени эти разрозненные материалы станут основой большого и цельного исследования, посвященного национальной сказке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазинские сказки... 1947 – *Абазинские сказки* / Составитель Т.З. Табулов. – Ставрополь: Краевое кн.-изд. 1947. – 145 с. (На абаз. яз.).

Абазинские сказки... 1955 – *Абазинские сказки* / Составители: Т.З. Табулов, К.С. Шакрыл. – Черкесск: Черкесское кн.-изд., 1955. – 155 с. (На абаз. яз.).

Абазинские народные сказки... 1985 – *Абазинские народные сказки* / Составление, перевод с абазинского, вступительная статья, примечания В.Б. Тугова. – М.: Наука, 1985. – 412 с.

Абазинские народные сказки... 1986 – *Абазинские народные сказки* / Собиранье, составитель, переводчик, автор предисловия, комментариев В.Н. Меремкулов. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1986. – 360 с. (На абаз. яз.).

Абазинские народные сказки... 2012 – *Абазинские народные сказки* / Перевод Оздемира Озбая. – Анкара: Печать: Калкан Типография, 2012. – 325 с. (На турец. яз.).

Абазинские сказки... 2014 – *Абазинские сказки* / Подготовка материала к изданию, составление, перевод, комментарии П.К. Чекалова. – Ставрополь: Бюро новостей 2014. – 108 с. – (На рус. яз.).

Абазинские сказки... 2015 – *Абазинские сказки* / Составление, вступительная статья, примечания П.К. Чекалов. – Минеральные Воды: Издательство Ставролит, 2015. – 348 с. (На абаз. яз.).

Абазинские сказки... 2016 – *Абазинские сказки*. – Ростов-на-Дону: Криптос, 2016. – 112 с.

Абазинские материалы Генко 2019 – *Абазинские материалы А.Н. Генко* / Издание подготовили З.Д. Джапуа и П.К. Чекалов. – Сухум: Academia, 2019. – 464 с.

Абазинская довоенная литература 2008 – *Абазинская довоенная литература* / Составитель, автор предисловия П.К. Чекалов. – Ставрополь: Издательство Ставролит, 2008. – 192 с.

Аджибеков 2019 – *Аджибеков А.С.* Завет сказителей. – Черкесск: ООО «Невинномысская городская типография», 2019. – 442 с.

Волшебная сабля... 1939 – *Волшебная сабля* / Сб. черкес., абазин. и карачаев. сказок. – Ворошиловск: Орджоникидзе. кр. изд., 1939. – 80 с. (На рус. яз.).

Борокова 2009 – *Борокова Л.А.* Демонологические персонажи абазинского фольклора // Лавровский сборник: Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008-2009 гг.: Этнология, история, археология, культурология. – СПб.: МАЭ РАН, 2009. – С. 316-318.

Борокова 2018 – *Борокова Л.А.* Жанр бытовой сказки в фольклоре абазин: особенности сюжетного состава // «Языки и литературы в поликультурном пространстве России: современное состояние и перспективы развития», посвященной 80-летию со дня рождения Акачиевой С. М.». Материалы Всероссийской научной конференции. – Карачаевск: КЧГУ им. У.Д. Алиева, 2018. – С. 53–59.

Борокова 2019а – *Борокова Л.А.* Образ героя волшебной сказки в фольклоре абазин // «Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы». Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской. – Карачаевск: КЧГУ им. У.Д. Алиева, 2019. – С. 440–444.

Борокова 2019б – *Борокова Л.А.* Мотив «чудесного» в абазинской волшебной сказке // Социально-культурная и историческая общность Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии: традиции, современность, перспективы развития. Материалы межрегиональной конференции с международным участием. – Черкесск–Карачаевск: КЧГУ, 2019. – С. 187–192.

Борокова 2019с – *Борокова Л.А.* Мифологические образы в сказочном эпосе абазин. // «Клычевские чтения – 2019». Материалы научно-практической конференции с международным участием. – Черкесск: КЧГУ им. У.Д. Алиева, 2019. – С. 303–310.

Борокова 2021 – *Борокова Л.А.* Мотив «превращения» в сказочном эпосе // Материалы научно-практической конференции с международным участием «Табуловские чтения – 2021». – Карачаевск: КЧГУ, 2021. – С. 206–211.

Борокова 2022 – *Борокова Л.А.* Юмор и сатира в абазинской бытовой сказке // «Табуловские чтения – 2022» / Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию письменности на абазинском языке и 100-летию КЧР. Карачаевск: КЧГУ, 2022. – С. 159–165.

Зухба 1987 – *Зухба С.Л.* «Абазинские народные сказки» // Советская этнография. – 1987. – № 3. – С. 161–162.

Из фольклорного наследия... 2020 – *Из фольклорного наследия абазин* (образцы текстов по жанрам). Составление, предисловие, словарь Л.А. Бороковой. – Черкесск: КЧИГИ, 2020. – 296 с. (На абаз. яз.).

Йуксел 2021 – *Йуксел М.* Абазинские сказки. Народное творчество. – Кайсери (Турция), 2021. – 120 с. (На абаз. и турец. яз.).

Ломтатидзе 1944 – *Ломтатидзе К.В.* Тапантский диалект абхазского языка (с текстами). – Тбилиси: Издательство АН ГССР 1944, – 146 с. (На груз. яз., резюме на рус. яз.).

Ломтатидзе 1954 – *Ломтатидзе К.В.* Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов (с текстами). – Тбилиси: Акад. наук Груз. ССР, 1954. – 351 с. (На груз. яз., резюме на рус. яз.).

Ломтатидзе 1977 – *Ломтатидзе К.В.* Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. I. Фонетика. Фонология (с текстами). – Тбилиси: Мецниереба, 1976. – 348 с.

Неизвестное нартское... 2021 – *Неизвестное нартское сказание в записи профессора А.Н. Генко* // Исследования культур вдоль Шелкового пути. – Будапешт, 2021. – № 3. – С. 270–280.

Сказка, сказка, сказочка... 1968 – *Сказка, сказка, сказочка* / Составитель, автор предисловия В.Б. Тугов. – Черкесск: Черкес. кн. изд-во, 1968. – 119 с. (На абаз. яз.).

Сказки Абазашты... 1965 – *Сказки Абазашты* / Составитель, автор предисловия В.Б. Тугов. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во, 1965. – 205 с. (На абаз. яз.).

Сказки четырех братьев... 1965 – *Сказки четырех братьев* / Обработка и лит. пер. Н. Капиевой. Ил.: И. Харсекин. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1965. – 148 с.

Сказки народов Карачаево-Черкесии... 1992 – *Сказки народов Карачаево-Черкесии* / Составление Р. С.-Б. Лайпанова, Ф. Х.-О. Гочияева; Худож. А. Н. Капнинов. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во: Карачаево-Черкес. отд-ние, 1992. – 334 с.

Сказки Абазашты... 2016 – *Сказки Абазашты* / Составление, вступительная статья, примечания – П.К. Чекалова. – Ставрополь: Бюро новостей, 2016. – 316 с. (На абаз. яз.).

Сказки народов Карачаево-Черкесии... 2021 – *Сказки народов Карачаево-Черкесии* / Составитель ответ. редактор Хубиев И.Х. первый заместитель министра КЧР по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати, член Союза Писателей России – Черкесск – Пятигорск: ООО «Просто», 2020. – С. 5–96. 480 с.

Табулов 1982 – *Табулов Т.* Свет зари / Сборник подготовили к изданию и составили Н. Табулова, В. Тугов. – Черкесск: Черкес. кн. изд-во, 1982. – 256 с. (На абаз. и черкес. яз.).

Тугов 1970 – *Тугов В.Б.* Очерки истории абазинской литературы. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1970. – 275 с.

Тугов 2002 – *Тугов В.Б.* Память и мудрость веков (фольклор абазин: жанры, темы, идеи, образы, поэтика). – Карачаевск: КЧГПУ, 2002. – 320 с.

Хуранов 2011 – *Хуранов Ш.Ш.* Труды. Исследования и материалы. – Черкесск: Невинномысская гор. тип., 2011. – 431 с.

Царакуж я... 1987 – *Царакуж я...* / Сборник подготовил к изданию и составил В. Тугов. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1987. – 192 с. (На абаз. яз.).

Чекалов 1989 – *Чекалов П.К.* Образы нартского эпоса и современная абазинская литература // Общечеловеческое и вечное в литературе XX века. Русская и советская литература. Тезисы докладов всесоюзной научной конференции. – Грозный: Издательство Чечено-ингушского университета, 1989. – С. 79–81.

Чекалов 1994 – *Чекалов П.К.* Абазинский фольклор и мифология народов мира // Философия, методология, культура. – Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1994. – С. 47–54.

Чекалов, Котова 1999 – *Чекалов П.К., Котова Л.В.* Веселовский, Куприн, Соломон и сказки народов Кавказа // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии (Материалы Всероссийской научной конференции 27–29 мая 1998 г.). – Майкоп: АГУ, 1999. – С. 169–176.

Чекалов 2022 – *Чекалов П.К.* Абазинские писатели: биобиблиографический справочник. – Ставрополь: Ставролит, 2020. – 387 с.

Чекалов, Черкашина 2017 – *Чекалов П.К., Черкашина С.П.* Синтез языческих и мусульманских мотивов в абазинском предании // Вестник Академии Наук Чеченской Республики. – 2017. – № 1 (34). – С. 108–111.

Чекалов 2019 – *Чекалов П.К.* Неизвестное нартское сказание в записи профессора А.Н. Генко // Вестник Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева. № 45. Карачаевск: КЧГУ, 2019. – С. 97–108.

Чудо-яблочко: Сказки народов Карачаево-Черкесии...1983 *Чудо-яблочко: Сказки народов Карачаево-Черкесии* / Составление и литературный перевод Н.В. Капиевой. Худож. С. Д. Солдатов. – 2-е изд. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1983. (С. 8–44) – 191 с.

REFERENCES

Abazinskie skazki [Abaza fairy tales] / Sostavitel' T.Z. Tabulov. – Stavropol': Kraevoe kn.-izd. 1947. – 145 p. (In Abaz.).

Abazinskie skazki [Abaza fairy tales] / Sostaviteli: T.Z. Tabulov, K.S. Shakryl. – Cherkessk: Cherkesskoe kn.-izd., 1955. – 155 p. (In Abaz.).

Abazinskie narodnye skazki [Abaza folk tales] / Sostavlenie, perevod s abazinskogo, vstupitel'naya stat'ya, primechaniya V.B. Tugova. – M.: Nauka, 1985. – 412 p. (In Russ.).

Abazinskie narodnye skazki [Abaza folk tales] / Sobiratel', sostavitel', perevodchik, avtor predisloviya, kommentariy V.N. Meremkulov. – Cherkessk: Stavrop. kn. izd-vo. Karachaevo-Cherkes. otd-nie, 1986. – 360 p. (In Abaz.).

Abazinskie narodnye skazki [Abaza folk tales] / Perevod Ozdemira Ozbaya. – Ankara: Pechat': Kalkan Tipografiya, 2012. – 325 p. (in Turkish).

Abazinskie skazki [Abaza fairy tales] / Podgotovka materiala k izdaniyu, sostavlenie, perevod, kommentarii P.K. Chekalova. – Stavropol': Byuro novostei 2014. – 108 p. (In Russ.).

Abazinskie skazki [Abaza fairy tales] / Sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya, primechaniya P.K. Chekalov. – Mineral'nye Vody: Izdatel'stvo Stavrolit, 2015. – 348 p. (In Abaz.).

Abazinskie skazki [Abaza fairy tales]. – Rostov-na-Donu: Kriptos, 2016. – 112 p. (In Russ.).

Abazinskie materialy A.N. Genko [Abaza materials by A.N. Genko] / Izdanie podgotovili Z.D. Dzhapua i P.K. Chekalov. – Sukhum: Academia, 2019. – 464 p. (In Russ.).

Abazinskaya dovoennaya literature [Abaza pre-war literature] / Sostavitel', avtor predisloviya P.K. Chekalov. – Stavropol': Izdatel'stvo Stavrolit, 2008. – 192 p. (In Russ.).

Adzhibekov A.S. Zavet skazitelei [The Testament of Storytellers]. – Cherkessk: OOO «Nevinnomysskaya gorodskaya tipografiya», 2019. – 442 p. (In Russ.).

Volshebnyaya sablya [The Magic Saber] / Sb. cherkes., abazin. i karachaev. skazok. – Voroshilovsk: Ordzhonikidz. kr. izd., 1939. – 80 p. (In Russ.).

BOROKOVA L.A. *Demonologicheskie personazhi abazinskogo fol'klora* [Demonological characters of Abaza folklore]. In: Lavrovskii sbornik: Materialy XXXIII Sredneaziatsko-Kavkazskikh chtenii 2008-2009 gg.: Etnologiya, istoriya, arkheologiya, kul'turologiya. – SPb.: MAE RAN, 2009. – P. 316-318. (In Russ.).

BOROKOVA L.A. *Zhanr bytovoi skazki v fol'klоре abazin: osobennosti syuzhetnogo sostava* [The genre of household fairy tales in the folklore of Abaza: features of the plot composition]. In: «Yazyki i literatury v polikul'turnom prostranstve Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya», posvyashchennoi 80-letiyu so dnya rozhdeniya Akachievoy p. M.». Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. – Karachaevsk: KChGU im. U.D. Alieva, 2018. – P. 53–59. (In Russ.).

BOROKOVA L.A. *Obraz geroya volshebnoi skazki v fol'klоре abazin* [The image of the hero of a fairy tale in folklore Abaza]. In: «Kavkazovedenie: opyt, problemy i perspektivy». Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 100-letiyu izvestnogo uchenogo-kavkazoveda, professora Valentiny Pavlovny Nevskoi. – Karachaevsk: KChGU im. U.D. Alieva, 2019. – P. 440–444. (In Russ.).

BOROKOVA L.A. *Motiv «chudesnogo» v abazinskoj volshebnoi skazke* [The motif of the "wonderful" in the Abaza fairy tale]. In: Sotsial'no-kul'turnaya i istoricheskaya obshchnost' Karachaevo-Cherkesii i Kabardino-Balkarii: traditsii, sovremennost', perspektivy razvitiya. Materialy mezhhregional'noi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. – Cherkessk–Karachaevsk: KChGU, 2019. – P. 187–192. (In Russ.).

BOROKOVA L.A. *Mifologicheskie obrazy v skazochnom epose abazin* [Mythological images in the fabulous epic Abaza]. In: «Klychevskie chteniya – 2019». Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. – Cherkessk: KChGU im. U.D. Alieva, 2019. – P. 303–310. (In Russ.).

BOROKOVA L.A. *Motiv «prevrashcheniya» v skazochnom epose* [The motif of "transformation" in a fairy tale epic]. In: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Tabulovskie chteniya – 2021». – Karachaevsk: KChGU, 2021. – P. 206–211. (In Russ.).

BOROKOVA L.A. *Yumor i satira v abazinskoj bytovoi skazke* [Humor and satire in the Abaza household tale]. In: «Tabulovskie chteniya – 2022» / Materialy mezhdunarodnoi nauchno-

prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu pis'mennosti na abazinskom yazyke i 100-letiyu KChR. Karachaevsk: KChGU, 2022. – P. 159–165. (In Russ.).

ZUKHBA S.L. «*Abazinskie narodnye skazki*» ["Abaza folk tales"]. In: Sovetskaya etnografiya. – 1987. – № 3. – P. 161–162. (In Russ.).

Iz fol'klornogo naslediya abazin (obraztsy tekstov po zhanram) [From the folklore heritage of Abaza (samples of texts by genre)]. Sostavlenie, predislovie, slovar' L.A. Borokovoi. – Cherkessk: KChIGI, 2020. – 296 p. (In Abaz.).

Iuksel M. *Abazinskie skazki. Narodnoe tvorchestvo* [Abaza fairy tales. Folk art]. – Kaiseri (Turtsiya), 2021. – 120 p. (In Abaz. and Turkish).

LOMTATIDZE K.V. *Tapantskii dialekt abkhazskogo yazyka (s tekstami)* [Tapant dialect of the Abkhaz language (with texts)]. In: – Tbilisi: Izdatel'stvo AN GSSR 1944, – 146 p. (in Georgian, summary in Russ.).

LOMTATIDZE K.V. *Ashkharskii dialekt i ego mesto sredi drugikh abkhazsko-abazinskikh dialektov (s tekstami)* [The Ashkhar dialect and its place among other Abkhazian-Abaza dialects (with texts)]. – Tbilisi: Akad. nauk Gruz. SSR, 1954. – 351 p. (Na gruz. yaz., rezyume na rus. yaz.).

LOMTATIDZE K.V. *Istoriko-sravnitel'nyi analiz abkhazskogo i abazinskogo yazykov. I. Fonetika. Fonologiya (s tekstami)* [Historical and comparative analysis of the Abkhazian and Abaza languages]. – Tbilisi: Metsniereba, 1976. – 348 p. (In Russ.).

Neizvestnoe nartskoe skazanie v zapisi professora A.N. Genko [An unknown Nart legend recorded by Professor A.N. Genko]. In: Issledovaniya kul'tur vdol' Shelkovogo puti. – Budapesht, 2021. – № 3. – P. 270–280. (In Russ.).

Skazka, skazka, skazochka [Fairy tale, fairy tale, fairy tale] / Sostavitel', avtor predisloviya V.B. Tugov. – Cherkessk: Cherkes. kn. izd-vo, 1968. – 119 p. (In Abaz.).

Skazki Abazashty [Tales of Abazashty] / Sostavitel', avtor predisloviya V.B. Tugov. – Cherkessk: Stavrop. kn. izd-vo, 1965. – 205 p. (In Abaz.).

Skazki chetyrekh brat'ev [Tales of the Four Brothers] / Obrabotka i lit. per. N. Kapievoy. Il.: I. Kharsekin. – Stavropol': Kn. izd-vo, 1965. – 148 p. (In Russ.).

Skazki narodov Karachaevo-Cherkesii [Fairy tales of the peoples of Karachay-Cherkessia] / Sostavlenie R. S.-B. Laipanova, F. Kh.-O. Gochiyaeva; Khudozh. A. N. Kapninov. – Cherkessk: Stavrop. kn. izd-vo: Karachaevo-Cherkes. otd-nie, 1992. – 334 p. (In Russ.).

Skazki Abazashty [Tales of Abazashty] / Sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya, primechaniya – P.K. Chekalova. – Stavropol': Byuro novostei, 2016. – 316 p. (In Abaz.).

Skazki narodov Karachaevo-Cherkesii [Fairy tales of the peoples of Karachay-Cherkessia] / Sostavitel' otvet. redaktor Khubiev I.Kh. pervyi zamestitel' ministra KChR po delam natsional'nostei, massovym kommunikatsiyam i pechati, chlen Soyuza Pisatelei Rossii – Cherkessk – Pyatigorsk: OOO «Prosto», 2020. – P. 5–96. (In Russ.).

TABULOV T. *Svet zari* [The Light of dawn] / Sbornik podgotovili k izdaniyu i sostavili N. Tabulova, V. Tugov. – Cherkessk: Cherkes. kn. izd-vo, 1982. – 256 p. (in Abaz. and Circassian).

TUGOV V.B. *Ocherki istorii abazinskoi literatury* [Essays on the history of Abaza literature]. – Cherkessk: Stavrop. kn. izd-vo. Karachaevo-Cherkes. otd-nie, 1970. – 275 p. (In Russ.).

TUGOV V.B. *Pamyat' i mudrost' vekov (fol'klor abazin: zhanry, temy, idei, obrazy, poetika)* [Memory and Wisdom of centuries (Abaza folklore: genres, themes, ideas, images, poetics)]. – Karachaevsk: KChGPU, 2002. – 320 p. (In Russ.).

KHURANOV SH.SH. *Trudy. Issledovaniya i materialy* [Proceedings. Research and materials]. – Cherkessk: Nevinnomysskaya gor. tip., 2011. – 431 p. (In Russ.).

Tsarakuzh ya... [Tsarakuzha I...] / Sbornik podgotovil k izdaniyu i sostavil V. Tugov. – Cherkessk: Stavrop. kn. izd-vo. Karachaevo-Cherkes. otd-nie, 1987. – 192 p. (In Abaz.).

CHEKALOV P.K. *Obrazy nartskogo epasa i sovremennaya abazinskaya literatura* [Images of the Nart epic and modern Abaza literature]. In: Obshchechelovecheskoe i vechnoe v literature KhKh veka. Russkaya i sovetskaya literatura. Tezisy dokladov vsesoyuznoi nauchnoi konferentsii. – Grozny: Izdatel'stvo Checheno-ingushskogo universiteta, 1989. – P. 79–81. (In Russ.).

CHEKALOV P.K. *Abazinskii fol'klor i mifologiya narodov mira* [Abaza folklore and mythology of the peoples of the world]. In: *Filosofiya, metodologiya, kul'tura*. – Stavropol': Stavrop. kn. izd-vo, 1994. – P. 47–54. (In Russ.).

CHEKALOV P.K., KOTOVA L.V. *Veselovskii, Kuprin, Solomon i skazki narodov Kavkaza* [Veselovsky, Kuprin, Solomon and the tales of the peoples of the Caucasus]. In: *Aktual'nye problemy obshchei i adygskoi filologii* (Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii 27 –29 maya 1998 g.). – Maikop: AGU, 1999. – P. 169-176. (In Russ.).

CHEKALOV P.K. *Abazinskie pisateli: biobibliograficheskii spravochnik* [Abaza writers: a biobibliographical reference]. – Stavropol': Stavrolit, 2020. – 387 p. (In Russ.).

CHEKALOV P.K., CHERKASHINA S.P. *Sintez yazycheskikh i musul'manskikh motivov v abazinskom predanii* [Synthesis of pagan and Muslim motifs in the Abaza tradition]. In: *Vestnik Akademii Nauk Chechenskoi Respubliki*. – 2017. – № 1 (34). – P. 108–111. (In Russ.).

CHEKALOV P.K. *Neizvestnoe nartskoe skazanie v zapisi professora A.N. Genko* [An unknown North legend recorded by Professor A.N. Genko]. In: *Vestnik Karachaevo-Cherkesskogo gosudarstvennogo universiteta im. U.D. Alieva*. № 45. Karachaevsk: KChGU, 2019. – P. 97-108. (In Russ.).

Chudo-yablochko: Skazki narodov Karachaevo-Cherkessii [The Miracle Bullseye: Fairy tales of the peoples of Karachay-Cherkessia] / Sostavlenie i literaturnyi perevod N.V. Kapievoi. Khudozh. p. D. Soldatov. – 2-e izd. – Stavropol': Kn. izd-vo, 1983. (S. 8–44) – 191 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Л.А. Борокова – старший научный сотрудник.

Information about the author

L.A. Borokova – senior research associate.

Статья поступила в редакцию 17.05.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Научная статья
УДК 398.5+37017.92
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-370-379
EDN: PDONSI

«КНИГА ОТЦА НАШЕГО КОРКУТА» В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Империят Арсланбековна Халипаева¹,
Бурхан Абуюсуфович Берберов²,
Адам Мухамедович Гутов³

¹ Дагестанский государственный педагогический университет им. Расула Гамзатова, Махачкала, Россия, turkdgpu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7362-3300>

^{2,3} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия

² burhan_berberov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5417-8144>

³ adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

Аннотация. В статье освещаются актуальные аспекты фольклорного воспитания, целенаправленная деятельность по осмыслению идеалов и ценностей родного народа. Ретрансляция учащимся традиций народной культуры по фольклорным и письменным источникам предстает основой гармоничного развития личности, важнейшим фактором обеспечения преемственности культуры. Идеи великих мыслителей Востока внесли и стали, помимо всего прочего, значительным вкладом и в мировую педагогику. Среди них особое место отводится педагогическим идеям, заложенным в «Книге отца нашего Коркута». Интерес к ней как к сокровищнице педагогической мысли пробудился только в последние годы. Она оказывала и по настоящее время способна оказывать огромное позитивное влияние на совершенствование теории и практики воспитания и обучения подрастающего поколения, на становление всесторонне развитой личности, формирование гуманистических представлений о человеке и его предназначении на земле. В отдельных образах, философских рассуждениях, поступках героев таких книг ученые-педагоги находили истоки философских представлений о мире и человеке, о воспитании и обучении подрастающего поколения, отсюда проистекает их живое внимание к идеям правильного отношения к труду, знаниям, уму, искусству слова, высоким нравственным качествам. Безымянные творцы народных произведений хотели видеть человека всесторонне развитым, умелым, образованным. Педагогические принципы, ориентиры, наставления и советы, требования и рекомендации книги о деде Коркуте и в настоящее время актуальны и востребованы.

Ключевые слова: Коркут-ата, традиционная народная культура, преемственность культурных традиций, воспитание, фольклорная деятельность, творчество, пословицы, благопожелания.

Для цитирования: Халипаева И.А., Берберов Б.А., Гутов А.М. «Книга отца нашего Коркута» в детской литературе // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 370-379. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-370-379. EDN: PDONSI.

© Халипаева И.А., Берберов Б.А., Гутов А.М., 2024

Original article

«THE BOOK OF OUR FATHER KORKUT» IN CHILDREN'S LITERATURE

Imperiyat A. Khalipaeva¹, Burkhan A. Berberov², Adam M. Gutov³

¹ Dagestan State Pedagogical University named after Rasula Gamzatova, Makhachkala, Russia, turkdgpu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7362-3300>

^{2,3} The Institute of Humanitarian Studies is a branch of the Kabardino–Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

² burhan_berberov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5417-8144>

³ adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

Abstract. This article highlights some aspects of folklore education, purposeful activities to understand the ideals and values of the native people. Mastering the traditions of folk culture and folklore by children appears to be the basis for the harmonious development of the individual, the most important factor in ensuring the continuity of culture. The ideas of the great thinkers of the East have made a significant contribution to world pedagogy. Among them, a special place is given to the pedagogical ideas of the Korkut dads. And only in recent years has interest in this treasury of pedagogical thought revived. They had and still have an immense influence on ideas about man, on the formation and improvement of the theory of education and training of the younger generation. And this day is a breeding ground for the formation of ideas not only about a person and his upbringing but also about humanism, about the formation of a comprehensively developed personality. Great scientist-teachers, philosophizing about man, personality, education and training of the younger generation, attached great importance to work, knowledge, intelligence, the art of speech, and high moral qualities. They wanted to see a person comprehensively developed, skillful, and educated. Pedagogical principles, guidelines, instructions and advice, requirements and recommendations to the teachers of Korkut are still relevant and in demand today.

Keywords: Korkut-ata, traditional folk culture, continuity of cultural traditions, education, folklore activities, creativity, proverbs, well-wishes.

For citation: Khalipaeva I.A., Berberov B.A., Gutov A.M. «The Book of our Father Korkut» in children's Literature. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 370-379. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-370-379. EDN: PDONSI.

© Khalipaeva I.A., Berberov B.A., Gutov A.M., 2024

Великий огузский памятник, героический эпос «Китаб-и дедем Коркут» – «Книга отца нашего Коркута» или «...деда нашего Коркута», признан в тюркском мире как одно из выдающихся явлений культуры. Само прочтение названия данного памятника зависит от того семантического перевода, который делается при его восприятии, потому что к имени Коркут традиционно прибавляется существительное принадлежности «ата», как показатель уважения к старшему, что является общепринятой нормой в культуре многих народов Востока, в том числе и тюркских. По данной причине перевод одного лишь названия уже вызывает определенные затруднения. Известны два научных издания данного памятника в переводе на русский язык. Первое было полностью подготовлено акад. В.В. Бартольдом в серии «Литературные памятники» [Книга моего деда... 1962]. Он же перевел текст на русский и сопроводил издание обширной вводной статьей и обстоятельными комментариями. Второе было издано значитель-

но позднее, в переводе известной поэтессы и переводчицы А.Н. Ахундовой, ее же перу принадлежат комментарии и глоссарий к тексту. Вводную статью, по сути, – обобщающее исследование, – написал один из ведущих современных отечественных тюркологов профессор Х.Г. Короглы [Книга отца нашего... 1989: 5-14]. Поскольку в этом издании соблюдены основные принципы академической текстологии, а также учтены и бережно сохранены все достоинства первого, считаем уместным в дальнейшем ориентироваться на него.

В предисловии профессора Х.Г. Короглы дана обстоятельная историческая картина создания этого произведения. Автор подробно рассказывает об истории и культуре племен огузов, о процессе заселения ими территории современного Азербайджана, о генезисе и типологии огузского народного эпоса. Это предисловие фактически явилось квинтэссенцией более масштабного большого исследования того же автора, «Огузский героический эпос», хотя для данного издания им были внесены значительные коррективы в композицию и прежнюю концепцию [Короглы 1976]. Помимо В.В. Бартольда и Х.Г. Короглы памятник привлекал внимание целого ряда других ориенталистов и тюркологов. В их числе следует назвать еще одного выдающегося востоковеда, акад. В.М. Жирмунского, автора фундаментального труда «Тюркский героический эпос» [Жирмунский 1974].

Историки культуры относятся к «Китаб-и дедем Коркут» как к уникальному художественно-историческому памятнику средневековой восточной художественной словесности, находя в нем оригинальные и во многом достоверные сведения исторического и культурного прошлого азербайджанцев и шире – тюркского мира в целом. И это действительно так, но с той оговоркой, что это все же не исторический документ, а отражение истории и жизни этноса в фольклорной художественной интерпретации. Соответственно сказанному, исследователи обращали большее внимание на бесспорно содержащиеся в данном произведении поэтические достоинства, описания традиционной культуры и быта, отраженные в текстах песен отдельные события и образы героев. Однако, как это бывает с произведениями подлинно высокой историко-культурной значимости, данный феномен полифункционален, и всякий специалист, обращающийся к нему, способен найти в нем бесценные сведения по различным областям жизни не только огузов и, шире, тюрков, но и восточной цивилизации в целом. В данном случае «Книга отца нашего...» заинтересовала нас как источник, в котором с выраженной системностью изложены столбовые принципы народной педагогики. Более того, как нам представляется, она содержит такие принципы традиционного воспитания, которые могут быть с успехом коррелировать с новейшими методами, применяемыми и профессиональными педагогами, и родителями, и всеми, кто питает интерес к правилам и принципам воспитания современного подрастающего поколения. Разумеется, мы не предлагаем механически переносить в нашу действительность методы воздействия, господствовавшие в средневековом обществе. Однако мы исходим из того, что как многие другие выдающиеся явления историко-культурного характера, народная педагогика и педагогика профессиональная, в своей практике опираются на опыт всей предыдущей истории общественного сознания. В ней же непременно при-

существуют не только явления преходящие и обреченные на забвение вместе с закономерной эволюцией общества и с социокультурными изменениями формационного характера, но также ценности более устойчивые в исторической памяти. Мы имеем в виду такие достижения культуры, которые формируются в обществе как результаты накопленного многолетнего или даже многовекового опыта, они не подлежат забвению, если только какие-либо глобальные катаклизмы не разрушают всю этнокультурную систему, созданную стараниями многих поколений. Именно к таким явлениям мы склонны относить гуманистические принципы взаимоотношений между людьми вообще, а в частности – между членами одной семьи, между членами одного сообщества, между мужчиной и женщиной, между сыном и отцом, между представителями разных сообществ, разделяемых по языковому, территориальному или каким-либо иным существенным признакам. В своей совокупности они представляют собой достояние общечеловеческой цивилизации, но, как правило, формы их функционирования различны, поскольку связаны с конкретной этнической культурой.

Как и положено, в художественном произведении названные этико-коммуникативные принципы и приемы воспитания находят свое поэтическое воплощение в описаниях, в структуре повествования, в ярких, порою идеализированных образах. Естественно, это способствует тому, что приемы народной педагогики и принципы традиционного воспитания не просто декларируются как императивы поведения, хотя в тексте «Книги...» есть и фрагменты прямого наставления. Чаще всего они преподносятся в такой яркой эстетически выраженной форме, что читатель или слушатель непременно лучше запомнит это, чем сухое наставление. Подобный, казалось бы, бесхитростный способ широко используется в народной педагогике, а оттуда он успешно перешел и получил свое развитие в практике и теории ведущих представителей профессиональных специалистов в области воспитания. Между тем развитие цивилизации нередко сопряжено не с одними только достижениями, но и утратами, когда вследствие каких-либо обстоятельств отвергается и предается забвению не только то, что является помехой для дальнейшего развития, а и такие ценности, которые способны еще долго служить на благо развитию. В данном плане мы и считаем интересным обратить внимание на избранный нами аспект изучения памятника огузской истории и культуры.

Основная часть

Как отмечено выше, дидактический аспект присутствует в рассматриваемом труде во всех значимых частях произведения как один из ведущих во всей полифункциональной системе. Это начинается уже с «Предпослания» от лица сказителя, который представляет хану Коркута-ата, Коркута-озана, песни – сказания, которого он собирается излагать в дальнейшем.

«Предпослание» само по себе это своеобразная инициальная часть, которая призвана представить последующее повествование не только повелителю (что также типично для восточной словесной культуры), но и более широкой массе читателей и слушателей. Его со всей уверенностью можно считать законченным произведением со своим сюжетом и собственной сверхзадачей. Но самое

главное, что нас интересует в нем в связи с обозначенной темой, – это устойчивые формульные словосочетания, которые, по мнению турецкого исследователя Ильхана Башгёза, являются сочетанием формальных и семантических элементов, которым свойственна краткость и запоминаемость, сближающая их с пословицами или поговорками, а в профессиональной литературе с крылатыми словами [Basgoz 1998: 131, 141].

Таких формульных словосочетаний в «Предпослании» много, в частности, мы насчитали не менее пятидесяти. Каждое из этих словосочетаний – устойчивое образное выражение, несущее метафорическую нагрузку. В жанровом отношении это либо пословица, либо притча, обязательно содержащая и дидактического характера умозаключение. Оно не становится навязчивым, и так происходит благодаря тому, что безымянный сказитель умеет найти такую ненавязчивую форму объективации своей мысли, что она становится логическим выводом из предшествующего повествования.

Сказанное не означает, что текст «Книги...» лишен фрагментов, где сконцентрированы методом «нанизывания» сконцентрированы целые пучки изречений афористического характера. Как известно, подобного рода поэтические тирады встречаются в фольклоре многих народов мира. Как правило, подобного рода отрывки или отдельные произведения не имеют строго выраженного сюжета и объединяются благодаря более или менее выраженной звуковой организации. Примечательной особенностью таких комплексов является то, что народные афористические выражения, каждое из которых представляет собой относительно законченное произведение, объединяются в единое целое как феномен словесного искусства. Пословица, как известно, один из самых популярных жанров фольклора, самых иллюстративных, самых поучительных и самых запоминающихся. Неслучайно, начиная со старшего дошкольного возраста, в воспитательных программах дошкольных и школьных учреждений пословицам уделяется особое внимание как средству, развивающему как речь и память, так и образное мышление. Приведем несколько пословиц из «Предпослания», характеризующего Коркута как мудреца, наставника молодых и прекрасного эрудированного рассказчика, ибо то, что приводит автор, говорит именно об эрудиции Коркута и его литературном таланте. Но эти пословицы также указывают на многие воспитательные аспекты, которые близки и понятны человеку уже в детском возрасте.

Не будь написано на роду, и рабу не попасть в беду.
Как ни разольются реки, море им не перелить.
Коня не хлестнешь – пути не пройдешь.
Не будь примером мать, дочь наставленья не сможет понять.
Не будет отец примером, сын не станет щедрым.
Добрый сын – сокровенность отчая [Книга отца нашего... 1989: 18-19].

Ритмические формулы типа пожеланий также содержат в себе пословично-притчевые черты (приводимый пример может представиться громоздким по объему, но он целостен как одна единица речи, хотя и довольно пространный):

«Быстроногого коня, норовистого скакуна подлому джигиту не оседлать, А оседлает – лучше бы не седлать! Острым разящим мечом трусам лучше и не махать! А тому, кто мечом владеет, чем меч и стрела, лучше палица. Худым шатрам, куда не приходит гость, лучше обрушиться. Травам горьким, которых коню не съесть, лучше не вырасти. Водам горьким, каких человеку не пить, лучше не литься. Грубому сыну, которым имя отца не славится, из крестца лучше бы не явиться, Не войти в чрево матери и лучше на свет не родиться. Сыном разумным, отца прославляющим, лучше прослыть. Лживому слову, сущему в мире, лучше б не быть. Истине трижды по тридцать и еще полных десять лет лучше бы жить. Дай вам трижды по тридцать и десять лет еще полных лет прожить. Да не на тебя всемогущий напасти-беды, И да будет всегда неизменно твое могущество, хан!» [Книга отца нашего... 1989: 19].

Считаем нужным обратить внимание на одно важное обстоятельство: подобного рода тирады из афористически сжатых дидактических наставлений не настолько часты в поэтическом тексте, чтобы они его отягощали. А в тех случаях, когда они встречаются, они ситуативно мотивированны и уместны. Помимо того, такие фрагменты характеризуются высокой степенью звуковой организации текста, и это служит не просто легкости их запоминания, но и органической связи между отдельными семантически автономными формулами, из которых строится весь отрывок.

Приведенное благопожелание содержит целый ряд художественных параллелей, помогающих понять модель традиционного поведения человека не только в эпоху средневековья, но и в современной жизни. Благопожелание затрагивает такие важные этические альтернативы общественного поведения, как подлость и честность, трусость и храбрость, глупость и ум, черствость и доброта.

Кроме того, одним из самых важных поведенческих критериев признается традицией почитание родителей, как собирательного символа почитания старших и самого Аллаха.

В настоящее время, когда религиозно-духовное воспитание молодежи становится одним из приоритетных направлений, наставительные благопожелания подобного типа остаются столь же актуальными, как и во времена Коркута. Как очевидно, проблема общего и религиозного в воспитательном процессе была актуальной и в средневековом обществе, и она решалась не путем насаждения слепого преклонения, а в поисках гармонии.

Оригинально звучит в «Предпослании» также та часть, которая касается поведения женщины, жены. По Коркуту, жена должна быть опорой дома и мужа, что и служит основанием для ее почитания: «Она и накормит, и напоит, и в путь проводит. Эта из рода Айши и Фатимы». Подобная интерпретация статуса женщины позволяет трезво оценить подлинное отношение к ней в традиционном тюркском обществе, вопреки распространенному суждению о ее полном бесправии. Имена двух идеальных женщин по исламским канонам – жены и дочери пророка Мухаммада – приводятся как эталон супружеской верности и дочерней любви.

После «Предпослания» следуют 12 «Песен», которые, по преданию, собрал и пересказал Коркут. Все они несут помимо художественно-информативной, еще и важную нравственно-воспитательную функцию, причем каждая акцентирует внимание на каком-то одном аспекте. Первая песнь «О сыне Дирсе-хана о

Бугачхане» рассказывает о беззаветной сыновней любви к родителям, о чудодейственной силе материнской любви и о любви к Аллаху. Песнь вторая «О разорении дома Салура Казана» посвящена другой не менее важной нравственно-воспитательной теме – теме единства и дружбы. Салур Казан в одночасье лишился своего богатства: его жену, дочь, сына угнали в плен гяуры. Но на помощь к нему пришел Караджук Чабан, пастух его пастбищ, что паслись близ Дербентских ворот. Не хотелось поначалу Казан-хану дружить с пастухом, но затем объединившись, они решили отправиться в становище гяуров, чтобы спасти из плена семью Казана и отомстить за смерть братьев Караджук Чабана. Салур Казану пришли на помощь его соратники, и вместе они победили гяуров. Салур Казан является героем еще двух песен – четвертой и одиннадцатой.

Четвертая песня «О пленении сына Казан-бека Уруза» затрагивает еще одну важную этическую проблему, тему отцов и детей, актуальную во все времена. Казан-бек сокрушается по поводу того, что его сын Уруз «...шестнадцати лет <...> достиг, а мужчиной не стал»:

День придет, час настанет урочный, я мертвым паду
И останешься ты несмышленищем, мне на беду
У Огузов почтения ты не заслужил.
Минет время, в свой час я умру, все тебя обойдут,
мой венец и престол у тебя отберут.
Поглядел – свой конец увидал я, сынок,
оттого-то, увидев тебя, зарыдал я, сынок [Книга отца нашего... 1989: 93].

Уруз отвечает на это отцу:

Сыновья у отцов научаются доблести на отцовском примере?
Иль отцы у сынов научаются в самом деле?
Хоть когда-нибудь брал ты меня на гяурову границу?..
Что я видел, отец, от тебя чему бы я мог научиться?.. [Там же].

Обрадованный такими мудрыми словами сына, отец обещает перед гостями, что всему научит сына, и вскоре берет его на охоту. Но неверные выследили Казана и его свиту и в неравной схватке захватили в плен Уруза. Отец пошел на выручку сыну, однако не смог сразу одолеть врагов, тогда поспешила на помощь мать Уруза Бурла и выручила всех – и мужа, и отца. Семья – вот что самое главное, такой вывод напрашивается из содержания этой Песни. Понятие рода, семьи для Огузов было очень важным, они придавали особое значение как своим супругам, так и детям, не менее важную нишу в институте семьи играли и братья, дядья, деды. Сила и мудрость рода зависела от количества родни.

В современном мире, когда роль семьи несколько выпала из поля внимания, как нельзя уместно использовать подобные примеры из фольклорных и письменных памятников, прошедших испытание временем.

Одиннадцатая песнь – «зеркальная» четвертой, она называется «О Казан-хана пленении и сыном его Урузом спасении». Если в четвертой песне на помощь шестнадцатилетнему сыну приходят отец и мать, то теперь наступает черед повзрослевшего сына выручать из плена отца. Казан-хан отправился один

на охоту с новым подаренным ему соколом, но сокол улетел, Казан отправился за ним и попал в плен к гяурам, которые пытались склонить его на свою сторону, но, поняв, что это невозможно, решили убить его, однако побоялись мести со стороны сына и родственников, поэтому заперли в хлеву.

А сын, между тем, пока отец находился в плену, стал взрослым и смелым, и, узнав, где отец, решил во что бы то ни стало выволить его из плена. Испугавшиеся этого гяуры вывели из хлева Казана и пообещали ему свободу, если он разобьет их врагов. Казан-хан согласился, вышел к врагам и потребовал воина для поединка. Трех победил, но не убил, поняв, что это его огузы пришли ему на выручку. Те же об этом не догадывались. От своих соперников Казан-хан узнал о том, что войско привел его сын Уруз и вызвал его на поединок, чтобы проверить, насколько вырос и возмужал Уруз за время его отсутствия. Это весьма оригинальная интерпретация универсального в эпосах многих народов мотива, обозначаемого учеными формулой «бой отца с сыном».

«Уруз меч свой вынул, погнал коня на отца; не видя его лица, на всем скаку ударил мечом по плечу. Латы Казану пробил, в глубину на четыре пальца плечо разрубил. Алая кровь зажурчала, за пазуху побежала» [Книга отца нашего... 1989: 206].

Тут Казан и признался с восхищением своему сыну, кто он.

О вершина гор моих черных – сын!
Свет очей моих помраченных – сын!
Лев-Уруз, сын Уруз, богатырь Уруз!
Не губи старика-отца, Уруз!» [Книга отца нашего... 1989: 206].

Так отец Уруза Казан-хан, сокрушавшийся в четвертой песне, что его сын ни на что не способен, в одиннадцатой песне убедился, что его сын достоин славы своих предков.

Приведенные песни по своему сюжету схожи с богатырскими сказками, и эта сказочная увлекательность помогает слушателям-ученикам усвоить важные духовно-нравственные ценности, созданные в народном сознании и изложенные в книге Коркута.

Еще два важных аспекта, на которые следует обратить внимание, – это проблема сказителя в книге и тематика благопожеланий Коркута. Дело в том, что сам Коркут и безымянный сказитель – это два разных лица. Сказитель рассказывает истории о разных героях якобы со слов Коркута, но в финале каждой песни непременно появляется образ самого Коркута, который **от своего лица** произносит благопожелание, чаще всего – дидактического характера. Об этом сообщает также сказитель, но в таком случае само слово дается как цитата, со ссылкой на Коркута.

Эти благопожелания выглядят отражением канонов исламского этического кодекса, который являлся оплотом воспитания и подражания со времен раннего средневековья во всем мусульманском восточном мире, в том числе и в среде огузов. Этот фактор также важен для детского чтения, ибо религия в ее духовной основе призвана воспитывать ребенка в лучших благородных традициях.

Заключение

Подводя итоги нашим наблюдениям, мы имеем полное основание считать, что «Книгу отца нашего Коркута» можно признать не только выдающимся памятником словесного искусства, но также и весьма важным сводом наставлений и примеров идеального поведения благовоспитанного человека, а это значит, что она может быть признана заметным явлением средневековой народной педагогики. Основные положения ее, содержащиеся в тексте, по форме их объективации можно разделить на прямые наставления, иносказательные указания и конкретные примеры достойного поведения. В совокупности их по праву можно назвать непреходящими духовными императивами, и многие из них применимы в качестве ярких примеров для воспитания человека современного общества, потому что в ней, как и в героическом эпосе всех народов, выражены идеальные черты благородного человека, формировавшиеся на протяжении многих веков истории тюркского мегаэтноса и человечества в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Жирмунский 1974 – *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. – Л.: Наука, 1974. – 727 с.

Книга моего деда... 1962 – Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. Перевод и комментарии В.В. Бартольда (Серия «Литературные памятники»). – М.-Л.: Изд. АН СССР (Ленинградское отделение). 1962. – 299 с.

Книга отца нашего... 1989 – Книга отца нашего Коркута. Огузский героический эпос. Перевод А. Ахундовой. – Баку: Язычы, 1989. – 216 с.

Короглы 1976 – *Короглы Х.Г.* Огузский героический эпос. – М.: Наука, 1976. – 239 с.

Basgoz 1998 – *Basgoz, Ilkhan.* Formula in prose narrative Hik. In: Turkish folklore and oral literature: selected essays of İlhan Başgöz / edited by Kemal Silay. – Bloomington: Indiana University Turkish Studies, 1998. – 383 p. (на англ. яз.)

REFERENCES

ZhIRMUNSKII V.M. *Tyurkskii geroicheskii epos* [The Turkic Heroic Epic]. – L.: Nauka, 1974. – 727 p. (In Russ.).

Kniga moego deda Korkuta. Oguzskii geroicheskii epos [The book of my grandfather Korkut. The Oguz Heroic Epic]. Perevod i kommentarii V.V. Bartol'da (Seriya «Literaturnye pamyatniki»). – M.-L.: Izd. AN SSSR (Leningradskoe otdelenie). 1962. – 299 p. (In Russ.).

Kniga ottsa nashego Korkuta. Oguzskii geroicheskii epos [The book of our father Korkut. The Oguz Heroic Epic]. Perevod A. Akhundovoi. – Baku: Yazychy, 1989. – 216 p. (In Russ.).

KOROGLY X.G. *Oguzskii geroicheskii epos* [The Oguz Heroic Epic]. – M.: Nauka, 1976. – 239 p. (In Russ.).

BASGOZ, ILKHAN. *Formula in prose narrative Hik*. In: Turkish folklore and oral literature: selected essays of İlhan Başgöz / edited by Kemal Silay. – Bloomington: Indiana University Turkish Studies, 1998. – 383 p.

Информация об авторах

И.А. Халипаева – доктор филологических наук, профессор.

Б.А. Берберов – доктор филологических наук.

А.М. Готов – доктор филологических наук, профессор.

Information about the authors

I.A. Khalipaeva – Doctor of Philology, Professor.

B.A. Berberov – Doctor of Philology.

A.M. Gutov – Doctor of Philology, Professor

Вклад авторов: Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации, авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: All the authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication, the authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.05.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 20.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Языки народов Российской Федерации **(языки народов Северного Кавказа)**

Научная статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-380-394
EDN: PNBXRG

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ НАРТСКОМ ЭПОСЕ

**Мариям Ахматовна Ахматова¹, Махти Зейтунович Улаков²,
Сахадин Магаметович Хуболов³**

^{1,3} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

¹ mari.ahmatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0507-395X>

² Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик, Россия, maxtti@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5972-8472>

³ khubol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1016-5023>

Аннотация. В данной статье рассматривается лексический пласт языка, изучение которого способствует более углубленному пониманию культуры, быта, традиций народа. Устаревшая лексика, представленная историзмами и архаизмами, является одним из недостаточно изученных пластов лексики и являет собой наиболее подвижный уровень языка, в котором постоянно происходят различные изменения. Причины архаизации могут быть различными, т.е. могут быть связаны с социальными преобразованиями в жизни общества, а также могут быть обусловлены и лингвистическими законами. В статье предпринята попытка лексико-семантической классификации устаревших слов, встречающихся в текстах карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты». Полученные результаты показали, что устаревшие слова карачаево-балкарского языка можно объединить в следующие тематические группы в зависимости от их принадлежности к тем или иным сферам жизни: военная терминология, сословное положение, род деятельности человека, объекты и явления природы, наименования меры веса, расстояния и др. Следует отметить, что в текстах нартского эпоса помимо устаревшей субстантивной лексики присутствуют адъективы и глаголы; в эпических текстах лексические архаизмы превалируют над семантическими.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык; лексика; архаизмы; историзмы; устаревшие слова; нартский эпос.

Для цитирования: Ахматова М.А., Улаков М.З., Хуболов С.М. Устаревшая лексика в карачаево-балкарском нартском эпосе // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 380-394. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-380-394. EDN: PNBXRG.

© Ахматова М.А., Улаков М.З., Хуболов С.М., 2024

Original article

OUTDATED VOCABULARY IN THE KARACHAY-BALKARIAN NART EPIC

Mariam A. Akhmatova¹, Mahti Z. Ulakov², Sahadin M. Khubolov³

^{1,3} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia.

¹ mari.ahmatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0507-395X>

² Institute for Humanitarian Studies – Branch of the Kabardin-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, maxtti@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5972-8472>

³ khubol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1016-5023>

Abstract. This article considers the lexical layer of the language, the study of which contributes to a more in-depth understanding of the culture, life, traditions of the people. Outdated vocabulary, represented by historicisms and archaisms, is one of the under-explored layers of vocabulary and is the most mobile level of language in which various changes constantly occur. The reasons for archaization can be different, i.e. they can be associated with social transformations in the life of society, and can also be because of linguistic laws. The article attempted to lexical semantic classification of outdated words found in the texts of the Karachay-Balkarian heroic epic “Narts.” The results obtained showed that outdated words of the Karachay-Balkarian language can be combined into the following thematic groups depending on their belonging to certain spheres of life: military terminology, class position, human activity, objects and phenomena of nature, names of weight measure, distance, etc. It should be noted that in the texts of the Nart epic, in addition to outdated substantive vocabulary, there are adjectives and verbs. It should also be noted that, in epic texts, lexical archaisms prevail over semantic ones.

Keywords: Karachay-Balkarian language; vocabulary; archaisms; historicisms; outdated words; Nart epic.

For citation: Akhmatova M.A., Ulakov M.Z., Khubolov S.M. Outdated vocabulary in the karachay-balkarian nart epic. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 380-394. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-380-394. EDN: PNBXRG.

© Akhmatova M.A., Ulakov M.Z., Khubolov S.M., 2024

Введение

Язык в процессе своего исторического развития непрерывно меняется. Он, как категория историческая и вечно развивающаяся, мгновенно реагирует на все изменения, связанные с культурой, бытом, историческими процессами и отражает все изменения, происходящие в жизни этноса на различных этапах его развития. Это требует особого внимания к изучению лексического состава языка с точки зрения соотношения активного и пассивного словарного состава языка, что актуализируется в специальных лингвистических исследованиях [Кетенчиев и др. 2022]. Говоря о процессе изменений в языке, следует обратить внимание на пассивный пласт лексики, куда входят слова, вышедшие из живого употребления, потерявшие свою актуальность в связи с исчезновением обозначаемых ими реалий и слова, ставшие непонятными на современном этапе развития языка, т.е. вытесненные из живого употребления синонимичными им словами. Появление устаревших слов «обусловлено как внутренними, так и

общественно-социальными, экстралингвистическими факторами» [Скрябина 2021: 3076]. Такие слова в определенном контексте, в том числе и в составе фразеологических единиц, являются хранителями культурной информации, в них отражается социально-историческое сознание этноса, на что обращают внимание не только специалисты в области теории языка, но и тюркологи [Улаков, Хуболов 2014а; Улаков, Хуболов 2014б; Ахматова и др. 2021].

Устаревшие слова, как объект исследования, в том или ином объеме находились в поле зрения у многих исследователей (Н.М. Шанский, О.С. Ахманова, А.И. Смирницкий, Ю.С. Маслов, Р.А. Будагов, А.Е. Супрун, В.Ф. Алтайская, М.Д. Степанов, З.Ф. Белянская, В.В. Шмелькова, А.В. Калинин и др.). Несмотря на достаточно большое количество научных исследований, интерес к устаревшей лексике не уменьшается. Принято подобную лексику делить на архаизмы и историзмы, однако существуют некоторые затруднения в определении четкой границы между этими двумя терминами. Некоторые исследователи относят к архаизмам все виды архаичной лексики [Ахманова 1957; Белянская 1978]. В зависимости от причин архаизации устаревшие слова делятся на историзмы и архаизмы. Большинство же исследователей считают, что необходимо разграничивать эти два понятия [Голуб 2004; Фомина 1983]. К архаизмам следует относить слова и выражения, «называющие существующие реалии, но вытесненные по каким-либо причинам из активного употребления синонимичными лексическими единицами» [Лингвистический... 1990: 540]. К историзмам же относятся слова, вышедшие из живого словоупотребления вследствие того, что обозначаемый ими предмет уже не известен говорящим как реальная часть их повседневного опыта [Ахманова 1957: 153]. Следует отметить, что устаревание слов – процесс, происходящий поэтапно: постепенно слово переходит из активного употребления в пассивный запас, а затем исчезает из лексики. Но некоторые устаревшие слова в определенный момент времени активизируются и становятся номинативными единицами для конкретных предметов и явлений. Например, слово *жылкычы* не употреблялось в течение долгого времени, но с конца XX в. с возрождением коневодства оно вернулось из пассивного словаря языка в активный.

Основная часть

Вопрос о функционировании устаревшей лексики в современном карачаево-балкарском языке является актуальным, так как изучение процесса архаизации лексики важно в плане сохранения культурных традиций этноса, а также как фактическое свидетельство этнического бытия. Устаревшие слова играют определенную роль в языковой картине мира этноса, так как они отражают все процессы и события исторического развития общества.

Объектом нашего исследования стали, извлеченные из эпического текста слова, вышедшие из активного употребления, связанные с различными сферами жизни общества, в которых хранятся «отголоски» древности. Несмотря на то, что данный пласт лексики относят к пассивному запасу, в нем заключена важная информация и подобные слова могут употребляться в разных стилях языка.

Такие слова служат для воссоздания колорита определенного исторического периода, а также позволяют понять процесс развития и трансформации языка.

Между историзмами и архаизмами трудно проложить четкую границу. Во избежание повторов историзмы и архаизмы нами были объединены в понятие устаревшие слова. В данной статье мы попытались классифицировать устаревшую лексику, встречающуюся в текстах нартского эпоса, по различным тематическим группам.

1. *Военная лексика.* По данным эпических текстов довольно большую группу пассивной лексики составляет военная терминология:

айры III «рогатка; деревянные вилы с двумя рожками» [ТСКБЯ 1996: 79]; **айры 2.** 1) «рогатка; вилы (деревянные, двухрожковые» [КБРС 1989: 34]; в древнетюркском *aŋrı* «раздвоенный, разветвлённый» [ДТС 1969: 15]. *Чабакъчы Бёдене алып баргъанды тёрт-беш чабакъны, юч айры тиш этип тишлегенди, къып-къызыл этип* [Нарты 1994: 230] / «Рыбак Бёдене понес четыре-пять рыб и, нанизав их на рогатину, пожарил докрасна;

бетджан «окоп, укрепление, позиция; рубеж» [КБРС 1989: 136], образован от *бет* «лицо, передняя часть, анфас» + *джан/жан* «сторона, бок, пространство около чего-л.» = *бетджан/бетжан* «та сторона, куда человек обращен лицом»: *Гилястан садакъны жарашдыргъанды, Кёпюр къулагъында бетжанны хазырлагъанды* [Нарты 1994: 214] / «Гилястан свой лук подготовил, И возле моста подготовил укрепление»;

гебох «копьё». Оно является разновидностью *сюнгию*: (Эмеген:) – *Адам улу, Сосурукъну гебоху уа жютюмюдю?* (Сосурук:) – *Къаяланы, къош бишлакълай, тешеди* [Нарты 1994: 126] / «(Эмеген:) – Человечий сын, Острое ли копье у Сосурука? (Сосурук:) – Скалы пробивает (рубит), как сыр»;

гида «топор (с широким лезвием)» [ТСКБЯ 1996: 594; КБРС 1989: 185]: *Алай а мен аны ыйлыкъдырып, ёрге къобармай турурма. Гидагъа къолунг бир жетсе, болду* [Нарты 1994: 273] / «Я его пристыжу и не дам (ему) встать. Достаточно того, чтобы (ты) рукой коснулся гида»;

дорбасын «праща» [ТСКБЯ 1996: 682; КБРС 1989: 207]. М.А. Хабичев предполагает, что слово *дорбасын* образовалось от *дорба* // *торба* «сеть, мешок, торба» + аффикс *-сын* = *дорбасын* в значении «мешок; орудие, имеющее мешок, торбу» [Хабичев 1989: 131]. *Къарашауайны уа ол жаннган отну ортасына дорбасын бла атхандыла* [Нарты 1994: 216] / «Карашауая в этот горящий костер закинули из дорбасына»;

жая «лук (для метания стрел)» [ТСКБЯ 1996: 866; КБРС 1989: 239], в древнетюркском *ja* «лук» [ДТС 1969: 221]: *Сингирлери жая кибик созулгъанды, Керек болса, ол ызына жыйылгъанды* [Нарты 1994: 69] / «Сухожилия его растягивались, словно (тетива) лука, Когда нужно было, они снова сокращались»;

жепхана «колчан». *Сюеклерин атмагъыз, хар биригизге онушар садакъ боллукъду. Садакъ окъла этип, жепханагъызгъа салыгъыз* [Нарты 1994: 215] / «Кости не выкидывайте, из них на каждого из вас получится по десять стрел. Сделайте их них стрелы и положите в свои колчаны»;

кюбе «панцирь, щит» [ТСКБЯ 2002: 401], «кольчуга, панцирь, латы» [КБРС 1989: 360] употребляется во многих тюркских языках (*kübä: kübä jarıq*)

[ДТС 1969: 322]. Это военный доспех в виде рубахи, который сплетен из железных колец: *Кюбелерин кылыч алмагъанды, Садакъ окъ да андан ётюн болмагъанды. Дебет мында, бу жанында таулары, Кён сауутла этип тандыргъанды* [Нарты 1994: 70] / «Его кольчуги меч не брал, И стрелы их не пробивали. Дебет здесь, по эту сторону гор, Много оружия выковав, предостав- лял его [нартам]»;

къадама «железные наручники», термин образован от древнетюркского *qada-/qata* и имеет значение «присоединять» [ДТС 1969: 432] + имяобразующий аффикс *-ма* [Хабичев 1989: 166]. *Шауай: – Сала биллик эсем, мен да салып кёрей- им, – деп, Рачыкъауну кёлларына къадаманы салады* [Нарты 1994: 199] / «Шауай: – Я тоже попробую, если смогу, – сказав, надел на Рачыкау наручники»;

къалкъан «щит» [ТСКБЯ 2002: 523], «шлем (воинский)» [КБРС 1989: 383], который использовался для предохранения от ударов мечом, ножом, стрелой. Это слово употребляется во многих тюркских языках (*qalqan* и *qalqan*) [ДТС 1969: 413]: *Хар бир таида не болгъанын кёргенди, Ол таиланы бузла кибик эритгенди. Кюбелени, къалкъанланы ишлегенди, Усталыкъны ол эбине тюшонгенди, Тау таиланы ишилик этип биширгенди* [Нарты 1994: 69] / «Он видел, что есть в каждом камне, Он расплавлял эти камни, словно лёд. Изготавливал кольчуги и щиты, Овладел секретами мастерства (кузнечного), Горные камни, словно шашлык, жарил»;

къылкъыяр 2. «меч» [КБРС 1989: 442]; «острый, преострый» [ТСКБЯ 2002: 771]. *Рачыкъау, нарт элни тарыкъгъанын эшитип, къылкъыяр кылычын кыыл кайракъгъа биледи* [Нарты 1994: 228] / «Рачыкау, услышав жалобы нартов, наточил свой острый меч»;

садакъ «1. лук. 2. стрела» [ТСКБЯ 2005: 24]; «стрела» [КБРС 1989: 533]. *Сора Ачей садакъны туура киндигине тутуп тартады (Хубуну)* [Нарты 1994: 270] / «Ачей пустил стрелу, целясь ему (Хубуну) прямо в пуп»;

садакъ жая «гибкая дуга лука» [ТСКБЯ 2005: 24; КБРС 1989: 533]. *Ол садакъ жаягъа къарыулу чыбыкъны сайлады* [Нарты 1994: 208] / «(Он) для дуги лука выбрал крепкий прут»;

садакъ окъ «стрела» [ТСКБЯ 2005: 24; КБРС 1989: 533], образован от *садакъ* «лук» + *окъ* «стрела»: *Жашчыкъгъа бюгюн былайда жюз садакъ окъ тийгенди. Ачезезни санлары садакъ окъдан толгъанды* [Нарты 1994: 261] / «Сегодня здесь в мальчика вонзилось сто стрел. Тело Ачезеза покрылось стрелами»;

садакъ орун «колчан» [КБРС 1989: 533], образован от *садакъ* «стрела, лук» + *орун* «место, чехол»: *Садакъ орунларын окъдан толтурдула* [Нарты 1994: 231] / «(Они) наполнили (свои) колчаны стрелами»;

солтанжая «самострел» [ТСКБЯ 2005: 181; КБРС 1989: 565]. Сложное слово, образовано от *солтан* (*султан*, *салтан*) «важный, главный» + *жая* «лук». Данный вид оружия использовали представители высших сословий. Он был более легким в использовании и практичным. По мнению Х. Акбаева, данный термин образован, по-видимому, от древнетюркского глагола *sal-* «кидать, отбрасывать, бить» [ДТС 1969: 482] + словообразовательный аффикс *-тан* (*-та+н*) = *салта//султан/солтан* «стреляющий, бьющий» + *жая* «лук» = *солтанжая* «стреляющий лук» [Акбаев 2011: 139]. *Чюелди, жылкыны алгъа кыыстап, ке-*

си аты бла бир бийик сыртда солтанжасасын тартып тохтады [Нарты 1994: 253] / «Чюелди, отогнал табун в сторону, а сам со своим конем взобравшись на высокий курган, натянул (свой) лук (арбалет)»;

сырпын «волшебный меч» [ТСКБЯ 2005: 281]; «шашка; волшебный меч» [КБРС 1989: 586]. Как отмечает Х.М. Акбаев, в основе термина, скорее всего, лежат древнетюркский глагол *ser-* «терпеть, выносить, застывать» [ДТС, 496] + *-пын* (*-ны* + *-и*) – имяобразующий форматив = *сырпын* «тёзюмлю», «кбаты кбылыч». (Дебет) *Андан битеу нартха айтылган кюлач-кюлач созулган сырпынны ишлеп, нарт Ёрюзбекге нартланы жаулары Кызыл Фук бла сермеширге бергенди* [Нарты 1994: 74] / «(Дебет) выковав известный всем нартам, знаменитый удлиняющийся в бою меч, отдал Ёрюзбеку, чтобы тот сражался с врагом нартов – Красным Фуком»;

сулпагъар/сюлпюгюр «меч (в сказках)» [ТСКБЯ 2005: 222, 297]. Слово, несомненно, пришло из арабского языка и имеет значение «обладатель позвонков» – Зу-л-Факар [Хабичев 1989];

такъыя «шлем» [ТСКБЯ 2005: 332; КБРС 1989: 598], в древнетюркском *taqı* «щит» [ДТС 1969: 642]. *Аланы душманны садакъ огъу бла сырпыны тешалмазча, Дебет аллай кюбе бла такъыя хазырласын* [Нарты 1994: 77] / «Дебет пусть изготовит такую кольчугу и шлем, чтобы вражеская стрела и меч не могли пробить их»;

тилсим «большой нож с узким лезвием». *Ол заманда Чюерди, къачып, ана къарындашларына барады. Ана къарындашлары, аны къабыргъасын киши жерге салмасын деп, тилсим этип, аны бууунуна темир чыбыкъ бла байлагъандыла* [Нарты 1994: 253] / «Тогда Чюерди убежал к братьям матери. Его дяди, для того чтобы никто не смог одолеть его, сделали тилсим и привязали его железной проволокой к его запястью»;

токъмакъ «палица, дубина, кистень» [КБРС 1989: 642]; «палица, дубина» [ТСКБЯ 2005: 545], в древнетюркском *toqımaq* «деревянный молоток, колотушка» [ДТС 1969: 576]. *Токъмакъны узунлугъу он кюлач, кенглиги да он кюлач болгъанды. Сабы да темирден болгъанды* [Нарты 1994: 205] / «Длина палицы была в десять кулачей, ширина тоже в десять кулачей. И рукоять была из железа». Слово *кюлач* обозначает «размах рук; маховая сажень (расстояние между концами пальцев, вытянутых рук)» [ТСКБЯ 2002: 693];

тюмен «десять тысяч» – наименование воинских соединений. *Сатанай кеси аскерге кийимле этерге олтургъанды. Кече бла кюннге бир тюмен аскерге кийим тикгенди* [Нарты 1994: 105] / «Сатанай сама взялась шить обмундирование для войска. За день и ночь сшила одежду для десяти тысячного войска»;

чериу «войско» [ТСКБЯ 2005: 896; КБРС 1989: 731], в древнетюркском *čerig* «войско» [ДТС 1969: 144]: *Кенг ёзенде улуу чериу кёрюндю* [Нарты 1994: 165] / «В широком поле показалось большое войско»;

уруш балта «боевой топор; секира». Лексемы *уруш* «война, битва, сражение» и *балта* «топор», взятые в отдельности, никак нельзя отнести к устаревшим словам, так как эти слова имеют довольно широкое употребление, а в качестве сложного слова его можно отнести к устаревшей лексике: (Дебет) *Ташланы отда эритип, нартлагъа кылычла, садакъ окъла, уруш балтала эт-*

генди [Нарты 1994: 299] / «(Дебет) Расплавив на огне камни, ковал для нартов мечи, стрелы, секиры»;

ючатар садакъ «трехзарядный лук». *Нартла да алгъын Сибилчи атып ёлтюрген отжаудурну отлукъ ырхым къууундан ючатар садакъларын жерлеп, уюп тургъан жюз Желмауузну атып-атып жандырып кюйдюредиле* [Нарты 1994: 276] / «А нарты, натерев [наконечники стрел] трутом, сделанным из бронхов огнедышащего, убитого нартом Сибилчи, метнули их и сожгли остолбеневших сто Желмауузов трехзарядными огненными стрелами».

2. Слова, обозначающие сборы, налоги, взыскания и др.:

жасакъ «подать, дань, налог» [ТСКБЯ 1996: 846; КБРС 1989: 234], в древнетюркском *jasaq/albau jasaq* «денежные и натуральные обложения и повинности» [ДТС 1969: 34, 245]. – *Апсаты быланы санга жыллыкъ жасакъгъа ийгенди, – деп, дорбунуну аллына барыгъыз* [Нарты 1994: 213] / «–Подойдите к пещере и скажите, что Апсаты их отправил тебе в виде годовой дани»;

барамта «самовольный захват имущества должника с целью вернуть долг» [ТСКБЯ 1996: 335]; «захват (имущества), задержание» [КБРС 1989: 117]. *Мюлкюн барамта этгенди* [Нарты 1994: 113] / «Произвел захват имущества».

3. Общественно-политическая лексика:

тёре «суд (третейский); обычай, порядок» [ТСКБЯ 2005: 490; КБРС 1989: 630], в древнетюркском – *törä* «закон, обычай, правило, порядок» [ДТС 1969: 580]. *Аны (Фуку) чакъырыргъа Сосурукъну жибердиле, – Нартланы тёрелерине келсин, – дедиле* [Нарты 1994: 102] / «Чтобы позвать его (Фука) отправили Сосурука, – Пусть придет на тёре нартов, – сказали»;

жортууул «1. набег (с целью угона скота, людей); 2. поход» [ТСКБЯ 1996: 923; КБРС 1989: 253], в древнетюркском – *jorī-* «идти, ходить, передвигаться», *jortuuy* «охранный отряд» [ДТС 1969: 274-275]. *Нарт улу Ёрюзмек жортууулгъа чыгъын, мураты толмай къайтхан кезиую бир да болмагъанды* [Нарты 1994: 97] / «Никогда не было так, чтобы нарт Ёрюзмек пошел в поход и вернулся ни с чем»;

къапхын/къабхын «уворованный, краденый, захваченный скот (вещи)» [ТСКБЯ 2002: 560; КБРС 1989: 370]. *Эки батыр жорта, чаба кетдиле, Ат солутур бир къонуиха жетдиле. Нарт Ёрюзмек айтды: «– Энди тюшейик, Къапхынланы бу жерледен сюрейик»* [Нарты 1994: 102] / «Два батыра отправились в дорогу, Дошли до места, где можно дать коню передохнуть. Нарт Ёрюзмек сказал: «– Теперь спешимся, скот угоним из этих мест»;

кёнчеклик «набег на чужую землю (с целью захвата скота и людей; букв. поход за отрезом на штаны)»; «добыча, то, что захвачено боем, отнято у неприятеля во время набега» [ТСКБЯ 2002: 286; КБРС 1989: 341]. – *Ой, Аллах берди да узакъ бармай а бизге кёнчеклик! – делле, А, алай болса да, мыйыгъын, сакъалын а таза жюлюлле да* [Нарты 1994: 266] / – Ой, Аллах дал нам добычу! – сказали (они), Но, однако, начисто побрили усы, бороду (ему)»;

кёнчек жесир «пленник». – *Ма, Ёрюзмек, бу да кёнчек жесиринг болсун, – деп берди Къарашауай* [Нарты 1994: 200] / «– Ёрюзмек, получи от меня пленника, – сказал Карашауай»;

бешкъарышла «подростки лет десяти, способные выполнять работу». – *Мараучула жашны ёлтюралмагъандыла. Энди бешкъарыш жесирлени Шырдан*

алып кетсе, манга жукъ да къалмайды. Мен да барып бир атайым, – деди [Нарты 1994: 241] / «– Стрелки не смогли убить парня. Если Шырдан сейчас заберет бешкарышей, то мне ничего не останется. Пойду я тоже постреляю» – сказал (он)».

4. Сословное положение:

къарауаш «служанка, рабыня (купленная для хозяйки)» [ТСКБЯ 2002: 580; КБРС 1989: 393]. *Кѣн да бармагъанлай, эмегенле кеслерине къарауашха тутханханлары эм сояргъа семиртгенлери – бары да чыгъадыла* [Нарты 1994: 131] / «Через короткое время (из крепости) вышли все, кого эмегены держали в качестве прислуги и те, кого откармливали для того, чтобы зарезать»;

бий «князь, бий, бей» [ТСКБЯ 1996: 420; КБРС 1989: 141]. *Къарашауай зат демегенд, кюлгенди. Бийни атларын, бир-бир алып, ат бойнунда келтирип, бийге бергенди* [Нарты 1994: 182] / «Карашауай ничего не сказал, засмеялся. Коней князя начал по одному привозить на холке своего коня, и отдал князю»;

бийче «княгиня» [ТСКБЯ 1996: 422; КБРС 1989: 141]. *Къарт Созук да ма алай айтып а къычырды, дейле: – Эй, бийче, ол состар ташны биргенге алып бар! – дегенди* [Нарты 1994: 117] / «Старик Созук, говорят, так крикнул: – Эй, госпожа, забери гранитный камень с собой!»;

къазакъ «прислуга» [ТСКБЯ 2002: 471]; «(пленный) раб (не имевший семьи, служивший в доме)» [КБРС 1989: 375]. *Бир къазакъ тууарлагъа къарай болгъанды* [Нарты 1994: 185] / «Один слуга присматривал за скотом»;

жалчы «батрак, наемный работник» [ТСКБЯ 1996: 786; КБРС 1989: 221]. *Сен жалчынгы излеп айланаса. Аны уа ма алайда, алайда биреулен ълтюрюп кѣлге атханды* [Нарты 1994: 239] / «Ты ищешь (своего) батрака. Его вот там кто-то, убив, бросил в озеро».

5. Слова, обозначающие род деятельности человека:

жасакъчы «сборщик дани, налогов», [ТСКБЯ 1996: 846; КБРС 1989: 234]. *Фук жасакъчыла жиберди* [Нарты 1994: 87] «Фук отправил сборщиков дани»;

бегеуюл «стражник» [ТСКБЯ 1996: 380], «караульный, стражник» [КБРС 1989: 128]. *Нарт Дебек да, сѣз салмай, Накъут-Дорбунну эшигин ачып, Бурунгукну ары кирме къоюп, дорбунну бекгичкъадама эшигин бегеуюл жапханды* [Нарты 1994: 277] / «Нарт Дебек не сказав ни слова, открыв двери пещеры Накут, позволив Бурунгуку зайти туда, неприступную дверь закрыл стражник»;

жаячы «лучник, стрелок из лука» [ТСКБЯ 1996: 868; КБРС 1989: 239], в древнетюркском *ja* «лук», *ja qıruıçı* «лучник» [ДТС 1969: 221]). *Ол уста жаячы болгъанды* [Нарты 1994: 169] / «Он был искусным лучником».

6. Бытовая лексика:

чырахтан «прикрепленная к стене дощечка, на которую ставили лампу, лучину, свечу, подсвечник» [ТСКБЯ 2005: 953], «подсвечник; светец для лучины» [КБРС 1989: 744]. *Къуф таулань агъачындан сабы болгъан къамичини чырахтандан алды* [Нарты 1994: 148] / «(Он) с чырахтана снял плетъ, кнутовище которого сделано из дерева с горы Куф»;

чынды «ремень из толстой бычьей кожи» [ТСКБЯ, ТЗ, 949]; «ремень; канат, аркан» [КБРС, 743]. *Бир кюн келе тургъанлай, темир ылытхын ийнеси, чынды аркъан халысы болуп, жерни жарылгъанларын жамай тургъан бир эме-*

ген къатыннга жолугъады [Нарты 1994: 163] / «Как-то раз, когда он (Алауган) шел, увидел эмегеншу, которая железной иглой, (величиной) с лом и нитками как канат, зашивала трещины земли»;

чырды «стреха, застреха (с внутренней стороны дома)» [ТСКБЯ 2005: 953; КБРС 1989: 744]. *Олсагъатда бир жашчыкъ, чырдыдан секирип, Ёрюзмекни билегине жабышып: «– Апчыгъанмы этдинг, Ёрюзмек?» – деп, Ёрюзмекни юйден эшикке чыгъарды* [Нарты 1994: 91] / «Тут же какой-то мальчик выпрыгнул с потолка и, подбежав к уставшему Ёрюзмеку, схватил его за руку. – Что, утомился, Ёрюзмек? – спросил (он) и вывел Ёрюзмека наружу»;

чалман «плетень; загон» [ТСКБЯ 2005: 869; КБРС 1989: 724]. *Нартны малы чалманладан чыгъып, кёчюп келе, Адил сууну бойнунда тохтагъан эди* [Нарты 1994: 227] / «Пастухи, перегонявшие скот нартов на (летние пастбища), остановились у берега реки Адил»;

гёген «кувшин с длинным горлышком» [ТСКБЯ 1996: 590; КБРС 1989: 185]. *Эрттенликде жезден ишленген гёгенни алып, суугъа барып тебиресе, аны ариу жюрюшюне бла саныны ариулугъуна, кече ай жарытханча, чырайлы бетине къарап тоймаз эдинг* [Нарты 1994: 246] / «Утром, когда она шла за водой, взяв медный кувшин, невозможно было насмотреться на ее походку и стан, на красивое лицо, светящееся, словно ночная луна»;

гыбыт «бурдюк» [ТСКБЯ 1996: 625; КБРС 1989: 192]. *Нартла кеслери этип келтирген къара сыраларын доммай гыбытладан алагъа да къуюп, кеслери да ичип башлагъандыла* [Нарты 1994: 153] / «Нарты, привезенное с собой пиво в бурдюках из шкуры зубра, стали наливать и им (эмегенам), и сами начали пить»;

гоппан «чаша (деревянная); **гоппан аякъ** «чаша» [ТСКБЯ 1996: 604; КБРС 1989: 188]. *Ёрюзмекни чыккырда жыллыкъ бозасындан бир гоппанны келтиртип берди (Агунда)* [Нарты 1994: 204] / «(Агунда) Принесла одну чашу бузы годовой выдержки из бочки Ёрюзмека»;

кёрюк «мех, мехи (в кузнице)» [ТСКБЯ 2002: 299; КБРС, 343]. *Темирчи айыллыкъ темирни алып, отха салды. Кёрюкчю кёрюкню басды* [Нарты 1994: 175] / «Кузнец, взяв железо для подпруги, положил в горн. Подмастерье раздул мехи»;

къаладжюк «соха» [ТСКБЯ 2002: 510; КБРС 1989: 381]. *Жау киргенлей, нартла къаладжюклени, баиша ишлени да атып, къолларына сауут алып сермешюге киргендиле* [Нарты 1994: 292] / «Как только напал враг, нарты бросив (свои) сохи и другие дела, взяв в руки оружие, вступили в бой»;

къармакъ «1. удочка, крючок (рыболовный)» [ТСКБЯ 2002: 584; КБРС 1989: 394]. *Чабакъчы Бёдене къармакъ бла чабакъ тутуп тургъанды Терк сууну бойнунда* [Нарты 1994: 230] / «Рыбак Бёдене на берегу реки Терк удочкой ловил рыбу»;

гысты «сноп» [ТСКБЯ 1996: 639; КБРС 1989: 194]. *Жер къуругъанды, сабанлада гысты буумайла, ой, буумайла, ой, буумайла* [Нарты 1994: 83] / «Земля иссохла, на нивах снопов не вяжут, ой, не вяжут, ой, не вяжут»;

кийиз къамичи «кнут из кошмы». *Сора санга: «Юйге кир да, ундурукъ тюбюнде жат!» – дер, дейди, – Ала жукъласала, ундурукъ къулагъында кийиз*

къамичиге тийерсе, – дейди [Нарты 1994: 108] / «Тогда тебе: «Зайди домой и ляг под кроватью!» – скажет, говорит, – Когда они уснут, у изголовья кровати тронешь кнут, – говорит»;

гебенек «(войлочная) накидка с капюшоном (обычно пастушья одежда)» [ТСКБЯ 1996: 582; КБРС 1989: 184]. *Къарашауай гебенегин, Сары гебенегин кийип, Атыны да бойну мырхыкъ* [Нарты 1994: 187] / «Карашауай надел Свою желтую накидку, Шея у (его) коня вся в репейнике»;

къыл къайракъ «точильный камень» [ТСКБЯ 2002: 489]; **къайракъ таш** «точильный камень» [КБРС 1989: 378]. «– *Къалай къоркъмазса, къолунгу-аягынгы байлап, бир бычакъны да алып, аны да къыл къайракъгъа билей, союм таиха жатдырсала?*» – *деди* [Нарты 1994: 222] / «– Как не испугаешься, если привязав руки и ноги, и, точа нож, положат на жертвенный камень?» – сказал»;

жантау «длинный аркан, изготовленный из кожи крупного рогатого скота» [ТСКБЯ 1996: 813], «ремень (для привязывания сена к повозке или вьюка на спину лошади, осла)» [КБРС 1989: 225]. – *Экинчиси – жантауду, – деди ортанчы къарындаш. – Ол жантау къолунда болгъан бир да апчымай жашарыкъды* [Нарты 1994: 210] / «Второе – это ремень, – сказал средний брат. У кого этот ремень будет в руках, тот будет жить ни в чем не нуждаясь»;

къуу «трут, фитиль» [ТСКБЯ 2002: 728; КБРС 1989: 429]. *Нартла да алгъын Сибилчи атып ёлтюрген отжаудурну отлукъ ырхым къууундан, ючатар садакъларын жерлеп, уюп тургъан жюз Желмауузну атып-атып жандырып, кюйдюредиле* [Нарты 1994: 276] / «Нарты, натерев наконечники стрел трутом, сделанным из бронхов огнедышащего, ранее убитого нартом Сибилчи, метнули их и сожгли остолбеневших сто Желмауузов огненными стрелами».

7. Слова, относящиеся к религии:

салымчы «ангел, небожитель»: «*Жуужуучукъла, жуужуучукъла*», – *деп да, сыйлай эди. Ой, орира, ариу Акъ-бийче салымчыдан бууаз болду* [Нарты 1994: 71] / ««Птенчики, птенчики», – говоря, ласкала. Ой, орира, Ак-бийче от ангела забеременела»;

оба «могила» [ТСКБЯ 2002: 1006; КБРС 1989: 486]: *Аллай батыр нарт ёлсе, аны обасын нартла унутмагъандыла* [Нарты 1994: 118] / «Если умирал храбрый нарт, то нарты никогда не забывали (навестить) его могилу»;

Тейри «Бог неба» [ТСКБЯ 2005: 427; КБРС 1989: 617]: *Эм артында, нартла, жауларын тауусхандан сора, Кёк Тейрисинден буйрукъ келип, къуш къанатлы жел атлагъа минип, хауагъа, кёкге учуп кетгендиле* [Нарты 1994: 299] / «После того, как уничтожили своих врагов, нарты получили приказ от Тейри Неба и, сев на крылатых коней, улетели на небо»;

къач / жор «крест» [ТСКБЯ 2002: 627, 920; КБРС 1989: 404, 253]. *Онж жауурунумда къачым бар, Быллай жерлеге, къоркъуп, Бармай къалмазгъа да антым бар!* [Нарты 1994: 110] / «На правой лопатке (у меня) есть крест, Но испугавшись, не не пойти в такие места есть клятва».

8. Слова, обозначающие объекты и явления природы:

орман «лес» [ТСКБЯ 2002: 1061; КБРС 1989: 501]: *Къалгъанлары бирден артха къачдыла, Къара орманнга тюк-тюк болуп учдула* [Нарты 1994: 72] / «Оставшиеся побежали назад, В темном дремучем лесу рассыпались».

ысхындык «плетень» [КБРС 1989: 760]: *Къар ысхындыкла, юзюлюп, энишге агъалла, Ой* [Нарты 1994: 145] / «Снежные плетъни, обрываясь, падают вниз, Ой»;

готур «кочка (на болоте)»: *Адам бармаз, ёчешип, тёре жюрюген Тотургъа, Секирип, минип тохтарса уллу къамишни арасында готургъа* [Нарты 1994: 260] / «Человек даже на спор не пойдет во владения Тотура, Встанешь на кочку (ты), что находится среди высокого камыша»;

сата «коралл»: *Сатанай барындан да бек къызыл сата таишчыкъла бла ойнаргъа суюгенди* [Нарты 1994: 299] / «Сатанай очень любила играть красными коралловыми камушками».

9. Наименования меры веса, расстояния:

батман «мера сыпучих тел» [ТСКБЯ 1996: 353; КБРС 1989: 122]: *Топха къыркъ батман отну къуюгъуз, Топ атылса, деу Ёрюзмек кетер, Къызыл Фукну къуш уясына жетер* [Нарты 1994: 77] / «В пушку засыпьте сорок батманов пороха, Когда пушка выстрелит, Ёрюзмек полетит, И достигнет орлиного гнезда Рыжего Фука»;

гёренке/гюренке «единица меры веса, около фунта» [ТСКБЯ 1996: 593; КБРС 1989: 195]: – *Минг гёренке таины тюбюнде аты, саууту бар эди атангы* [Нарты 1994: 260] / «Под камнем весом в тысяча гёренке были конь и оружие твоего отца»;

къычырым «верста, километр (первоначально – на расстоянии крика)» [ТСКБЯ 2002: 806; КБРС 1989: 450]: *Бирибиз бирибизден он къычырым узакълыкъда жашайбыз* [Нарты 1994: 134] / «Мы живем друг от друга на расстоянии в десять окриков»;

чакъырым «верста, километр (первоначально – на расстоянии крика)» [ТСКБЯ 2005: 865; КБРС 1989: 723]. *Атламларын чакъырымгъа салып, Таугъа жетди, Къарашауайны алып* [Нарты 1994: 179] / «Делая скачки в один чакырым, (Гемуда) доставил Карашауая к горе»;

къулач «размах рук; маховая сажень (расстояние между концами пальцев вытянутых рук)» [ТСКБЯ 2002: 693; КБРС 1989: 422], в древнетюркском *qulaç* «мера длины в размерах рук; сажень» [ДТС 1969: 464]. *Минги тауну башында сегиз аякълы, эки башлы, къарыш къулакълы, алты къулачлы, темир туякълы бир ат барды* [Нарты 1994: 147] / «На вершине Минги тау есть один восьминогий, двуглавый, железнокопытный конь с ушами в одну пядь и (шириной) в шесть обхватов»;

тутум «мера длины, равная ширине ладони» [ТСКБЯ 2005: 598]: – *Бу темир таякъ да бир тутумгъа дери тауусулгъунчу, – дейди, – Эки темир чурукъ да, тауусулуп, аягъымдан тюшюп кетгинчи, – дейди, – мен юйге къайтмам* [Нарты 1994: 159] / «– Пока эта железная палка не сотрется до тутума, – говорит, – И мои железные сапоги не упадут с ног, износившись, – говорит, – Я не вернусь домой».

В текстах нартского эпоса помимо устаревшей субстантивной лексики присутствует лексика признаков (адъективная) и глагольная:

1) слова, обозначающие признак кого, чего-л.:

бужакъсыз «безграничный, беспредельный»: *Кюн Тейриси учсуз, бужакъсыз узакъдады* [Нарты 1994: 68] / «Тейри Солнца находится очень далеко»;

мёнгю «ледяной»: *Сонгура, кёп арам-къарам этмей, бир чёрчеклик этейим деп, нартла бла сермешир къан алып, къоннган жеринде бегимли болур ючюн, тау башында мёнгю гыйыланы къазып, ары-бери тёнгеретип, кесине бегеуол жараашдыра башлайды* [Нарты 1994: 276] / «Потом, много не раздумывая, решил показать свою храбрость. Подготовившись к битве с нартами, срывая глыбы льда и катая их в разные стороны, начал строить себе укрепление»;

желпегей «распахнутый, растянутый, одетый внакидку» [ТСКБЯ 1996: 874]: *Аны бёрю тону да желпегей, хей! Эки мыйыгъы да, кёрпелей, хей!* [Нарты 1994: 84] / «Его волчья шуба нараспашку, хей! И усы (его) густые, хей!»;

гелпегей «лохматый (о бровях)» [ТСКБЯ 1996: 584]: *Аны къалын къашилары да ма гелпегей, Ол да бёрю тонун кийиучю эди желпегей, ой, желпегей* [Нарты 1994: 82] / «А брови его – густые и лохматые, На нем волчья шуба нараспашку, ой, нараспашку»;

алф (алп) «гигантский, великий» [ТСКБЯ, Т1, 138]. В древнетюркском слово *alp* помимо значений «меткий стрелок», «герой, богатырь, витязь» выражает и такие черты героя, как «отважный, храбрый, смелый» [ДТС 1969: 36]. *Къуртхаланы оноун нарт толтурду: Алф Ёрюзмек топ быргъыгъа олтурду* [Нарты 1994: 81] / «Нарты сделали так, как советовали вещуньи: Алф Ёрюзмек сел в жерло пушки»;

мондай «глупый, недогадливый, несообразительный» [ТСКБЯ 2002: 911]: *Жангылганма, энтта да беш кюн керекди, – деп, Сосурукъ эмегенни алдады, Мондай эмеген да анга ийнанды* [Нарты 1994: 123] / «– (Я) ошибся, еще пять дней нужно (продержаться), – сказав, Сосурук обманул эмегена, (И) глупый эмеген ему поверил»;

анкъау «глупый»: *Анкъау эмегенле нартла къыргъан губулары ашап къырылгъандыла* [Нарты 1994: 132] / «Глупые эмегены, съев пауков, убитых нартами, погибли»;

гадур «противный, неприятный» [ТСКБЯ 1996: 573]: – *Бу аман гадур хыйла этер, – деп къоркъгъанды, Сосурукъ къазыкъ алып узалгъанды* [Нарты, 124] / «– Этот противный хитрость проявит, – испугался (он), Сосурук, взяв кол, размахнулся»;

бёккюр «крепкий, коренастый, здоровый, сильный»: – *Сибилчиге туугъан, Эмчек эме тургъан, Бёккюр нарт улан Болуп ёрге тургъан* [Нарты 1994: 277] / «Родившийся у Сибилчи, [Еще] сосущий грудь матери, Крепкий мальчик-нарт Встал на ноги».

2) слова, обозначающие различные действия и состояния человека:

кёзерге чыгъаргъа «погулять»: *Мен къыз тенглерим бла кёзерге чыкъгъанымлай, кёкден бир къара булут эне, тюше келип, алып кетгенди* [Нарты 1994: 255] / «Когда я пошла с подругами погулять, черная туча с неба спустившись, забрала (меня)»;

мёнгюрленирге «заледеветь; застыть»: *Нарт Сибилчини тоюна жыйылып тургъан сибил нартла да, бу кюкюреген, дуния сагъайтхан таууша сагъайып, нарт санлары мёнгюрленип, Къала тауундан сабыр чыгып, Минги тауну тёнпесине къарам атып, юч айры башлыны къаугъагъа хазырлана тургъанын кёрюп, Сибилчиге оноу соргъандыла* [Нарты 1994: 276] / «Собравшиеся на сва-

дѣбу нарта Сибилчи нарты-сиби́лы, услышав грохот, от которого содрогалась земля, застыв, не спеша вышли из крепости Кала-Тау, затем взглянув на вершину Минги тау, и, увидев готовившегося к битве трёхголового дракона, обратились за советом к Сибилчи»;

туайларгъа «шугать, кричать, орать (при облаве на зверя во время охоты)»: *Деу Ёрюзмек къычыргъанды, хахайлап: – Эмегенни тауусугъуз! – деп, туайлап* [Нарты 1994: 100] / «Исполин Ёрюзмек заорал: – Покончите с эмегенами!»;

барамталаргъа «захватить; учинить препятствие». *Сен а сермен кѣз ичинге салгъанса, Уянгынчы барамталап къойгъанса* [Нарты 1994: 122] / «Ты, схватив (меня), положил себе в глаз, Пока не проснулся, держал, не выпустил»;

бий жеклик этерге «господствовать»: *Ол кѣзюледе уа Тарыкъ жеринде бий жеклик эте жашагъан бир кѣсе Бурунгук болгъанды* [Нарты 1994: 275] «В то время в Тарык господствовал безбородый Бурундук».

Выводы

Таким образом, проанализированный выше языковой материал свидетельствует в пользу того, что пассивная лексика характеризуется значительными функционально-семантическими возможностями в текстах карачаево-балкарского нартского эпоса. Ее появление обусловлено возрастающими языковыми потребностями носителей данного языка, различными закономерностями развития языковой системы, а также некоторыми общественно-политическими и культурно-бытовыми факторами развития общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акбаев 2011 – *Акбаев Х.М.* Карачаевская военная терминология и оружие (историко-этимологический словарь). – Ставрополь, 2011. – 203 с.

Ахманова 1957 – *Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. – Москва: Учпедгиз, 1957. – 294 с.

Ахматова и др. 2021 – *Ахматова М.А., Додуева А.Т., Кетенчиев М.Б.* Вербализация концепта "къыш" (зима) в карачаево-балкарской языковой картине мира // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2021. – Т. 18. – № 2. – С. 153-164. DOI: 10.22363/2618-897X-2021-18-2-153-164.

Белянская 1978 – *Белянская З.Ф.* Устаревшая лексика современного русского языка (историзмы). – Ленинград: Наука, 1978. – 221 с.

Голуб 2004 – *Голуб И.Б.* Стилистика русского языка. – Москва: Айрис Пресс, 1997. – 149 с.

ДТС 1969 – *Древнетюркский словарь.* – Ленинград: Наука, 1969. – 676 с.

КБРС 1989 – *Карачаево-балкарско-русский словарь:* С.А. Гочияева, Х.И. Суюнчев / Под ред. Э.Р. Тенишева и Х.И. Суюнчева. – Москва: Русский язык, 1989. – 832 с.

Кетенчиев и др. 2022 – *Кетенчиев М.Б., Ахматова М.А., Додуева А.Т.* Архаическая лексика в карачаево-балкарских паремиях // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2022. – Т. 19. – № 2. – С. 297-307. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-2-297-307.

Лингвистический... 1990 – *Лингвистический энциклопедический словарь* / Под ред. В.Н. Ярцевой. – Москва, 1990. – 688 с.

Нарты 1994 – *Нарты: героический эпос балкарцев и карачаевцев* / сост. Р.А.-К. Ортабаева и др.; пер. текстов Т.М. Хаджиевой, Р.А.-К. Ортабаевой]. – Москва: Наука, 1994. – 654 с.

Скрябина 2021 – *Скрябина А.А.* Устаревшая лексика как один из лексических пластов якутского языка // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – 2021. – Т. 14. – Выпуск 10. – С. 3075-3079. DOI: 10.30853/phil210522.

ТСКБЯ 1996 – *Толковый словарь карачаево-балкарского языка* / Ред. А.А. Жаппуев, Л.Ж. Жабелова, И.М. Отаров: в 3-х т. Т.1. А-Ж. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1996. – 1016 с.

ТСКБЯ 2002 – *Толковый словарь карачаево-балкарского языка* / Ред. А.А. Жаппуев, Л.Ж. Жабелова, И.М. Отаров: в 3-х т. Т.2. З-Р. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. – 1168 с.

ТСКБЯ 2005 – *Толковый словарь карачаево-балкарского языка* / Ред. А.А. Жаппуев, Л.Ж.: в 3-х т. Т.3. С-Я. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. – 1157 с.

Улаков, Хуболов 2014а – *Улаков М.З., Хуболов С.М.* Семантически двукомпонентные предложения с предикатами, выраженными именными фразеологизмами в карачаево-балкарском языке // *Вестник Дагестанского научного центра РАН.* – 2014. – № 52. – С. 113-116. EDN: SXHZRT.

Улаков, Хуболов 2014б – *Улаков М.З., Хуболов С.М.* Управляемые фразеологизмы как репрезентаторы объекта в карачаево-балкарском языке // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН.* – 2014. – № 5 (61). – С. 240-244. EDN: STXYOV.

Фомина 1983 – *Фомина М.И.* Современный русский язык. Лексикология. – Москва: Высшая Школа, 1983. – 335 с.

Хабичев 1989 – *Хабичев М.А.* Именное словообразование и формообразование в куманских языках. – Москва: Наука, 1989. – 217 с.

REFERENCES

АКБАЕВ Н.М. *Karachaevskaja voennaja terminologija i oruzhie (istoriko-jetimologicheskij slovar')*. [Karachay military terminology and weapons (historical and etymological dictionary)]. – Stavropol, 2011. – 203 p. (In Russ.)

АНМАНОВА О.С. *Ocherki po obshhej i russkoj leksikologii*. [Essays on general and Russian lexicology]. – Moscow: Uchpedgiz, 1957. – 294 p. (In Russ.)

АХМАТОВА М.А., ДОДУЕВА А.Т., КЕТЕНЧИЕВ М.В. *Verbalizacija koncepta "kysh" (zima) v karachaevo-balkarskoj jazykovoј kartine mira*. [Verbalization of the concept “kysh” (winter) in the Karachay-Balkarian linguistic picture of the world] IN: *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*. – 2021. – Т. 18. – No.2. – P. 153-164. (In Russ.)

БЕЛЖАНСКАЯ З.Ф. *Ustarevshaja leksika sovremennogo russkogo jazyka (istorizmy)*. [Outdated vocabulary of the modern Russian language (historicisms)]. – Leningrad: Nauka, 1978. – 221 p. (In Russ.)

ГОЛУБ И.В. *Stilistika russkogo jazyka*. [Stylistics of the Russian language]. – Moscow: Iris Press, 1997. – 149 p. (In Russ.)

Drevnetyurkskii slovar'. [Ancient Turkic dictionary] / red. V.M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak. – Leningrad: Nauka, 1969. – 676 p. (In Russ.).

Karachaevo-balkarsko-russkij slovar' [Karachay-Balkar-Russian dictionary]: S.A. Gochiyayeva, Kh.I.Suyunchev / Ed. E.R. Tenishev and Kh.I. Suyuncheva. – Moscow: Russian language, 1989. – 832 p. (In Kar.-balk.)

КЕТЕНЧИЕВ М.В., АХМАТОВА М.А., ДОДУЕВА А.Т. *Arhaicheskaja leksika v karachaevo-balkarskih paremijah*. [Archaic vocabulary in Karachay-Balkar proverbs]. IN: *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*. – 2022. – Т. 19. – No. 2. – P. 297-307. (In Russ.)

Lingvisticheskiĭ jenciklopedicheskiĭ slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary] / red. V.N. Jarcevoi. – Moscow, 1990. – 688 p. (In Russ.)

Narty: geroicheskij jepos balkarcev i karachaevcev [Narts: the heroic epic of the Balkars and Karachais] / Edited by R. A.-K. Ortabaeva i dr.; per. tekstov T. M. Hadzhievoy, R. A.-K. Ortabaevoy]. – Moscow: Nauka, 1994. – 654 p. (In Kar.-balk.)

SKRJABINA A.A. *Ustarevshaja leksika kak odin iz leksicheskikh plastov jakutskogo jazyka*. [Outdated vocabulary as one of the lexical layers of the Yakut language]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2021. – T. 14. – Issue 10. – P. 3075-3079. (In Russ.)

Tolkovyj slovar' karachaevo-balkarskogo jazyka. [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language] / red. A.A. Zhappuev, L.Zh. Zhabelova, I.M. Otarov: v 3-h t. T.1. A-Zh. – Nalchik: Publishing Center “El-Fa”, 1996. – 1016 p. (In Kar.-balk.)

Tolkovyj slovar' karachaevo-balkarskogo jazyka [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language] / red. A.A. Zhappuev, L.Zh. Zhabelova, I.M. Otarov: v 3-h t. T.2. Z-R. – Nalchik: Publishing Center “El-Fa”, 2002. – 1168 p. (In Kar.-balk.)

Tolkovyj slovar' karachaevo-balkarskogo jazyka [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language] / red. A.A. Zhappuev, L.Zh.: v 3-h t. T.3. S-Ja. – Nalchik: Publishing Center “El-Fa”, 2005. – 1157 p. (In Kar.-balk.)

ULAKOV M.Z., KHUBOLOV S.M. *Semanticheski dvukomponentnye predlozheniya s predikatami, vyrazhennymi imennymi frazeologizmami v karachaevo-balkarskom yazyke*. [Semantically, two-component sentences with predicates expressed by nominal phraseologisms in the Karachay-Balkarian language]. IN: *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2014. – № 52. – P. 113-116. (In Russ.)

ULAKOV M.Z., HUBOLOV S.M. *Upravljaemye frazeologizmy kak reprezentatory ob#ekta v karachaevo-balkarskom yazyke* [Controlled phraseological units as object representatives in the Karachay-Balkar language]. IN: *Izvestija Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN*. – 2014. – № 5 (61). – P. 240-244. (In Russ.)

FOMINA M.I. *Sovremennyy russkij jazyk. Leksikologija*. [Modern Russian language. Lexicology]. – Moscow: Higher School, 1983. – 335 p. (In Russ.)

HABICHEV M.A. *Imennoe slovoobrazovanie i formoobrazovanie v kumanskikh jazykah*. [Nominal word formation and morphology in the Cuman languages]. – Moscow: Science, 1989. – 217 p. (In Russ.)

Информация об авторах

М.А. Ахматова – доктор филологических наук, доцент.

М.З. Улаков – доктор филологических наук, профессор.

С.М. Хуболов – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

M.A. Akhmatova – Doctor of Science (Philology), docent.

M.Z. Ulakov – Doctor of Science (Philology), professor.

S.M. Khubolov – Candidate of Science (Philology), docent.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.03.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 31.03.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Научная статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-395-408
EDN: TBIQDI

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ СЛОВА *ДУНИЯ* 'МИР, ВСЕЛЕННАЯ' В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Лейля Магомедовна Кабардокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского
научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия,
kabardokova1988@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию арабской заимствованной лексемы *дуния* 'мир, вселенная' в карачаево-балкарском языке. Анализу подвергаются лексико-семантические особенности свободных и лексикализованных словосочетаний, идиом фразеологического типа, в составе которых выступает это слово. В работе изучаются мотивирующие особенности употребления редуплицирующего компонента в парно-повторных изолированных конструкциях, состоящих из лексикализованных форм исходного и местного падежей с компонентно-собирательными семантическими оттенками. В ней рассматриваются пути фонетического освоения заимствованного слова *дуния* 'мир, вселенная' в карачаево-балкарском языке, анализируются словообразовательные и словоизменительные аффиксы, характеризующие фонетические и морфологические особенности синтаксических конструкций различной сложности. В статье обращается внимание на участие аффиксальных морфем в организации лексико-семантической структуры производных основ и устойчивых сочетаний.

Структурно-семантический анализ устойчивых сочетаний со словом *дуния* 'мир, вселенная' свидетельствует о том, что неразложимые лексические и фразеологические единства создаются в результате лексико-семантической трансформации моделей свободных словосочетаний.

Ключевые слова: заимствование, изолированные формы, формы пространственных падежей, изоляция именных форм, нарицательное имя, религиозная лексема.

Для цитирования: Кабардокова Л.М. Лексико-семантическое поле слова *дуния* 'мир, вселенная' в карачаево-балкарском языке // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 395-408. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-395-408. EDN: TBIQDI.

© Кабардокова Л.М., 2024

Original article

THE LEXICAL AND SEMANTIC FIELD OF THE WORD *DUNIYA* 'WORLD, UNIVERSE' IN THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Leyla M. Kabardokova

The Institute of Humanitarian Studies is a branch of the Kabardino-Balkarian
Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, kabardokova1988@bk.ru

Abstract. The article offers a thorough examination of the Arabic-Persian borrowed lexeme *duniya* ‘world, universe’ in the Karachay-Balkar language. The lexical and semantic characteristics of free and lexicalized phrases, as well as idioms of the phraseological type, including this term, are examined. The paper examines the motivating features of the use of the reduplicating component in paired-repeated isolated constructions consisting of lexicalized forms of the original and local cases with component-collective semantic shades. It examines the ways of phonetic development of the borrowed word *duniya* ‘world, universe’ in the Karachay-Balkar language, analyzes the word-formation and inflectional affixes characterizing the phonetic and morphological features of syntactic constructions of varying complexity. The paper emphasizes the importance of affixal morphemes in organizing the lexical and semantic structure of derived bases and stable combinations.

The structural and semantic analysis of stable combinations with the word *dunya* ‘world, universe’ indicates that indecomposable lexical and phraseological units are created as a result of the lexical and semantic transformation of models of free phrases.

Keywords: borrowing, isolated forms, forms of spatial cases, isolation of nominal forms, common name, religious lexeme.

For citation: Kabardokova L.M. The lexical and semantic field of the word *duniya* ‘world, universe’ in the karachay-balkar language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 395-408. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-395-408. EDN: TBIQDI.

© Kabardokova L.M., 2024

Введение

Религиозная лексика карачаево-балкарского языка, частично зафиксированная в различных лексикографических источниках, посвященных заимствованиям из арабского и персидского языков, своеобразно отражает влияние мусульманской религии на мировоззрение, культуру, историю карачаевского и балкарского народов. Универсальные взаимоотношения языка и религии являются двумя формами общественного сознания, функционирующими как самостоятельные знаки со своей семантикой и стилистическими формами передачи. К числу дискуссионных вопросов в области изучения религиозного пласта лексики карачаево-балкарского языка относится то, что в настоящее время не определены объём и границы основ, относящихся к этой категории лексики, не выявлены их основные лексико-семантические группы. Не все лексемы с религиозным содержанием зафиксированы в существующих словарях карачаево-балкарского языка: некоторые из них в одном лексикографическом источнике характеризуются как мифологические, в других – как религиозные. Отсутствуют границы между терминологическими понятиями «мифологическая лексика» и «религиозная лексика», из-за чего вне поля зрения исследователей остаётся определенный круг слов.

Важной составляющей частью карачаево-балкарского языка является религиозный пласт лексики, в котором отражены особенности мировосприятия этноса и языковая картина мира.

В лексикографическом плане в статье даётся исследовательская характеристика арабской основы *дуния* ‘мир, вселенная’, участвующей в образовании не только нарицательных лексем, но и широкоупотребительных ономастических конструкций, имеющих отношение к разным изменениям в семантике слов и словосочетаний. Универсальной особенностью употребления слова *дуния* в ка-

рачаево-балкарском языке является то, что часть рассматриваемых конструкций, образованных с помощью этой основы, и изолированные формы пространственных падежей, перестали ассоциироваться у носителей языка как религиозные и вошли в обиходный язык.

Основная часть

Терминологическое словосочетание «арабо-персидское заимствование» употребляется исследователями карачаево-балкарского языка в разной интерпретации: применительно к слову **дуния** С.К. Бабаев употребляет терминологическое сочетание «персидское заимствование», А.Ж. Будаев – «арабо-персидское заимствование».

С.К. Бабаев, анализируя религиозную арабо-персидскую лексику, проникшую в карачаево-балкарский язык в разное историческое время, в своей работе «К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов» на странице 45 отмечает, что слово **дония** является персидским заимствованием и употребляется в адаптированной форме **дуния** (свет (белый, мир, вселенная) [Бабаев 2000: 45].

В терминологическом словосочетании «арабо-персидское заимствование» нельзя убрать составляющую часть «персидское», так как слово **дония** проникло в карачаево-балкарский язык не из арабского языка, а из персидского. В настоящее время, как и раньше, совместное употребление терминов как в арабском языке, так и персидском на этом уровне, настолько их сблизило, что трудно определить корни большинства религиозных основ. С.К. Бабаев отмечает, что встречаются общие слова в осетинском, персидском и карачаево-балкарском языках. К числу таких лексем относится и слово **дония** в персидской интерпретации [Бабаев 2000: 45].

С.К. Бабаев обращает внимание на то, что многие религиозные арабо-персидские заимствования, проникшие в карачаево-балкарский язык, употребляются и в дигорском диалекте осетинского языка.

Исследователь карачаево-балкарского языка А.Ж. Будаев в своей работе, посвященной иноязычному влиянию на развитие карачаево-балкарского языка, все время употребляет такие термины, как «арабо-персидские лексические элементы» [Будаев 2014:135], «арабо-персидские заимствования» [Будаев 2014: 138], «арабские и персидские заимствования» [Будаев 2014: 138].

В отдельных местах автор конкретно указывает на то, какие слова взяты из арабского языка, а какие из персидского, а в других – ограничивается тем, что перечисляет общий список слов без указания на конкретную принадлежность, употребляя термин «арабо-персидские заимствования». В этом списке числится и слово **дуния**, подчиненное в основном фонетическим законам карачаево-балкарского языка с ломанным сингармонизмом [Будаев 2014: 139].

Вместе с тем мы считаем, что арабские и персидские заимствования следует рассматривать раздельно. Слово **дуния** мы считаем заимствованием из арабского языка.

Слово **дуния**, являясь арабским заимствованием в карачаево-балкарском языке, так же, как и в других тюркских языках, выступает многозначной осно-

вой, участвует в образовании свободных и лексикализованных словосочетаний, идиом фразеологического типа, которые как устойчивые компоненты входят в лексико-грамматическую структуру пословиц и поговорок. Слово **дуния** сочетается со словообразовательным аффиксом **-лыкъ**, например, **дуния + лыкъ** 'мирская, земная жизнь'. Кроме того, слово **дуния** так же, как и производные от него единицы, изменяется по падежам по модели собственно карачаево-балкарских субстантивных основ. Формы пространственных падежей: дательного **дуниягъа** 'миру, вселенной', местного **дунияда** 'в мире, вселенной', исходного **дуниядан** 'от мира, вселенной' выявляют как изолированные лексемы переносное значение. Данные основы в толковом словаре карачаево-балкарского языка не отражены как самостоятельные словарные единицы в силу того, что затемнена лексико-семантическая структура исходной корневой морфемы. Будучи индивидуальными грамматическими формами слова **дуния**, они с семасиологической точки зрения ничем не отличаются от обычных регулярных форм категории склонения. Своеобразие приведённых словоформ заключается в том, что они иллюстрируются внутри словарной статьи, которая употребляется в форме исходного падежа.

Формы пространственных падежей без нарушений описанных правил их разработки с достаточным основанием можно приравнять к самостоятельным лексическим единицам с уточнением их отношения к исходной корневой единице **дуния** 'мир, вселенная', так как структурно и семантически они употребляются внутри словарной статьи. Формы остальных падежей в толковом словаре не упоминаются, так как являются зависимыми от формы именительного падежа. Лексико-грамматические особенности падежных форм слова **дуния** имеют место и в карачаево-балкарском языке.

Особенностью пространственных падежей является то, что эти формы вместе с показателями грамматической категории склонения являются полностью лексикализованными основами. Другими словами, изолируясь от значения корневой морфемы, они выступают в категории другой части речи, а именно – наречия. Они изолируются от значения производящей основы **дуния** в отношении к системе дательного, местного и исходного падежей, выступают как самостоятельные слова без грамматических значений. Таким образом, в данном случае применительно к формам пространственных падежей разработаны изолированные словоформы **дуниягъа, дунияда, дуниядан**, которые действительно функционируют на правах самостоятельного слова, не имеющего лексико-семантической связи со значением исходной основы. Об изолированных формах в тюркских языках можно судить по некоторым работам, в которых даются отдельные сведения в виде отрывочных замечаний [Баскаков 1952; Дмитриев 1948: 117-118; Кононов 1960: 288-289].

Больше всего изолированные формы встречаются среди наречий, имеющих связь с падежами, обозначающими не только пространственные, но и временные отношения. А.А. Юлдашев обращает внимание грамматистов на «нарушение тождества слова, преобразование словоформы в собственно лексическую единицу» [Юлдашев 1972: 97], значение которой, как спорного образо-

вания, в одних случаях выводится из лексико-семантической структуры слова, а в других – не выводится.

Значения форм пространственных падежей не совпадают с типовыми грамматическими значениями парадигмы в силу того, что существуют отклонения от функционирующих правил формообразования. Для того, чтобы целесообразно интерпретировать формы изолированных единиц, представляется необходимым ориентироваться на сходный материал из толковых словарей. Лексико-семантической особенностью словообразовательной и формообразовательной религиозной лексики *дуния* ‘мир, вселенная’ является то, что она употребляется не только как производящая основа, но и как самостоятельная частеречная основа. Это слово приводится и в толковом словаре и его употребление возможно на деле не только теоретически, но и вполне реально. Особенностью лексикографической интерпретации изолированных форм *дуниягъа*, *дунияда*, *дуниядан* является то, что они имеют окказиональное употребление, не нашедшее ещё своего места в лексической системе карачаево-балкарского языка точно так же, как и множество других сходных единиц, имеющих только переносное значение.

Хотя они рассматриваются и выделяются как самостоятельные словарные статьи новообразований наравне с их производящими морфемами, лексическая тождественность однокорневых словоформ в отдельных случаях подвергается сомнению. Они квалифицируются, будучи не отмеченными в лексикографических источниках, как отдельные частные производные значения исходных основ. Необычные формы пространственно-временных падежей, будучи семантически близкими к их производящим основам, относятся к самостоятельным лексическим основам не только в силу особенностей их переводимости на русский язык отдельными словами. Формы пространственно-временных падежей близки по своим лексико-семантическим признакам к так называемым служебным именам. Выделение сходных форм в качестве самостоятельных лексических единиц объединяет редкая употребительность корневого слова в форме основного падежа, зафиксированного в лексикографическом источнике в качестве словарной формы имён существительных.

В карачаево-балкарском языке отдельный разряд наречий образуется за счёт окаменелых и омертвелых форм, оторвавшихся от полной схемы словоизменения имени существительного. В силу семантико-синтаксических причин некоторые из падежей принимают особые значения, отдалённо связанные со значениями корневой морфемы и тем самым оторванные от целой схемы словоизменения, изолируясь от неё. Результатом таких лексико-семантических трансформаций является образование нового слова, этимологически связанного с основным именем существительным в форме именительного падежа. Отличительной особенностью местной падежной формы – пространственно-временной единицы *дунияда* ‘в мире’, является то, что здесь показывается не обычный местный падеж в его отношении к имени существительному *дуния* ‘мир, вселенная’, а уже другая форма, выявляющая иные частеречные особенности, а именно особенности наречия, проявляемые в отдельных временных коннотациях. Изолированные местные падежные формы, в какой-то степени семантиче-

ски связанные между собой и с этимологическим значением, отчётливо проявляются как самостоятельно, так и в контекстуальном окружении, то есть эти формы в местном падеже на вопрос чем? не отвечают. Формы местного падежа в виде наречия, показывающего временные отношения, также представляют собой окаменелые или морфологически изолированные наименования, реально существующие и образованные в процессе лексикализации. Следует обратить внимание на то, что изоляция именных форм в карачаево-балкарском языке не сопровождается фонетическими изменениями.

Исходный падеж религиозного имени существительного *дуния* – *дуниядан* изолировался также со значением наречия. Дательный падеж также изолировался и употребляется в значении наречия. В современном карачаево-балкарском языке, так же, как и в других тюркских языках, значительную группу составляют наречия, восходящие к словоизменительным формам. Этот способ образования наречий именуется «изоляцией» – термин, впервые введённый в языкознании А.М. Пешковским. В результате модификации словоизменительных форм слова, при наличии определенных лексико-семантических особенностей употребления того или иного слова в определенной словоизменительной форме, оно изолируется полностью от всей парадигмы данного словоизменения и приобретает наречное значение. К наречиям относятся только изолированные падежные формы. Изоляции подвергаются только три падежа в силу своего грамматического значения: дательный, местный, исходный. Исходной основой для образования наречий с помощью падежных форм выступают в большинстве случаев имена прилагательные, числительные (количественные и порядковые), указательные местоимения, имена существительные с «местоимённым содержанием».

«Имена прилагательные и числительные, которые с помощью приёма примыкания используются в атрибутивной (приимённое определение) и в обстоятельственной (приглагольное определение) функциях, приобретая форму указанных падежей, вербализуются, т.е. переходят в разряд наречий, и получают возможность свободно (дистантно) размещаться в составе предложения» [Конов 1960: 288].

Особенностью морфологического способа адвербиализации религиозного термина *дуния* является превращение имени существительного (обозначающего отрезок пространства) в наречие с помощью словоизменительных аффиксов *-гъа, -да, -дан*.

По своему лексическому значению формы пространственно-временных падежей *дуниягъа, дунияда, дуниядан* относятся к изолированным обстоятельным наречиям.

Синтаксические функции изолированных наречий заключаются в выражении обстоятельного признака (в широком смысле) абстрактного имени существительного *дуния* ‘мир, вселенная’, не меняющего своей формы.

Следует отметить, что в содержательном отношении нарицательное имя *дуния* и генетически связанные с ним падежные формы принципиально отличаются друг от друга по своему назначению, по выражению обобщённого значения.

Глобальный характер свободной воспроизводимости изолированных падежных форм затрудняет определение границ между лексическим и грамматическим значениями с точки зрения принадлежности к словообразованию и формообразованию. За редким исключением грамматисты и лексикографы не сомневаются в том, что формы пространственных падежей с точки зрения их свободной воспроизводимости относятся к словообразованию, а не к формообразованию.

Изолированные пространственно-временные падежные формы, как регулярные словообразовательные модели с типовой прозрачной структурой, характеризуются высокой употребительностью, являясь лексикографическим материалом при отборе их для полных и неполных толковых и переводных словарей. Особенностью подобных единиц является то, что производные основы, образованные с помощью словоизменятельных аффиксов, обнаруживают семантическое или структурное своеобразное.

В карачаево-балкарском языке обладают прозрачной словообразовательной структурой многочисленные новообразования, которые могли бы найти своё место как в терминологических, так и общих словарях.

В словарях карачаево-балкарского языка отражены и производные существительные на **-лыкь** с абстрактным значением. В их число можно отнести и религиозную лексему, образованную в результате морфологизации производящей основы **дуния+лыкь**, то, что относится к миру, вселенной. Изолированные падежные формы в карачаево-балкарском языке так же, как и в других тюркских языках, реально употребляемые, воспринимаются как нечто возможное лишь с теоретической точки зрения. Подобные формы, не успевшие обосноваться в общенародном употреблении, было бы целесообразней лексикографировать в отраслевых словарях. И в зависимости от необходимого вхождения в состав общеупотребительной лексики можно было бы включать их в толковые словари при условии, если они обнаруживают словообразовательное значение. Особенностью функционирования изолированных пространственно-временных падежных форм является то, что их словообразовательное значение выводится непосредственно из значения самой производящей основы. Словообразовательное значение обнаруживается и в словообразовательной форме на **-лыкь** с отвлечённо-собирательным типовым значением, образованной по единой модели, например, **дуния+лыкь=дуниялыкь** 'мирское'. Особенностью подобной регулярной формы, выявляющей заметное своеобразие, является то, что её производящая основа имеет самостоятельное употребление.

Изолированные падежные формы, не отличающиеся продуктивной употребительностью на базе самих тюркских языков, больше напоминают окказиональные образования с абстрактным значением, что затрудняет их включение в толковые словари. Эти лексические единицы, соответствующие общим требованиям отбора регулярных словообразовательных форм, хотя и не включаются в лексикографические источники, легко могут быть осмыслены по значению производящей основы. Многие наречия, требующие выборочного отражения, в зависимости от степени наполняемости лексико-семантической структуры производных основ новыми значениями, заметно отличаются от своих про-

изводящих основ и характеризуются высокой употребительностью. Многие сходные изолированные образования, свободно создаваемые по единой модели, можно было бы не включать в словник общего словаря, ограничившись включением в него лишь отдельных наиболее употребительных форм.

Арабо-персидское заимствование **дуния** ‘мир, вселенная’ большей частью употребляется в произведениях художественной литературы, поэтических строках. Помимо того, что имеет падежное склонение, выступает в единственном и множественном числах. Этимологическое сопоставление карачаево-балкарских старых и современных форм абстрактного имени существительного **дуния** и его падежных вариантов на реальном лингвистическом материале свидетельствует о существовании фономорфологических сопоставлений формальных показателей категории числа с привлечением дополнительных лексико-семантических данных.

Следует обратить внимание в карачаево-балкарском языке на то обстоятельство, что форма единственного числа именной основы **дуния** одновременно может употребляться и в значении множественного числа, в частности, если нет необходимости говорить о множестве каких-либо определённых предметов или понятий. В качестве подтверждения этой точки зрения можно привести одну из последних тюркологических работ, затрагивающих данную проблему [Иванов 1969: 31-48].

С помощью маркированной, то есть оформленной специальным аффиксом, формы множественного числа как бы подчёркивается группа каких-либо предметов или понятий, выделяясь из общей массы однородных предметов или понятий.

С точки зрения категории множества в целом к грамматическому множественному числу прежде всего относятся имена, обнаруживающие разнообразную совокупно-собирательную семантику, находящие своё выражение в карачаево-балкарском языке как в особых аффиксальных, так и других формах.

Совокупно-собирательные имена существительные отличаются от имён в формах множественного числа тем, что если последние рассматриваются на уровне грамматического формообразования, то первые находят своё выражение на лексическом уровне, а их морфологические особенности анализируются в словообразовательном плане. В рамках категории множества в генетическом отношении формы множественного числа имён и лексем совокупно-собирательной семантики тесно связаны между собой.

Категория множества в карачаево-балкарском языке, как категория отчётливо воспринимаемая, наиболее привычная, самая рельефная, проявляется в виде грамматического множественного числа, например, **дуния – дунияла** ‘мир – миры, вселенная – вселенные’.

Грамматическое множественное число наглядно воспринимается из-за того, что составляет бинарную оппозицию формам единственного числа, которые несут к тому же номинативную функцию, то есть выступают как наименование предметов и понятий.

В карачаево-балкарском языке так же, как и в других тюркских языках, существуют формальные средства для выражения множественного числа имён,

в частности имён существительных и соотносительных с ними местоимений, например, общетюркское *-ла/-ле* (в некоторых языках историческое *-лар/-лер*).

Сведения о формах множественного числа и инвентарных единицах морфологии – аффиксах, приводятся в каждой грамматике, в каждом грамматическом очерке любого из тюркских языков. Отдельные формы множественного числа давно стали привлекать и до сих пор привлекают специальное внимание исследователей тех или иных тюркских языков, в которых анализируются различные формальные показатели и безаффиксальные корни.

В отношении тюркских языков следует обратить внимание на то, что форма единственного числа именных основ одновременно может употребляться и в значении совокупно-собирательного множества. Особенностью карачаево-балкарского языка в формообразовании и словоизменении является наличие постфиксальной агглютинации.

В рамках категории множества, выражающей совокупно-собирательную семантику, отмечается грамматическое множественное число имени, для которого характерно постфиксальная агглютинация формальных идентификаторов.

Редупликация в карачаево-балкарском языке, то есть повтор или удвоение основы, образованной как по модели частичного сочетания, так и полного, употребляется в качестве способа словопроизводства. Удвоению подвержены не только все разряды знаменательных слов (существительных, прилагательных, числительных, местоимений, собственно глаголов, причастий, деепричастий, наречий, изобразительных слов) собственно карачаево-балкарского языка, но и арабо-персидские религиозные разряды слов, функционирующие по лексико-грамматическим особенностям заимствующего языка. В каждом из лексико-грамматических разрядов усилительных конструкций повтор выражает различную смысловую нагрузку, служит для обозначения особых оттеночных значений: интенсивности, многократности, разделительного множества, собирательной совокупности.

Совокупно-собирательное множество религиозных терминов проявляется как в удвоенных конструкциях, образованных по модели частичной редупликации, так и полного повтора. Слова, входящие в различные лексико-грамматические разряды повтора, несут различную смысловую нагрузку, служат для обозначения особых значений (интенсивности, многократности, разделительного множества, собирательной совокупности). В целом, следует обратить внимание на то, что значения, выявляющиеся в результате редупликации, имеют непосредственное отношение к категории множественности в отдельных лексико-грамматических разрядах.

Удвоение основы имён существительных отмечается как в карачаево-балкарском языке, так и других тюркских языках.

Повтор существительных по модели частичной редупликации выражает значение разделительного множества предметов, близкое к значению аффиксальных форм грамматического множественного числа.

Формы множественного числа в карачаево-балкарском языке, образованные с помощью усилительных конструкций, сопровождаемых препозиционными частицами, относятся к категории качественных прилагательных. Удвоению

основ в карачаево-балкарском языке по модели полного повтора обычно сопутствует оформление каким-либо падежным показателем, чаще всего это дательный и исходный падежи, например, *дуниядан – дуниягъа* 'из мира в мир, из вселенной во вселенную'. Здесь употребляются аффикс исходного падежа *-дан*, выступающий в препозиционном компоненте, и аффикс дательного падежа *-гъа*, функционирующий в постпозиционном компоненте. Адвербиальная функция настолько свойственна для удвоенных основ, что они могут быть включены в различные типы карачаево-балкарских словарей с переводом на русский язык в качестве наречно-обстоятельственных оборотов. Употребление редуцированных сочетаний существительных отчётливо видно в таких примерах, как *дуниядан – дуниягъа*, выступающих в форме изолированных лексических комплексов, так и в составе предложений. Особенностью лексикографической интерпретации данной усилительной конструкции, как и других, является то, что обе части могут быть морфологизированы грамматическим аффиксом множественного числа *-ла/-ле*, например, *дунияладан – дуниялагъа* 'из миров в миры'.

Независимо от смысловых оттенков обстоятельство образа действия, выраженное редуцированной формой имени существительного, не может принимать формы винительного, родительного падежей.

Удвоенные существительные в предложении в карачаево-балкарском языке обычно выступают в функции обстоятельства и поэтому исследуются как наречия, образованные способом полного повтора.

Арабское заимствование *дуния* 'мир, вселенная', прочно-закрепившиеся во всех разделах карачаево-балкарского языка, участвует в образовании свободных и лексикализованных словосочетаний, идиом фразеологического типа, употребляется в составе простых и сложных предложений, в составе пословиц и поговорок.

Лексикализованные и грамматикализованные словосочетания, образованные с участием слова *дуния*, наряду с аффиксальным и лексико-семантическим способами слово- и формообразования, играют большую роль в развитии словарного и фразеологического состава, грамматического строя карачаево-балкарского языка. Все эти конструкции можно объединить в общую категорию устойчивых, неразложимых сочетаний слов.

Устойчивые сочетания *дуния бла бир* 'очень много, большое количество', *дуниягъа аты айтылгъан* 'прославленный', *дуниягъа чыкъ* 'становиться на ноги' (о материальном положении), *дуниядан кет* 'умирать, скончаться', *дуния жарыгъы* 1) 'свет, мир', 2) 'блага жизни', *дуния малы* 'богатство, состояние', *дуния башында* 'на белом (божьем) свете, во всём мире' [ТСКБЯ 1996: 690-691] формируются с учётом лексико-семантических особенностей составляющих компонентов. Изучение особенностей их образования и употребления в карачаево-балкарском языке имеет важное значение для определения общих закономерностей лексикализованных словосочетаний. Все отмеченные сочетания слов с синтаксической точки зрения являются неразложимыми устойчивыми единицами фразеологического характера, с учётом устойчивых отношений, в которых не определены синтаксические типы связи между словами.

Такие слова, как **дуния** ‘мир, вселенная’, в карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, выражают разнообразие и множество, большей частью одно сложное понятие или собирательный смысл. В таких парных конструкциях, как **дуниядан – дуниягъа**, второй компонент рифмуется с первым и создание таких сложных парно-повторных единиц связано с модификацией значения основного компонента. Такие сочетания имеют грамматическое значение множественного числа; при склонении в единственном числе изменению подвергается обычно второй компонент, а аффикс множественного числа **-ла** прибавляется как к обоим словам, например, **дунияладан – дуниялагъа**, так и к последнему слову, например, **дуниядан – дуниялагъа**. Притяжательные аффиксы тоже присоединяются в такой же последовательности, например, **дуниямдан – дунияма** ‘из одного мира в другой’, **дунияларымдан – дунияларыма** ‘из одних миров в другие’.

В карачаево-балкарском языке изменению подвергается или последний компонент, или оба компонента вместе.

Устойчивые словосочетания в карачаево-балкарском языке образуются как неразложимые лексические и фразеологические единства в результате лексико-семантической трансформации моделей свободных словосочетаний. Они создаются как новые лексические и синтаксические единицы в результате модификации значений существующих лексических единиц, появления новых стилистических средств языка на основе различных типов синтаксических связей. В действительности же закономерности формирования устойчивых словосочетаний формируются на основе «сложного переплетения структурно-звуковых, лексико-семантических, грамматических и стилистических факторов» [Муратов 1961: 21].

Они формируются с учётом особенностей строя карачаево-балкарского языка, морфологической и лексико-семантической структуры слова. Новые лексические единицы возникают в процессе лексикализации свободных словосочетаний и обогащения стилистических возможностей языка способом образования фразеологических единиц.

По форме и функции в зависимости от целевого назначения проводится чёткая дифференциация между свободным словосочетанием и лексикализированным, между сложным словом и фразеологической единицей. Рассматривая структурные особенности и формы функционирования в языке лексикализированных словосочетаний и фразеологических единиц в карачаево-балкарском языке со словами **дуния, дунияла, дуниягъа, дуниялагъа, дунияда, дуниялада, дуниядан, дунияладан**, следует обратить внимание на устойчивый, неразложимый характер значений составляющих компонентов. Вводные выражения, различные речевые формулы, способствующие созданию устойчивых оборотов речи стилистико-вспомогательного характера, лишь косвенно связаны со словарным составом языка и обусловлены лексико-смысловыми особенностями сочетающихся в той или иной фразеологической единице слов. Среди устойчивых сочетаний слов отмечаются и синонимические варианты функционирующих лексических единиц, участвующие в расширении стилистических возможностей, выразительных средств карачаево-балкарского языка.

Фразеологические единицы, образованные способом словосложения и дальнейшей лексикализации составляющих компонентов, становятся в результате лексико-семантических трансформаций обычными лексическими основами. Идиомы лексико-фразеологического типа или образные выражения, то есть «живые» метафоры языка, возникшие на основе синтаксического фактора, относятся к синтаксическому способу словообразования. Особенностью проявления отношений слов в словосочетании является наличие свободной связи, при которой слова сохраняют индивидуальные лексические признаки.

При возникновении устойчивых связей между компонентами конструкций синтаксические отношения или отходят на второй план, или перестают вообще существовать. Наличие дословного перевода значений составляющих компонентов показывает, что возникновение устойчивого сочетания слов, образованного в результате лексикализации моделей свободных словосочетаний, не зависит от синтаксических правил, регулирующих сочетания компонентов, а зависит от степени разрушения и «обесцвечивания» синтаксических связей.

Заключение

Лексико-семантический анализ арабо-персидской заимствованной лексики **дуния** ‘мир, вселенная’ показывает, что мусульманские верования у балкарцев и карачаевцев, сохранившиеся не только в языке и культуре, но и фольклорно-мифологических текстах, тесно переплетаются с древними корнями духовной жизни народа, оказывают влияние на балкаро-карачаевскую литературу с точки зрения арабо-мусульманских традиций.

Сопоставительный анализ собранного материала, связанного со словом **дуния** ‘мир, вселенная’, показывает недостаточную разработанность этой религиозной лексики в целом: 1) во-первых, тем, что отсутствует стилистическая помета «религ.» или же характеристика религиозной лексики как мифологической; 2) во-вторых, при интерпретации религиозной лексики вводятся определённые конкретизаторы, принижающие религиозное значение слова, например, порядок значений религиозной семантики даётся в последнюю очередь; 3) в-третьих, учитывая особенности современного словаря, лексикографические проблемы или полное отсутствие многих религиозных терминов, употребляемых параллельно в народном языке и художественных произведениях, можно объяснить атеистическими взглядами составителей «Толкового словаря карачаево-балкарского словаря».

К числу фонетических и словообразовательных особенностей слова **дуния** ‘мир, вселенная’ относится одновременное употребление заднерядного и переднерядного вокализма и вследствие этого отсутствие гармонии гласных, что свидетельствует о том, что эта немотивированная фондовая единица морфологии карачаево-балкарского языка является непроемкой.

Грамматической особенностью субстратной лексики **дуния** является то, что она употребляется в форме принадлежности, сочетаясь с аффиксами 1-го, 2-го, 3-го л. ед. и мн.ч.

Слово **дуния** употребляется в составе свободных и лексикализованных словосочетаний как терминообразующий компонент, выступая в позиции опре-

деления в виде грамматического превращения имени существительного в имя прилагательное.

С точки зрения фазы морфологического развития с учётом семантических и фонетических трансформаций слово **дуния** является самостоятельной единицей, имеющей реальное смысловое содержание.

Слово **дуния** характеризуется наличием стабильного звукового состава, то есть в его составе не может быть звуковых вариаций, как в аффиксах.

К особенностям грамматического развития слова **дуния** 'мир, вселенная' в карачаево-балкарском языке относится то, что к нему присоединяются как словообразовательные, так и словоизменительные аффиксы в определенной последовательности.

Употребляясь в формах пространственно-временных падежей, арабизм **дуния** выступает в функции самостоятельного слова, то есть наречия, а появление нового значения является результатом семантизации этимологического значения. Переход имени существительного **дуния** в результате различных лексико-семантических трансформаций в категорию изолированных частей речи следует считать одной из фаз морфологического развития этого слова.

Арабское заимствование **дуния** 'мир, вселенная' с морфологической точки зрения участвует и в словоизменительных процессах, адаптируясь под грамматические категории карачаево-балкарского языка, выявляя изменения, свойственные имени существительному.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бабаев 2000 – Бабаев С. К. К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов. *Историко-этнографические очерки*. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 248 с.

Баскаков 1952 – Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология. – М., Изд-во АН СССР, 1952. – Ч. 1: Части речи и словообразование. – 544 с.

Дмитриев 1948 – Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 276 с.

Иванов 1969 – Иванов С.Н. Родословное древо тюрок Абу-л Гази-хана. Грамматический очерк. (Имя и глагол. Грамматические категории). – Ташкент: Фан, 1969. – 203 с.

Кононов 1960 – Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 446 с.

Муратов 1961 – Муратов С.Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 131 с.

Несмолкнувшее слово: Памяти Ахмата Жунусовича Будаева 2014 – Несмолкнувшее слово: Памяти Ахмата Жунусовича Будаева / Авт.-сост. Л.А. Будаева. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2014. – 232 с.

ТСКБЯ 1996 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. В 3 т. Т. I. А–Ж. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 1016 с.

Юлдашев 1972 – Юлдашев А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей. – М.: Наука, 1972. – 416 с.

REFERENES

BABAEV 2000 – Babaev S. K. On the issues of history, language and religion of the Balkarian and Karachai peoples. *Historical and ethnographic essays*. Nalchik: Elbrus, 2000. – 248 p.

BASKAKOV N.A. *Karakalpaksii yazyk. Fonetika i morfologiya* [The Karakalpak language. Phonetics and morphology]. – M., Izd-vo AN SSSR, 1952. – Ch. 1: Chasti rechi i slovoobrazovanie. – 544 p. (In Russ.).

DMITRIEV N.K. *Grammatika bashkirskogo yazyka* [Grammar of the Bashkir language]. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. – 276 p. (In Russ.).

IVANOV S.N. *Rodoslovnnoe drevo tyurok Abu-l Gazi-khana. Grammaticheskii ocherk. (Imya i glagol. Grammaticheskie kategorii)* [The family tree of the Turks of Abu'l Ghazi Khan. A grammatical essay. (Name and verb. Grammatical categories)]. – Tashkent: Fan, 1969. – 203 p. (In Russ.).

KONONOV A.N. *Grammatika sovremennogo uzbekskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Uzbek literary language]. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1960. – 446 p. (In Russ.).

MURATOV S.N. *Ustoichivye slovosochetaniya v tyurkskikh yazykakh* [Stable phrases in the Turkic languages]. – M.: Izd-vo vost. lit., 1961. – 131 p. (In Russ.).

The silent word: In memory of Akhmat Zhunusovich Budaev 2014 – The silent word: In memory of Akhmat Zhunusovich Budaev / Author-comp. L.A. Budaev. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarov (LLC "Polygraphservice and T"), 2014. – 232 p.

Tolkovi slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language]. V 3 t. T. I. A–Zh. – Nal'chik: El'-Fa, 1996. – 1016 p. (In Russ.).

YULDASHEV A.A. *Printsipy sostavleniya tyurksko-russkikh slovarei* [Principles of compilation of Turkic-Russian dictionaries]. – M.: Nauka, 1972. – 416 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Л.М. Кабардокова – лаборант.

Information about the author

L.M. Kabardokova is a laboratory assistant.

Статья поступила в редакцию 22.04.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 22.04.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Научная статья
УДК 81.373.21
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-409-423
EDN: THSUUP

ПОЛИАСПЕКТНЫЙ АНАЛИЗ ЗООЛЕКСЕМЫ БЁРЮ ‘ВОЛК’ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Мусса Бахаутдинович Кетенчиев¹, Алим Каншауович Аппоев²,
Ахмат Магомедович Мизиев³

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, ketenchiev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1656-8368>

² Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, appoev74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2654-8555>

³ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, miz1967@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6138-9379>

Аннотация. Статья посвящена исследованию лексики карачаево-балкарского языка. В ней полиаспектному анализу подвергается зоонимическая лексема *бёрю* ‘волк’, выявляются ее словообразовательные интенции, отмечается представленность в таких пластах лексики, как фитонимы, антропонимы и топонимы, а также в составе фразеологических единиц. В работе отмечается, что рассматриваемая зоолексема отличается значимыми для карачаевцев и балкарцев этнокультурными составляющими, которые в большей степени носят архаизированный характер. В самом общем виде в мировосприятии народа волк предстает как живое существо, которое является тотемом. Он воспринимается как хищник, наносящий урон животноводству, как исцеляющее от недугов и охраняющее от нечистой силы животное, как посредник между царствами мертвых и живых. В анималистических сказках волк часто наказывается за свою алчность и проигрывает другим животным, как диким, так и домашним. В карачаево-балкарском нартском эпосе он дает начало роду нартов, что коррелирует с верованиями других родственных народов периода тенгрианства. В корпусе карачаево-балкарских пословиц и поговорок обнаруживают себя когнитивные характеристики, релевантные как для волка, так и человека, что обусловливается спецификой ментальности этноса. Анализируемый фактологический материал позволяет говорить как об универсалиях, связанных с образом волка, так и об идиоэтнических его составляющих. Зоолексема *бёрю* является значимым компонентом зооморфного кода культуры в карачаево-балкарской наивной картине мира, в том числе и в языковой.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, устное народное творчество, лексика, словообразование, зооним, волк, функция, семантика, этнокультурное значение

Для цитирования: Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К., Мизиев А.М. Полиаспектный анализ зоолексемы *бёрю* ‘волк’ в карачаево-балкарском языке // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 409-423. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-409-423. EDN: THSUUP.

© Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К., Мизиев А.М. 2024

Original article

MULTIDIMENSIONAL ANALYSIS OF THE ZOOLEXEME BÖRÜ 'WOLF' IN THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Mussa B. Ketenchiev¹, Alim K. Appoev², Akhmat M. Miziev³

¹ Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, ketenchiev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1656-8368>

² Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, appoev74@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2654-8555>

³ Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, miz1967@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6138-9379>

Abstract. The article focuses on the vocabulary of the Karachay-Balkar language. In it, the zoonymic lexeme börü 'volk' is treated to a multidimensional analysis, its word-formation intentions are disclosed, its representation in such levels of vocabulary as phytonyms, anthroponyms, and toponyms, as well as in the creation of phraseological units, is highlighted. The research observes that the zoolexeme under discussion is differentiated by ethnocultural components important to Karachai and Balkars, who are more archaic in nature. In its most generic form, the wolf appears in the people's worldview as a living person, or totem. It is viewed as a predator that harms cattle, as an animal that heals maladies and defends against bad spirits, and as a link between the worlds of the dead and the living. In animal stories, the wolf is frequently punished for his greed by losing to other animals, both wild and domestic. In the Karachay-Balkarian Nart epic, it gives rise to the Nart family, which is consistent with the beliefs of other Tengri-era peoples. The corpus of Karachay-Balkarian proverbs and sayings reveals cognitive qualities applicable to both wolves and humans, which are defined by the ethnic group's mindset. The studied factual data allows us to discuss both the universal and idioethnic aspects of the wolf image. The börü zoolexeme is an essential component of the zoomorphic cultural code in the Karachay-Balkarian naïve worldview, as well as the linguistic one.

Keywords: Karachay-Balkar language, oral folk art, vocabulary, word formation, zoonym, wolf, function, semantics, ethnocultural significance

For citation: Ketenchiev M.B., Appoev A.K., Miziev A.M. Multidimensional analysis of the zoolexeme börü 'wolf' in the karachay-balkar language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 421-435. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-409-423. EDN: THSUUP.

© Ketenchiev M.B., Appoev A.K., Miziev A.M. 2024

В карачаево-балкарской лингвистической науке зоонимам традиционно уделяется большое внимание. Об этом свидетельствуют не только монографические исследования [Шаваева 2011], но и научно-теоретические статьи, в которых рассматриваются их лингвокультурологические особенности [Кетенчиев 2015], а также возможности в реализации zoomорфного кода культуры в языковой картине мира [Гукетлова, Кетенчиев 2014]. Имеет место и анализ номинаций животных с опорой на фольклорный дискурс [Ахматова 2010]. В фольклористической литературе они изучаются в качестве неотъемлемых атрибутов анималистических сказок [Гулиева (Занукоева) 2019]. Вместе с тем зоонимы, за редким исключением, не стали объектом полиаспектного исследования, что имеет непосредственное отношение и к зоолексеме *бөрү* «волк».

Актуальность статьи обуславливается необходимостью поливекторного изучения зоонимической лексики, ее релевантностью для раскрытия закодированной в текстах различной жанровой соотнесенности архаизированной информации относительно мира животных.

Научная новизна статьи детерминруется тем, что в ней впервые на материале карачаево-балкарского языка исследуются лексико-семантические и этнокультурные характеристики зоонима *бёрю*.

Целью представленной статьи является полиаспектный анализ зоолексемы *бёрю* в карачаево-балкарском языке.

Указанная в статье цель предполагает решение нижеследующих задач, релевантных для карачаево-балкарского языка: 1) выявление лексико-семантических и словообразовательных особенностей зоонима *бёрю*; 2) выявление и описание его функционально-семантических характеристик в фольклорном тексте; 3) определение архетипичных и иных этнокультурных значений рассматриваемой лексемы, которые проявляются в текстах карачаево-балкарского устного народного творчества.

Материалом для исследования служит фактологический материал, который содержится в различных лексикографических источниках, а также в текстах примет, благопожеланий и зложеланий, загадок, пословиц и поговорок, сказок и эпических произведений, которые опубликованы в значимых академических и хрестоматийных изданиях.

Рассматриваемый зооним является общетюркским и зафиксирован в форме *böri* еще в ранних лексикографических источниках [ДТС 1969: 118]. Он получил широкое распространение в таких тюркских языках, как алтайский – *пөри*, казахский – *bəri*, кумыкский – *бёрю*, ногайский и каракалпацкий – *бөри* и т.д. Памятники письма свидетельствуют в пользу того, что форма *бөрү* является более поздней по сравнению с *бөри*. Данную лексему признают производной от *бөр*, *бор* «серый», хотя существует и иранская версия происхождения: *bairaka* «страшный» [Севортян 1978: 219-221].

Небезынтересны и эвфемистические номинации волка: *атайтмаз* «противник, враг, недруг», *бут* «нога (конечность); бедро, огузок», *ёрекёулакь* «со стоячими ушами», *жанлы* «имеющий душу», *кёзылкёз* «красноглазый». Эти названия зверя появились вследствие наличия запрета на произнесение его имени и репрезентируют различные характеристики волка.

Как и в других тюркских языках, в карачаево-балкарском языке лексема *бёрю* активно участвует в процессе словопроизводства, на ее основе посредством морфем и словосложения образуются простые и сложные имена существительные и прилагательные, характеризующие человека и другие живые существа: *бёрюлюк* «жадность, алчность», *бёрюкёзлюк* «острота глаз», *бёрюкёз* «остроглазый (букв. имеющий волчьи глаза)», *бёрюкёулакь* «остроухий (букв. имеющий волчьи уши)» и др.

В карачаево-балкарском языке можно обнаружить сопряженность волка и собаки, ср. *бёрюбас* «волкодав (букв. волка давящий)», *бёрюкес* «волкодав (букв. волка загрызающий)», *бёрютут* «волкодав (букв. волка ловящий)». В этих номинациях налицо так называемое функциональное значение лексем, т.е.

собаки могут различаться по выполнению ими определенных функций. В данном случае имеет место актуализация тех действий собаки, которые дают ей возможность выполнения роли охранника чего-либо, в первую очередь домашних животных.

В представлении карачаево-балкарского этноса волк и собака являются противопоставленными друг другу животными. Их оппозитивность отмечена еще в нартском эпосе. Вот что пишется по этому поводу в эпическом микротексте «Волки и собаки»:

«В древности волки и собаки были дружны.
Их потом врагами нарты и эмегены сделали:
Собаки были на стороне нартов, а волки с эмегенами были.
Когда все эмегены были истреблены, волки бездомными стали,
А когда нарты погибли, собаки к людям пришли» [Нарты 1994: 581].

Согласно мифологическим воззрениям карачаевцев и балкарцев, волк и собака имеют одно происхождение. Собаки служили людям, а волки – Тенгри. После того, как пути людей и волков разошлись, бог диких животных Апсаты попросил у Тенгри волков, чтобы они охраняли его скот. Однако как-то волк, будучи обманутым лисой, задрал скот. По этой причине он был изгнан Апсаты. С тех пор волк стал врагом и людей, и скота [КъМФ 1996: 55].

Небезынтересен и тот факт, что анализируемое слово нашло свою нишу в различных терминосистемах языка. Так, например, в карачаево-балкарском языке обнаруживается свыше 20 метафорических наименований флоры, которые включают в свой состав зоолексему *бёрю*, например: *бёрю агъач* «жимо-лость кавказская», *бёрю мусхот* «тапсия мохнатая», *бёрю тамыр* «борец противоядный; борец высокий», *бёрюаякъ* «плаун булавовидный», *бёрюбаиш гоккаханс* «антиринум большой», *бёрюбуугъан* «борец противоядный», *бёрюкёз* «паслён сладкогорький», *гоккалы бёрючечек* «лютик ядовитый», *узун бёрюбуугъан* «борец высокий» и др. [Хапаев, Хапаева 2022: 515-568]. Такие растения являются лекарственными, имеют двух-, трех- и четырехкомпонентную структуру: *бёрю жилек* «волчегодник обыкновенный», *бояучу бёрюжемиш* «зверобой красильный», *ич ётдюрген бёрюаякъ* «плаун баранец» и др. Названия их мотивируются в основном такими признаками, как схожесть с чем-либо (*бёрю алма* «кирказон ломоносovidный» – букв. волчье яблоко, *бёрю къудору* «ежеголовник прямой» – букв. волчий горох, *бёрюбауур* «бирючина обыкновенная» – букв. волчья печень), твердость ствола (*бёрю агъач* «разновидность хмелеграба (данное дерево по твердости обычно сравнивается с железом)» – букв. волчье дерево), цвет (*акъ бёрю къудору* «люпин белый» – букв. белый волчий горох, *кёкбаиш бёрютамыр* «борец клобучковый» – букв. волчий корень с синими цветками, *къызыл бёрюжемиш* «эхикопанакс высокий» – букв. красная волчья ягода), форма (*жассы бёрюаякъ* «плаун сплюснутый» – букв. плоская волчья лапа), возраст (*жыллыкъ бёрюаякъ* «плаун годичный» – букв. годичная волчья лапа).

Специалисты в области ономастики пишут о том, что зооним *бёрю* является облигаторной составляющей некоторых многословных топонимов: *Бёрю къозлагъан мыры* («заросли, где оценилась волчица»), *Бёрюле улуучу сырт* («плато, где воют волки») [Текуев и др. 2019: 233]. Но, как показывает соответствующий фактологический материал, больше всего в карачаево-балкарской системе топонимов представлены двукомпонентные микротопонимы, структурирующиеся по образцам изафетных дескрипций, например: *Бёрю къулакъ* «Волчья балка», *Бёрю тала* «Волчья поляна», *Бёрюлю къол* «Балка с волками», *Бёрюле таласы* «Волков поляна», *Бёрю къабакъ* «Волчьи ворота». Такие названия местности мотивируются тем, что определенные ее участки (балки, поляны и т.д.) по многолетним наблюдениям и представлениям местных жителей изобилуют волками.

Исследуя карачаево-балкарские зоофорные имена и их мотивационно-номинативные признаки, М.М. Текуев пишет о наличии у карачаевцев и балкарцев фамилий *Бёрюкалары* и *Бёрюкайлары*, образованных посредством уменьшительно-ласкательных аффиксов *-ка*, *-кай* [Текуев 2017: 118]. В их основе лежат прозвищные имена *Бёрюка* и *Бёрюкай* со значением «волчонок». Наречение мальчиков именами с компонентом, обозначающим волка, в карачаево-балкарском этносе имеет давнюю традицию, связанную с пожеланием ребенку быть крепким, сильным и опытным как волк. Такого рода имена бытовали еще в XIV веке. Описывая походы Тимура в 1395-1396 гг. в Карачай и Балкарию, Э.В. Ртвеладзе отмечал, что этот полководец обрушил свои войска на владения князей, носивших имена *Буракан* и *Буриберди* [Ртвеладзе 1976: 104]. Первое имя можно интерпретировать как *Бёрюхан* (*бёрю* «волк» + *хан*), а второе – *Бёрюберди* (*бёрю* «волк» + *берди* «дал»). Такого рода антропонимы, коннотативно маркируясь, связаны с семантической зоной «номинации животных».

Представленность данного слова и сложных словосочетаний в карачаево-балкарском антропонимиконе объясняется тем, что волк представляет собой тотемное животное. Это актуализируется в специальных филологических исследованиях [Аппоев 2004: 36, 86; Volatova et al. 2019].

В силу указанного название волка функционирует как этноним у целого ряда тюркских народов. Так, В.Я. Бутанаев относит название хакасского сеока «бююр» (в значении волки), а также «чети бёри» (семь волков) к древнейшему этнониму Саяно-Алтая [Бутанаев 2011: 18]. Кыргызы в свое время были известны другим народам как «бурут». Данный этнотермин репрезентировал значение «бөрү» (волк) [Тургунбаева 2021: 60].

У карачаевцев и балкарцев существовал обычай *бёрю аууз байлау* «обряд заговаривания волка, чтобы он не задрал заблудшую скотину».

По свидетельству очевидцев, в частности старожилы Аппоева Мухаммата (дедушки Аппоева А.К.) он сам не раз становился участником и свидетелем подобного обряда. По его словам, этот обряд «работал». Обряд проводился обычно вечером. И на утро следующего дня, или через несколько дней скот находили живой и невредимый. Он рассказывал о тех случаях, когда, было понятно, что волк находился среди овец, «играл» с овцами, но при этом оставлял их невредимыми. Свидетельством этому были следы слюны волка на шее овец. Кроме того,

обязательным условием было то, что после того как скот находился незамедлительно проводили следующий обряд – «обряд развязывания пасти волка», иначе волк мог погибнуть. Описанное происходило в высокогорном селении Верхний Хулам, а также, когда он находился высоко в горах, и содержал скот на летних пастбищах в местности Огъары Хари (полевой материал А.К. Аппоева).

В карачаево-балкарском языке наличествуют и фразеологические единицы с компонентом, обозначающим волка. Ср. *бёрю ауузу байларгъа* «произнести молитву, якобы для того, чтобы волк не зарезал оставшихся на ночь где-то животных». Такую молитву (произнесение сур из корана) обычно читал человек, сведущий в религии. Но более архаичным представляется фразеологизм *жанлы ауузун байла-*, в котором слово *бёрю* заменяется на эвфемизм *жанлы*. Однако в фольклорных текстах встречается еще более древний фразеологизм, содержащий в своем составе лексему *жаллы* «гривастый»: *жаллы ауузун байла-*. Это вполне приемлемо, поскольку нанести урон стаду мог не только волк, но и другой хищник, например, медведь, шакал, барс и т.п. С точки зрения карачаевца и балкарца у любого зверя, если он злится и нападает, в холке шерсть дыбится, и он похож на существо гривастое.

Молитвы с целью защиты скота (обычно овец) были в ходу еще до принятия карачаево-балкарским этносом исламской религии, о чем свидетельствует, например, мифотекст «Бёрюню ауузун байлагъан» (букв. завязывание пасти волка) [КъМФ 1996: 65-66]. Этот ритуал описывается следующим образом. Сведущий человек берет в руки топор (или нож) и трижды произносит «Бёрюню ауузун байлайыкъ» (завяжем пасть волку). Вонзает его в пень. Перед этим произносит текст молитвы и плюет на топор трижды. Текст молитвы следующий: *Жаллыса, къаллыса, // Ауузунг къурушун, // Тишлеринг бир бирине кйришсин. // Аштотур амин десин, // Апсаты къабыл этсин* «Душу имеешь, кровник ты, // Пасть твоя пусть отнимется, // Зубы твои пусть скрючатся. // Аштотур пусть скажет аминь, // Апсаты пусть одобрит». Текст может быть и другим: *Бут къойлагъа кирмесин, // Бут аланы кёрмесин! // Ауузун Тейри къурушдурсун, // Итлерибизни алагъа сюрюшдюрсюн. // Кийиз къамичи беригиз, // Тёгерекге айланайым, // Келип, къамичини жерге урайым, Атайтмазны бери келмезча этейим* «Бут к овцам пусть не зайдет, // Бут пусть их не увидит! // Его пасть пусть Тенгри отнимет, // Собак наших пусть к ним направит. // Дайте мне плетъ из кошмы, // Вокруг поброжу, // Вернувшись, плетью об землю ударю, // Сделаю так, чтобы атайтмаз сюда не пришел». После произнесения этих слов в землю вбивался железный гвоздь, так как древние балкарцы считали, что железо является орудием Тенгри Огня и верили в его охранные свойства.

Отмеченное выше является в некоторой степени универсальным для многих тюркских народов. Так, описывая семейную обрядность в турецкой деревне, М.Н. Серебрякова пишет о том, что пасть волку завязывается прочтением ряда сур. При этом необходим складной нож, который открывается и закрывается [Серебрякова 1979: 126-127]. В.А. Гордлевский также указывает на факт завязывания волчьей пасти у османцев, но при помощи шерстяной нитки: «Имам берет нитку в руки и, обведя мысленно пространство в несколько верст, говорит: “Ну, я завязал волкам рты!”. После этого он делает на нитке семь уз-

лов и прячет нитку под какой-нибудь большой камень. Когда скотина отыскивается, имам немедленно распутывает на нитке узлы, и заговоренные рты волков разрешаются» [Гордлевский 1968: 88].

Согласно мировосприятию карачаевцев и балкарцев, волк, как правило, предстает в двух ипостасях – вредитель и хранитель. Как вредитель он наносит урон хозяйству, задирая скот. Поскольку волк является тотемным животным, он защищает людей, в первую очередь от нечистой силы. Указанное обнаруживается в небольшом по объему рассказе мифологического характера «Бёрю бла адам» («Волк и человек») [КъМФ 1996: 55-56]. Так, например, в тексте этого произведения констатируется то, что волк крадет у кобылицы только что рожденного жеребенка и съедает его. Между тем, если бы не было волков, весь мир был во власти шайтанов. Дом же, в котором имеются волчья шкура или шуба, шайтаны не заходят. Чтобы защитить дитя, женщины привязывали к люльке с ребенком кусочки волчьей шкуры, клык или череп волка. Небезынтересно также клишированное выражение *Ёлгенни бла сауну ортасына бёрю кирир* «Между мертвым и живым человеком волк зайдет». Значит, волк является посредником между царством мертвых и миром живых.

Волк способствует уличению вора. Чтобы вывести его на чистую воду, подозреваемому в воровстве человеку давали в руки зажженную жилу волка или же предлагали ему через нее перепрыгивать. При этом виновник должен был скорчиться или распухнуть и умереть. В мифологии актуализируется и лечение больного ребенка. Такого ребенка протаскивали или под пастью, или под шкурой волка, а так называемую «ветряную волчанку» лечили водой, в которой держались кости волка [Джуртубаев 1991: 35]. К таким обрядам прибегали в среде целого ряда тюркских народов. Так, например, проводя этнолингвистический анализ мифологической лексики башкирского языка, Ф.Г. Хисамитдинова пишет следующее: «От нечистой силы и разных болезней применяли ободок (*уткармә*), сделанный из срезанных целиком краев волчьей пасти. По поверьям, чтобы ребенок был здоровым, счастливым, удачливым, младенца после купания надо обязательно провести через «пасть волка». Женщин, страдающих бесплодием, и женщин, у которых роды проходят трудно или долго не отходит послед, также протаскивали через «волчью пасть». [Хисамитдинова 2016: 325]. На основе таких данных она приходит к вполне правомерному выводу, что «волчья» мифология пронизывает родинный обряд башкир.

Этнокультурные характеристики рассматриваемого животного лучше всего обнаруживаются в текстах устного народного творчества различной жанровой отнесенности. Начнем с примет. В них волк и плохой человек рассматриваются в одном ряду и им дается негативная оценка, так как они наносят вред как обществу, так и хозяйству (скоту). При их упоминании носителю языка рекомендуется бросать в огонь сухую травинку и произнести фразу *От тёбеси болсун!* «Пусть пропадет пропадом!». Это актуализируется и в следующей примете-рекомендации: *Бёрюню неда аман адамны аты сагъынылса, отха салам ат* «Если будет произнесено имя волка или плохого человека, в огонь бросай солому». В этой связи небезынтересна и фразеологизированная конструкция рекомендательного характера *Отха чён ат* «В огонь бросай стебелек». Счита-

лось, что такое действие помогает избежать неприятностей, поскольку огонь обладает очистительной силой. Ср. также *Кече бёрю сагъынылса, ыстауатха бёрю чабар* «Если ночью упоминать волка, на стойбище нападет волк». Данная примета сопряжена с формулой «подобное рождает подобное». В определенное время суток налагался запрет, согласно которому выход ребенка из дому являлся плохой приметой: *Ахшам бла жассыны ортасында сабийни эшикге жиберирге ырыслагъан этгендиле*: «Сары тангда сарыуекле сарнайдыла, кёк ахшамда бёрюле улуйдула», – *дегендиле къартла* [КъМФ 1996: 414] «Выпускать ребенка на улицу между сумерками и поздним вечером считалось плохой приметой: старики говорили, что ранним утром крокодилы, а в сумерки волки воют». Однако встречать волка в пути считалось доброй приметой [Джуртубаев 1991: 36].

Зоолексема *бёрю* часто фигурирует в каргышах (зложеланиях): *Аман бёрюле ашасынла!* «Чтобы съели плохие волки!»; *Аман бёрю ашарыкъ!* «Аман бёрю ашарыкъ!»; *Бёрю азыгъы боллукъ!* «Чтобы волчьей пищей стал!»; *Бёрюле жыртырыкъ!* «Чтобы волки разодрали!»; *Къазакъ бёрюге аш боллукъ!* «Чтобы стал пищей для волка-одиночки!». Такие зложелательные конструкции, как правило, носят экспрессивный характер и употребляются с целью продемонстрировать отношение говорящего к кому-либо.

Рассматриваемый зооним встречается и в алгышах (благопожеланиях), связанных с животноводством – основной сферой хозяйствования карачаевцев и балкарцев. Например, в тексте «Къочхар къошханда алгъыш» («Благопожелание во время случки овец») мы читаем: *Эгиз-эгиз тёлү туусун, // Сегиз-сегиз насып жаусун, // Къозламагъан тиши къалмасын, // Жаллы къагъанакъ алмасын! // Малла тёлү берсинле, // Бёрюле кері кетсинле* [КъМФ 1996: 407] «Близнецами пусть молодняк родится, // По восемь пусть счастье дождит, // Не ягившихся самок пусть не будет, // Хищник младенцев пусть не заберет! // Скотина пусть приплод даст, // Волки пусть прочь уйдут». Как видим, в данном благопожелании излагается просьба, чтобы волк не навредил скотине.

В карачаево-балкарском фольклоре имеется несколько загадок, связанных с интерпретацией волка [КъМФС 2022: 257]. В них волка предлагается отгадывать исходя из его внешних характеристик, поведения и образа жизни. При этом хищник получает пейоративную оценку, для чего используется в основном признаковая лексика соответствующей семантики: *Боюну бугъа боюнду, оюну аман оюнду* (Бёрю) «Шея бычья его, а игра – плохая игра» (Волк); *Сыртда сууукъ сюрюучю, сууукъ юйге кириучю* (Бёрю) «На холме непрошенный пастух, в холодный дом входящий» (Волк); *Туман тубюнде жоргъа алаша* «Под туманом мерин-иноходец»; *Урлагъандан тоймагъан, аман иини кёймагъан* (Бёрю) «Воровством не насыщающийся, дурное дело не оставляющий» (Волк).

В карачаево-балкарском нартском эпосе волк встречается эпизодически. Главное здесь заключается в том, что предводителя нартвов Ёрюзмека кузнец Дебет обнаружил в середине расколовшегося надвое от удара на землю большого синего камня, упавшего с неба. Внутри него лежал богатырского телосложения младенец, который, крепко обхватив шею громадной волчицы, сосал ее молоко [Нарты 1994: 309]. Данный факт вполне объясним, поскольку покровителем многих тюрков является небесный волк. Главным одеянием Ёрюзмека

считается его волчья шуба. Она спасает нарта от козней врагов, а также оберегает от нечистой силы.

В карачаево-балкарских анималистических сказках, как и в сказках других народов, волк выступает в качестве хищника, охотящегося на диких и домашних животных, каковыми являются обычно барсук, вол, заяц, коза, овца, лошадь и др., т.е. налицо такая его природная характеристика как агрессивность, которая необходима для обеспечения процесса жизнедеятельности. Тем не менее волк, как правило, остается без добычи, поскольку проигрывает другим представителям царства животных, которые более умны и находчивы. Это актуализируется в таких сказках, как «Къой бла эчки» («Овца и коза»), «Борсукъ бла бёрю» («Барсук и волк»), «Бугъа таначыкъ» («Бычок»), «Бёрю, тюлкю, ат» («Волк, лиса, лошадь»), «Айыу, бёрю эм къызыл тюлкю» («Медведь, волк и красный лис») [КъМЖТА 1999: 392-397; КъМЖТА 2003: 417-422].

В жанрах фольклора волк больше всего представлен в пословицах и поговорках. В среде карачаевцев и балкарцев употребляется свыше ста паремий с компонентом волк, о чем свидетельствуют данные специальных изданий [КъНС 1963; МНС 1982]. Как пишет известный фольклорист Б.А. Берберов, образ этого хищника «нашел широчайшее отражение и в карачаево-балкарских пословицах и поговорках, вплоть до признания волка важнейшим обитателем лесов» [Берберов 2023: 293]. По мнению автора, характеристики волка переносятся и на человека. При этом он может интерпретироваться с точки зрения целеустремленности и жестокости, с чем трудно не согласиться.

Пословицы и поговорки с компонентом *бёрю* отражают многие ипостаси данного зверя, отношение этноса к нему. Благодаря им, появляется возможность выявить и описать реестр когнитивных признаков волка, которые зиждятся на мировосприятии народа и ложатся в основу релевантного сегмента пословичной картины мира. Ниже обозначим эти признаки.

1. **Волк – обитатель леса:** *Эл телисиз болмаз, агъач бёрюсюз болмаз* «Села без дурака не бывает, леса без волка не бывает»; *Бёрю чегетден къоркъмаз* «Волк леса не боится»; *Не бек тойдурсанг да, бёрюню кёлю – агъачда* «Сколько не корми, душа волка в лесу».

2. **Волк ведет активный образ жизни, благодаря чему и выживает:** *Бёрюню азыгъы – жолда* «Еда волка в пути»; *Бёрюню къарынын аягъы асырар* «Желудок волка его лапы подпитывают»; *Бёрюню насыбы аякъларындады* «Счастье волка в его лапах»; *Жатхан бёрю токъ болмаз* «Лежащий волк сыт не будет».

3. **Пищей для волка служит мелкий рогатый скот** (как правило, заблудший, оставшийся без присмотра): *Бёрю да ажаихан малны ашар* «Волк тоже съедает заблудшую скотину»; *Иесиз сюрюуге бёрю чабар* «На отару без хозяина волки нападут»; *Орунундан чыкъгъан къойну бёрю ашар* «Овцу, вышедшую из загона, волк съедает»; *Сюрюуден айырылгъан къойну бёрю ашар* «Овцу, которая отбилась от отары, волк съест»; *Сюрюуден айырылгъан теке – бёрюге азыкъ* «Козел, отделившийся от стада, является едой для волка»; *Жангыз къойну бёрю ашар* «Одинокую овцу волк съест».

4. **Волк на соседей не нападает:** Бёрю да кьоншу кьошуна чапмайды «Волк тоже на соседню кошару не нападает».

5. **Волку присущи определенные привычки:** Бёрю боранлы кече чабар «Волк в буранную ночь нападет»; Бёрю сюрюуге боранлы кече чабар «Волк нападает на стадо в буранную ночь»; Бёрю да ашхынны башындан башлайды «Волк тоже начинает есть желудок сверху»; Итге арыкълыгъын билдирмезге, бёрю сыртын кёндюрюр «Чтобы не дать собаке понять свою худобу, волк свою спину распушит / поставит дыбом».

6. **Волк не меняет своих привычек** (волк есть волк): Бёрю туюгон ташила-са да, кьылыгъын ташиламаз «Если даже полиняет, волк свой нрав не утратит»; Бёрюню терисин сыдырсанг да, бёрюлей кьалыр «У волка если даже шкуру снимешь, он волком останется»; Бёрю жюрюген жол бла баласы да жюрюр «По волчьей тропе и волчонок ходит»; Бёрюню баласы кьой кесер «Волчонок овцу задерет»; Бёрюню баласы ит болмаз «Волчонок собакой не станет»; Бёрю бала, асырагъанлыкъгъа, ит болмаз «Волчонок, сколько его не корми, собакой не станет»; Бёрю, ач болса да, жютю къарар «Если даже проголодается, волк зорко смотрит».

7. **Волк – добытчик** (никогда без добычи не уходит): Бёрю сюрюуге кирсе, бирин ашар кьоймай, барын да кесер «Если зайдет в стадо, волк одним не ограничивается, всех задерет»; Бёрю сюрюуге кирсе, кьуру чыкъмаз «Если волк зайдет в стадо, без добычи не уйдет».

8. **Волк в старости охотится за слабой дичью:** Бёрюню къартлыгъы жубуранчы болур «Волка старость становится охотником на сусликов»; Бёрюню къарты жубуранчы болур «Старый волк охотником на сусликов станет»; Бёрю къарт болса, жубуранчы болур «Если волк постареет, станет охотником на сусликов»; Бёрю къартлыгъында жубуранчы болур «Волк в старости охотником за сусликами станет».

9. **Волк обычно серый:** Бёрю болса – кёк болады, киши болса – бек болады «Если волк, то он бывает серым, если мужчина – то он бывает крепким»; Кёпню кёрген – кёк бёрю «Много повидавший – серый волк».

10. **Старый волк опытен:** Къарт бёрю жолгъа уста болур «Старый волк дорогу хорошо знает»; Къарт бёрю ыстауатха чапмаз «Старый волк на стойбище не нападет».

В пословицах и поговорках имеет место оппозитивная интерпретация волка и собаки, поскольку собаки выступают в качестве врагов волков и служат человеку, охраняя его хозяйство от хищников, хотя собака сама часто становится добычей волка: Бирикмеген ит жыйын бёрю тутмаз «Не объединившаяся собачья свора волка не поймает»; Иесиз итни бёрю ашар «Собаку без хозяина волк съедает»; Ит жеринде жатса, бёрю ашамаз «Если собака на своем месте лежит, ее волк не задерет»; Итни къаргъышы бёрюге жетмез «Проклятия собаки до волка не дойдут»; Танымагъан эки ит, бёрюню кёрселе, танышырла «Не знакомые друг с другом две собаки, когда волка увидят познакомятся»; Элге бёрю кирсе, итле бары да бир болурла «Если в село заходит волк, все собаки объединяются».

В паремиях обнаруживается метафорический перенос волк – человек. При этом носитель языка уподобляет человека волку как в целом, так и с опорой на его различные характеристики: *Бий – бёрю, бийче – тюлкю* «Князь – волк, княгиня – лиса»; *Жаш эркеси бёрю болур, къыз эркеси тели болур* «Избалованный юноша волком станет, избалованная девушка душой станет»; *Кеченг – бёрю, кюнюнг – ит* «Ночь твоя – волк, день – собака»; *Элге – бёрю, юйюне – тели* «Для села – волк, для своего дома – дурак»; *Аида – бёрю, иише – ёлю* «В еде – волк, в работе – труп»; *Бёрю атарыкъ бёркюнден белгили* «Охотник на волка по шапке узнается»; *Бёрюча узал да, къушча жут* «Хватай как волк, глотай как орел»; *Бёрюню къойлагъа къалауур этгенлей* «Словно волка охранником овец сделать»; *Токълуну бёрюге аманат этгенлей* «Словно барашка волку доверили» и др.

Волк представлен и в художественной литературе. Так, например, С. Шахмурзаев в своем стихотворении «Бёрю» («Волк») [Шахмырзаланы С. 2002: 89], адресованном детям, удачно структурирует отрицательный образ волка. Этому способствует то, что волк – всеядный хищник, который нападает на человека, на диких и домашних животных: *Не тапса да, ашайды* «Что находит, то и ест»; *Кийиклеге чабады, // Адамны да къабады* «На диких животных нападает, // Человека тоже кусает»; *Халкъгъа, малгъа огъурсуз* «К народу, скоту жесток». Значит, наносит вред, является врагом: *Заранлыды, душманды* «Вреден, враг он». Исходя из этого, автор эмоционально призывает читателя к уничтожению волков: *Кёрген жерде уругъуз! // Ёлтюрюгюз, союзъуз!* «Где увидите – бейте! // Убивайте, шкуру снимайте!».

Таким образом, как явствует из вышеизложенного, зоолексема *бёрю* «волк» отмечен в карачаево-балкарском языке значительными функционально-семантическими возможностями. Данное слово участвует в образовании новых субстантивных и адъективных лексем, является облигаторной составляющей фразеологических единиц, фитонимов, антропонимов, топонимов и других пластов лексики. Оно в целом этнокультурно маркируется, что видно при обращении к различным жанрам устного народного творчества, в которых закодированы архетипические знания относительно различных характеристик тотемного для карачаевцев и балкарцев хищного зверя, выступающего в мировосприятии этноса в качестве не только нападающего и охраняющего, но и посредника между мирами мертвых и живых. Выявление и описание этого релевантно для структурированной интерпретации национальной картины мира. Работа имеет перспективу для дальнейшего исследования зооморфного кода культуры в карачаево-балкарской языковой картине мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Аппоев 2004 – Аппоев А.К. Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка. Нальчик. 2004. – 118 с.
- Ахматова 2010 – Ахматова М.А. Облик героя в карачаево-балкарском нартском эпосе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2010. – № 12. – С. 143-146.
- Берберов 2023 – Берберов Б.А. Определение зооморфных образов в карачаево-балкарских пословицах и поговорках с использованием элементов частотного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2023. – Т. 15. – № 2. – С. 288-306.

- Бутанаев 2011 – Бутанаев В.Я. Хакаские этнонимы древнетюркской эпохи // Мир Евразии. – 2011. – №3 (14). – С. 15-18.
- Гордлевский 1968 – Гордлевский В.А. Избранные сочинения. – М.: Издательство восточной литературы, 1968. Этнография, история востоковедения, рецензии. Т. 4. – 611 с.
- Гукетлова, Кетенчиев 2014 – Гукетлова Ф.Н., Кетенчиев М.Б. Зоолексема «лошадь» и ее концептосфера в разноструктурных языках // Взаимодействие языка и культуры: проблемы лингвистики и литературоведения. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 50-76.
- Гулиева (Занукоева) 2019 – Гулиева (Занукоева) Ф.Х. О разграничении карачаево-балкарских волшебных и анималистических сказок // Вопросы Кавказской филологии. – 2019. – № 12. – С. 158-164.
- Джуртубаев 1991 – Джуртубаев М.Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 256 с.
- ДТС 1969 – Древнетюркский словарь / сост. Т.А. Боровкова, Л.В. Дмитриева, А.А. Зырин и др. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1969. – 676 с.
- Кетенчиев 2015 – Кетенчиев М.Б. Зоолексеммы как репрезентанты карачаево-балкарской языковой картины мира // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. – 2015. – № 16. – С. 623-635.
- КъМЖТА 1999 – Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула. 1-чи том (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания. Т. 1) / сост. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эльбрус, 1999. – 472 б.
- КъМЖТА 2003 – Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула. 2-чи том (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания. Т. 2) / сост. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 472 б.
- КъМФ 1996 – Къарачай-малкъар фольклор (Карачаево-балкарский фольклор) / сост. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 592 б.
- КъМФС 2022 – Къарачай-малкъар фольклорну своду. 5-чи том. Къарачайлыланы бла малкъарлыланы кёлден айтылган чыгъармачылыкларыны гитче жанрлары (Свод карачаево-балкарского фольклора. Том 5. Малые жанры фольклора карачаевцев и балкарцев) / отв. ред. Б.А. Берберов – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2022. – 412 с.
- КъНС 1963 – Къарачай нарт сёзле (Карачаевские пословицы и поговорки) / сост. С.Ч. Алиев. Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1963. – 484 с.
- МНС 1982 – Малкъар нарт сёзле (Балкарские пословицы и поговорки) / сост. А.З. Холаев. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 188 с.
- Нарты 1994 – Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / отв. ред. А.И. Алиева. – М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.», 1994. – 656 с.
- Ртвеладзе 1976 – Ртвеладзе Э.В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. – Грозный, 1976. Т. IV. – С. 103-128.
- Севортян 1978 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б»). – М.: Наука, 1978. – 349 с.
- Серебрякова 1979 – Серебрякова М.Н. Семья и семейная обрядность в турецкой деревне (новейшее время). – М.: Наука, 1979. – 168 с.
- Текуев 2017 – Текуев М.М. Карачаево-балкарские зоофорные имена: мотивационно-номинативные признаки // Язык: история и современность. – 2017. – №2. – С. 112-127.
- Текуев и др. 2019 – Текуев М.М., Хуболов С.М., Мизиев А.М. Многословные топонимы с зоонимической основой в карачаево-балкарском языке и их лексико-грамматическая характеристика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – № 2. – С. 230-234. DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.50.
- Тургунбаева 2021 – Тургунбаева А.С. О проблеме формирования основных этапов этногенеза кыргызов в исследованиях Н.А. Аристовой // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. – 2021. – Т. 21. – № 2. – С. 58-62.

Хапаев, Хапаева 2022 – *Хапаев Б.А., Хапаева А.Б.* Этимологический словарь названий лекарственных растений (с карачаево-балкарскими фитонимами). – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2022. – 580 с.

Хисамитдинова 2016 – Хисамитдинова Ф.Г. Мифологическая лексика башкирского языка (в этнолингвистическом освещении). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. 2016. – 400 с.

Шаваева 2011 – *Шаваева Ш.А.* Зоонимическая лексика карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ. 2011. – 114 с.

Шахмырзаланы С. 2002 – Шахмырзаланы С. Къая къызы – къарылгъач: назмула, поэма. – Нальчик: Эльбрус, 2002. – 208 б.

Bolatova et al. 2019 – *Bolatova A., Uzdenova F., Kerimova R.* Totem beliefs in Karachay-Balkar folklore and literature // *Journal of History Culture and Art Research*. – 2019. – Vol. 8. – №1. – P. 223-227. DOI: 10.7596/taksad.v8i1.2057.

REFERENCES

APPOEV A.K. *Jetnograficheskaja leksika karachaevo-balkarskogo jazyka*. [Ethnographic vocabulary of the Karachay-Balkar language]. Nal'chik. 2004. – 118 p. (In Russ.)

AKHMATOVA M.A. *Oblik geroya v karachaevo-balkarskom nartskom epose* [The appearance of a hero in the Karachay-Balkar Nart epic]. IN: Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. – 2010. – № 12. – P. 143-146. (In Russ.)

BERBEROV B.A. *Opreделение zoomorfnykh obrazov v karachaevo-balkarskikh poslovitsakh i pogovorkakh s ispol'zovaniem elementov chastotnogo analiza* [Determination of zoomorphic images in Karachay-Balkar proverbs and sayings using elements of frequency analysis]. IN: Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika. – 2023. – T. 15. – № 2. – P. 288-306. DOI: 10.21638/spbu13.2023.205. (In Russ.)

BOLATOVA A., UZDENOVA F., KERIMOVA R. Totem beliefs in Karachay-Balkar folklore and literature. IN: *Journal of History Culture and Art Research*. – 2019. – Vol. 8. – №1. – P. 223-227. (In Engl.)

BUTANAEV V.YA. *Khakasskie etnonimy drevnetyurkskoi epokhi* [Khakass ethnonyms of the ancient Turkic era]. IN: Mir Evrazii. – 2011. – №3 (14). – P. 15-18. (In Russ.)

GORDLEVSKII V.A. *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. – М.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1968. Etnografiya, istoriya vostokovedeniya, retsenzii. T. 4. – 611 p. (In Russ.)

GUKETLOVA F.N., KETENCHIEV M.B. *Zooleksema «loshad'» i ee kontseptosfera v raznostrukturnykh yazykakh* [The zoolexeme “horse” and its concept sphere in differently structured languages]. IN: Vzaimodeistvie yazyka i kul'tury: problemy lingvistiki i literaturovedeniya. – Tambov: Tambovskii gosudarstvennyi universitet im. G.R. Derzhavina, 2014. – P. 50-76. EDN: XRRWJB. (In Russ.)

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.KH. *O razgranichenii karachaevo-balkarskikh volshebnykh i animalisticheskikh skazok* [On the differentiation of Karachay-Balkarian magical and animalistic fairy tales]. IN: *Voprosy Kavkazskoi filologii*. – 2019. – № 12. – P. 158-164. (In Russ.)

DZHURTUBAEV M.CH. *Drevnie verovaniya balkartsev i karachaevtsev* [Ancient beliefs of the Balkars and Karachais]. – Nal'chik: El'brus, 1991. – 256 p. (In Russ.)

Drevnetyurkskii slovar' [Ancient Turkic dictionary] / Compiled by T.A. Borovkova, L.V. Dmitrieva, A.A. Zyrin i dr. – L.: Nauka. Leningradskoe otделение, 1969. – 676 p. (In Russ.)

KETENCHIEV M.B. *Zooleksemy kak reprezentanty karachaevo-balkarskoi yazykovoi kartiny mira* [Zoolexems as representatives of the Karachay-Balkar linguistic worldview]. IN: *Motif Akademii Halkbilimi Dergisi*. – 2015. – № 16. – P. 623-635. (In Russ.)

K"arachai nart sezle [Karachai proverbs and sayings] / Compiled by S.C. Aliyev. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. – 484 p. (In Karach.-Balk.)

K"arachai-malk"ar fol'klor [Karachay-Balkar folklore] / Compiled by T.M. Khadzheva. – Nal'chik: El'-Fa, 1996. – 592 p. (In Karach.-Balk.)

K"arachai-malk"ar zhomak"la, taurukhla, aityula. 1-chi tom (Karachaevo-balkarskie skazki, legendy, predaniya. T. 1) [Karachay-malkar zhomakla, taurukhla, aityula. Volume 1 (Karachay-

Balkar tales, legends, traditions. Vol. 1)] / Compiled by T.M. Khadzhieva. – Nal'chik: El'brus, 1999. – 472 b. (In Karach.-Balk.)

K"arachai-malk"ar zhomak"la, taurukhla, aityula. 2-chi tom (Karachaevo-balkarskie skazki, legendy, predaniya. T. 2) [Karachay-malkar zhomakla, taurukhla, aityula. Volume 2 (Karachay-Balkar tales, legends, traditions. Vol. 2)] / Compiled by T.M. Khadzhieva. – Nal'chik: El'-Fa, 2003. – 472 b. (In Karach.-Balk.)

K"arachai-malk"ar fol'klornu svodu. 5-chi tom. K"arachailylany bla malk"arlylany kelden aitylg"an chyg"armachylyk"laryny gitche zhanrlary (Svod karachaevo-balkarskogo fol'klora. Tom 5. Maliye zhanry fol'klora karachaevtsev i balkartsev) [Learning Karachay-Malkar folklore. Volume 5. Genres of works sung by Karachaylilan and Malkarlilan (Svod Karachaevo-Balkarskogo folklore. Vol. 5. Maliye genre folklore Karachaevtsev and Balkartsev)] / Executive editor B.A. Berberov – Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2022. – 412 p. (In Karach.-Balk.)

Malk"ar nart sezle [Balkarian proverbs and sayings] / Compiled by A.Z. Kholaev. – Nal'chik: El'brus, 1982. – 188 p. (In Karach.-Balk.)

Narty. Geroicheskij epos balkarcev i karachaevtsev [Narts. The heroic epos of balkarians and karachais] / Executive editor A.I. Alieva. – Moscow: Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura», 1994. – 656 p. (In Karach.-Balk. and in Russ.)

RTVELADZE E.V. *O pokhode Timura na Severnyi Kavkaz* [About Timur's campaign in the North Caucasus]. IN: *Arkheologo-etnograficheskii sbornik*. – Grozny, 1976. T. IV. – P. 103-128. (In Russ.)

SEVORTYAN E.V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu «B»)* [Etymological dictionary of Turkic languages (Common-Turkic and inter-Turkic bases starting with the letter “B”)]. – M.: Nauka, 1978. – 349 p. (In Russ.)

SEREBRYAKOVA M.N. *Sem'ya i semeinaya obryadnost' v turetskoi derevne (noveishee vremya)* [Family and family rituals in a Turkish village (modern times)]. – M.: Nauka, 1979. – 168 p. (In Russ.)

TEKUEV M.M. *Karachaevo-balkarskie zoofornye imena: motivatsionno-nominativnye priznaki* [Karachay-Balkarian zoophoric names: motivational and nominative features]. IN: *Yazyk: istoriya i sovremennost'*. – 2017. – №2. – P. 112-127. (In Russ.)

TEKUEV M.M., KHUBOLOV S.M., MIZIEV A.M. *Mnogoslovnnye toponimy s zoonimicheskoi osnovoi v karachaevo-balkarskom yazyke i ikh leksiko-grammaticheskaya kharakteristika* [Verbose toponyms with a zoonymic basis in the Karachay-Balkar language and their lexicogrammatical characteristics]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2019. – T. 12. – № 2. – P. 230-234. DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.50. (In Russ.)

TURGUNBAEVA A.S. *O probleme formirovaniya osnovnykh etapov etnogeneza kyrgyzov v issledovaniyakh N.A. Aristova* [On the problem of the formation of the main stages of ethnogenesis of the Kyrgyz in the studies of N.A. Aristova]. IN: *Vestnik Kyrgyzsko-rossiiskogo slavyanskogo universiteta*. – 2021. – T. 21. – № 2. – P. 58-62. (In Russ.)

KHAPAEV B.A., KHAPAEVA A.B. *Etimologicheskii slovar' nazvanii lekarstvennykh rastenii (s karachaevo-balkarskimi fitonimami)* [Etymological dictionary of names of medicinal plants (with Karachay-Balkar phytonyms)]. – M.: Izdatel'skii dom Akademii Estestvoznaniya, 2022. – 580 p. (In Russ.)

KHISAMITDINOVA F.G. *Mifologicheskaya leksika bashkirskogo yazyka (v etnolingvisticheskom osveshchenii)* [Mythological vocabulary of the Bashkir language (in ethnolinguistic light)]. – Ufa: IYAL UNTs RAN. 2016. – 400 p.

SHAVAEVA SH.A. *Zoonimicheskaya leksika karachaevo-balkarskogo yazyka* [Zoonymic vocabulary of the Karachay-Balkar language]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2011. – 114 p. (In Russ.)

SHAKHMYRZALANY S. *K"aya k"yzy – k"arylg"ach: nazmula, poema* [The girl of the rock – after reading: poems, a poem]. – Nal'chik: El'brus, 2002. – 208 b. (In Karach.-Balk.)

Информация об авторах

М.Б. Кетенчиев – доктор филологических наук.

А.К. Аппоев – кандидат филологических наук.

А.М. Мизиев – доктор филологических наук.

Information about the authors

M.B. Ketenchiev – Doctor of Science (Philology).

A.K. Appoev – Candidate of Science (Philology).

A.M. Miziev – Doctor of Science (Philology).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.04.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 05.04.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Научная статья
УДК 81.11
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-424-433
EDN: TWIHNS

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ В КАБАРДИНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Марина Чафленовна Кремшокалова¹, Руслан Хаталиевич Урусов²

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия

¹ marina_kremshokalova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5613-6730>

² urkbr07@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается особенность реализации процессуального кода в кабардинских пословицах и поговорках. Обращается внимание на то, что в лингвистических исследованиях наиболее изученным является предметный код, что позволяет отразить многие понятия, значимые в аксиологии народа. В связи с отсутствием исследований по процессуальным кодам культуры обосновывается необходимость введения в научное поле данных символических репрезентантов. Целью исследования является выявление семиотических элементов кабардинских паремий, маркирующих ценностные представления носителей языка. Научная новизна состоит в представлении механизмов кодирования этноментальных парадигм гносеологии, в отражении глубинных структур сознания через слова, связанные с важнейшими глаголами действий. В результате исследования выявлены наиболее частотные слова, проецирующие культурные доминанты, и представлена их семантическая классификация.

Ключевые слова: код культуры, процессуальный код, пословицы и поговорки, аксиология, культурные смыслы.

Для цитирования: Кремшокалова М.Ч., Урусов Р.Х. Процессуальный код культуры в кабардинских пословицах и поговорках // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 424-433. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-424-433. EDN: TWIHNS.

© Кремшокалова М.Ч., Урусов Р.Х., 2024

Original article

THE PROCEDURAL CODE OF CULTURE IN KABARDIAN PROVERBS AND SAYINGS

Marina Ch. Kremshokalova¹, Ruslan Kh. Urusov²

^{1,2} Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia

¹ marina_kremshokalova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5613-6730>

² urkbr07@mail.ru

Abstract. The article examines the peculiarity of the implementation of the procedural code in Kabardian proverbs and sayings. The subject code is the most explored in linguistic study, allowing us to reflect on numerous ideas that are important in people's axiology. Due to the lack of re-

search on the procedural codes of culture, the necessity of introducing these symbolic representations into the scientific field is justified. The aim of the study is to identify the semiotic elements of Kabardian paroemias that mark the value representations of native speakers. The scientific novelty consists in presenting the mechanisms of encoding the ethnomental paradigms of epistemology, in reflecting the deep structures of consciousness through words associated with the most important verbs of action. As a result of the study, the most frequent words projecting cultural dominants are identified and their semantic classification is presented.

Keywords: cultural code, procedural code, proverbs and sayings, axiology, cultural meanings.

For citation: Kremshokalova M.Ch., Urusov R.Kh. The procedural code of culture in kabardian proverbs and sayings. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 424-433. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-424-433. EDN: TWIHNS.

© Kremshokalova M.Ch., Urusov R.Kh., 2024

Введение

Вопросы, касающиеся особенностей репрезентации культурных смыслов, находятся в сфере лингвистических исследований последних десятилетий. Следует отметить, что понятия «языковая картина мира», «концептуальная картина мира», «культурные концепты» встречаются чуть ли не в каждой работе, так или иначе направленной на исследование языка с концептуальной, лингвокультурологической или этнолингвистической точек зрения. В этом направлении наука сделала большие шаги, способствующие представлению и осмыслению культурных доминант, репрезентируемых языковыми единицами. Но вместе с тем языковые ресурсы настолько богаты, что многое в них требует тщательного анализа еще не одно десятилетие или столетие. На наш взгляд, к таким сложным вопросам относятся механизмы кодирования и декодирования смыслов через языковые знаки.

Актуальность исследования кодов культуры, представленных в языке, как нам видится, состоит в том, что каждый язык вырабатывает свой механизм фиксации и шифровки знания, информации, имеет специфику реализации их в языковых материалах. Носители языка могут не только понимать, расшифровывать смыслы в разных видах текстов, но и сохранять, передавать через века алгоритмы трансляции аксиологических доминант культуры. Особенно важно изучение кодировки смыслов в устойчивых сочетаниях, в данном случае – пословицах и поговорках, так как именно они обладают устойчивым характером функционирования, стандартизованностью и воспроизводимостью. Во многом национальные специфические культурные смыслы в пословицах наиболее наглядны, поэтому к ним часто обращаются лингвисты.

Теоретическую базу исследования представляют работы Р. Барта [Барт 1994], Т.Г. Бочиной [Бочина 2003], Л.Ю. Буяновой [Буянова 2014], Д.Б. Гудкова [Гудков, Ковшова 2007], Ф.Н. Гукетловой [Гукетлова 2009], В.И. Карасика [Карасик 2013], М.Л. Ковшовой [Ковшова 2019], В.В. Красных [Красных 2001; Красных 2013], Ю.М. Лотмана [Лотман 2001], Г.Л. Пермякова [Пермяков 1970], Л.Б. Савенковой [Савенкова 2002], В.Н. Телия [Телия 1999] и некоторых других авторов, чьи взгляды ориентированы на выявление кодовых механизмов репрезентации культурных ценностей.

Обсуждение

В современных гуманитарных исследованиях широко применяется термин «код», который близок или эквивалентен термину «знаковая система». Поскольку понятие взято из семиотики, то в некоторых контекстах приходится уточнять, что именно нужно понимать под «кодом». По мнению Ю.М. Лотмана, знаковые системы многообразны, они включают первичные (как, например, генетический код) и вторичные (образные) кодовые элементы [Лотман 2001]. Отдельно многими авторами рассматриваются коды языка и культуры. Так, Р. Барт понимает коды культуры как «сгустки культурного опыта коллектива, фрагменты памяти культуры, культурные тенденции или мотивы, культурные прецеденты, приобретшие сконцентрированный, парадигматический и иконический характер, и, как следствие, ставшие знаковыми системами, служащими моделями для осмысления явлений культуры, природы и бытия в целом» [Барт 1994: 284].

В рамках нашего исследования рассмотрение кода предполагает наличие языкового знака (язык сам по себе семиотичен в принципе), способного быть символическим репрезентантом семантического компонента. В таком представлении следует иметь в виду, что есть компонент плана содержания, который кодируется компонентом плана выражения. В применении к элементам языка можно говорить о том, что в языке кодируется информация, которая требует раскодировки со стороны получателя текста. Вполне уместно здесь напомнить мнение В.И. Карасика о том, что «лингвосемиотические модели представляют собой объяснительные схемы соотношения языкового знака с внеязыковой реальностью и человеком как интерпретатором этой реальности» [Карасик 2013: 15]. Такая процедура моделирования, безусловно, работает в каждом языке, так как языковые элементы, номинирующие денотаты и сигнификаты реальных, выступают как сложные образования, требующие процедуры интерпретации.

Как нам видится, в процессе кодирования и декодирования языкового знака важно совпадение языковой картины мира, ее ценностных доминант, иначе может сложиться ситуация непонимания или искаженного осмысления знака. Необходимо, чтобы код (знак) был универсальным репрезентантом предмета, реальности, смысла. При этом «на первый план выдвигаются прагматические характеристики знака, его многообразные отношения с интерпретатором. Важнейшей из этих характеристик является вложенная в знак программа его интерпретации, культурно-смысловой ген передаваемой переживаемой информации. Осмысливаемые таким образом знаки – символы – выступают в качестве носителей аккумулированного коллективного опыта» [Карасик 2013: 15].

При символическом анализе культуры наиболее изученными оказываются телесный, зооморфный, визуально-эстетический, фитонимический, коммуникативный, пространственный, размерный, цветовой, предметно-бытийный, природно-ландшафтный, графический, возрастной коды [Кремшюкалова и др. 2020]. Они строятся на тех константах, которые служат ключом к познанию мира и отражению знаний о нем. В пословичных картинах мира также представлены знаки, репрезентирующие философские взгляды на осознание окру-

жающего мира через элементы базовых ценностей, аккумулирующие процесс познания, осмысления и оценки, что говорит об их универсальном характере [Кремшокалова 2022: 79]. Нами также было отмечено, что лексическими репрезентантами, символическими компонентами знака служат единицы базового лексического фонда, которыми легче транслировать культурные смыслы. Их понятность, частотность и доступность обеспечивают возможность концентрировать в них множественную семантику, способную охватить все онтологические категории, значимые в системе ценностей.

Здесь стоит обратить внимание еще на одну особенность изучения в лингвистике вербализованных знаков культуры – они все имеют предметно-номинативный характер, т.е. картина мира представлена словами-кодами, именующими животных, растительный мир, части человеческого тела, пространственные ориентации и т.п. предметы, довольно редкому описанию подвергнуты некоторые единичные случаи кодировки через адъективы, более частотными из которых являются цветовые обозначения. Вместе с тем представление мира, как нам кажется, не может быть ограничено данными кодами, так как мир многообразен, полисемантичен, оценивается через действия, он процессуальный изначально. Наша позиция выстраивается на том, что гносеологические основы эмпирической концепции культуры переданы не только через чувственные, осязаемые предметы окружающего мира, но и через действия, процессы, служащие знаками-символами поступков. В анализе культурных доминант свое место должны занять коды, зафиксировавшие важнейшие аксиологические логики сквозь призму процессуальности.

Адыгская культура по своей сущности ориентирована на поведенческую модель, оценка личности идет сквозь призму его действий и поступков. Нравственный облик человека выстроен динамично, меняется с изменением поведения и в связи с совершенными поступками. При этом эталонность поведения, предполагающего соблюдение принципа «соразмерности и сообразности», заключается в пословице:

Гуицыси псалъэ, зыплыхьы тӀыс (Подумай перед тем, как сказать, осмотрись, прежде чем сесть). Смысл императивной пословицы не ограничивается говорением или принятием определенной позы – это вербальный код всех значимых действий, которые человек совершает в социуме. Безусловно, произнесение слова, т.е. любое речевое поведение в культуре весьма значимо, это важнейший определитель морального кодекса, и именно этот процесс кодирует все смыслы, заключенные в образе-знаке. Декодирование можно свести к мысли о том, что все действия человек должен совершать сознательно, обдуманно и видеть все возможные последствия.

Вера в силу слова, его значимость часто встречается в паремиологической картине мира, что можно проиллюстрировать пословицами: *Узэджэр къокӀуэ* (Что накличешь, то и придет); *Жалэр къос, ясэр къокӀ* (Что говорят, то случается (наступает), что посеют, то вырастает). Поэтому речевой кодекс рекомендует говорить меньше: *Куэдрэ далуэ, мацӀлэ Ӏуатэ* (Много слушай, мало рассказывай). При этом глагол «слушать» декодируется как процесс внимания, познания, осмысления бытия, правил поведения и взаимоотношений между людьми,

а также проявление чуткости. Здесь также уместно вспомнить еще пословицу: *Къэдалуэ, си хъыджэбз, зэхэцлыкI, си нысэ* (Слушай, моя дочь, понимай, моя сноха).

Комплекс представлений о ценности человека, его социальной значимости в адыгских пословицах вербализуется словом «*лажсьэ/ лажсьэн*», которая, по сути, кодирует все формы деятельности, направленные на реализацию личности в обществе: *Улажсьэмэ лыжсь пыхыниц, умылажсьэмэ лажсьэ бгъуэтыниц* (Кто работает – живет припеваюче (букв. мясом питается), а кто бездельничает – горя нахлебается). Семантическая связь между работой и питанием не случайна, она отражает культурные взгляды на трудовую деятельность как на инструмент удовлетворения первичных физиологических и материальных потребностей, на основании которых выстраиваются и духовные ценностные приоритеты. Гносеологические аспекты, представленные в паремиях, фокусируются на том, что по результатам труда и судят о людях: *Цыхум и луэхуцлафэ и уасэц* (Какова работа, такова и цена человека). Эта установка обязывает человека прилагать все усилия, чтобы достичь чего-то: *Узэгугъур къогугъуж* (Кто усердно трудится, тому сполна окупится); *Уи гуацIэ еплъи уи лъэр гъэбакъуэ* (Посмотри на свой труд и шагай соответственно ему).

Ценностная доминанта культуры проецируется через способность человека своим трудом позитивно менять жизнь: *Зэлуэсэм псэ хельхъэ* (К чему прикасается, одушевляет); *И лъэр цыувым псэцIэ хельхъэж* (Куда нога ступает, там новая жизнь зарождается). В них процессуальным кодом выступают глаголы *eлуэсэ* (прикасаться), *(цы)увын* (ступать) с общей семой «касаться, притрагиваться», транслирующей идею произвести какое-либо действие, в данном случае – имеющее положительное воздействие, приносящее благо людям.

Семантика результата действия передается в пословицах глаголом *къэльхун* ((по)рождать), при этом подчеркивается адекватность, соразмерность самого процесса и итога процесса: *Бжэн цынэ къильхуркъым* (Коза ягненка не рождает); *ЩхъэзыфIэфI цхъэзыфIэфI къэльху* (Самодовольный самодовольного рождает). Концепция порождения чего-либо (положительного или отрицательного) транслируется паремиями достаточно репрезентативно, при этом смысл взаимосвязанности действий, сопутствующего протеканию событий, является неотъемлемым правилом бытия: *Махуэм махуэ къэльхури, насытым насып къэльху* (День порождает день, а счастье порождает счастье).

В сознании носителя языка всякое действие имеет оценочный смысл, поэтому характерным для паремий свойством является абстрагирование обозначаемого знака и придание ему обобщенно-модального смысла. Маркированность данной семантики носит обычно отрицательную коннотацию, а вербализация направлена на концентрацию внимания и некоторую тенденцию к проекции негатива: *Псэжъыр лъхуэри емынэжъ къильхуац* (Распутница чуму родила).

Ключевым компонентом культурных смыслов можно считать воспитание, возвращение, формирование, которое в пословицах кодируется глаголами *плын, гъаихэн*: *Цыху (бын) зыпI цыху уасэ цоцIэ* (Кто воспитывает человека/ребенка, тот теряет многое). Инвариантный смысл пословицы состоит в том,

что, посвятив себя чему-то, человеку приходится отказываться от многих благ. Именно идея полной отдачи себя какому-либо делу, верности, преданности, способности жертвовать многими благами жизни закодирована в данной поговорке. Умение жить для детей, быть воспитателем, а также необходимость заботливого отношения к подрастающему поколению (детям) отражается в паремиях: *Адакърэ пэт джэдджейр егъаишэ* (Даже петух кормит своих цыплят); *Сабийр зыгъаишэр и анэщ* (Кто кормит ребенка, та и мать). В презентации смысла воспитания, заботы о детях актуализируются и другие глаголы, например, *ипхээн – къэщыпын* (разбрасывать – собирать): *Лпы гъуабэм быныр ирехъыхъ, фызабэм быныр къэщыпыж* (Вдовец детей разбрасывает, а вдова собирает).

В межпоколенной трансмиссии центральное место отводится матери, женщина является не только хранителем очага, но и воспитателем, эталоном поведения, регулятором взаимоотношений: *И анэ еплъи ипхъу къаишэ* (Посмотри на мать, прежде чем на дочери жениться); *Хамэ щлалэ бгъэуджмэ, и анэ къеджэмэ клуэжынищ* (Чужого парня обворожишь, уйдет, как мать позовет).

В социальных взаимосвязях регулируются непременно отношения старшинства, служащие константами культуры: *Жьы зимылэм флы щылэкъым* (Где нет старших, там нет и добра). *Зи нэхъыжъ едалуэ и луэху мэклуатэ* (Кто старших слушается, у того дела ладятся). В адыгской культуре важной ценностью является умение слушать, прислушиваться к мнению старших, опытных и мудрых людей, что репрезентируется глаголом *далуэн*: *Зи нэхъыжъ едалуэ и луэху мэклуатэ* (Кто старших слушается, у того дела ладятся). Терпимость (*сабыр*), выдержанность в поведении и способность мирно решать вопросы является частью культурного поведения, что свойственно старшим: *Щлэр зозауэри жьыр зочэнджэщ* (Молодые дерутся, старшие договариваются). При всей уважительности к старшим паремиологическая аксиология направлена на молодых в плане предоставления им широкой сферы деятельности: *Нэхъыжъым жьэ ет, нэхъыщлэм гъуэгу ет* (Старшему дай слово, а молодому открой дорогу); *Жьым щытхъуи щлэр къащтэ* (Похвали старого и выбери молодого); *Щлэм дежьи жьым дэишэ* (Ходи с молодыми, а ешь со старыми).

Выявленные в пословичных материалах процессуальные коды можно систематизировать по тематическим группам. Большую группу составляют глаголы, обозначающие пространственные перемещения – «позиционные глаголы» (по Е.В. Рахилиной), при этом данная группа глаголов понимается нами широко, т.е. включает не только движение самого человека, но перемещаемые им предметы: *клуэн* (ходить), *жэн* (бегать/ течь), *гъэжэн* (катить), *тлысын* (сесть), *тэджын* (встать), *утэн* (топтать):

Псыпэр здэжэм псыклэри мажэ (Куда течет начало реки, туда и направляется ее конец);

Уи япэ бгъажэ нывэм ухуозэж (Покатишь камень вперед себя, сам же об него споткнешься);

Жьыуэ тэджарэ, пасэу къэзышарэ (Благо, если рано встал и рано женился);

Узыгъэтлыс уиубыжкъым (Кто тебя посадил, тот не упрекнет);

Жэмрэ вырэ зэхуотэдж (Корова и вол друг перед другом встают);

Зи нэ имыс хьэсэ еутэ (Кто слеп, тот грядки топчет).

Безусловно, здесь у каждой пословицы есть свой инвариант значения, ими проецируются разные представления и определяются смыслы в разных сферах человеческого бытия. Мы их объединили только по процессуальным словам, служащим неким центром высказывания.

В связи с данной группой хочется отметить, что глаголы движения представлены в корпусе паремий большим количеством единиц, что можно объяснить тем, что культура направлена на динамичность человека и не терпит статики, что можно подтвердить примерами:

Хьэдэр куэдрэ щылъым мэ цоу (Если труп долго лежит, то гниет);

Луэхур куэдрэ зепхэмэ, мэлъахэ (Если дела медленно делаешь, то загубишь).

Отдельной группой можно выделить глаголы, связанные с профессиональной деятельностью, в которых нами выявлены следующие: *бзэн* (кроить), *дэн* (шить), *лъын* (точить), *тlын* (копать):

Мыбзэф и лэныстэ мэбзакъуэ (Кто не умеет кроить, у того ножницы виноваты);

Жэщырыдэ махуэрыдыхъэх (Ночью шьет, днем лясы точит);

Сэ гъущэрылърэ, фызым игъэгубжъа лlырэ (Сухим наточенный нож и женой разозленный муж (обоюдоострые));

Гъущlыр плъа щlыкlэ еуэ (Куй железо, пока горячо);

Мацэ зытl йохуэж (Кто яму роет, тот сам туда попадает).

Для пословиц характерно противопоставление действий, которые оцениваются как правильные и неправильные:

Жэм зыдыгъур мэунэху, джэд зыгъэхур мэунэ (Кто ворует коров, тот разоряется, кто разводит кур, богатеет).

Культура также делает приоритетным честный труд, реальные действия, не принимает нечестный труд и необоснованные фантазии:

Жьым кыхьыр, псым ехьыж (Что ветром принесло, то водой уносится);

Жыжъэу маплъэ, благъэу мэтlыс (Далеко глядит, да близко приземляется).

Ценностные установки, значимые для культуры, переданы в таких поступках, действиях, как умение следовать слову (честность, правдивость), проявление стойкости, принимать решения согласно логике поступка и др.:

Акъылыр жыжъэу маплъэ, нэр абы и лъагъуэ ирокlуэ (Разум далеко смотрит, глаз за ним следом идет);

Пэжыр ежъэм жыжъэ нос (Если правда в путь отправится, то далеко пойдет);

Лlы и псалъэ ещlыжыркъым (Мужчина не изменяет своим словам).

Репрезентантов процессуального кода, безусловно, значительно больше, но в рамках одной статьи их рассмотреть невозможно, но с полной уверенностью можно утверждать, что значимые для носителей кабардинского языка культурные смыслы, представленные в паремиях, находят достаточное отражение в данных текстах.

Заключение

Проведенный нами анализ пословиц и поговорок, в которых находят свое место элементы процессуального кода, является только началом исследований

в данном направлении. В статье продемонстрировано, что в пословицах и поговорках есть определенный арсенал частотных глагольных слов, в которых закодированы морально-нравственные представления. В репрезентации аксиологии активно применяются глаголы, передающие важные производственные формы деятельности (жать, сеять, кроить, шить и др.), социальные формы бытия (говорить, научить, уважать, слушаться и др.), а также глаголы пространственных перемещений. В передаче ценностных представлений принимают участие многие глаголы движения, мысли, которые могут стоять в разных формах времени, что подчеркивает динамичный характер данных кодовых элементов, рассматриваемых в рамках фразовых конструкций. Процессуальные репрезентанты отражают также разнонаправленность и поливалентность адыгской картины мира. Таким образом, исследование процессуального кода позволит выявить важнейшие доминанты культуры народа, ментальные сущности, а также особенности этнокультурного пространства. Безусловно, данное направление исследования требует более тщательной проработки, поскольку может приоткрыть особенности этносемиотики культуры.

Перспектива исследования видится в более расширенном изучении семантических групп глаголов, символически репрезентирующих ментальные особенности народа, его доминантные культурные смыслы, а также в рассмотрении реализации данного кода в других малых жанрах адыгского фольклора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт 1994 – *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. – Москва: Прогресс: Универс, 1994. – 615 с.
- Бочина 2003 – *Бочина Т.Г.* Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. – Казань, 2003. – 449 с.
- Буянова 2014 – *Буянова Л.Ю.* Русские пословицы и поговорки как этнокультурные константы: ментально-аксиологический аспект // Вестник НовГУ. – 2014. – № 77. – С. 60-62.
- Гукетлова 2009 – *Гукетлова Ф.Н.* Зооморфный код культуры в языковой картине мира: на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков: автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 2009. – 47 с.
- Гутова 2016 – *Гутова Л.А.* Адыгские пословицы и поговорки. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2016. – 364 с.
- Гудков, Ковшова 2007 – *Гудков Д.Б., Ковшова М.Л.* Телесный код культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 285 с.
- Карасик 2013 – *Карасик В.И.* Языковая матрица культуры. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
- Ковшова 2019 – *Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 400 с.
- Красных 2001 – *Красных В.В.* Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. – М.: МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 5-19.
- Красных 2013 – *Красных В.В.* Потяни за ниточку – клубок и разматывается... (к вопросу о предметном коде культуры) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей, посвященных памяти В.Н. Телия. – Вып. 46. – М.: МАКС Пресс, 2013. – С. 58-66.
- Кремшокалова и др. 2020 – *Кремшокалова М.Ч., Чепракова Т.А., Шибзухова И.Р.* Культурные коды как аксиологические репрезентанты концепта ЛЮБОВЬ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Том. 13. – Выпуск 7. – С. 251-255.
- Кремшокалова 2022 – *Кремшокалова М.Ч.* Культурные коды в паремиологии // Язык: история и современность. – № 1. – 2022. – С. 76-82.

Кремшોકалова и др. 2022 – *Кремшોકалова М.Ч., Гелястанова А.Л., Урусов Р.Х.* Процессуальный код как когнитивный механизм паремиологической картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – Выпуск 12 (138). – С. 4018-4022.

Лотман 2001 – *Лотман Ю.М.* Семиосфера. Культура и взрыв среди мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки. – СПб., 2001. – 704 с.

Пермяков 1970 – *Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). – М., 1970. – 240 с.

Савенкова 2002 – *Савенкова Л.Б.* Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 240 с.

Телия 1999 – *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 13-24.

REFERENCES

BART R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]: Per. s fr. – Moskva: Progress: Univers, 1994. – 615 p. (In Russ.).

BOCHINA T.G. *Kontrast kak lingvokognitivnyi printsip russkoi posloviцы* [Contrast as a linguocognitive principle of the Russian proverb]: dis. ... dokt. filol. nauk: 10.02.01. – Kazan', 2003. – 449 p. (In Russ.).

BUYANOVA L.YU. *Russkie posloviцы i pogovorki kak etnokul'turnye konstanty: mental'no-aksiologicheskii aspekt* [Russian proverbs and sayings as ethnocultural constants: a mental and axiological aspect]. In: Vestnik NovGU. – 2014. – № 77. – P. 60-62. (In Russ.).

GUDKOV D.B., KOVSHOVA M.L. *Telesnyi kod kul'tury: materialy k slovaryu* [The body code of culture: materials for the dictionary]. – M.: Gnozis, 2007. – 285 p. (In Russ.).

GUKETLOVA F.N. *Zoomorfnyi kod kul'tury v yazykovoй kartine mira: na materiale frantsuzskogo, kabardino-cherkesskogo i russkogo yazykov* [Zoomorphic code of culture in the linguistic picture of the world: based on the material of French, Kabardino-Circassian and Russian languages]: avtoref. dis. ... doktora filol. nauk. M., 2009. – 47 p. (In Russ.).

GUTOVA L.A. *Adygskie posloviцы i pogovorki* [Adyghe proverbs and sayings]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2016. – 364 p. (In Russ.).

KARASIK V.I. *Yazykovaya matritsa kul'tury* [The linguistic matrix of culture]. – M.: Gnozis, 2013. – 320 p. (In Russ.).

KOVSHOVA M.L. *Lingvokul'turologicheskii analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok: Antroponimicheskii kod kul'tury* [Linguistic and cultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings: The Anthroponymic code of culture]. – M.: LENAND, 2019. – 400 p. (In Russ.).

KRASNYKH V.V. *Kody i etalony kul'tury (priglasenie k razgovoru)* [Codes and standards of culture (an invitation to a conversation)]. In: Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sbornik statei. – M.: MAKS Press, 2001. – Vyp. 19. – P. 5-19. (In Russ.).

KRASNYKH V.V. *Potyani za nitochku – klubok i razmotaetsya... (k voprosu o predmetnom kode kul'tury)* [Pull a thread – a tangle and it will unwind ... (to the question of the subject code of culture)]. In: Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sb. statei, posvyashchennykh pamyati V.N. Teliya. – Vyp. 46. – M.: MAKS Press, 2013. – P. 58-66. (In Russ.).

KREMSHOKALOVA M.CH. *Kul'turnye kody v paremiologii* [Cultural codes in paremiology]. In: Yazyk: istoriya i sovremennost'. – № 1. – 2022. – P. 76-82. (In Russ.).

KREMSHOKALOVA M.CH., CHEPRAKOVA T.A., SHIBZUKHOVA I.R. *Kul'turnye kody kak aksiologicheskie reprezentanty kontsepta LYuBOV'* [Cultural codes as axiological representatives of the concept of LOVE]. In: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2020. – Tom. 13. – Vypusk 7. – P. 251-255. (In Russ.).

KREMSHOKALOVA M.CH., GELYASTANOVA A.L., URUSOV R.KH. *Protsessual'nyi kod kak kognitivnyi mekhanizm paremiologicheskoi kartiny mira* [The procedural code as a cognitive mechanism of the paremiological picture of the world]. In: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2022. – Т. 15. – Vypusk 12 (138). – P. 4018-4022. (In Russ.).

LOTMAN YU.M. *Semiosfera. Kul'tura i vzryv sredi myslyashchikh mirov: Stat'i. Issledovaniya. Zametki* [Culture and explosion among Thinking Worlds: Articles. Researches. Notes]. – SPb., 2001. – 704 p. (In Russ.).

PERMYAKOV G.L. *Ot pogovorki do skazki (Zametki po obshchei teorii klishe)* [From a Saying to a fairy Tale (Notes on the General theory of cliches)]. – M., 1970. – 240 p. (In Russ.).

SAVENKOVA L.B. *Russkaya paremiologiya: semanticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian Paremiology: semantic and Linguocultural Aspects]. – Rostov n/D: Izd-vo Rost. un-ta, 2002. – 240 p. (In Russ.).

TELIYA V.N. *Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury* [The primary tasks and methodological problems of the study of the phraseological composition of language in the context of culture]. In: *Frazeologiya v kontekste kul'tury*. – M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. – P. 13-24. (In Russ.).

Информация об авторах

М.Ч. Кремшокалова – доктор филологических наук, доцент.

Р.Х. Урусов – старший преподаватель.

Information about the author

M.Ch. Kremshokalova – Doctor of Science (Philology), Associate Professor.

R.Kh. Urusov – senior lecturer.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.05.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 30.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Научная статья
УДК 81
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-434-445
EDN: YOZOVK

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОИЗВЕДЕНИЙ РАСУЛА ГАМЗАТОВА

Руганият Атаковна Мусаева

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Дагестанский филиал), Махачкала, Россия, rukhani@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8220-8096>

Аннотация. В статье рассматривается ономастическое пространство поэзии выдающегося поэта XX века Расула Гамзатова. Данное исследование раскрывает роль собственных имён в творчестве поэта, раскрывает значение онимов в реализации творческого замысла произведений, в отражении индивидуально-авторской картины мира. В статье проведена классификация собственных имён по семантическим и структурным разрядам. Проведён анализ онимов и определено их место в системе «ядро-периферия» ономастического поля. В ономастическом пространстве произведений Расула Гамзатова удалось выявить следующие виды онимов, которые можно отнести к паратекстуальным: название, заглавие, эпиграф, посвящение. В ходе анализа ономастического пространства удалось установить, что имена собственные, интертекстуальные и паратекстуальные, играют важную и органичную роль в стилистической системе текстов автора, поскольку, обладая богатством смысловых связей, сложных ассоциаций и коннотаций, способствуют формированию общей образности произведений Расула Гамзатова.

Ключевые слова: литературная ономастика, ономастическое пространство, антропонимы, топонимы, интертекстуальные онимы, паратекстуальные онимы.

Для цитирования: Мусаева Р.А. Ономастическое пространство произведений Расула Гамзатова // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 434-445. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-434-445. EDN: YOZOVK.

© Мусаева Р.А., 2024

Original article

ONOMASTIC SPACE OF RASUL GAMZATOV'S WORKS

Ruganiyat A. Musayeva

A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (Dagestan branch), Makhachkala, Russia, rukhani@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8220-8096>

Abstract. The article examines the onomastic space of poetry by the outstanding poet of the 20th century Rasul Gamzatov. This study reveals the role of proper names in the poet's work, reflects the importance of onyms in the realization of the creative idea of the works, in reflecting the individual author's picture of the world. The article classifies proper names according to semantic and structural categories. The analysis of onyms is conducted and their place in the "core-periphery" system of the onomastic field is determined. In the onomastic space of the works of the

author under study, it was possible to identify the following types of onyms that can be classified as paratextual: designation, title, epigraph, dedication. During the analysis of the onomastic space, it was established that proper names, both intertextual and paratextual, play an important and organic role in the stylistic system of the author's texts, since, possessing a wealth of semantic connections, complex associations and connotations, contribute to the formation of the general imagery of Rasul Gamzatov's works.

Keywords: Literary onomastics, onomastic space, anthroponyms, toponyms, intertextual onyms, paratextual onyms.

For citation: Musayeva R.A. Onomastic space of Rasul Gamzatov's works. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 434-445. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-434-445. EDN: YOZOVK.

© Musayeva R.A., 2024

На современном этапе развития лингвистики учёными делается акцент на исследования, связанные с функционированием «языка в его действии». В связи с этим большую популярность набирают исследования, связанные с поэтикой текста или литературной ономастикой. В дальнейшем в нашей статье мы будем придерживаться термина «литературная ономастика».

Литературная ономастика как отдельная отрасль науки возникла относительно недавно. Вследствие этого возникает необходимость определить предмет, задачи, место литературной ономастики в современной лингвистической и общенаучной парадигме, определить границы, терминологию и внутреннюю структуру развивающейся науки.

На современном этапе развитие литературной ономастики характеризуется разнообразием подходов и направлений. Ряд учёных [Булгаков 1998; Лосев 1993; Флоренский 1990] рассматривают имя собственное по отношению к другим философским категориям и традиционной философской проблематике. Другие учёные [Руденко 1990, Сватко 1993] анализируют имена собственные в парадигме логических категорий. Третья группа исследователей [Магазаник 1971, Васильева 2009, Белов 2014], выбирает при изучении имён собственных в художественном тексте традиционную литературоведческую методологию, четвёртая группа [Фонякова 1990; Михайлов 1981; Васильева 2014] рассматривает имена собственные, выбирая лингвистическую направленность. Это обусловлено тем, что предметом изучения литературной ономастики является многоаспектное и специфическое явление – языковая единица в литературно-художественной коммуникации. Все эти исследования способствуют обогащению литературной ономастики свежими идеями и концепциями и взгляду на предмет её изучения под новым углом.

Исследователь Ю.В. Барковская, в частности, приходит к выводу: «Писатель использует не только реальные исторические, географические, астрономические и другие имена собственные, обозначающие личностные, временные и пространственные вехи, но и создает, пополняя художественное пространство, так называемыми «литературными именами» – вымышленными единицами, тем не менее, принадлежащими его ономастикону» [Барковская 2005: 7].

Литературная ономастика, как и ономастика в целом, в течение долгого времени не была предметом изучения в дагестанском языкознании. Лингвистическому анализу имён собственных в художественных текстах до второй половины XX в. не было посвящено специальных исследований. Одной из первых работ в дагестанском языкознании, в которых освещены вопросы функционирования онимов в художественных текстах, является статья Т.Ю. Султановой «Антропонимы в повестях А. Абу-Бакара», опубликованная в 1997 г. [Султанова 1997].

Объектом исследования кандидатской диссертации С.Х. Гасановой «Топонимия в дагестанской русскоязычной (оригинальной и переводной) художественной литературе» [Гасанова 2003] стали более трех тысяч топонимов, собранных из оригинальных художественных произведений и их переводов на русский язык. В данной работе автором определяются структурно-семантические типы дагестанских топонимов в художественных текстах, принята семантико-тематическая и структурная классификация, определена стилистическая роль онимов в текстах художественной литературы.

Исследования онимов в художественных текстах на даргинском языке проводит М.Р. Багомедов. В своей работе «Ономастикон рукописи Магомедшапигаджи Меусишинского «Шейх Мухаммад из Мега» [Багомедов 2007: 157] автор поднимает проблему перевода и транслитерации онимов. В работе «Онимы в даргинской художественной литературе», опубликованной в 2008 г., Багомедов обращается к проблемам функционирования собственных имён в даргинской литературе на материале творчества писателя Расула Багомедова [Багомедов 2008: 174].

В последние годы внимание к литературной ономастике заметно усилилось. Однако нужно отметить, что этот интерес наблюдается только со стороны исследователей-лингвистов, которые занимаются изучением дагестанской ономастики в целом. Среди исследований и публикаций, вышедших в свет в течение последних лет, можно выделить работы М.Р. Багомедова в соавторстве с А.Р. Рабадановой «Ономастикон даргинской детской литературы» [Багомедов, Рабаданова 2020а: 476]. В данной работе освещена проблема функционирования онимов в детской художественной литературе. Авторы в статье опираются на материал произведений Расула Багомедова. В другой работе «Ономастическое пространство творчества Р.М. Рашидова» [Багомедов, Рабаданова 2020б: 23] авторы уделили значительное внимание анализу структурно-семантических особенностей, языковой принадлежности антропонимов в произведениях даргинского писателя Рашида Рашидова. Подводя итоги исследования данного вопроса в дагестанской ономастике, авторы делают выводы о недостаточной изученности проблемы не только в даргинском, но и в общем дагестанском языкознании.

К функционированию онимов в творчестве дагестанских поэтов и писателей также обращается в своих исследованиях лингвист Р.А. Мусаева. В таких работах исследователя, как «Ономастическая лексика в поэзии Ирчи Казака» [Мусаева 2014: 110], «Ономастическое пространство поэзии Бадрутдина Маго-

медова» [Мусаева 2021: 32], определена роль имен собственных в творчестве дагестанских авторов.

Анализ научной литературы, посвящённой данной теме, позволил выявить недостаточную разработанность этой проблемы.

Ономастика в литературных произведениях представляет собой обширную область исследования, которая охватывает различные аспекты литературного творчества. Исследование ономастикона в литературных произведениях является важным инструментом для понимания различных сторон литературного творчества. Оно позволяет углубиться в стилистику, идейно-художественное содержание и творческий процесс автора.

Говоря о важности и актуальности изучения вопроса, исследователь К.Б. Жогина отмечает: «Имя собственное, становясь материалом поэзии, играет особую роль – становится точкой отсчета при актуализации гармонии поэтического текста» [Жогина 1997: 2].

Расул Гамзатов является одним из ярких представителей российской и мировой литературы XX в. Общероссийское и мировое значение творчества поэта было отмечено на государственном уровне тем, что 2023 г. был объявлен Президентом РФ Годом Расула Гамзатова. Исследователями на данный момент проведено немало исследований, связанных с анализом основных тематических групп его поэзии, выявлению жанрового своеобразия, художественных особенностей. Исследованию языка и стиля произведений Расула Гамзатова также посвящено достаточное количество работ. Но вместе с тем специфика функционирования имён собственных в произведениях поэта, их роль в идиостиле автора не являлась предметом отдельного изучения. В связи с этим **научная новизна** работы заключается в следующем:

- в работе впервые в дагестанском языкознании проводится попытка системного анализа ономастического пространства произведений Расула Гамзатова;
- проведена проекция семантической значимости имени на другие элементы текста и взаимодействие с ними;
- выявлена способность онимов участвовать в темпоральной и локальной организации художественных текстов;
- проанализирована историко-культурная обусловленность имён собственных в произведениях Расула Гамзатова.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью систематизировать собственные имена в творчестве поэта и проанализировать их роль в определении эстетических и идеологических особенностей произведений.

Целью данного исследования является выявление специфики функционирования имен собственных в творчестве Расула Гамзатова.

Достижение данной цели предполагает решение следующих **задач**:

- дать целостное представление о системе имён собственных в творчестве Расула Гамзатова;
- выделить функции имён собственных в текстах произведений;
- проанализировать онимы с позиции соотнесенности их с биографией поэта;
- исследовать онимы в историко-культурном аспекте;
- проанализировать структурно-семантические группы онимов.

В ономастических исследованиях художественной культуры принято деление ономастических единиц на ономастику узуальную (общепринятую) и окказиональную (случайную, придуманную самим автором). Если рассматривать ономастическое пространство произведений Расула Гамзатова с точки зрения этой классификации, то можно сказать, что в поэтическом наследии автора преобладает узуальная ономастика.

Нам удалось установить, что в более ранних произведениях Расула Гамзатова читатели встречаются с топонимами, антропонимами и онимами, которые можно отнести к региональной, дагестанской. Уже в более поздние периоды творчества мы находим в произведениях собственные имена, выходящие далеко за пределы региона, ономастическое пространство произведений расширяется. Это позволяет сделать вывод о том, что происходит эволюция в мировоззрении поэта. Поэзия Расула Гамзатова начинает приобретать общероссийское, мировое значение.

В произведениях Расула Гамзатова нам удалось выделить такие объекты ономастического пространства, как антропонимы, топонимы, этнонимы, теонимы, идеонимы.

Анализ представленных единиц ономастического пространства позволил выявить, что в количественном отношении в произведениях Расула Гамзатова преобладают **антропонимы**. Удалось установить личные имена, которые представлены следующими семантическими типами:

1) антропонимы – имена и фамилии реальных исторических личностей: Шамиль, Хаджи-Мурат, Надир-шах, Иван Грозный, Мирзо Турсун-заде, Ирчи Казак, Хафиз, Омар Хайям, Шекспир, Проспер Мериме, Моцарт, Сальери, Игорь Моисеев, Ираклий Великий, Корней Иванович Чуковский, Рабиндранат Тагор, Индира Ганди, Максим Горький, Зощенко, Махмуд из Кахаб Росо, Батырай, Мустай Карим, царица Тамара, Султан Сулейман, Гейне, Блок, Гомер, Эсхил, Эврипид, Софокл, Аристотель, Гесиод, Камалил Башир, Махач Дахадаев, Магомед-Тагир аль-Карахи, Суракат Танусинский, Семён Гудзенко, Эльдарилла, Тициан Табидзе, Владлен Бахнов, Чингиз Айтматов, Тагир Хрюгский, Казияв Али, Готфрид Гасанов, Николай Тихонов, Киров, Оскар, Уллубий (Буйнакский) Муртазали-хан, безрукий Сурхай, Татам Мурадов, Осман Абдурахманов, Бестужев-Марлинский, Полежаев, Александр Дюма, Алибек Тахо-Годи, Джелал Коркмасов, Арашил, Омар, Гази-Магомед, Патимат из Кегера, Суракат, Гасан, Муслим Атаев, Екатерина Чавчавадзе, Нина Грибоедова, Шуайнат, Джамалутдин, Патимат, Бичерахов и др.;

2) антропонимы – имена и фамилии людей, которые связаны с биографией автора: Гамзат Цадаса, Сулейман Стальский, Абуталиб Гафуров, Ираклий Абашидзе, Нина, Эффенди Капиев, Юсуп Хаппалаев, Исбат Батталбекова Вера Васильевна, Нана Гвинепадзе, Исхак Биясланов, Гаджи-Магома, Ахильчи, Далаголов, Али Алиев, Раджаб Динмагомаев, Муэтдин Джемал, Ражбадин, Аликебед, Сергей Иванович Радциг, Майсур Гайдарбеков, Пospelов, Магомед Гайдаров, Галицкий, Шамбинаго, Асмус, Фохт, Бонди, Реформатский, Василий Семенович Сидорин, Муса Магомедов, Акбар.

Среди антропонимов нам удалось выявить фиктонимы – имена героев произведений, среди которых можно классифицировать на следующие группы:

а) имена героев дагестанского героического эпоса: Хочбар, Айгази, Парту-Патимат;

б) имена героев русского и мировых эпосов, мифов, сказок: Золушка, Шахразада;

в) имена героев художественных произведений других авторов: Мариям из поэзии Махмуда из Кахаб Росо, Отелло, Гамлет, Дездемона, Офелия, Джульетта.

Содействуя передаче авторского восприятия действительности и раскрытию ключевых для мировосприятия поэта ценностей, антропонимы в художественном творчестве Расула Гамзатова способствуют раскрытию авторского замысла.

Имена собственные в творчестве Расула Гамзатова, отсылающие читателя к определенным периодам дагестанской истории, обладают способностью аккумулировать и проецировать огромный смысловой потенциал. Упоминаемые в художественных произведениях имена поэтов, писателей позволяют соотнести текст произведения не только с их личностью, но и с их творчеством.

В произведениях Расула Гамзатова также представлен обширный список географических мест или **топонимов**. Среди них можно классифицировать названия стран, городов сёл, названия местностей и гор, наименований народов. Большинство проанализированных нами топонимов связано с биографией автора.

В творчестве Расула Гамзатова представлено несколько разновидностей топонимов:

1) **ойконимы** (названия населённых пунктов), среди которых можно выделить следующие группы:

– комонимы (названия сельских поселений): Балхар, Цовкра, Цунта, Чох, Хариколо, Сиюх, Чанх, Анди, Цумада, Кубачи, Тлярота, Ахвах, Арадерих и др.;

– астионимы (названия городов): Порт-Петровск, Москва, Переделкино, Исфаган, Шираз, Тбилиси, Гранада, Ташкент, Душанбе, Ереван, Минск, Сан-Франциско, Дубровник, Калькутта, Бейрут, Сантьяго, Лиссабон, Стамбул, Мадрид, Гавана, Краков, Камакур, Питсбург, Бейрут, Израиль, Палестина, Пловдив, Хиросима и др.;

Среди ойконимов встречаются микротопонимы: Моксобский мост, Араканское ущелье, Хунзахская крепость, Гимринском ущелье Казанлыкская долина, и урбанонимы Арбат, Тверской бульвар, «Королевский дворец», «Метрополь», Тадж-Махал и др.;

2) **гидронимы** (названия водных объектов): Кара Койсу, Адриатическое море, Ионическое море, Баренцево море Босфор, Иссык-Куль Каспий, Зангу, Чёрная речка, Алазань, Волга, Дон, Терек, Дунай, Янтра, Балтика, Днепр, Гоцатлинский родник и др.;

3) **оронимы** (названия гор): Гуниб, Фудзияма, Казбек, Эльбрус, Катмандские горы, Гимринский хребет, Бурцахский хребет, Арарат, Машук, холм Хосе Марти, Витоша, Родопы и др.;

4) **макротопонимы** (названия крупных географических объектов): Африка, Россия, Урал, Канада, Англия, Испания, Египет, Япония, Сибирь, Турция, Ливан, Индия, Саудовская Аравия; Туркестан и др.;

5) названия островов и полуостровов или **несонимы**: Индонезия, Бали, Гранада, Камчатка, Хонсю, Сахалин, Куба и др.

Изучение ономастического пространства творчества Расула Гамзатова свидетельствует о том, что в богатом творческом наследии автора представлен региональный компонент, который наиболее ярко проявился в частом использовании топонимов Дагестана. Это позволяет сделать вывод о том, что «малая родина» поэта, являясь ключевым образом его произведений, широко представлена в творчестве. Имена собственные, связанные с местом рождения, выполняют функцию ядерных онимов в текстах.

К периферийным группам онимов, представленным в поэзии Расула Гамзатова, можно отнести **этнонимы**: поляки, хачкары, венгры, камчадалы, армяне, эстонец, балхарец, кубачинец, англичанин, лакец, итальянка, джалатуринец, турок и др.

В художественных текстах исследуемого автора представлены также **теонимы**, среди которых преобладают именованья Бога и его пророков: Аллах, Авраам, Христос, Магомет. Теонимы, используемые для раскрытия религиозной тематики, позволяют проникать в глубинные пласты творческого процесса поэта в произведениях и расширяют контекст нашего восприятия творчества поэта.

К периферийной части ономастического пространства произведений Расула Гамзатова относятся **идеонимы**. Они включают в себя такие объекты, как артионимы (названия произведений изобразительного искусства), библионимы (названия книг), гемеронимы (названия органов периодической печати) и др. Эти группы идеонимов позволяют нам актуализировать реалии, которые повлияли на его духовный мир и являются важными для мировоззрения поэта.

Среди названий произведений можно выделить названия книг, относящихся:

- к мировой художественной культуре: «Дон-Кихот», «Божественная комедия»;

- к русской литературе: «Война и мир», «Евгений Онегин», «Аммалатбек», «Эрпели», «Чир-Юрт»;

- к дагестанскому фольклору: «Бозигитни хабары», «Дербент наме», «Песня о Шамиле», «Сказание о Хаджи-Мурате»;

- к творчеству самого автора и дагестанской литературе: «Горянка», «Горцы», «Травля волка в Цада».

В ходе исследования творчества Расула Гамзатова удалось классифицировать небольшую группу **эргонимов**, которые обозначают названия организаций и ведомств: Союз писателей, Литературный институт, Педагогический институт имени Ленина, Кумыкский театр, Верховный Совет СССР, Литфонд, Управление искусств Дагестана и др.

Периферийные онимы, как пласт ономастического пространства произведений, активно участвуют в эстетической реализации художественной картины мира автора.

Некоторые исследователи классифицируют имена собственные в художественном тексте на интертекстуальные и паратекстуальные. К интертекстуальным относят онимы, которые встречаются в самих текстах. Наиболее близким нашему пониманию является определение паратекстуальных элементов французского исследователя Ж. Женетта, который считает, что «Паратекстовые составляющие художественного текста – это его важнейшие смыслообразующие и структурообразующие единицы, которые полностью не принадлежат основному тексту и не являются его частью, однако образуют с ним единое целое и оказывают влияние на читательское восприятие» [Женетт 1998: 36]. В ономастическом пространстве произведений исследуемого автора нам удалось выявить следующие виды онимов, которые можно отнести к паратекстуальным: название, заглавие, эпиграф, посвящение.

Среди паратекстуальных имён собственных нам удалось найти 90 названий произведений, которые можно классифицировать по 2 группам. К первой группе можно отнести названия, которые содержат в составе имена собственные, ко второй группе названия, которые состоят целиком из имени собственного.

Наибольшую группу паратекстуальных имён собственных составляют **названия произведений**. Как известно, названия художественных произведений являются частью более крупного текстового образования. Однако одновременно они являются самостоятельным, малоформатным текстом.

Современные лингвисты выделяют ряд основных функций, характерных для названий художественного текста. К первой функции относится способность онимов создавать предварительную настройку на восприятие целого текста, концентрируя внимание на содержании. Следующая функция заключается в возможности заголовка определять и выделять предмет изображения, воплощая представление автора об этом предмете. Ещё одна функция состоит в способности достичь широкого поэтического обобщения за счёт ассоциаций и усилить художественный смысл заглавного текста.

Названия произведений Расула Гамзатова, в которых встречаются имена собственные, выполняют как прогностическую функцию: «Поговорим о бурных днях Кавказа», «Колокол Хиросимы», «Я – Дагестана пес сторожевой», «Я прошел над Алазанью» и др., так и номинативную функцию: «Батырай», «Дочери Ираклия Абашидзе», «В Ахвахе», «Гугуш», «Народному поэту Абхазии Дмитрию Гулиа», «Баку», «Азербайджанке» и др. Также названия произведений, содержащих имена собственные, помогают усиливать смысл текста благодаря ассоциациям, которые они вызывают: «Одной бакинке», «Плач по Хузу», «Живая богиня Кумари», «Есть ли жизнь на Марсе?», «Колумб поэтического Кавказа», «Ключи от замков Кавказа» и др.

Среди паратекстуальных имён собственных удалось обнаружить также **эпиграфы** – Г. Эмину, Мустаю Кариму, Другу Мусе Магомедову, Ираклию Андроникову, Мирзо Турсун-заде, Памяти Абуталиба Гафурова и др.

Автографы и надписи, которые также относятся к паратекстуальным компонентам художественного текста, содержат имена собственные: «Автограф на книге, которую я подарил Александру Трифоновичу Твардовскому», «Автограф на книге, которую я подарил Ираклию Абашидзе», «Автограф на

книге, подаренной мною Эдуардису Межелайтису», «Надпись на письме Эфенди Капиева к литератору Н.Н.», «Автограф на книге, подаренной мной Якову Козловскому», «Резолюция на заявлении в Литфонд» и др.

Если проводить семантический анализ паратекстуальных компонентов, содержащих имена собственные, то среди них можно выделить как антропонимы (Шапи Казиеву, Александру Твардовскому, Ираклию Андронникову, Камалил Башир), так и топонимы («Поговорим о бурных днях Кавказа», «Орлы в Гунибе», «Над Алазанью», «Розы Шираз», «Я смотрю на Арарат», «Пойдем к Севану в ранний час зари...», «Письмо из Индии» и др.)

Одним из оснований классификации структурной схемы онимов может служить количество компонентов. При анализе структуры имён собственных в произведениях Расула Гамзатова удалось установить, что наиболее частотными в употреблении оказались односложные онимы: Мартынов, Лермонтов, Дантес, Пушкин, Дунай, Янтра, Балтика.

Среди исследованных онимов значительную часть занимают имена собственные с 2 компонентами, среди которых встречаются следующие структурные типы: имя + фамилия (Абуталиб Гафуров, Лев Толстой, Иван Грозный, Рабиндранат Тагор); имя + отчество (Вера Васильевна), имя + прозвище (Ц'адаса Хамсат, Гамзатил Расул, Анасил Магомет, Саид Араканский).

Трёхсложные имена собственные представлены следующим типом антропонимов: имя + отчество + фамилия (Михаил Григорьевич Гусейнов, Корней Иванович Чуковский, Михаил Иванович Калинин).

Таким образом, изучение собственных имён является актуальным и значимым в современной лингвистике. В итоге проведённого исследования ономастического пространства произведений Расула Гамзатова – одного из ярких представителей многонациональной российской литературы – нам удалось установить, что имя собственное является важнейшим стилеобразующим элементом в ономастической системе творчества писателя.

В творчестве Расула Гамзатова удалось обнаружить следующие объекты ономастического пространства: антропонимы, топонимы, этнонимы, теонимы, идеонимы, среди которых большее место занимают антропонимы.

Осмысливая роль онимов в литературных произведениях Расула Гамзатова, удалось установить, что имя собственное играет важную и органичную роль в стилистической системе текстов автора, способствуя формированию общей образности его произведений. Имена собственные в творчестве Расула Гамзатова являются носителями богатых смысловых связей, сочетают в себе сложные ассоциации и коннотации, которые придают его произведениям индивидуально-художественную ценность. Имя собственное в поэзии и прозе этого автора играет важную роль не только как средство идентификации персонажей и мест, но и как элемент, обогащающий художественное содержание произведений.

В ходе проведённого исследования удалось прийти к следующим **выводам**:

– активно участвуя в создании художественных образов в произведениях, имена собственные выполняют роль значимых стилеобразующих языковых единиц;

- при выборе онимов Расул Гамзатов часто опирался на конкретные факты своей биографии, в результате чего имена собственные придают реализм событиям и соотнесены с социальной средой автора;
- анализ личных имён героев произведений с точки зрения их этимологии и семантики, культурного и исторического контекста позволил установить разнообразие культурно-исторического ономастического фона;
- топонимика произведений характеризуется богатством как по количественному составу имен, так и по «географии» художественного мира в произведениях и в целом отличаются реалистичностью;
- ономастика произведений, которые обращены к историческим событиям, точно передает колорит исторических эпох, изображенных автором;
- выбор определенных имён собственных в художественных текстах не является случайным, а обусловлен жизненным и литературным опытом автора и гармонирует с поэтикой текста в целом, придавая произведениям автора неповторимый колорит.

Дагестанская литературная ономастика обладает огромным потенциалом для исследователей-лингвистов, а также позволяет решить ряд внутринаучных задач. Серьёзные и глубокие региональные исследования по данной проблеме с широким комплексным подходом к материалу исследования способны обогатить общероссийскую литературную ономастику. Перечень вопросов, связанных с изучением дагестанской литературной ономастики, наглядно свидетельствует о перспективах её дальнейшего развития. В частности, результаты данной работы могут послужить основой для более глубоких исследований художественного своеобразия творческого наследия поэта и применены в процессе преподавания русского языка и литературы в школе и вузе. Материал, собранный автором, может стать базой для создания ономастического словаря Р.Г. Гамзатова.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Багомедов 2007 – *Багомедов М.Р.* Ономастикон рукописи Магомедшапигаджи Меусишинского «Шейх Мухаммад из Мега» // Вопросы дагестанских языков и литератур. Вып. 5. – Махачкала: ДГПУ, 2007. – С. 157-159.
- Багомедов 2008 – *Багомедов М.Р.* Онимы в даргинской художественной литературе. Антология поэтонимологической мысли. – Донецк: Юго-Восток, 2008. – Т. 1. – С. 174-182.
- Багомедов, Рабаданова 2020а – *Багомедов М.Р., Рабаданова А.Р.* Ономастикон даргинской детской литературы // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 2 (81). – С. 476-478.
- Багомедов, Рабаданова 2020б – *Багомедов М.Р., Рабаданова А.Р.* Ономастическое пространство творчества Р.М. Рашидова (в соавт. с Рабадановой А.Р.) // Вопросы кавказского языкознания и тюркологии. Выпуск 4 (16). Махачкала: АЛЕФ, 2020. – С. 22-27.
- Барковская 2005 – *Барковская Ю.В.* Мифологические и христианские имена собственные в поздних текстах Н.С. Лескова: автореф. дис. канд. филол. наук. – Москва, 2005. – 21 с.
- Белов 2009 – *Белов С.В.* Имена и фамилии у Достоевского // Телескоп. – 2014. – №6 (108). – С. 42-43.
- Булгаков 1998 – *Булгаков С.Н.* Философия имени. – СПб: Наука, 1998. – . 256 с.
- Васильева 2009 – *Васильева Н.В.* Собственное имя в мире текста. – М.: Акад. гуманитар. исслед., 2009. – 224 с.
- Гамзатов 2003 – *Гамзатов Р.Г.* Собрание сочинений в 8 т.: [Пер. с авар.]/ Расул Гамзатов; [Сост. Гаджикурбан Расулов, Мурад Ахметов]. – Москва: Совет. писатель, 2003.

Гасанова 2003 – *Гасанова С.Х.* Топонимия в дагестанской русскоязычной (оригинальной и переводной) художественной литературе: автореф. дис. канд. филол. наук. – Махачкала, 2003. – 21 с.

Женетт 1998 – *Женетт Ж.* Фигуры. пер. с фр. и ред. С. Зенкина. Т. 2. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 472 с.

Жогина 1997 – *Жогина К.Б.* Имя собственное как средство гармонической организации поэтического текста: автореф. дис. канд. филол. наук. (На материале лирических стихотворений М. Цветаевой). – Ставрополь, 1997. – 21 с.

Лосев 1993 – *Лосев А.Ф.* Философия имени // Бытие – имя – космос. – М.: Мысль, 1993. – 958 с.

Михайлов 1981 – *Михайлов В.Н.* Лингвистический анализ ономастической лексики в художественной речи. Симферополь: б/и, 1981. – 28 с.

Магазаник 1967 – *Магазаник Э.Б.* Поэтика имен собственных в русской классической литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Самарканд, 1967. – 24 с.

Мусаева 2014 – *Мусаева Р.А.* Ономастическая лексика в поэзии Ирчи Казака // Современная тюркология: язык, литература, история и культура тюркских народов: Материалы VII Международной тюркологической конференции, Елабуга, 7 февраля 2014 года – Елабуга: б/и, 2014. – С. 110-112.

Мусаева 2021 – *Мусаева Р.А.* Ономастическое пространство поэзии Бадрутдина Магомедова // Актуальные проблемы тюркологии: Россия и тюрко-мусульманский мир: материалы X Международной тюркологической конференции, Елабуга, 25 декабря 2020 года / Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань: б/и, 2021. – С. 32-35.

Руденко 1990 – *Руденко Д.И.* Имя в парадигмах философии языка. – Харьков, 1990. – С. 217–220.

Руденко, Сватко 1993 – *Руденко Д.И., Сватко Ю.Н.* Философия имени: в поисках новых пространств. Харьков, 1993. – 103 с.

Султанова 1997 – *Султанова Т.Ю.* Антропонимы в повестях А. Абу-Бакара // Актуальные проблемы общего и кавказского языкознания: сборник статей. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – С. 226-227.

Флоренский 1990 – *Флоренский П.А.* Имена // Социологические исследования. – 1990. – № 4. – С. 132-141.

Фонякова 1990 – *Фонякова О.И.* Имя собственное в художественном тексте. – Л.: ЛГУ, 1990. – 103 с.

REFERENCES

BAGOMEDOV M.R. *Onomastikon rukopisi Magomedshapigadzhi Meusishinskogo «Sheikh Mukhammad iz Mega»* [Onomasticon of Magomedshapigaji Meusishinsky's manuscript "Sheikh Muhammad of Mega"]. In: *Voprosy dagestanskikh yazykov i literatur*. Vyp. 5. – Makhachkala: DGPU, 2007. – P. 157-159. (In Russ.).

BAGOMEDOV M.R. *Onimy v darginskoi khudozhestvennoi literature. Antologiya poetonomologicheskoi mysli* [Onyms in Dargin fiction. Anthology of Poetonymological Thought]. – Donetsk: Yugo-Vostok, 2008. – T. 1. – S. 174-182. (In Russ.).

BAGOMEDOV M.R., RABADANOVA A.R. *Onomastikon darginskoi detskoi literatury* [Onomasticon of Dargin children's literature]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. – 2020. – № 2 (81). – P. 476-478. (In Russ.).

BAGOMEDOV M.R., RABADANOVA A.R. *Onomasticheskoe prostranstvo tvorchestva R.M. Rashidova* [Onomastic space of creativity R.M. Rashidova]. In: *Voprosy kavkazskogo yazykoznaniiya i tyurkologii*. Vypusk 4 (16). Makhachkala: ALEF, 2020. – P. 22-27. (In Russ.).

BARKOVSKAYA YU.V. *Mifologicheskie i khristianskie imena sobstvennye v pozdnikh tekstakh N.S. Leskova* [Mythological and Christian proper names in the later texts of N.S. Leskov]: avtoref. dis. kand. filol. nauk. – Moskva, 2005. – 21 p. (In Russ.).

BELOV S.V. *Names and surnames of Dostoevsky* // Telescope. – 2014. – №6 (108). – Pp. 42-43.

BULGAKOV S.N. *Philosophy of the name*. – St. Petersburg: Nauka, 1998. 256 p.

VASILYEVA N.V. *Proper name in the world of text*. – M.: Akad. a humanitarian. research, 2009. – 224 p.

GAMZATOV R.G. *Collected works in 8 volumes*: [Trans. with avar.]/ Rasul Gamzatov; [Comp. Hajikurban Rasulov, Murad Akhmetov]. – Moscow: The Soviet writer, 2003.

GASANOVA S.KH. *Toponimiya v dagestanskoi russkoyazychnoi (original'noi i perevodnoi) khudozhestvennoi literature* [Toponymy in Dagestan Russian-language (original and translated) fiction]: avtoref. dis. kand. filol. nauk. – Makhachkala, 2003. – 21 p. (In Russ.).

ZHENETT ZH. *Figury* [Figures]. per. s fr. i red. p. Zenkina. V 2-kh t. – M.: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 1998. – T. 1. – 472 s., T. 2. – 472 p. (In Russ.).

ZHOGINA K.B. *Imya sobstvennoe kak sredstvo garmonicheskoi organizatsii poeticheskogo teksta* [Proper name as a means of harmonic organization of poetic text]: avtoref. dis. kand. filol. nauk. (Na materiale liricheskikh stikhotvorenii M. Tsvetaevoi). – Stavropol', 1997. – 21 p. (In Russ.).

LOSEV A. F. *Philosophy of the name // Being – name – cosmos*. – M.: Mysl, 1993. – 958 p.

MIKHAILOV V. N. *Linguistic analysis of onomastic vocabulary in artistic speech*. Simferopol, 1981. – 28 p.

MAGAZANIK E.B. *The poetics of proper names in Russian classical literature*: abstract. ... candidate of Philology: 02/10/2011. – Samarkand, 1967. – 24 p.

MUSAEVA R.A. *Onomasticheskaya leksika v poezii Irchi Kazaka* [Onomastic vocabulary in the poetry of Irchi Kazak]. In: *Sovremennaya tyurkologiya: yazyk, literatura, istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov: Materialy VII Mezhdunarodnoi tyurkologicheskoi konferentsii*, Elabuga, 7 fevralya 2014 goda – Elabuga: b/i, 2014. – P. 110-112. (In Russ.).

MUSAEVA R.A. *Onomasticheskoe prostranstvo poezii Badrutdina Magomedova* [Onomastic space of poetry by Badrutdin Magomedov]. In: *Aktual'nye problemy tyurkologii: Rossiya i tyurkomusul'manskii mir: materialy X Mezhdunarodnoi tyurkologicheskoi konferentsii*, Elabuga, 25 dekabrya 2020 goda / Kazanskii (Privolzhskii) federal'nyi universitet. – Kazan': b/i, 2021. – P. 32-35. (In Russ.).

RUDENKO D.I. *The name in the paradigms of the philosophy of language*. – Kharkov, 1990. – pp. 217-220

RUDENKO D.I., SVATKO YU.N. *Philosophy of the name: in search of new spaces*. Kharkov, 1993. – 103 p.

SULTANOVA T.YU. *Antroponimy v povestyakh A. Abu-Bakara* [Anthroponyms in the stories of A. Abu-Bakar]. In: *Aktual'nye problemy obshchego i kavkazskogo yazykoznaniya: sbornik statei*. – Nal'chik: El'brus, 1997. – P. 226-227. (In Russ.).

FLORENSKY, P.A. *Names // Sociological research*. – 1990. – No. 4. – Pp. 132-141.

FONYAKOVA O.I. *Proper name in a literary text*. – L.: LSU, 1990. – 103 p.

Информация об авторе

Р.А. Мусаева – кандидат филологических наук.

Information about the author

R.A. Musayeva – candidate of sciences (Philology).

Статья поступила в редакцию 15.04.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 15.04.2024 y.; approved after reviewing 15.06.2024 y.; accepted for publication 27.06.2024 y.

Научная статья
УДК 81:39
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-446-455
EDN: VEZCUO

БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ ЛИНГВОЭТНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ¹

Вячеслав Исаевич Теркулов

Донецкий государственный университет, Донецк, Россия, terkulov@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0418-4260>

Аннотация: Статья посвящена описанию примордиального лингвоэтнологического подхода к базовому определению этничности и сопоставлению лингвоэтнической идентификации и этнической самоидентификации личности. Дается определение основным понятиям лингвоэтнологии – «лингвоэтносу», «родному языку» и «национальному языку». Лингвоэтнос трактуется как объединение людей, говорящих на одном языке, который определяется для них как родной. Для определения родного языка используется его примордиальная дефиниция как функционально первого языка личности. Границы национального языка устанавливаются на основе следующих четырех признаков: лингвонимная определенность, этническая привязанность, наличие литературного языка, наличие официального статуса. Дается типология лингвоэтнотипов, включающая суперлингвоэтнос, базовый лингвоэтнос и сублингвоэтнос. Для базового лингвоэтнотипа как основы лингвоэтнического членения выделяются изоморфные (базовая, трансформированная и избирательная) и неизоморфные (генетическая и конъюнктурная) модели соотношения лингвоэтнической идентичности и этнической самоидентификации.

Ключевые слова: лингвоэтнос, этнос, родной язык, национальный язык, лингвоэтнология.

Благодарности и финансирование: Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Для цитирования: Теркулов В.И. Базовые понятия лингвоэтнологического подхода к идентификации личности // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 446-455. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-446-455. EDN: VEZCUO.

© Теркулов В.И., 2024

Original article

BASIC CONCEPTS OF THE LINGUOETHNOLOGICAL APPROACH TO PERSONAL IDENTIFICATION

Vyacheslav I. Terkulov

Donetsk State University, Donetsk, Russia, terkulov@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0418-4260>.

¹ Статья подготовлена на основе доклада на Всероссийской конференции (с международным участием) «Философия и культура народа сквозь призму языка», приуроченной к 30-летию Закона «О языках народов КБР» (г. Нальчик, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», 19 апреля 2024 года).

Abstract: The article describes the primordial linguoethnological approach to the basic notion of ethnicity and compares linguoethnic identification with a person's ethnic self-identification. The definition of the basic concepts of linguoethnology is given: «linguoethnos», «native language» and «national language». The linguoethnos is interpreted as an association of people who have an identical native language. In native languages, the primordial definition is used as a functionally first language. The boundaries of the national language are determined based on four characteristics: linguonim certainty, ethnic attachment, the presence of a literary language, and the presence of an official status. A typology of linguoethnoses is given, represented by a superlinguoethnos, a basic linguoethnos and a sublinguoethnos. For the basic linguoethnos as the basis of linguoethnic division, isomorphic (basic, transformed and selective) and non-isomorphic (genetic and conjunctural) models of the correlation of linguoethnic identity and ethnic self-identification are distinguished.

Keywords: linguoethnos, ethnos, native language, national language, linguoethnology.

For citation: Terkulov V.I. Basic concepts of the linguoethnological approach to personal identification. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 446-455. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-446-455. EDN: VEZCUO.

© Terkulov V.I., 2024

Целью предлагаемой работы является определение основных понятий лингвоэтнологии, предлагаемого к рассмотрению и обсуждению научного направления в рамках этнолингвистики, главная задача которого состоит в определении и описании лингвоэтнотосов и их соотношения с классическими этносами, в трактовке ситуаций совпадения и несовпадения этнической самоидентификации личности и его лингвоэтнической идентичности.

Для Кавказа, кавказских народов, у которых царит бережное отношение к родному языку, отмечается, в большинстве случаев, совмещение этнической самоидентификации личности с её языковой идентичностью: человек, определяя себя принадлежащим к народу, осознаёт необходимость подтвердить это знанием языка данного народа. Проблемы возникают в тех случаях, когда этническая самоидентификация по тем или иным причинам вступает в противоречие с языковой идентичностью. Именно эти ситуации требуют особого рассмотрения. И они, к сожалению, обнаруживаются и на Кавказе. Например, М.Ю. Донежук отмечает, говоря об адыгейском языке, что «в городе адыгейские дети реже и хуже владеют адыгейским языком, в то время как среди детей, живущих в сельской местности, ситуация диаметрально противоположна» [Донежук 2023: 190].

Как писал Б. Андерсон, «нацию, национальность, национализм оказалось очень трудно определить» [Андерсон 43]. Традиционно в этнологии используется конструктивистский подход, когда этническая принадлежность субъекта представляется «конструктом, артефактом, который либо формируется самим индивидом с целью познания окружающего социального мира (из этнических ярлыков составляется карта для ориентации в этом мире), либо навязывается ему идеологами и политиками — изготовителями этничности (которые путём этнической мобилизации масс достигают собственных политических и экономических целей)» [Рыбаков 2012: 148]. Как пишет В.В. Кочетков, при таком подходе «мы сами конструируем свои идентичности по желанию, необходимо-

сти или принуждению. Идентичности – воображаемые сущности – то, что мы думаем о себе, к чему мы стремимся» [Кочетков 2012: 150].

Н. Иванова отмечает: «Осознание этнической принадлежности строится на основе этнодифференцирующих признаков, которые могут быть самыми разными элементами материальной и духовной культуры. Выбор признака определяется не его объективной характеристикой, а **базовой потребностью человека в категоризации** (выделено нами – В.Т.)» [Иванова 2006: 259]. Б. Андерсон называет нацию / этнос «воображённым сообществом»: «Я предлагаю следующее определение нации: это воображённое политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное. Оно *воображённое*, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живёт образ их общности» [Андерсон 2016: 47]. Этот образ общности как раз и формируется упомянутыми выше этнодифференцирующими признаками, которые трактуются как «традиционные и устойчивые культурные ценности» [Хотинец 2002: 30]. Мотивы, то есть, собственно, эти самые этнодифференцирующие признаки, которые могут направлять личность при выборе им своей этнической идентичности, самые разнообразные. Я, например, будучи сыном татарина и русской, могу посчитать себе и татариним, и русским, а затем найти причину этого выбора. Например, я русский, потому что говорю на русском языке, потому что читаю Достоевского, потому что живу в России и т.д. Но эти объяснения, в принципе, не важны: важен сам факт моего самоопределения, и никто не имеет права не принимать его. Именно такой подход к этнической идентификации, а точнее – самоидентификации, лежит в основе национальной политики в России. В пункте 1 статьи 26 Конституции Российской Федерации говорится: «Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принуждён к определению и указанию своей национальной принадлежности».

При всей демократичности такого подхода он таит в себе несколько «конфликтогенных» мест.

Во-первых, он позволяет интерпретировать различного рода этнографические объединения, традиционно определяемые как субэтнические, и, предельный случай, вымышленные единства как нации. Научный руководитель Института региональных проблем Д. Журавлев, комментируя появившееся в СМИ сообщение о том, что будто бы Росстат, вернее Ростовстат, который координирует деятельность территориальных органов госстатистики Юга России, определил казаков как отдельную нацию, отметил: «В выступлении представителя Ростовстата шла речь о словаре самоназваний – то есть о справочнике, основанном на ответах респондентов прошлых переписей. Это технический по большому счету документ, позволяющий ускорить обработку данных. Документ это от переписи к переписи пополняется, сейчас в нем более 2000 вариантов самоназваний. В том числе 13 с использованием слова “казак”». Это обусловлено тем, что при переписи населения «подсчёт ведётся на основе принципа самоопределения национальной принадлежности в соответствии со ст. 26 Конституции РФ. **Как респондент себя назовёт, так и обязан записать в пе-**

реписном листе переписчик — казаком, русским, марсианином, хоббитом, кем угодно (выделено нами – В.Т.)»¹.

Во-вторых, при самоидентификации возможно конъюнктурное самоопределение личности. Н. Иванова пишет: «Политические реалии не раз становились причиной самоидентификации человека с той этнической группой, среди представителей которой он испытывает наибольший психологический комфорт. По этой же причине исследователи не раз отмечали, что дети этнических меньшинств во время опроса идентифицируют себя как представителей титульной нации» [Мкртумян 1978: 260]. Например, в 1897 г. при первой всеобщей переписи населения Российской империи родным считался функционально первый язык. В уездах Екатеринославской губернии, которые сформировали затем Сталинскую область, 50 % респондентов назвали родным великорусское наречие, а 40 % – малороссийское наречие. При переписи же 1923 г. количество русских сократилось до 26 %, а украинцев – увеличилось до 64 %. Это было «обусловлено, скорее всего, <...> реакцией части населения на политику украинизации, проводившуюся в эти годы. Многие респонденты, повинаясь новым веяниям, попросту вписывали в рубрику «родной язык» украинский. Следующая перепись (1939 года) показывает, что данные 1923 искусственны: процентное соотношение русских и украинцев в нём вернулось к соотношению, представленному в переписи 1897 года, и сохранялось вплоть до последних переписей» [ДР 2018: 28].

Мы ни в коем случае не ставим под сомнение научность определения модели этнической самоидентификации, предложенной этнологией, которая имеет свой исследовательский инструментарий, выработанный годами научных практик. Но, как нам видится, такой подход можно дополнить другим подходом, который мы называем лингвоэтнологическим. В основе его лежит понятие **лингвоэтнуса – совокупности людей, говорящих на одном языке, который определяется для них как родной.**

Мы уже не раз писали о том, что именно родной язык является единственным очевидным и объективным маркером этнической идентичности субъекта (см., например [Теркулов, Тамерьян 2023]).

Следует отметить, что существует два определения родного языка.

Чаще всего используется **конструктивистская** дефиниция, которая предполагает, что родным является «язык моей нации». Данное определение не представляется нам удачным. С одной стороны, оно реализует в нашем случае дефиниционный круг: для того, чтобы определить свою этническую принадлежность, я должен определить свой родной язык, но одновременно, чтобы определить свой родной язык, я должен установить свою этническую принадлежность. С другой стороны, конструктивистское определение родного языка, так же, как и определение этноса, основывается на произволе субъекта и зависит от его политических, культурных и т.д. представлений и не отражает его объективного языкового состояния. Основываясь на нём, я могу назвать своим

¹ Электронный ресурс. Режим доступа: <https://news.rambler.ru/sociology/46154082-rosstat-ne-utverzhaet-natsionalnost-kazak-ekspert-o-perepisi-naseleniya/>. Дата обращения – 15.04.2024 г.

родным абсолютно неизвестный мне язык хинди, поскольку я могу посчитать себя представителем этого народа, хоть и не имею на это никаких оснований, кроме моей собственной уверенности в этом.

Мы предполагаем, что единственно возможным инструментом лингвоэтнической идентификации может быть примордиальное определение, согласно которому родным для субъекта является его функционально первый язык, то есть язык, на котором он думает и говорит.

Другим важным моментом теории лингвоэтнуса является определение национального языка, установление того, какой диалект входит в данный язык, а какой – нет, что также является серьёзной проблемой. Мы уже привели наши размышления по поводу этой проблемы, например, в [Теркулов 2022]. На наш взгляд, диалект должен определяться как часть данного национального языка, а не как отдельный язык, на основе экстралингвистических экстралингвистических параметров, к которым относятся лингвонимная определённость, этническая привязанность, наличие литературного языка и наличие официального статуса. При этом данные параметры обладают разным уровнем верификационной ценности: наиболее важны первые два параметра, остальные являются факультативными.

Типология параметров

Лингвонимная определённость. Наличие для диалектов общего родового лингвонима, то есть названия языка. Например, немецкие диалекты, часто принципиально различающиеся в структурно-языковом отношении, считаются диалектами одного языка, поскольку их носители используют для их обозначения лингвоним *немецкий язык* (*Deutsch, deutsche Sprache*). То же характеризует и близкие диалекты. Например, носители кумухского, вицхинского, аракульского, бахарского, шаднинского, шалибского, уринского, вихлинского, вачикулинского, каялинского диалектов используют для обозначения своей речи один лингвоним – *лакку маз* (лакский язык).

Когда для обозначения диалекта начинает использоваться не диалектный (сублингвальный), а языковой лингвоним, он превращается в язык. Например, *западногерманский средненемецкий культурный диалект*, относящийся к мозельско-франкской группе говоров и распространённый в Люксембурге, для которого в 1976 г. были утверждены правила правописания, что характеризует его в это время уже как литературный диалект, в 1984 г. получил официальный статус национального литературного *люксембургского языка* (*Lëtzebuergesch*), поскольку его носители стали использовать для его обозначения именно этот лингвоним, а не *deutsche Sprache*.

Данный параметр мы считаем базовым при отнесении того или иного диалекта или региолекта к тому или иному языку, соглашаясь с А.А. Зализняком, который отмечал в одной из своих лекций: «На самом деле история всякого языка с определённым названием – французского, русского, латинского, китайского – это история того периода времени, когда существует это его название»¹.

¹ Электронный ресурс. Режим доступа: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431649/Ob_istorii_russkogo_yazyka. Дата обращения – 15.04.2024 г.

Следует указать на существование лингвонимов, обозначающих национальные варианты каких-либо языков. Они состоят из названия материнского языка и той политической нации, которая его использует, например *American English* – английский язык американской нации. В этом случае реализуется стремление при констатации генетической и структурно-языковой близости разных идиомов указать на их связь с разными этносами.

Диалект (региолект) также может иметь свой лингвоним. Например, таков лингвоним *mIanIanta*, обозначающий *тапантский диалект абазинского языка*, который распространён в аулах Кубина и Эльбурган, Псыж, Кара-Паго, Инжич-Чукун, Койдан, Абаза-Хабль, Мало-Абазинск, Тапанта, Красный Восток. Чаще всего субэтнический лингвоним является составным и связывает название субэтнического идиома с этническим, например *донецкий региолект русского языка*. В любом случае особенностью субэтнического лингвонима является то, что он воспринимается своими носителями как гипоним (видовая номинация) по отношению к гиперонимному (родовая номинация) языковому наименованию. Носитель тапантского диалекта, называя своё наречие, одновременно называет его и гиперонимом *абаза бызшва*.

Этническая привязанность, то есть этническая ориентация носителей идиома, выражающаяся в наличии соотносимого с лингвонимом этнонима. Саксонец и шваб называют свои диалекты диалектами немецкого языка, поскольку считают себя *немцами*.

Особая ситуация отмечается для национального варианта какого-либо языка, для которого характерно наличие политонима, не совпадающего с этнонимом, связанным с материнским языком. Например, носителями *австрийского варианта немецкого языка* (*Österreichisches Deutsch*) являются *австрийцы* (*Österreicher*), а *материнского немецкого языка* (*Deutsch*) – *немцы* (*Deutsche*).

Этнографические субэтнические единства также имеют свои наименования, которые выступают в качестве соционимов, используемых для обозначения социальных групп, сословий и т.д., например *казаки*, и этнохоронимов или катойконимов – для обозначения компактно проживающих граждан, использующих свои диалекты или региолекты. Например, у старожилов аула Ходзь, находящегося на юге Кошехабльского района Республики Адыгея России, жители которого говорят на кубанском говоре кабардино-черкесского языка (лингвоним – *адыгэбзэ*), по свидетельству А.Х. Аашагова, «можно услышать такой термин: “лэбэдэс кьэбэрдей” – кабардинцы, живущие у Лабы, или “кьэбэрдей хьэжырэт” – беглые кабардинцы» [Афшагов 1998: 5].

Наличие литературного языка, объединяющего диалекты в один национальный язык. Мы различаем:

- языки, имеющие один литературный язык, например *французский литературный язык* (*langue littéraire française*), *абхазский литературный язык* (*aṡṡua byžšə*), основывающийся на *абжуйском диалекте*, и другие;

- языки, имеющие несколько литературных языков, либо существующих параллельно для всех носителей языка, как, например, норвежский язык, реализующийся в *bokmål* и *nyunošk*, либо представленные как общенациональный литературный язык и литературный диалект, например общенациональный *български книжовен език*, и *bâlgârsćijà jázić* или банатско-български книжовен

язык, распространённый в исторической области Банат, западная часть которой принадлежит Сербии, а восточная – Румынии;

– языки, не имеющие литературного языка, например *цыганский язык*. Единственным кавказским языком, не имевшим литературной формы, считают *убыхский язык* (*tʰaxəbza*).

Наличие официального статуса. Различаются статус единственного государственного языка, например, у *немецкого* в ФРГ, языка международной организации, например, у *русского* в ООН, одного из нескольких государственных языков, например, у *кечуа* в Перу наряду с *испанским*, официального языка провинции, например, у *осетинского* в России, являющегося официальным в Северной Осетии – Алании, регионального языка, например, у *верхнелужицкого* в ФРГ.

На основе указанных параметров нами определяются:

1) суперординатный язык (английский), то есть национальный язык, имеющий лингвоним (*English*), обозначающий материнский язык исходного этноса (*English people*), имеющий литературную форму (*Standard English*) и статус государственного языка, языка международных организаций, одного из нескольких государственных языков (в *Ирландии*); статус суперординатного обеспечивается благодаря наличию у языка **национальных вариантов** (*American English, Australian English* и т.д.);

2) базовый распространённый язык (русский), имеющий лингвоним (*русский язык*), связанный с этносом (*русские*), литературную форму и статус государственного языка (в России), языка международных организаций, одного из нескольких государственных языков (в Белоруссии);

3) базовый ординарный язык (польский), имеющий лингвоним (*język polski*), связанный с польским этносом (*polacy*), литературную форму (*polski język literacki*) и статус государственного языка в одном государстве (в Польше);

4) базовый язык – национальный вариант (австралийский английский), имеющий лингвоним (*Australian English*), связанный с политонимом (*australian*), литературную форму и статус государственного языка (в Австралии);

5) базовый негосударственный язык (курдский), у которого отмечаются лингвоним (*Zimanê Kurdî, کوردی زمانی*), связанный с этнонимом (*كورد, Kurd*), литературные формы (*Zaravayê Kurmancî, کورمانجی زەراڤایی* и *Zaravayê Soranî, سۆرانی زاراواي*); при этом курдский язык не имеет официального статуса ни в государствах, ни в общественных организациях;

6) базовый нелитературный и негосударственный язык (цыганский), использующий лингвоним (*Романы чиб, Romaný chib, Romańi čhib, Romańi čib, ꠘꠞꠟꠞꠟ ꠘꠞꠟꠞ*), связанный с этнонимом (*рома*); цыганский язык не имеет литературной формы (следует, правда, сказать, что сейчас предпринимаются попытки создания на базе кэлдэрарских диалектов наддиалектного койне – «общецыганского языка») и официального статуса ни в государствах, ни в общественных организациях;

7) литературный субэтнический идиом (*марийский горный*): диалект, имеющий лингвоним (*Марий курык йылме*), противопоставляющийся марийскому

луговому языку, осознаваемый носителями как диалект марийского языка, имеющий свой литературный вариант, но не имеющий официального статуса.

8) субэтнический идиом (курский диалект): диалект, имеющий лингвоним (*курский говор*), осознаваемый носителями (*курянами*), использующий общенациональный литературный вариант русского языка, как диалект русского языка, не имеющий официального статуса

На основе приведённой классификации мы можем вывести три модели сформированных лингвоэтносов:

1. **Суперординатная модель (суперлингвоэтнос):** существует язык, выступающий в качестве функционально первого у разных этносов, каждый из которых имеет отдельную этническую самоидентификацию, подкреплённую определением своего идиoma как национального варианта этого языка. Таков, например, испанский язык (*castellano* или *español*), который существует в целом ряде латиноамериканских национальных вариантов: парагвайском (*español paraguayano*), амазонском (*español amazónico*), кубинском (*español cubano*) и других.

2. **Базовая модель (базовый лингвоэтнос):** существует язык, могущий быть распространённым в разных странах, но его носители в этих странах не считают себя представителями разных этносов. Например, русский язык распространён в Казахстане, Белоруссии, на Украине и т.д., но в этих странах нет этнических общностей, которые бы считали себя отдельной нацией, говорящей на национальном варианте русского языка: граждане Казахстана, говорящие на русском языке, считают себя либо русскими Казахстана, либо казахами, знающими русский язык, но не представителями какой-то новой нации, говорящими на своём национальном варианте русского языка. Для базового лингвоэтноса отмечаются следующие модели совмещения лингвоэтнической идентичности и этнического самоопределения:

а) **базовая:** носитель языка относит себя к тому этносу, для которого этот язык является родным, например носитель ингушского языка (*glalglai motm*), считающий и называющий себя ингушом (*Г'алг'Iа'й*);

б) **трансформированная:** носитель языка, являющийся по происхождению представителем другого народа, но считающий себя уже перешедшим в этнос своего функционально первого языка, например обрусевший немец, говорящий и думающий на русском языке как функционально первом и считающий себя русским;

в) **избирательная:** ребёнок, рождённый в «интернациональной семье», свободно владеющий языками отца и матери, но идентифицирующий себя по этнической принадлежности одного из родителей; например, ребёнок, рождённый в семье армянина и русской, свободно говорящий и на армянском (*հայերէն*) и на русском языках, но считающий себя армянином.

Приведённые модели мы считаем **изоморфными**, когда функционально первый язык становится основой для этнического самоопределения. **Неизоморфными** являются ситуации, когда возникает различие между этнической самоидентификацией и лингвоэтнической идентификацией:

г) **генетическая**: обрусевший грузин, живущий в России и имеющий в качестве функционально первого русский язык, всё-таки идентифицирует себя как грузина;

д) **конъюнктурная**: русский, живущий в Латвии и сохраняющий в качестве функционально первого русский язык (при этом знающий и латышский язык), считает себя латышом.

3. Субординатная модель (сублингвоэтнос): объединяет носителей идиома, который определяется ими как региолект или диалект какого-либо языка. У носителей этого идиома реализуется двойственная самоидентификация – субэтническая и этническая. Таковы, например, носители *анцухского диалекта аварского языка*.

Приведённые модели даны только как очевидный образец. Они, разумеется, требуют своего глубокого осмысления и описания.

Итак, базовыми понятиями лингвоэтнологического подхода являются «лингвоэтнос», определяемый как совокупность людей, говорящих на одном языке, который является для них родным; «родной язык», то есть функционально первый язык индивида; «национальный язык» – язык, имеющий связанный с этнонимом лингвоним и могущий иметь литературную форму и официальный статус в государстве и/или в каких-либо международных организациях. Различаются суперлингвоэтнос, базовый лингвоэтнос, для которого отмечаются изоморфные (базовая, трансформированная и избирательная) и неизоморфные (генетическая и конъюнктурная) модели соотношения лингвоэтнической идентичности и этнической самоидентификации, и сублингвоэтнос. В дальнейших исследованиях мы предполагаем глубже представить каждое из приведённых в нашей работе положений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Андерсон 2016 – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.

Афшагов 1998 – *Афшагов А.Х.* История аула Ходзь. – аул Ходзь; Майкоп: Адыгея, 1998. – 178 с.

ДР 2018 – *Донецкий региолект*: монография; под ред. В.И. Теркулова. – Донецк: Издательство ООО "НПП Фолиант", 2018. – 265 с.

Донежук 2023 – *Донежук М.Ю.* Проблемы бытования адыгейского языка среди адыгейской молодежи: на примере сравнения городских и сельских студентов в г. Майкоп // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 188–201. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-188-201. EDN: CXFBZN.

Иванова 2006 – *Иванова Н.* Этническая идентичность: особенности формирования и методы исследования // *Revista de etnologie și culturologie*. – Vol. 1. – Chișinău, 2006. – С. 259–265.

Кочетков 2012 – *Кочетков В.В.* Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2012. – № 2. – С. 144–162.

Рыбаков 2012 – *Рыбаков С.Е.* К вопросу об этническом феномене // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – № 2(108). – С. 147–156.

Теркулов 2022 – *Теркулов В.И.* Язык или диалект: к проблеме разграничения явлений // Культура в фокусе научных парадигм. – 2022. – № 14–15. – С. 195–203.

Теркулов, Тамерьян 2023 – *Теркулов В.И., Тамерьян Т.Ю.* Языковая идентификация и идентичность // Политическая лингвистика. – 2023. – № 1(97). – С. 27–34.

Хотинец 2002 – Хотинец В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 121 с.

REFERENCES

ANDERSON B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostranении nacionalizma* [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. – Moscow: Kuchkovo pole, 2016. – 416 p. (In Russ.).

AFSHAGOV A.H. *Istoriya aula Hodz'* [The history of the village of Khodz]. – Khodz village; Maykop: Adygea, 1998. – 178 p.

Doneckij regiolekt [Donetsk regiolect]: a monograph; edited by V.I. Terkulov. – Donetsk: Publishing house of NPP Foliant LLC, 2018. – 265 p. (In Russ.).

Donezhuk M.Y. *Problemy bytovaniya adygejskogo yazyka sredi adygejskoj molodezhi: na primere sravneniya gorodskih i sel'skih studentov v g. Majkop* [Problems of the existence of the Adyghe language among Adyghe youth: an example of comparing urban and rural students in Maykop]. IN: *Elektronnyj zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2023. – No. 1. – Pp. 188-201. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-188-201. EDN: CXFBZN. (In Russ.).

IVANOVA N. *Etnicheskaya identichnost': osobennosti formirovaniya i metody issledovaniya* [Ethnic identity: features of formation and research methods]. IN: *Revista de etnologie și culturologie*. Vol. 1. Chișinău, 2006. – P. 259-265. (In Russ.).

KOCHETKOV V.V. *Nacional'naya i etnicheskaya identichnost' v sovremennom mire* [National and ethnic identity in the modern world]. IN: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. – 2012. – No. 2. – P. 144-162. (In Russ.).

RYBAKOV S.E. *K voprosu ob etnicheskom fenomene* [On the issue of the ethnic phenomenon]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes]. – 2012. – No. 2(108). – P. 147-156. (In Russ.).

TERKULOV V.I. *Yazyk ili dialekt: k probleme razgranicheniya yavlenij* [Language or dialect: to the problem of distinguishing phenomena]. In: *Kul'tura v fokuse nauchnyh paradigm* [Culture in the focus of scientific paradigms]. – 2022. – No. 14-15. – P. 195-203. (In Russ.).

TERKULOV V.I., TAMERIAN T.YU. *Yazykovaya identifikaciya i identichnost'* [Linguistic identification and identity]. In: *Politicheskaya lingvistika*. – 2023. – No. 1(97). – P. 27-34. (In Russ.).

KHOTINETS V.Y. *Etnicheskaya identichnost' i tolerantnost'* [Ethnic identity and tolerance]. – Yekaterinburg: Ural Publishing House. unita, 2002. – 121 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В.И. Теркулов – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

V.I. Terkulov – doctor of sciences (Philology), professor.

Статья поступила в редакцию 30.05.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 30.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Научная статья
УДК 81
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-456-467
EDN: WMNXQM

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР (на примере субкультуры эмо)

Лана Ахмедовна Хуранова

МКОУ «Гимназия № 4», Нальчик, Россия, lan.huran@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0008-9877-1300>

Аннотация. В статье рассмотрены языковые особенности различных субкультур, что является актуальной проблемой современной лингвистики. Это связано с их широким и быстрым распространением среди молодежи. Частным случаем данного типа языковой личности является языковая личность эмо, которая выступает объектом настоящего исследования. Изучение языкового материала, представляющего собой эмический дискурс, позволяет охватить интеллектуальную сферу личности, языковой личности эмо, отличающаяся своим мирозерцанием, мировосприятием, в основе которого лежит эмическая философия смерти и бессмертия. Целью статьи является выявление языковых особенностей субкультуры эмо, отражающих философию, жизненные ценности и принципы её представителей. В статье обобщен новый материал по исследуемой теме, взятый с ЭМо ФоРумов, который позволяет выявить определенную специфику субкультурного языка эмо-кидов. На основании анализа выявлены многократные возможности сознательного фонетического, орфографического, грамматического искажения слов, что приводит к образованию окказиональных слов, среди которых условно можно выделить определенные подгруппы. Предпринята попытка выявления средств художественной выразительности в речи представителей эмо-субкультуры. Анализ эмо-форумов показал, что в речевой деятельности представителей данной субкультуры частотны афоризмы, которые релятивно можно дифференцировать на группы. Установлено, что язык является ключевым способом отражения философии и принципов жизни представителей эмической субкультуры, пропагандирующей свободу выражения собственных эмоций.

Ключевые слова: субкультура, эмо-субкультура, субкультурный сленг, субкультурный окказионализм, эмический афоризм.

Для цитирования: Хуранова Л.А. Языковые особенности молодежных субкультур (на примере субкультуры эмо) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 456-467. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-456-467. EDN: WMNXQM.

© Хуранова Л.А., 2024

Original article

LANGUAGE FEATURES OF DOMESTIC YOUTH SUB-CULTURES (BASED ON THE EXAMPLE OF EMO SUBCULTURE)

Lana A. Khuranova

«Gymnasium No. 4», Nalchik, Russia, lan.huran@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0008-9877-1300>

Abstract. The article examines the linguistic features of various subcultures, which is an urgent problem of modern linguistics. This is because of their wide and rapid spread among young people. A special case of this type of linguistic personality is the emo linguistic personality, which is the object of this study. The study of linguistic material, which is an emic discourse, allows you to cover the intellectual sphere of the personality, the linguistic personality of EMO, characterized by its worldview, worldview, which is based on the emic philosophy of death and immortality. The purpose of the article is to identify the linguistic features of the EMO subculture, reflecting the philosophy, life values and principles of its representatives. The article summarizes new material on the topic under study, taken from EMO forums, which allows us to identify certain specifics of the subcultural language of EMO kids. Based on the study, several deliberate phonetic, spelling, and grammatical distortions of words have been detected, resulting in the development of occasional words, some of which may be conditionally recognized. An attempt was made to determine the ways of creative expression in the speech of emo subculture members. The examination of EMO forums revealed that aphorisms are often used in the speech activity of representatives of this subculture, which may be classified relativistically into groups. It has been shown that language is an important means of representing the philosophy and life beliefs of representatives of the emic subculture, which encourages the free expression of one's own feelings.

Keywords: subculture, emo subculture, subcultural slang, subcultural occasionalism, emic aphorism.

For citation: Khuranova L.A. Language features of domestic youth sub-cultures (based on the example of emo subculture). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 456-467. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-456-467. EDN: WMNXQM.

© Khuranova L.A., 2024

Введение

Существенность взаимоотношений таких понятий, как язык и личность, подтверждается всеми периодами развития языкознания как науки. Выдвижение на передний план антропоцентрической парадигмы во многом обусловлено необходимостью учёта личностного начала, человеческого фактора в языке, осознанием важности изучения языка не «в самом себе и для себя», а через призму человеческого сознания.

Обсуждение

Ещё в XVIII в. в своём труде «Язык и философия культуры» Вильгельм фон Гумбольдт обозначил необходимость исследования того, «как человеческий идеал, которому никогда не адекватна отдельная личность, воплощается во многих индивидуумах» [Гумбольдт 1985: 327]. Значимость поставленной цели учёный аргументировал тем, что знание индивидуальности необходимо для взаимодействия людей в социуме. Учёный утверждал, что «подлинной индивидуальностью наделен лишь конкретный говорящий. Только в речи индивида язык достигает своей окончательной определенности» [Гумбольдт 2000: 84]. По его мнению, нет абсолютного взаимопонимания, так как ни один человек не понимает слово точно так же, как другой индивид. Следовательно, здесь и проявляется дихотомия определения языка как общего/частного явления: язык для всех один, но между тем для каждого свой. «В том, как язык видоизменяется в устах каждого индивида, проявляется, вопреки описанному выше

могуществу языка, власть человека над ним», – пишет Гумбольдт, подтверждая тем самым необходимость антропологического подхода к языку [Гумбольдт 2000: 84].

Важность человеческого фактора в языке обосновывал Герман Штейнталь в работе «Грамматика, логика и психология (их принципы и их взаимоотношения)», утверждая, что любой язык необходимо рассматривать как представление о мире человека, не только внешнем, но и внутреннем, созданное инстинктивным самосознанием: «...язык по своей сути есть продукт сообщества, народа. Когда мы называем язык инстинктивным самосознанием, инстинктивным мировоззрением и логикой, это означает, что язык является самосознанием, мировоззрением и логикой духа народа» [Штейнталь 1964: 115].

Безусловно, нельзя рассматривать язык в отвлечении от человека. Так, Герман Остгоф и Карл Бругман в труде «Предисловие к книге «морфологические исследования в области индоевропейских языков» писали о том, что язык не вещь, которая стоит обособленно, вне людей и над ними, «живёт» только для себя [Звегинцев 1964: 466]. В гипотезе лингвистов красной нитью проходит мысль о влиянии языка на сознание человека: «психическая и физическая деятельность человека при усвоении унаследованного от предков языка и при воспроизведении и преобразовании воспринятых сознанием звуковых образов остается в своем существе неизменной во все времена» [Звегинцев 1964: 193-194].

В отечественном языкознании скрупулезное исследование проблемы языковой личности было проведено Г.И. Богиным и Ю.Н. Карауловым.

Г.И. Богин предложил в 80-е гг. XX в. модель лингводидактической языковой личности, которую он определил как человека, рассматриваемого с точки зрения его готовности исполнять речевые поступки, человека, который присваивает язык [Богин 1984: 25]. Следовательно, языковую личность ученый характеризует как многокомпонентный набор языковых способностей, умений, «готовностей» к осуществлению речевых поступков разного уровня сложности, дифференцированных как по видам речевой деятельности, так и по языковым ярусам. Г.И. Богин отмечает, что каждый человек наделен врожденной способностью быть языковой личностью, но между тем он должен в процессе социализации стать ею: «...человек обладает родовой способностью быть языковой личностью, но каждый индивид еще должен стать ею» [Богин 1984: 2]. Формирование, развитие и становление языковой личности зависит от уровня владения языком. Г.И. Богин выделяет 5 уровней развития личности, располагая их в определенной последовательности от высшего к низшему: 1 уровень – правильность (реализация норм данного языка), 2 уровень – интериоризация (формирование цельного представления о высказывании), 3 уровень – насыщенность (широкое использование богатства языка и речи), 4 уровень – адекватный выбор (точный, уместный выбор единиц речевой цепи в пределах одного предложения), 5 уровень – адекватный синтез (производство или синтетическое восприятие «целого текста со всем сложнейшим комплексом как присущих ему средств коммуникации предметного содержания, так и присущих ему средств выражения духовного содержания личности самого коммуниканта») [Богин 1984: 7–9]. Прохождение рассматриваемых уровней, непосредственно связан-

ных между собой, по мнению ученого, присуще каждой языковой личности. Так, человек, во-первых, усваивает принятые в обществе нормативные средства языка, во-вторых, осмысливает и формирует представление о передаваемой информации, в-третьих, постигает такие коммуникативные качества речи, как выразительность и богатство, выражающиеся в обилии словарного запаса; в-четвертых, учится реализовывать в своей речевой деятельности наиболее соответствующее данной языковой ситуации в целом словоупотребление, в-пятых, учится составлять и использовать целый текст с учетом его формы и содержания: «...языковая личность, (1) овладев принятыми в обществе высокочастотными средствами прямой номинации, переходит к (2) интериоризации речи, что открывает ей путь к (3) лексико-грамматическому многознанию и, далее, к (4) своеобразной свободе в выборе средств выражения из множества потенциальных субституентов. Достижение этой свободы позволяет развитой языковой личности (5) оперировать целым текстом таким образом, чтобы форма текста оптимально рефлексировалась в содержании, выступала как "содержательная форма"» [Богин 1984: 9-10].

XXI в. – время глобальных изменений в обществе, эпоха модификаций и трансформаций действительности, что, безусловно, отражается в языке и через язык. Актуальной проблемой современной лингвистики становится изучение языковых особенностей различных субкультур, что связано с их широким и быстрым распространением среди молодежи. На сегодняшний день выделяют следующие молодежные субкультуры: воркаутеры, ванильки, халлю, эмо, готы, геймеры, фрики, хипстеры и т.п. Как известно, именно молодежь является очагом всевозможных перемен, что обусловлено их стремлением к свободе, самовыражению, самореализации, индивидуализации, отречению от существующей традиционной культуры.

Чтобы отразить отличительные особенности субкультуры, рассмотрим несколько дефиниций данного понятия.

Субкультура – это «система норм и ценностей, отличающих группу от большинства общества. Субкультура (подкультура) – понятие, характеризующее культуру группы или класса, которая отличается от господствующей культуры или же является враждебной этой культуре (контркультура). Современное общество, базирующееся на разделении труда и социальной стратификации, представляет собой систему многообразных групп и субкультур, находящихся в весьма различном отношении друг к другу (например, молодежная субкультура, различные профессиональные субкультуры и др.)» [Новейший философский словарь 1999: 1201]; «сфера культуры, суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственным ценностным строем, обычаями, нормами» [Гуревич 1998: 153–57]; «культура отдельных сословий, классов, социальных групп, возрастных, профессиональных объединений, обладающих определенной автономностью существования, своим языком (сленгом, жаргоном), единством ценностных установок, мышления, образа жизни» [Кононенко 2003: 512]; «культура группы в пределах более крупного культурного образования, которая часто находится в осознанном противостоянии к последнему; она формирует собственные культурные элементы, которые боль-

шинством считаются менее ценными, ущербными (напр., ХИППИ, панки (ПАНК) и др.)» [Комлев 2006: 669].

Реализация индивида как личности возможна только в обществе, в результате общения к себе подобными, что является свидетельством важности изучения категории языковой личности в социологии. «Личность, как утверждает Тимофеев, – это человек, уже присвоивший в процессе социализации свою человеческую сущность, в том числе и язык общества, в объеме, необходимом в данный момент жизни и развития для равноправного с другими людьми участия в производстве материальных и духовных, в том числе и языковых ценностей» [Тимофеев 1971: 25]. С этой дефиницией коррелирует и мнение о том, что каждая языковая личность «занимает определенную социальную позицию в обществе, где реализует конкретные социальные роли. Следовательно, и в социологии значение личности первично, так как без неё не будет общества» [Башиева, Дохова, Шогенова 2012: 141-146]. То есть главное понятие для описания личности в социологии – понятие социальной роли, изначально предписываемой всем членам социума. Об этом же свидетельствует утверждение С.К. Башиевой и З.Р. Доховой о том, что языковая личность не может существовать изолированно, она – неотъемлемая часть общества, принимающая активное участие во всех сферах общественной жизни разных уровней [Башиева, Дохова 2011: 163–169]. Рассматривая различные психологические теории и концепции личности, лингвисты приходят к выводу о том, что «в психологии существуют разные дефиниции понятия личность, которые, несмотря на все отличия между собой, в главном не противоречат друг другу и пониманию личности в других гуманитарных науках» [Башиева, Дохова, Шогенова 2012: 143]. И эта общность, по мнению авторов, заключается в восприятии личности как социального субъекта, принимающего активное участие в различных сферах общественной деятельности и общающегося с себе подобными.

Из всех данных выше определений следует, что любая субкультура является непосредственным или опосредованным противостоянием существующему укладу, установленным традициям, в результате чего её носителями создаются собственные миры, отличные от реального.

Ярким представителем молодёжных субкультур выступает эмо-культура (эмо – от эмоции) – течение, ставшее в РФ массовым среди подростков. В России эмо стиль в молодежной субкультуре начал свое развитие с 2000-х г., Кавказские Эмо до сих пор являются довольно популярной субкультурой среди подростков, которые позиционируют как эмо-киды. Их отличительная черта – внешние образы и музыкальные вкусы. Например, готы и эмо в дагестанском селе Хушуют, не выходявшие на связь с 2007 до начала 2010 г. (причина – сход горной лавины,) сохранили свою верность субкультуре, т.е. хранят верность прежним идеалам. несмотря на то, что имели контакты с внешним миром, атрибутику своей субкультуры¹.

Цель настоящей статьи – выявить языковые особенности эмо-субкультуры, отражающие философию, жизненные ценности и принципы её представителей.

¹ Электронный ресурс. Режим доступа: www.pikabu.ru. Дата обращения – 15.05.2024 г.

Анализ практического материала, взятого с «эМо ФоРуМов»¹, дает возможность рассмотреть специфику субкультурного языка эмо-кидов.

На эмо-форумах используется огромное количество бранной лексики. Примерно 40 % используемой представителями данной молодежной субкультуры лексики – мат. Не будем заострять внимание на употреблении обозначенного лексического пласта. По-видимому, сквернословя, эмофорумчане демонстрируют протест, выражают свои эмоции, пытаются быть не как все².

Основные составляющие российской эмо-культуры: музыка, стиль, внешность, непринятие существующего, индивидуальность. Эмо-киды, как себя называют подростки, пропагандирующие эмо-субкультуру, предпочитают чёрный и розовый цвета, что весьма символично: чёрный – смерть (в их разговоре, творчестве всегда наличествует тема смерти, страдания, душевного переживания, суицида), розовый – счастливая жизнь (часто их стихотворения посвящены любви, светлым чувствам). Длинные чёлки, которые нередко встречаются у эмо-гёрлов и эмо-боев, – своеобразная защита от окружающей действительности, полной, по их мнению, агрессии, тревоги, волнений и разлада. Эмо-киды ценят яркие эмоции, чистые чувства. Резкий переход от депрессии, грусти к радости и наоборот – ключевая составляющая данной субкультуры. Однако самое главное в эмической культуре, как во всех молодежных субкультурах, – протест, жажда самовыражения. Философия, стиль жизни, манера самоутверждения, мировоззрение представителей субкультуры эмо ярко представлены в следующем эмическом стихотворении:

Я это я и я emo kid!!!!!!

Эмоциональный ребёнок, живущий по своим правилам жизни!

Хочеш, мы будем плакать на набережной

Я буду целовать твои пальцы бережно.

Мы будем бледными ужасна томными.

Твои волосы светлы. Мои будут тёмными.

Ты будешь такая наивна печальная

Тонкие руки. Прикосновения случайные....

Мой взгляд будет в небо. Твой слёзно задавленный

Я буду чуточку болен, смертью разбавленный.

Хочеш, мы будем плакать под нажмае эмо

О, Боже, на меня давят стены.

Давай грустными стихами испишем обои

*Хочешь я буду твоим **Емо-боем** (выделено автором)³.*

Таким образом, эмо-субкультура – самовыражение, своеобразный протест против существующей традиционной культуры её представителей, что демон-

¹ Электронный ресурс. Режим доступа: <https://vk.com/emoneverdieblyat>. Дата обращения – 12.05.2024 г.; [эМо ФоРуМы](https://vk.com/emoneverdieblyat) // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://vk.com/emoneverdieblyat> Дата обращения – 12.05.2024 г.; То же самое: https://vk.com/wall413024165_1090; https://vk.com/wall-203050289_384; newdaynews.ru; liveinternet.ru/users/3204422/post101158005/; pikabu.ru 18 января 2024 г.

² Электронный ресурс. Режим доступа: <https://vk.com/emoneverdieblyat> Дата обращения – 10.05.2024 г.; Электронный ресурс. Режим доступа: liveinternet.ru/users/3204422/post101158005/ Дата обращения – 10.05.2024 г.

³ Я это я и я emo kid!!!!!! // Электронный ресурс. Режим доступа: vk.com/wall413024165_1090 . Дата обращения – 12.05.2024 г.

стрируется посредством поведения, речевого поведения. Часто несогласие демонстрируют через изменение своего внешнего облика или ношения экстравагантной, необычной одежды. Выражается неприятие общеустановленных принципов, законов проживания в социуме и в речевой деятельности: протестующий использует слова и выражения, выделяющие его из «массы», нередко употребляет нецензурную лексику, сленг (молодежный, субкультурный), окказионализмы.

Часто в письменной речи представителей эмо-субкультуры встречается **сленг**: *рЕбЗиКи* (сленг геймеров – небольшая братия), *одмен* (сленг гопников – эрратив от «администратор сетевого ресурса»); *сохраненки* (компьютерный сленг – сохраненные видео и изображения в соцсетях: *Картинку в сохраненки*); *зарегался* (компьютерный сленг – зарегистрировался); *бан* (компьютерный сленг – блокировать); *випочка* (компьютерный сленг – игровой канал **ViPochka**); *сАкС* (молодёжный жаргон – неприятие чего-то, проявление отрицательного отношения к чему-л.), *рЕбЗя* (молодёжный сленг – ребята, парни); *жесть* (молодёжный жаргон – оценка сложной, трудной, безнадёжной ситуации); *чел / челик* (молодёжный жаргон – человек); *внутури* (в натуре) (молодёжный жаргон – на самом деле, действительно); *ржака* (молодёжный жаргон – то, что заставляет смеяться); *плак* (молодёжный жаргон – слезы текут, плачу); *жиза* (молодёжный жаргон – жизнь, жизненно); *аФфки* (молодёжный жаргон – аватар, картинки, которые выставляются на своих страницах в соцсетях); *еж-жи* (молодёжный жаргон – видоизменённое «есть же»); *рип, рипнулся (рипнулась)* (молодёжный жаргон – умер, умерла); *угораете* (молодёжный жаргон – смеётесь); *фигеете* (молодёжный жаргон – стать невменяемым); *гнать* (молодёжный жаргон – врать, преувеличивать); *няшность* (молодёжный жаргон – миленький, хорошенький); *недовочки* (молодёжный жаргон – копирующий какую-то субкультуру); *лайкать* (молодёжный жаргон – ставить лайки, нравится); *комменты / коммы* (молодёжный жаргон – комментарии); *кринжово* (молодёжный жаргон – стыдно за кого-то); *лмао* (молодёжный жаргон – громко хохотать); *отжиг* (молодёжный жаргон – выходить за рамки дозволенного, приличного); *дуркО* (молодёжный жаргон – дурачок); *лафный* (молодёжный жаргон – классный); *музыка* (молодёжный жаргон – музыка); *затащилась* (молодёжный жаргон – понравилась); *заикварно* (молодёжный жаргон – немодно); *лол* (молодёжный жаргон – громко смеяться); *рил* (молодёжный жаргон – на самом деле); *схавал* (молодёжный жаргон – съел); *нюфаги* (молодёжный жаргон – новичок, нуб); *стеб* (молодёжный жаргон – издевательство); *тролли* (молодёжный жаргон – те, кто публикует в инете обидные шутки, провокации); *пикча* (молодёжный жаргон – картинка, рисунок); *двач* (молодёжный жаргон – форумов, где можно общаться, не указывая свои данные); *насталкерил* (молодёжный жаргон – преследовать кого-то); *фанфик* (молодёжный жаргон – любительское сочинение по мотивам популярных оригинальных литературных произведений, произведений киноискусства); *лафФфкАю* (молодёжный жаргон – люблю); *недалить* (молодёжный жаргон – жаловаться); *рофлить* (молодёжный жаргон – катаюсь по полу от смеха); *трушность* (молодёжный жаргон – настоящий); **ТРУЪ ЭМО** (эмический сленг – настоящий эмо), **ЭМОЧКИ** (эмический сленг –

представительницы эмо-субкультуры), *эмяночка* (эмический сленг – представительницы эмо-субкультуры), *эмо-тянки* (эмический сленг – привлекающие представительницы эмо-субкультуры), *эмари* / *эмобой* (эмический сленг – представитель мужского пола эмо-субкультуры), *ето kid* (эмический сленг – представители эмо-субкультуры), *анти эмо* (эмический сленг – выражающие негативное отношение к накрашенным и отличающимся стилем поведения эмобоям и эмочкам), *позеры* (эмический сленг – ненастоящие, притворяющиеся эмо: *но ведь эмо не все эмо режут вены... и эмо не грустят 25/8... не путайте позеров и тру эмо пжс*); *кемы* (эмический сленг – обозначение представителей американской рок-группы My Chemical Romance); *эмО фУрР* (эмический сленг – эмические фурри – представители субкультуры, интересующиеся антропоморфными, мифологическими и анимешными животными); *шмары* (арго – девушка легкого поведения); *камбек* (спортивный сленг – возвращение).

Нередки случаи намеренного фонетического, орфографического, грамматического коверкания слов, что приводит к образованию **окказиональных слов**, среди которых условно можно выделить следующие подгруппы:

1) **графические окказионализмы**, базирующиеся на выделении букв (эмо в наших *МрАчНыХ дУшАх*); *ЛЮбОвЬ сАкС*; *ЛюБоВь – Смысл Жизни*; смысл моей *эмО Жизни ЛюБоВь*; *жЕлаеМ вАм МенЬшЕ сЛьОзОк*, *бОльшЕ ЭМОций и ЩасТя!!*; *ГорИ в ОдУ АнТи эМО*; *ДжЕраРд МиКИ БоБ ФрЕнКИ и Рей*; *БлИн РеАльнО ГрусТнООО =(((((((и ОчЕнь БоЛьНо*; *псИхОпАтКо*; *РОЗАвАго*); на замене буквы цифрой (*4то*, *4ему*, *эмО4ки*); на замене буквы символом (*нефОорм@лЬ*); на сочетании кириллицы и латиницы (*nРиВиФфКи*, *ОпАSnЫй воЗрASm*);

2) **фонетические окказионализмы**, основанные на звуковом искажении: замена гласной (*пожалусто*, *котЕки*, *нЕщЯстнаго*, *сЛьОзОк* (замена Ё на Ё), *Од*, *ЩЯС*, *каво*, *внутури* (в натуре), *асуждаю*, *будиш*, *маим*, *тваей*, *вмисте*, *пайдом*, *славарьом*, *непотрожаемые*, *краСаТа*, *возрадить*, *здохле*, *жыфф*, *кладбищО*, *псИхОпАтКо*, *Нит* конечно *ни жалка*, *жызнена*, *плоха*, *заиол*, *пуФФынка*, *слушоть*, *емо*, *ето*); замена согласных звуков (*нЕщЯстнаго*, *каво*, *буту*, *непотрожаемые*, *гдазик*, *здохле*, *чево*, *пуФФынка*, *КлАффНеНьКиЕ*); замена согласных звуков по глухости-звонкости (*жЫфф*, *ффсегда*, *пАзИтИффЧиГ*, *збила*); стяжение согласных звуков (*ЩасТя*, *Нравица*, *аЦЦкий*, *Ща*, *щас*, *чет* (что-то)); обозначение буквы двумя звуками (*чиорт*); выпадение звуков (*здрасьте*, *посибо*); усечение звуков (*во* (вот), *чт* (что), *пж* (пожалуйста), *кста* (кстати), *Ща* (сейчас), *днeve* (дневнике), *алб* (альбом), *проц* (процент), *согл* (согласен); избыточное смягчение (*тебья*);

3) **словообразовательные окказионализмы**, базирующиеся на образовании нового слова посредством различных морфем: *поэтищце* (поэт + суффикс –ищ, придающий существительному значение увеличения; поскольку здесь Щ повторяется дважды, можно предположить, что имеется в виду еще большая степень увеличения, то есть «великий, гениальный поэт»); *прокринжовали* (про + кринж + -ова- + -л- = постыдились за кого-то); *бараниха* (баран + суффикс –их, образующий существительные, обозначающие самок животных: *Но увы большинство баранов и бараних*); *вкусняха* (вкус + -н- + -ах-

/-ях-, образующий стилистически сниженный синоним мотивирующих существительных: *вместо того чтобы возмущаться могли бы вкусняху передавать*); *твиттерские* (твиттер + -ск-, придающее слову отношения свойственности или типической принадлежности тому, что названо мотивирующим словом); *орнул* (ор + -ну-, придающее слову значение мгновенности действия, + -л = крикнул); *передознулся* (образуется с помощью суффикса -ну-, придающего слову значение мгновенности действия); *слушабельный* (данное слово образовано с помощью суффикса -бельн-, придающее слову значение легкой доступности действия, по принципу слова *читабельный*); или основывающиеся на сокращении двух и более слов (образовании аббревиатур): *омГ* (Oh My God!(о Боже мой!); *вк* (вконтакте); *имо* (In my opinion (по моему скромному мнению);

4) **лексические окказионализмы**, основанные на искажении лексического значения слова, приобретения им новой, не свойственной ему ранее смы: *дэлэтэд* (от Delete – клавиша на компьютерной клавиатуре, предназначенная для удаления, отсюда значение данного окказионализма – удаляюсь); *френдли фаер* (выражение 'friendly fire', которое первоначально обозначало 'огонь на своих', приобрело в молодежном сленге значение 'дружелюбный, хороший, весёлый человек': *это френдли фаер огонь по своим*); *сентябрить* (данный глагол, имеющий сему «погода, присущая первому осеннему месяцу», приобретает новое значение «расслабиться»); *ору* (кроме прямого значения, данное слово приобретает сленговое значение — «сильно смеяться, хохотать»: *особенно ору с последнего*); *душный* (кроме прямого значения, данное слово приобретает сленговое значение – «занудный, сложный, педантичный человек»).

В эмической речи нередко случаи употребления **английских слов и фраз**, представленных **на кириллице**: *МЕЙК ЛАФФФ НОУ ВОР* (Make love, not war – Любите, а не воюйте); *айм э солдер оф фортун* (название песни «Soldier of Fortune» британской рок-группы Deer Purple); *чемикал роменс* (My Chemical Romance – название американской рок-группы); *фрэнк айеро* (Frank Iero – американский рок-музыкант группы My Chemical Romance); *росс боттом* (rock bottom – твёрдое основание); *беон* (Beon.ru – сервис, на котором можно вести дневники, тестироваться, играть); *ф.т. виллз* (F.T. Willz – музыкант, поэт); *юноу* (You know – фраза, часто используемая блоггером Брайном Мапсом, означающая «ты знаешь/понимаешь»).

Нечасто, но встречается использование **грубых просторечных слов**: *морда* (*морды* вам сентябрить); **книжной устаревшей лексики**: *сей* (...и улучшение сего нЕЩЯстного мира), *бренной* (По-моему, лучший пост что я видел в своей бренной жизни), *воистину*; **терминов**: *андеграунд* (мы *андеграунд*), *аутентичность* (у меня внутренняя истерика от *АУТЕНТИЧНОСТИ* этого вот).

Своеобразно представлены на эмо-форумах и **графические знаки**: *</3* (сочетание графических знаков, выражающих любовь); *<33* (настоящая любовь); *=)* (глаз); *черные волосы это круто и челка наодин...=)*; *((((((((* (грусть); *БлИн РеАльнО ГрусТнООО =((((((((*; *=((((((((((((* (слёзы); *и ОчЕнь БоЛЬНо =((((((((((((*.

Среди **средств художественной выразительности** в речи представителей эмо-субкультуры встречаются:

1) **сравнения:** *ждем альбом как смерти* (не случайно в данной фразе сравнивается ожидание альбома с ожиданием смерти – в философии эмо субкультуры позиционируется отсутствие страха перед смертью, представители эмо отличаются суицидальностью; то есть эта фраза означает, что выход определенного альбома ждут с нетерпением);

2) **метафоры:** *глаза сломались* (*У меня глаза сломались*);

3) **плеоназм** (речевое излишество): *глубоко deer* (*deer* – глубокая яма, из которой трудно выбраться);

4) **фразеологизм:** *да я душу продам дьяволу, лишь бы на их концерт попасть*;

5) **каламбур:** *Пиво ты конечно не Tokio, но я всегда тебя... HOTEL* (*Tokio Hotel* — немецкая поп-рок-группа).

Проанализированные эмо – форумы показали, что в речевой деятельности представителей данной субкультуры частотны **афоризмы**, которые релятивно можно дифференцировать на следующие группы:

1) **общепринятые афоризмы:** *МЕЙК ЛАФФФ НОУ ВОР* (*Make love, not war* – *Любите, а не воюйте* (лозунг, который был приурочен к войне во Вьетнаме); *ребята давайте жить дружно* (из мультфильма «Приключения кота Леопольда»); *Остановите Землю, я сойду* (Эту фразу впервые придумали английские драматурги Лесли Брикасс и Энтони Ньюли, назвав так свой мюзикл. В дальнейшем эту фразу использовали многие поэты и исполнители, например, Леонид Дербенев и Лолита Милявская);

2) **искаженные афоризмы:** *времена меняются, кемы нет* (Правители меняются – нации остаются. Шарль де Голль); *Все девушки ждут принца на белом коне, а я жду челкастого на скейте* (Каждая девушка мечтает о принце на белом коне); *если цсмх не идёт к тебе, ты идёшь к цсмх* (**Если гора не идет к Магомету, Магомет придет к горе**) (Ф. Бэкон); *Побеждённому ЭМО победитель оставляет глаза – чтобы было чем плакать... и вены – чтобы было что резать* (Побежденному победитель оставляет только глаза, чтобы было чем плакать (Бисмарк);

3) **эмические афоризмы**, выражающие мировоззрение, мирозерцание представителей эмо субкультуры: *лЮбОвЬ сАкС*; *ЛюБоВь – СмыСл ЖиЗ-ни*; *Эмо спасают мир*; *Любовь зла, а жизнь еще злее*.

Выводы

Таким образом, проанализированный материал дает возможность утверждать, что существует огромное количество дефиниций понятия языковой личности, каждая из которых делает упор на конкретную составляющую данной лингвистической категории. Учитывая все наиболее распространённые определения понятия «языковая личность», попытаемся сформулировать собственное толкование, которое сводится к следующему: языковая личность – это личность, обладающая культурно детерминированным менталитетом, специфической картиной мира, своеобразными ценностями, реализующая различные когнитивные и концептуальные подходы в языке и через язык.

Исследование понятия «языковая личность» потребовало рассмотрения ряда теоретических вопросов, связанных с определением его содержания и структуры, подходов и типов.

Язык является ключевым способом отражения философии и принципов жизни представителей эмигрантской субкультуры, пропагандирующей свободу выражения собственных эмоций. Исследованный материал свидетельствует, во-первых, о разностороннем проявлении языковой личности представителя субкультуры эмо в языке и через язык, во-вторых, о возможности самовыражения путем использования различных изобразительно-выразительных средств, которые реализуются в многообразных формах практически на всех языковых ярусах.

РАБОЧИЙ МАТЕРИАЛ

[эМо ФоРуМы](https://vk.com/emoneverdieblyat) – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://vk.com/emoneverdieblyat>. Дата обращения – 12.05.2024 г.

[эМо ФоРуМы](https://vk.com/wall413024165_1090) – Электронный ресурс. Режим доступа: https://vk.com/wall413024165_1090. Дата обращения – 12.05.2024 г.

Субкультура Кавказские эмо. Кавказские эмо-потомки... // Электронный ресурс. Режим доступа: https://vk.com/wall-203050289_384 Дата обращения – 12.05.2024 г.

Я ЭМО!. Обсуждение на LiveInternet // Электронный ресурс. Режим доступа: liveinternet.ru/users/3204422/post101158005/. Дата обращения – 12.05.2024 г.

Ты можешь быть эмо и можешь быть гот // Электронный ресурс. Режим доступа: [pika-bu.ru/18 января 2024> гот](https://pika-bu.ru/18-января-2024-гот/); Дата обращения – 12.05.2024 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Башиева, Дохова, Шогенова 2012 – *Башиева С.К., Дохова З.Р., Шогенова М.Ч.* Понятие языковая личность как уникальная и полиаспектная категория // *Язык, культура, этикет в современном полиэтническом пространстве: материалы Международной конференции.* – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2012. – С. 141–146.

Башиева, Дохова 2011 – *Башиева С.К., Дохова З.Р.* Особенности формирования языковой личности, учащихся в полилингвальной школе (на материале Кабардино-Балкарской Республики) // *Актуальные проблемы современного образования // Сборник научных трудов // Материалы Всероссийской конференции под редакцией Р.П. Бибиловой.* – Часть 1. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2011. – С. 163–169.

Богин 1984 – *Богин Г.И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дисс... д-ра филолог. наук. – Л., 1984. – 2–38 с.

Гумбольдт 1985 – *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 327 с.

Гумбольдт 2000 – *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 84 с.

Гуревич 1998 – *Гуревич П.С.* Субкультура // *Культурология. XX век: Энциклопедия.* – СПб.: Университетская книга, 1998. – Т. 2. – 153–157с.

Звегинцев 1964 – *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – Ч. I. – М.: Просвещение, 1964. – 466 с.

Комлев 2006 – *Комлев Н.Г.* Субкультура // *Словарь иностранных слов.* – М.: Эксмо, 2006. – 669 с.

Кононенко 2003 – *Кононенко Б.И.* Субкультура // *Большой толковый словарь по культурологии.* – М.: Вече, АСТ, 2003. – 512 с.

Новейший философский словарь 1999 – *Новейший философский словарь / Гл. науч. ред. и сост. Грицанов А.А.* – Минск: Изд. В.М. Скакун, 1999. – 877 с.

Тимофеев 1971 – Тимофеев В.П. Личность и языковая среда. – Шадринск: б/и, 1971. – 122 с.

Штейнталь 1964 – Штейнталь Г. Грамматика, логика и психология. Их принципы и их взаимоотношения // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. – М.: Просвещение, 1964. – С. 115.

REFERENCES

BASHIEVA S.K., DOKHOVA Z.R., SHOGENOVA M.CH. *Ponyatie yazykovaya lichnost' kak unikal'naya i poliaspektnaya kategoriya* [The concept of linguistic personality as a unique and multidimensional category]. In: *Yazyk, kul'tura, etiket v sovremennom polietnicheskom prostranstve: materialy Mezhdunarodnoi konferentsii*. – Nal'chik: Kab.-Balk. un-t, 2012. – P. 141-146. (In Russ.).

BASHIEVA S.K., DOKHOVA Z.R. *Osobennosti formirovaniya yazykovoi lichnosti, uchashchikhsya v polilingval'noi shkole (na materiale Kabardino-Balkarskoi Respubliki)* [Features of the formation of a linguistic personality of students in a multilingual school (based on the material of the Kabardino-Balkarian Republic)]. In: *Aktual'nye problemy sovremennogo obrazovaniya // Sbornik nauchnykh trudov // Materialy Vserossiiskoi konferentsii pod redaktsiei R.P. Bibilovoi*. – Chast' 1. – Vladikavkaz: Izd-vo SOGU, 2011. – P. 163–169. (In Russ.).

BOGIN G.I. *Model' yazykovoi lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekстов* [The model of the linguistic personality in its relation to the varieties of texts]: avtoref. diss... d-ra filolog. nauk. – L., 1984. – P. 38. (In Russ.).

GUMBOL'DT V. *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and philosophy of culture]. – M.: Progress, 1985. – 327 p. (In Russ.).

GUMBOL'DT V. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. – M.: OAO IG «Progress», 2000. – 84 p. (In Russ.).

GUREVICH P.S. *Subkul'tura* [Subculture]. In: *Kul'turologiya. XX vek: Entsiklopediya*. – SPb.: Universitetskaya kniga, 1998. – T. 2. – P. 153-157. (In Russ.).

ZVEGINTSEV V.A. *Istoriya yazykoznaniya XIX-XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [The history of linguistics of the XIX-XX centuries in essays and extracts]. – Ch. I. – M.: Prosveshchenie, 1964. – 466 p. (In Russ.).

KOMLEV N.G. *Subkul'tura* [Subculture]. In: *Slovar' inostrannykh slov*. – M.: Eksmo, 2006. – 669 p. (In Russ.).

KONONENKO B.I. *Subkul'tura* [Subculture]. In: *Bol'shoi tolkovyi slovar' po kul'turologii*. – M.: Veche, AST, 2003. – 512 p. (In Russ.).

Noveishii filosofskii slovar' [The latest philosophical dictionary] / Gl. nauch. red. i sost. Gritsanov A.A. – Minsk: Izd. V.M. Skakun, 1999. – 877 p. (In Russ.).

TIMOFEYEV V.P. *Lichnost' i yazykovaya sreda* [Personality and language environment]. – Shadrinsk: b/i, 1971. – 122 p. (In Russ.).

SHEINTAL' G. *Grammatika, logika i psikhologiya. Ikh printsipy i ikh vzaimootnosheniya* [Grammar, logic and psychology. Their principles and their relationships]. In: *Zvegintsev V.A. Istoriya yazykoznaniya XIX-XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. Chast' I*. – M.: Prosveshchenie, 1964. – P. 115. (In Russ.).

Информация об авторе

Л.А. Хуранова – кандидат филологических наук.

Information about the author

L.A. Khuranova – Candidate of Sciences (Philology).

Статья поступила в редакцию 23.05.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 23.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья

УДК 81`34:81`42:811.111

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-468-479

EDN: WROQCU

**О НЕКОТОРЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
СПОНТАННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО
И КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКОВ)**

**Альберд Тахирович Бозиев¹, Рита Биляловна Кенетова²,
Загират Талибовна Хашхожева³**

¹ Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия

^{1,2,3} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ alberdboziev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2383-5268>

² ritakenetova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9791-1841>

³ zagirat_inkaz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2022-3589>

Аннотация. В статье рассматриваются два фонетических явления английской и кабардино-черкесской спонтанной речи – ассимиляция согласных и элизия согласных и гласных в потоке речи. В целом процессы, происходящие в живой речи, при их незнании, могут превратиться в фактор, затрудняющий перцептивную оценку высказывания. Данное обстоятельство в результате приводит к различному роду сложностям при осуществлении коммуникации, особенно в ситуации непринуждённого общения, характерной особенностью которой является опора на неполный стиль общения. В ходе исследования проанализированы работы авторитетных российских и зарубежных фонетистов, обращено внимание на перегруженность понятия ассимиляции при наличии терминов, способных точнее описать определённое фонетическое явление, сделана попытка систематизировать представленные данные и ответить на вопрос о том, насколько явления ассимиляции и элизии носят регулярный характер: в английской спонтанной речи ассимиляции чаще имеет место на стыке морфем, а элизия согласных происходит при большом стечении (кластерах) согласных, элизия гласных – в безударном положении; для кабардинской спонтанной речи характерна регрессивная ассимиляция, элизия гласного в конце морфемы.

Ключевые слова: адаптация, аккомодация, ассимиляция, коартикуляция, элизия, спонтанная речь, восприятие

Для цитирования: Бозиев А.Т., Кенетова Р.Б., Хашхожева З.Т. О некоторых фонетических особенностях спонтанной речи (на материале английского и кабардино-черкесского языков) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 468-479. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-468-479. EDN: WROQCU.

© Бозиев А.Т., Кенетова Р.Б., Хашхожева З.Т., 2024

Original article

ON SOME PHONETIC FEATURES OF SPONTANEOUS SPEECH (BASED ON THE ENGLISH AND KABARDIAN-CIRCASSIAN LANGUAGES)

Alberd T. Boziev¹, Rita B. Kenetova², Zagirat T. Khashozheva³

¹ Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

^{1,2,3} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

¹ alberdboziev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2383-5268>

² ritakenetova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9791-1841>

³ zagirat_inkaz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2022-3589>

Abstract. The article examines two phonetic phenomena of English and Kabardino-Circassian spontaneous speech – assimilation of consonants and elimination of consonants and vowels in the flow of speech. In general, the processes occurring in live speech, if they are not known, can turn into a factor that complicates the perceptual assessment of the utterance. This circumstance results in various kinds of difficulties in communication, especially in a situation of casual communication, a characteristic feature of which is reliance on an incomplete communication style. In the course of the study, the works of authoritative Russian and foreign phoneticians have been analyzed, attention has drawn to the overload of the concept of assimilation in the presence of terms that can more accurately describe a certain phonetic phenomenon, an attempt is made to systematize the presented data and answer the question of how regular the phenomena of assimilation and elision are: in English spontaneous speech, assimilation often occurs at the junction of morphemes, and consonant elision occurs with a large confluence (clusters) of consonants, vowel elision occurs in an unstressed position; Kabardian spontaneous speech is characterized by regressive assimilation, the elimination of the vowel at the end of the morpheme.

Keywords: adaptation, accommodation, assimilation, coarticulation, elision, spontaneous speech, perception

For citation: Boziev A.T., Kenetova R.B., Khashozheva Z.T. On some phonetic features of spontaneous speech (based on the English and Kabardian-Circassian languages). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 468-479. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-468-479. EDN: WROQCU.

© Boziev A.T., Kenetova R.B., Khashozheva Z.T., 2024

Введение

Актуальность исследования определяется общим лингвистическим интересом к изучению вопросов, касающихся живых фонетических процессов, происходящих в спонтанной (неподготовленной) речи.

Целью статьи является анализ некоторых фонетических особенностей спонтанной речи современной английской и кабардинской речи.

В ходе исследования решались **следующие задачи:**

– описать наиболее важные фонетические процессы, происходящие в английской спонтанной речи, без знания которых затрудняется восприятие и адекватная оценка речевых произведений различной протяжённости;

– представить авторские наблюдения за кабардинской спонтанной речью.

Материал и методика исследования. В работе анализировались труды как отечественных (советский и российский периоды), так и некоторых зарубежных исследователей по вопросам, касающимся изменений в звукопотоке в ситуации осуществления не подготовленной заранее коммуникации. Особое внимание было уделено только сегментному уровню – явлению ассимиляции и элизии согласных и элизии гласных. Супraseгментный уровень остался за пределами данного исследования.

Обсуждение

Существует много факторов, затрудняющих восприятие иноязычной речи. Одним из них является незнание фонетических процессов, протекающих в живой речи. Главным приёмом при обучении иностранному языку является опора на полный стиль произношения. В спонтанной речи реализуется неполный стиль, который может кардинально менять звуковой образ слова или делать его трудно узнаваемым. Данное явление предполагает адаптацию, аккомодацию, ассимиляцию и элизию согласных, а также комбинаторные и позиционные изменения гласных, их элизию. Любое отклонение от перцептивно ожидаемого звукоряда приводит к усложнению процесса восприятия. Далеко не случайно то, что в практических и теоретических фонетиках разных языков уделяется достаточно большое внимание вопросам, связанным с особенностями реализации звуков в живой речи. Данная проблема освещена в работах В.Д. Аракина, Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкой, Л.Р. Зиндера, В.Б. Касевича, Н.С. Трубецкого, А.Д. Швейцера и многих других.

В лингвистическом энциклопедическом словаре под ред. В.Н. Ярцевой (далее ЛЭС) ассимиляция определена как: «ассимиляция – один из наиболее распространённых видов комбинаторных изменений; артикуляционное уподобление звуков друг другу в потоке речи в пределах слова или словосочетания. Происходит между звуками одного типа – гласными или согласными... Если после ассимиляции по одному признаку звуки сохраняют различие по другим признакам, то ассимиляция называется неполной, частичной. Если звуки различались лишь одним признаком, то после ассимиляции по этому признаку они совпадают полностью, происходит полная ассимиляция» [ЛЭС 1990: 48].

На наш взгляд, в английском и кабардино-черкесском языках целесообразно не проводить различия между видами ассимиляций.

В исследуемых языках присутствует преимущественно полная ассимиляция – замена одного звука на другой.

Согласно ЛЭС, аккомодация – частичное приспособление артикуляций смежных согласного и гласного [ЛЭС 1990: 22]. Понятия адаптация или коартикуляция (определений которых нет в энциклопедическом лингвистическом словаре), которые чаще встречаются у зарубежных авторов, на наш взгляд, точнее отражают фонетические процессы, происходящие в английской речи. К понятиям адаптация или коартикуляция параллельно вполне приемлем термин модификация, когда имеется в виду приспособление одного звука к другому. Под элизией (диэрезой) понимается полное выпадение из речи одного или нескольких звуков.

Обратимся к тому, как описываются ассимиляция и элизия в английском языке на современном этапе, в частности, в работах Е.А. Бурой, М.А Соколовой, Дж. Браун, А. Гимсона.

Ассимиляция

По мнению Е.А. Бурой, ассимиляция считается полной, если артикуляция ассимилируемого согласного полностью совпадает с артикуляцией ассимилирующего согласного. При изолированном произнесении слово horse [hɔ:s] заканчивается на [s], на морфологическом шве перед звуком [ʃ], например, в слове [ʃu:] звук [s] заменяется на [ʃ], в результате получаем horseshoe [ˈhɔ:ʃ ʃu:], на стыке – гемината [Бурая 2009: 272].

Как считает М.А. Соколова, ассимиляцию, которая имеет место в каждодневной речи, следует называть живой – [let ju aʊt -letʃu 'aʊt]. Она предлагает проводить различие между обязательными и необязательными видами ассимиляции [Соколова и др. 2006: 58]. Обязательная ассимиляция соблюдается всеми носителями конкретного языка, независимо от стиля речи. Необязательная ассимиляция больше характерна для скорой небрежной речи. Преподавателям, ораторам, иностранным студентам даются рекомендации не пытаться имитировать такую речь [Соколова и др. 2006: 58].

М.А. Соколова в английском языке выделяет три типа ассимиляций – прогрессивную, регрессивную, взаимную. Первые два типа ассимиляций довольно распространены и встречаются во многих языках. На наш взгляд, взаимную ассимиляцию целесообразнее отнести к явлению коартикуляции, во избежание смешения понятий [Соколова и др. 2006: 56], Е.А. Бурая и М.А. Соколова достаточно подробно описывают различные фонетические явления, каждый раз называя их ассимиляциями. В целом ассимиляция звуков в английском языке (как это мы её понимаем) встречается внутри производного слова или на морфологическом шве. Полный или расширенный список примеров нигде не представлен.

Элизия

Как отмечает Е.А. Бурая, в личных и притяжательных местоимениях, а также в формах вспомогательного глагола *have* регулярно отмечается элизия [h] - he, him, have; звук [l] даёт акустический ноль, если ему предшествует звук [ɜ:] – always, already, all right; в кластере согласных срединный согласный пропадает – next day, just one. mashed potatoes. М.А. Соколова полагает, что элизия может иметь место как внутри слова, так и на стыке слов – next day- [ˈneks 'deɪ] [Соколова и др. 2006: 60]. Она предлагает различать историческую, например, в слове often [ˈɒf(ə)n], и современную элизию согласных. Элизия [t,d] происходит в последовательностях: [ft, st, ʃt, θt, vd, zd, ðd, pt, kt, bd, gd, ʃt, dʒd]. Элизия [d] имеет место в комплексах [md, nd, ŋd]

Межзубные фрикативные [θ] – [ð] опускаются в словах *months* and *clothes*.

В беглой речи [v] перед [ð] и перед другими согласными пропадает- *six of the best* [ˈsiks ə ðə best].

Поскольку наиболее полно элизия английских согласных описана Дж. Браун, остановимся на некоторых её положениях. Дж. Браун считает, что звуки [t] и [d] чаще всего подвергаются элизии. Например, элизия [t]: 1. Firstt three. 2. Lastt year. 3. Mostt recent. 4. Interestt rates. 5. Westt Germany. 6. The factt that. 7. Aspectst. 8. Conflictt still. 9. Mustt be. 10. Protestt meeting. 11. Interestt of the.

Как видно из примеров 1-10, элизия [t] происходит в положении между двумя согласными. Дж. Браун отмечает, что этот процесс настолько очевиден, что любой удивится, услышав [t] в потоке речи в этой позиции. Элизия [t] в последнем примере не является таким распространённым явлением.

Элизия [d]: 1. Worldd War. 2. dischargedd. 3. Irelandd. 4. hurledd twenty. 5. nothing stands ds still. 6. four thousandd were. 7. landedd nose first. 8. Who'd been on duty. 9. suspendedd from. 10. ship's louddspeaker. 11. that there couldd be. 12. as confusedd as ever. 13. groundd pressure. 14. bannedd for life.

В примерах 1-6 [d] выпадает из конечного слога перед другим согласным. В примерах 7-12 имеет место элизия [d] перед согласными, но сразу вслед за гласным. В 13 примере происходит элизия [d] после согласного перед гласным. Пример 14 похож на примеры 1-6; но в дополнение, носовой согласный, предшествующий [d], частично модифицируется, приобретая дополнительную артикуляцию назализации.

Элизия [v]: 1. five p.m. news. 2. shares have been. 3. we've been considering. 4. of course. 5. needs of the. 6. children leave school.

Примеры 2-5 представляют типичные случаи элизии [v]. Когда [v] является конечным согласным в безударном слоге грамматической формы, например, of или have, и непосредственно предшествует другому согласному, то он часто опускается. Примеры 1 и 6, в которых [v] является финальным согласным в ударном слоге, являются редкими.

Элизия [l]: 1. allso. 2. allready. 2. Royall Green Jackets. 3. all the citizens. 4. Certainly. 5. an old mill. 6. Cullminated.

Примеры 1-4 представляют обычный процесс в современном разговорном английском – потерю [l] после 'a'. Этот процесс исторически обнаруживается в словах, как talk и walk. В медленном разговорном английском слова, начинающиеся с all (altogether, all right, always), часто произносятся без [l]. Пример 3 и 4 отражают общие процессы. Пример 5 – потеря [l] в суффиксе ly. Это часто происходит в слове certainly и реже в словах mysteriously, charmingly.

Элизия [r] встречается реже, чем элизия [l]: 1. a yearr ago. 2. Environment. 3. European. 4. Terrorist. 5. thank very much. 6. forr instance. 7. come from some. 8. can't remember. В примерах 1-4 потеря [r] происходит за ударным слогом, где [r] употребляется в инициале в неударном слоге [гэ]. В каждом случае вместе с [r] выпадает и [э]. Предшествующий ударный гласный удлиняется в каждом случае. Пример 5 схож с примерами 1-4, только слог, предшествующий [r] и безударный и последующий неударный гласный – [I], а не [э]. В примерах 6 и 7 [r] выпадает в грамматическом слове в неударном слоге. В примере 6 выпадение *or* ведет к тому, что [f] становится инициальным согласным в последующем ударном слоге. Это и не совсем так, потому что [f] в данном примере не такой долгий, как инициальный f в ударном слоге, например, в слове *fin*. В примере 8

[r] выпадает в неударной инициальной позиции в слове. Подобное встречается в словах – remove, resolve, require, когда они употребляются в середине довольно длинного сообщения.

Элизия [n]: 1. in the final analysis. 2. betweenn the two. 3. meeting in Rome. 4. one wants to make. 5. Constantly. 6. it's in the form. 7. known to the public.

При выпадении [n] вызывает назализацию гласного в финальной позиции в ударных слогах и в безударных слогах (примеры 2,4,5,7) и (примеры 1,3,6). Единственное условие, которое должно выполняться, это чтобы за [п] следовал другой согласный или в этом же слоге, или в последующем. В этом случае назализируется гласный предшествующий [n].

Элизия [к] происходит регулярно только в нескольких формах – 1. asked him. 2. expected. 3. excursion. 4. extrordinary. Прошедшее время от ask произносится без [к]. Формы, начинающиеся с ударного ex, часто опускают [к], особенно в тех ситуациях, когда данный звук легко предсказуем по контексту.

А. Гимсон отмечает регулярно элизию [h] в инициальной позиции. Например, hill-ill, hospital-ospital [Gimson 1981: 294].

Таким образом, для ситуации элизии согласных важны несколько моментов: позиция в слове, наличие стечения согласных.

Элизия гласных в разговорной речи

Явление элизии многопланово и охватывает большое количество типов. Данное явление наблюдается в разговорной речи и сводится к тому, что артикуляция какого-либо звука не реализуется. Дж. Браун считает, что элизия характерна для обычной беглой речи и может оцениваться как нормативное, орфоэпическое явление. Есть и противоположное мнение, что элизия характерна для неформальной речи и небрежного или заниженного стиля [Brown 1984: 27]. Мы разделяем точку зрения Дж. Браун и подробнее остановимся на её примерах [Brown 1984: 69]. Как отмечает Дж. Браун, элизия гласных довольно частое явление, и она происходит параллельно с другими процессами – ассимиляцией и элизией согласных. Например, 1. interest. 2. different. 3. collective. 4. political. 5. fanatics. 6. cabinet. 7. talkative. 8. minister. 9. chancellor. 10. similar.

Первые два примера типичны для большого класса английских слов, которые допускают опущение (элизию) безударного [ə]. Второе произношение часто допускается как альтернативное в произносительных словарях. Данный класс слов содержит инициальный ударный слог и два или более безударных слога, содержащих гласные [ə] и [i]-secretary, library, governer, prisoner. Примеры 3-5, хотя в произносительных словарях и не даются как альтернативные, но в медленной формальной и в неформальной речи произносятся именно так. В этих примерах происходит потеря безударного в начальном слове слога, которая ведёт к последующему образованию кластера с начальным согласным ударного слога. В 5 примере это ведёт к образованию необычного кластера fn.

В примере 6, в котором теряется [ə], в примерах 7-10, в которых теряется [i], мы имеем дело со структурой ударный-безударный-безударный. Элизия имеет место в 1-ом безударном слоге. Элизия гласных отмечается в следующих примерах:

1. two to three.
2. back to London. 3. to meet. 4. after all. 5. this afternoon.
6. in a fashion which.
7. come to the end of.
8. future career.
9. it's the way.
10. over the e year.
11. going to become.
12. a week or two ago.

На первый взгляд, как отмечает Дж. Браун, подобные произношения могут показаться неестественными. Для того чтобы они казались естественными, необходимо поместить их более в широкий контекст. Например, He was last seen a week or two ago. В примерах 1-5, 7 и 11 происходит элизия [ə] в безударном слоге, когда последующий слог начинается с согласной, при этом нередко порождая невозможные кластеры -tm. По наблюдениям Дж. Браун, [i] опускается в it's, когда он открывает новое предложение и нет заметной паузы между двумя предложениями. Например: 1. it is considered. 2. it's not. 3. it's probably. В вышеуказанных примерах может также иметь место элизия еще и [t] – it is not, it's probably.

В следующих примерах элизия гласных сопровождается коартикуляционными процессами:

1. sold to the public.
2. Because.
3. Bank of England.
4. the first round.
5. dictating.
6. that's the news.

Звонкие согласные, которые употребляются в безударных слогах, становятся глухими в результате элизии [ə], когда данный гласный стоит перед глухим согласным. Это явление особенно распространено, когда в предложение есть “the” или “of”. Схожий процесс имеет место, но реже, в пределах слова, когда элизируется [ə] и звонкий начальный согласный безударного слога стоит рядом с глухим согласным (см. 2 и 5). В следующих примерах имеет место элизия гласного и согласного:

1. perhaps.
2. particularly.
3. actually.
4. owing to.
5. going to be.
6. will have been.
7. extraodinary

Элизия [i] встречается в следующих и им подобных словах: 1. **extremely** 2. **explained** 3. **excited** 4. **explosion**.

Говоря о явлении элизии, Дж. Браун заключает, что изучающий английский язык должен не столько имитировать, сколько пытаться услышать в звучащей

речи схожие процессы и пытаться их проанализировать. Это облегчает восприятие спонтанной речи. Мнение Дж. Браун разделяют многие исследователи.

Ассимиляция в кабардино-черкесском языке

По мнению многих авторов, в кабардино-черкесском языке преобладает регрессивная ассимиляция согласных в личных формах глагола. В соответствии с этим фонетическим процессом глухие согласные переходят в звонкие: *здащ* - «я сшил то» (< *сдащ*), *вгъэкIуащ* - «вы послали его» (< *фгъэкIуащ*); в абруптивы перед абруптивами: *тIпIащ* - «мы вырастили его» (< *дпIащ*); звонкие согласные оглушаются перед глухими: *тиащ* - «мы продали» (< *диащ*), *тсащ* - «мы засеяли» (< *дсащ*) [Кабардино-черкесский язык 2006: 57].

Ассимиляция наблюдается и в сложных словах: *апхуэдэ* «такой» - *абы* «тому, ему» + *хуэдэ* «подобный», *босцей* «женское платье» - *боз* «бязь» + *цей* «черкесска».

Исследователи-адыговеды Б.Х. Балкаров и А.Х. Шарданов считают, что сонорные [м], [н] ассимилируют предшествующие личные префиксы: *сывмыгъакIуэ* «не посылайте меня» (префикс 2-го лица множественного числа в- идет из ф-); *къизнащ* - «я оставил» (перед н префикс I-го лица единственного числа з- из с-) [Балкаров 1970: 33-34; Шарданов 1960: 75].

Примеры прогрессивной ассимиляции в рассматриваемом языке единичны: *лIэкъуэлIэш* «лицо, принадлежащее к дворянскому сословию» - из *лIакъуэ* «род, фамилия» и *лъэщ* «сильный, могущественный».

Элизия в кабардино-черкесском языке

В кабардино-черкесском языке в сложных основах наблюдается наложение идентичных морфов на стыке префикса взаимности *зэ-* и первых компонентов (*эдэ* «отец», *энэ* «мать») сложных основ: *зэ-эдэ-зэ-къуэ* «отец с сыном», *зэ-эдэ-зэ-пхъу* «отец с дочерью», *зэ-энэ-зэ-къуэ* «мать с сыном», *зэ-энэ-зэ-пхъу* «мать с дочерью». Здесь конечный гласный префикса *э* и начальный гласный *-э* основы накладываются друг на друга. В результате наложения общее количество сочетающихся звуков в потоке речи сокращается на один звук: *зэдэзэкъуэ*, *зэдэзэпхъу*, *зэнэзэкъуэ*, *зэнэзэпхъу*.

К притяжательным местоимениям в кабардино-черкесском языке относятся самостоятельные формы: *сысей* «мой», *уыуей* «твой», *йей* «его», *дыдей* «наш», *фыфей* «ваши», *йай* «их». В грамматиках Т.М. Борукаева [Борукаев 1932: 47] и Г. Турчанинова, М. Цагова [Турчанинов, Цагов 1940: 77], Х.Ш. Урусова [Урусов 2014: 143], эти формы производят от глагола *йейын* - «принадлежать кому-л., ему». Но, не соглашаясь с подобной трактовкой, М.А. Кумахов и А.К. Шагиров отмечают обратное: *йейын* от *йей* [Кумахов 1964: 143; Шагиров 2004: 120].

По мнению Шагирова, морфема *ей* в притяжательных местоимениях получена из *йэ*. Гласные [э] и [ы] предшествующего слога поменялись местами- [й] в безударном положении отпало, [э,] оказавшись перед [й], перешло в [е] [Шагиров 2004: 120]. Кумахов же считает, что местоимение *ей* (йэй) образовано пу-

тем редупликации морфемы (притяжательного префикса йэ), восходящего к личному местоимению 3-го лица (йэ+йэ>ей – йэй «его»).

В рассматриваемых формах *сысей, уыуей, дыдей, фыфей, йей, йай* в потоке речи отмечается элизия [й]: *сысе, уыуе, дыде, фыфе, е, я*.

Элизия [й] происходит в комплексах: *гъуей* (*къеджэгъуе* < *къеджэгъуей* – «трудно читаемый», *къутэгъуе* < *къутэгъуей* – «трудно ломаемый»); *ей* (*жъе* < *жъей, нэхъе* < *нэхъей* – «худший»); *рей нобэре* < *нобэрей* – «сегодняшний», *пэсэре* < *пэсэрей* – «старинный, древний», корневых морфем (*же* < *жей* – «сон», *фIе* < *фIей* – «грязь», *хуе* < *хуей* «поляна»).

Для адыгских языков характерно выпадение гласного в конце морфа. Выпадение морфологических единиц и согласных фонем в этих языках редкое явление. Это объясняется тем, что морф в исходе имеет гласный звук, лишенный семантической нагрузки, а согласный является носителем морфемного значения. При этом выпадение звука наблюдается как при словообразовании, так и при словоизменении. Выпадению могут подвергаться корневые основы, деривационные и реляционные аффиксы.

Выпадение гласного [э] наблюдается в беглой речи в формообразующих суффиксах наречия и деепричастия –*уэ*: *итхау* < *итхауэ* – «он написав то», *епсэлау* < *епсэлауэ* – «он поговорив с ним»; условного наклонения –*мэ*–: *укъакIуэм* < *укъакIуэмэ*, условно-сослагательного наклонения –*тэмэ*–: *уэиш къеишхатэм* < *уэиш къеишхатэмэ*; также в корневых морфемах перед формообразующим суффиксом –*у*: *пасу* < *пасэу* – «рано», *къабзу* < *къабзэу* – «чисто», *псалъу* < *псалъэу* «разговаривая».

В спонтанной речи кабардино-черкесского языка часто встречается элизия согласного –[р], суффикса динамических глаголов: *къокIуэ* < *къокIуэр* «он приходит», *мэлажъэ* < *мэлажъэр* «он работает». Отсутствие суффикса –р встречается и в формах подтвердительно-вопросительного наклонения: *уишэкъэ* < *уишэркъэ*, *укIуэкъэ* < *укIуэркъэ*?; в препозиции отрицательной морфемой –*къым*: *седжэкъым* < *седжэркъым* «я не учусь», *сIыхукъым* < *сIыхуркъым* «я его не знаю».

Выпадение суффикса динамичности [р]- допускает омонимичность некоторых времен и наклонений, сближает формы изменений статических и динамических глаголов.

Значительный интерес с точки зрения фонетических изменений и функционирования в спонтанной речи представляют словоформы с указательными местоимениями.

Формы эргативного падежа множественного числа *абыхэм, мыбыхэм, мобыхэм* в этом же значений в потоке речи подвергаются элизии: *ахэм, мыхэм, мохэм* – выпадает форматив эргативного падежа бы.

В сочетаниях указательных местоимений и послелогов тоже наблюдается элизия бы: *абы*+*фIэкIа* < *афIэкIа*, *мыбы*+*фIэкIа* < *мыфIэкIа*, *мобы*+*фIэкIа* < *мофIэкIа*; *мыбы*+*деж* < *мыдеж*, *мобы*+*деж* < *модеж*.

Словоформы *апхуэдэ* «такой», *мыпхуэдэ* «подобный этому», *мопхуэдэ* «подобный тому» образованы путем слияния указательных местоимений *а, мы, мо* в эргативном падеже и прилагательного *хуэдэ* «подобный»: *абы*+*хуэдэ*

<апхуэдэ, мыбы+хуэдэ <мыпхуэдэ, мобы+хуэдэ <мопхуэдэ. Как видно из примеров, на стыке двух морфем перед основной хуэдэ отсекается конечный гласный [ы] падежного форманта, и, оказавшись перед глухим согласным [ху], звонкий [б] оглушается: апхуэдэ. А в спонтанной речи согласный звук [п] вовсе выпадает без ущерба на семантику: ахуэдэ<апхуэдэ, мыхуэдэ<мыпхуэдэ, мохуэдэ<мопхуэдэ.

Аналогичным образом происходит элизия согласного [п] в следующих словоформах: указательные местоимения а, мы, мо + послелог хуэдиз - ахуэдиз<апхуэдиз, мыхуэдиз<мыпхуэдиз, мохуэдиз<мопхуэдиз абы+пцIондэ<апцIэндэху.

В следующих примерах представлен элизия в комплексе согласных: пцэд-джыжъ<пцэдджыжъ, Iэпкьдэпкь<Iэплэпкь, напэIэлэцI < напэ-лэцI, IункIыбзэIух<IункIыбзэIух.

Выводы

Анализ многочисленных работ, посвящённых фонетике английского языка в более ранний (особенно советский) и современный периоды, позволяет сделать ряд выводов:

- авторы не всегда терминологически последовательны, что ведёт к смешению таких понятий, как адаптация, аккомодация, модификация коартикуляция и ассимиляция;
- не все авторы указывают на распространённость конкретного фонетического явления;
- только некоторые авторы описывают в полном объёме элизию звуков;
- ассимиляция английских звуков чаще происходит на морфологическом шве или внутри слова, как правило, сложного;
- элизии согласных зависит от положения в слове или наличия кластеров согласных (список которых более или менее определён), что значительно облегчает их использование в образовательных целях;
- элизия гласных имеет место преимущественно в безударной позиции. Если явления ассимиляции и элизии английских согласных носят более или менее регулярный характер, и они более предсказуемы и ожидаемы (т.е. вписываются в определённую схему или систему, то явление элизии гласных носит более разрозненный характер.

В методике преподавания иностранных языков неоднократно поднимался вопрос о том, какому стилю произношения отдать предпочтение – полному или неполному. Вопрос однозначно решался в пользу полного стиля. Весь парадокс ситуации заключается в том, что общение без учёта неполного стиля может быть фактором, затрудняющим его реализацию. Необходим поиск решений, который бы позволил в равной степени знать и владеть обоими стилями произношения.

Отличительной особенностью кабардино-черкесского языка является регрессивная ассимиляция согласных в личных формах глагола. В соответствии с этим фонетическим процессом глухие согласные переходят в звонкие. Данный

процесс носит регулярный характер, и встречается как в полном, так и неполном стилях.

Элизии могут подвергаться корневые основы, деривационные и реляционные аффиксы.

Для адыгских языков характерно выпадение гласного в конце морфемы. Выпадение морфологических единиц и согласных фонем в этих языках редкое явление. Это объясняется тем, что морфема в исходе имеет гласный звук, лишенный семантической нагрузки, а согласный является носителем морфемного значения. Причем выпадение звука наблюдается как при словообразовании, так и при словоизменении. Выпадению могут подвергаться корневые основы, деривационные и реляционные аффиксы.

Сравнение фонетических процессов спонтанной английской и кабардинской речи показывает, что в кабардино-черкесском языке эти процессы носят более системный характер. Вместе с тем кабардино-черкесский язык практически не допускает большого стечения кластеров согласных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Балкаров 1970 – *Балкаров Б.Х.* Фонетика адыгских языков. – Нальчик: Эльбрус, 1970. – 336 с.

Борукаев 1932 – *Борукаев Т.М.* Грамматика кабардино-черкесского языка. – Нальчик: Кабардино-Балкарский Облнаниздат, 1932. – 142 с.

Бурая 2009 – *Бурая Е.А.* Фонетика современного английского языка: Теоретический курс: учеб. для студ. лингв. вузов и фак. 3-е изд. – М.: Академия, 2009. – 272 с.

Кабардино-черкесский язык 2006 – *Кабардино-черкесский язык* / под редакцией М.А. Кумахова. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – Т. 1. – 549 с.

Кумахов 1964 – *Кумахов М.А.* Морфология адыгских языков. Синхронно-диахронная характеристика. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1964. – 272 с.

ЛЭС 1990 – *Лингвистический энциклопедический словарь*. / Гл. редактор В.Н. Ярцева. – М: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

Соколова и др. 2006 – *Соколова М.А., Гинтовт К.П., Тихонова И.С., Тихонова Р.М.* Теоретическая фонетика английского языка. – 3-е изд., стер. – М.: Владос, 2006. – 286 с.

Турчанинов, Цагов 1940 – *Турчанинов Г., Цагов М.* Грамматика кабардинского языка. – М.: Издательство АН СССР, 1940. – 160 с.

Урусов 2014 – *Урусов Х.Ш.* Кабардинская грамматика. Фонетика. Морфонемика. Морфология. – Нальчик: Издательство Кабардино-Балкарского государственного университета, 2014. – 23 с.

Шагиров 2004 – *Шагиров А.К.* Фонетика и морфология кабардинского языка. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – 223 с.

Шарданов 1960 – *Шарданов А.Х.* Фонетические заметки // УЗКБГУ. – 1960. – Вып. 7. – С. 73-79.

Brown 1984 – *Brown G.* Listening to Spoken English. – М: Prosvescheniye, 1984. – 192 p. (на англ. яз.).

Gimson 1981 – *Gimson A.* An Introduction to the pronunciation of English. – Lnd, 1981. – 294 p. (на англ. яз.).

REFERENCES

BALKAROV B.KH. *Fonetika adygskikh yazykov* [Phonetics of the Adyghe languages]. – Nal'chik: El'brus, 1970. – 336 p. (In Russ.).

BORUKAEV T.M. *Grammatika kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the Kabardino-Circassian language]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskii Oblnatsizdat, 1932. – 142 p. (In Russ.).

BURAYA E.A. *Fonetika sovremennogo angliiskogo yazyka: Teoreticheskii kurs* [Phonetics of Modern English: A theoretical course]: ucheb. dlya stud. lingv. vuzov i fak. 3-e izd. – M.: Akademiya, 2009. – 272 p. (In Russ.).

Kabardino-cherkesskii yazyk [Kabardino-Circassian language] / pod redaktsiei M.A. Kuma-khova. – Nal'chik: El'-Fa, 2006. – T. 1. – 549 p. (In Russ.).

KUMAKHOV M.A. *Morfologiya adygskikh yazykov. Sinkhronno-diakhronnaya kharakteristika* [Morphology of the Adyghe languages. Synchronous-diachronic characteristic]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964. – 272 p. (In Russ.).

Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary] / Gl. redaktor V.N. Yartseva. – M: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. – 685 p. (In Russ.).

SOKOLOVA M.A., GINTOVT K.P., TIKHONOVA I.S., TIKHONOVA R.M. *Teoreticheskaya fonetika angliiskogo yazyka* [Theoretical phonetics of the English language]. – 3-e izd., ster. – M.: Vlados, 2006. – 286 p. (In Russ.).

TURCHANINOV G., TSAGOV M. *Grammatika kabardinskogo yazyka* [Grammar of the Kabardian language]. – M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1940. – 160 p. (In Russ.).

URUSOV KH.SH. *Kabardinskaya grammatika. Fonetika. Morfonemika. Morfologiya* [Kabardian grammar. Phonetics. Morphonemics. Morphology]. – Nal'chik: Izdatel'stvo Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. – 23 p. (In Russ.).

SHAGIROV A.K. *Fonetika i morfologiya kabardinskogo yazyka* [Phonetics and morphology of the Kabardian language]. – Nal'chik: El'-Fa, 2004. – 223 p. (In Russ.).

SHARDANOV A.KH. *Foneticheskie zametki* [Phonetic notes]. In: UZKBGU. – 1960. – Vyp. 7. – P. 73-79. (In Russ.).

BROWN G. *Listening to Spoken English*. – M: Prosvescheniye, 1984. – 192 p.

GIMSON A. *An Introduction to the pronunciation of English*. – Lnd, 1981. – 294 p.

Информация об авторах

А.Т. Бозиев – кандидат филологических наук, доцент.

Р.Б. Кенетова – кандидат филологических наук, доцент.

З.Т. Хашхожева – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

A.T. Boziev – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor.

R.B. Kenetova – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor.

Z.T. Khashozheva – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.05.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 31.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Научная статья
УДК 811.351.42
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-480-491
EDN: QWPBDC

ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КОГНИТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ СОЗНАНИЯ А.Ш. ПАШАЕВА¹

Айшат Саидахметовна Даниева¹, Хазрет Заурбечевич Багироков²

¹ Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия, amina.s.79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0685-0666>

² Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия, hbaqirokov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6192-7585>

Аннотация. В статье анализируются особенности искусствоведческого дискурса заслуженного художника Чеченской Республики А. Ш. Пашаева. Цель – раскрыть специфику когнитивно-семантических структур языкового сознания художника, презентующего национальную этнокультуру посредством сюрреалистических символов. В исследовании раскрываются особенности самосознания, мировосприятия и система взаимоотношений творческой личности с окружающим миром, транслируя в чеченском художественном пространстве новое для Северо-Кавказского социокультурного пространства направление – сюрреализм. Необходимо подчеркнуть, что этнокультурное сознание художника презентует объективно существующую лингвокреативную специфику чеченской лингвокультуры посредством сюрреалистических символов, транслируя аксиологию этноса, что усиливает интерес к национальной семиотике и глубинным ценностным посылам. Работа реализуется на стыке лингвофилософии, социокогнитивистики, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. В качестве исследовательской задачи авторами была определена попытка анализа социальной роли художника в творческой деятельности, определяя эстетический смысл и значение искусствоведческих практик.

Ключевые слова: социокогнитивистика, искусствоведческий дискурс, языковое сознание, сюрреализм, художник, символ, этнокультура.

Для цитирования: Даниева А.С., Багироков Х.З. Искусствоведческий дискурс в языковом пространстве: когнитивные структуры сознания А.Ш. Пашаева // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 480-491. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-480-491. EDN: QWPBDC.

© Даниева А.С., Багироков Х.З., 2024

Original article

ART CRITICISM DISCOURSE IN THE LINGUISTIC SPACE: COGNITIVE STRUCTURES OF CONSCIOUSNESS BY A.S. PASHAEV²

¹ Статья подготовлена на основе доклада на Всероссийской конференции (с международным участием) «Философия и культура народа сквозь призму языка», приуроченной к 30-летию Закона «О языках народов КБР» (г. Нальчик, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», 19 апреля 2024 года).

² The article was prepared on the basis of a report at the All-Russian conference (with international participation) "Philosophy and Culture of the People through the Prism of language", dedicated to the 30th anniversary of the Law

Aishat S. Danieva¹, Hazret Z. Bagirokov²¹ Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia, amina.s.79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0685-0666>² Adygea State University, Maykop, Russia, hbaqirokov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6192-7585>

Abstract. The article analyzes the features of the art criticism discourse of the Honored Artist of the Chechen Republic A. Sh. Pashayev. The goal is to reveal the specifics of the cognitive-semantic structures of the linguistic consciousness of the artist, presenting the national ethnoculture with the help of surreal symbols. The study reveals the features of self-awareness, worldview and the system of relationships between a creative personality and the outside world, broadcasting in the Chechen artistic space a new direction for the North Caucasus socio-cultural space - surrealism. It should be emphasized that the ethnocultural consciousness of the artist presents the objectively existing linguistic and creative specificity of the Chechen linguistic culture through surreal symbols, conveying the axiology of the ethnic group, which increases interest in national semiotics and deep value messages. The work is carried out at the intersection of linguophilosophy, sociocognitive science, linguoculturology and intercultural communication. As a research task, the authors identified an attempt to analyze the social role of the artist in creative activity, determining the aesthetic meaning and significance of art historical practices.

Keywords: sociocognitive science, art historical discourse, linguistic consciousness, surrealism, artist, symbol, ethnoculture.

For citation: Danieva A.S., Bagirokov H.Z. Art criticism discourse in the linguistic space: cognitive structures of consciousness by A.S. Pashaev // IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 480-491. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-480-491. EDN: QWPBDC.

© Danieva A.S., Bagirokov H.Z., 2024

*«... Мы живем в причинно-следственном мире,
где человеческий мир сливается в хаос
гармонии и влечет гармонию в хаос.
Добро и Зло, если провести параллель как
день и ночь – не разделены, они живут
одно в другом, без познания Зла, нельзя
отличить от него Добра ...»*

(Абу Пашаев)

Постановка проблемы

Заслуженный художник РСФСР А.А. Смолин отмечал: «...«сюрреализм» – это, не просто художественное течение, ограниченное во времени, и уж тем более не творчество конкретной личности. Сюрреализм, или сверхреальность – это «вселенская ткань», связанная с бессознательным каждого индивида. Сюрреалисты в какой-то мере прочувствовали эту «вселенскую ткань», увидели ее через «замочную скважину» своего подсознания» [Смолин 2005: 3]. Исследователь социокультурного аспекта сюрреализма Н.И. Рокунова констатирует: «...речь идет не столько о методах создания произведений..., сколько о картине мира и типе ментальности» [Рокунова 2008: 2]. К известным живописцам сюр-

"On the Languages of the Peoples of the CBD" (Nalchik, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, April 19, 2024).

реалистического направления относят Пауль Клее (1879-1940), Пабло Пикассо (1881-1973), Джорджо де Кирико (1888-1978), Андре Массон (1896-1987), Макс Эрнст (1891-1976), Рене Магритт (1898-1967), Поль Дельво (1897-1994), Сальвадор Дали (1904-1989), Роберто Матта (1911-2002), Ман Рэй (1946-1976), Ив Танги (1990-1955) и др.

Исследование творческой личности художника невозможно вне обращения к пространству его смыслов, которые характеризуются многозначностью интерпретаций и множественностью смыслов. Т.Е. Иванова констатирует: «Произведение искусства... подвергается трансформации под воздействием новых ценностных установок общества и исторической динамики его развития» [Иванова 2022:3]. Восприятие искусства адресатом в синхронно-диахронном аспекте непостоянно, так как каждая эпоха транслирует индивидуальную картину мира, которая складывается из философских, религиозных, психологических особенностей мировосприятия общества, этических и моральных норм. А.В. Жукова в работе «От ренессанса до сюрреализма» отмечает: «Изобразительное искусство всегда формировало и отражало культуру ценности различных периодов» [Жукова 2023: 16-19].

Следует подчеркнуть, что А.Ш. Пашаев визуально и вербально презентует сюрреалистический код и символы в творчестве, когнитивно-дискурсивные и коммуникативные стратегии, транслирующие национальную аксиологию, которые свидетельствуют о синкретизме в творческом процессе, где переплетаются разные виды дискурса (научный, публицистический). Следует отметить, что искусствovedческий дискурс требует «интегрального подхода», поскольку «сливающиеся в нем вербальные, аудиальные и визуальные пространства становятся почти адекватными. А.П. Миньяр-Белоручева пишет: «Однако, только посредством языка визуальную и аудиальную формы искусства искусствoved преобразовывает в вербальную форму, которая во многих случаях становится источником живописных... произведений» [Миньяр-Белоручева 2017: 16–20]. И.В. Зыкова в работе «Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты» отмечает: «Культура и язык – это результат деятельностного отношения человека как личности к миру. Следовательно «культурная личность» и «языковая личность» – не суть различные, а есть тождественные понятия...» [Зыкова 2017: 217].

Современная гуманитарная наука исследует приоритетное направление в лингвистике – «языковую личность», что обусловлено усилением интереса к проявлению «человека в языке»: такой ракурс исследования дает возможность выявить не только коммуникативный репертуар личности, репрезентированный в ее речемыслительной деятельности, но и особенности ее мировидения. В связи с этим А.С. Обухов отмечает «Личность развивается в контексте культурной традиции, становясь носителем традиции ...модифицируя и трансформируя ее» [Обухов 2005: 219]. С.Х. Анчек констатирует: «Язык является... не только средством общения, но и хранилищем информации, ...в определенной национальной среде» [Анчек 2020: 17-22]. Анализируя дискурсивное пространство А.Ш. Пашаева, мы согласимся с мнением Е.Я. Басина: «Становление и формирование художественного потенциала творческой личности есть становление и

формирование речевой способности», «...личность как динамическая система и есть... способность речевого порождения художественных смыслов» [Басин 2015: 34]. В языковом сознании художника этнокультурный код и композиции переплетаются «...как язык, вернее общность языка, составляет неотъемлемый признак этноса, так и инвариантная составляющая языковой личности есть часть национального характера» [Караулов 2004: 264]. К.Г. Юнг и др., исследуя творческую личность, отмечают: «Тайна творчества, так же, как и тайна свободы воли, является трансцендентальной, которую психолог не способен решить... может только описать... Творческая личность также является головоломкой...» [Юнг 2007: 236].

Степень изученности вопроса

Рассматривая шире исследовательский аспект «языковой личности» в искусствоведческом дискурсе, отметим работы (см. В.А. Крючкова (1979), К.Д. Кавелина (1989), Ю. Борева (2002), Е.А. Елиной (2003), Ю.А. Говорухина (2007), У.А. Жаркова (2011), Л.Н. Дорогова (2015), А.Б. Ерохина (2018), М.В. Козловской (2003), Е.А. Луткова (2008), Е.В. Милетова (2012), А.В. Олянича (2015), А.П. Миньяр-Белоручевой (2019) и др.), в которых отмечено, что сфера деятельности оказывает влияние на этнокультурные интенции художника. Необходимо отметить, что, указывая на изобразительное искусство, невозможно обойти язык живописи – цвет. Образ цвета в языковом сознании носителя национальной культуры – это единство культурного знания, перцептивного впечатления, вызываемого словом и индивидуальным опытом носителя языка, так как замысел художника, тема, которую он избрал, и идея, которую транслирует зрителю, получают жизнь благодаря живописной форме. Цветовая палитра – это самый глубокий творческий инструмент в руках художника, который способен воплотить иллюзию в реальном времени и пространстве. Ван Ци отмечает: «В различные исторические времена цвет как универсальный язык несет определенную коммуникативную функцию в жизни социума» [Ци, Каримова 2021: 17-21]. «Цвет – это не только осязаемое физическое существование, – констатирует Цзян Жуймин, – но и богатый духовный мир людей...» [Цзян 2009: 91-92]. М. Пастуро, автор цикла книг о цветах, пишет: «Цвет – не столько природное явление, сколько сложная культурная конструкция, которая сопротивляется любой попытке, кроме анализа» [Пастуро 2022: 144]. Стоит подчеркнуть, что творческая личность художника является умелым летописцем своего времени, транслируя неординарные подходы в изобразительном искусстве, отражая при этом этнокультурные коды в новом направлении: личные и коллективные, сознательные и бессознательные, передаваемые универсальным языком искусства. Цветообозначение заложено в культуре, в синкретизме незримых явлений и ассоциаций.

В основе всякого искусства лежит идея, которая определяет композицию, пропорцию и цветовое решение. Создание истинного искусства невозможно без высокого мастерства и таланта.

Материалы и методы исследования

Метод сплошной выборки (выступления, интервью А.Ш. Пашаева вторичной номинации в сети Интернет), а также статьи из журналов («Вайнах». – №

11. – 2011; «Орга». – № 4. – 2018; «Дош». – № 4 (38). –2012; «Малика». – № 1(2). – 1996) и газет («Даймохк». – № 22. –2013; «Республика». – № 22 (40). – 1996; «Объединенная газета». – № 27 (83). –2005; ILDispari. Lunedì. 20 Dicembre 2021). Для характеристики нарративности и тезауруса языкового сознания творческой личности, нами анализировался искусствоведческий дискурс, так как вербально-визуальная составляющие, посредством языка преобразовывается в вербальные, транслируя созидающее языковое сознание.

Обсуждение

В 2002 г. А.Ш. Пашаев стал членом ВТОО «Союз художников России». Выставочную работу начал рано, первая работа – картина маслом «Тень орла, попавшего в грозовой поток» (1989). Картины и интервью А.Ш. Пашаева опубликованы во многих печатных изданиях Чеченской Республики, а также в российских и зарубежных журналах (газетах, каталогах): Вайнах (Грозный, 2011), Женщины и дети (право на жизнь) Woman and children (right to life) (2007), Нана (Грозный, 2008), Дош (Грозный, 2014), Северный Кавказ (2013), «Рука в искусстве» (Майкоп, 2013), Елабуга Etnica (Казань, 2013), Даймохк (Грозный, 2013), Хаамийн ламасташ (Грозный, 2013), Rubriche (2021), Dispari (2021), Xedizione – Antologia AAVV a cura di Bruno Mancini (2021), Decima Edizione (2021), Международная выставка-форум «Россия» (Москва, 2023) и др. С 2016 г. серия работ «Изотерический взгляд на символы предков» находятся в Государственном музее искусства народов Востока. Художник многократно награжден медалями, а также получил благодарности от Российской Академии художеств. Картины А. Пашаева находятся в коллекциях художественных галерей и в частных собраниях Европы и Америки.

Таким образом, специфичность художественного направления А.Ш. Пашаева обуславливает обращение продуцента – творческой личности – к лингвистическим средствам научного, художественного и публицистического стилей, создающих в языковом пространстве нерасторжимый синтез. В творческом процессе продуцента и адресата ключевую роль играет определение символизма кода, в котором зафиксированы когнитивно-ментальные замыслы художника, транслируемые им адресату. Наставник и учитель А.Ш. Пашаева В.С. Григорьев отмечал: «Абу Пашаев – самородок нового поколения вайнахских художников, которому дан высший дар творчества... Ему в тишине мастерской открывается еще не родившаяся действительность» [Григорьев 1996: 38]. «Абу Пашаев – самородок нового поколения вайнахских художников, которому дан высший дар – дар Творчества... Ему в тишине мастерской открывается еще не родившаяся действительность. Там ему раскрывается связь взаимодействия обновляющейся жизни, классического искусства и новой живописи...» [Межиева 2011: 95].

Следует отметить, что исследуемая творческая личность многогранна, он, не только художник, но и поэт-философ, чьи стихи содержат в себе философские мысли, им сочинены хокку (発句– японская система стихосложения) на русском языке, которые представлены в авторском переводе на чеченском языке [Пашаев 2011:67].

Языковое сознание творческой личности мы рассматриваем как субъект культуры и субъект языка.

Важно подчеркнуть, что творческий процесс художника диалогичен, так как продуцент, субъективно фиксирует и транслирует явления собственной жизни, перенося компоненты индивидуальности языкового сознания на картины, которые всегда манифестированы в суггестивной форме подачи материала художником. Этнонациональная идентичность в творческом процессе художника, являясь многоуровневым феноменом, вербализует компоненты, обуславливающие корреляции «человек – культура», «человек – коммуникация», «человек – эмоции». В исследовательской концепции работы необходимо выявление и описание маркеров дискурса художника, презентующего социуму изобразительное искусство, транслируя специфику мировидения и национальной идентичности. В данном смысле приобретает значение прием, который манифестирует принадлежность к творческой сфере представителей изобразительного искусства. Автобиографичность в работах А.Ш. Пашаева содержит фактографическую основу, сущность его мировидения, как процесса эволюционирования его идентичности – не только личностной и этнокультурной, но и профессиональной. Презентация творческого процесса художника, способствует раскрытию мотивации к созданию произведений изобразительного искусства, презентуемых в речевых практиках, что подчеркивает художник: «...эксперимент под названием жизнь...», «...все служит великому искусству, умению жить на земле...», «...летописец истории народа...». Продуцент оценивает прошлую жизнь и деятельность с позиции актуального для автора настоящего, где А.Ш. Пашаев эксплицирует не только диалог с самим собой, но и осмысление художником динамики развития современного искусства и общества, что им отмечено: «...все бrenно и тленно в этом мире...», «...я, в данный момент, как гид, вернулся в прошлое, такой телепорт, как в музее...», «...иллюстрировал свои сны и то пограничное состояние души ума и сердца...», «...художники были летописцами своего времени в отличие от меня, а я мечтатель...». Важно также отметить, что творческая личность черпает вдохновение в воспоминаниях о доме, о матери, о детстве. Материнское тепло и ласка явились своеобразным структурно-семантическим фактором, сыгравшим значимую роль в становлении многогранной личности А.Ш. Пашаева, который часто цитирует слова матери: «...сынok, ты ищи мира внутри себя, и мир посмотрит на тебя...», «...что бы не случилось, мечтай...». Мать, окутывая заботой, обеспечивает психологический «отдых», эмоциональный комфорт и гармонию. Чувство благодарности дает художнику проявлять собственную щедрость, доброту души, стремление к полной самоотдаче. А.Ш. Пашаев посвятил стихотворные строки своей матери, опубликованные в журнале «Вайнах» [Пашаев 2011:67].

Сатийсам

*Ма хилалахь гIайгIане, ма хIийтта холча
Гуттар а ца лаьтта шийла, гуттар а ца
лаьтта буйса*

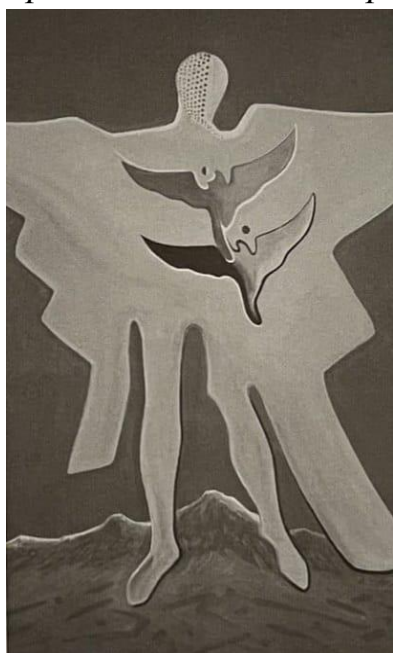
Мечта

*Не печалься, не предавайся отчаянию
Ночь длится не вечно и холод не вечен
Наступит весна, радуя ярким цветением*

*Йоглур ю исбаьхьа бӀаьсте, доккхур ду На той яблоне, что растет в саду.
бӀаьрг бузуш заза Не печалься, не предавайся отчаянию
Цу бешахь лаьттачу Ӏожо. Тепло души моей, моя дорогая мама
Ма хилахьа гӀайгӀане, ма хӀийтта холча, (перевод наш – А.Д.,Х.Б.)
Сан дегайовхо, сан хьоме нана
[Пашаев 2011: 67]*

Таким образом, осмысление своей индивидуальности, предназначение в творчестве происходит для А.Ш. Пашаева сквозь призму этнокультурной идентичности, которая распространяется на отношение к Богу, к религии, ко всему сущему в мире, что отмечено им: «...творчество – это обращение к Создателю миров и мирозданий и диалог с самим с собой...», «...реализация творчества... это диалог и мольба к Создателю миров...» Многогранная осмысленность и композиция в работах художника необходима для того, чтобы обосновать собственное мнение об искусстве, смело заявить о себе, выражая свое видение «...быть внимательным в начале и в конце работы...». Рассуждая о природе индивидуальности в творческом процессе, раскрывающему суть мотивации художника к созданию произведений творческая личность высказывает так: «...тысячи подходов, день и ночь приходит мысль, и ты фиксируешь на бумаге ищешь композиционное решение, как остановить миг на полотне...», «...художник летописец мгновений истории народа...». Творческая личность художника материализовывает свои фантазии, высвобождая бессознательное, переживая то состояние души, которое транслирует этнокультурные символы этноса, но это не является действительностью национальной аксиологии в полном смысле этого слова, но для художника – это возможность трансформировать свои аффективные переживания в культурно-оформленные образы. Творческий процесс для художника есть необходимость высвободить энергию в процессе создания новых композиций, преодолевая сложное и мучительное чувство, позволяющее состояться высокому искусству, которое эксплицирует не только диалог с самим собой, но и осмысление (посыл) транслируемые в следующих речевых практиках: «...результат работы художника... происходит, как посыл осознанного, как будто кто-то взял тебя за руку и ведет, а ты в потоке чувств и переживаний, но это невозможно объяснить, происходит бессознательно...», «...картина художника для зрителя сюрприз, ...переживали зритель когда-либо такое...». Языковое сознание в дискурсивных практиках А.Ш. Пашаева транслирует символы, обращенные к «глубинам» человеческого подсознания, выражая поток сознания, аллюзии, сны, парадоксы, галлюцинации, фантазмагорические образы, картины ирреального мира, но реалистично, отвергая идею осмысленного содержания, бросая вызов логике, создавая альтернативную реальность, в которой возможно все и ограничения лишь в способностях личности. Художник не столько выражает мысли на полотне, сколько застывшие эмоции, состояние души на момент написания картины. Главная идея сюрреализма освободиться от рациональности, стать проводником бессознательного, что отмечено так: «...наука и искусство гораздо ближе друг другу, чем мы привыкли думать, и даже способны дополнять друг друга...». Следует отметить, что исследуя дискурсивные практики, транслирующие языковое со-

знание А.Ш. Пашаева, стоит обратиться к сопоставлению двух определяющих для него, философских категорий – душа и искусство, которое позволит выявить, что является доминантным в изобразительном процессе художника и каков результат самоидентификации в этнокультурном пространстве: «...душа, ум и сердце замкнутое пространство вне времени и пространства...», «...душа хочет постичь то запредельное, где-то между сном и пробуждением...», «...между строк, невольно, художник становится рассказчиком снов в реальном времени...», «...сны – это пространство галлюцинаций, когда ты проснулся, но еще в потоке бессознательного...», «...в завершении работы начинаешь созерцать и домысливать образы, дорисовывать сюжет картины...». Творческий процесс для А.Ш. Пашаева – возможность разрешения внутреннего конфликта, обращаясь к внутреннему миру и объектам, которые разнятся с образами и репрезентациями в нашем восприятии, сохраняя в себе качество эфемерности, составляющие синтез души и тела в национальной аксиологии. Представив в работе термины, употребляемые им в интервью, мы осмысливаем аргументы обращений продюсента к эстетическим феноменам, отсылкам, к философским понятиям, видам и направлениям искусства, транслирующим языковое сознание творческой личности художника: «...экспрессионизм и импрессионизм...», «...метафизический возврат к самому себе...», «...пограничное состояние в творческом процессе...», «...мне и моему творчеству близки К. Юнг и З. Фрейд...», «...символизм, кубизм, футуризм, заканчивая метафизикой итальянских художников...», «...как футуризм, как поэтическая и художественная словесность, как математика и физика, так и живопись и графика являются наукой...», «...опыт использования мною сюрреализма и других направлений искусства – это поиск истинного искусства...», «...способность через себя отразить глубину философской мысли эпохи Возрождения, которое довело до совершенства мое мастерство...».

Икар. Icarus

Наиболее значимым событием в творческой жизни А.Ш. Пашаева стало участие в конкурсе «Отто миллион» в 2021 году, прошедшем в Италии, где стал финалистом международной премии «Otto milioni». В конкурсе приняли участие 156 стран, А. Пашаев попадает в номинацию графика, где число участников составляет восемь миллионов. На конкурс художник представил картину «Икар». Картина в стиле сюрреализм, цветная графика, акриловые краски, размер 70x50. Древнегреческая мифология о Дедале и Икаре является воплощением мечты человека об освоении пространства, о познании новых форм его преодоления, о расширении человеческих возможностей. Икар показал, что мир разделен границами; Дедал – что благодаря границам мир целостен, продемонстрировав, что границы не заданы жестко и человеку принадлежит активная роль в их установлении.

Языковое сознание творческой личности находит элементы изобразительного процесса, отражая их в языке, подтверждая связь культуры и языка на уровне языковой системы и ее функционирования. Специфика творческого процесса А.Ш. Пашаева заключается в том, что визуальные символы, вербализуя знак в языковом сознании автора, транслирует предметы национальной культуры. Художник является транслятором национальной аксиологии в социокультурном пространстве российского общества, посредством семиотики этноса он транслирует специфичность этнокультурного самосознания чеченцев. В дискурсивном пространстве, транслирующем языковое сознание автора скрыты смыслы национальной концептосферы, такие как: *дечиг-пондар* (древний национальный инструмент вайнахов), *к1удал* (кувшин), *верта* (бурка), *истанг* (войлочный ковер), *шаьлта* (кинжал), *б1ов* (башня), *лам* (гора), *чурт* (надмогильный камень), а также птицы – беркут, удог, голуби, деревья – алыча и вишня. Отметим, что удог (*х1умтум*), в мифологии вайнахов – волшебная птица богини плодородия Тушоли.

Следует отметить, что начало ХХI в. характеризуется исследованиями языковой личности, выделяя категории языкового самосознания, самопрезентации и самоидентификации личности, где идентичность транслирует регулятивную функцию в жизнедеятельности человека, вербализуя тезис о базисном характере идентичности, как глубинную сущность творческой личности. Репрезентация идентичности творческого сознания художника выявляется в процессе вербализации и визуализации опыта и структуры мышления, презентующего в творческом процессе лингвофилософские вопросы связи языка и мышления. Личность художника, сознавая принадлежность к этносу, классу, полу, культуре и пр., соотносит нравственные, физические, интеллектуальные и личностные качества, формируя национальную идентичность, выражая данные качества в изобразительной культуре, что дает возможность трансформировать и транслировать сознательные и бессознательные культурные образы национальной аксиологии на полотне художника.

Заключение

Коммуникативно-дискурсивное пространство творческой личности А.Ш. Пашаева транслирует национальную аксиологию этноса сюрреалистическими символами, а лингвистическая интерпретация вербального преломления этнокультуры важна для исследования символов, кодирования/декодирования этнокультурной информации языковым сознанием, которая в диахронии сформирована этносом. Продюцент транслирует коды и символы, презентующие «когнитивную память» национальной аксиологии, что существенно для трансляции культурного опыта художника, интерпретировавшего методикку «глубинной психологии» (по К.Г. Юнгу и З. Фрейду), который осмысливает на полотне понятия «личностное и коллективное», «сознательное и бессознательное», «эго», «персона» «самость» и т.д. Художник транслирует национальную семиотику, а также сложные процессы стереоскопического модифицирования линейной модели сознания, создавая ментальные нелинейные образы в лингвокультурном пространстве. Исследование творческой личности позволяет сделать вывод о

том, что она может быть изучена, в рамках профессиональной деятельности, для которой характерна специфическая концептосфера, в которую включена выявляемая художником семиотика эпохи, демонстрирующая разнонаправленное воплощение в конкретном жанре. За образом художника кроется попытка утвердить свою этноидентичность, переосмыслить свою роль и место в глобальных процессах и времени, в котором личность художника живет, фиксируя на холстах эпизоды из прошлого и настоящего. Таким образом, современный художник выступает транслятором глобальных процессов, происходящих в социуме, а язык искусства являясь универсальным, способствует адаптации человека в глобальных процессах современного мира. Рассмотренные особенности творческой личности индивидуальны и показывают, как разнообразны формы проявления субъекта культуры. Анализ творческой личности художника с помощью содержательных, формальных параметров предполагает методологическую возможность понимания его основных сущностных моментов изобразительного процесса, результатов его деятельности. Перечисленные параметры являются своеобразной матрицей, помогающей оценить личность любого человека. Искусство имеет общекультурное значение и сочетает в себе стремление к достижению наивысших результатов в личностном и мировом масштабе с учетом особенностей художника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Анчек 2020 – *Анчек С.Х.* Этнический феномен в структуре языковой личности (на материале адыгской языковой личности) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. – Вып. 2 (257). – 2020. – С. 17-22.
- Басин 2015 – *Басин Е.Я.* Творческая личность художника // Басин Е.Я. Алетейя.– Санкт-Петербург; 2015.Электронный ресурс. Режим доступа:<https://www.rulit.me/books/tvorcheskaya-lichnost-hudozhnika-read-411935-2.html>. (Дата обращения: 01.05.2024 г.).
- Григорьев 1996 – *Григорьев В.С.* [Без названия] // Женский журнал «Малика». – № 1 (2). – 1996. – С. 38.
- Жукова 2023 – *Жукова А.В.* От ренессанса до сюрреализма. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2023. – 192 с.
- Зыкова 2017 – *Зыкова И.В.* Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. – М.: Гнозис, 2017. – 752с.
- Иванова 2022 – *Иванова Т.Е.* Языковая личность в искусствоведческом дискурсе: лингвопрагматический аспект: автореф. дис. канд. филол. наук.– Майкоп, 2022. – 24 с.
- Караулов 2004 – *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.
- Межиева 2011 – *Межиева Р.* Правда красоты в тишине мастерской // Литературно-художественный журнал «Вайнах», 2011. № 11. – С. 95.
- Миньяр-Белоручева 2017 – *Миньяр-Белоручева А.П.* Поликодовость искусствоведческого дискурса // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 16–20.
- Обухов 2005 – *Обухов А.С.* Психология личности в контексте реалий традиционной культуры.– Москва: ГНО Издательство «Прометей» МПГУ, 2005.– 219 с.
- Пастуро 2022 – *Пастуро М.* Синий. История цвета // Мишель Пастуро; пер. с фр. Н. Кулиш. 6-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 144 с. (Серия «Библиотека журнала 'Теория моды'»).

Пашаев 2011 – *Пашаев А.* Стихи // Литературно-художественный журнал «Вайнах». – 2011. – № 11. – С. 67. Электронный ресурс. Режим доступа: https://izdat-dom.ru/wp-content/uploads/2022/01/vajnah-11.2011_compressed.pdf. Дата обращения: 15.04.2024 г.

Рокунова 2008 – *Рокунова Н.И.* Сюрреализм в социокультурном контексте постмодернизма: автореф. дис. канд. наук по культурологии. – Саранск, 2008. – 11.

Смолин 2005 – *Смолин А.А.* Сюрреализм как квинтэссенция реального и сверхреального: автореф. дис. канд. философ. наук. – Барнаул, 2005. – 20 с.

Цзян 2009 – *Цзян Жуймин.* Ключ к двери создания цвета // Новое визуальное искусство. – Нанкин: Радио и телевидение. Провинция Цзянсу. – 2009. – № 4. – С.91-92 (на китайском языке).

Ци, Каримова 2021 – *Ци В., Каримова И.С.* Цвет и цветовая культура // Инновации в социокультурном пространстве: Материалы XIV Международной научно-практической конференции, Благовещенск, 22 апреля 2021 года. Том I. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2021. – С. 17-21.

Юнг 2007 – *Юнг К.Г.* Аналитическая психология: теория и практика: Тавистокские лекции [пер. с нем. Валерия Зеленского]. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2007. – 236 с.

REFERENCES

ANCHEK S.KH. *Etnicheskii fenomen v strukture yazykovoi lichnosti (na materiale adygskoj yazykovoi lichnosti)* [An ethnic phenomenon in the structure of a linguistic personality (based on the material of the Adyghe linguistic personality)]. In: Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya i iskusstvovedenie. – Vyp. 2 (257). – 2020. – P. 17-22. (In Russ.).

BASIN E.YA. *Tvorcheskaya lichnost' khudozhnika* [The creative personality of the artist]. In: Basin E.Ya. Aleteiya. – Sankt-Peterburg; 2015. Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: <https://www.rulit.me/books/tvorcheskaya-lichnost-hudozhnika-read-411935-2.html>. (Data obrashcheniya: 01.05.2024 g.). (In Russ.).

GRIGOR'EV V.S. In: Zhenskii zhurnal «Malika». – № 1 (2). – 1996. – P. 38. (In Russ.).

ZHUKOVA A.V. *Ot renessansa do syurrealizma* [From Renaissance to Surrealism]. – М.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2023. – 192 p. (In Russ.).

ZYKOVA I.V. *Metayazyk lingvokul'turologii: konstanty i variant* [The metalanguage of linguoculturology: constants and variants]. – М.: Gnozis, 2017. – 752 p. (In Russ.).

IVANOVA T.E. *Yazykovaya lichnost' v iskusstvovedcheskom diskurse: lingvopragmaticheskii aspekt: avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Linguistic personality in Art criticism discourse: linguopragmatic aspect: abstract of the dissertation of the Candidate of Philology]. – Maikop, 2022. – 24 p. (In Russ.).

KARAULOV YU.N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. – М.: Editorial URSS, 2004. – 264 p. (In Russ.).

MEZHIEVA R. *Pravda krasoty v tishine masterskoi* [The truth of beauty in the silence of the workshop]. In: Literaturno-khudozhestvennyi zhurnal «Vainakh», 2011. № 11. – P. 95. (In Russ.).

MIN'YAR-BELORUCHEVA A.P. *Polikodovost' iskusstvovedcheskogo diskursa* [The polycode of the art criticism discourse]. In: Vestnik YuUrGU. Seriya: Lingvistika. – 2017. – T. 14, № 4. – P. 16–20. (In Russ.).

OBUKHOV A.S. *Psikhologiya lichnosti v kontekste realii traditsionnoi kul'tury* [Personality psychology in the context of the realities of traditional culture]. – Moskva: GNO Izdatel'stvo «Prometei» MPGU, 2005. – 219 p. (In Russ.).

PASTURO M. *Sinii. Istoriya tsveta* [Blue. The history of color] / Mishel' Pasturo; per. s fr. N. Kulish. 6-e izd. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. – 144 p. (Seriya «Biblioteka zhurnala 'Teoriya mody'»). (In Russ.).

PASHAEV A. *Stikhi* [Poems]. In: Literaturno-khudozhestvennyi zhurnal «Vainakh». – 2011. – № 11. – P. 67. Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: https://izdat-dom.ru/wp-content/uploads/2022/01/vajnah-11.2011_compressed.pdf. Data obrashcheniya: 15.04.2024 g.

ROKUNOVA N.I. *Surrealizm v sotsiokul'turnom kontekste postmodernizma: avtoref. dis. kand. nauk po kul'turologii* [Surrealism in the socio-cultural context of postmodernism: abstract of the PhD thesis in Cultural Studies]. – Saransk, 2008. – 21 p. (In Russ.).

SMOLIN A.A. *Surrealizm kak kvintessentsiya real'nogo i sverkhreal'nogo: avtoref. dis. kand. filosof. Nauk* [Surrealism as the quintessence of the real and the superreal: abstract of the thesis of the Candidate of Philosophical Sciences]. – Barnaul, 2005. – 20 p. (In Russ.).

TSI V., KARIMOVA I.S. *Tsvet i tsvetovaya kul'tura* [Color and color culture]. In: *Innovatsii v sotsiokul'turnom prostranstve: Materialy XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Blagoveshchensk, 22 aprelya 2021 goda. Tom I.* – Blagoveshchensk: Amurskii gosudarstvennyi universitet, 2021. – P. 17-21. (In Russ.).

TSZYAN ZHUIMIN. *Klyuch k dveri sozdaniya tsveta* [The key to the door of color creation]. In: *Novoe vizual'noe iskusstvo.* – Nankin: Radio i televidenie. Provintsiya Tszyansu. – 2009. – № 4. – P. 91-92 (na kitaiskom yazyke).

YUNG K.G. *Analiticheskaya psikhologiya: teoriya i praktika: Tavistokskie leksii* [Analytical Psychology: Theory and Practice: Tavistock Lectures] / [per. s nem. Valeriya Zelenskogo]. – Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2007. – 236 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А.С. Даниева – старший преподаватель.

Х.З. Багиров – доктор филологических наук.

Information about the authors

A.S. Danieva – senior lecturer.

H.Z. Bagirov – Doctor of Philology.

Вклад авторов: Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации, авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

All the authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication, the authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.05.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 25.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Научная статья
УДК 81
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-492-505
EDN: XMXWZL

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМ «НЭ» И «EYES» В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Лариса Халифовна Дзасежева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, dzasezheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1649-1900>

Аннотация. Статья посвящена изучению метафорического потенциала лексем «нэ» и «eyes» в кабардино-черкесском и английском языках. Актуальность исследования обусловлена необходимостью сопоставительного изучения зрительных метафор в кабардино-черкесском и английском языках, что позволит выявить специфику национальной картины мира исследуемых языков. В ходе работы эмпирический материал был изучен с применением различных лингвистических методов и были выделены наиболее продуктивные зрительные метафорические модели в кабардино-черкесском и английском языках. Автор приходит к выводу, что метафорические образы в исследуемых языках во многом совпадают, что можно объяснить универсальностью биологических функций глаз как органа. В работе отмечается более высокая номинативная плотность метафорической модели «Глаза – это любовь» в кабардино-черкесском языке и более высокий метафорический потенциал лексемы «нэ».

Ключевые слова: концептуальная метафора, метафорическое моделирование, зрительное восприятие, соматизм, языковая картина мира

Для цитирования: Дзасежева Л.Х. Метафорический потенциал лексем «нэ» и «eyes» в кабардино-черкесском и английском языках // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 492-505. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-492-505. EDN: XMXWZL.

© Дзасежева Л.Х., 2024

Original article

THE METAPHORICAL POTENTIAL OF THE LEXEMES "NE" AND "EYES" IN THE KABARDINO-CIRCASSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Larisa Kh. Dzasezheva

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik,
Russia, dzasezheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1649-1900>

Abstract. The article is dedicated to the study of the metaphorical potential of the lexemes "ne" and "eyes" in the Kabardino-Circassian and English languages. The relevance of the study is due to the need for a comparative study of visual metaphors in the Kabardino-Circassian and English languages, which will reveal the specific features of the national picture of the world of the studied languages. In the course of the work, the empirical material was studied using various linguistic methods and the most productive visual metaphorical models in Kabardino-Circassian and English were identified. The author comes to the conclusion that metaphorical images in the studied languages largely

coincide, which can be explained by the universality of the biological functions of the eye as an organ. The paper notes a higher nominative density of the metaphorical model "Eyes are love" in the Kabardino-Circassian language and a higher metaphorical potential of the lexeme "ne".

Keywords: conceptual metaphor, metaphorical modeling, visual perception, somatism, linguistic picture of the world

For citation: Dzasezheva L.Kh. The metaphorical potential of the lexemes "ne" and "eyes" in the Kabardino-Circassian and English languages. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 492-505. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-492-505. EDN: XMXWZL.

© Dzasezheva L.Kh., 2024

Введение

В настоящее время исследование человека является ключевой проблемой не только для таких гуманитарных наук, как философия, психология, социология, культурология и этнография, но и для лингвистики. Различные аспекты жизни человека, включая его бытие, внутренний мир, внешность, менталитет и т.д. становятся предметом исследования разных наук, но, как считает Н.Д. Арутюнова, понимание человека лежит не в области естественных наук, а в области естественных языков, поскольку каждый язык выражает свое особое представление о мире и включает в себя различные аспекты бытия, в центре которого находится человек [Арутюнова 1999: 24].

В научной литературе человек рассматривается как система, объединяющая в себе физические и эмоциональные, природные и социальные, наследственные и приобретенные в ходе жизни аспекты. Это говорит о том, что человек представляет собой сложный и динамично развивающийся организм, который с одной стороны, является живым существом с материальной формой, а с другой – высокоразвитым существом с нематериальным атрибутом – сознанием.

По мнению Т.В. Булыгиной, в контексте языка то, что отличает человека от животного, больше всего связано с анатомией и функциями его тела, а не с интеллектуальными или эмоциональными способностями. Отсюда, исследование языковых концептов человеческого тела должно основываться на анализе описаний функций различных органов [Булыгина 1997: 523-525].

Как известно, соматическая лексика представляет собой древнейший пласт лексики любого языка, тесно связанный с функционально-чувственными аспектами человеческого существования. Человек сам по себе является центральной точкой для восприятия окружающего мира. Такие части тела как голова, глаза, нос, грудь, рука и другие важны не только для ориентации в пространстве, но и как источник различных непространственных концептов [Туарменская 2006: 1].

Е.В. Урысон подходит к структурированию языковой модели человека, основываясь на принципе наивной анатомии, включая в неё как «видимые и невидимые органы», так и «невидимые субстанции». Исследователь устанавливает, что для выделения составляющих модели человека в контексте языковой картины мира наиболее всего привлекают слова, такие как «дух» и «душа», а также слова, характеризующие базовые способности человека – «ум», «сознание», «память», «воображение», «сила», «терпение» и так далее. «Модель

восприятия» занимает уникальное положение в семантической структуре модели человека, с включением таких лексем как «слух», «зрение» и «взгляд» [Урысон 2003: 151].

Другой лингвист, Г.Е. Крейдлин, классифицирует части тела человека на «первичные» и «вторичные». К первичным органам относятся «сердце» и «голова», которые обеспечивают жизнеспособность человека и осуществляют его ключевые функции (физические, интеллектуальные и психологические). Вторичные органы работают в синхронии с первичными, поскольку они получают от них импульсы и реагируют на них [Крейдлин 2002: 129].

Согласно теории наивной анатомии, все органы человеческого тела подразделяются на две категории: материальные и нематериальные. Материальные органы относятся к тем, которые имеют физическое присутствие и с которыми можно визуально взаимодействовать. Сюда входят все основные органы, такие как сердце, глаза, печень, легкие и т.д. У этих органов есть четко определенные функции, которые в основном связаны с поддержанием физического здоровья и функциональности тела. В то же время, нематериальные органы, согласно теории, включают такие психические способности, как ум, эмоции, воображение и т.д. Эти «органы» не имеют физического воплощения и не могут быть обнаружены через традиционные анатомические исследования. Однако их наличие предполагает наличие и определенных материальных органов, посредством которых эти способности реализуются, т.е. если человек обладает зрением, значит, у него есть глаза.

В исследовании «Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека» М.В. Пименова изучает функции материальных органов и выделяет такие типичные характеристики, как: 1) выполнение определенных функций; 2) способность ощущать; 3) функционирование в качестве контейнера или хранилища (например, «си гум ильщ» букв.: «лежит в моем сердце»); 4) компактность, включающая способность обладать границами, объемом и другими им соответствующими дименсионными характеристиками [Пименова 1999: 134].

Целью данного исследования является изучение особенностей метафорического моделирования органа зрения «нэ»/«eyes» в кабардино-черкесском и английском языках. Выбор зрительных метафор обусловлен тем, что в процессе восприятия окружающего мира человеком через пять органов чувств, зрение занимает первостепенное место. Результаты этого восприятия становятся важной основой для понимания реальной действительности. Зрительное восприятие имеет значение, не только само по себе, но и для создания абстрактных представлений посредством метафорического проецирования. В кабардино-черкесском языке важность зрительного восприятия особенно ярко выражена. Глаза не только приравниваются по значимости к жизни и душе как, например, в пословице «Уи нэ кьеІэм и псэм еІэж» (букв.: «Кто выдирает тебе глаз, тому выдерни душу»), но и признается приоритетное значение зрения в жизни человека. Пословица «Нэм япэ псэр ихуэ» (букв.: «Пусть зрение будет превыше души»), демонстрирует настолько критическим будет для человека отсутствие или потеря зрения.

Ведущие зарубежные исследования в области концептуальных метафор включают работы, проведенные известными лингвистами Дж. Лакоффом, М. Джонсоном и Е. Свитсер. Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей книге «Метафоры, которыми мы живем» выдвинули идею, что концептуальная метафора является основным способом для человека понять и осознать мир, и выделили некоторые зрительные концептуальные метафоры, а именно: «зрение – это познание», «зрение – это прикосновение», «глаза – это контейнер для эмоций» и «зрение – это вера». По их мнению, предпосылкой для таких концептуальных метафор зрения является наличие или связь между целевым и исходным доменом [Лакофф, Джонсон 2004: 50]. Е. Свитсер подробно рассмотрела метафоры зрения в английском языке. В своей книге «От этимологии к прагматике» она высказала мнение, что «зрение связано с интеллектом, поскольку это наш основной источник объективных данных об окружающем мире» [Sweetser 1990: 38].

Актуальность данного исследования обусловлена перспективностью дальнейшего развития теории концептуальной метафоры, а также необходимостью сопоставительного изучения метафорических моделей в кабардино-черкесском и английском языках, что позволит лучше понять специфику национальной картины мира исследуемых языков.

Эмпирической базой исследования послужили зрительные метафорические выражения в кабардино-черкесском и английском языках. Исследовательский материал был собран с применением метода сплошной выборки из наиболее авторитетных лексикографических источников, включая толковые, переводные и фразеологические словари кабардино-черкесского и английского языков. Примеры зрительных метафор из художественных произведений в английском языке отбирались в Британском национальном корпусе.

Анализ эмпирического материала проводился с применением таких методов, как описательный, сопоставительный, метод концептуального анализа и метод интроспекции, включающий наблюдение за собственным языковым поведением.

В ходе исследования были выделены наиболее продуктивные зрительные метафорические модели в кабардино-черкесском и языках английском: 1) «глаза – это инструмент»; 2) «глаза – это познание»; 3) «глаза – это внимание и контроль»; 4) «глаза – это движение»; 5) «глаза – это вместилище чувств и эмоций»; 6) «глаза – это любовь».

Метафорическая модель «Глаза – это инструмент»

Орган зрения, «еуе»/«нэ», обладает целым спектром функций, включающим в себя визуализацию окружающего мира, пространственную ориентацию, и способность воспринимать окружающую среду. Для выполнения этих функций от глаза требуется определенный набор инструментов. В данном контексте под «инструментами» подразумевается любой предмет, которым человек специально разработал или адаптировал для осуществления конкретных видов действий или выполнения определенной работы.

Так, в кабардино-черкесском языке можно выделить такие метафорические выражения, как: *нэкIэ епыджын* букв.: «забодать глазами», *нэкIэ еуэн* букв.:

«бить глазами», *нэкIэ ихын* букв.: «есть глазами», *нэкIэ щIэн* букв.: «знать, определять на глаз»; *нэкIэ къэпщын* букв.: «измерять глазами»; *нэкIэ лъыхъуэн* букв.: «искать глазами». Следует отметить, что существительное *нэ* в приведенных примерах используется в предложном падеже со значением орудия действия. Ср.: Иужьым, и щхъэ щыукIытэжри, джэгум хэплъэ хуэдэу зищIащ, «мы пщащэ цIыкIур *нэкIэ щхъэ сшхырэ?*» жыхуиIэу. [Керашев 1989: 234] / (Потом, постыдившись своих мыслей, он притворился, что смотрит на танцующих, задавая себе вопрос «Почему я пожираю взлядом эту девушку?»); Щэтир (Джэгъэтей *нэкIэ йоуэри*, ткIийуэ) [Утижев 2007: 165] / (Сатир (Гекатей произносит взлядом (букв.: «бьет») и строго говорит).

В английском языке глаза часто выступают в роли инструмента, с помощью которого человек видит, особенно при каких-либо неблагоприятных обстоятельствах. Ср.: выражения *to squint eyes*, *to squeeze eyes*, *to screw up eyes* и *to narrow eyes* в значении прищуриваться, особенно в темноте или при ярком свете. Как и в кабардино-черкесском языке, движения глаз сравниваются с некими измерительными инструментами: *to measure by/with eyes* отмерить на глаз, *to cut by eye* отрезать на глаз.

В обоих исследуемых языках чрезвычайно хорошее зрение, способное различить мельчайшие детали, сравнивается с острым инструментом или орудием, способным проникать вглубь, ср.: *sharp eyes* и *нэ жан* (острое зрение). Данный метафорический образ указывает на интенсивную внимательность, проницательность, умение улавливать подтекст и скрытые смыслы. Следовательно, глаза являются мощным инструментом в общении, обеспечивая богатую, невербальную информацию, играющую важнейшую роль в передаче и расшифровке посланий.

Метафорическая модель «Глаза – это познание»

Визуальное восприятие играет большую роль в процессе познания окружающего мира. Зрение действует как основной сенсорный канал, посредством которого люди воспринимают и интерпретируют информацию. Это позволяет анализировать и устанавливать связи между объектами, способствуя формированию концептуальных моделей и структур.

В английском языке одним из значений слова *eyes* является «способность понимать и оценить увиденное» [LDCE 1997]. В данном значении *eyes* метафорически интерпретирует умение выводить осмысленные заключения из увиденного. Например, *to have an eye for* – хорошо разбираться в чем-либо (букв.: «иметь глаз к чему-то»); *to open someone's eyes* – заставить кого-то заметить или осознать что-то важное (букв.: «открыть кому-то глаза»). Ср.: He **has a good eye for** quality. БНК/(Он хорошо разбирается в качестве).

В ходе исследования было выявлено, что в некоторых контекстах глаза становятся символом познания, опыта и мудрости. Известная пословица *Eyes are the windows/gateways to the soul* – букв.: «глаза – это окна/врата души», например, подчеркивает, что глаза могут отразить не только эмоциональное состояние, но и духовное, интеллектуальное развитие личности. Например, *to see with one's own eyes* означает «приобрести непосредственный опыт».

В кабардино-черкесском языке лексема *нэ* встречается в таких пословицах, иллюстрирующих роль глаз в познании и приобретении опыта, как *ТхьэкIумэм зэхих нэхърэ нэм ильагъу* (букв.: «лучше увидеть, чем услышать») и *Нэм ильагъур Iэм ещI* (букв.: «руки делают то, что видят глаза»). Интересным представляется наблюдение, что компонент *нэ* присутствует в семантике таких слов как *нэгу* – лицо (букв.: «центр глаз») [Шагиров 1977: 278] и *нахуэ* – явный, очевидный (производное слово от *нэху* – свет: *нэ* + именная основа «светлый») [Шагиров 1977: 280], которые лежат в основе таких метафор познания, как *нэгу щIэкIын* – пережить, испытать что-то; *нахуэ, белджылы хъун* – стать ясным, понятным и глагола *гъэунэхун* – испытать, выяснить, пережить. Ср.: Сэ иджыпсту бжесIэнур ауэ сытми зэхэсха хъыбаркъым: сэ бжесIэнур си нэгу щIэкIащ. СКЧЯ / (То, что я тебе сейчас расскажу, не просто слухи: то, что я тебе расскажу, я сама испытала).

В обоих исследуемых языках зрительные глаголы *льагъун* и *to see* (видеть) являются более продуктивными формами обозначения ментальных действий и состояния человека (знать, полагать, понимать). Превалирование глагольных форм можно объяснить «инструментальной» природой глаз как второстепенного органа, который реагирует на импульсы основного органа (мозга, сердца). Подтверждением этой мысли могут послужить такие пословицы, как *Гур мыплъэмэ, нэр плъэкъым* (букв.: «Если сердце не смотрит, то глаза тоже не смотрят») и *The eye is blind if the mind is absent* (букв.: «Глаз слеп, если ум отсутствует»).

Метафорическая модель «Глаза – это внимание и контроль»

Метафорическая модель зрения как органа контроля и внимания предполагает представление о глазах не только как физиологическом инструменте восприятия окружающей действительности, но и как активном механизме, направляющем и регулирующем наше внимание и взаимодействие с миром. Такие выражения в английском языке, как *keep an eye on* – присматривать за чем-либо, *to give an eye to smb.* – присматривать за кем-то, *to have an eye in one's head* – быть наблюдательным, бдительным, *to have all one's eyes about one* быть начеку, *to keep one's eyes on the ball* – не упускать из виду основной цели, отражают это представление.

В кабардино-черкесском языке к данной модели можно отнести фразеологизмы с компонентом *нэIэ*, образованного путем сложения двух лексем *нэ* (глаз) + *Iэ* (рука). Например, *нэIэ тегъэтын* держать под присмотром и *нэIэ текIын* оставить без присмотра. Метафорические выражения *нэ ищын* и *нэм къыфIэнэн* (букв.: «зацепиться за глаза») используются в значении пригляднуться, понравиться кому-то. Ср.: Зэрылэ нэм къыфIэнэу хъуар дурэшплIэрэшым дигъаппкIуэу щIидзащ. СКЧЯ/ (Зарила начала прятать по углам все, что ей приглянулось); Сымаджэм уи нэIэ тегъэт. СКЧЯ/ (Присмотри за больным).

Метафорическая модель «Глаза – это движение»

Семантическая связь между словом «глаза» в исследуемых языках и глаголами движения позволяет предположить о тесной связи зрительных функций с движением.

Движения глаз при восприятии информации на языковом уровне представлены при помощи глаголов, включающих в свою семантику движение и перемещение: ср.: в английском языке *eyes flick* бросать взгляд, *eyes dart* глаза бегают, *eyes sweep* глаза мчатся, *run eyes* глаза бегают, *turn eyes* отворачивать взгляд, *eyes skitter* глаза несутся и т.д. Ср.: His **eyes flicked** to the man from time to time, making sure he came no nearer. БНК/ (Время от времени он бросал взгляды на мужчину, чтобы убедиться, что тот не подходит ближе); Their **eyes darted** excitedly around. The Doctor was nodding, as if in agreement. БНК/ (Их глаза возбужденно забегали по сторонам. Доктор кивал, как бы соглашаясь); Glinting blue **eyes scanned** her slender form. БНК/ (Сверкающие голубые глаза окинули взглядом ее стройную фигуру); They **rolled their eyes**, staggered by the news. БНК/ (Они закатили глаза, ошеломленные этой новостью); The cool grey **eyes swept** over her, until she could feel herself flushing under his gaze. БНК/ (Холодные серые глаза скользнули по ней, и она почувствовала, что краснеет под его взглядом).

В кабардино-черкесском языке данная группа представлена такими метафорическими выражениями, как *нэхэм къегъэжыхьын* букв.: «бегать глазами», *нэкIэ зегъэкIуэн* букв.: «следить глазами за движениями», *нэхэр зэблэжын* букв.: «глаза разбегаются», *нэкIэ гъэхъун* букв.: «пасти глазами», следить глазами. Ср.: Тыкъыр гужъеуэ и нитIым адэкIэ-мыдэкIэ кърегъэжыхь СКЧЯ/ (От страха у Тикира глаза забегали туда-сюда).

Фиксация различных объектов, привлекающих внимание человека, является особенностью функционирования человеческого глаза. В английском языке это выражается посредством таких глаголов, как *to lock*, *to fix*, *to turn on* и т.д. Ср.: She nodded, **her eyes locked on his**, begging for reassurance and support. БНК/ (Она кивнула, не сводя с него глаз, умоляя об утешении и поддержке); She **fixed her eyes on** the street in an attempt to calm herself. БНК/ (Она перевела взгляд на улицу, пытаясь успокоиться).

В кабардино-черкесском языке фиксация взгляда выражается посредством следующих метафорических выражений: *нэр темыгъэкIын* – не сводить глаз, *нэр теубыдэн* – пристально посмотреть, *нэр тедиен* остановиться взглядом на ком/чем-л. (букв.: «глаза застывают на чем-то»), *нэр къытريمычу еплъын* – смотреть не сводя глаз (букв.: «смотреть не отрывая глаз»). Ср.: НапэIэлъэщIым кIуэцIыльу абы (Хъэцацэ) иIыгъым ефэндым и нэр занщIэу тедиящ. СКЧЯ/ (Глаза эфенди застыли на том, что Хацаца держала в руках завернутым в полотенце); Ерстэм и нэр триубыдащ Батым, мо псалъэр игу ежэлIауэ. СКЧЯ/ (Ерстем пристально посмотрела на Батыма, задетый его словами); Музэчыр и нэр къытريمычу Зырамыку еплъырт. / (Музачир смотрел на Зарамука не сводя глаз); ИтIанэми, и нэр къытريمыгъэкIыу и щхъэгъусэм кIэлъыплъырт. СКЧЯ/ (Несмотря на это, он смотрел на свою жену, не сводя глаз).

В ходе изучения языковой концептуализации движений в русском языке, обращённых к прекращению зрительного контакта с собеседником в диалоге, Т.В. Крылова подчеркнула, что выбор словосочетаний, описывающих такие движения, может зависеть от перемещения головы или всего тела, а также от направления взгляда. Словосочетания, описывающие ситуации, когда изменя-

ется положение головы или корпуса в отношении собеседника, основываются на телесной доминанте. Кроме того, Т.В. Крылова выделила фразы, которые описывают движение с доминантой в области мимики, подразумевающие изменение направления взгляда. При этом взгляд может быть направлен в сторону или вниз [Крылова 2006: 288].

На основе изученного языкового материала, можно сделать схожие наблюдения и в английском языке, например: *avert one's eyes* – отводить взгляд, *raise/lift one's eyes* – поднять глаза, *lower one's eyes* – опустить глаза, *turn away one's eyes* – отводить взгляд. Ср.: He **averted his eyes**, a stark picture of guilt. БНК / (Он отвел глаза, являя собой явную картину вины); To mitigate this shrewdness, Lorna **lowered her eyes** and chased a fragment of meat around her plate with her fork. БНК / (Чтобы смягчить напряженность ситуации, Лорна опустила глаза и принялась гонять вилок по тарелке кусочек мяса); Vincent looked towards Lily, who **raised her eyes** and looked back at him sadly. БНК / (Винсент посмотрел на Лили, которая подняла глаза и печально посмотрела на него в ответ); When he **lifted his eyes** towards her again he thought he was safe to continue his stare. БНК / (Когда он снова поднял на нее глаза, то решил, что может спокойно продолжать смотреть на нее); He **turned away his eyes**, and walked past as though he noticed nothing. БНК / (Он отвел глаза и прошел мимо, как будто ничего не заметил).

В кабардино-черкесском языке лексема *нэ* (глаза) не используется в аналогичной ситуации. Движение взгляда в диалоге с собеседником передается через глаголы *еплъыхын* – смотреть вниз и *лъэныкъуэкIэ еплъэкIын* – смотреть в сторону. Следует отметить, что опускание взора, чаще всего кокетливо или от смущения, передается через лексему *напIэ* (веко) в таких метафорических выражениях, как *напIэр гъэлIэн*, *напIэр къегъэлIыхын* – опустить глаза (букв.: «веки») и *напIэр едзыхын* – потупить взор.

Выражение *нэр щIым етауэ* – опустить глаза (букв.: «отдав глаза земле»), наряду с указанием направления взгляда, передает и эмоциональное состояние человека – погружение в мысли и отрешенность. Ср.: [Kʲukʲuɐ] хогупсысыхь, и нэр щIым етами, зытеувэр имыльагъу хуэдэщ. СКЧЯ / (Кука погружается в свои мысли, и несмотря на то, что взгляд устремлен вниз, она, кажется, не видит земли под ногами).

Метафорическая модель «Глаза –местилище чувств и эмоций»

Человек, являясь биологическим существом, ограничен поверхностью своего кожного покрова, и, соответственно, воспринимает окружающий мир как определенное пространство, расположенное за пределами собственного тела. Таким образом, каждый отдельный человек представляет собой уникальный «контейнер», ограниченный его физическим телом, со значимым осмыслением пространства, деление которого происходит на «внутренний мир» и «внешний мир». Проецирование собственной модели пространственной ориентации на другие материальные объекты, также ограниченные поверхностью, позволяет человеку воспринимать и представлять эти объекты как некие местилища, состоящие из внутренностей и внешних границ [Лакофф, Джонсон 2004: 50].

Глаза часто рассматриваются как сосуд или контейнер в метафорическом смысле из-за их функции восприятия окружающего мира. Глаза являются нашими основными органами восприятия, которые заполняют наш мозг информацией относительно внешнего мира посредством визуального воспроизведения. Этот воспроизводящий процесс напоминает содержимое сосуда или контейнера, который может быть наполнен, опустошен и снова заполнен. Кроме того, глаза также содержат различные жидкости, включая слезы и витреозное тело, что физически подкрепляет их ассоциацию с сосудами.

Глаза – одна из самых важных черт лица, позволяющая понять эмоции человека. Поскольку глаза являются важным источником информации при взаимодействии людей, кажется естественным, что человек хочет заглянуть «внутри» глаз другого человека. Эта метафора позволяет нам воспринимать глаза как нечто, во что мы можем смотреть, что может быть глубоким, полным и переливаться через край. Одним из способов передачи глубины глаз в английском языке является использование конструкции *there is/are* в сочетании с предлогом *in*. Ср.: **There was something in her eyes I hadn't realized was missing when I'd looked at her before: fire.** БНК/ (В ее глазах было что-то такое, чего я не замечал, когда смотрел на нее раньше: огонь).

Сочетание глагола *to look* с предлогом *into* так же демонстрирует взгляд, устремленный внутрь глаз. Ср.: *She was overwhelmed with emotion and looked deeply into his eyes.* БНК/ (Ее переполняли эмоции, и она пристально посмотрела ему в глаза).

В метафорических выражениях *deep eyes* – букв.: «глубокие глаза» и *in the depth of one's eyes* – букв.: «в глубине глаз» прилагательное *deep* и субстантив *depth* создают образ глаз как глубокого наполненного сосуда. Ср.: **In the depths of her immense eyes I beheld in one moment all the wretchedness of my life.** БНК/ (В глубине ее огромных глаз я в один миг увидел все несчастье своей жизни).

В кабардино-черкесском языке лексема *нэ* имеет несколько значений: 1) глаз; 2) отверстие, ячейка в чем-либо; 3) ушко (иголки) [СКЧЯ]. Очевидно, что *нэ* обладает свойствами контейнера: у него есть внутренняя часть *нэ кӀуэцӀ*, глаз окружен границами глазницы *нэисынӀэ* (букв.: «место где сидят глаза»), глаз может наполняться *нэм нэпсыр ӀӀэз хьуаӀ* – (букв.: «глаза наполнились слезами»). Но в отличие от английского языка, в кабардино-черкесском языке глубина глаз как вместительность не подчеркивается. Ср.: в английском языке выражение *eyes welled up with tears* означает букв.: «глаза наполнились слезами как колодец».

В кабардино-черкесском языке взгляд, направленный в глаза или локализация чего-либо в глазах передается в глагольных конструкциях через преверб *ӀӀэ*, например: *нэм ӀӀэплъэн* – заглянуть в глаза, *нэм ӀӀэӀун* – тыкать в глаза кому-л.; *нэм ӀӀэӀэбэр мылъагъун* – ничего не видеть (букв.: «не видеть того, кто проникает под глаза»); *нэм нэпс ӀӀэтын* – на глазах слезы (в английском языке *tears in the eyes* букв.: «слезы в глазах») и т.д.

В своей работе «Специфика языковой категоризации пространства в типологическом ракурсе» Р.С. Кимов отмечает, что преверб *ӀӀэ* в кабардино-черкесском языке обладает семантическим признаком «нахождение под» и относит его к подтипу – навес [Ахматова, Башиева, Кимов 2022: 113]. Как можно

заметить, расположение чего-либо в глазах в адыгской языковой картине мира категоризуется как нахождение под веком, поскольку веко, если выйти за рамки его биологической функции, обладает способностью скрывать информацию, обеспечивая необходимую конфиденциальность нашим мыслям, чувствам и переживаниям.

Глаза как «вместилище» для хранения различных видов информации, включая чувства, эмоции и воспоминания становятся богатым источником эмоциональных метафор. Эмоциональные метафоры представляют собой специфические типы метафор, фундаментально влияющие на процессы восприятия и осмысления эмоций в рамках языковой системы. Существует отдельная категория таких эмоциональных метафор, обозначенная как «культурный тип». Создание метафор из этой категории происходит путем установления ассоциативных связей в контексте культурных норм и традиций между самим объектом и источником метафоры. Так, нередко можно встретить примеры ассоциирования в языке положительных эмоций со светом, поскольку в большинстве культур свет символизирует добро и духовность. Аналогично, негативные эмоции часто отождествляются с темнотой или мраком в виду их культурного кодирования как символов зла [Апресян 2005: 9-30].

Анализ эмпирического материала показал, что в английском языке положительные эмоции, такие как радость, веселье и любовь метафоризируются на основе глаголов с семантикой умеренного и приятного для глаз свечения. Например, *eyes shine, eyes beam, eyes light up* и т.д. Ср.: Lucy nodded, her flush deepening while memory **caused her eyes to shine**. Yes – it was wonderful, she sighed rapturously. БНК/ (Люси кивнула, ее румянец стал еще ярче, а глаза засияли от воспоминаний. – Да, это было чудесно, – восторженно вздохнула она); Every time she spoke about her newborn son, her **eyes beamed with joy and pride**. БНК/ (Каждый раз, когда она говорила о своем новорожденном сыне, ее глаза сияли радостью и гордостью).

Сильные, неконтролируемые или отрицательные эмоции метафоризируются при помощи глаголов, обозначающих резкое и слишком сильное свечение. Например, *eyes burn, eyes flash* и.д. Ср.: A pair of keen black eyes burned fiercely in their sunken sockets, and as she met their sardonic gaze she drew back and would have fled, had not the servant been close behind her. БНК/ (Пара пронизательных черных глаз яростно горели в запавших глазницах, и, встретившись с их насмешливым взглядом, она отпрянула и убежала бы, если бы слуга не стоял у нее за спиной.); Captain Picard's **eyes blazed with fury** and his jaw muscles clenched. БНК/ (Глаза капитана Пикарда гневно сверкнули, а челюсти сжались); As the acrid smell of burnt gravy filled the kitchen, Laura's **eyes flashed with anger**. БНК/ (Когда кухню наполнил едкий запах подгоревшей подливки, глаза Лоры вспыхнули гневом).

В кабардино-черкесском языке положительные эмоции передаются через такие глаголы свечения как *цлуун* блестеть, сверкать и *лыдын* сверкать, гореть пламенем. Например, *нэр кьыццлуукIын* засиять, заблестеть, *нэр кьыццIыцхьукIын* блестеть сверкать, *нэр кьэлыдын*, *кьылыдыкIын* загореться, засверкать. Отдельно можно выделить выражение *нэм нур кьыццIех* – букв.: «глаза излучают свет».

Слово *нур* – луч солнца, свет, сияние, являющееся заимствованным, в отличие от исконного слова *нэху* «свет», имеет более экспрессивную окраску.

Огонь становится основой метафоризации таких сильных отрицательных эмоций, как гнев и ненависть в кабардино-черкесском языке. Например, *нэр хъуэпскIын* – сверкнуть глазами (букв.: «сверкнуть как молния»), *нэм мафIэ къыщIэх* – глаза горят ненавистью (букв.: «из глаз летит огонь»), *нэм хъуаскIэ къыщIыхын* – букв.: «искры летят из глаз», *нэкIэ гъэлын* – испепелить глазами.

Интересным представляется выражение *Иугъэ нэм къыщIыхын* – смотреть со злобой (букв.: «дым идет из глаз»). В данном случае гнев локализуется в глазах, выступающих в качестве вместилища огня, и дым является косвенным признаком бурлящих внутри человека эмоций. В кабардино-черкесском языке в состоянии гнева у человека огонь и дым могут идти еще из носа *нэм мафIэ бзий кърихун* – букв.: «метать искры носом», *пэщхъыным гъуэзыр кърихуу* – в сильной ярости (букв.: «дым идет из носа»).

Метафоры, описывающие потемнение и помутнение взгляда, представляют собой яркую иллюстрацию, показывающую, как языковые образы могут передавать негативные эмоции. Такие метафоры обычно используются для описания различных оттенков негативных эмоций, включая гнев, обиду, недовольство или грусть.

Проанализированный материал демонстрирует, что в обоих языках практически полное совпадение метафорических образов потемневших глаз. Это такие образы, как туман «fog», «пшагъуэ» и пелена, дымка «cloud», «пшатхъуэ», например, *eyes clouded* – букв.: «глаза заволокло облаком», *eyes fogged* – глаза затуманились, *нэм пшагъуэ къыщIыхъэн*, сердиться – (букв.: «глаза затуманились»), *нэм пшатхъуэ къытрихуэн* – хмуриться (букв.: «глаза заволокло пеленой, дымкой»). Ср.: Theda's lip trembled and her **eyes darkened**, while the amusement drained out of her face. БНК/ (Губы Теды задрожали, глаза потемнели, а веселье исчезло с ее лица); It was Lucy who gasped the greeting, through clenched teeth, blue **eyes clouded** with fear and pain. БНК/ (Люси выдохнула приветствие сквозь стиснутые зубы, ее голубые глаза затуманились от страха и боли); She paused and looked towards the door with **eyes fogged** by sleep. БНК/ (Она остановилась и посмотрела на дверь затуманенными ото сна глазами); ... **и нэм пшагъуэ** къытрихъаци, и нэбжъыц фIыщIэ кIыхъхэр щIэхщIэхыурэ зэтрегъауэ. СКЧЯ/ (... у нее затуманился взгляд и она начала быстро хлопать своими длинными черными ресницами).

Как видно из приведенных выше примеров, потемневший или затуманенный взгляд вмещает в себя ряд метафорических ассоциаций, которые подчеркивают негативность описываемого эмоционального состояния. Потемнение часто ассоциируется с отсутствием света, а, следовательно, с негативностью, грустью или печалью.

Метафорическая модель «Глаза – это любовь»

По мнению В.А. Плунгяна, определенные психологические или физиологические состояния человека ассоциируются с определенным органом, который считается местом его локализации. Ассоциирование определенных ощущений с

конкретными частями тела, представляет собой универсальное явление, однако, каждый язык категоризирует части тела по-своему. Различия между отдельными языками проявляются в способе распределения этих ощущений на наивной «анатомической карте» человека [Плунгян 2003: 358].

В английском языке любовь и привязанность локализируются в душе и сердце. Зрение играет второстепенную роль и служит инструментом - проводником к сердцу. Выражение *love at first sight* – любовь с первого взгляда подразумевает скорее влюбленность, основанную на первых визуальных впечатлениях, чем глубокое чувство. Цитата У. Шекспира «*Love looks not with the eyes, but with the mind*» – букв.: «любовь смотрит не глазами, а разумом» также демонстрирует превалирование роли души и разума над зрительным восприятием и внешностью человека.

Анализ практического материала показал, что в кабардино-черкесском языке глаза чаще, чем остальные органы (сердце, рот), становятся местом локализации любви и симпатии. Отношение к кому-либо или чему-либо зависит от того как человек это видит. В основе самого глагола любить *фIыуэ лъагъун* (букв.: «видеть хорошо или видеть хорошим») лежит зрительная метафора. Кроме того, человек с приятной внешностью, способный вызвать к себе симпатию, описывается при помощи прилагательного *лъагъугъуафIэ* («букв.: «человек, на которого легко и приятно смотреть»), в то время как непривлекательный человек описывается как *лъагъугъуей, Iуплъэгъуей* («букв.: «человек, на которого сложно и неприятно смотреть»).

Лексема *нэ* (глаза) играет большую роль в процессе концептуализации чувства любви и симпатии разной степени интенсивности. Например, *нэ нэм хуэхъын* – нежно, ласково относиться к кому-либо (букв.: «отнести к глазам»), *нэм щызу лъагъун* – насмотреться вдоволь на кого-то (букв.: «видеть всем наполненным глазом»), *нэр плэпыхын* – очаровываться кем/чем-либо (букв.: «забирает глаз»), *нэ лейкIэ еплъын* – с особым вниманием, уважением относиться к кому-либо (букв.: «смотреть лишним глазом»), *нитIым яз* – сильно любить (букв.: «как один из двух глаз»), *и нэ и псэу илъагъун* – любить искренне, от всей души (букв.: «любить как глаза и душу»), *нэм хуэдэ* – любимый, желанный (букв.: «подобный глазу»), *нэфIкIэ еплъын* – относиться к кому-либо благосклонно, доброжелательно (букв.: «посмотреть на кого-то хорошими глазами») и т.д.

Отсутствие симпатии и любви метафоризируется в антонимичных выражениях с компонентом *нэ*: *нэм къыIуимыхъэн* – не понравиться кому-либо (букв.: «не подходить к глазу»), *нэ IейкIэ еплъын* – сурово, злобно посмотреть на кого-либо (букв.: «посмотреть на кого-то плохим глазом»).

Заключение

Проведенный анализ лексем «нэ» и «eyes» в кабардино-черкесском и английском языках показал, что в обоих языках, глаза как орган зрения играют первостепенную роль и служат источником получения и передачи информации. Выделенные метафорические модели свидетельствуют о том, что зрительные метафорические образы как в кабардино-черкесском, так и в английском языках, во многом совпадают, что можно объяснить универсальностью биологиче-

ских функций глаз как органа восприятия. Следует отметить, что в кабардино-черкесском языке лексема *нэ* входит в состав других слов, таких как *нанIэ* (веко), *нэгу* (лицо), *нэху* (свет) и охватывает более широкий круг метафорических образов, чем лексема *eyes* в английском языке. Кроме того, в кабардино-черкесском языке любовь и симпатия к кому/чему-либо концептуализируются посредством зрительных метафор и номинативная плотность данной метафорической модели гораздо выше, чем в английском языке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 2005 – *Апресян В. Ю.* Семантические типы эмоциональных метафор // Эмоции в языке и речи: сб. науч.ст. – М., 2005. – С. 9-31.
- Арутюнова 1999 – *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 911 с.
- БНК – *Британский национальный корпус* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/bnc/x.asp>
- Булыгина 1997 – *Булыгина Т.В.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Мастера русской культуры»: Кошелев, 1997. – 576 с.
- Ахматова, Башиева, Кимов 2022 – *Ахматова М.А., Башиева С.К., Кимов Р.С.* Особенности репрезентации мира в разных лингвокультурах: кол. монография. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т., 2022. – 139 с.
- Лаккофф, Джонсон 2004 – *Лаккофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал, 2004. – 256 с.
- Керашев 1989 – *Керашев Т.М.* Шу закъуэ. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 432 с.
- Крейдлин 2002 – *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
- Крылова 2006 – *Крылова Т.В.* Языковая картина мира и системная лексикография: кол. монография / под ред. Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки славянских культур, 2006. – Ч. 3. – С. 287-290.
- Пименова 1999 – *Пименова М. В.* Этногермевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека. – Кемерово: Landau, 1999. – 262 с.
- Плунгян 2003 – *Плунгян В.А.* К описанию африканской наивной картины мира (локализация ощущений и понимание в языке догон) // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. – М., 2003. – С. 358-365.
- СКЧЯ 1999 – *Словарь кабардино-черкесского языка.* – Москва: Дигора, 1999. – 860 с.
- Урысон 2003 – *Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
- Утижев 2007 – *Утижев Б. К.* Тыргатао. Трагедии. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 292 с.
- Шагиров 1977 – *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. – М.: Наука, 1977. – Т. 1. – 290 с.
- LDCE 1997 – *Longman Dictionary of Contemporary English.* Third Edition. – Harlow, Essex: Longman Group Ltd., 1997. – 1680 p. (на англ. яз.).
- Sweetser 1990 – *Sweetser E.* From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 174 p. (на англ. яз.).

REFERENCES

- APRESYAN V.YU. *Semanticheskie tipy emotsional'nykh metafor* [Semantic types of emotional metaphors]. In: *Emotsii v yazyke i rechi: sb. nauch.st.* – M., 2005. – P. 9-31. (In Russ.).
- ARUTYUNOVA N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1999. – 911 p. (In Russ.).
- Britanskii natsional'nyi korpus* [British National Corps]. In: [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.english-corpora.org/bnc/x.asp> (In Russ.).

BULYGINA T.V. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)]. – M.: Shkola «Mastera russkoi kul'tury»: Koshelev, 1997. – 576 p. (In Russ.).

AKHMATOVA M.A., BASHIEVA S.K., KIMOV R.S. *Osobnosti reprezentatsii mira v raznykh lingvokul'turakh* [Features of the representation of the world in different linguistic cultures: Col. monograph]: kol. monografiya. – Nal'chik: Kab.–Balk. un-t., 2022. – 139 p. (In Russ.).

LAKKOFF DZH., DZHONSON M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [The metaphors we live by]. – M.: Editorial, 2004. – 256 p. (In Russ.).

KERASHEV T.M. *Shu zak"ue (Odinokii vsadnik)* [The Lone Horseman]. – Nal'chik: El'brus, 1989. – 432 s. (In kab.-cherk. yaz.).

KREIDLIN G.E. *Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyi yazyk* [Non-verbal Semiotics: Body Language and Natural Language]. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. – 592 p. (In Russ.).

KRYLOVA T.V. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [The linguistic picture of the world and systemic lexicography]: kol. monografiya / pod red. Yu.D. Apresyana. – M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. – Ch. 3. – P. 287-290. (In Russ.).

PIMENOVA M.V. *Etnogermevtika yazykovoi naivnoi kartiny vnutrennego mira cheloveka* [Ethnogermeutics of the linguistic naive picture of the inner world of man]. – Kemerovo: Landau, 1999. – 262 p. (In Russ.).

PLUNGYAN V.A. *K opisaniyu afrikanskoi naivnoi kartiny mira (lokalizatsiya oshchushchenii i ponimanie v yazyke dogon)* [To describe the African naive worldview (localization of sensations and understanding in the Dogon language)]. In: Logicheskii analiz yazyka. Izbrannoe. 1988-1995. – M., 2003. – P. 358-365. (In Russ.).

Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka [Dictionary of the Kabardino-Circassian language]. – Moskva: Digora, 1999. – 860 p. (In Russ.).

URYSON E.V. *Problemy issledovaniya yazykovoi kartiny mira: Analogiya v semantike* [Problems of studying the linguistic picture of the world: Analogy in semantics]. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. – 224 p. (In Russ.).

UTIZHEV B.K. *Tyrgatao. Tragedii* [Targatao. Tragedies]. – Nal'chik: El'brus, 2007. – 292 p. (In Russ.).

SHAGIROV A.K. *Etimologicheskii slovar' adygsikh (cherkessikh) yazykov* [Etymological Dictionary of the Adyghe (Circassian) languages]. – M.: Nauka, 1977. – T. 1. – 290 p. (In Russ.).

Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition. – Harlow, Essex: Longman Group Ltd., 1997. – 1680 p. (In Eng.).

SWEETSER E. *From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 174 p. (In Eng.).

Сведения об авторе

Л.Х. Дзасежева – кандидат филологических наук, доцент

Information about the authors

L.Kh. Dzasezheva – candidate of sciences (Philology), associate professor.

Статья поступила в редакцию 30.05.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 30.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Научная статья
УДК 81+811.35
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-506-515
EDN: YOTVJO

АКУСТИЧЕСКИЙ МУТАГЕНЕЗ В СОВРЕМЕННОМ КАБАРДИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Мусадин Латифович Карданов¹, Лариса Ханбиевна Хараева²

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ musadin07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3393-549X>

² larisa_charaeva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8993-164X>

Аннотация. В статье затрагиваются спорные вопросы адыгской этимологии и семантики, а также исторической фонетики, касающиеся природы и структуры корневых морфем, которые не получили исчерпывающего решения по настоящее время. Существующие подходы в изучении корневых морфем, получившие свое освещение в работах ученых-адыгovedов, таких как М.А. Кумахов, А.К. Шагиров, Н.Р. Иваноков, Н.Ф. Яковлев, представляются не окончательными и требующими уточнений. В данной работе предлагается отличный от имеющихся подходов взгляд на поднятую проблему и ее оригинальное решение. Рассматриваемые в работе корневые морфемы, грамматикализованные в диахронии, в ходе представленного этимологического и семантического анализа обнаруживают следы акустического и семантического мутагенеза, что в целом оказывает влияние на дальнейшее развитие лексической системы языка. В научный оборот впервые вводится термин акустический мутагенез, под которым подразумевается мутация звуков в современном адыгейском и кабардинском языках с сохранением одного и того же значения или близкого к исходному смыслу. В ходе семантической эволюции утрата одного смыслового значения у корневого элемента не влечет за собой его закрепление в структуре лексических инноваций, его четкого состояния в ситуации препозиции или постпозиции. Корневые морфемы, выделяемые в современном языке как аффиксы, в праязыке находились на одном иерархическом уровне, и их положение в препозиции говорит лишь о их присоединении к остальным корневым элементам, положение в постпозиции об обратном.

Ключевые слова: историческая семантика и фонетика, этимология, внутренняя реконструкция, корневая морфема, абхазо-адыгские языки, кабардинский язык, акустический мутагенез.

Для цитирования: Карданов М.Л., Хараева Л.Х. Акустический мутагенез в современном кабардинском языке // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 506-515. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-506-515. EDN: YOTVJO.

© Карданов М.Л., Хараева Л.Х., 2024

Original article

ACOUSTIC MUTAGENESIS IN THE MODERN KABARDIAN LANGUAGE

Musadin L. Kardanov¹, Larisa Kh. Kharaeva²

^{1,2} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

¹ musadin07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3393-549X>

² larisa_charaeva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8993-164X>

Abstract. The article touches upon controversial issues of Adyghe etymology and semantics, as well as historical phonetics, concerning the nature and structure of root morphemes, which have not been comprehensively resolved to date. The existing approaches to the study of root morphemes, which have received their coverage in the works of scientists such as M.A. Kumakhov, A.K. Shagirov, N.R. Ivanokov, N.F. Yakovlev, do not seem to be definite and require clarification. This paper offers a different view of the problem raised and its original solution from the existing approaches. The root morphemes considered in the work, grammaticalized in diachrony, in the course of the presented etymological and semantic analysis, reveal traces of acoustic and semantic mutagenesis, which generally affects the further development of the lexical system of the language. For the first time, the term acoustic mutagenesis was introduced into scientific circulation, by which we mean the mutation of sounds in modern Adyghe and Kabardian languages while maintaining the same meaning or close to the original meaning. In the course of semantic evolution, the loss of one semantic meaning in the root element does not entail its consolidation in the structure of lexical innovations, its clear state in a situation of preposition or postposition. Root morphemes, distinguished in modern language as affixes, were at the same hierarchical level in the proto-language, and their position in the preposition only indicates their attachment to the rest of the root elements, the position in the postposition indicates the opposite.

Keywords: historical semantics and phonetics, etymology, internal reconstruction, root morpheme, abkhaz-adyghe languages, kabardian language, acoustic mutagenesis.

For citation: Kardanov M.L., Kharaeva L.Kh. Acoustic mutagenesis in the modern Kabardian language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 506-515. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-506-515. EDN: YOTVJO.

© Kardanov M.L., Kharaeva L.Kh., 2024

Введение

В адыго-абхазской сравнительно-исторической морфологии наиболее дискуссионной остается проблема диахронической структуры корня и корневой основы. Так, Н.Ф. Яковлев говорит о первичности односложных корней открытого типа (согласный+гласный) в адыгских языках [Яковлев, Ашхамаф 1941: 216]. Этот вывод лежит в основе дальнейшего построения теории исторического развития морфологического строя и основах лексического состава адыгских языков. Согласно этой точке зрения односложные открытые корни не получают дальнейшего исторического развития [Яковлев, Ашхамаф 1941: 216]. Поэтому образование производных основ и аффиксов на базе открытых односложных корней относится к более поздней эпохе. Противоположный взгляд на структуру древнего адыгского корня высказывает Г.В. Рогава, который считает, что односложный корень открытого типа в прошлом сопровождался префиксальным элементом, являвшимся выражением грамматической категории класса и детерминативным суффиксом одновременно [Рогава 1956: 87]. Со временем появляется новая теория корня, в соответствии с которой корень подвержен постоянному преобразованию, варьированию, что приводит к пониманию невоз-

возможности существования единой модели корня в праязыке. Согласно М.А. Кумахову, для раннего хронологического уровня в абхазском языке характерны разные модели корня [Кумахов 1981: 53]. Очень важным, на наш взгляд, является мнение ученого о том, что префиксальные морфемы категории грамматических классов в именных основах в западнокавказских языках с точки зрения релятивной хронологии «могут соотноситься лишь с эпохой, предшествовавшей периоду западнокавказского языкового единства» [Кумахов 1981: 53]. Эти рассуждения подкрепляются общим мнением о том, что в естественном языке существуют разные модели структурного оформления корня и основы. Однако это бесспорное положение в западно-кавказском сравнительно-историческом языкознании долгое время считалось неприемлемым применительно к праязыку. Для праязыкового состояния постулировалась одна модель корня или основы, т.е. праязык в сущности оставался бы неподвижным научным конструктом, лишенным длительной истории и временных параметров. Между тем праязык, как и естественный язык, является категорией исторической, т.е. характеризуется временными параметрами и имеет длительную историю становления и исключает существование единственной модели корня или основы. В настоящее время вряд ли возможно возвращение к статической теории реконструкции вообще и реконструкции корня в частности, на смену которой пришла динамическая теория реконструкции, в соответствии с которой могут быть постулированы для эпохи абхазского или абхазского языкового единства разные модели корня.

История вопроса. Разностороннее и полное научное изучение абхазского языка – восточного диалекта абхазского (черкесского) языка – началось сравнительно недавно. Например, современный алфавит (до этого периода было сделано несколько попыток на базе арабского и латиницы) на основе кириллицы был создан только в 1936 г. Тем не менее, следует уточнить, что, начиная с конца XVII в., появляются исследования по грамматике, а также труды по лексикографии П.А. Палласа, Г.Ю. Клапрота, А.М. Шегрена, Ш.Б. Ногмова, Л.Г. Лопатиского, Г.Т. Балинта, Б.Л. Хуранова и др. Многие аспекты грамматики, словообразования, лексикологии, фразеологии и стилистики современного абхазского языка к настоящему времени описаны и раскрыты в достаточной степени. Что касается семантики, анализа различных лексико-семантических групп, истории языка и этимологии, то они изучены в меньшей степени. Эти области лингвистического знания представлены отдельными статьями и монографиями.

Этимологические изыскания представлены двумя авторами – А.К. Шагировым и Н.Р. Иванковым, чьи работы занимают особое место в абхазоведении. При этом следует отметить, что недостаток систематических научных этимологических и историко-семасиологических анализов различных групп слов, связанных генетическим родством, лексико-семантических групп, целых лексических гнезд, способствует распространению недостаточно обоснованных взглядов на возникновение и семантику многих архаичных корней в абхазском, в целом, и, абхазском языке, в частности. Попытки реконструкции значения слова, его этимологизации на основе одного диалекта, в котором возможны

случаи особой исторической консервации и сохранности лексики, являются заранее обреченными и не имеющими достаточной доказательной базы. Именно такой подход наблюдается у Н.Р. Иванокова, который рассматривает семантику корневых морфем, привлекая для анализа материал из бжедугского диалекта адыгского языка [Иванов 2015]. По мнению известного ученого В.П. Нерознак, понятие «живая праязыковая модель» является весьма относительным, так как архаизмы, как и их инновации охватывают лишь отдельные подсистемы языка [Нерознак 1981: 297]. Поэтому, необходимо комплексное систематическое изучение корневых морфем на основе широкого общеадыгского лексического материала.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней осуществляется реконструкция архаичного значения корневого элемента *шы*, который имеет широкое распространение в современной общеадыгской лексике.

Методы. Используемый в исследовании метод внутренней историко-семантической реконструкции фонетических и лексических соответствий в родственных языках, а не на материале отдельно взятых современных языка или диалекта, позволяет с большей точностью подойти к определению структуры и семантики корневых морфем, восходящих к эпохе абхазо-адыгского языкового единства, т.е. праязыка.

Источники. Основным источником являются материалы из этимологических словарей [Иванов 2015; Шагиров 1977а; Шагиров 1977б].

Дискуссия

Изначально авторы данной статьи считают неправомерным процесс историко-семасиологического и этимологического анализа лексем и корневых морфем, в частности, отдельно взятых современных адыгейского или кабардино-черкесского языков. Таким образом, вопрос заключается в установлении и соблюдении принципов относительной хронологии, которые в случае с рассматриваемыми языками, предполагает их разграничение на следующие периоды: западнокавказский, абхазо-абазинский, адыгско-убыхский, общеадыгский, уровень существования самостоятельных абхазо-адыгских языков, уровень поздних диалектных инноваций [Хараева 2007: 295]. Из этого вытекает закономерно мысль о том, что изучение структуры и семантики корневых морфем следует вести поэтапно, а именно на первом этапе выделить общеадыгский элемент, проследить его эволюцию на уровне адыгейского и кабардинского языка, а на последующем этапе осуществить поиск языковых соответствий на материале современных абазинского и абхазского языков.

Проводимые исследования доказывают, что выделение общеадыгского корня затруднительно только в тех словах, которые возникли в эпоху абхазо-адыгского праязыка, где без привлечения примеров из родственных языков (абхазского, абазинского, убыхского) восстановление не представляется возможным. Более убедительными являются исследования на временном уровне общеадыгского лексического единства, потому что во многих общеадыгских номинациях, даже получивших разные семантические значения в ходе исторического развития, восстановление архаичного исходного корня не вызывает особых

проблем. Как известно, в адыгских языках и, в целом, в абхазо-адыгской группе, этимологическую и семантическую информацию несут не только корневые элементы, но и префиксы и суффиксы, которые в более раннюю эпоху являлись самостоятельными корневыми морфемами. Грамматикализация аффиксов началась задолго до распада абхазо-адыгского праязыка.

Ученым известен тот языковой факт, что в языках абхазо-адыгской группы и конкретно в адыгском языке каждая фонема имеет четко выводимое лексическое значение, как, например, с гласными *ы* и *э*. За исключением некоторых примеров, значения которых невозможно восстановить по объективным причинам, каждая из этих фонем имеет в лексической и грамматической структуре глагола значение повелительного наклонения. Исходя из значений рассмотренных нами таких корней, можно сказать, что независимо от присутствующего гласного *ы* или *э* с согласным, они восходят к одному лексическому гнезду. Косвенное подтверждение данной мысли находим у других исследователей. Наличие сложных превербов и сложных корней отрицается в работах Н.Р. Иванокова, который этимологизирует более 60 исконных топонимов, этнонимов, гидронимов и имен героев нартского эпоса, предметов экипировки и т.д., разделяя их на звуки со своими значениями. «Наблюдения над этимологическим анализом форм адыгских языков, осуществленные специалистами, позволяет возможным говорить о том, что адыгская морфема представлена в виде одной согласной фонемы. Однако считать, что в адыгских языках нет гласных морфем, вряд ли допустимо...», – пишет Н.Р. Иваноков [Иваноков 2015: 12].

В данной статье мы попытаемся восстановить архаичное значение корневого элемента *шы* [Шагиров 1977b: 140]. В монографии А.К. Шагирова для *шы* выводятся два значения: I брат; II лошадь. Автор справедливо видит первое значение в слове *къуэи* «брат». Последнее слово можно разложить в современном языке как «сын брата». Здесь следует отметить этимологизацию слова Н.Ф. Яковлевым, который отмечал, что *шы* означало первоначально «сородич (без различия пола)» [Яковлев, Ашхамаф 1941: 94]. Такую связь понятий лошади и родственника можно считать, если не универсальной, но, во всяком случае, весьма распространенной у различных народов. Как пишет М.М. Маковский. значение «лошадь» соотносится со значением «человек», «молодой человек». В мифах человек (всадник) нередко превращается в коня, а конь – в человека [Маковский 1996: 105-106]. Второй значение слова *шы* А.К. Шагиров связывает с абхазским *ачьы*, абазинским *чьы* и убыхским *чы* «лошадь» [Шагиров 1977b: 141], что на фонетическом и семантическом уровне не требует доказательств, столь очевидными являются эти языковые параллели. Ко второму слову многими учеными (П. Чарая, Б. Балкаров, Н. Марр) приводятся возможные соответствия с лексемами из других кавказских языков, но ими не приводятся семантические разъяснения. Никто из авторов, занимавшихся вопросами этимологии, не связывает корень *ш(ы)*- с аналогичным элементом в *шэ* «молоко», *шхын* «еда», *мэш* «просо». Для *шэ* «молоко» вряд ли уместны параллели из грузинского *rze*, мегрельского *bža*, сванского *lazə*, чеченского *шура* «молоко», чмалинского *ссара* «кислое молоко», сравниваемые А.К. Шагириным из разных источников в своей работе [Шагиров 1977b: 137].

Мы считаем, что данные адыгские лексемы относятся к одному пласту смыслов. Для определения семантического архаичного значения *шы* в *мэи* «просо» и *шы* «лошадь», следует обратиться к экстралингвистическим факторам и углубиться в историю сельского хозяйства и коневодства. Начало одомашнивания лошади, определяется в промежутке 4-5 тыс. лет назад¹, хотя признается, что люди пытались одомашнить этих животных задолго до этого. Просо признается древнейшим культурным растением и возраст самых древних, обнаруженных при раскопках зерен, датируются 8-7 веками до н.э.

Любая пища, растительная или животная дает человеку силу, здоровье. В младенчестве и раннем детстве, человек, который не способен еще употреблять мясную и растительную пищу, естественно получает силу с молоком матери – *быдзыиэ* «грудное молоко» или просто *иэ* «молоко». Таким образом, мы выдвигаем гипотезу, что современное значение *иэ* «молоко» и второй части в *мэи* «просо» восходят к более архаичному значению *шы/иэ* «сила». Для сравнения, современное кабардинское слово со значением «силы» – *лээц* – происходит от *лэи* <из *шы/иэ* «сила»>. Элемент *и(ы)* со значением «сила» содержится и в слове *ишын* «еда», т.е., опять же, «еда» – это то, что даёт человеку «силу». Данная морфема сохранила свое значение и в номинациях *ишу* «кефир», *ишис* «подлива». *Ишу* «кефир» состоит из *и(ы)* «сила» + *ху(ы)* «белый, белая, белое» и означает «белое, дающее силу». *Ишис* «подлива» также состоит из двух корневых элементов: *шы* «сила» + *ис(ы)* «вода, жидкость», с общим значением «жидкость, дающая силу».

Приведенные языковые примеры дают нам право утверждать, что, в протоязыке языке присутствовала троичная система спирантов *шь-ш-шь* (мягкий – твёрдый – шипяще-свистящий), которая сохранилась в шапсугском диалекте адыгского языка. На наличие мягкого спиранта *шь* в шапсугском диалекте указывает М.А. Кумахов [Кумахов 1981: 197]. Несмотря на тот факт, что в алфавите современного кабардинского языка отсутствует мягкий *шь*, его следы можно проследить во многих примерах: *кэуэшь* «брат», *шьыпху* «сестра», *анэшь* «родственники по линии матери» и т.д. Твёрдый спирант *ш* фиксируется в словах *шы* «лошадь», *мэи* «просо», *иэн* «везти/вести», *иэ* «молоко». Это же корень встречается в слове *ишын* в двух значениях: «кушать» и «еда». Таким образом, мы делаем предположение о том, что архаичное (первичное) значение твёрдого спиранта *и(ы)* – это «сила» (такое предположение делает Н.Т. Гишев – см. далее в статье). Логически можно выстроить цепочку семантических переходов. Ребёнок получает силу из *иэ* «молоко», взрослый человек из *ишын* «еда», значение, которое вытекает из *мэи* «просо». Приручение лошади, ее широкое многофункциональное использование в человеческой жизнедеятельности, приводит к образованию нового слова путем переноса семантического значения *шы* «сила» – *шы* «лошадь» – в дальнейшем его производное *шы* «вести/везти». Язык, как известно, динамическая система знаков и значений и во многих случаях пользуется одним языковым знаком для номинации различных

¹ The origins and spread of domestic horses from the Western Eurasian steppes // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.nature.com/articles/s41586-021-04018-9>. Дата обращения 01.04.2024 г.

явлений. «Язык практически не создает материально новый элемент для новых значений. А вводит в новые взаимоотношения и, тем самым, в новую систему взаимоотношений уже существующие элементы, давая им новую семантическую нагрузку», – пишет Б.М. Берсиров [Берсиров 2001: 7], что подтверждается примерами из языка.

Похожую точку зрения по данному вопросу о семантической близости адыгских лексем, восходящих к одному этимону *шы*, высказывает Н.Т. Гишев, который пишет: «Морфема *-ш(ы)*, встречающаяся в словах *лъэш* (сильный), *Іэшэ* (оружие), *пхъэІэш* (плут), *Іуш* (умный), *зэпэш* (здоровый), *шъуаш* (модная одежда, приличный вид) и т.д., являются производными от некогда существовавшего в языке корня этимона *шы* (сила, сильный)» [Гишев 2008: 210]. Далее автор излагает свою точку зрения трактовки вышеперечисленных сложных слов: *лъэш* (*лъэ* «нога» и *шы* «сила»), *Іэшэ* (*Іэ* «рука» и *шы* «сила»), *Іуш* (*Іу* «рот» и *шы* «сила») [Гишев 2008: 210] и т.д. Однако мы здесь не можем согласиться со всеми значениями слов, которые приводит автор, например, у слова *Іэшэ*. В кабардинском языке функционируют две лексемы: *Іэшэ* «криворукий» и *Іэщэ* «оружие». Первое слово, без сомнения содержит в себе элемент *-шэ* в значении «отведённый» и вся номинация трактуется как «рука отведённая (в сторону)». Второй элемент этого слова присутствует и в примере *Іушэ* «кривой» (букв. Начало (чего-л.) отведённое (в сторону). А пример *Іэщэ* «оружие» нами трактуется как «наличие чего-л. в руках», т.е. элемент *-щ(ы)* – отмечает «наличие чего-л.», ср.: *кІуащ* «пошёл (в прошедшем времени)» - *кІуэ* «ход» + *а* «суффикс прошедшего времени» + *щ* «свидетельствует о наличии действия «ходьбы»». В следующем примере лексема *Іуш* «умный», приведённая Н. Гишевым, мы не относим к возможным производным от *шы* «сила». Слово *Іуш* «умный» можно этимологизировать, как результат действий самого человека, т.е. и тем, что он уже сделал или делает. Иными словами, об умственных способностях человека можно судить до того, как он начал выражать свои мысли, это то, что находится в самом начале, до начала действия, речевого акта. Лексема разлагается на два компонента, один со значением *Іу* «начало», второй *щ(ы)* со значением «наличие», как и в слове *кІуащ* «пошёл». Вся конструкция нами трактуется как «начало наличия».

Морфема *шы* «вести» усматривается нами и в слове *еуштын* «натравить». А.К. Шагиров не допускает ее взаимосвязь с абхазским и абазинским *а-ушьтра/аушьтра* «отпустить», «выпустить», «спустить» [Шагиров 1977b: 177]. Подвергая сомнению данное утверждение, мы считаем, что абхазско-абазинскому *а-ушьтра/аушьтра* «отпустить» соответствует кабардинские *ушит* «ату», *еуштын* «напустить», «натравить», в которых без сомнения просматривается *шы* в значении «вести». Для сравнения можно привести еще несколько примеров из кабардинского: *Іушын* «отвести», *шэн* «вести».

Совсем другое семантическое значение имеет мягкий спираント *шь* в таких лексемах, как *къуэшь* «брат», *шьыпхъу* «сестра», *анэшь* «родственники со стороны матери», *адэшь* «родственники со стороны отца». А.К. Шагиров со ссылкой на работы Ж. Дюмезиля и Н. Трубецкого указывает на родство с абхазским *ашьа*, абазинским *шьа*, убыхским *лъа* в значении «кровь» [Шагиров 1977a:

255]. По нашему мнению, здесь наблюдается не простое родство с приведенными лексемами, а факт архаичного наличия в адыгских языках корневого элемента – мягкого спиранта *шь*. Такое мнение вытекает из семантической структуры приведенных нами примеров. Здесь следует отметить, что современное релятивное слово *къуэшь* «брат» восходит к *шьы* в том же значении. Доказательством служит очевидный факт, что в современном языке до сих пор функционирует обозначение «старшего брата» в форме *шьы нэхъыжь*, а *къуэшь* имело первоначальное значение «сын по крови»: *къуэ* «сын» + *шьы* «кровь», точно так же как и сестра *шьыпхъу* в первичном значении «дочь по крови»: *пхъу* «дочь» + *шьы* «кровь». Сема «кровное родство» сохраняется и в других номинациях, таких как: *анэшь* – *анэ* «мать» + *шьы* «кровь» (букв. Матери по крови (родственники)); *адэшь* – *адэ* «отец» + *шьы* «кровь» (букв. Отца по крови (родственники)).

Согласно приведенному анализу, по всей видимости, полный акустический мутагенез *шь* в *ш* произошёл после разъединения абхазского и адыгского языков и привёл к утрате мягкого спиранта, вследствие чего было утрачено также его семантическое значение «кровь».

Выводы

Выводы статьи основываются на теоретических основах адыгского языкознания, основных тенденциях и закономерностях исторического словообразования и характеристиках семантического развития лексем.

Рассматриваемые в статье корневые элементы *шьы/шы* являются базовой основой широких лексических гнезд. В ходе этимологического анализа выяснена траектория развития лексемы *шы* и выявлен акустический мутагенез мягкого спиранта *шь*. Присутствие значения корневого элемента *шы* в современном языке в разных лексических гнездах иллюстрируется на многочисленных примерах, приведенных в статье.

Основным выводом исследования является идея о том, что взятая для анализа современная корневая морфема *шы* в эпоху абхазо-адыгского праязыка состояла из двух компонентов: мягкого спиранта *шь* и собственно самого спиранта *ш*, каждый из которых имел свое значение, в связи с чем на современном этапе при определении корня в лексических единицах с морфемой *шы* возникают определенные трудности, которые решаются только методом внутренней реконструкции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Берсиров 2001 – *Берсиров Б.М.* Структура и история глагольных основ в адыгских языках. – Майкоп: Адыгея, 2001. – 236 с.
- Гишев 2008 – *Гишев Н.Т.* Избранные труды по языкознанию. – Майкоп: Качество, 2008. – 538 с.
- Иванов 2015 – *Иванов Н.Р.* Избранные труды. Этимологический анализ некоторых адыгских (черкесских) слов. – Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых, 2015. – 360 с.
- Кумахов 1981 – *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. – М.: Наука, 1981. – 288 с.

Маковский 1996 – *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. – М: Владос, 1996. – 416 с.

Нерознак 1981 – *Нерознак В.П., Журавлев В.К., Мажюлис В.П.* и др. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы. – М.: Наука, 1981. – 357 с.

Рогава 1956 – *Рогава Г.В.* К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. – Тбилиси: Издательство Академии наук Грузинской ССР, 1956. – 154 с.

Хараева 2007 – *Хараева Л.Х.* Когнитивное моделирование этимологических гнезд в разносистемных языках: на материале французского и кабардино-черкесского языков: Дис... докт. филол. н-к. – Махачкала, 2007. – 413 с.

Шагиров 1977a – *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. – М.: Наука, 1977. – Т. 1. – 292 с.

Шагиров 1977b – *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. – М.: Наука, 1977. – Т. 2. – 224 с.

Яковлев, Ашхамаф 1941 – *Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.* Грамматика адыгейского литературного языка. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. – 427 с.

REFERENCES

BERSIROV B.M. *Struktura i istoriya glagol'nykh osnov v adygskikh yazykakh* [The structure and history of verbal bases in the Adyghe languages]. – Maikop: Adygeya, 2001. – 236 p. (In Russ.).

GISHEV N.T. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. – Maikop: Kachestvo, 2008. – 538 p. (In Russ.).

IVANOKOV N.R. *Izbrannye trudy. Etimologicheskii analiz nekotorykh adygskikh (cherkesskikh) slov* [Selected works. Etymological analysis of some Adyghe (Circassian) words]. – Nal'chik: Izd. M. i V. Kotlyarovykh, 2015. – 360 p. (In Russ.).

KUMAKHOV M.A. *Sravnitel'no-istoricheskaya fonetika adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Comparative historical phonetics of the Adyghe (Circassian) languages]. – М.: Nauka, 1981. – 288 p. (In Russ.).

MAKOVSKII M.M. *Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simboliki v indoevropeskikh yazykakh. Obraz mira i miry obrazov* [Comparative Dictionary of mythological symbols in Indo-European languages. The image of the world and the worlds of images]. – М: Vlados, 1996. – 416 p. (In Russ.).

NEROZNAK V.P., ZHURAVLEV V.K., MAZHYULIS V.P. i dr. *Sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie yazykov raznykh semei. Sovremennoe sostoyanie i problem* [Comparative historical study of languages of different families. Current state and problems]. – М.: Nauka, 1981. – 357 p. (In Russ.).

ROGAVA G.V. *K voprosu o strukture imennykh osnov i kategoriakh grammaticheskikh klassov v adygskikh (cherkesskikh) yazykakh* [On the question of the structure of nominal bases and categories of grammatical classes in the Adyghe (Circassian) languages]. – Tbilisi: Izdatel'stvo Akademii nauk Gruzinskoi SSR, 1956. – 154 p. (In Russ.).

KHARAEVA L.KH. *Kognitivnoe modelirovanie etimologicheskikh gnezd v raznosistemnykh yazykakh: na materiale frantsuzskogo i kabardino-cherkesskogo yazykov* [Cognitive modeling of etymological nests in multi-system languages: based on the material of French and Kabardino-Circassian languages]: Dis... doкт. filol. n-k. – Makhachkala, 2007. – 413 p. (In Russ.).

SHAGIROV A.K. *Etimologicheskii slovar' adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Etymological Dictionary of the Adyghe (Circassian) languages]. – М.: Nauka, 1977. – Т. 1. – 292 p. (In Russ.).

SHAGIROV A.K. *Etimologicheskii slovar' adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Etymological Dictionary of the Adyghe (Circassian) languages]. – М.: Nauka, 1977. – Т. 2. – 224 p. (In Russ.).

YAKOVLEV N.F., ASHKHAMAF D. *Grammatika adygeiskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Adyghe literary language]. – M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1941. – 427 p. (In Russ.).

Информация об авторах

М.Л. Карданов – кандидат филологических наук, доцент.

Л.Х. Хараева – доктор филологических наук, профессор.

Information about the authors

M.L. Kardanov – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor.

L.Kh. Kharaeva – Doctor of Sciences (Philology), professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 15.04.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.

Наши авторы

Аппоев Алим Каншауович – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: appoev74@mail.ru

Ахматова Мариям Ахматовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: mari.ahmatova@yandex.ru

Бабич Ирина Леонидовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия.

E-mail: babi7chi@yandex.ru

Багировов Хазрет Заурбечевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», Майкоп, Россия.

E-mail: hbaqirokov@mail.ru

Байчекуева Азинат Жамаловна – старший преподаватель института менеджмента, туризма и индустрии гостеприимства ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: baychekueva88@mail.ru

Бауаев Казим Каллетович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: kazim_bauaev@mail.ru

Берберов Бурхан Абуюсуфович – доктор филологических наук, заведующий сектором карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: burhan_berberov@mail.ru

Бозиев Альберд Тахирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия; старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: alberdboziev@mail.ru

Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: aslan-borov@mail.ru

Борокова Лиля Арабиевна – старший научный сотрудник отдела фольклора народов КЧР РГБУ «Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почёта» Института гуманитарных исследований имени Х.Х. Хапсирокова», Черкесск, Россия.

E-mail: borokova64@mail.ru

Гутов Адам Мухамедович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: adam.gut@mail.ru

Гучапшева Лина Хизировна – аспирант Научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: mamhegova.lina@mail.ru

Даниева Айшат Саидахметовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», Грозный, Россия.

E-mail: amina.s.79@mail.ru

Дзасежева Лариса Халифовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: dzasezheva@mail.ru

Диривянкина Мария Сергеевна – преподаватель кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия.

E-mail: dirivyankina@mail.ru

Иванов Георгий Дмитриевич – аспирант Научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: george.ivanov.1998@mail.ru

Кабардокова Лейля Магомедовна – лаборант сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: kabardokova1988@bk.ru

Карданов Мусадин Латифович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: musadin07@mail.ru

Кенетова Рита Биляловна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: ritakenetova@mail.ru

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

Е-mail: ketenchiev@mail.ru

Кремшокалова Марина Чафленовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и общего языкознания социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

Е-mail: marina_kremshokalova@mail.ru

Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

Е-mail: petrakis_hist@bk.ru

Кулиш Наталия Юрьевна – заведующая отделом информации и публикации ГКУ Ростовской области «Государственный архив Ростовской области», Ростов-на-Дону, Россия.

Е-mail: n.coolish@yandex.ru

Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий Центром социально-политических исследований ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

Е-mail: anzor-vk@mail.ru

Лобанов Владимир Борисович – кандидат исторических наук, доцент Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Санкт-Петербург, Россия.

Е-mail: lobanov19772009@yandex.ru

Магомедов Юсуп Абдусаламович – младший научный сотрудник отдела археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия.

Е-mail: yusup_103@mail.ru

Мизиев Ахмат Магомедович – доктор филологических наук, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

Е-mail: miz1967@mail.ru

Мирзоев Залим Таубиевич – заместитель директора Института права, экономики и финансов ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

Е-mail: trapik80@mail.ru

Мусаева Руганият Атаковна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Дагестанский филиал), Махачкала, Россия.

Е-mail: rukhani@yandex.ru

Сефербеков Магомедхабиб Русланович – младший научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия

Е-mail: deadromance3@rambler.ru

Сефербеков Руслан Ибрагимович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия.

E-mail: ruslan.seferbekov@yandex.ru

Теркулов Вячеслав Исаевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный университет», Донецк, Россия.

E-mail: terkulov@rambler.ru

Тетуев Алим Инзрелович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Тлостанов Эльдар Зурабович – магистрант ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: vatutin603@gmail.com

Узденова Фатима Таулановна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: uzdenova_kbigi@mail.ru

Улаков Махти Зейтунович – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: maxtti@mail.ru

Урусов Руслан Хаталиевич – заместитель директора социально-гуманитарного института по планированию и организации образовательного процесса, старший преподаватель кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: urkbr07@mail.ru

Хавжокова Людмила Борисовна – кандидат филологических наук, заведующая сектором кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Халипаева Империят Арсланбековна – доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германских и восточных языков и методики преподавания Дагестанского государственного педагогического университета им. Расула Гамзатова, Махачкала, Россия

E-mail: turkdgpu@mail.ru

Хараева Лариса Ханбиевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой и романской филологии социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: larisa.charaeva@rambler.ru

Хашхожева Загират Талибовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: zagirat_inkaz@mail.ru

Хуболов Сахадин Магаметович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: khubol@yandex.ru

Хуранова Лана Ахмедовна – кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы МКОУ «Гимназия № 4», Нальчик, Россия.

E-mail: lan.huran@yandex.ru

Яковлев Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, заместитель директора Центра сохранения исторического наследия и геральдики России Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: nii.region@mail.ru

Яхутль Юрий Асланбиевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия.

E-mail: a075ca@yandex.ru

Электронный журнал
«Кавказология»
Caucasology

№ 2 / 2024

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2

Подписано к изданию:
28.06.2024 г.